

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 - 1928

Professor of History

Lifelong Benefactor and

First Director of This Library

RUSSIA. MIN. NAROD.
PROSVESHCH.,

" JOURNAL "

" 1897
—
11 "

PSlav 318.10
✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
Jul 25. 1932

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
NOV 8 1972

У

РS/ав 318.10

~~РS/ав 318.10~~

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

³¹⁴
ЧАСТЬ СССХІV.

1897.

Н О Я В Р Ъ .

11.1.897

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 96.

1897.

Printed in USSR

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (22-го января 1897 года). *Объ учрежденіи при Житомирскомъ городскомъ училищѣ стипендіи Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, 22-го января 1897 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Житомирскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ стипендіи Августѣйшихъ Именъ Его Императорскаго Величества и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

При этомъ Его Величеству благоугодно было повелѣть благодарить.

2. (22-го января 1897 года). *Объ учрежденіи при Херсонской, Екатеринославской, Симферопольской и Кишиневской 1-й мужскихъ гимназіяхъ стипендій Имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, 22-го января 1897 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при мужскихъ гимназіяхъ: Херсонской, Екатеринославской, Симферопольской и Кишиневской 1-й стипендій Имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III.

При этомъ Его Величеству благоугодно было повелѣть благодарить.

3. (18-го февраля 1897 года). *Объ учрежденіи при Могилевской мужской гимназіи стипендіи Имени Императора Александра III.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 18-й день февраля 1897 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Могилевской мужской гимназіи сти-

пендіи Имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III. При этомъ Его Величеству благоугодно было повелѣть благодарить.

4. (1-го мая 1897 года). *Объ учрежденіи при Нижегородскомъ дворянскомъ Институтѣ Императора Александра II шести стипендій Имени Высочайшихъ Особъ.*

Общее собраніе дворянства Нижегородской губерніи, въ ознаменованіе посѣщенія Его Императорскимъ Величествомъ и Ея Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицею въ сопровожденіи Его Императорскаго Высочества Великаго князя Алексѣя Александровича, 18-го іюля 1896 года, дома дворянскаго собранія, ходатайствовало объ учрежденіи при Нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ Императора Александра II шести стипендій, а именно, двухъ—Имени Его Величества, двухъ—Имени Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, одной—Имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны и одной—Имени Его Императорскаго Высочества Великаго князя Алексѣя Александровича. На содержаніе вышеозначенныхъ пансіонеровъ внесено въ смѣту расходовъ Института на текущій годъ 2.400 руб. изъ суммъ, отпускаемыхъ Александровскимъ губернскимъ дворянскимъ банкомъ, на средства котораго будутъ содержаться упомянутые пансіонеры и на будущее время.

Ея Величество Государыня Императрица, по всеподданнѣйшему докладу о присвоеніи наименованія по Августѣйшему Ея Величества Имени двумъ стипендіямъ изъ числа вышеупомянутыхъ шести стипендій, Всемилостивѣйше на сіе соизволила.

Вслѣдствіе сего министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на учрежденіе означенныхъ шести стипендій.

Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія, въ 1-й день мая 1897 года, Всемилостивѣйше соизволилъ собственноручно начертать: „*Съ удовольствіемъ соглашаюсь*“.

5. (9-го іюня 1897 года). *О присвоеніи одежды воспитанниковъ Александровскаго учительскаго института въ Тифлисъ особыхъ знаковъ на фуражкѣ и воротникахъ пиджака и пальто и объ утвержденіи рисунка упомянутыхъ знаковъ.*

Министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на присвое-

ніе одеждѣ воспитанниковъ Александровскаго учительскаго института въ Тифлисѣ особыя знаковъ на фуражкѣ и воротникахъ пиджака и пальто.

Государь Императоръ, 9-го іюня 1897 года, на сіе Высочайше соизволяя, а рисунокъ означенныхъ знаковъ удостоенъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества одобренія.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(26-го сентября 1897 года). *Назначается*: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Миллеръ* — директоромъ Лаазаревскаго института восточныхъ языковъ; окружный инспекторъ Казанскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Дядовъ* — главнымъ инспекторомъ училищъ Восточной Сибири, съ 14-го сентября.

Уволяется отъ службы главный инспекторъ училищъ Восточной Сибири, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Татлинъ*—за выслугою срока, съ 14-го сентября.

(29-го сентября 1897 года). *Назначаются*: ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, докторъ древне-классической филологіи, статскій совѣтникъ *Лециусъ* — директоромъ реальнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины, въ Кіевѣ, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности; инспекторъ народныхъ училищъ, состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской, статскій совѣтникъ *Калабановскій* — директоромъ народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи; прозекторъ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Пржевоскій*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каедрѣ патологической анатоміи.

Уволяется отъ службы, согласно прошенію, инспекторъ студентовъ Императорскаго Томскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пятницкій*, съ 1-го сентября, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершій исключается изъ списковъ, директоръ Псковской гимназіи, статскій совѣтникъ *Новоселовъ*, съ 6-го сентября.

(29-го сентября 1897 года). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: директоръ Бакинской Императора Александра III мужской гимназіи *Побьдоносцевъ* съ 1-го іюля 1897 г.; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія *Сисоевъ*—съ 1-го іюня 1897 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета *Введенскій*—со 2-го іюля 1897 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по департаменту народнаго просвѣщенія, дѣлопроизводителю VIII класса: *Смирновъ*—съ 24-го апрѣля 1897 г.; *Селивановъ*—съ 30-го іюня 1888 г.; *Сърковъ*—съ 11-го апрѣля 1897 г. и *Казанскій*—съ 11-го марта 1897 г.; помощникъ бухгалтера *Янковскій*—съ 24-го марта 1897 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по департаменту народнаго просвѣщенія, помощники дѣлопроизводителя: *Орловъ*—съ 1-го мая 1897 г. и особаго отдѣленія по завѣдыванію промышленными училищами *Мураковъ*—съ 17-го апрѣля 1897 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по департаменту народнаго просвѣщенія, помощники дѣлопроизводителя: *Алекстевъ* и *Вележевъ*—оба—съ 10-го мая 1897 г.. *Герцинъ*—съ 6-го мая 1897 года и *Соловьевъ*—съ 10-го мая 1897 г.; канцелярскій чиновникъ *Хрионовичъ*—съ 10-го мая 1897 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, по департаменту народнаго просвѣщенія, канцелярскій служитель—*Горскій*—съ 18-го мая 1897 года.

(7-го октября 1897 года). *Утверждается* въ чинѣ, со старшинствомъ, *коллежскаго секретаря*, ректоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Земеръ*—съ 1-го октября 1874 г., по степени кандидата Императорскаго университета.

По С.-Петербургскому учебному округу.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи *Тихвинскій* и преподаватель Новгородскаго реальнаго училища *Дядовъ*, оба—съ 1-го января 1897 г.; воспитатель при пансіонѣ С.-Петербургской 3-й гимназіи *Базаровъ*—съ 17-го апрѣля 1897 г.; преподаватель Архангельской гимназіи *Ермохинъ*—съ 1-го августа 1896 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Олонецкой губерніи *Суморинъ*—съ 11-го сентября 1895 г.; преподаватель технологическаго иститута Императора Николая I *Терешинъ*—съ 12-го апрѣля 1897 г.; врачъ

С.-Петербургскаго Вознесенскаго городскаго училища *Зворыкинъ*—съ 23-го октября 1896 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: преподаватели гимназій: Александровской Гельсингфорской, *Макаръевскій*, С.-Петербургской 7-й, *Реха*, оба — съ 1-го августа 1896 г., Архангельской: *Кизель*—съ 3-го марта 1894 г. и *Мазюкевичъ* — съ 1-го августа 1895 г., реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго 2-го: *Быстровъ* — съ 1-го іюля 1896 г., (сверхштатные) *Маттей* — съ 1-го ноября 1896 г. и *Ильинскій* — съ 1-го сентября 1896 г., Новгородскаго, *Маленьковъ* и врачъ С.-Петербургской 7-й гимназій *Хетагуровъ*, оба—съ 1-го августа 1895 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Архангельской гимназій *Левлеовъ*—съ 1-го декабря 1896 г.; учитель Островскаго городскаго училища *Боченковъ*—съ 15-го февраля 1897 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: преподаватель Маринской Гельсингфорской женской гимназій *Соколовичъ*—съ 24-го января 1897 г.; почетный смотритель Новоржевскаго городскаго училища *Поляковъ*—съ 12-го апрѣля 1895 г.; учителя городскихъ училищъ: Устюжскаго, *Копыловъ*—съ 13-го октября 1894 г. и Опочецкаго, *Скоковъ* — съ 1-го іюля 1894 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные советники*: помощникъ классныхъ наставниковъ Вологодскаго реального училища *Устиновъ* — съ 5-го сентября 1895 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, помощникъ классныхъ наставниковъ Новгородскаго реального училища *Болонинъ* — съ 26-го мая 1893 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учителя городскихъ приходскихъ училищъ: Псковскаго, *Чистовскій*—съ 13-го іюня 1894 г., Холмскаго: *Сукневъ* и *Захаровъ*, оба — съ 28-го апрѣля 1897 г.; домашній учитель *Хворовъ*—съ 1-го августа 1894 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя приходскихъ училищъ: Холмскаго *Концевой*—съ 1-го января 1897 г. и Мезенскаго, *Васильевъ*—съ 4-го марта 1897 года.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: преподаватели реальныхъ училищъ: Вологодскаго, *Беккеръ*—съ 11-го ноября 1892 г. и Новгородскаго, *Финтеръ* — съ 25-го апрѣля 1893 г.; *титулярнаю советника*, врачъ Мало-Вишерскаго городскаго училища *Кохъ*—съ 15-го сентября 1892 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*, лаборантъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Гершуинъ* — съ 1-го сентября 1893 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета; *коллежскаго регистратора*: домашніе учителя: *Владиміровъ* — съ 28-го февраля 1897 г., *Лопатинъ*—съ 1-го апрѣля 1897 г. и *Рябо*—съ 16-го мая 1897 года.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (18-го апрѣля 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени предсѣдателя Московскаго коммерческаго суда Александра Ивановича Вицына при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго Московскому университету присяжными повѣренными Округа Московской судебной палаты, состоящими присяжными стряпчими Московскаго коммерческаго суда и присяжными стряпчими онаго суда и заключающагося въ трехъ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты на *три тысячи* рублей, учреждается при университетѣ для студентовъ юридическаго факультета одна стипендія имени предсѣдателя Московскаго коммерческаго суда Александра Ивановича Вицына, въ ознаменованіе его 40-лѣтней научной и служебной дѣятельности.

§ 2. Годовой размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала за годъ за вычетомъ изъ оныхъ государственнаго налога.

§ 3. Какъ при назначеніи стипендіи, такъ и при производствѣ и прекращеніи выдачи ей стипендіату соблюдаются общія существующія въ университетахъ правила назначенія стипендій и пособій студентамъ.

§ 4. Основной стипендіальный капиталъ можетъ быть увеличенъ дальнѣйшими на сей предметъ взносами частныхъ лицъ и учреждений.

§ 5. Могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендіи или по какому либо случаю остатки отъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала присоединяются къ самому капиталу для увеличенія, впоследствии, размѣра стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (27-го іюля 1897 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени коллежскаго совѣтника Фридриха фонъ-Зецена при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *тестнадцать тысячъ сто двадцать пять* металлическихъ рублей, завѣщаннаго вдовою коллежскаго совѣтника Лунзою Амалією фонъ-Зеценъ, урожденною фонъ-Зеценъ,

учреждаются при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ стипендіи имени умершаго мужа ея, коллежскаго совѣтника Фридриха фонъ-Зецена.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ консолидированныхъ Россійскихъ 4^о/_о желѣзнодорожныхъ облигаціяхъ на 16.125 металлическихъ рублей, хранится въ Юрьевскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ, по закону 20-го мая 1885 г., государственнаго 5^о/_о сбора, выдаются въ стипендіи бѣднымъ, но дѣльнымъ и старательнымъ студентамъ университета изъ уроженцевъ города Риги, причемъ студенты, имѣющіе фамильное имя Зеценъ, при равенствѣ указанныхъ въ положеніи условий, имѣютъ преимущественное право на полученіе этихъ стипендій.

§ 4. Управление стипендіальнымъ капиталомъ, выборъ стипендіатовъ и назначеніе размѣра стипендій предоставляется Правленію университета. Въ случаѣ равенства голосовъ членовъ Правленія университета при назначеніи размѣра стипендій и при выборѣ стипендіатовъ, дѣло разрѣшается по жребію.

§ 5. Стипендіаты могутъ пользоваться назначенными имъ стипендіями лишь въ теченіе девяти семестровъ, причемъ они, какъ для полученія стипендій, такъ и для дальнѣйшаго пользованія оными, своевременно, въ началѣ каждаго семестра, должны представлять Правленію университета свидѣтельство въ томъ, что въ предшествовавшемъ семестрѣ они съ весьма хорошимъ успѣхомъ выдержали установленныя семестральныя испытанія по прослушаннымъ ими предметамъ этого семестра или замѣняющія оныя другія испытанія. Въ случаѣ несвоевременнаго исполненія сего, стипендіаты лишаются права на дальнѣйшее пользованіе стипендіями, за исключеніемъ лишь того случая, когда во вниманіе къ особо-важнымъ обстоятельствамъ, именно по причинѣ долговременной болѣзни, подлежащимъ факультетомъ, при одновременномъ увѣдомленіи о томъ Правленія университета, стипендіату дана будетъ отсрочка для исполненія означеннаго требованія.

§ 6. Могушіе образоваться отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки обращаются въ процентныя бумаги для увеличенія этого капитала.

§ 7. Пользованіе стипендіями не палагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

3. (20-го сентября 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Анатоля Гавриловича Баталина при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ семь тысячъ пятьсотъ рублей, пожертвованнаго университету св. Владиміра дворяниномъ Викторомъ Гавриловичемъ Баталинымъ, учреждается на медицинскомъ факультетѣ университета одна стипендія имени покойнаго брата жертвователя тайнаго совѣтника Анатоля Гавриловича Баталина.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся нынѣ въ наличныхъ деньгахъ, долженъ быть обращенъ въ государственныя процентныя бумаги и храниться въ Киевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ фондомъ для означенной стипендіи.

§ 3. Годовой размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ процентныхъ денегъ, ежегодно получаемыхъ съ стипендіальнаго капитала, по вычетѣ изъ нихъ государственнаго налога.

§ 4. Стипендіатами имени Баталина могутъ быть только бѣдные уроженцы Черниговской или Полтавской губерніи, православнаго вѣроисповѣданія, причѣмъ преимущество въ замѣщеніи стипендіи должно быть отдаваемо уроженцамъ Переяславскаго уѣзда.

§ 5. Избраніе стипендіата производится Правленіемъ университета на основаніи общихъ правилъ о назначеніи стипендій и пособій студентамъ университетовъ.

§ 6. Могушіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендіи остатки отъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала обращаются въ процентныя бумаги для увеличенія, изъ процентовъ съ нихъ, размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей имени Баталина не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

4. (5-го октября 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени действительнаго статскаго совѣтника Лазаря Соломоновича Полякова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ пожертвованнаго Императорскому Московскому университету капитала въ восемь тысячъ рублей, собраннаго служащими въ Московскомъ Земельномъ Банкѣ по добровольной

подпискѣ, учреждается при упомянутомъ университетѣ одна стипендія имени „дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лазаря Соломоновича Полякова“, по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія нахождения его представителемъ означеннаго Банка.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, долженъ храниться въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала за годъ, за вычетомъ 5% государственнаго налога.

§ 4. Выборъ лица для полученія стипендіи предоставляется Л. С. Полякову по соглашенію съ правленіемъ университета, а по смерти Л. С. Полякова,—соглашенію Правленія университета съ тѣмъ лицомъ, которое будетъ избрано самимъ Поляковымъ. Если же распоряженія имъ при жизни сдѣлано не будетъ, то назначеніе стипендіата переходитъ на тѣхъ же основаніяхъ въ вѣдѣніе старшаго изъ потомковъ Полякова.

§ 5. Стипендіатъ сохраняетъ за собою право на полученіе стипендіи до окончанія имъ экзаменовъ въ ближайшей, по времени выпуска его изъ университета, испытательной комиссіи.

§ 6. Могущіе образоваться, по какимъ либо причинамъ, остатки отъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала должны быть присоединяемы къ самому капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи на счетъ процентовъ съ возросшаго капитала.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Курсъ ботаники. Руководство для реальныхъ училищъ. Составилъ *Е. Жадовскій*. Часть I (стр. 4+17+313+VI) и II (стр. 229). Изданіе К. Тихомирова. М. 1897. Цѣна 1-й части 1 руб. 25 коп., 2-й части 1 руб.“—допустить 1-ю часть для приобрѣтенія

въ ученическія бібліотеки реальныхъ училищъ, II-ю же часть допустить въ качествѣ учебнаго руководства для IV, V и VII классовъ реальныхъ училищъ, но съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи этой книги она была исправлена по указаніямъ ученаго комитета.

— Книгу: „*Ч. Вятринскій (Вас. Е. Чешихинъ)*. Т. Н. Грановскій и его время. Историческій очеркъ. М. 1897. Стр. XV + 319. Цѣна 1 руб. 60 коп.“ — допустить въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Table de triangulaires de 1 à 100.000 suivie d'une table de réciproques des nombres, à cinq chiffres, de 1 à 100.000 et d'une table de sinus et tangentes naturels variant de 30" en 30", de 0° à 90° avec texte explicatif, par A. Arnaudeau, ancien élève de l'École Polytechnique, membre agrégé de l'Institut des actuaire français, membre de la Société de Statistique de Paris. Paris. 1896.*“ — рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ и для учительскихъ бібліотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Изданія: „1) Таблицы для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей. Составилъ *С. Дыбульскій*. Таб. X. Греческій домъ. С.-Пб. 1895. Изданіе торговаго дома Н. Фену и К°. Цѣна 2 руб.—2) Греческій домъ. Объяснительный текстъ къ X-й „Таблицъ для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей“. Составилъ *С. Дыбульскій*, учитель Императорской Николаевской Царскосельской гимназій. Съ рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1896. Изданіе торговаго дома Н. Фену и К°. Стр. 20. Цѣна 10 коп.“ — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „*Борисъ Корженевскій*. По Востоку. Путевые очерки и картины въ трехъ частяхъ, съ 117 иллюстраціями. М. 1897. Стр. 423. Цѣна 2 руб. 75 коп.“ — одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, бібліотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ бібліотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, а также для учительскихъ бібліотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читалень.

— Книгу: „Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1890 года. Выпускъ первый. Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Связный текстъ, непосредственно примыкающій къ латинскому тексту, читаемому въ классѣ. Пособіе для учениковъ V и VI классовъ гимназій и про-

гимназій. Составилъ *Л. Горкевичъ*, преподаватель древнихъ языковъ. Изданіе 2-е, исправленное. Харьковъ. 1895. Стр. IV+43. Цѣна 45 коп.—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособия для V и VI классовъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Курсъ практической педагогикѣ съ рисунками въ текстѣ. Для учительскихъ семинарій, народныхъ учителей и вообще лицъ, занимающихся первоначальнымъ воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей въ школахъ и дома. Составилъ *С. А. Бобровскій*. Изданіе 5-е, исправленное и сокращенное согласно указаніямъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова. М. 1896. Цѣна 1 руб. Стр. XV+288“ — допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книжку: „Профессоръ *А. А. Царевскій*. Счастье человѣческое и его источники. Казань, 1897. Стр. 38. Цѣна 35 коп.“—допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Профессоръ *А. А. Царевскій*. Идеализмъ, какъ настоящая потребность нашего времени, и поэзія, какъ средство къ подъему идеализма. Казань. 1897. Стр. 61. Цѣна 45 коп.“ — допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Составленныя *В. Покровскимъ* книги: 1) „Систематическій диктантъ для среднеучебныхъ заведеній, городскихъ и начальныхъ училищъ. Часть I. Этимологія. Правописаніе согласно съ руководствомъ Грота. Изданіе третье, исправленное и дополненное. М. 1897. Стр. XIII+163. Цѣна 40 коп.“—2) „Систематическій диктантъ. Часть II. Синтаксисъ. Изданіе второе, дополненное. М. 1897. Стр. XI+256. Цѣна 60 коп.“—3) „Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія. М. 1896. Стр. V+33. Цѣна 20 коп.“—и 4) „Справочный орфографическій словарь. Пособіе для учащихся. М. 1897. Стр. 126. Цѣна въ папкѣ 30 коп.“ — одобрить: первую—для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ городскихъ и начальныхъ училищъ; вторую и третью—для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а четвертую—для ученическихъ библіотекъ какъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и городскихъ и начальныхъ училищъ.

— Книгу: „Правила русскаго правописанія въ связи съ примѣрами для послѣдовательнаго списыванія съ книги и классныхъ орфографическихъ упражненій. Составилъ по „Русскому правописанію“ академика *Я. К. Грота С. Бляовъ-ценскій*, преподаватель Калужской гимназіи. Калуга. 1896. Стр. II+159. Цѣна 60 коп.“ — допу-

ститъ въ ученическія, младшаго и средняго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „О періодахъ. Для IV класса гимназій и прогимназій. Составилъ *И. А. Поликартовъ*, преподаватель Ржевской шестиклассной прогимназіи. Ржевъ. 1897. Стр. 87 (in 16°). Цѣна 40 коп.— одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для IV класса гимназій и прогимназій съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книжка была исправлена по замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Книгу: „Басни *И. А. Крылова* съ приложеніемъ портрета автора, его біографіи, написанной *П. А. Плетневымъ*, примѣчаній, составленныхъ по *В. О. Кеневичу*, и пяти этюдовъ о басняхъ Крылова *П. Смирновскаго*. С.-Пб. 1897. Стр. 332. Цѣна 1 руб.“—рекомендовать въ качествѣ пособія при изученіи басенъ Крылова въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для ученическихъ бібліотекъ этихъ заведеній, а также для учительскихъ бібліотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читаленъ.

— Книгу: „Учебникъ Священной исторіи Новаго Завѣта. Составилъ священникъ *Михаилъ Швейскій* Изданіе Товарищества *И. Д. Сытина*. М. 1897. Стр. VIII + 223. Цѣна 50 коп.“—допустить въ фундаментальныя бібліотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ учительскія бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, а равно и низшихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Изъ жизни великихъ избранниковъ Божіихъ. Свѣточи христіанства. Сочиненіе *М. Хитрова*. М. 1897. Изданіе Товарищества *И. Д. Сытина*. Стр. 200. Цѣна 40 коп.“—одобрить для ученическихъ бібліотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читаленъ.

— Книжку: „Профессора *Пуше*. Жизнь земли. Перевелъ и дополнилъ *Н. Ляминъ*. (Съ 30 рисунками). Изданіе *П. П. Сойкина*. („Полезная бібліотека“). С.-Пб. 1894. Стр. 164, въ 16-ю д. л. Цѣна 50 коп.“—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, бібліотекъ реальныхъ училищъ и для ученическихъ бібліотекъ учительскихъ институтовъ, а также для бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читаленъ.

— Книжку: „*Ө. Песковъ*. Рыболовъ-любитель. (Жизнь, ловля и разведеніе прѣсповодныхъ рыбъ). Общедоступное практическое руководство. (Съ 69 рисунками). Изданіе *П. П. Сойкина*. С.-Пб. 1894. Стр. 186+VI, въ 16-ю д. л. Цѣна 50 коп.“—одобрить для учени-

ческихъ, старшаго и средняго возраста, библиотекъ мужскихъ средне-учебныхъ заведеній, а также и городскихъ училищъ, и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Книжку: „*Ив. Святскій*. Пѣвчія птицы. (Съ 21 рисункомъ). С.-Пб. 1896. Изданіе П. П. Сойкина. Стр. 238. Цѣна 50 коп.“— допустить въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, а также въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни, по съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе книжки было напечатано болѣе четкимъ шрифтомъ.

— Книжку: „*Ив. Святскій*. Драгоценныя камни. (Съ 38 рисунками). С.-Пб. 1895. Изданіе П. П. Сойкина. Стр. 181. Цѣна 50 коп.“— допустить въ ученическія библиотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а также въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни, по съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе этой книжки было напечатано болѣе четкимъ шрифтомъ.

— Книжку: „*К. Келлеръ*. Жизнь моря. Переводъ *Вл. Шацкого*, подъ редакціею доктора геологіи *А. М. Никольскаго*. Часть 1-я и 2-я; цѣна каждой части 50 коп. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1896. Стр. 208+184“— допустить въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, а также въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи эта книжка была напечатана болѣе четкимъ шрифтомъ.

— Книжку: „*Ө. Медведевъ*. Чудеса растительнаго міра. (Съ 30 рисунками). С.-Пб. 1895. Изданіе П. П. Сойкина. Стр. 147. Цѣна 50 коп.“— допустить въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книгу: „Матеріалы для исторіи военнаго искусства въ Россіи. Петръ Великій. Война въ Финляндіи въ 1712—1714 годахъ. Генеральнаго штаба полковникъ *А. З. Мышлаевскій*. С.-Пб. 1896. Цѣна 5 руб. Стр. VIII+XVIII+475+154+XIII. Съ 25 картами и чертежами“— одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: „Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе 10-е. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній *Н. Тихонравова* и *В. Шенрокомъ*. Томы VI и VII. М. и С.-Пб. 1896. Изданіе А. Маркса. Стр. VIII+832 и V+

1089. Цѣна 3 руб. и 3 руб. 50 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить, наравнѣ съ другими изданіями сочиненій Гоголя, въ ученическія библиотеки означенныхъ заведеній.

— Книгу: „Титъ Ливій. Римская исторія отъ основанія города. Переводъ съ латинскаго подъ редакціей П. Адрианова. Томъ IV. Книги XXVI—XXX. Изданіе наследниковъ А. Г. Кузнецова. М. 1897. Цѣна 1 руб. 50 коп. Стр. 411“—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Г. Клейнъ. Астрономическіе вечера. Очерки изъ исторіи астрономіи. Солнечный міръ. звѣзды, туманности. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1897. Цѣна 2 руб. Стр. 507“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Димитрій Кайгородовъ. Лепестки. Разказы, очерки и картинки. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1896. Стр. 141. Цѣна не обозначена. (Посвящена Ея Императорскому Высочеству Великой Княжнѣ Ольгѣ Александровнѣ)“—рекомендовать для ученическихъ, младшаго возраста, библиотекъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ среднеучебныхъ заведеній.

— Книгу: „Разказы для дѣтей Р. Киплинга. Книжка вторая. Съ англійскаго А. Рождественской. Съ рисунками. М. 1897. Стр. 125. Цѣна 40 коп.“—допустить въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Исторія русской педагогіи, М. И. Демкова. Часть II. Новая русская педагогія. (XVIII вѣкъ). Изданіе автора. С.-Пб. 1897. Стр. IV+691. Цѣна 4 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „У. Хэдсонъ. Натуралистъ на Ла-Платѣ. Переводъ съ 3-го англійскаго изданія. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1897. Часть I—180 стр., 15 рисунковъ, II—198 стр. 11 рисунковъ. Цѣна каждой части 50 коп.“—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читалень.

— Книгу: „Précis d'histoire de littérature française pendant la première moitié du XIX-e siècle par A. Nalis, lecteur en langue française à l'Université Impériale de Saint-Wladimir. Kiew. 1895. Стр. 260. Цѣна 1 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Изданіе: „Школьный ботаническій атласъ. А. Генкеля. С.-Пб. Изданіе подвижнаго музея учебныхъ пособій Императорскаго Русскаго технического общества. Выпускъ I. Морфологія растений. 14 стѣнныхъ таблицъ. Цѣна 4 руб.“—допустить въ видѣ класснаго пособия при преподаваніи ботаники въ реальныхъ училищахъ, но съ тѣмъ, чтобы было приложено къ нему оглавленіе всѣхъ фигуръ, изображенныхъ на таблицахъ, съ указаніемъ того, что обозначаютъ находящіяся на нихъ фигуры.

— Книги: „А. Круловъ. Литература „маленькаго народа“. Критико-педагогическія бесѣды по вопросамъ дѣтской литературы. Выпуски I (стр. IV+195) и II (стр. IV+235). М. 1897. Цѣна по 85 коп. за выпускъ“—допустить въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ библиотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книгу: „Нѣмецкая хрестоматія. Часть II. Составилъ Ѳ. Ѳ. Леконскій. Рига. 1897. Стр. VII+194. Цѣна 60 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи нѣмецкаго языка въ начальныхъ училищахъ и въ среднихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, въ которыхъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книгу: „Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской въ разказахъ изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣтовъ протоіерея Дмитрія Соколова. Въ двухъ частяхъ. Изданіе шестое исправленное. С.-Пб. 1896. Стр. VI+V+211+IV+260. Цѣна 1 руб.“—допустить въ учебныя библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Проективная геометрія. Сочиненіе М. И. Ващенко-Захарченко, ординарнаго профессора Императорскаго университета Св. Владимира. Кіевъ. 1897. Стр. II+VIII+383. Цѣна 3 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ гимназій, реальныхъ училищъ и среднихъ техническихъ училищъ.

— Книги, подъ общимъ заглавіемъ: „Краткій учебникъ географіи Н. Раевскаго, директора Второго Петербургскаго реальнаго училища“:

1) „Часть I. Описаніе земнаго шара. Съ 37 политипажами, 20 табли-

цами рисунковъ и 3-мя раскрашенными картами. Изданіе седьмое. С.-Пб. 1897. Стр. 55. Цѣна 50 коп.“—2) „Часть II. Вѣввропейскія страны. Съ 58 политипажамъ, 15 таблицами рисунковъ и 5-ю раскрашенными картами. Изданіе шестое. С.-Пб. 1897. Стр. 94. Цѣна 65 коп.“—3) „Часть III. Западная Европа. Съ 9-ю раскрашенными картами, 39 политипажамъ въ текстѣ и 26 таблицами рисунковъ въ приложеніи. Изданіе шестое. С.-Пб. 1897. Стр. 95. Цѣна 65 коп.“—одобрить въ видѣ руководства для гимназій, мужскихъ и женскихъ, для реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

Опредѣленіемъ Ученаго Комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „*В. В. Латышевъ*. „Очеркъ греческихъ древностей. Пособіе для гимназистовъ старшихъ классовъ и для начинающихъ филологовъ. Часть I. Государственныя и военныя древности. Изданіе 3-е, пересмотрѣнное *А. Н. Щукаревымъ*. С.-Пб. 1897. Стр. X+373. Цѣна 1 руб. 50 коп.“—рекомендовать въ качествѣ весьма полезнаго и даже необходимаго пособія по греческому языку и по древней истори въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Родная нива. Хрестоматія для II и III классовъ среднеучебныхъ заведеній (VI и V — В. У. И. М.) и 2 классовъ приходскихъ училищъ. Часть I. Составила *М. А. Гусева*, образцовая преподавательница русскаго языка въ прогимназій при педагогическихъ курсахъ. С.-Пб. 1897. Стр. X+311. Цѣна 80 коп.“—одобрить къ употребленію въ низшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній, а также въ городскихъ, уѣздныхъ и двухклассныхъ начальныхъ училищахъ.

— Книжку: „Географія Владимирской губерніи. Курсъ родиновѣдѣнія. Руководство къ изученію Владимирской губерніи. Составилъ *И. С. Смирновъ*. Владимиръ. 1896. Стр. 151“—допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній Владимирской и сосѣднихъ съ нею губерній, а также въ бесплатныя народныя читальни.

— Брошюру: „Святѣйшій апостолъ и первомученикъ архидіакопъ Стефанъ. Составлено свящ. *І. Бухаревымъ*. М. 1896. Стр. 32. Цѣна не обозначена“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: „Практическіе совѣты воспитанникамъ и воспитанницамъ, окончившимъ курсъ въ церковно-приходскихъ и сельскихъ школахъ. Составилъ *Иванъ Сперанскій*. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Смоленскъ. 1896. Стр. 156 + IV. Цѣна 20 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „*А. В. Кружовъ*. Изъ золотого дѣтства. Повѣсть въ 2 частяхъ, съ 42 рисунками. М. 1897. Стр. 136. Цѣна въ панкѣ 1 рубль“ — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „Грамматика съ письменными работами для начальныхъ училищъ. Составилъ учитель *И. С. Виноградовъ*. 6-е исправленное изданіе. М. 1895. Стр. VIII + 255. Цѣна 25 коп.“ — допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ.

— Брошюрку: „*А. В. Кружовъ*. Божій человекъ. Разказъ съ 5-ю рисунками. № 19. Москва. Изданіе 2-е книгопродавца М. В. Клюкина. 1897. Стр. 40. Цѣна 10 коп.“ — одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ, бесплатныхъ библіотекъ и читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Изданіе: „Вешніе всходы. Первая послѣ азбуки книга для чтенія и бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій въ школѣ и въ семьѣ. Составилъ *Д. И. Тихомировъ*. Изданіе 9-е. М. 1897. Стр. 154 + III. Цѣна 30 коп.—Тоже. Вторая книга. Изданіе 9-е. М. 1897. Стр. VI + 245. Цѣна 40 коп.“—допустить къ употребленію въ низшихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— 3-го минувшаго сентября въ присутствіи преосвященнѣйшаго Александра, епископа Полоцкаго и Витебскаго, представителей города Витебска, начальниковъ мѣстныхъ учрежденій, почетныхъ гостей и родителей учащихя состоялось освященіе и торжественное открытіе Витебскаго четырехкласснаго городского училища по положенію 31-го

мая 1872 года, преобразованнаго изъ двухкласснаго уѣзднаго. Къ приемнымъ экзаменамъ явилось 402 человѣка. Изъ нихъ принято 160, что составляетъ вмѣстѣ съ 60-ю, переведенными изъ уѣзднаго училища, 220 человѣкъ.

— По донесенію г. управляющаго Московскимъ учебнымъ округомъ, 4-го минувшаго сентября состоялось открытіе двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія, учрежденнаго близъ села *Середи Утиной*, Нерехтскаго уѣзда, Костромской губерніи, при 103 учащихся.

— По донесенію г. управляющаго Московскимъ учебнымъ округомъ, 8-го минувшаго сентября послѣдовало открытіе въ селѣ *Тезинь*, Кинешемскаго уѣзда, Костромской губерніи, при фабриктъ Высочайше утвержденнаго товарищества мануфактуры г. Разоренова и И. Кокорева, двухкласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, при 116 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, 8-го минувшаго сентября на станціи *Ковель* Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ открыто двухклассное сельское училище министерства народнаго просвѣщенія, при 110 учащихся.

— По донесенію г. управляющаго Оренбургскимъ учебнымъ округомъ, 9-го минувшаго сентября въ *Зизантскомъ* заводѣ гг. Шаповыхъ и К°, Верхнеуральскаго уѣзда, Оренбургской губерніи, открыто одноклассное начальное училище, при 64 учащихся.

— 11-го сентября сего года въ городѣ Асхабадѣ послѣ торжественнаго молебствія открыто Маринское женское училище; въ текущемъ году поступили въ училище 92 дѣвочки.

— По донесенію г. управляющаго Московскимъ учебнымъ округомъ, 16-го минувшаго сентября открыто *Сильковичское* двухклассное министерства народнаго просвѣщенія училище, Мосальскаго уѣзда, Калужской губерніи, при 102 учащихся.

— По донесенію г. управляющаго Оренбургскимъ учебнымъ округомъ, 16-го минувшаго сентября послѣдовало въ гор. *Уфѣ* открытіе 9-го приходскаго однокласснаго училища, при 86 учащихся.

— По донесенію г. управляющаго Оренбургскимъ учебнымъ округомъ, 21-го минувшаго сентября состоялось преобразование *Тамлиножа* сельскаго однокласснаго начальнаго училища, Оренбургскаго уѣзда, въ двухклассное министерства народнаго просвѣщенія, при 142 учащихся.

— 21-го минувшаго сентября послѣ благодарственнаго молебствія съ возгласеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, въ присутствіи попечителя Казанскаго учебнаго округа, мѣстныхъ чиновъ учебнаго вѣдомства, представителей гражданскихъ и военнаго вѣдомствъ, а также и представителей города послѣдовало открытіе въ городѣ Саратовѣ 2-й мужской гимназіи во временномъ помѣщеніи, отведенномъ городскимъ обществомъ.

По распоряженію министерства народнаго просвѣщенія напечатаны, между прочими, слѣдующія изданія.

Учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Справочная книга, составленная по официальнымъ свѣдѣніямъ къ 1-му января 1895 года, съ приложеніемъ двухъ картъ. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Каталогъ книгъ для употребленія въ высшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и для публичныхъ народныхъ чтеній. 1897. Цѣна 20 коп.

Каталогъ книгъ и періодическихъ изданій для бесплатныхъ народныхъ чтеній. Изд. 2-е, дополненное, 1897. Цѣна 25 коп.

Опытъ каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Изд. 2-е, исправленное. 1896. Цѣна 20 коп.

Первое дополненіе къ „Опыту каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія“. 1897. Цѣна 20 коп.

Примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. (Утверждены г. министромъ 7-го февраля 1897 года). Цѣна 5 коп.

Учебные планы и примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія (Утвержд. 20-го іюля 1890 г.). Цѣна 35 коп.

Учебные планы и примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія. (Утвержд. 26-го іюля 1895 г.). Цѣна 30 коп.

Учебные планы и программы предметовъ учебнаго курса ремесленныхъ училищъ. (Утвержд. 19-го декабря 1890 г. Цѣна 20 коп.

Учебные планы и программы предметовъ, преподаваемыхъ въ высшихъ механико-техническихъ училищахъ. (Утвержд. 10-го ноября 1893 г.). Цѣна 20 коп.

Учебные планы и программы предметов. преподаваемых въ низшихъ химико-техническихъ училищахъ. (Утвержд. 20-го іюня 1891 г.). Цѣна 20 коп.

Учебные планы, программы и объяснительныя къ нимъ записки для среднихъ химико-техническихъ училищъ. (Утвержд. 20-го іюня 1891 г.). Цѣна 20 коп.

Программы для руководства при преподаваніи въ мореходныхъ классахъ и при производствѣ экзаменовъ на мореходныя званія въ испытательныхъ комиссіяхъ. Цѣна 10 коп.

Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Томъ I (отъ 1802 до 1825 г.). Цѣна 2 руб. 50 коп.—Томъ II, отд. 1 (1825—1839). Цѣна 2 руб. 25 коп.—Томъ II, отд. 2 (1840—1855). Цѣна 2 руб. 25 коп.—Томъ III (1855—1864). Цѣна 2 руб. 20 коп.—Томъ IV (1865—1870). Цѣна 2 руб. 10 коп.—Томъ V (1871—1873). Цѣна 3 руб.—Томъ VI (1874—1876). Цѣна 3 руб.—Томъ VII (1877—1881). Цѣна 3 руб.—Томъ VIII (1881—1883). Цѣна 3 руб.—Томъ IX (1884). Цѣна 3 руб.—Томъ X (1885—1888). Цѣна 3 руб.—Томъ XI (1889—1890). Цѣна 3 руб.—Томъ XII (1891—1893). Цѣна 3 руб.

Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія. Томъ I (отъ 1802 до 1834 г.). Цѣна 1 руб. 30 коп.—Томъ II (1835—1849). Цѣна 1 руб. 50 коп.—Томъ III (1850—1864). Цѣна 1 руб. 50 коп.—Томъ IV (1865—1870). Цѣна 1 руб. 50 коп.—Томъ V (1871—1873). Цѣна 2 руб.

Алфавитный указатель къ Сборнику постановленій (1802—1881). Цѣна 1 руб.

Алфавитный указатель къ Сборнику распоряженій (1803—1864). Цѣна 35 коп.

Сборникъ матеріаловъ по техническому и профессиональному образованію. Въ четырехъ выпускахъ. Цѣна каждому выпуску 1 руб.—*Выпускъ I.* Часть 1. Узаконенія, касающіяся технического и профессиональнаго образованія. Часть 2. Распоряженія министерства народнаго просвѣщенія, касающіяся технического и профессиональнаго образованія.—*Выпускъ II.* Общій планъ промышленнаго образованія и матеріалы по организаціи и устройству промышленныхъ училищъ различныхъ типовъ.—*Выпускъ III.* Свѣдѣнія о техническихъ училищахъ и о состояніи профессиональнаго образованія за границею.—*Выпускъ IV.* Часть 1. Свѣдѣнія о специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Часть 2. Свѣдѣнія

о ремесленныхъ классахъ при начальныхъ одноклассныхъ и двухклассныхъ сельскихъ, уѣздныхъ и городскихъ по Положенію 1872 года училищахъ, о ручномъ трудѣ в мореходныхъ классахъ.

Книги эти могутъ быть приобрѣтаемы въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ: Глазунова (Садовая, 20). Суворина (Невскій 38). Фену (Невскій, 40), Морева (Невскій, 106) и Карбасникова (Литейный, 46).

ЕВСТАХІЙ ИЗЪ МАТЕРЫ (ИЛИ ВЕНОЗЫ) И ЕГО PLANCTUS ITALIAE.

(И. В. Помяловскому къ 14-го декабря 1897 г.).

I.

Въ своихъ Генеалогіяхъ боговъ (VII, 41) Боккаччо передаетъ одну изъ многихъ легендъ, которыя должны были отвѣтить на вопросъ: откуда пошло то или другое названіе, учрежденіе, обычай и тому подобное? Отвѣчали на это мѣстные, но и типическіе, повторяющіеся мифы; въ Италіи, гдѣ классическое преданіе было живо, школа овладѣла его мифологическимъ схематизмомъ, и явился цѣлый рядъ сказаній, не традиціонныхъ, а школьныхъ, объясняющихъ, на примѣръ, названіе какой-нибудь мѣстности или города, съ обязательнымъ героемъ эпоса и соотвѣтствующею мнимо-историческою сказкой.

Паоло изъ Перуджіи разказалъ Боккаччо, со словъ какого-то (nescio quem) Евстахія, такую сказку: въ царствованіе Спарета у Ассирійцевъ Эриданъ, Фаэтонъ то-жъ, сынъ египетскаго Солнца, спустился со своими людьми по Нилу и прибылъ, при попутномъ вѣтрѣ, въ заливъ, который мы зовемъ лигурийскимъ. Сойдя послѣ долгаго, утомительнаго плаванія на берегъ и направившись, по уговору своихъ, внутрь страны, онъ оставилъ одного изъ спутниковъ, Генуина, ослабѣвшаго отъ морской болѣзни, и съ нимъ часть людей, въ качествѣ стражей при корабляхъ. Въ союзѣ съ мѣстными дикими племенами Генуинъ построилъ городъ, который назвалъ, по своему имени, Генуей; Эриданъ-же, перейдя горы, вступилъ въ обширную, плодосную равнину и, въ надеждѣ смягчить грубые и жестокіе

правы туземцевъ, поселился у По. Судя по словамъ Паоло, Евстахій былъ того мнѣнія, что Туринъ построенъ Эриданомъ и названъ въ началѣ его именемъ. Тамъ онъ царствовалъ нѣкоторое время, пока не утонулъ въ По, названномъ оттого Эриданомъ, оставивъ сына Лигура ¹⁾.

Сказка о Генуинѣ и построеніи Генуи побудила меня увидѣть въ неизвѣстномъ Боккаччо Евстахін—итальянца и сблизить его съ тѣмъ Евстахіемъ, о которомъ говоритъ Діонисій изъ *Borgo San Sepolcro* въ отчетѣ объ источникахъ своего комментарія къ Валерію Максиму ²⁾. Я привелъ соответствующее указаніе по ркп. библиотеки св. Марка въ Венеціи (Zan. lat. DXXVI), справляясь съ ркп. CLXXVII вѣнской библиотеки по описанію Эндлихера. Съ тѣхъ поръ я имѣлъ случай лично познакомиться съ этимъ спискомъ комментариевъ и могу на первыхъ же порахъ исправить сообщенное мною чтеніе: Діонисій называетъ *Eustachium* (*Eustrachium*) *Venusinum*, qui sub nomine *poëtae* introducitur et *Plantus* (не *Plautus*, какъ у меня и у Эндлихера *Italiae* nominatur. *Plantus*, то-есть *Planctus*; какъ увидимъ далѣе. *Planctus Italiae*—родъ поэмы, авторомъ которой былъ Евстахій; я понимаю указаніе Діонисія такъ, что, цитую Евстахія, онъ то называетъ его поэтомъ, то приводитъ его-же *Planctus Italiae*.

Я сообщилъ по венеціанскому списку комментариевъ стихи Евстахія въ похвалу Тарента, которые вспомнились Діонисію по поводу Валерія Максима I. II с. II § 3 (*Relatis Q. Fabii laudibus... Tarentina civitas*). Приведу теперь по вѣнской рукописи (л. 45 recto) и текстъ Діонисія и стихи Евстахія, имѣя ввиду для послѣднихъ варианты венеціанскаго списка и сборника неаполитанской библиотеки, о которомъ скажу далѣе.

Notandum est *Tarentum*: fuit enim civitas valde nobilis et opulentissima, et est hodie, in qua fuit studium philosophiae ytalicum et grecum, ut dicit beatus Augustinus libro de Civitate Dei. — *ad res petundas*: quas non ex debito, sed ex consuetudine conferri permittebant. — *ut romana civitas esset fertilior*, eo quod Tarentina civitas opulentissima erat, ut hodie est, de qua poëta dicit:

Deliciis vulgata suis fit nota per orbem,
Bino cineta mari, fertilitatis humus.
Emulus hic Rome situs in bellisq̄e notatus ³⁾,

¹⁾ Боккаччо, его среда и сверстники II, стр. 340—1.

²⁾ L. с. I, стр. 37—8, прил. 5.

³⁾ Вѣн. сл.: vocatus

Fertilis urbsque mari diviciosa suo.
 Vitibus hoc variis multis frondescit olivis,
 Diversis pomis, ficibus atque piris;
 Pratis et silvis uberrima fert numerosa
 Nec armenta, greges et genus omne fero.
 Inde Ceres, bombyx, sal, quicquid fertile cultu
 Terra parit, cunctis delictosa cibus.
 Quis numerare queat pisces maris, ostrea, tunnos,
 Auratas, cephalos, pisces et omne genus?

Подъ робѣта разумѣется Евстахій; что цитата взята изъ его *Placitus Italiae*, это явствуетъ изъ указаннаго выше неаполитанскаго сборника, въ которомъ намъ встрѣтятся и другія ссылки на того-же автора.

II.

Рукопись неаполитанской бібліотеки № IX, с, 24, уже описанная *Carasso* ¹⁾, содержитъ, безъ начала (недостаётъ двухъ листовъ), родъ коллектаней, касающихся міеологіи, древней исторіи и географіи Италіи, особенно южной; собраніе матеріаловъ безъ очевиднаго плана. *Carasso* предполагаетъ, что мы имѣемъ дѣло съ какимъ-нибудь комментариемъ къ *Виргилію*, ибо составитель, можетъ быть, неаполитанецъ, толкуетъ о городахъ и рѣкахъ, мѣстностяхъ и міоахъ, упоминаемыхъ *Виргиліемъ*, поясняя его другими свидѣтельствами. Въ концѣ читается такая приписка: *Hunc libellum Belardinus de Policastro de Suessa propria manu escripsit sub anno D.MCCCCLXXVIII die 18 m. Octobris XIII Ind.* Если сборникъ не составленъ *Белардиномъ*, а имъ только списанъ, то подлинникъ могъ принадлежать послѣднимъ годамъ XIV, вѣроятно же половинѣ XV вѣка. *Carasso* относитъ его составленіе ко времени около 1350 года, основываясь на упоминаніи „Африки“ *недавно* вѣнчаннаго поэта *Петрарки* (л. 102, лиц. новой нумераціи: *puer romana laurea insigniti*), но въ коллектанеяхъ есть прямыя слѣды заимствованій изъ *Генеалогій Боккаччо*, что относитъ насъ ко времени послѣ 1374 года. Такъ *Боккаччо* упоминается подъ словомъ *Cornithum* (*et dicit Boccatus: Iasius fuit filius Abantis* и т. д., л. 93 лиц.; сл. л. 115 лиц., а. v. *circus*), цитуются лица, давшія ему матеріалъ для *Генеалогій*: *Паоло* изъ *Перуджии* (л. 94 лиц.; л. 96

¹⁾ *Carasso*, *Historia diplomatica regni Siciliae inde ab anno 1250 ad annum 1266.* Napoli, 1874, стр. 354, прим.

лиц. а. в. Унопа; л. 100 лиц. а. в. Alyoneus), Паоло и Варлаамъ (л. 99 об. а. в. Teucer), Леонтій (л. 99 об., а. в. Antigona; л. 101 об.: по поводу Енеи), наконецъ, писатели, о которыхъ Боккаччо узналъ лишь отъ Паоло: загадочный Теодонцій (л. 99 об.: Theodocius, а. в. Esacus; л. 108 лиц.: Theoduncius, а. в. Acis; л. 111 лиц.: Theoduncius, а. в. Hebe) и *Eustrachius* — въ разказѣ, воспроизводящемъ, съ незначительными отличіями, приведенную выше легенду Евстахія, которую Боккаччо слышалъ именно отъ Паоло (л. 94 лиц.): *Regnante Sparato Assiriis, ut ait Paulus, secundum Eustachium quendam* (у Боккаччо: *nescio quem*), *Eridanus, qui et Pheton, Solis Egyptii filius, cum copia suorum duce Nilo navigiis devenit in mare... relicto Ligo seu Ligure filio in Pado perit, a quo Padus Eridanus dictus est, Ligures a Ligure.*

Для составителя коллектаней *Eustrachius* = *Eustatius* остался такою-же неизвѣстною величиной (*quendam*), какъ и для Боккаччо; онъ, очевидно, не объединялъ его съ *Eustatius* или *Eustasius*, авторомъ *Planctus Italiae* изъ котораго даетъ нѣсколько выдержекъ. Слѣдуетъ-ли въ нихъ видѣть два разныхъ лица, или авторъ не отождествилъ ихъ по незнанію, потому что бралъ выписки изъ вторыхъ рукъ, а за Боккаччо повторилъ: „какой-то?“

Вотъ выдержки изъ *Planctus*.

Листъ 89 лиц. *Eustatius vero in suo Plantu Italie li. 9º dicit, quod dicta est (Neapolis) ab Enea et polis, quasi Eneapolis, hoc est civitas Enee.. Subdit etiam quod antea habitata a Grecis, de nomine (regis) ¹) eorum Parthenopaei Parthenope dicta est. Unde ait li. 9º:*

*Inclita Parthenope, generosa Neapolis, alto
Nomen ab Enea que renovata tenes,
Culta prius grecis, de nomine Parthenopey
Parthenope dicta, regia regis eras,
Post pius Eneas urbem renovavit et auxit.*

Листъ 89 об.—90 лиц. (о Неаполѣ) *Fertur etiam, quod fieri fecit (Virgilius) equum ereum, ut alii equi, aliquo morbo vexati, eum respicientes, ipsius visu sanitatis remedia reportarent. Hic equus fuit juxta ecclesiam S. Iohannis Majoris, postmodum surreptus ad archiepiscopatum extitit deportatus. Quem equum, cum rex Carolus victam urbem intraret, admirans, ei disticum fecit in hunc modum, ut refert Eustatius in suo Planctu Italie l. 14:*

¹) И обязанъ этой поправкой, какъ и нѣкоторыми другими, В. К. Ермиштеду.

*Hactenus effrenis, nunc freni paret habenis,
Rex domat hunc (aequus) parthenopensis equum.*

Объ этой неаполитанской диковинкѣ говоритъ Конрадъ Кверфуртскій: *In eadem civitate est equus acreus, magicis incantationibus a Virgilio sic compositus, ut ipso integro permanente nullus equus possit redorsari, cum tamen de vitio naturali sit illi terrae proprium, ut ante equi illius compositionem et post ejusdem equi quantulamcunque corruptionem nullus equus sine dorsi fractura possit equitem aliquandiu vehere* ¹⁾. Другіе пересказы этого преданія ближе къ редакціи коллектаней: больныя лошади выздоравливали при видѣ мѣднаго коня ²⁾. Интереснѣе, по отношенію къ приведенному выше тексту, разказъ Бартоломео Караччоло въ его *Stonaca di Partenore*, конца XIV вѣка: о цѣлебномъ дѣйстви коня разказывается то-же, коноваламъ не было заработка, и вотъ однажды ночью они испортили статую, пробуравивъ ей животъ. Съ тѣхъ поръ она утратила свою врачующую силу и была употреблена на отливку колоколовъ Неаполитанскаго собора въ 1322 году; а передъ тѣмъ она стояла тамъ на дворѣ (*fo convertito a la costruzione de le campane de la majore Ecclesia de Napoli, in nello anno MCCXXII; il quale cavallo si stava guardato a la Corte de la predicta Ecclesia di Napoli*). Говорятъ, что отъ нея ведеть свое начало гербъ piazza Саруана: золотой конь безъ узды; когда увидѣлъ его, вступивъ въ Неаполь, Карлъ I-й. удивился и ему, и гербу piazza di Nido: черному коню, также безъ узды, и велѣлъ написать слѣдующее двустишіе:

*Hactenus effrenis, nunc freni portat habenas
Rex domat (hunc) aequus Partenopensis equum* ³⁾

На чемъ написано было двустишіе, не ясно; въ текстѣ коллектаней на статуѣ.

Листъ 116 об. *Messana.... dicta Messana quia in ejus portu quasi messes pro romanis portabantur, quod confirmat Eustasius in suo Plantu Italie II 3° dicens.*

*Inque tuo portu messes sibi Roma parabat,
Indeque Messana nomina messis habet.*

¹⁾ *Comparetti*, Virgilio nel medio evo II стр. 169.

²⁾ I. с. стр. 179 (*Image du monde*), 192 (*Renars contrefait*). у Adones'a большую лошадь призывали къ статуѣ (I с. стр. 186), у Боккаччо ее трижды обводили вокругъ нея (*Comento ed. Milanese v. I стр. 121*).

³⁾ *Comparetti*, I. с. стр. 231—2. Сл. *aequus*: *equus* у Боккаччо, *De Geneal.* VIII, 8.

Листъ 119 об. Tarentum; сл. л. 120 об.: Eustasius vero sui Plantus Italie dicit, quod civitas Tarenti est cincta bino mari et quod caput et patronus ipsius civitatis est beatus Cataldus, cujus corpus ibi habetur ¹⁾, et laudat ipsam civitatem quam ad maris et terrae ubertatem, unde ait:

Urbs regionis opes prestat miranda Tarentum,
Mira magnis meritis, sancte Catalde tuis.
Delitiis vulgata suis и т. д.

Слѣдуютъ строки, уже приведенныя выше изъ комментарій Діонисія.

Есть еще одно упоминаніе объ Eustasius, но не какъ объ авторѣ Planetus. Сл. л. 119 лиц. Avernus: Circa hunc locum sunt balnea saluberrima, quae a modernis balnea Tripergule dicuntur. Locus autem ubi sunt balnea ideo Tripergula dicitur, eo quod domus balneorum sit trium mansionum, in una qualium homines, in alia reponuntur vestes, in tertia vero aqua. Unde Eustasius II° balneorum de Tripergula sic ait:

Hic locus est triplex, de jure Tripergula ditta,
Una caput, vestes altera servat aquam.

Едва ли Сарассо имѣлъ ввиду эту именно цитату (которую, впрочемъ, не приводитъ), когда выразилъ предположеніе, что Eustachius, авторъ Planetus, вѣроятно, одно лицо съ Eustasius изъ Матеры, которому дѣйствительно приписывали сборникъ эниграммъ на цѣлебные источники въ Поццуолахъ. Теперь извѣстно, что этотъ сборникъ (Liber balneorum Terrae Laboris) принадлежитъ не ему, а Петру де Евбуло (нап. между 1212 и 1221 г.) ²⁾, но уже въ первомъ, неполномъ изданіи эниграммъ 1475 года ³⁾ ихъ авторомъ названъ Eustasius изъ Матеры, тогда какъ въ первомъ полномъ изданіи 1553 г. ⁴⁾ онѣ явились подъ именемъ Alcadiini poetae siculi. Сарассіо ⁵⁾ устра-

¹⁾ Житіе св. Каталда въ AA. SS. 10-го мая, II, 570 - 575.

²⁾ См. для слѣдующаго Percoro, Bagni di Pozzuoli (Napoli, 1887). Въ старомъ итальянскомъ стихотворномъ переводѣ этимологія Tripergula — triplex исчезла (I. с. стр. 67: Chisto bagno Tripergule à case dupplicate; L'una se spoglian l'omini, l'altra dà sanetate), но въ прозаическомъ какъ бы остались ея слѣды: Quisto predicto bagno have doo case, et in percio et dicto de Trepergole.

³⁾ Libellus de mirabilibus civitatis Puteolorum et locorum vicinorum ac de nominibus virtutibusque balneorum ibidem existentium. Napoli, 1475.

⁴⁾ Въ сборникѣ De balneis omnia quae extant apud graecos, latinos etc. Venetiis apud Iuntas, 1553.

⁵⁾ Сарассіо, Balneorum quae Neapoli, Puteolis, Baiis, Pithecusis extant, virtute etc. Neapoli. 1604.

няетъ то и другое имя, *Mazzella* ихъ удерживаетъ: эпиграммы написаны будто бы Алькадиномъ, сыномъ Гарсиа изъ Сиракузъ, медикомъ Генриха VI и Фридриха II (около 1191 года)—и Евстахіемъ изъ Матеры (около 1285 года), знаменитымъ врачомъ Карла II, писавшимъ *admodum docte et facili methodo de natura et temperie hominis* ¹⁾. Эти соображенія повторены были и другими.

Алькадина я оставляю, Евстахію же эпиграммы приписывались уже въ 70-хъ годахъ XV вѣка двумя источниками, повидимому, независимыми другъ отъ друга: составителемъ неаполитанскихъ коллектаней 1479 и неаполитанскимъ изданіемъ 1475 года, гдѣ авторъ названъ уроженцемъ Матеры. Если трудъ Петра de Ebulo былъ присвоенъ Евстахію, то это лишь показываетъ, что его имя еще помнили, какъ имя поэта, тогда какъ его творенія были забыты,—или замолчаны? На то могли быть причины.

III.

Отрывки *Planctus* указываютъ, что произведеніе это состояло изъ нѣсколькихъ книгъ; *Planctus* могъ представлять развитую форму того литературнаго рода, который былъ популяренъ въ Италіи XIV—XV вѣковъ подъ названіемъ *Lamento*: сѣтованіе, причитаніе. Сѣтовали великіе люди, политическіе дѣятели, сраженные судьбой, плакались города о потерѣ свободы и т. п.; таково общее содержаніе *lamenti*. *Planctus Italiae*, стало быть, сѣтованіе Италіи; на сцену могли выходить города; въ нашихъ отрывкахъ являются Неаполь, Мессина, Тарентъ, южно-итальянская область. О чемъ они сѣтовали, то-есть сѣтовалъ за нихъ авторъ? На это даетъ косвенное указаніе отрывокъ о Неаполѣ, гдѣ говорится о Карлѣ I, обуздавшемъ виргиліевскаго коня. Это переноситъ насъ во вторую половину XIII вѣка, ко времени борьбы гвельфовъ и гибеллиновъ и анжуйскаго завоеванія южной Италіи. Свевская партія была поражена и сѣтованія могли раздаться съ этой стороны. Авторъ *Planctus* могъ быть гибеллиномъ.

Эти апіорныя построенія находятъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующемъ стихотворномъ текстѣ, въ которомъ я подозреваю отрывокъ *Planctus*. Въ рукописи XIII вѣка, нынѣ находящейся въ библиотекѣ епископской семинаріи Потенцы, какой-то читатель конца XIV, либо

¹⁾ *Mazzella, Opusculum de balneis Puteolorum, Baiarum et Pithecusarum. Napoli, 1606, стр. 260 слѣд., 269 слѣд.*

начала XV вѣка внесъ, воспользовавшись незаписаннымъ листомъ, 34 стиха подъ заглавіемъ: *Nec est coronica dum destructa fuit civitas Potentina*. Записавшій эти строки былъ, очевидно, житель Потенцы, онъ и излекъ, быть можетъ, изъ *Planctus*, стихи, касавшіеся судьбы его города. Они давно были изданы Viggiano ¹⁾, комментированы Volpe и недавно вновь напечатаны, въ исправленномъ чтеніи и съ новыми объясненіями, въ брошюрѣ Ireneo Sanesi ²⁾.

Содержаніе отрывка воспроизводитъ дѣйствительный историческій фактъ: битва при Тальякоццо разрушила послѣднія надежды свевской партіи и месть Карла I грозила всѣмъ, кто еще разъ попытался поддержать имперское знамя. Въ этихъ-то обстоятельствахъ, желая напередъ умилостивить побѣдителя, жители Потенцы измѣннически напали на своихъ же бароновъ, сторонниковъ имперіи и имперскаго орла.

*Inde potentini populi furor obruit omnes
Qui tulerant aquile signa verenda sibi.
Urbs est lucanis girata Potentia lucis,
Fulta patrociniis, sanete Girarde, tuis,
5. Montibus et pratis gregis armentique feraces
Et lini late predata cultat agros,
Lombardis populis austera potensque colonis
Prestat vicinis diviciosa suis.
Auditis cedum furiis, victore minante,
10. Insanit populus, turbino turba ruit.
Iram victoris placet hoc placare furore.*

Напрасно, ибо впоследствии стѣны города были разрушены, и онъ заплатилъ за свое нечестіе (14 *Sed punita magis impietate sua*), говорить отъ себя авторъ, обнаруживая свои симпатіи, и ведетъ разказъ далѣе: въ послѣдовавшей свалкѣ многіе погибли, другихъ сторонниковъ свевской партіи ведутъ связанныхъ въ Ачеренту (19 *Acherontis in arcem*) ³⁾, когда на конвой нападаютъ Riccardo di Santa Sofia и Enrico della Castagna съ толпой венузинцевъ (22 *venusina cohors*) и отбиваютъ плѣнниковъ.

Sanesi ³⁾ собралъ нѣсколько свѣдѣній относительно лицъ, упоминаемыхъ въ отрывкѣ, но не все ему удалось выяснитъ. Въ числѣ

¹⁾ Viggiano, *Memorie della città di Potenza*. Napoli, 1805, стр. 72 — 3; *Memorie storiche profane e religiose su la città di Matera*. Napoli, 1818, стр. 67—68; (Ireneo Sanesi), *Un frammento di poema storico del sec. XIII*. Pistoia, 1896. За предоставленію мнѣ этой неупущенной въ продажу брошюры приношу автору глубокую благодарность.

²⁾ Sanesi l. c. стр. 15—16 прим. I.

³⁾ L. c. стр. 18 слѣд.

сневскихъ сторонниковъ, названныхъ въ актахъ Карла I, онъ нашелъ братьевъ Роберта и Раймонда di Santa Sofia и заключаетъ, что либо въ отрывкѣ Riccardus — описка, либо братьевъ было трое.

За 34-мя стихами, внесенными въ рукопись, стоятъ: *finis* и слѣдуетъ еще четверостишіе:

Annis millenis bis centum septuagenis,
Franco regnante, Romana sede vacante,
Exilii dampnum relevans dictata per annum
Explicuit mesta vates per singula gesta.

Итакъ: при королѣ изъ французской династіи, Карлѣ I-мъ, авторъ изгнанникъ, очевидно гибеллинъ, короталъ повзгоды изгнанія, записавъ (*explicuit*) въ 1270 году печальныя событія по годамъ, каждое особо, *per singula gesta*. Дѣло шло, стало быть, не объ одной лишь Потенцѣ, а и о другихъ городахъ, удрученныхъ анжуйскимъ завоеваніемъ, о южной Италиі, въ широкомъ смыслѣ — отчизнѣ автора. Въ этомъ именно смыслѣ можно понять *patria* въ слѣдующей поэмкѣ, записанной на поляхъ рукописи противъ первыхъ шести стиховъ текста:

Nomen Matera genetrix Eustacius, omen
Judicis et scribe Venusia (n) dedit,
Excidium patrie velut alter flet Ieremias,
Mundi conflictus Italieque malum.

Vel sic:

Itala fata queror, urbis et orbis honos ¹⁾

Итакъ: авторъ стиховъ, Евстахій, былъ родомъ изъ Матеры, судьей въ Венозѣ; Евстахія изъ Венозы Діонисій называетъ авторомъ *Planctus Italiae*, какъ Евстахію же, безъ дальнѣйшаго опредѣленія по городу, приписавъ *Planctus* въ отмѣткахъ неаполитанскихъ коллектапей; какъ Іеремія онъ оплакивалъ гибель отечества, судьбы Италиі. Мое предположеніе о принадлежности разказа о Потенцѣ къ *Planctus* поддерживается и метромъ, и совпадениемъ общихъ мѣстъ въ описаніи Потенцы — и Тарента въ неаполитанскомъ сборникѣ, напри- мѣръ: *Mira magnis meritis, sancte Catalde, tuis* (о Тарентѣ); *Fulta patrocintis, sancte Gerarde, tuis* (о Потенцѣ); *Fertillis urbsque mari divictosa suo* (о Тарентѣ); *Prestat vicinis divictosa suis* (о Потенцѣ).

¹⁾ У Спези *vel sic* отнесено къ концу четвертаго стиха. Я напечаталъ согласно съ указаніемъ В. К. Эрнштедта, видящаго въ 5-мъ стихѣ — вариантъ къ четвертому, что очень вѣроятно. Остается предположить, что вариантъ этотъ находился въ рукописи, изъ которой сдѣланъ былъ экскерптъ. — Въ стихѣ 2-мъ В. К. Эрнштедтъ предлагаетъ читать: [*vae!*] *Venusia*.

Евстахій былъ судьей въ Венозѣ и, какъ видно, поэтъ; изъ Венозы былъ (*venusinae gentis alumnus*), въ предыдущемъ поколѣніи, и *judex Richardus*, гибеллинъ и поэтъ *dans ses moments perdus*:

*Cedere saepe solet ludo sapientia nostra,
Cum sibi praecipue tempus et hora favent;*

такъ начинается онъ свой шуточный разказъ, посвященный Фридриху II, *De Paulino et Polla libellus*¹⁾. Отъ этихъ раннихъ южно-италианскихъ гуманистовъ часто ничего не осталось, кромѣ отрывковъ и именъ. Относительно Евстахія это понятно: онъ бѣжалъ, писалъ въ изгнаніи; въ слѣдующемъ поколѣніи, полномъ анжуйскихъ симпатій, его, гибеллина, плохо знали въ Неаполѣ, но Діонисій, вызванный въ 1339 году ко двору короля Роберта, еще цитуетъ его рядомъ съ Овидіемъ, Ювеналомъ, Юліемъ Цельзомъ, Стаціемъ²⁾.

Возвращусь къ *nescio quem Eustachium* Боккаччіо; я принимаю *nescio quem* Боккаччіо, не Паоло, который сообщилъ ему сказку о Генуѣ и Генуинѣ, могъ еще читать Евстахія и экскерпировалъ его для своей энциклопедіи, *Liber collectaneum*. Такой экскертъ попалъ въ руки Боккаччіо: отрывокъ о Генуѣ и Генуинѣ напоминаетъ приемы *Planctus* съ его этимологіей: *Neapolis: Eneapolis*. Если такъ, то *patria* была бы для Евстахія не одна лишь южная Италия, а нѣчто большее: не даромъ онъ говоритъ объ *Italiae malum, Itala fata*.

Александръ Несселовскій.

¹⁾ Сл. *Édelestand Du Méril, Poésies inédites*, стр. 345; *Groeber* въ *Grundriss der rom. Philologie* II B., 1 Abth., 413.

²⁾ Объ источникахъ Діонисія сл. Боккаччіо, его среда и сверстники I, стр. 37—8 прим. 5. Онъ собиралъ свѣдѣнія изъ рукописей, прислушивался къ преданіямъ. Сл. въ вѣнской рукописи комментаріевъ л. 143: *Nota ergo Rome fuisset quaedam scholas occultas sub terra, quibus a carcere publico, qui nunc vocatur St. Nicolaus, ad carcerem occulte ad Capitolium veniebatur, quae dicebantur gemonia ab inventore qui eas fieri fecit, per quas captivi ad locum supplicii et carceres ducebantur. Sed quia hoc dictum posset eadem ratione negari qua ponitur, cum hoc in cronica non reperiat, dico quod hoc non posui ex me, sed cum plures romanos interrogavi, hoc quod scriptum est audivi* — На л. 185 лнц. сообщается анекдотъ о философѣ который *circa hujus fluminis (Nili) inundaciones insistens, dum causas refluxus capere non valeret, in aquam se projiciens dixit: Non possum te capere, carpias me; quod utrum sit verum, lectoris judicio relinquatur. Діонисій говоритъ, что читалъ этотъ анекдотъ in quodam libro valde antiquo, quem inveni in quadam ecclesia.*

ОЧЕРКИ ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА ПО РУССКОЙ ПРАВДѢ ¹⁾.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Уголовное право Русской Правды.

I.

При изученіи уголовного права Русской Правды первая задача изслѣдователя — выяснитъ понятіе о преступленіи и наказаніи въ Правдѣ. При этомъ необходимо разсмотрѣть этотъ вопросъ отдѣльно по отношенію къ краткой и пространной Правдѣ, тѣмъ болѣе, что мнѣнія изслѣдователей о понятіи преступленія въ каждой изъ этихъ основныхъ редакцій памятника различны.

Существуетъ прежде всего взглядъ, что въ понятіи о преступленіи въ краткомъ текстѣ Русской Правды нѣтъ совершенно общественнаго элемента, что здѣсь господствуетъ полное смѣшеніе уголовного преступленія съ гражданскимъ правонарушеніемъ. Первымъ представителемъ этого мнѣнія былъ Эверсъ, утверждавшій, что въ краткой Правдѣ основное юридическое понятіе уголовного, какъ и гражданского права — понятіе о личной обидѣ, почему нѣтъ вирь и продажъ, то-есть, платежей въ пользу князя, а существуютъ лишь частныя вознагражденія потерпѣвшихъ ²⁾. Такъ же думали Макси-

¹⁾ Предлагаемые очерки представляютъ собою три главы изъ приготовляемаго авторомъ къ печати „Опыта объясненія Русской Правды“, который скоро выйдетъ отдѣльнымъ изданіемъ.

²⁾ Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи, переводъ *Платонова*, Спб., 1885, стр. 341—342.

мовичъ ¹⁾, Поповъ и г. Сергѣевичъ. Послѣдніе два изслѣдователя не ограничиваются догматическимъ утвержденіемъ, а пытаются обставить свой взглядъ доказательствами, котерыя почерпаются изъ разсмотрѣнія сущности наказаній: указываютъ, что мечь—частное дѣло, самосудъ, самоуправство; а что всѣ платежи, указанія на которые встрѣчаются въ краткой Правдѣ, поступаютъ въ пользу потерпѣвшаго,—это доказывается слѣдующими соображеніями: плата за убійство называется платой „за голову“, что равняется головничеству, а головничество—частное вознагражденіе; плата „за обиду“ шла потерпѣвшему, такъ какъ, во-первыхъ, за это говоритъ самое названіе—„за обиду“, во-вторыхъ, въ краткой Правдѣ нѣтъ слова „продажа“, въ-третьихъ, во 2-й статьѣ Академическаго списка сказано: „ожели себе не можеть мстити, то *взяти емоу* за обиду 3 гривнѣ“; все это—соображенія Попова ²⁾; г. Сергѣевичъ прибавилъ къ нимъ указаніе на то, что „первоначальный выкупъ являлся какъ замѣна мести, а потому весь шелъ въ пользу мстителя“ ³⁾. Прибавимъ, что и Бѣляевъ, очевидно, принадлежалъ къ числу сторонниковъ изложеннаго мнѣнія ⁴⁾.

Но преобладаетъ другой взглядъ, по которому уже и въ краткой Правдѣ понятію о преступленіи не чужды были общественные элементы. Выразителями его являются Ланге ⁵⁾, Чебышевъ-Дмитріевъ, г. Владимірскій-Будановъ и г. П. Бѣляевъ ⁶⁾. И здѣсь опорой служитъ изученіе сущности наказаній. Чебышевъ-Дмитріевъ доказываетъ, что мечь имѣла государственное или общественное значеніе, такъ какъ она была обязанностью, и общество слѣдило за ея выполненіемъ; притомъ, допуская мечь, общество считало преступника безправнымъ и такимъ образомъ наказывало за нарушеніе не частнаго права, а

¹⁾ О развитіи идеи преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства, Кіевъ, 1845, стр. 8, 12—14.

²⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву. Москва, 1841, стр. 41, 42.

³⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. Спб., 1883, стр. 448.

⁴⁾ Лекціи по исторіи русскаго законодательства. М., 1888, стр. 178. Впрочемъ, по его мнѣнію, въ другихъ областяхъ, кромѣ Новгородской, вѣры собирались. См. тамъ же, стр. 179.

⁵⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды. Спб., 1860, стр. 99—102.

⁶⁾ Говоря о вѣрѣ, онъ ссылается на 18—19 статьи Академическаго списка. См. Очерки права и процесса въ эпоху Русской Правды въ „Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“, т. V, стр. 18.

обычая; наконецъ, для мести надо было доказать фактъ обиды, какъ видно изъ 2-й статьи Академическаго списка ¹⁾. Здѣсь умѣстно отмѣтить слѣдующій взглядъ г. Сергѣевича: мечь, по его мнѣнію, предшествовала суду, и затѣмъ судъ разсматривалъ справедливость или несправедливость уже совершившихся случаевъ мести: какъ видно изъ 20-й статьи Троицкаго списка, обиженный, нанеся ударъ мечемъ, долженъ былъ доказать на судѣ, что ударъ нанесенъ изъ мести ²⁾ Этотъ взглядъ на условія мести находится въ очевидномъ противорѣчій съ мнѣніемъ того же изслѣдователя о частномъ характерѣ преступленія въ эпоху первой Правды и подтверждаетъ наблюденія Чебышева-Дмитріева. Г. Владимірекій-Будановъ на слѣдующихъ основаніяхъ полагаетъ, что въ мести общественные и частные элементы смѣшаны: мечь не только признана, но и предписана закономъ; она соединяется съ судомъ, то-есть, требуетъ или предварительнаго судебного рѣшенія (при побояхъ: см. 2-ю статью Академическаго списка) или послѣдующей санкціи (чаще); въ законѣ опредѣленъ кругъ мстителей ³⁾.

Целья не признать, что соображенія названныхъ изслѣдователей о характерѣ мести весьма замѣчательны и убѣждаютъ въ томъ, что въ этомъ первобытномъ способѣ уголовного возмездія — по крайней мѣрѣ въ эпоху краткой Русской Правды — былъ общественный элементъ.

Другое доказательство мнѣнія о общественномъ характерѣ понятія о преступленіи въ краткой Правдѣ предложено г. Владимірекіемъ-Будановымъ; оно состоитъ въ томъ, что платы краткаго текста въ количественномъ отношеніи соотвѣтствуютъ позднѣйшимъ вирамъ и продажамъ, слѣдовательно, онѣ соотвѣтствуютъ имъ и въ отношеніи качественномъ, то-есть, тоже платились въ пользу князя ⁴⁾.

Дѣйствительно, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что при Ярославѣ существовали виры: не говоря уже о лѣтописномъ извѣстіи о сборѣ на себя вирь Владиміромъ ⁵⁾, 42-я статья Академическаго списка содержитъ „оурокъ *Ярославъ*“, а между тѣмъ въ ней говорится о „поклонѣ *вирномъ*“ и о томъ между прочимъ, что

¹⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву, стр. 7, 19, 21, 28.

²⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. Спб., 1888, стр. 444.

³⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II. Кіевъ, 1886, стр. 21 и 22.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 8.

⁵⁾ Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, 6504 г., стр. 54.

„вира зберуть *вирици*“. Поповъ замѣтилъ, что это противорѣчитъ его теоріи, и попытался дать объясненіе съ своей точки зрѣнія: онъ предполагаетъ именно, что „вира значила прежде всякаго рода плату, которую давали князю, вообще дань“, такъ что вира при Владимірѣ — плата князю съ каждой верви за то, что онъ не вмѣшивается въ ея судные обычаи. Все это построеніе основывается у Попова на лингвистическомъ сближеніи виры съ вервью: корень обоихъ словъ будто бы одинъ, такъ какъ слово „верви“ иногда замѣняется словомъ „вира“ („вириное платити, въ ней же *вири* голова ляжетъ“), впоследствии вира называется „вѣрою“; вмѣсто „вира“ „вириное“ въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ „вервенное“ или „вирьвая“¹⁾. Не говоря уже о томъ, что, какъ увидимъ въ свое время. судебной самостоятельности ни верви, ни какія-либо другія общины не имѣли, объясненія Попова не можетъ быть принято уже и потому, что основанія лингвистическаго сближенія виры и верви въ высшей степени шатки: слово „ви.р.и“ въ 19-й статьѣ Академическаго списка испорчено: по изданію Калачова видно, что здѣсь пропущено двѣ буквы; слово „вервенное“ совсѣмъ не встрѣчается ни въ одномъ спискѣ²⁾, и „вирьвая“ такимъ образомъ является единственнымъ выраженіемъ, на которое могъ бы до нѣкоторой степени опираться Поповъ; едва ли однако же можно дѣлать важный выводъ, основываясь на сомнительномъ, тѣмъ болѣе единственномъ, разночтеніи; замѣтимъ еще, что, какъ извѣстно, для понятія „дань“ существовалъ уже во времена начальной лѣтописи и терминъ „дань“, что дѣлаетъ совершенно излишнимъ употребленіе слова „вира“ въ томъ же самомъ смыслѣ.

Остается разобрать основанія перваго изъ изложенныхъ взглядовъ на понятіе о преступленіи въ краткой Правдѣ. Первый доводъ Попова — о платѣ „за голову“ — и замѣчаніе г. Сергѣевича о выкупѣ, какъ замѣнѣ мести, теряютъ свое значеніе, если мы попробуемъ сравнить 1-ю статью краткаго текста съ первыми двумя пространнаго: такое сравненіе необходимо для правильнаго пониманія краткой Правды; мы видимъ при этомъ, что то, что нужно „положить за голову“, отличается отъ выкупа: Ярославъ поставилъ, что при убійствѣ примѣняется мечь, но „оже ли не будетъ кто его мьста“, надо

¹⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 54 и 55.

²⁾ Исследования о Русской Правдѣ, часть I, предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, отдѣленіе III, ст. LXXXVIII.

„положити за голову“ такую то сумму: это не выкупъ. а плата князю; о выкупѣ говорится только при Ярославичахъ, которые „отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати“; при этомъ прибавлено: „а ино все якоже Ярославъ судилъ, такоже і сынове его оуставиша“. Эти слова обыкновенно толкуются въ смыслѣ подтвержденія всѣхъ постановленій, когда-либо сдѣланныхъ Ярославомъ; но намъ кажется, что вѣрнѣе отнести ихъ только къ уставу Ярослава объ убійствѣ: „ино все“, — то-есть, надо было по прежнему „положити за голову“ въ пользу князя. Такимъ образомъ платежъ въ пользу князя существовалъ еще до отиѣны мести и послѣ этого приобрѣлъ только болѣе общее значеніе, распространился на всѣ почти случаи убійства. Остается, дѣйствительно, трудно-объяснимое мѣсто 2-й статьи Академическаго списка: „взяти *емоу* за обиду“; если мы не имѣемъ здѣсь дѣла съ ошибкой въ текстѣ, то придется признать, что платежи за побои и личныя обиды шли — при существованіи законнаго права мести за нихъ и невозможности мстить — въ пользу потерпѣвшаго. Вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ надо считать еще открытымъ. На то, что при Ярославичахъ князю поступали платежи въ 3 и 12 гривенъ, можно найти указаніе въ 41-й статьѣ Академическаго списка, гдѣ сказано: „а отъ грние мечнику коуна, а въ девятиноу 15 коунъ, а князю 3 *гривни*; а отъ 12 гривноу емъцю 70 коунъ, а въ десятиноу 2 гривнѣ, и князю 10 *гривенъ*“.

Итакъ почти всѣ основанія въ пользу мнѣнія, что въ краткой Правдѣ понятіе о преступленіи не заключало въ себѣ общественныхъ элементовъ, не выдерживаютъ критики. Съ другой стороны наличность этого общественнаго элемента выступаетъ съ несомнѣнностью, если мы обратимъ надлежащее вниманіе на сущность и условія мести, какъ признаннаго обычая и закономъ способа уголовного возмездія, и на несомнѣнный фактъ существованія виры при Владимірѣ и Ярославѣ.

Еще съ ббльшей увѣренностью можно указать на общественный элементъ понятія о преступленіи въ пространной Русской Правдѣ, что и признается почти всѣми изслѣдователями, касавшимися этого вопроса: Эверсомъ, Поповымъ, Власевымъ. Ланге, Чебышевымъ-Дмитриевымъ, г.г. Стефановскимъ, Сергѣевичемъ и Владимірскимъ-Будановымъ. Взглядъ Эверса виденъ изъ его перевода Синодальнаго текста ¹⁾. Попову принадлежатъ первыя обстоятельныя доказатель-

¹⁾ Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи, прибавл. II.

ства этого взгляда. Они состоятъ прежде всего въ указаніи, что существовало такое наказаніе, какъ „потокъ и разграбленіе“, то-есть, изгнаніе изъ міра, лишеніе всѣхъ правъ, такъ что всякій могъ убить преступника, и предоставленіе имущества обвиненнаго въ преступленіи—на пользованіе всякому; съ утвержденіемъ князей потокъ и разграбленіе стали заключаться въ выдачѣ преступника съ семьей и его имущества князю (см. 79 статью Троицкаго списка) ¹⁾. Затѣмъ Поповъ доказываетъ, что вируы и продажи шли князю. Относительно виру это несомнѣнно по слѣдующимъ даннымъ: 1) Владиміръ бралъ виру на содержаніе дружины; 2) въ предисловіи къ Софійскому Временнику говорится: „тѣмъ бо (то-есть, древніе) князи не събирааху много имѣнія, ни творимыхъ виру, ни продажъ въскладааху на люди; но оже будяше праваа вира, а ту възымааше и дааше дружинѣ на оружье“; 3) въ грамотѣ Мстислава 1125 г. князь даритъ монастырю св. Георгія вотчины съ данью, вирами и продажами ²⁾. Къ этимъ, предложеннымъ Поповымъ, доказательствамъ общаго характера виру Власевъ присоединилъ еще слѣдующія: 4) въ уставѣ новгородскаго князя Святослава Ольговича, относящемся къ 1137 г., сказано, что онъ данъ „имати пискупомъ десятину отъ даніи и отъ виру и продажъ, что входитъ въ княжъ дворъ всего“; 5) въ 1150 г. Ростиславъ Мстиславичъ, учреждая смоленскую епископію, далъ ей десятину отъ даней, кромѣ виру, продажъ и полюдья; 6) въ церковномъ уставѣ Ярослава читаемъ: „свадебное, сговорное, бой, убійство, душегубство.... платятъ виру князю наполю со владыкою“; 7) въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ княжеская власть была менѣе значительна, и вируы были меньше: въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями постоянно встрѣчается условіе: „виру брать по старинѣ“; по Псковской судной грамотѣ вируы незначительны; 8) въ Московскомъ государствѣ „вѣра“, „вѣрное“—плата въ казну ³⁾. Что продажа также шла князю, это подтверждается, согласно указанію Попова: 1) предисловіемъ къ Софійскому Временнику; 2) грамотой Мстислава; 3) словами Русской Правды (Троицкій списокъ, статья 41): „то ти оуроци смердомъ, оже платятъ князю продажу“ ⁴⁾; къ этому

¹⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 65, 66.

²⁾ Тамъ же, стр. 45.

³⁾ О вѣнненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права. Москва, 1860, стр. 130—131.

⁴⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 45.

Власьевъ замѣчаетъ: 4) гдѣ въ краткой Правдѣ плата „за обиду“, тамъ въ пространной продажа въ той же суммѣ и часто рядомъ съ ней въ другой суммѣ частное вознагражденіе; 5) въ 23-й статьѣ Троицкаго списка (= 2-й статьѣ Академическаго) 3 гривны названы продажей, а „платити ему“ = онъ (то-есть, отвѣтчикъ) долженъ платить; (во 2-й статьѣ Академическаго списка слова „взяти ему“, по Власьеву, лишнія: ихъ и нѣтъ въ одномъ изъ списковъ краткой редакціи, какъ видно изъ своднаго текста Калачова); 6) что 3 и 12 гривенъ платились князю, видно изъ 41-й статьи Академическаго списка: отъ 12 гр. емцу 70 кунъ, а въ десятину 2 гривны, а князю 10 гр.; въ первой половинѣ этой статьи говорилось, вѣроятно, о платѣ въ 3 гривны, но цифра 3 пропущена, ибо она изображалась буквою Г, да и слово „гривне“ испорчено ¹⁾. Наконецъ, Ланге еще увеличиваетъ количество свидѣтельствъ о платежѣ продажи князю: 7) въ 32-й статьѣ Троицкаго списка сказано: „а князю продажу“; 8) въ 34-й: „а князю продажѣ 12 гривенъ въ челядинѣ“; 9) въ 42-й читаемъ: „аже будутъ холопи татие... ихъ же князь продажоу не казнить“; 10) наконецъ, 84-я статья Троицкаго списка гласитъ: „а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть; но оже будетъ безъ вины оубиенъ, то за холопъ оурокъ платити или за робу, а князю 12 гривенъ продажѣ“. Относительно вирь у Ланге тѣ же доказательства, что и у Попова и Власьева ²⁾. Г.г. Стефановскій ³⁾, Сергѣевичъ ⁴⁾ и Владимірскаго-Буданова ⁵⁾ раздѣляютъ мнѣніе названныхъ изслѣдователей. не обставляя его новыми доводами, что впрочемъ и не нужно, такъ какъ приведенные выше доказательства достаточно убѣдительны.

Противъ общественнаго значенія вирь и продажъ высказался одинъ только Денпъ; по его мнѣнію, виры — вознагражденіе законныхъ мстителей убитаго за утраченное ими право мщенія; это доказывается, во-первыхъ, ссылкой на договоры съ греками, гдѣ говорится: „часть его... да возьметъ ближній убиеннаго“, „да возьмутъ

¹⁾ О вѣнненія по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 162 — 167.

²⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды. Спб., 1860, стр. 99—101.

³⁾ Разграниченіе гражданскаго и уголовного судопроизводства въ исторіи русскаго права. „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1873 г., мартъ, стр. 16. Авторъ полагаетъ, что въ древнѣйшей Правдѣ не было платежей князю. Тамъ же, прим. 2 на стр. 13.

⁴⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 450.

⁵⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 8, 28, 24.

его мѣнѣе близкіе убійцаго“; во-вторыхъ, словами Русской Правды: „отложиша убіеніе за голову, но кунамися выкупати“ — не у князя, конечно, ибо не онъ казнилъ убійцу при существованіи мести; въ-третьихъ, другимъ мѣстомъ того же источника: „аще не будетъ кто его мстя.... то 40 гривенъ положить заць“ — эти 40 гривенъ шли не князю, потому что за исчисленными въ этой статьѣ родственниками оставались еще весьма близкія степени родства; наконецъ, четвертымъ доказательствомъ служитъ замѣчаніе, что въ Правдѣ установлено различіе въ суммахъ платежей: такое различіе было бы невозможно въ томъ случаѣ, если бы эти платежи шли князю: въ послѣднемъ случаѣ, напримѣръ, за свободаго и раба была бы равная плата. Въ виду лѣтописнаго извѣстія, что Владиміръ бралъ виры на оружіе и коней, Денпъ допускаетъ, что часть виры шла князю, но незначительная: изъ 40 гривенъ—8, изъ 80—16, изъ 20—4. Впрочемъ самъ онъ признаетъ противорѣчающею его мнѣніямъ 21-ю статью Троицкаго списка — полувиры 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ — и затрудняется разрѣшить это противорѣчіе. Статьи, гдѣ говорится о продажѣ князю, относятся, по Денпу, къ холопамъ, „которыхъ юридическія отношенія должны быть объяснены совершенно самостоятельнымъ образомъ“, слова же „а князю 12 гривенъ продажи“ — прибавка позднѣйшая, относящаяся ко времени полного утвержденія княжеской власти ¹⁾).

Мнѣніе Денпа слишкомъ сильно противорѣчитъ пространному тексту Русской Правды, а потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано вѣрнымъ. Его попытки примирить это противорѣчіе — натянуты и неосновательны: 16 гривенъ отъ виры въ 80 гривенъ шли не князю, а вирнику, ему же шли и 8 гривенъ съ 40-гривенной виры ²⁾); статьи о продажѣ князю нельзя относить къ холопамъ: это противорѣчитъ и понятію о холопствѣ въ то время, и прямымъ указаніямъ Правды, что продажу платили смерды ³⁾, а холоповъ „князь продажею не казнить, зане суть несвободни“ ⁴⁾); наконецъ, ни на чемъ не основано и утвержденіе, что слова „а князю 12 гривенъ продажи“ — позднѣйшая прибавка. Что касается до самыхъ основаній

¹⁾ О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексія Михайловича. Сиб., 1819, стр. 38—49.

²⁾ Троицкій списокъ, статьи 7-я и 8-я.

³⁾ Тамъ же, статья 41.

⁴⁾ Тамъ же, статья 42.

миѣнія Денпа, то еще Ланге справедливо замѣтилъ по этому поводу, что постановленія договоровъ съ греками объ отдачѣ имѣнія бѣжавшаго убійцы родственникамъ убитаго и выраженія „кунами ся выкупати“ относятся не къ вирѣ, а къ головничеству ¹⁾). Затѣмъ непонятно, почему количественное различіе въ платежахъ несовмѣстимо съ поступленіемъ ихъ въ пользу князя. Остается только замѣчаніе, что 40 гривенъ, которыя убійца долженъ „положити“ за убитаго, шли не князю, потому что за исчисленными тутъ родственниками оставались еще весьма близкія степени родства. Но, во-первыхъ, нѣкоторые изслѣдователи ²⁾ думаютъ, что перечень родственниковъ тутъ только примѣрный, не полный, а во-вторыхъ, слова „аще ли не будетъ кто его мстыа“ указываютъ на полное отсутствіе законныхъ мстителей, на несуществованіе родственниковъ у убитаго; кто же въ такомъ случаѣ будетъ получать эти 40 гривенъ, какъ не князь? Допустимъ даже, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ³⁾, что здѣсь разумѣется и тотъ случай, когда лица, имѣющія право мстить, отказываются отъ него; можно ли допустить даже и въ этомъ случаѣ замѣну мести однимъ частнымъ вознагражденіемъ? Нѣтъ, такъ какъ въ мести былъ, какъ мы видѣли, общественный элементъ.

Итакъ существованіе въ пространной Русской Правдѣ такихъ наказаній, какъ потокъ и разграбленіе, вира и продажа ставитъ вѣдъ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что понятіе о преступленіи имѣло общественный характеръ. Другой вопросъ, насколько силенъ былъ общественный элементъ въ этомъ понятіи? Слѣдуетъ признать его—вѣстѣ съ г. Сергѣевичемъ ⁴⁾—довольно слабымъ: общественная власть брала деньги съ преступника въ свою пользу, позволяла какъ бы откупаться, совершивъ преступное дѣяніе. Это во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, что сама эта власть смотрѣла на свои функціи съ фискальной точки зрѣнія, а интересы общаго блага и общественнаго спокойствія стояли на второмъ планѣ; поэтому и общественный элементъ въ понятіи о преступленіи не могъ быть сильнымъ. Только слишкомъ важныя преступленія, какъ убійство „въ разбоѣ“, коневая татьба и поджогъ, слишкомъ явно нарушавшія общее благо или гро-

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 101—102.

²⁾ Ланге. Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 95; Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 443—444.

³⁾ Поповъ. Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 39; Ланге. Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 98.

⁴⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 440—441.

жившія совершеннымъ разореніемъ, наказывались „потокомъ и разграбленіемъ“—такимъ видомъ уголовного возмездія, который, при всей своей примитивности, заключалъ въ себѣ больше общественныхъ элементовъ, чѣмъ денежные платежи въ княжескую казну.

Слабость общественнаго элемента въ понятіи о преступленіи по Русской Правдѣ выступаетъ для насъ съ еще ббльшею ясностью, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ Правдѣ понятіе о преступленіи почти исключительно матеріальное: это — обида, матеріальный вредъ, а не формальное нарушеніе закона. „Всякое право, взятое въ своей цѣлости“, говоритъ Эверсъ, „получаетъ начало свое въ понятіи объ обидѣ... Первоначально все—обида и рѣчи только объ обидахъ“¹⁾. Этотъ же взглядъ, только болѣе обстоятельно, развитъ у Максимо-вича: въ эпоху Правды Ярослава, по его мнѣнію, господствовало понятіе обиды, то-есть, матеріальнаго, физическаго вреда; въ Правдѣ XIII столѣтія понятіе обиды расширяется: въ него входитъ, какъ элементъ, и оскорбленіе чести другого, но господствующій характеръ преступленія все же зло физическое, матеріальное, выражаемое терминами „мѹка“ (по отношенію къ лицамъ) и „пагуба“ (по отношенію къ вещамъ)²⁾. Точно также и Чебышевъ-Дмитріевъ думаетъ, что „дѣйствіе считалось преступнымъ въ силу заключающагося въ немъ матеріальнаго (дѣйствительнаго), непосредственнаго зла. Отвлеченнаго понятія о преступности дѣйствія ради одного только зла формальнаго (нарушенія закона), хотя бы это дѣйствіе было само по себѣ и по ближайшимъ, непосредственнымъ своимъ результатамъ безразлично,—въ періодъ Русской Правды не было“³⁾. И г. Сергѣевичъ⁴⁾ присоединяется къ этому взгляду. Вообще онъ не оспаривается, да и едва ли можно что-либо сказать противъ него.

Въ виду этого вполне понятно, что объектомъ преступленія по Русской Правдѣ считаются лишь права лицъ физическихъ, и что нашъ памятникъ не знаетъ цѣлаго ряда преступленій—противъ государства и общества.. Это отмѣчено еще Эверсомъ, который, впрочемъ, объяснял такое явленіе не понятіемъ о преступленіи, а тѣмъ, что го-

¹⁾ Древнѣйшее русское право. Спб., 1885, стр. 350.

²⁾ О развитіи идеи преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства, стр. 12 и 18.

³⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву. Казань. 1862. стр. 92.

⁴⁾ Лекціи и изслѣдованія, стр. 437.

сударственная власть имѣла въ то время патріархальное основаніе ¹⁾. Максимовичъ только отмѣтилъ фактъ, не поставивъ его въ связь съ выясненнымъ имъ же самимъ понятіемъ о преступленіи по Русской Правдѣ ²⁾. Такое же замѣчаніе находимъ и у г. Владимірскаго-Буданова ³⁾. По нашему мнѣнію, связь между понятіемъ о преступленіи и объектомъ преступленія въ правдѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Но права не всѣхъ физическихъ лицъ подлежали въ тѣ времена уголовной защитѣ и охращ. Эта мысль особенно рѣзко выражена Чебышевымъ-Дмитріевымъ. Такъ, права лицъ несвободныхъ—холопа и рабы—не объектъ преступленія: убійство холопа постороннимъ есть лишь нарушеніе имущественныхъ правъ его господина, наказывается, какъ истребленіе чужой собственности,—„продажей“; убійство несвободнаго своимъ господиномъ ненаказуемо: это видно изъ 84 статьи Троицкаго списка, говорящей о наказаніи за убійство *только чужихъ* холопа и рабы, и признается всѣми изслѣдователями—Чебышевымъ-Дмитріевымъ ⁴⁾, г. Ведровымъ ⁵⁾, г. Владиміровымъ-Будановымъ ⁶⁾ и др., но оспаривается Ланге, по мнѣнію котораго такой порядокъ существовалъ лишь съ Владиміра Мономаха, да и то лишь при убійствѣ холопа въ „свадѣ“, за убійство же его „въ разбоѣ“—потокъ и разграбленіе; до Мономаха, по Ланге, убійство наказывалось сорокагривенною вирой. Онъ доказывалъ свой взглядъ слѣдующимъ образомъ: по-первыхъ, если за кражу холопа князь получилъ 12 гривенъ, а владѣлецъ, въ случаѣ невозвращенія ему его, 5, то должна быть вира или продажа и за убійство холопа; во-вторыхъ, до Мономаха за убійство холопа вималась всегда вира, ибо при Ярославѣ и Изяславѣ съ братьями она взыскивалась за лишеніе жизни тиуна боярскаго, тиунъ же боярскій могъ быть и холономъ; въ-третьихъ, слова 84 статьи Троицкаго списка: „а въ холопѣ и рабѣ виры нѣтуть“—свидѣтельствуютъ объ отмѣнѣ стараго постановленія о вирѣ за ихъ убійство, такъ какъ „нѣтуть“=„да не будетъ“ ⁷⁾. Г. Ведровъ дѣ-

¹⁾ Древнѣйшее русское право, стр. 355.

²⁾ О развитіи идеи преступленія по смыслу памятникоевъ русскаго законодательства, стр. 8.

³⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 8, 12.

⁴⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву, стр. 63—66.

⁵⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ сравнительно съ законами салическихъ франковъ, Москва, 1877, стр. 73, 75.

⁶⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 12, 13.

⁷⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской правды, стр. 57—58.

ласть слѣдующія, вполнѣ основательныя возраженія на эти аргументы: за убійство холопа и платилась продажа; въ статьѣ о вирѣ за убійство тиуна боярскаго рѣчь идетъ о тиунѣ боярскомъ съ *рядомъ*, то есть, не холопѣ; объясненіе слова „нѣтуть“ въ смыслѣ „да не будетъ“ — произвольно ¹⁾).

Чебышевъ-Дмитріевъ не останавливается однако на констатированіи факта непризнанія правъ несвободныхъ въ Русской Правдѣ: онъ утверждаетъ еще, что „вира платилась только за убійство члена известнаго союза, вошедшаго въ составъ тогдашняго общества, или по крайней мѣрѣ за человека вѣдомаго“; поэтому она не платилась, когда найденъ скелетъ или трупъ неизвѣстнаго: „а по костехъ и по мертвеци не платитъ верви, аже имене не вѣдаютъ, ни знаютъ его“ (Троицкій списокъ, статья 15); поэтому же за убійство иностранца князь не получалъ виры: въ договорахъ Олега и Игоря съ греками говорится только о частныхъ вознагражденіяхъ: то же самое замѣтно и въ договорѣ Смоленска съ Ригой въ 1229 и 1230 годахъ, какъ видно изъ статьи, опредѣляющей 5 гривенъ серебра за насилье дѣвкѣ: этотъ платежъ соответствуетъ 5 гривнамъ серебра частнаго вознагражденія за это же преступленіе, по церковному уставу Ярослава; наконецъ и договоръ Новгорода съ нѣмецкими городами въ 1269—1270 годахъ содержитъ тоже только частныя вознагражденія: въ самомъ дѣлѣ, здѣсь прямо сказано, что за сломку старой ограды надо выстроить новую и *ничего болѣе не взыскивать*, между тѣмъ какъ въ Русской Правдѣ за это назначается 3 гривны продажи ²⁾). Это мнѣніе вызвало критическія замѣчанія гг. Ведрова и Владимірскаго-Буданова. По указанію перваго, нельзя признать правоспособными лицами однихъ только членовъ известныхъ союзовъ по той причинѣ, что за изгоевъ платилась 40 гривенная вира, а они не были членами союзовъ ³⁾). Второй названный изслѣдователь считаетъ невѣрнымъ мнѣніе Чебышева-Дмитріева, опираясь на то наблюденіе, что „права лицъ съ ограниченою правоспособностью ограждаются уголовнымъ закономъ въ одинаковой мѣрѣ съ свободными“: указаніе на это можно видѣть, напримѣръ, въ статьяхъ о закупахъ, а иностранцы — варяги и колбяги — имѣютъ въ этомъ отношеніи даже преимущества передъ гражданами (см. Троицкій списокъ, статья 25); и по договору Новгорода

¹⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской правдѣ, стр. 70—75.

²⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву, стр. 55—62.

³⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской правдѣ, стр. 80.

съ нѣмцами, граждане и иностранцы равноправны: „если убьютъ купчину нѣмца въ Новгородѣ, то за голову 10 гривенъ“, что равняется 40 гривнамъ Русской Правды ¹⁾).

Такимъ образомъ нѣтъ основаній раздѣлять взглядъ Чебышева-Дмитріева на то, что права лицъ, не принадлежащихъ къ какому либо союзу, не были объектомъ преступленія во времена дѣйствія нашего памятника. Чтобы закончить рѣчь объ объектѣ преступленія, остается указать на замѣчаніе г. Владимірскаго-Буданова, что правоспособныя лица „пользовались уголовною защитой своихъ правъ не всѣ въ одинаковой степени: такъ, жизнь княжихъ мужей ограждается двойною вирою, за „мѹку“ огнищанина 12 гривенъ продажи, а за „мѹку“ смерда 3“ ²⁾). Разборъ спорной статьи „о женѣ“ откладываемъ до разсмотрѣнія постановленій объ убійствѣ.

II.

Перейдемъ теперь къ трудному вопросу о субъектѣ преступленія по Русской Правдѣ.

Кто могъ быть преступникомъ по понятіямъ того времени? Г. Владимірскаго-Буданова выражаетъ общепринятый взглядъ, утверждая, что „злодѣянія холоповъ—не преступленія и не навлекаютъ на дѣятеля уголовныхъ взысканій“ ³⁾: такъ за кражу, совершенную холопомъ, продажа князю не взыскивалась (см. Карамзинскій списокъ, ст. 43); господинъ могъ выкупить совершившаго такое преступленіе холопа или выдать виновнаго потерпѣвшему, но продажи не платилъ: ей подлежали только свободные соучастники преступленія, если таковые были (Карамзинскій списокъ, ст. 132); если холопъ ударить свободного человѣка и убѣжить въ домъ своего господина, то послѣдній обязанъ или выдать его потерпѣвшему или заплатить ему же 12 гривенъ, а затѣмъ, если оскорбленный холопомъ встрѣтитъ его, то, по рѣшенію Ярослава, можетъ его убить, а по уставу Ярославичей, бить его, раздѣвши или взять гривну кунъ „за соромъ“ (Карамзинскій списокъ, статья 76). Мы видимъ изъ этихъ постановленій, что взглядъ г. Владимірскаго-Буданова не лишень основаній: кража холопа разсматривалась, повидимому, какъ гражданское правонарушеніе, за ударъ, на-

¹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 13.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 8.

несенный холопомъ, не платилась продажа. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться мыслью, что холопъ совершенно не признавался преступникомъ: уже самое право обиженнаго убить или бить холопа-обидчика и возможность выдачи холопа его господиномъ потерпѣвшему указываютъ, что практиковались *личныя* наказанія холоповъ, и эта практика санкціонировалась закономъ. Итакъ въ Русской Правдѣ уже замѣненъ зародышъ признанія личности холопа, и хотя нѣтъ сомнѣнія, что по отношенію къ преступленіямъ свободныхъ и несвободныхъ точка зрѣнія не была одна и та же, все-таки самую княжескою властью въ холопѣ признавалась свободная воля, дурныя проявленія которой подлежали извѣстной уголовной карѣ; мы говоримъ—уголовной, потому что убить или бить холопа—значило примѣнять къ нему личную месть, а месть между тѣмъ, какъ мы видѣли, имѣла несомнѣнное значеніе *общественнаго* наказанія. Можно даже думать, что причина непримѣнимости продажи при преступленіяхъ холоповъ, выраженная въ Русской Правдѣ словами „зѣне суть несвободни“, заключается именно въ томъ, что холопъ совершенно не имѣлъ *имущественныхъ* правъ, а не въ томъ, что не признавалась его личность: послѣднее, строго говоря, невѣрно.

Лица правоспособныя, свободныя, всѣ безъ исключенія могли быть преступниками во времена Русской Правды. Это положеніе не нуждается въ доказательствахъ и признано всѣми изслѣдователями.

Изъ всѣхъ тѣхъ, кто занимался изученіемъ Русской Правды, одинъ только Максимовичъ высказался за то, что въ нашемъ памятникѣ не было понятія ни объ отношеніи дѣйствій человека къ его разумно-свободной волѣ, ни объ умыслѣ; это, по его мнѣнію, вытекаетъ изъ признанія въ Русской Правдѣ существеннымъ признакомъ преступленія—вишняго дѣйствія ¹⁾). Взглядъ Максимовича, построенный на основаніи однихъ только общихъ соображеній, находится въ слишкомъ явномъ противорѣчьи съ текстомъ источника, чтобы найти себѣ послѣдователей. Слѣдуетъ считать безспорнымъ, что степень участія злой воли въ Русской Правдѣ различалась; вопросъ только въ томъ, какъ далеко проведено было это различіе, и насколько силенъ былъ субъективный элементъ правонарушенія.

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія прежде всего замѣчанія Ланге: по его словамъ, въ Правдѣ различалось убійство „въ

¹⁾ О развитіи идеи преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства, стр. 10.

обида“ или „въ разбоѣ“. то-есть, злоумышленное, отъ убійства „въ свадѣ“ или на пиру, то-есть, въ раздраженіи; впрочемъ, на основаніи 24-й статьи Троицкаго списка ¹⁾) Ланге указываетъ, что въ Правдѣ, при опредѣленіи наказанія, послѣдствія преступленія цѣнились болѣе, нежели самое направленіе воли; названный изслѣдователь идетъ даже дальше и утверждаетъ, что и при нанесеніи увѣчій, ранъ и побоевъ различались два случая, въ свадѣ или безъ свады они нанесены (подробно объ этомъ см. ниже); наконецъ, онъ указываетъ на различіе кражи разныхъ предметовъ, животныхъ и птицъ изъ клѣти или перевѣса и съ поля ²⁾). По Власьеву, за имущественныя преступленія продажа назначается лишь при наличности злого умысла: такъ она платилась лишь въ томъ случаѣ, если заключуть на торгу о пропажѣ холопа или покражѣ вещи ³⁾; при сводѣ платилъ лишь дѣйствительно виновный ⁴⁾; при неосторожной винѣ, то-есть, отсутствіе злого умысла, и закупъ платилъ лишь частное вознагражденіе ⁵⁾: кто „накошцами“ порѣжетъ скоть, тотъ платитъ продажу ⁶⁾; то же назначается и за *злонамѣренный* отказъ платить долгъ ⁷⁾). Власьевъ утверждалъ однако, что не было различій въ степени умысла ⁸⁾). Весьма любопытныя соображенія по занимающему насъ вопросу высказалъ Чебышевъ-Дмитріевъ, вообще счтяющій весьма важнымъ субъективный элементъ въ правонарушеніи по Русской Правдѣ: по его мнѣнію, въ это время „главнымъ опредѣляющимъ моментомъ въ понятіи преступнаго дѣйствія является преступная злонамѣренность воли, а не извѣстный способъ нарушенія права“; въ Правдѣ такимъ образомъ „въ понятіи преступнаго дѣйствія преобладающимъ является субъективный моментъ“; злонамѣренность дѣйствія—тотъ признакъ, который отличаетъ уголовное преступленіе отъ гражданскаго правонарушенія: „такъ относительно истребленія и поврежденія чужаго имущества Русская Правда различаетъ дѣйствія смотря по тому, совершенно ли оно „пакостями“ („пакости дѣл“), или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ истребленіе

¹⁾ Аже оударить мечемъ, а не а не оутнетъ на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану же лечебное; потнетъ ли на смерть, а вира.

²⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской правды, стр. 150, 200.

³⁾ Троицкій списокъ, статьи 26 и 27.

⁴⁾ Тамъ же, статьи 29 и 33.

⁵⁾ Тамъ же, статьи 53 и 54.

⁶⁾ Тамъ же, статья 80.

⁷⁾ Тамъ же, статья 43.

⁸⁾ О виѣненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 183—185.

и поврежденіе считается преступленіемъ, вызываетъ поэтому платежъ продажи, во второмъ—гражданскимъ правонарушеніемъ, обязывающимъ виновнаго къ одному вознагражденію хозяина вещей ¹⁾). Сторонниками мнѣнія о вниманіи Русской Правды къ отношенію между преступнымъ дѣйствіемъ и волей дѣятеля являются и гг. Сергѣевичъ ²⁾ и Владимірскій-Будановъ. Послѣдній, вопреки Власьеву, признаетъ, что въ Правдѣ различается *степень* умысла: „количество злой воли предполагается большимъ при истребленіи, чѣмъ при кражѣ тѣхъ же самыхъ вещей“: за злонамѣренное истребленіе чужаго скота—12 гривенъ продажи, и за кражу его 3 гривны. Вместе съ Ланге г. Владимірскій-Будановъ утверждаетъ, что „при наличности злой воли различіе *результатовъ* преступленія вліяетъ на уголовную оцѣнку дѣянія ³⁾. Весьма любопытно, наконецъ, мнѣніе г. П. Вѣляева: онъ думаетъ, что Русская Правда „лишь въ нѣкоторыхъ правонарушеніяхъ требуетъ для бытія наказуемой несправды наличности субъективнаго элемента“: такія правонарушения—убійство, татьба, злонамѣренное истребленіе скота, нарушеніе правильныхъ закупническихъ отношеній. Но гораздо чаще Правда „заключаетъ изъ внѣшней обстановки правонарушения на бытіе субъективнаго элемента, такъ сказать примышляетъ внутреннюю сторону правонарушения къ наличной внѣшней“: такъ татемъ считается тотъ, кто не отвелъ отъ себя слѣда, и тотъ, кто обладаетъ чужою вещью, но не можетъ указать своего аустор’а; подобное же явленіе замѣчается въ 55 статьѣ Троицкаго ⁴⁾ списка и въ 14 статьѣ Академическаго ⁵⁾). Наконецъ, весьма часто Русская Правда „проводитъ чисто-объективную точку зрѣнія на наказаніе и возмѣщеніе ущерба—игнорируетъ совершенно внутреннюю сторону дѣянія“, „знаетъ наказаніе безъ вины“, какъ видно, по мнѣ-

¹⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву стр. 91, 86, 85.

²⁾ Лекція и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 439.

³⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выд. II, стр. 9.

⁴⁾ Аже господинъ переобидитъ закоуна, а оувидитъ купу его или отарицу, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ; паки ли приметь на немъ кунъ, то опять ему воротити куны, что будетъ принялъ, а за обиду платити ему 3 гривны продажи; продасть ли господинъ закуна обель, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ: а, господину за обиду платити 12 гривенъ продажѣ; аже господинъ бьетъ закуна про дѣло, то безъ вины сътъ: биеть ли не смысла пьянъ, а безъ вины, то якоже въ свободнемъ платежѣ, такоже и въ закупѣ.

⁵⁾ Аще гдѣ възыщеть на друзѣ проче, а онъ ея заирати почнетъ, то ити ему на изводъ предъ 12 человекъ, да еще боудеть обиди не вдалѣ, боудеть достояно емуо свои скоть, а за обиду 3 гривнѣ.

нію г. Бѣляева, изъ 50-й статьи Троицкаго списка; та же объективная точка зрѣнія—при мести: игнорируется, былъ ли виновенъ, или нѣтъ, тотъ, кому мстять; то же при нанесеніи ранъ, увѣчий, мученій, преступленійхъ противъ чести и пр. (Троицкій списокъ, статья: 18, 22, 23, 25, 60, 61, 71, 72; Карамзинскій списокъ, статья 28; Троицкій списокъ, статьи: 64—66, 68, 74, 79, 84 и пр.) ¹⁾.

Попытаемся разобраться въ этихъ довольно разнообразныхъ взглядахъ. Уже одно сопоставленіе изложенныхъ здѣсь нами мнѣній и ихъ оснований въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что отличительною чертой преступленія въ Русской Правдѣ служатъ наличность злой воли дѣятеля: въ этомъ отношеніи правы Чебышевъ-Дмитріевъ, Власевъ и др. Можно принять и достаточно обоснованную текстомъ памятника поправку г. П. Бѣляева, что Правда дѣлаетъ заключеніе о наличности злой воли по внѣшнимъ признакамъ, но едва ли вѣрно другое замѣчаніе того же изслѣдователя—о томъ, что Русская Правда „знаетъ наказаніе безъ вины“, держится чисто-объективной точки зрѣнія на преступленіе, то-есть, если мы вѣрно понимаемъ г. Бѣляева, наказываетъ, напримѣръ, за ударъ необнаженнымъ мечемъ или рукояткой, не обращая вниманія, нанесенъ ли онъ умышленно, или по неосторожности или случайности. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ ему подобныхъ, на которые ссылается г. Бѣляевъ, Правда такъ же „примышляетъ внутреннюю сторону правонарушенія къ наличной вѣщпей“, какъ она дѣлаетъ это и въ статьяхъ о „сводѣ“. Совершенно непонятно, какъ можетъ служить подтвержденіемъ взгляда г. Бѣляева 50-я статья Троицкаго списка; въ ней находятся неопровержимыя доказательства вниманія Русской Правды къ субъективной, внутренней сторонѣ дѣянія: тутъ противопоставляются два случая: первый, когда купецъ съ чужими деньгами „истопится, либо рать возьметъ, ли огонь“,—тогда нѣтъ преступленія, и купецъ возмѣщаетъ убытки довѣрителей, не стѣснясь сроками платежа; второй случай—„аже ли *пробиетъ* или *проплетъ*, а въ *безумьи* чюжь товаръ испортить“,—тогда онъ виноватъ и можетъ быть проданъ въ рабство. Неубѣдительно, наконецъ, и ссылка на мечь: вѣдь мечь назначалась главнымъ образомъ за убійство, и при наказаніи за это преступленіе принимался во вниманіе субъективный элементъ, какъ признаетъ и самъ г. Бѣляевъ. Итакъ: налич-

¹⁾ Очерки права и процесса въ эпоху Русской Правды, въ „Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“, т. V, стр. 18—19, 23, 25 и 26.

ность злой воли и умысла была непремѣннымъ условіемъ признанія факта преступленія, хотя иногда Правда и заключала объ умыслѣ по однимъ внѣшнимъ признакамъ; объективнаго отношенія къ преступленію въ Правдѣ не было.

Другой вопросъ—о *степени* умысла: кто правъ, Власевъ ли, отрицающій различіе ея въ Русской Правдѣ, или Ланге и г. Владимірскій-Будановъ, признающіе, что нашъ памятникъ различаетъ степень умысла? Въ дѣлахъ объ убійствѣ, какъ показываютъ термны убійство „въ разбоѣ“ и убійство „въ свадѣ или на пиру явлено“ и различная степень наказуемости каждаго изъ этихъ видовъ убійства ¹⁾, различалась степень умысла. То же самое надо сказать и о воровствѣ-кражѣ: отличается кража изъ клѣтки или изъ хлѣва и кража съ поля ²⁾ и послѣдняя считается не гражданскимъ правонарушеніемъ, а уголовнымъ преступленіемъ, обнаруживающимъ однако меньшее напряженіе злой воли, чѣмъ первая, почему караемымъ меньшею продажей. Такимъ образомъ правы Ланге и г. Владимірскій-Будановъ,—но только отчасти: не слѣдуетъ вмѣстѣ съ Ланге признавать вниманіе Русской Правды къ *степени* напряженности злой воли въ постановленіяхъ о нанесеніи увѣчій, ранъ и побоевъ: ни въ одной статьѣ, посвященной этимъ преступленіямъ, нѣтъ ни намекъ на вниманіе къ этому; степень наказуемости при этихъ преступленіяхъ опредѣлялась не напряженностью преступной воли, а результатами преступнаго дѣянія и большею или меньшею его оскорбительностью для потерпѣвшаго. Вотъ почему, напримѣръ, за ударъ какимъ либо тупымъ орудіемъ или необнаженнымъ мечемъ назначено было 12 гривенъ продажи, а за ударъ обнаженнымъ мечемъ, не причинившій смерти потерпѣвшему, только 3 гривны, тогда какъ въ случаѣ его смерти платилась вира ³⁾. Не различалась степень умысла также и въ другихъ имущественныхъ преступленіяхъ, кромѣ воровства-кражи,—здѣсь, какъ и по отношенію къ увѣчьямъ, ранамъ и побоямъ, надо согласиться съ Власевымъ ⁴⁾.

Пойдемъ далѣе въ анализъ субъективной стороны преступнаго дѣянія. Г. Владимірскій-Будановъ дѣлаетъ весьма важное указаніе на то, что въ Русской Правдѣ признавалось вліяніе аффекта на степень наказуемости: если кто либо, получивъ ударъ какимъ либо ту-

¹⁾ Троицкій списокъ, статьи 8, 4 и 5.

²⁾ Тамъ же, статья 87 и 88.

³⁾ Троицкій списокъ, статьи 18, 20, 24.

⁴⁾ Тамъ же, статьи 68—66, 68, 69, 74 и пр.

нымъ орудіемъ, не стерпѣвъ, ударить обидчика мечемъ, „то вини ему въ томъ нѣтуть“ (Троицкій списокъ, статья 20) ¹⁾: Этотъ случай нельзя, подобно Калачову ²⁾, отнести исключительно къ законной самооборонѣ, такъ какъ тутъ центръ тяжести лежитъ въ словахъ „не терпя“, несомнѣнно указывающихъ на аффектъ.

Спорнымъ является вопросъ о томъ, существуетъ ли въ Русской Правдѣ понятіе о сообщничествѣ или соучастіи? Максимовичъ не признавалъ его существованія въ то время ³⁾. Противоположную крайность представляетъ мнѣніе Ланге, видѣвшаго понятіе о сообщничествѣ и въ статьяхъ Русской Правды объ убійствѣ: это онъ выводилъ изъ 18-й статьи Академическаго списка: „еще оубьють (то-есть, нѣсколько человекъ) огнищанина въ обиду, то платити зань 80 гривенъ оубійци“, то-есть, каждому изъ убійць ⁴⁾. Ясно однако же, что выраженіе „оубьють“ вовсе не указываетъ на нѣсколько убійць, а есть выраженіе безличное, въ смыслѣ „если кто либо убьетъ“. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать существованіе понятія о соучастіи въ Русской правдѣ, только оно ограничено случаями воровства-кражи: такъ въ 37-й статьѣ Троицкаго списка говорится: „Аже крадетъ кто скоть въ хлѣвѣ или клѣтѣ, то же будетъ одинъ, то платити ему 3 гривны и 30 купъ; будетъ ли ихъ много, всѣмъ по 3 гривны по 30 кунъ платитъ“, въ 38-й—читаемъ: „Аже крадетъ скоть на поли, или овцѣ, или козы, ли свиньи, 60 кунъ; будетъ ли ихъ много, то всѣмъ по 60 купъ“; соотвѣтствующія этимъ постановленія находимъ и въ краткой Правдѣ ⁵⁾; наконецъ, на соучастіе въ кражѣ указываетъ еще слѣдующая статья пространнаго текста: „Аже холопъ крадетъ кого либо, то господину выкупати и либо выдати и съ кимъ будетъ крадь, а женѣ и дѣтемъ ненадобѣ; но оже будутъ съ нимъ крали и хоропили, то всѣхъ выдати; паки ли а выкупаютъ господинъ; аже будетъ свободни съ нимъ крали или хоропили, то князю въ продажѣ“ ⁶⁾. На основаніи этихъ статей Власевъ совершенно справедливо признаетъ понятіе о соучастіи въ Русской Правдѣ мало развитымъ ⁷⁾,

¹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права вып., II, стр. 10.

²⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, заключеніе е изъ III главы III отдѣленія—объясненіе конца статьи ХCVIII.

³⁾ О развитіи идеи преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства, стр. 18.

⁴⁾ Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 113.

⁵⁾ Академическій списокъ, статьи 29 и 40.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статья 115.

⁷⁾ О вѣщеніи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 187—188.

что правильно разъясняется г. Владимірскимъ-Будановымъ въ томъ смыслѣ, что въ Правдѣ не различается главное виновничество: всѣ сообщники наказываются одинаково ¹⁾.

Далѣе Максимовичъ ²⁾ и Власевъ ³⁾ находятъ, что въ Русской Правдѣ нѣтъ понятія о покушеніи, и причину этого первый видитъ въ признаніи необходимымъ условіемъ преступленія пагубнаго послѣдствія его, второй же въ отсутствіи въ Правдѣ понятія о степени умысла и въ недостаточномъ развитіи процесса. Противоположный взглядъ высказанъ Поповымъ ⁴⁾, Калачовымъ ⁵⁾ и г. Владимірскимъ-Будановымъ ⁶⁾, и къ нему нельзя не присоединиться, такъ какъ онъ опирается на текстъ источника, именно на статью: „Аже ли вынесъ мечъ, а не оутнеть, то гривна кунъ ⁷⁾ или, какъ сказано въ краткой редакціи, „то тои гривноу положить“ ⁸⁾.

Чтобы закончить рѣчь о субъектѣ преступленія въ изучаемомъ памятникѣ, остается упомянуть о правѣ законной самообороны; признаніе этого права Калачовъ ⁹⁾ и г. Владимірскій-Будановъ ¹⁰⁾ видятъ въ дозволеніи убить ночнаго татя на мѣстѣ преступленія (см. 38-ю статью Академическаго списка и 36-ю Троицкаго).

III.

Выяснивъ общее понятіе о преступленіи въ нашемъ источникѣ, мы должны теперь произвести подробный обзоръ постановленій Русской Правды объ отдѣльныхъ видахъ уголовныхъ преступленій.

За убійство, по древнѣйшей Правдѣ, назначалась месть, причемъ въ текстѣ источника перечислены слѣдующіе мстителі: отецъ, сынъ,

¹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 11.

²⁾ О развитіи идеи преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства, стр. 11 и 19.

³⁾ О вѣнчанинѣ, стр. 186—187.

⁴⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 87.

⁵⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава III, объясненіе С статьи.

⁶⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 12.

⁷⁾ Троицкій списокъ, статья 19.

⁸⁾ Академическій списокъ, статья 8.

⁹⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава III, объясненіе статей LXXXV и LXXXVI и заключенія изъ главы.

¹⁰⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 10.

братъ, двоюродный братъ, племянникъ ¹⁾). Одни видятъ здѣсь полный перечень законныхъ мстителей, другіе—только примѣрный. Если держаться перваго мнѣнія, то надо признать, что тутъ введено ограниченіе первобытнаго, основаннаго лишь на обычаяхъ, права мести. Такъ думаютъ Эверсъ ²⁾, Поповъ ³⁾, Иванишевъ, видѣвшій цѣль ограниченія числа мстителей въ финансовой выгодѣ отъ виры ⁴⁾. Чебышевъ-Дмитріевъ, полагавшій, что ограниченіе состояло въ замѣнѣ междусоюзной мести вирой и въ томъ, что осталась лишь месть родственниковъ внутри общины ⁵⁾, Бѣляевъ ⁶⁾, г. Стефановскій ⁷⁾ и г. Ведровъ ⁸⁾. Сторонники мнѣнія о примѣрномъ перечнѣ — Ланге и г. Сергѣевичъ. Ланге доказываетъ, что въ данномъ мѣстѣ пельзя понимать текстъ Правды буквально, такъ какъ тогда пришлось бы утверждать, что дядя не имѣлъ права мстить за племянника, тогда какъ послѣдній пользовался этимъ правомъ въ случаѣ убійства дяди, и что Правда дозволяла мстить однимъ мужчинамъ, а не женщинамъ и единственно за убійство мужчинъ ⁹⁾. Г. Сергѣевичъ подкрѣпляетъ послѣднее соображеніе Ланге—о томъ, что мстили и за женщинъ,—ссылкой на извѣстіе Начальной лѣтописи, что, по приказанію Свято-славова „мужа“, Яна, волхвамъ, появившимся въ Бѣлозерской области и убивавшимъ женщинъ подъ предлогомъ, что онѣ мѣшаютъ урожаю, мстили за убійство матерей и сестеръ ¹⁰⁾. Въ доказательство мщенія со стороны женщинъ можно указать на извѣстную месть Ольги за Игоря.

Итакъ несомнѣнно, что указанія Русской Правды на кругъ мстителей и на лица, за которыхъ мстили, имѣютъ значеніе только примѣрнаго перечня. Слѣдовательно, мы не имѣемъ права утверждать, что въ этомъ отношеніи Ярославомъ произведены были какія либо

¹⁾ Академическій списокъ, статья 1.

²⁾ Древнѣйшее русское право, стр. 338.

³⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 37.

⁴⁾ О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирой. Кіевъ, 1840, стр. 103.

⁵⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву, стр. 13.

⁶⁾ Лекціи по исторіи русскаго законодательства, стр. 183.

⁷⁾ Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1873 г., мартъ, стр. 13, прил. 2.

⁸⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 49.

⁹⁾ Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 95.

¹⁰⁾ Лекціи и исслѣдованія, стр. 443—444.

перемѣны въ обычномъ правѣ: юридическій обычай продолжалъ дѣйствовать во всей своей неприкосновенности: мечь „членовъ рода“¹⁾, за убійство—не Ярославово нововведеніе, а правовой обычай.

Но и въ періодъ дѣйствія кровной мести существовали условія, при которыхъ мечь не примѣнялась. Эти условія выражены въ Русской Правдѣ словами: „аще ли не будетъ кто его мьстя“; въ этомъ случаѣ полагался платежъ, по древнѣйшей Правдѣ, всегда 40 гривенъ, а по позднѣйшей, 80 гривенъ, если убитый былъ „княжь мужъ“ или княжескій тиунъ, и 40 гривенъ, если то былъ русинъ гридь, купецъ, тиунъ боярскій, мечникъ, изгой, славянинъ²⁾. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе три вопроса: о значеніи словъ „аще ли не будетъ кто его мьстя“, о томъ, кому платились эти 80 и 40 гривенъ, наконецъ, почему мы тутъ встрѣчаемся съ этимъ перечнемъ лицъ разныхъ общественныхъ состояній? Относительно перваго вопроса всѣ согласны, что тутъ разумѣется случай, когда нѣтъ мстителей³⁾, по Поповъ⁴⁾ и Лапге⁵⁾ кромѣ того еще полагаютъ что вообще можно отказываться отъ права мести. Миѣніе послѣднихъ двухъ изслѣдователей слѣдуетъ признать вполне справедливымъ: выраженіе „оже ли не будетъ кто его мьстя“ соответствуетъ грамматически выраженіямъ „оже будетъ убилъ“ „будетъ ли самъ почаль“ и отличается отъ нихъ лишь временемъ причастія (съ одной стороны „мьстя“, съ другой „убилъ“, „почаль“): въ послѣднихъ выраженіяхъ прошедшее, а въ первомъ настоящее время; поэтому точный переводъ будетъ: „если же никто не мститъ“. Отвѣтъ на второй поставленный выше вопросъ,—кому шли платежи въ 80 и 40 гривенъ, данъ нами раньше при изслѣдованіи общаго понятія о преступленіи въ Русской Правдѣ: эти суммы поступали князю. Третій вопросъ рѣшается не всѣми одинаково. Иванишевъ дѣлаетъ предположеніе, что перечень лицъ разныхъ общественныхъ состояній приведенъ съ цѣлью отмѣнить личность права, будто бы господствовавшую раньше, и ввести *ius ter-*

¹⁾ Слова г. *Владимірскаго-Вуданова*. Очеркъ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 22.

²⁾ Академическій списокъ, статья 1; Троицкій списокъ, статья 1.

³⁾ См., напр., „Правда Русская“, изданіе любителей отечественной исторіи, М., 1799, стр. 1; *Зерсъ*, Древнѣйшее русское право, стр. 309 и 370; *Помовъ*, Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, Стр. 39; *Лапге*, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 96.

⁴⁾ Русская правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 39.

⁵⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской правды, стр. 96.

gitorii ¹⁾; но правильнѣе, вслѣдъ за Калачовымъ ²⁾, объяснить дѣло тѣмъ, что тутъ мы встрѣчаемся со слитіемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеній въ одну общую форму.

Сыновья Ярославъ, послѣ его смерти, уничтожили месть за убійство и ввелъ денежный выкупъ ³⁾. О какомъ выкупѣ здѣсь говорится? Въ пользу ли князя онъ шелъ, или въ пользу родственниковъ убитаго? Это—во-первыхъ. А затѣмъ высказываются сомнѣнія и въ полной отмѣнѣ мести Ярославичами. На этомъ и надо намъ теперь сосредоточить свое вниманіе. Еще Иванишевъ высказалъ мнѣніе, что здѣсь рѣчь идетъ о частномъ вознагражденіи родственниковъ убитаго, головничествомъ ⁴⁾. Этотъ взглядъ имѣетъ также и другихъ представителей въ лицѣ Ланге ⁵⁾ и г. Сергѣевича ⁶⁾. Мы уже говорили, что такое объясненіе слѣдуетъ признать вѣрнымъ, но это еще не значить, что при Ярославичахъ не платилась вира князю за убійство: на ея существованіе въ то время, какъ было уже замѣчено, указываютъ слова: „а іно все, якоже Ярославъ судилъ, такоже і сыновѣ его оуставиша“ ⁷⁾. Два изслѣдователя—Эверсъ и Нейманъ—высказались за то, что дѣти Ярослава не отмѣнили мести за убійство. Доказательство этого первый видѣлъ въ томъ, что Правда XIII столѣтія представляетъ собою сборникъ дѣйствовавшихъ тогда законовъ, между тѣмъ въ ней есть постановленіе о мести. Ярославичи, по Эверсу, замѣнили месть денежнымъ выкупомъ лишь въ томъ случаѣ когда мертвое тѣло найдено будетъ въ предѣлахъ верви, а убійца не отыскавъ: они запретили мстить всей верви и установили денежное взысканіе съ нея ⁸⁾. По Нейману, виры и при Ярославичахъ платились только въ случаяхъ, во-первыхъ, незаконности убійства (то-есть, при убійствѣ не изъ мести и не изъ за обороны), притомъ при отсутствіи мстителей; во-вторыхъ, когда месть, по древнему праву, падала на вервь. Мнѣніе обоихъ названныхъ изслѣдователей о законности мести при сыновьяхъ Ярослава опровергается подлинными

¹⁾ О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ, стр. 90—91.

²⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе первое, разборъ мнѣній Погодина.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 2.

⁴⁾ О платѣ за убійство, стр. 95—96.

⁵⁾ Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 101—102.

⁶⁾ Лекціи и изслѣдованія, стр. 448—449.

⁷⁾ Троицкій списокъ, статья 2.

⁸⁾ Древнѣйшее русское право, стр. 418, прим. 5.

словами Русской Правды „по Ярославѣ же пакы совкупившесе сыновѣ его... і отложиша оубненіе за голову“ ¹⁾).

Остается еще выяснитъ, въ чемъ состояла месть, и чѣмъ обезпечивалось правильное ея выполнение. Прежде смѣшивали месть съ судебнымъ поединкомъ или „полемъ“, о которомъ въ дѣйствительности не упоминается въ Русской Правдѣ: такое смѣшеніе находимъ у Болтина ²⁾, Успенскаго ³⁾, Раковецкаго ⁴⁾, Калайдовича ⁵⁾. Это мнѣніе давно и заслуженно оставлено; достаточно замѣтить только одно: „поле“—видъ судебныхъ доказательствъ, родъ суда Божія, месть—не процессуальный актъ, а уголовное взысканіе; уже изъ этого видно, какъ глубоко заблуждались Болтинъ и его послѣдователи. Ланге высказалъ мнѣніе, что месть даже и за убійство не состояла непременно въ убійствѣ же, а просто была правомъ самосуда, опредѣлялась волей мстителя, ибо нельзя допустить, чтобы за увѣчье убивали, а между тѣмъ въ Правдѣ прямо сказано, что за увѣчье существовало мщеніе. Итакъ мститель могъ нанести побои, убить, изувѣчить, взять выкупъ и даже примириться ⁶⁾. Совершенно расходится съ Ланге Чебышевъ-Дмитріевъ: онъ убѣжденъ, что при мщеніи руководились преданіемъ или обычаемъ, а не личнымъ произволомъ ⁷⁾. Г. Сергѣевичъ присоединяется къ Ланге: по его мнѣнію, родъ мести опредѣлялся въ каждомъ частномъ случаѣ темпераментомъ ⁸⁾. Правильное разрѣшеніе этого спорнаго вопроса зависитъ отъ того, чѣмъ обезпечивалось законное выполнение мести. Чебышевъ-Дмитріевъ думаетъ, что для мести надо было доказать фактъ обиды, и ссылается при этомъ на 2-ю статью Академическаго списка ⁹⁾, судя по которой, только доказавъ фактъ обиды, можно было мстить ¹⁰⁾. Г. Сер-

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 2.

²⁾ „Правда Русская“, изданная любителями отечественной исторіи. Москва, 1799, стр. 11.

³⁾ Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ. Харьковъ, 1818, стр. 491.

⁴⁾ Prawda Ruska ; t. II, w Warszawie, 1822, стр. 133, прим. 36.

⁵⁾ Разсужденіе о поединкахъ въ Россіи вообще и въ особенности о судебныхъ, въ „Русскомъ Историч. Сборникѣ“, т. I, книга IV, стр. 4—6.

⁶⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 96.

⁷⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому до Петровскому праву, стр. 36.

⁸⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, 441.

⁹⁾ Или боудѣтъ кровавъ или смнѣ надоражень, то не искати емоу видока... оже ли себе не можетъ мстити, то взяти емоу за обиду 3 гривнѣ, а лѣтцю мзда.

¹⁰⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому до Петровскому праву, стр. 12.

Гѣвичъ утверждаетъ, что мстить можно было только взволнованному человѣку и немедленно послѣ нанесенія ему обиды: такъ въ 3-й статьѣ Академическаго списка ¹⁾ выкупъ назначается за ударъ только въ томъ случаѣ, если обиженный „не постигнетъ“ обидника, то-есть, если онъ его постигнетъ, то можетъ отомстить; изъ 20-й статьи Троицкаго списка ²⁾ видно, что, если обиженный перенесъ оскорбленіе дѣйствіемъ въ моментъ его нанесенія, то послѣ нельзя уже отомстить за него ударомъ меча. Притомъ, по мнѣнію г. Сергѣевича, месть предшествовала суду, и затѣмъ судъ лишь разсматривалъ справедливость или несправедливость уже совершившихся случаевъ мести: какъ видно изъ той же 20-й статьи Троицкаго списка, обиженный, панеся ударъ мечемъ, долженъ былъ доказать на судѣ, что ударъ нанесенъ изъ мести ³⁾. Наконецъ, и г. Владимірскій-Будановъ полагаетъ, что месть соединяется съ судомъ, то-есть, требуетъ или предварительнаго судебного рѣшенія (при побояхъ: см. 2-ю статью Академическаго списка) или послѣдующей санкціи (чаще) ⁴⁾.

Изъ всѣхъ изслѣдователей, мнѣнія которыхъ только что изложены, многиѣ правъ только одинъ Чебышевъ-Дмитріевъ: его взглядъ на необходимость предварительнаго судебного рѣшенія для выполненія мести основанъ на несомнѣнныхъ данныхъ, на текстѣ 2-й статьи Академическаго списка, не допускающемъ двусмысленнаго толкованія. Этого нельзя сказать о мнѣніи г. Сергѣевича: едва ли третья статья краткой Правды можетъ служить аргументомъ въ пользу мнѣнія о законности мести только въ состояніи раздраженія: г. Сергѣевичъ, очевидно, смѣшиваетъ законную самооборону съ местию; право законной самообороны признается и теперь, но никто не будетъ утверждать, что въ настоящее время дозволена закономъ месть; смыслъ 3-й статьи краткой Правды заключается въ томъ, что за ударъ тупымъ орудіемъ назначается 12 гривенъ продажи, но платится эта продажа лишь въ томъ случаѣ, если обиженный не отвѣтитъ ударомъ же; слѣдовательно, если обидчикъ получилъ отвѣтныи ударъ, который со стороны обиженнаго есть въ данномъ случаѣ простое примѣненіе права законной самообороны, то онъ освобождается отъ уплаты продажи:

¹⁾ Аще сего не постигнуть, то платити ему: то тоу коонецъ.

²⁾ Аже кто кого сударитъ батогомъ,.. то 12 гривенъ; но терпя ли противу тому оударитъ мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтуть.

³⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 44.

⁴⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 21—22.

отвѣтный ударъ зачитается ему вмѣсто наказанія. Подобное явленіе встрѣчается въ пространной Русской Правдѣ, въ 23-й статьѣ Троицкаго списка ¹⁾: зачинщикъ драки платитъ 60 кунъ продажи, но если окажется, что его избилъ до снѣжковъ, то съ него не взыскивается продажа: снѣжки и кровь—достаточное наказаніе. Никто не будетъ толковать этого постановленія въ смыслѣ сохраненія мести и законности ея лишь подъ живымъ впечатлѣніемъ насилія: это не месть, а осуществленіе права законной самообороны. Подобное же смѣшеніе двухъ совершенно различныхъ по своей юридической природѣ явленій съ особенною ясностью выступаетъ въ объясненіи г. Сергѣевичемъ 20-й статьи Троицкаго списка: онъ и здѣсь опять видитъ не что иное, какъ месть, тогда какъ здѣсь та же законная самооборона, усложненная еще афективнымъ состояніемъ обороняющагося. А если вѣрно, что въ 3-й статьѣ Академическаго списка и въ 20-й Троицкаго нѣтъ ни слова о мести, то падаетъ основаніе взгляда гг. Сергѣевича и Владимірскаго-Буданова, что месть часто или даже всегда требовала послѣдующей санкціи суда. Пока не будетъ приведено новыхъ доказательствъ этой мысли, надо присоединяться къ взгляду Чебышева-Дмитріева, что законная месть имѣла всегда мѣсто лишь послѣ предварительнаго судебного рѣшенія: такъ было, по всѣмъ признакамъ, въ эпоху краткой Русской Правды. А если правильное выполненіе мести требовало предварительнаго приговора суда, что подтверждается и лѣтописными данными—извѣстнымъ, уже упомянутымъ выше, разказомъ о Янѣ и бѣлозерскихъ волхвахъ,—то несомнѣнно, что и родъ мести, то, въ чемъ она состояла, опредѣлялось не темпераментомъ и не личнымъ произволомъ, а преданіемъ и обычаемъ, по справедливому замѣчанію Чебышева-Дмитріева. Для избѣжанія недоразумѣній напомнимъ, что рѣчь идетъ не о первобытной кровной мести—ея изученіе выходитъ за предѣлы нашей задачи,—а о мести въ эпоху краткой Русской Правды, во второй четверти XI вѣка, при Ярославѣ, когда уже два почти вѣка „княжили и влодѣли“ Русскою землею призванные властители.

Если никто не мстилъ, то платилась вира и при Ярославѣ; она однако примѣнялась въ то время, очевидно, не часто, такъ какъ

¹⁾ Аже придетъ кровавъ мужъ на дворъ, или синь, то видока ему не іскати, но платити ему продажу 3 гривны; аще ли не будетъ на немъ знаменія, то привести ему видокъ: слово противу слова; а кто будетъ почаль, тому плати (=платити) 60 кунъ; аче же и кровавъ придетъ, или будетъ самъ почаль, а вытѣзуть послуси, то то ему за платежъ, оже и били.

надо думать, что въ большинствѣ случаевъ мстители находились. Первостепенное значеніе въ качествѣ обычнаго наказанія за убійство вира приобрѣла поздпѣ съ отмѣной мести Изяславомъ и его братьями.

Относительно размѣровъ виры существуетъ два мнѣнія: одни ¹⁾ думаютъ, что было только три нормы виры: 80 гривенъ или двойная вира, платившаяся за убійство княжескаго мужа или княжескаго тиуна, 40 гривенъ или простая вира, платившаяся за русина, гридя, кунца, тиуна боярскаго, мечника, изгоя, славянина, и 20 гривенъ или полувиры; по мнѣнію другихъ ²⁾, вирами были и платежи въ 12, 6 и 5 гривенъ. Вторая группа изслѣдователей не приводитъ доказательствъ своего мнѣнія, но, повидимому, основываетъ его на томъ мѣстѣ, которое занимаютъ въ Правдѣ статьи о платежахъ въ 12, 6 и 5 гривенъ. Ланге попытался обставить свой взглядъ доказательствами: онъ полагаетъ, что статьи 18—24 краткой редакціи и имъ соответствующія въ пространной говорятъ не о вирѣ, а о головничествѣ: за убійство огнищанина, княжескаго подѣзднаго, княжескаго тиуна огнищнаго и конюшаго назначалось головничество въ 80 гривенъ, за убійство княжескаго отрока, конюха и повара въ 40 гривенъ, за убійство сельскаго или ратайнаго княжескаго тиуна, ремесленника, ремесленницы, кормильца, кормилицы, рядовича—головничество въ 12 гривенъ, наконецъ, 5 гривенъ, головничество за смерда и холопа, а 6 гривенъ за рабу; соображенія, доказывающія это мнѣніе, заключаются въ слѣдующемъ: 1) 12, 6 и 5 гривенъ не виры, такъ какъ въ Правдѣ уже 20 гривенъ называется полувирымъ; притомъ подъ людьми разумѣются и холопы, а о вирѣ за людей сказано выше; было бы кромѣ того странно, что плата за умерщвленіе холопа (5 гривенъ) ниже платы за его похищеніе (12 гривенъ); наконецъ, 6 и 5 гривенъ не виры еще потому, что, по Ланге, съ Мономаха дѣйствовало постановленіе: „а

¹⁾ Поповъ, Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 49—50; Ланге, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 107; Власовъ, О мнѣніи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 155—156; Владимирскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 24.

²⁾ Рейцъ, Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, переводъ Моршкяна, Москва, 1836, стр. 1836, стр. 180; Ивашишевъ, О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ, стр. 92; Калачовъ, Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, отдѣленіе III, глава III, объясненіе статей LXXX—LXXXIII; Ведуровъ, О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 54.

въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть“; 2) 80 и 40 гривенъ тоже не виры, такъ какъ стоятъ въ связи съ 12, 6 и 5 гривнами, о вирѣ въ 80 гривенъ за тиуна огнищнаго нечего повторять: о ней говорилось при указаніи виры за княжихъ мужей; и княжескіе отроки, конюхи и повара—тоже княжескіе мужи, значить, вира за нихъ не 40, а 80 гривенъ; 3) всѣмъ этимъ статьямъ чего-то недостаетъ для опредѣленности смысла; въ предыдущей (8-й Троицкаго списка) статьѣ сказано: „а за голову 3 гривны“; это относится не къ 8-й статьѣ Троицкаго списка, ибо особой платы за голову при 80-гривенной вирѣ быть не могло, такъ какъ ея не было и при 40-гривенной вирѣ; слова эти относятся къ слѣдующимъ статьямъ (9—14 Троицкаго списка) и тутъ ошибка: вмѣсто 3 надо „ти“, то есть, „слѣдующія“: и стерлось, а т переписчикъ принялъ за г; въ Пушкинскомъ спискѣ сказано просто: „а за голову гривны“¹⁾.

Не всѣ доказательства Ланге убѣдительны: послѣднее сомнительно уже потому, что приходится прибѣгать къ передѣлкѣ текста; во всякомъ случаѣ, если признать тутъ текстъ испорченнымъ, что вѣроятно, то лучше не прибѣгать къ формѣ „ти“, а прямо принять чтеніе Пушкинскаго списка; нельзя также считать княжескаго отрока, конюха и повара княжими мужами, такъ какъ „княжь мужъ“ = бояринъ, членъ старшей дружины; наконецъ, совершенно напрасно Ланге причисляетъ къ людямъ и холоповъ: можно считать общепризнаннымъ и несомнѣннымъ, что терминомъ „людинъ“ обозначался свободный человекъ. Но прочіе доводы сохраняютъ свою силу, и въ общей своей мысли Ланге вполне правъ: все это—частныя вознагражденія, что подтверждается еще и тѣмъ, что за убійство холопа назначалось 12 гривенъ продажи²⁾, слѣдовательно, здѣсь 5 гривенъ—урокъ, а всѣ эти статьи въ тѣсной взаимной связи.

Извѣстно, за кого платилась двойная и простая вира. Но спорнымъ является вопросъ, когда платилось полувирие? Вопросъ этотъ рѣшался въ двухъ направленіяхъ: одни³⁾ полагали, что въ извѣст-

¹⁾ Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 136—138.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 84.

³⁾ *Карамзинъ*, исторія Государства Россійскаго, т. I, глава III, изд. 5-е, Эйнерлинга, С.-Пб. 1842, стр. 25 и прим. 67; *Раковецкій*, Prawda Ruska, т. II стр. 145, прим. 76; *Мацлѣвскій*, Slavische Rechtsgeschichte, übersetzt von Buns und Nawrocki, 2-er Theil, Stuttgart und Leipzig, S. 144, Anm. 173; *Неволинскій*, О платѣ за убійство, стр. 93; *Неволинскій*, полное собраніе сочиненій, т. III, стр. 78—79; *Ведроль*, О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 60.

ной статьѣ Русской Правды „о женѣ“ ¹⁾ рѣчь идетъ о женщинѣ вообще, другіе ²⁾, что о женѣ въ смыслѣ супруги. Соответственно этому дѣлались и нѣкоторыя конъектуры въ текстѣ. Доказать первое мнѣніе, хотя и ненадежнымъ образомъ, старается только Неволлинъ: онъ указываетъ, что за статьѣй „о женѣ“ слѣдуетъ статья: „а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть“, гдѣ говорится о платежѣ урока господину убитаго холопа, т. е., о платѣ за убійство чужаго, а не своего холопа; значить, и предыдущая статья говорить объ убійствѣ посторонней женщины, а не своей жены ³⁾. Это основаніе чрезвычайно шатко: система въ Правдѣ есть, но чисто-внѣшняя, и невозможно предположить вниманіе составителя сборника къ такимъ топкостямъ. Второе мнѣніе основывается на томъ соображеніи, что за убійство женщины, какъ и мужчины, платится полная вира: еще Иванишевъ видѣлъ доказательство этого въ одинаковомъ платежѣ за ремесленника и *ремесленицу*, за кормильца и *кормиллицу* „хотя си холопъ, хотя си раба“ ⁴⁾, но замѣчаніе Иванишева не имѣетъ въ данномъ случаѣ значенія: тутъ рѣчь идетъ о частномъ вознагражденіи, урокѣ, а не вирѣ; г. Владимірскій-Будановъ указываетъ, что, по другимъ славянскимъ законодательствамъ и позднѣйшему русскому праву, убійство женщины и мужчины наказывается одинаково ⁵⁾. Онъ предлагаетъ измѣнить чтеніе „оже будетъ виновата“ на болѣе понятное „виновата“. Смыслъ всего постановленія получается тогда такой: если мужъ убьетъ жену, то тѣмъ же судомъ судить, какъ за убійство мужчины (то-есть, подвергать той же вирѣ), а если она сама въ этомъ виновата (то-есть, нарушила супружескую вѣрность), то полвиры, 20 гривенъ ⁶⁾. Такъ какъ чтеніе „виновата“ мы встрѣчаемъ въ спискахъ Карам-

¹⁾ Троицкіи списокъ, статья 83.

²⁾ *Болтинъ*, „Правда Русская“, изданная любителями отечественной исторіи, стр. 84; *Зверзь*, Древнѣйшее русское право, стр. 394; *Рейсъ*, Опытъ исторіи російскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, стр. 180; *Калачовъ*, Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, отдѣленіе III, глава III, объясненіе статьи LXXIX; *Лань*, Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 112; *Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 14.

³⁾ Полное собраніе сочиненій, т. III, стр. 78, прим. 185.

⁴⁾ О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ, стр. 98.

⁵⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 14.

⁶⁾ Тамъ же. Отметимъ здѣсь кстати, что и по Псковской судной грамотѣ, статья 16, (изд. Мурзакевича), князь получалъ продажу при убійствѣ въ семьѣ.

зической редакціи ¹⁾, то такое объясненіе статьи „о женѣ“ представляется самымъ вѣроятнымъ. Совершенно оригинально понимаетъ вторую половину этой статьи Ланге: по его мнѣнію, тутъ рѣчь идетъ объ общей платѣ за убійство „въ свадѣ“: по вновь изданному закону, зачинщикъ свадьбы платилъ полувирье ²⁾,—объясненіе столь же оригинальное, какъ и ни на чемъ не основанное.

Вира платилась не за всякое убійство, а только за убійство, бывшее слѣдствіемъ ссоры или совершенное на пиру открыто ³⁾. Но характерно, что, тогда какъ головничество всегда имѣло личный характеръ, платилось исключительно самимъ убійцей ⁴⁾, вира платилась иногда вервью или съ помощью отъ верви. Но условія платежа виры вервью удобнѣе разсматривать въ связи съ разборомъ вопроса вообще о значеніи верви, такъ что мы оставимъ пока это въ сторонѣ.

Кромѣ убійства въ ссорѣ или на пиру открыто, Русская Правда знаетъ еще убійство „въ разбоѣ“, то-есть, злоумышленное убійство. Оно наказывалось не вирой, а „потокомъ и разграбленіемъ“ ⁵⁾. Мы говорили уже выше о томъ, какъ понималъ сущность этого назанія Поповъ. Его взглядъ въ общемъ раздѣляется всѣми ⁶⁾. Только Раковецкій ⁷⁾ считалъ потокъ неволей, рабствомъ, г. Стефановскій ⁸⁾ опредѣляетъ его, какъ казнь, а у г. Владимірскаго-Буданова находимъ замѣчаніе, что изъ потока и разграбленія „развились уже въ эпоху Русской Правды всѣ виды уголовныхъ каръ“: изгнаніе и ссылка, какъ видно изъ лѣтописнаго извѣстія 1024 г. о томъ, что Ярославъ, „изымавъ волхвы, расточи“; заключеніе или лишеніе свободы на время: въ 1146 г. новгородцы „заточиша Якуна въ Чюдъ съ братомъ окочавъше и рущѣ къ шыи“; обращеніе въ рабство, какъ видно изъ 11-й

¹⁾ См. Карамзинскій списокъ, статья 101.

²⁾ Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 122.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 4.

⁴⁾ „А головничество самому головнику“: Троицкій списокъ, статья 4.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 5.

⁶⁾ *Власъевъ*, О вѣнненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 160; *Калачовъ*, Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полного объясненія Русской Правды, отдѣленіе III, глава III, объясненіе статьи LXXI; *Ланге*, Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 125; *Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 24.

⁷⁾ *Prawda Ruska*, t. II, стр. 138, прим. 39.

⁸⁾ Разграниченіе гражданскаго и уголовного судопроизводства въ исторіи русскаго права, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1873 г., мартъ, стр. 24.

статьи договора съ нѣмцами 1229 г. (см. Хрестоматію г. Владимірскаго-Буданова); тѣлесныя наказанія: замѣна ими потока удостовѣряется тѣмъ, что вмѣсто словъ „на потокъ“ въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды поставлено: „на бой“; наконецъ, смертная казнь: арабскіе писатели свидѣтельствуютъ о смертной казни у Руси за воровство, а при Владимірѣ Святѣмъ, какъ видно изъ извѣстнаго мѣста Начальной лѣтописи, была смертная казнь за разбой ¹⁾).

Вообще вопросъ о сущности потока и разграбленія достаточно выясненъ въ ученой литературѣ: тѣ незначительныя разногласія, съ которыми приходится встрѣчаться, удовлетворительно разрѣшаются приведенными соображеніями г. Владимірскаго-Буданова о развитіи разныхъ видовъ уголовнаго возмездія изъ потока и разграбленія.

Остается еще указать, что „Русская Правда“ въ двухъ случаяхъ допускаетъ наказаніе за убійство *продажей*: первый изъ этихъ случаевъ—убійство чужаго холопа или рабы, разсматриваемое, какъ простое истребленіе чужой собственности ²⁾, второй—убійство уже задержаннаго или связаннаго ночнаго татя ³⁾. Мы не будемъ здѣсь повторять того, что сказано выше о взглядѣ Ланге на наказаніе за убійство холопа до Мономаха. Въ добавленіе къ статьѣ объ убійствѣ вора надо отмѣтить извѣстную добавочную статью краткаго текста „Русской Правды“ изъ утраченной теперь такъ называемой Ростовской лѣтописи, гдѣ сказано, что, когда воръ будетъ убѣгать, и его убьютъ въ предѣлахъ двора (и ноги его внутри двора лежать), то такое убійство не наказуемо ⁴⁾. Не наказывалось и убійство татя на мѣстѣ преступленія, до его задержанія ⁵⁾.

IV.

Русская Правда посвящаетъ довольно много вниманія, кромѣ убійства, еще и другимъ преступленіямъ противъ личныхъ правъ. Она различаетъ въ этомъ отношеніи нѣсколько видовъ преступнаго нарушенія права: прежде всего увѣчья и преступленія противъ здоровья, затѣмъ преступленія противъ чести, наконецъ, — противъ свободы.

¹⁾ Обзоръ исторія русскаго права, выпускъ II, стр. 25.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 84.

³⁾ Тамъ же, статья 36.

⁴⁾ Академическій списокъ, статья 38.

⁵⁾ Тамъ же.

Сущность постановлений Русской Правды объ увѣчьѣ и преступленіяхъ противъ здоровья заключается въ слѣдующемъ: за отсѣченіе руки или такую рану въ нее, которая лишала потерпѣвшаго возможности владѣть этимъ органомъ человѣческаго тѣла, краткая Правда назначала 40 гривенъ, по нашему мнѣнію, виры, то-есть. платы князю; но если вмѣстѣ съ тѣмъ была отсѣчена нога или повреждена настолько, что потерпѣвшій сталъ хромать, то за такое увѣчье мстятъ дѣти потерпѣвшаго ¹⁾; по пространной Правдѣ, за лишеніе руки, ноги, глаза, а—по Карамзинской редакціи—еще и носа. назначено полувирь—20 гривенъ и 10 гривенъ потерпѣвшему, за увѣчье ²⁾. За побой до синяковъ и крови краткая Правда допускала мечь, а въ случаѣ невозможности мести, 3 гривны за обиду и плату лѣкарю долженъ былъ вносить преступникъ, причемъ. какъ мы видѣли выше, является спорнымъ, кому шли эти 3 гривны, князю или потерпѣвшему ³⁾?; въ пространной Правдѣ и за это преступленіе не назначалась мечь, и виновный платилъ 3 гривны продажи; сверхъ того зачинщикъ драки долженъ былъ платить 60 купъ продажи; впрочемъ, если зачинщикомъ окажется лицо, получившее синяки или окровавленное въ дракѣ, то оно свободно отъ послѣдняго платежа ⁴⁾. За отсѣченіе пальца—3 гривны (продажи)—князю и 1 гривна (урока) потерпѣвшему ⁵⁾. За ударъ мечемъ, не причинившій смерти, 3 гривны продажи, а потерпѣвшему гривна на лѣченіе ⁶⁾.

Изъ объясненій, предложенныхъ изслѣдователями Русской Правды, любопытны тѣ, которыя принадлежать г. Владимірскому-Вуданову, Власьеву и Ланге. Первый справедливо указываетъ на причину того, что увѣчье въ краткой Правдѣ приравнивалось къ убійству: увѣчьемъ тогда считалось лишеніе ноги или руки, умалявшее правоспособность лица, ставившее его въ христіанскую эпоху подъ опеку церкви; какъ только понятіе увѣчья распространилось и на лишеніе глаза и носа, потеряно было прежнее основаніе причислять это преступленіе къ убійству ⁷⁾. Власьевъ далъ то объясненіе статьи о побояхъ до синяковъ и крови, которое принято нами при изложеніи ея выше,—

¹⁾ Академическій списокъ, статья 5.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 21; Карамзинскій списокъ, статья 22.

³⁾ Академическій списокъ, статья 2.

⁴⁾ Троицкій списокъ, статья 23.

⁵⁾ Тамъ же, статья 22.

⁶⁾ Тамъ же, статья 24.

⁷⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 15.

съ тою впрочемъ важною особенностью, что и 3 гривны и 60 кунъ, по мнѣнію Власьева, всегда платилъ зачинщикъ: 3 гривны—при побояхъ до синяковъ и крови, и 60 кунъ—безъ этихъ послѣдствій ¹⁾. Объясненіе словъ „или будетъ самъ почаль....., то то ему за платежъ, оже и били“ предложилъ и Ланге: смыслъ этого выраженія заключается, по его взгляду, въ томъ, что частное вознагражденіе—лѣчебная гривна—платилась зачинщикомъ и то лишь въ томъ случаѣ, если онъ нанесъ больше ударовъ, чѣмъ получилъ; если же меньше, то онъ не платилъ, такъ какъ уже потерпѣлъ достаточное наказаніе; притомъ и продажу платилъ лишь зачинщикъ и опять при тѣхъ же условіяхъ, то-есть, когда получилъ меньше ударовъ, нежели нанесъ ²⁾. Статья „о кровавомъ мужѣ“ вообще не вполне ясна. Присматриваясь къ ея содержанію, мы не можемъ вполне согласиться съ Власьевымъ и Ланге: они правы, что за побои безъ синяковъ и крови платилось 60 кунъ продажи, причемъ въ этомъ случаѣ платилъ всегда зачинщикъ; но нѣтъ основанія утверждать, что при побояхъ до синяковъ и крови 3 гривны также всегда платитъ зачинщикъ: текстъ 23-й статьи Троицкаго списка ясно свидѣтельствуетъ, что 3 гривны платилъ тотъ, кто нанесъ побои, а такимъ могъ быть и не зачинщикъ; копецъ статьи показываетъ, что зачинщикъ, окровавленный и въ синякахъ, не платилъ за то, что началъ драку; а этотъ платежъ за начинаніе драки только что указанъ: „кто будетъ почаль, плати (то-есть, „платити“) 60 кунъ“; и мѣсто, гдѣ поставлено это прибавленіе о зачинщикѣ окровавленномъ или въ синякахъ, и тотъ фактъ, что 3 гривны продажи платились не всегда зачинщикомъ, убѣждаютъ насъ, что и тотъ, кто „крававъ придетъ“ и „будетъ самъ почаль“, освобождался отъ платежа не трехъ гривенъ, а 60-ти кунъ: три же гривны въ этомъ случаѣ платились, но не имъ, а тѣмъ, кто нанесъ ему побои до синяковъ и крови. Другими словами: при побояхъ безъ внѣшнихъ знаковъ Русская Правда обращала исключительное вниманіе на субъективный психическій моментъ, на то, кто началъ драку, такъ какъ въ этомъ случаѣ трудно, даже невозможно было оцѣнить матеріальныя ея послѣдствія; при побояхъ же съ внѣшними знаками—синяками и кровью—различались два момента, даже два преступленія: нанесеніе побоевъ съ знаками на тѣлѣ, наказываемое трехгривенною продажей,

¹⁾ О мнѣніи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 565 и прим. на этой же страницѣ.

²⁾ Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 160.

и начинаніе драки, караемое продажею въ 60 кунъ; послѣдняя продажа не взыскивалась, если зачинщикомъ былъ тотъ, кто былъ потомъ избитъ до синяковъ и крови. Не имѣетъ основаній и утвержденіе Ланге, что лѣчебная гривна платилась зачинщикомъ, если онъ не потерпѣлъ больше, чѣмъ его противникъ: во-первыхъ, о лѣчебной гривнѣ не говорится въ Русской Правдѣ, и только въ краткихъ спискахъ упоминается количественно-неопредѣленная „лѣтцю мзда“, а во-вторыхъ, и эта „лѣтцю мзда“, какъ видно изъ 2-й статьи Академическаго списка, всегда платилась тѣмъ, кто нанесъ побои съ вѣшными знаками, а не зачинщикомъ драки: весьма характерно, что, по краткой Правдѣ, за *омажѣ* побоев платилось 3 гривны или полагалась месть, и нѣтъ ни малѣйшаго намека на вниманіе закона къ тому, кто началъ драку: „если кто-нибудь“, читаемъ въ краткомъ текстѣ, переводя его на современный языкъ, „избитъ до синяковъ или крови, то этому челоуѣку не искать свидѣтеля; если же на немъ нѣтъ никакого знака, то иди придетъ свидѣтель, или, если этого быть не можетъ (то-есть, свидѣтеля нѣтъ), то тѣмъ дѣло и кончается (то-есть, фактъ преступленія признается недоказаннымъ); *если (избитый) за себя не можетъ мстить, то взять ему за обиду 3 гривны* (быть можетъ, слова „взять ему“ лишнія), *а лѣкарю плата*“. Подчеркнутыя слова, какъ показываютъ мѣсто, занимаемое ими въ статьѣ, и отсутствіе упоминанія о 60 кунахъ при побояхъ безъ слѣдовъ, относятся къ *обоимъ* только что указаннымъ въ той же статьѣ случаямъ побоевъ.

Любопытны нѣкоторыя замѣчанія Ланге о другихъ объясняемыхъ нами сейчасъ статьяхъ нашего источника. По его мнѣнію, и за отсѣченіе руки, если нога не повреждена, потерпѣвшій при Прославѣ долженъ былъ мстить, а 40 гривенъ платились только въ томъ случаѣ, если потерпѣвшій мстить не могъ; далѣе, вся статья объ отсѣченіи руки или ноги есть лишь частное выраженіе болѣе общей мысли: здѣсь разумѣется вообще увѣчье, лишившее возможности самостоятельно мстить: лишеніе обоихъ глазъ, обоихъ рукъ, обоихъ ногъ и проч.; притомъ вира въ 40 гривенъ платилась за всякое увѣчье—въ „свадѣ“ и безъ „свады“,—съ тѣмъ лишь различіемъ, что причинившій увѣчье въ свадѣ уплачивалъ виру самъ, а безъ свады,—съ помощью верви ¹⁾. Необходимо замѣтить, что все это не имѣетъ основаній въ текстѣ источника: мы не имѣемъ причинъ ожидать отъ Русской Правды—тѣмъ болѣе краткой—полноты, необходимой съ совре-

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 145—146.

меншой точки зрѣнія; нельзя поэтому считать 5-ю статью Академическаго списка частнымъ выраженіемъ общей юридической нормы; о мести при отсѣченіи одной только руки эта статья не говоритъ ни слова: напротивъ, въ ней заключается прямое указаніе, что за это одно наказывали не мезтью, а платежемъ въ 40 гривенъ; такимъ образомъ здѣсь нашъ авторъ прямо противорѣчитъ своему источнику; наконецъ, о платежѣ этой 40-гривенной виры съ помощью верви въ эпоху краткой Правды мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; скорѣе всего, такого различія между увѣчемъ въ свадѣ и безъ свады, какое указываетъ Ланге, не было. Нельзя считать доказательствомъ мысли объ этомъ различіи и другое указаніе названнаго изслѣдователя: въ 24-й статьѣ Троицкаго списка назначается 3 гривны продажи и лѣчебная гривна потерпѣвшему за ударъ мечемъ; а затѣмъ прибавлено: „потнеть ли на смерть, а вира“; послѣдняя прибавка убѣждаетъ Ланге, что здѣсь рѣчь идетъ объ ударѣ въ свадѣ, такъ какъ виновный въ убійствѣ подвергался вирѣ лишь при убійствѣ въ свадѣ ¹⁾. На такое толкованіе можно сдѣлать два возраженія съ разныхъ точекъ зрѣнія: съ одной стороны — о вирѣ здѣсь упомянуто, просто какъ о самомъ распространенномъ, типическомъ во времена пространной Русской Правды способѣ наказанія за убійство, съ другой — какъ же наказывался не влекущій за собой смерти ударъ мечемъ, если онъ нанесенъ былъ безъ свады, и Правда проводила разграничительную черту между этими видами преступленій противъ здоровья, принимая во вниманіе степень умысла? Очевидно, Ланге ошибается: въ увѣчьяхъ и преступленіяхъ противъ здоровья не различалась степень умысла, не обращалось вниманіе на то, въ свадѣ или безъ свады панесены они.

О преступленіяхъ противъ чести Русская Правда говоритъ слѣдующее: за болѣе тяжкія нарушенія чести другаго назначается продажа въ 12 гривенъ; такими признаются „мѹка“ огнищанина, тиуна и мечника, безъ кляжескаго повелѣнія (за это же назначается урокъ — частное вознагражденіе потерпѣвшаго — въ 1 гривну) ²⁾; ударъ необнаженнымъ мечемъ или рукояткой ³⁾, палкой, жердью, рукой ⁴⁾,

¹⁾ Тамъ же, стр. 157.

²⁾ Академическій списокъ, статья 31 и 32; Троицкій списокъ, статьи 71 и 72.

³⁾ Академическій списокъ, статья 4; Троицкій списокъ, статья 19.

⁴⁾ „пистью“: Академическій списокъ, статья 3. См. *Даль*, Толковый Словарь, 3-е изд., III, 574; Академическій словарь, изд. 2-е, столб. 1244 въ III томѣ.

чашей, рогомъ, кулакомъ ¹⁾); 12 же гривенъ платилось за вышибленный зубъ (за это же гривна урока) ²⁾, вырванный клочъ бороды или усь ³⁾; продажей въ 3 гривны наказывались меньшія оскорбленія: мука смерда (гривна урока) ⁴⁾ и толчки ⁵⁾. Рабъ, ударившій свободнаго человѣка, убивался, по постановленію Ярослава, а по рѣшенію его сыновей, если онъ убѣжитъ въ домъ господина, и послѣдній его не выдастъ, то должець платить за него 12 гривенъ, и затѣмъ оскорбленный, встрѣтивъ холопа-оскорбителя, могъ или бить его, раздѣвши, или взять за безчестье гривну кунъ ⁶⁾. Удары, нанесенные закупу, безъ вины со стороны послѣдняго, наказываются такъ же, какъ и удары, причиненные свободному человѣку ⁷⁾.

Что въ этихъ преступленіяхъ главнымъ элементомъ признавалось оскорбленіе чести, — это въ достаточной мѣрѣ доказано въ литературѣ. Такъ, напримѣръ, г. Ведровъ, сопоставляя трехгривенную продажу за несмертельную рану съ двѣнадцатигривенной за ударъ палкой, правильно объясняетъ эту видимую несообразность тѣмъ, что ударъ палкой считался болѣе оскорбительнымъ ⁸⁾. Г. Владимірскій-Будановъ справедливо указываетъ, что Русская Правда знаетъ только оскорбленіе дѣйствіемъ, а не словомъ. Поэтому въ ней различіе между преступленіями противъ чести и преступленіями противъ здоровья опредѣляется болѣею наказуемостью первыхъ, несоотвѣтственною величинѣ матеріальнаго вреда отъ нихъ ⁹⁾. Взглядъ этотъ — весьма естественъ и не вызываетъ возраженій. Поэтому его слѣдуетъ предпочесть искусственному построенію Ланге, который, не различая въ своемъ „Исслѣдованіи объ уголовномъ правѣ Русской Правды“ преступленій противъ чести отъ увѣчій и преступленій противъ здоровья, думаетъ, что за раны и побои до крови и синяковъ съ злымъ умысломъ, безъ свады, назначалась продажа въ 12 гривенъ, за побои безъ слѣдовъ и безъ свады—3 гривны продажи, за раны и побои въ свадѣ до крови и синяковъ—3 гривны, за раны и побои въ свадѣ

¹⁾ „тылеснію“ — задней частью руки, кулакомъ: Академическій списокъ, статья 3; Троицкій списокъ, статья 20.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 61.

³⁾ Академическій списокъ, статья 7; Троицкій списокъ, статья 60.

⁴⁾ Академическій списокъ, статья 31; Троицкій списокъ, статья 71.

⁵⁾ Академическій списокъ, статья 9; Троицкій списокъ, статья 25.

⁶⁾ Академическій списокъ, статья 16; Троицкій списокъ, статья 58.

⁷⁾ Троицкій списокъ, статья 55.

⁸⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 111.

⁹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 15.

безъ сняжковъ и крови—60 кунъ ¹⁾). Стоять только сопоставить эти соображенія съ текстомъ источника, сущность котораго передана нами выше, чтобы убѣдиться въ ихъ неосновательности и искусственности.

Основываясь на словахъ 3-ей статьи Академическаго списка „аще сего не постигнуть, то платити емоу: то тоу конецъ“, гг. Сергѣевичъ, ²⁾ и Ведровъ ³⁾ не сомнѣваются въ томъ, что за ударъ палкой и прочія подобныя преступленія назначалась при Ярославѣ мечь. Мы имѣли уже случай указать выше, при разборѣ вопроса о составѣ мести, на ошибочность такого взгляда: рѣчь тутъ идетъ не о мести, а о законной самооборонѣ.

Въ ряду другихъ постановленій, о которыхъ мы въ настоящее время говоримъ, находятся постановленія объ истязаніи или „мѹкѣ“. Г. Владимірскій-Будановъ считаетъ мѹку единственнымъ *государственнымъ* преступленіемъ, которое знаетъ Русская Правда ⁴⁾. Едва ли однако здѣсь принимаются во вниманіе исключительно или даже преимущественно права государства: вѣрнѣе разсматривать мѹку, какъ нарушеніе личныхъ правъ, оскорбленіе чести извѣстныхъ лицъ; такова, повидимому, точка зрѣнія Русской Правды, въ которой вообще идея государства была очень смутной, выражалась лишь въ конкретныхъ формахъ и не возвышалась до общихъ понятій о законѣ и государственномъ порядкѣ. Спрашивается, что же собственно считалось въ Правдѣ истязаніемъ? По всей вѣроятности, справедливо замѣчаніе Ланге, что истязаніемъ въ то время называлось испытаніе желѣзомъ, которое нельзя было производить „безъ княжа слова“ ⁵⁾; предположеніе это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ Правдѣ испытаніе желѣзомъ, дѣйствительно, носитъ названіе „мѹки“ ⁶⁾.

Въ своемъ изслѣдованіи мы обращаемъ главное вниманіе на тѣ редакціи Русской Правды, которыя имѣютъ болѣе важное значеніе: на краткій текстъ и Синодальную и Троицкую редакціи пространнаго. Текстъ списка князя Оболенскаго, какъ несомнѣнно позднѣйшая передѣлка, выходитъ изъ предѣловъ изученія. Нельзя, однако же, совершенно игнорировать Карамзинскій списокъ и съ нимъ сходные; въ

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 159.

²⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 441.

³⁾ О депежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 111.

⁴⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 19.

⁵⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 162.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статья 81: „гривна за мѹку“.

нихъ какъ разъ находится одно постановленіе, относящееся къ истязанію и не входящее въ составъ другихъ редакцій: это довольно загадочная 135-я статья: „Оже оутяжутъ въ моукѣ, а посидитъ оу дворянина, 8 ногать за тоу моукоу, а оу колоколници бьютъ кноутомъ, а за тоу моукоу 80 гривенъ“. Болтинъ слѣдующимъ образомъ переводитъ эту статью (дѣлая въ ней цифровое измѣненіе): „когда по суду и сыску дойдено будетъ, что господинъ холопа своего кобальнаго держалъ въ тюрьмѣ неоповино, то за то его истязаніе взыскать съ господина 80 ногать; а ежели сѣкъ его у колокольни кнутомъ, то взыскать съ него 80 гривенъ“¹⁾. Поповъ объясняетъ ту же статью въ томъ смыслѣ, что за побой. нанесенные холопу безввины съ его стороны, назначается 80 ногать²⁾. Ни одно изъ этихъ объясненій нельзя признать удовлетворительнымъ; статья остается непонятной.

„Аже ли вынезь мечъ, а не оутнеть, то гривна кунъ“, читаемъ въ 19-й статьѣ Троицкаго списка. Ланге указываетъ, что здѣсь собственно разумѣется 60 кунъ *продажи*, за вычетомъ 10% судебныхъ пошлинъ, (10 кунъ; расчетъ не точный). За то, что эти гривны шли князю, говоритъ и выраженіе краткой Правды „тъи гривноу положить“³⁾; мы вѣдь видѣли, что выраженіе „положити занъ“ обозначаетъ княжескій доходъ, а не частное вознагражденіе. Противъ Ланге въ данномъ вопросѣ говорятъ два соображенія: во-первыхъ, приведенный расчетъ неточенъ и можетъ быть исправленъ развѣ только тѣмъ, что кромѣ 10% судебныхъ пошлинъ (5 кунъ) убавлена еще „десятина отъ продажи въ пользу церкви“⁴⁾ (то-есть, еще 5 кунъ), во-вторыхъ, все это построеніе предполагаетъ гривну равной 50-ти кунамъ, тогда какъ въ эпоху краткой Правды гривна вѣроятно, состояла изъ 25 кунъ.

Въ предшествующемъ изложеніи вопроса о преступленіяхъ противъ чести по Русской Правдѣ мы намѣренно оставили безъ разбора статью Ланге „О наказаніяхъ и взысканіяхъ за безчестье по древнему русскому праву“⁵⁾, гдѣ авторъ отрицаетъ существованіе въ

¹⁾ „Правда Русская“, изданная любителями отечественной исторіи. Москва, 1799, стр. 102.

²⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 80.

³⁾ Академическій списокъ, статья 8.

⁴⁾ Слав. Академическій списокъ, статью 41.

⁵⁾ Въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1859 г., іюль, см. особенно 166 стр.

Русской Правдѣ продажъ за побой: всѣ платежи признаются частными вознагражденіями. Подвергать эту работу критическому разсмотрѣнію было бы излишне, ибо она прямо противорѣчитъ даннымъ источника, да и самъ авторъ въ позднѣйшемъ своемъ изслѣдованіи отказался отъ своихъ прежнихъ выводовъ.

Относительно преступленій противъ свободы Русская Правда содержитъ только одно постановленіе: за продажу въ рабство безъ законныхъ тому оснований, помимо, конечно, возвращенія правъ свободнаго человѣка потерпѣвшему, назначена продажа въ 12 гривенъ ¹⁾).

Вотъ все, что говорится въ Русской Правдѣ о преступленіяхъ противъ личныхъ правъ. Остается обратить вниманіе на ея постановленія противъ нарушенія правъ имущественныхъ.

V.

Русская Правда выдѣляетъ всѣ имущественныя преступленія изъ другихъ видовъ преступныхъ дѣяній въ особую группу, обозначаемую и особымъ терминомъ — „татьба“. Необходимо отмѣтить это съ особеннымъ удареніемъ, тѣмъ болѣе, что въ литературѣ вопроса не высказывалось въ опредѣленной и точной формѣ такое воззрѣніе. Никто не сомнѣвается и нельзя спорить, что словомъ „татьба“ называется въ Русской Правдѣ по преимуществу то преступленіе, которое теперь извѣстно подъ именемъ „воровства-кражи“ или „тайнаго похищенія чужой движимой собственности“. Но любопытно, что въ 63-й статьѣ Троицкаго списка *татемъ* названъ тотъ, кѣмъ „росѣчена земля или знаменіе, имъ же ловлено, или сѣтъ“. Преступленіе, о которомъ здѣсь говорится, по характеру своему совершенно тождественно съ тѣми, о которыхъ трактуютъ 64—66 и 74 статьи той же редакціи: вездѣ тутъ рѣчь идетъ объ уничтоженіи знаковъ чужой собственности и промысловыхъ приспособленій ²⁾). И такъ, и этотъ видъ преступнаго нарушенія правъ имущественныхъ разсматривается въ Русской Правдѣ какъ татьба. Но это еще не все. Двадцать девятая статья Троицкаго списка читается слѣдующимъ образомъ: „Аже кто познаетъ свое, что будетъ *погубиль*, или оукрадено оу него что

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 55.

²⁾ 64-я статья говоритъ объ уничтоженіи знака на борти, 65-я объ уничтоженіи межи, 66-я о посѣченіи знаменнаго или межнаго дуба, 74-я о посѣченіи веревъ въ перевѣсѣ.

и или конь, или портъ, или скотина, то не рци и: се мое; но поїди на сводъ, кдѣ есть взялъ; сведитесь, кто будетъ виновать, на того *татба* спидеть“ и т. д. Здѣсь подъ татбой разумѣется уже незаконное удержаніе чужой потерянной собственности.

И такъ не можетъ быть сомнѣнія, что Русская Правда придавала термину „татба“ весьма обширное значеніе. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если припомнимъ, что въ это время не существовало нѣкоторыхъ весьма существенныхъ теперь различій между разными видами имущественныхъ преступленій: не различались разбой и воровство-кража, насильственное и тайное похищеніе имущества. Г. Ведровъ указываетъ, что, такъ какъ въ Правдѣ говорится лишь объ „убійствѣ въ разбоѣ“, то, значить разбой безъ убійства приравнивался къ воровству¹⁾. И по мнѣнію г. Тальберга, разбой Русской Правды — не нашъ разбой; понятія о насильственномъ похищеніи имущества въ то время вовсе не было; подобное явленіе замѣчается во многихъ древнихъ законодательствахъ: восточныхъ, славянскихъ, законахъ XII таблицъ; причина его заключается въ томъ, что принципъ жизни того времени — грубая матеріальная сила, почему и понятіе насильственного похищенія терялось въ понятіи убійства, воровства и необходимой обороны смотря по послѣдствіямъ нападенія²⁾.

Важнѣйшимъ преступленіемъ противъ правъ собственности Русская Правда признаетъ поджогъ гумна и двора: за это назначенъ потокъ и разграбленіе³⁾. Пагубныя послѣдствія пожара, при отсутствіи въ то время страхованія и какихъ бы то ни было противопожарныхъ средствъ, кромѣ самыхъ примитивныхъ, дѣлаютъ вполне понятнымъ такое суровое наказаніе за поджогъ.

Поджогъ не былъ однако единственнымъ имущественнымъ преступленіемъ, карасмымъ потокомъ и разграбленіемъ. Это же наказаніе назначалось еще за конокрадство⁴⁾. По любопытно, что по краткой Правдѣ за это преступленіе взыскивалась только продажа въ три гривны 30 рѣзачъ⁵⁾. Это противорѣчіе не могло не вызвать по-

¹⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 117.

²⁾ Насильственное похищеніе чужой движимой собственности по русскому праву, въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1879 г., ноябрь, стр. 35, 39, 40.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 79.

⁴⁾ Троицкій списокъ, статья 30.

⁵⁾ Академическій списокъ, статья 29.

пыткъ къ его разрѣшенію. Г. Леонтовичъ сближаетъ коневую татьбу Русской Правды съ кражей цѣнныхъ заводскихъ лошадей по Литовскому Статуту; а продажа по его мнѣнію, взималась за кражу рабочихъ лошадей ¹⁾). Хотя съ этимъ согласенъ и г. Ведровъ ²⁾, но нельзя признать это сближеніе, удачнымъ: чрезвычайно сомнительно, чтобы въ то время на Руси существовали правильно устроенные конскіе заводы, притомъ нашъ источникъ ни словсмъ не намекаетъ на указываемое г. Леонтовичемъ различіе, находящееся въ Литовскомъ Статутѣ. Поэтому ирригіе смотреть на дѣло Ланге, который утверждаетъ, что потокъ и разграбленіе за кражу коня введены позднѣе, лишь при Изяславѣ ³⁾). Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ краткой Правдѣ не упоминается о потокѣ за конокрадство, а пространная не говоритъ о продажѣ за это преступленіе. Въ 32-й статьѣ Троицкаго списка впрочемъ читаемъ: „Наки ли будетъ что татебно купилъ въ торгу, или конь, или порть, или скотину, то выведеть свободна мужа два или мытника;... познаеть ли надолзѣ, оу кого то купилъ, то свое куны возметь, и сему платити, что оу него будетъ погигло, а князю *продажю*“⁴⁾. Не значить ли это, что за конокрадство платилась продажа и въ эпоху пространной Русской Правды? Ланге совершенно правильно даетъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ на томъ основаніи, что здѣсь о потокѣ пропущено, такъ какъ говорится вообще о кражѣ, за которую самое распространенное, обычное наказаніе—продажа ⁵⁾). Такое явленіе—недостатокъ точности—не единично въ Русской Правдѣ: мы встрѣтились уже съ подобною неточностью при объясненіи 24-й статьи Троицкаго списка, въ которой говорится о вирѣ, какъ обычно, нормальномъ, типическомъ наказаніи за убійство, хотя вира не была единственной карой за это преступленіе. Упомянемъ, наконецъ, о замѣчаніи г. Владимірскаго-Буданова, по которому потокъ и разграбленіе—наказаніе конокрада-рецидивиста ⁶⁾); это мнѣніе не можетъ быть принято, въ виду необоснованности его текстомъ изучаемаго памятника, не усвоившаго еще идею болѣе суровой кары за рецидивъ, о чемъ намъ еще придется говорить ниже.

По отношенію къ воровству-кражѣ мы находимъ въ Русской Правдѣ

¹⁾ Русская Правда и Литовскій Статутъ въ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* за 1865 г., мартъ, стр. 2.

²⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 123.

³⁾ Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 201.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 199.

⁵⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 17.

много указаній на разные платежи въ разныхъ размѣрахъ. Существенное значеніе имѣеть опредѣленіе того, какіе изъ этихъ платежей продажи, поступавшіе въ пользу князя, и какіе—частныя вознагражденія. Не всѣ изслѣдователи разрѣшали этотъ вопросъ одинаково: Поповъ думалъ что всѣ означенныя въ Правдѣ суммы — продажа ¹⁾, Ланге же различалъ пеню князю и частное вознагражденіе по слѣдующимъ признакамъ: первая—тамъ, гдѣ употребленъ оборотъ „аже крадетъ, то платити“, второе же тамъ, гдѣ сказано: „за такой то предметъ столько то“; кромѣ того 34 — 37 статьи Академическаго списка составляютъ въ сущности одну статью: за похищеніе всѣхъ перечисленныхъ тутъ птицъ назначаются разные частныя вознагражденія, но продажъ лишь двѣ: 60 кунъ, если птицы похищены не изъ перевѣса, и 3 гривны, если изъ перевѣса; статьи о похищеніи меда и пчелъ Ланге объяснилъ такъ: за это три гривны продажи, и хозяину 10 кунъ, если вмѣстѣ съ пчелами похищенъ медъ; если же меда не было, то хозяину 5 кунъ; 9 кунъ за сѣно и дрова—не продажа, а частное вознагражденіе (собственно тутъ два частныхъ вознагражденія: 9 кунъ за похищеніе въ небольшомъ количествѣ и двѣ ногаты за нѣсколько возовъ дровъ или сѣна): во-первыхъ, въ Русской Правдѣ нигдѣ такой продажи нѣтъ, во-вторыхъ, выраженіе „а въ сѣнѣ и проч.“ стоитъ за исчисленіемъ частныхъ вознагражденій; продажи тутъ, если украдено изъ клѣти,—три гривны 30 кунъ, а если изъ незапертаго помѣщенія—60 кунъ. О платежѣ частнаго вознагражденія употреблялось выраженіе „платитъ татьбу“. Изъ 29-й, 33-й, 39-й и 40-й статей Троицкаго списка видно, по мнѣнію Ланге, что частное вознагражденіе при воровствѣ состояло: 1) въ вознагражденіи хозяина за украденный предметъ, если онъ не отыскался, 2) въ уплатѣ убытковъ (проторовъ), въ законѣ не опредѣленныхъ точно ²⁾.

Нельзя не признать, что въ общемъ многія замѣчанія Ланге вѣрны. Проверимъ ихъ текстомъ источника и укажемъ все существенное, что содержатъ постановленія Русской Правды о воровствѣ—кражѣ.

Продажею въ 12 гривенъ карались: кража или уводъ холопа или рабы ³⁾ и кража бобра ⁴⁾. 3 гривны 30 кунъ или 3 гривны продаж

¹⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 82, 84.

²⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 203, 204, 205, 211, 215, 216.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 34.

⁴⁾ Тамъ же, статья 62.

назначалось: 1) за кражу жита съ гумна или изъ ямы, приче́мъ, если находилось поличное, то оно возвращалось законному владѣльцу, и затѣмъ прибавлено: „и за лѣто возметь по полугривнѣ“¹⁾; судя по контексту, эту сумму бралъ тоже потерпѣвшій, законный владѣлецъ похищенной вещи, это, повидимому, вознагражденіе за убытки, хотя Ланге и даетъ иное объясненіе: „если тать былъ несостоятеленъ“, говорить онъ, „то поступалъ въ закупы и за годъ работы ему засчитывалось по полугривнѣ“²⁾; 2) тою же продажей наказывались кража коня (по краткой Правдѣ), вола, вообще скота изъ клѣва,— приче́мъ каждый изъ воровъ, при соучастіи, уплачивалъ полную сумму продажи,—а также и кража разныхъ предметовъ изъ клѣти³⁾; частныя вознагражденія за кражу скота были слѣдующія: за княжескаго коня 3 гривны, за коня другихъ лицъ 2 гривны⁴⁾, за кобылу 60 кунъ⁵⁾, за вола гривна, за корову 40 кунъ, за трехгодовалую 30 кунъ, за однолѣтку полгривны, за теленка 5 кунъ, за свинью 5 кунъ, за поросенка ногата, за овцу 5 кунъ, за барана ногата, за неѣзжанпаго жеребца гривна кунъ, за жеребенка 6 ногать, за коровье молоко 6 ногать⁶⁾; 3) три гривны продажи назначалось далѣе за кражу пса, ястреба и сокола изъ перевѣса (урокъ—1 гривна)⁷⁾; повидимому та же продажа назначалась и за похищеніе другихъ птицъ, и нѣтъ никакихъ основаній принимать мнѣніе Ланге, что, въ случаѣ кражи ихъ не изъ перевѣса, платилось 60 кунъ продажи; частное вознагражденіе имѣло слѣдующіе размѣры: за голубя 9 кунъ, за куропатку 9 кунъ, за утку 30 кунъ⁸⁾, въ краткомъ текстѣ Русской Правды за кражу всѣхъ этихъ только что упомянутыхъ птицъ назначено 60 кунъ продажи⁹⁾, но въ пространной Правдѣ этого нѣтъ; быть можетъ, впрочемъ, этотъ случайный пропускъ, но и въ такомъ случаѣ, даже признавая такую сумму продажи за кражу птицъ, кромѣ ястреба и сокола, мы все-таки не можемъ согласиться съ Ланге, что размѣры продажи зависѣли отъ того, изъ перевѣса или не изъ перевѣса похищены птицы; текстъ

¹⁾ Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 218.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 39.

³⁾ Академическій списокъ, статья 29; Троицкій списокъ, статья 37.

⁴⁾ Академическій списокъ, статья 26; Троицкій списокъ, статья 40.

⁵⁾ Академическій списокъ, статья 26; Карамзинскій списокъ, статья 42.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статья 41; ср. Академическій списокъ, статья 26.

⁷⁾ Академическій списокъ, статья 37; Троицкій списокъ, статья 45.

⁸⁾ Академическій списокъ, статья 35 и 36; Троицкій списокъ, статья 76.

⁹⁾ Академическій списокъ, статья 36.

источника насъ на это не уполномочиваетъ; 4) наконецъ, трехгри-
венная продажа уплачивалась при похищеніи пчелъ и меда; частное
вознагражденіе въ этомъ случаѣ равнялось 10 кунамъ, „если пчелы
не лажены“, то-есть, если медъ похищенъ былъ вмѣстѣ съ пчелами,
если же пчелъ не было, то частное вознагражденіе составляли только
5 кунъ¹⁾. Въ этомъ отношеніи мы опять отстунаемъ отъ Ланге,
держась объясненія слова „олѣкъ“, предлагаемаго Діевымъ²⁾. Самая
меньшая продажа—въ 60 кунъ назначалась въ двухъ случаяхъ: во-
первыхъ, за кражу овцы, козы или свињи (вообще скота) на полѣ³⁾
(частное вознагражденіе указано у насъ выше); во-вторыхъ, за кражу
ладьи⁴⁾; по отношенію къ частному вознагражденію въ послѣднемъ
случаѣ, постановленія краткой Правды не развиты: за всякую ладью
назначено 30 рѣзанъ⁵⁾; но въ Правдѣ пространной различаются от-
дѣльные виды судовъ: за морскую ладью (въ случаѣ ея не возвра-
щенія „лицомъ“) похититель обязанъ платитъ потерпѣвшему 3 гривны,
за набойную (то-есть, лодку, борты которой сдѣланы болѣе высокими
вслѣдствіе набитыхъ на нихъ досокъ) 2 гривны, за челнъ 20 кунъ (по
Карамзинскому списку 8 кунъ), за стругъ гривну⁶⁾. Остается вопросъ
о продажѣ за сѣно и дрова: текстъ источника не даетъ прямыхъ
указаній на нее, и г. Ведровъ считаетъ ее неизвѣстною⁷⁾, а Ланге,
какъ мы видѣли, полагаетъ, что продажа была въ 3 гривны, если
воровство произведено изъ клѣти, и въ 60 кунъ, если сѣно или
дрова похищены изъ незапертаго помѣщенія. Нѣтъ однако основаній
для такого взгляда, тѣмъ болѣе, что весьма сомнительно, чтобы въ
тѣ времена сѣно и дрова помѣщались въ запертомъ помѣщеніи,
особенно въ клѣти. Вѣроятно же всего, за кражу сѣна и дровъ пла-
тилось всегда 60 кунъ продажи; мы можемъ сказать это еще съ
большей увѣренностью, если предположимъ, что въ 76 и 77 статьяхъ
подразумѣвается та же 60-кунная продажа, которая значится за кражу
птицъ въ краткой Правдѣ (см. 36-ю статью Академическаго списка).
Къ сказанному надо прибавить, что за кражу, совершенную холопомъ,

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 69.

²⁾ Изъясненіе нѣкоторыхъ выраженій Правды Русской, въ *Журналъ Мини-
стерства Народнаго Просвѣщенія* за 1839 г., часть XXII, стр. 51.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 38; Академическій списокъ, статья 40.

⁴⁾ Троицкій списокъ, статья 73; Академическій списокъ, статья 34.

⁵⁾ Академическій списокъ, статья 34.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статья 73.

⁷⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 129.

отвѣчалъ господинъ, уплачивая двойную цѣну украденнаго ¹⁾ или выдавая холопа потерпѣвшему ²⁾; если кражу совершилъ закупа, то онъ становился „обельнымъ“ (то-есть полнымъ), холопомъ своего хозяина, который платилъ за него въ данномъ случаѣ ³⁾.

Ланге, какъ было уже указано, доказывалъ, ссылаясь на 29, 33, 39 и 40 статьи Троицкаго списка, что при воровствѣ частное вознагражденіе состояло изъ двухъ элементовъ: вознагражденія за утраченный, невозвращаемый „лицомъ“ (то-есть, натурой) украденный предметъ и уплаты убытковъ. Это мнѣніе заключаетъ въ себѣ зерно истины, но съ важнымъ ограниченіемъ: прежде всего надо замѣтить, что въ 29-й и 40-й статьяхъ Троицкаго списка нѣтъ ни слова о „проторяхъ“: въ первой говорится о сводѣ, причѣмъ, когда будутъ найдены виновный, онъ платитъ татьбу и продажу за вещь, похищеніе имъ которой доказано посредствомъ свода, да кромѣ того, еще платитъ за то, „что погибло боудеть“ съ этой вещью, что было потеряно или украдено одновременно съ ней; вторая указанная статья содержитъ простое и ясное постановленіе о платежѣ частнаго вознагражденія 3 гривны за княжескаго коня и 2 гривны за коня другихъ лицъ, конечно, при томъ условіи, если „лица не будетъ“. Въ 33-й статьѣ, дѣйствительно, говорится о проторяхъ, но не вполне ясно, о чьихъ убыткахъ идетъ рѣчь: объ убыткахъ ли лица, у котораго похищенъ холопъ, или о проторяхъ того, кто долженъ былъ отыскивать „конечнаго татя“ послѣ „третьяго свода“. Но, даже допустивъ вмѣстѣ съ Ланге, что тутъ говорится объ убыткахъ обокраденнаго, и принявъ во вниманіе несомнѣнное свидѣтельство 39-й статьи о платежѣ „по полугривнѣ за лѣто“ при кражѣ жита съ гумна или изъ ямы, мы должны ограничить платежъ убытковъ только двумя случаями: протори оплачивались лишь при похищеніи холопа и при кражѣ жита (то-есть, зерноваго хлѣба).

Но той же причинѣ, по какой мы оставили въ свое время безъ разсмотрѣнія вопросъ объ уплатѣ виры вервью, мы не будемъ здѣсь касаться и того, когда вервь платила продажу: и то и другое удобнѣе пзучать въ связи съ общимъ вопросомъ о значеніи и происхожденіи верви.

Чтобы заключить изслѣдованіе постановленій „Русской Правды“

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 42.

²⁾ Тамъ же, статья 115.

³⁾ Тамъ же, статья 57.

о воровствѣ—кражѣ, остается отмѣтить справедливое указаніе г. Владимірскаго-Буданова на обстоятельства, вліявшія на понятіе о степени тяжести татьбы: первое изъ этихъ обстоятельствъ — цѣнность украденнаго; продажа 12 гривенъ—за холопа и бобра, 3 гривны—за рогатый скоть, пчель, охотничьихъ собакъ и птицъ, 60 кунъ—за все прочее; второе обстоятельство — напряженность преступной воли: за кражу скота *въ злѣтъ*, 3 гривны 30 кунъ, *въ полѣ*—60 кунъ ¹⁾.

Остальные преступления противъ правъ собственности наказывались въ Русской Правдѣ такъ же, какъ и воровство — кража: существовали тѣ же три нормы продажи—12 гривенъ, 3 гривны или 3 гривны 30 кунъ и 60 кунъ. Высшій размѣръ продажи назначался за слѣдующія преступления: за злоумышленное истребленіе чужаго коня или вообще чужаго скота, причемъ надо было еще платить хозяину, владѣльцу зарѣзаннаго скота „пагубу“, урокъ ²⁾ въ одну гривну ³⁾; за уничтоженіе знака собственности на борти ⁴⁾; за уничтоженіе бортовой или полевой межи или перегораживаніе тыпомъ дворной межи ⁵⁾; наконецъ, за срубку „знаменнаго“ (то-есть, со знакомъ собственности) или межнаго дуба ⁶⁾. Трехгривенною продажей карались: посѣченіе перевѣсной веревки (служившей для ловли птицъ), причемъ владѣлецъ перевѣса получалъ гривну за эту веревку ⁷⁾; посѣченіе борти (то-есть лѣснаго улья въ древесномъ дуплѣ); причемъ за дерево владѣльцу его платилось полгривны ⁸⁾; злонимѣренный неплатежъ долга ⁹⁾; наконецъ, пользованіе чужимъ конемъ безъ спроса хозяина ¹⁰⁾. 60 кунъ продажи назначено только за одно преступленіе—незаконное уменьшеніе господиномъ „купы“ или „отарицы“ закупа ¹¹⁾,—подъ купой надо разумѣть ту сумму, какую получалъ закупъ въ долгъ, а подъ отарицей — земельный участокъ, дававшійся господиномъ за купу для обработки. Въ этой же статьѣ Русской Правды мы на-

¹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 17.

²⁾ То-есть, частное вознагражденіе въ опредѣленной суммѣ.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 80.

⁴⁾ Тамъ же, статья 64.

⁵⁾ Тамъ же, статья 65.

⁶⁾ Тамъ же, статья 66.

⁷⁾ Тамъ же, статья 74.

⁸⁾ Тамъ же, статья 68.

⁹⁾ Тамъ же, статья 43.

¹⁰⁾ Академическій списокъ, статья 11; Троицкій списокъ, статья 27.

¹¹⁾ Троицкій списокъ, статья 55.

ходимъ еще слѣдующее не вполне ясное постановленіе: „паки ли приметъ на немъ кунъ, то опять ему воротити куны, что будетъ принялъ, и за обиду платити ему 3 гривны, продажи“. Болтинъ переводитъ это мѣсто такъ: „а ежели господинъ возьметъ у него насильственно деньги, то также и деньги наймиту возвратити, а за насиліе взыскать въ казну пени 3 гривны“¹⁾. Тотъ же смыслъ въ сущности имѣеть и переводъ Эверса-Платонова: „равнымъ образомъ, когда господинъ возьметъ и станеть удерживать деньги наемника, то взятыя деньги возвратитъ да за обиду заплатитъ ему 3 гривны пени“²⁾.

Совершенно другое объясненіе находимъ у Ланге: по его мнѣнію, во 2-й половинѣ 55-й статьи Троицкаго списка „говорится о *повтореніи того преступленія*, за которое назначалось 60 кунъ продажи въ первой части“; доказательства: 1) выраженіе „паки ли“ = „снова ли, такъ какъ соединено со словами „опять воротити“; 2) въ 1-й части говорится: „то то ему воротити“, а во 2-й — „то опять ему воротити“³⁾. Объясненіе Болтина и Эверса трудно принять по той причинѣ, что о деньгахъ на рукахъ у закупа едва ли можетъ быть рѣчь: закупъ — человѣкъ безденежный, не имѣющій капитала и входящій въ долговыя обязательства по отношенію къ господину, причѣмъ уплату долга онъ производитъ собственнымъ трудомъ, отрабатываетъ долгъ, — или уплачиваетъ деньгами, для чего однако ему приходится, по свидѣтельству нашего источника, идти „искать кунъ“⁴⁾: своихъ денегъ у него не бывало. Если и были какія-либо деньги у закупа, что маловѣроятно, то во всякомъ случаѣ въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что не могли вызвать господина на преступленіе. Что касается мнѣнія Ланге, то Русская Правда не содержитъ въ себѣ ни малѣйшаго указанія на рецидивъ, и было бы странно, еслибы она заговорила о немъ только по отношенію къ нарушенію правъ закупа. Доказательства Ланге не убѣдительны: „паки ли“ можетъ значить и „если же“, а „опять“ = „обратно“, „назадъ“. Намъ кажется, что спорный текстъ надо понимать слѣдующимъ образомъ: „если же господинъ возьметъ отъ другаго сумму, которую онъ далъ въ долгъ закупу, то-есть, передастъ всѣ свои права на закупа другому лицу, то онъ долженъ эти деньги

¹⁾ Правда Русская, изданная любителями отечественной исторіи. Москва, 1799, стр. 66.

²⁾ Древнѣйшее русское право, стр. 403.

³⁾ Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 180 — 188.

⁴⁾ Троицкій списокъ, статья 52.

возвратить тому, отъ кого ихъ взялъ, и платить 3 гривны продажи". Слѣдовательно, воспрещается передавать свои права на закупа другому лицу. Это объясненіе подтверждается и контекстомъ: ниже говорится объ уголовныхъ послѣдствіяхъ продажи закупа въ обельные холопы. Такимъ образомъ, къ приведенному выше списку имущественныхъ преступленій, влекущихъ за собою трехгривенную продажу, надо прибавить еще одно: продажу своихъ правъ на закупа другому лицу.

Въ заключеніе сдѣлаемъ еще одно маленькое замѣчаніе: Ланге говоритъ, что объ уплатѣ частнаго вознагражденія при воровствѣ — кражѣ употреблялось выраженіе „платить татьбу“. Это подтверждается текстомъ 70-й статьи Троицкаго списка, гдѣ сказано: „а не отсочать отъ себе слѣда, ни ѣдутъ на слѣдъ, или отобьются, то тѣмъ платити *татбу* и продажу“. Было бы однако ошибкой утверждать, что частное вознагражденіе при воровствѣ и вообще имущественныхъ преступленіяхъ всегда обозначалось такъ, какъ указываетъ Ланге: несомнѣнныя данныя свидѣлствуютъ, что оно называлось сплошь и рядомъ „урокомъ“. Такъ въ 41-й статьѣ Троицкаго списка рѣчь идетъ о разныхъ размѣрахъ частнаго вознагражденія при кражѣ скота, на тотъ случай, если украденную скотину нельзя воротить „лицемъ“, и въ концѣ статьи прибавлено: „то ти *оуроци* смердомъ, оже платити князю продажу“. Въ 80-й статьѣ, гдѣ говорится о злонамѣренномъ истребленіи чужаго скота, читаемъ: „продажѣ 12 гривенъ, а нагубу господину *оурокъ* платити“. Наконецъ, 114-я статья Троицкаго списка гласитъ: „Аже кто бѣжа, а поиметь сусѣдне что или товаръ, то господину платити зань *оурокъ*, что будетъ взялъ“. Изъ этихъ примѣровъ можно еще усмотрѣть, что между выраженіями „татьба“ и „урокъ“ была нѣкоторая разница: словомъ „татьба“ обозначалось общее понятіе о частномъ вознагражденіи при нарушеніяхъ правъ собственности, а слово „урокъ“ заключало въ себѣ, повидному, идею вознагражденія въ точномъ, опредѣленномъ въ законѣ размѣрѣ. Припомнимъ аналогичныя позднѣйшія выраженія: „урочные годы“, „урочный часъ“.

Мы закончили детальное изученіе уголовного права Русской Правды. Подведемъ теперь итогъ, сдѣлаемъ общій выводъ. Что характернаго для извѣстнаго историческаго момента представляетъ собою это право? Говоря вообще, оно — типичнѣйшій памятникъ юридическаго сознанія того періода, когда общество только слагается, когда отдѣльные эле-

менты лишь начинаютъ организоваться въ непрерывную ткань, причудливо и подчасъ неловко переплетаясь съ отжившими остатками старины и съ трудомъ ассимилируя ихъ себѣ. Въ уголовномъ правѣ Русской Правды соединяются противоположныя начала—старья, уже отживающія, и новья, которымъ принадлежить будущее; вполне естественно, конечно, что ни одно изъ этихъ началъ не выѣтъ перевѣса надъ другими, ему противоположными: одни *уже* не господствуютъ, такъ какъ устарѣли, другія *еще* не преобладаютъ, потому что не созрѣли. Въ самомъ дѣлѣ: понятіе о преступленіи уже имѣло общественный элементъ и въ краткой и въ пространной Правдѣ, но онъ былъ еще очень слабъ; его подавляли чисто-матеріалистическія воззрѣнія, красною нитью проходящія въ изучаемомъ памятникѣ и выражающіяся, какъ мы видѣли, во взглядѣ на преступленіе исключительно какъ на зло матеріальное и въ такъ сказать откупномъ характерѣ наказаній, въ такъ пень, установленной закономъ; однако тотъ, кто усвоилъ бы себѣ мысль о безраздѣльномъ господствѣ матеріалистическихъ началъ въ Русской Правдѣ, глубоко ошибся бы: наряду съ ними ясно и опредѣленно выступаютъ элементы духовнаго, психическаго характера, хотя опять-таки съ поправками и исключеніями: субъективный элементъ злой воли необходимъ для признанія дѣянія преступнымъ, но иногда о его наличности дѣлается заключеніе по внѣшнимъ признакамъ, и степень напряженія преступной воли далеко не всегда различается; признается вліяніе аффекта, и существуетъ понятіе о покушеніи, но о нихъ говорится очень рѣдко; извѣстно сообщничество или соучастіе, но нѣтъ и мысли о большей наказуемости главнаго виновника; въ области наказанія, наконецъ, наряду съ нѣкоторыми зародышами позднѣйшей карательной системы, въ которую переходятъ постепенно нѣкоторые виды древнѣйшихъ наказаній, — мы разумѣемъ здѣсь развитіе различныхъ уголовныхъ каръ изъ потока и разграбленія, — бросается въ глаза грубо-матеріалистическое начало выкупа, покрытія общественныхъ и частныхъ убытковъ отъ преступленія денежнымъ платежомъ; конечно, при такой очевидной слабости карательныхъ началъ, нечего ожидать хотя бы намека на исправительное значеніе наказанія.

Итакъ въ уголовномъ правѣ Русской Правды мы видимъ борьбу трехъ началъ: начала общественной связи, начала психологическаго индивидуализма и начала матеріалистическаго. Первые два лежатъ въ основѣ каждаго правильно устроеннаго общественнаго союза и по-

тому взаимно другъ друга предполагають и поддерживаютъ, но каждое изъ нихъ въ отдѣльности и, можетъ быть, даже оба они вмѣстѣ въ то время были слабѣ третьяго. Не смотря на это, они, какъ начала прогрессивныя, должны были восторжествовать въ будущемъ. Мы не говоримъ ничего о кровномъ началѣ, проявившемся въ мести, потому что оно исчезло въ пространной Правдѣ.

Н. Речицовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ЯЗЫКА ¹⁾.

XIII.

Современный русскій языкъ почти совсѣмъ не знаетъ исключеній изъ закона такъ называемаго смягченія губныхъ согласныхъ: язвлю, уязвляю, уязвленъ, умерщвлю, умерщвляю, умерщвленъ, вытрезвлю, вытрезвляю, вытрезвленъ, отождествляю, осуществляю, очерствляю, развѣтвляю, рѣзвлюсь и т. д. Можно отмѣтить лишь клеймѣный, заклеимѣнь отъ клеймить, оскобенъ отъ оскобить, по всей вѣроятности новообразованія. Но въ старыхъ русскихъ памятникахъ исключенія гораздо болѣе часты ²⁾.

Слова уязвляю, уязвленъ, умерщвляю, умерщвленъ и въ текстахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, и въ текстахъ русскаго происхожденія до XV вѣка постоянно или почти постоянно не имѣютъ л. Если мы возьмемъ недавно изданный Кривинпольскій Апостолъ XII вѣка ³⁾, то въ немъ найдемъ умьрщьяють, умьрщьяете, умьрщьяими (им. мн., два раза), умьрщяена (род. ед.), при полномъ отсутствіи формъ съ л послѣ ѿ; въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по списку XII вѣка мы встрѣтимъ умьрщьяемъ, л. 4; въ Словѣ Иларіона по Мусницъ-Пушкинскому списку 1404 года, стр. 33, и въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, стр. 207, уязвенъ; въ Чудовскомъ

¹⁾ См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1897 года, № 5.

²⁾ Оставляемъ въ сторонѣ слово *земля*, находящееся въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, въ одной изъ двинскихъ грамотъ XIV вѣка и (нѣсколько разъ) въ Погодинскомъ спискѣ перенесенныхъ съ латинскаго книгъ ветхаго завѣта, № 84,—такъ какъ въ предѣлѣ его не было j-га.

³⁾ *Actus epistolaeque apostolorum palacoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani edidit Aem. Kažuniac Vindobonae, l. 896.*

Новомъ Завѣтѣ XIV вѣка: умеръшвена, умеръшвенъе 101, умеръшвени 118 об. и т. п. Сверхъ этихъ словъ, въ древне-русскихъ текстахъ есть слова трѣзвеник (въ Румянцевской Лѣтвицѣ XII вѣка, въ Крестиннопольскомъ Апостолѣ и друг.; рядомъ трѣзвѣникъ отъ трѣзвѣти) и вѣлшеник (Хронографъ Амартола по списку XIV вѣка, л. 52 об. и друг., при вѣлшеник и вѣлшвити). Въ сравнительно позднемъ памятникѣ — Четьихъ-Минеяхъ Макарія есть слово благословещенъ (сентябрь, стр. 1376, 1377 печ. изд., отъ благословешвити).

Рядомъ съ этими словами въ древне-русскихъ текстахъ есть однородныя слова съ л послѣ ъ: трѣзвѣненіе, Пандекты Антіоха XI вѣка; но они въ этихъ текстахъ отнюдь не распространены.

Церковно-славянскіе памятники въ вопросахъ касающихся смягченія губныхъ, какъ извѣстно, лишены значенія. Впрочемъ отмѣтимъ умръштѣяти, умръштѣено, узвещъ въ Супрасльской рукописи.

Старо-сербскіе памятники въ этихъ вопросахъ, напротивъ, очень важны. Но мы не владѣемъ данными изъ нихъ.

Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства мы должны ограничиться гипотезой.

Всѣ приведенныя выше древне-русскія слова имѣютъ передъ губнымъ какой-нибудь нѣмой согласный. Это позволяетъ намъ предположить, что j-ть послѣ губныхъ въ общеславянскомъ языкѣ перешелъ въ мягкое л лишь тогда, когда передъ губными былъ или гласный, или согласный плавный, и что онъ слился съ губными, когда передъ ними былъ согласный нѣмой.

Современныя русскія слова, въ родѣ выписанныхъ въ началѣ этой статьи, и однородныя съ ними древне-русскія слова легко могутъ быть объяснены какъ новообразованія: язлю обязано своимъ образованиемъ аналогіи язлю и т. п.

XIV.

Именные и глагольныя образования имѣютъ каждое два значенія—грамматическое и реальное. Судьба этихъ значеній оказываетъ значительное вліяніе на судьбу звуковъ образования. Если какая-либо форма употребляется или съ ослабленнымъ грамматическимъ значеніемъ, или даже совсѣмъ безъ грамматическаго значенія, то ея окончаніе подвергается такимъ измѣненіямъ, какихъ совершенно не знаетъ та же форма при употребленіи съ полнымъ грамматическимъ значеніемъ. Если же какая-либо форма (или нарѣчіе) употребляется съ

ослабленнымъ реальнымъ значеніемъ, то измѣненіямъ подвергается *основа*, и при томъ такимъ измѣненіямъ, какія совершенно отсутствуютъ въ той же формѣ при употребленіи съ полнымъ реальнымъ значеніемъ. Должно замѣтить, что ослабленіе или потеря значенія бываетъ тогда, когда слово является въ рѣчи очень часто, и при томъ безъ логическаго ударенія.

Русскій языкъ имѣетъ рядъ именныхъ и глагольныхъ формъ, утратившихъ грамматическое значеніе и вмѣстѣ звуки окончанія. а потому превратившихся въ нѣчто въ родѣ нарѣчій. Это формы 1-го лица ед. ч. вѣдь = современное великорусское *вѣдь*, чаю = современное великорусское *чай*; формы 3-го лица ед. ч. дѣе = современное великорусское *де* ¹⁾, *молятъ*, откуда затѣмъ *молятъ* = современное великорусское *моля*; форма дат. ед. чему = современное малорусское *чомъ*. Объ нихъ мы говорили въ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка“ ²⁾, стр. 90 слѣд. Другія формы, утративъ свое древнее грамматическое значеніе и окончаніе, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе случайныхъ причинъ (звукового сопадешя), усвоили себѣ какъ-бы новое грамматическое значеніе. Таковы формы 1-го лица ед. ч. благодарствую, пожалуй, которыя, превратившись въ современномъ великорусскомъ нарѣчій въ *благодарствуй*, *пожалуй*, сдѣлались какъ-бы формами 2-го лица ед. ч. повелит. накл. (вслѣдствіе этого появилась какъ-бы форма 2-го лица мн. ч. *благодарствуйте*, съ значеніемъ: благодарю; такова же форма 2-го лица ед. ч. *здравствуй* (съ вопросительнымъ оттѣнкомъ), превратившаяся въ современномъ великорусскомъ нарѣчій въ *здравствуй* и сдѣлавшаяся какъ-бы формою 2-го лица ед. ч. повел. накл. (почему рядомъ образовалась форма 2-го лица мн. ч. *здравствуйте*).

Что до формъ съ ослабленнымъ реальнымъ значеніемъ, въ которыхъ болѣе или менѣе пострадали звуки основы, то ихъ въ русскомъ языкѣ есть нѣкоторое число. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ должно поставить форму им.-зв. ед. ч. *юсударь*. Она въ великорусскомъ нарѣчій потеряла рядъ измѣненій, утратила удареніе и сократилась до неузнаваемости. Изъ нея получились: 1) *сѣдарь* (изъ *юсударь*); 2) *су*, съ (изъ *юсударь*), частица, часто придающая рѣчи оттѣпокъ вѣжливости; сравни въ „царскомъ словѣ“ Бориса Годунова воеводамъ: князь Осодоръ *осу* Ивановичъ, князь Дмитрей *осу* Ивановичъ (А. А. Э.).

¹⁾ Сравни въ старомъ бѣлорусскомъ нарѣчій: *мовають* люторы, не треба *дей* церквей будованыхъ, и т. п.

II, 77); 3) *ста* (изъ *юсударь*, сравни *сударь* у Пушкина, наше *сударица*). О послѣдней частицѣ, въ которой произошла ассимиляція второго согласнаго съ первымъ, не излишне сказать нѣсколько словъ. Литературный языкъ знаетъ ее лишь въ выраженіи *пожалуста*, при формѣ повел. накл. *пожалуй*; нѣкоторые народные говоры употребляютъ ее очень часто, въ тѣхъ же приблизительно случаяхъ, когда другіе говоры употребляютъ *су* или *съ*: какое ему *ста* дѣло до меня? а тебѣ что *ста* за дѣло (*Этнографическій Сборникъ*, II, стр. 4). Вотъ еще нѣсколько примѣровъ изъ пѣсенъ: „Свѣтъ Иванъ-то догадливъ былъ, Свѣтъ Иванычъ *ста* догадливъ былъ“; „Пора, милый *ста*, жениться“ (*Симбирскій Сборникъ*, II); „Какъ у нашихъ у воротъ, У воротъ *ста*, у воротъ, Стоялъ дѣвокъ хороводъ, Хороводъ *ста*. хороводъ“ (*Песенникъ* 1810 года, стр. 200). Вотъ наконецъ примѣры изъ подражаній народной рѣчи у нашихъ классиковъ: „Оборои *ста* Богъ! Здѣсь мало ли людей? Да что же *ста*? Никакъ *ста* милости твоей Пришла здѣсь вотчина боярска не по праву?“ (*Фон-Визинъ*. Корюнь, дѣйствіе 1-е, явленіе 2-е); „Всѣ ли здѣсь? спросилъ незнакомецъ. Всѣ ли *ста* здѣсь? повторилъ староста. Всѣ *ста*, отвѣчали граждане“ (*Пушкинъ*, Лѣтопись села Горохина).

XV.

Въ „Словарѣ бѣлорускаго нарѣчія“ *Носовича*, заключающемъ въ себѣ словарный матеріалъ говоровъ Могилевской губерніи, находятся между прочимъ числительныя дванадцать и тринадцать, съ носовымъ согласнымъ вѣсто зубнаго. Тѣ же слова намъ встрѣтились въ первыхъ выпускахъ „Бѣлорускаго Сборника“ *Е. Р. Романова*, заключающихъ въ себѣ тексты также изъ Могилевской губерніи. И такъ передъ нами диссимиляція предшествующаго *т* съ послѣдующимъ *ц* и переходъ перваго звука въ *н*.

Это странное явленіе не одиноко. Оно извѣстно намъ изъ болгарскаго языка, также въ области числительныхъ: средне-болгарское *пандесать*, *пандесатьница*, *девандесать*; современное болгарское *пендесет*, *девендесет*. Обыкновенно думаютъ, что согласный *н*—потомокъ древняго ринезма ¹⁾, но какъ показываютъ отчасти средне-болгарскіи данныя,—безъ основанія.

¹⁾ *Лавровъ*, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка, стр. 15; сравни въ нашей рецензій на это сочиненіе (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1894 г. № 6, стр. 480).

Замѣчательно, что однородныя явленія отмѣчены въ средне-греческомъ языкѣ. Нѣсколько словъ имѣютъ $\mu\beta$ изъ $\beta\beta$, нѣсколько— $\mu\phi$ изъ $\phi\phi$; повидимому есть также слова съ $\nu\delta$ изъ $\delta\delta$ ¹⁾). Отсюда въ древнихъ памятникахъ церковно-славянскаго языка *сѣбота*, *Самфира* (собственное имя), *самфиръ* (названіе камня).

XVI.

Въ одномъ изъ малорусскихъ текстовъ, находящихся въ недавно изданныхъ г. *Гринченкомъ* „Этнографическихъ матеріалахъ“ (II, стр. 345), мы встрѣтили глаголь *роздѣляти*—разинуть. Онъ лишь немногимъ отличается отъ обычнаго въ малорусскихъ говорахъ глагола *роздѣляти* (смотри словарь *Желеховскаго*)—группою *зд'* на мѣстѣ *зз'*, но именно эта особенность и представляетъ интересъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что древнѣйшій видъ приведенныхъ глаголовъ — *зѣляти* (сравни: польское областное *ziajać* зѣвать, *Sprawozdania Komisji językowej*, IV, 352; пермское *сяляти*, *зѣляти* сѣять, *Пермскій Сборникъ*, I, 20) и что *зд'* и *зз'* восходятъ къ *зь*. *зј* (съ *зз'* сравни *дд'* въ *суддѣ* и т. п.). Равнымъ образомъ трудно сомнѣваться, что *зд'* произошло изъ *зз'*: вполне однородное явленіе мы имѣемъ въ бѣлорусскихъ формахъ 2-го лица един. числа возвратнаго залога: *бои́сьтя* и т. п., изъ *бои́сья*. Передъ нами одинъ изъ интереснѣйшихъ случаевъ диссиміляціи согласныхъ, очень важный для объясненія церковно-славянскихъ *жд'* и *шт'* изъ *дж* и *тј*. Онъ дѣлаетъ совсѣмъ ненужною теорію происхожденія *жд'* и *шт'* путемъ перестановки и позволяетъ настаивать на объясненіи происхожденія этихъ группъ ближайшимъ образомъ изъ *жж'*, *шш'*, путемъ диссиміляціи.

XVII.

Общезвѣстно, что для логическаго усиленія, одно изъ словъ въ предложеніи можетъ быть удвоено: „*чемю-чемю* я не видалъ“, „*все-все* я знаю“ и т. п. Но мало извѣстно, что такого рода удвоеніе слова ведетъ къ образованію новыхъ словъ въ языкѣ (которые должны быть причисляемы къ словамъ сложнымъ). Русскій языкъ имѣетъ нѣсколько такихъ новыхъ словъ.

Прежде всего это—мѣстоименія *тотъ* и *сесь* (им.-вин. единств. муж. рода).

¹⁾ *Kuhn's Zeitschrift*, т. XXXIII, статья „Sambaz“, Шульце.

Часть CCCXVI, (1897, № 11) стр. 2.

Мѣстоименіе *тогъ*, изъ *тѣ-тѣ*, засвидѣтельствовано памятниками съ XII—XIII вѣковъ: такъ называемымъ Златоструемъ XII вѣка, л. 73 об., смоленскимъ договоромъ 1230 года, Прологомъ 1262 года, новгородскимъ договоромъ 1270 года, рядомъ Тѣшаты, галицкими грамотами конца XIV—начала XV вѣковъ и другими. Современные великорусскіе говоры имѣють это мѣстоименіе едва ли не всѣ; изъ бѣлорусскихъ лишь немногіе окраинные; въ малорусскихъ говорахъ оно нерѣдко (здѣсь рядомъ съ им.-вин. единств. муж. рода *тогъ*—им. ед. женск. рода *тога*, им.-вин. ед. ср. рода *тобо*, вин. ед. женск. рода *тогу*, твор. ед. *тогимъ* и *тобою* и т. п.).

Мѣстоименіе *сесъ*, изъ *сѣ-сѣ*, засвидѣтельствовано памятниками съ XIV вѣка: Поликарповымъ Евангелиемъ 1307 года, лл. 84 об., 85. Евангелиемъ 1393 года, л. 50, Евангелиемъ XIV вѣка Троицкой Лавры № 5, л. 13, галицкою грамотою 1398 года, Ипатскимъ спискомъ лѣтописи, стр. 188, и другими. Современные великорусскіе говоры имѣють его не всѣ (между прочимъ его не имѣеть подмосковный говоръ, хотя въ московскомъ дѣловомъ языкѣ XVII вѣка оно было; напримѣръ. смотри *Дополн. къ Акт. Ист.*, т. VII, стр. 53, 1676 года); въ нихъ это мѣстоименіе звучитъ и *сесъ*, и *сѣсъ*; въ бѣлорусскихъ говорахъ оно намъ не извѣстно; малорусскіе говоры его имѣють повидимому не всѣ (въ нихъ рядомъ съ *сесъ* — *сесѣ*, *сесѣ*, вин. *сесю*, тв. *сесимъ*, *сесѣю* и т. п.).

Другіе славянскіе языки этихъ мѣстоименій не имѣють (впрочемъ въ старо-чешскомъ отмѣчено *tel*==*тѣтѣ*; *Gebauer*, *Historická mluvnice*, III, 442); но въ нихъ встрѣчаются однородныя образованія: старо-чешск. им. ед. *těnýž*, род. *tohotéhož*, им. мн. *titíž*, род. *těchtýchž* и т. п. (*Gebauer*, III, 450—451). Сверхъ того, старый и новый чешскій языкъ имѣеть форму вин. ед. муж. рода мѣстоименія *и*: *jej*, изъ *ji* (*e* вмѣсто *i*—подъ вліяніемъ другихъ падежныхъ формъ того же мѣстоименія), рядомъ съ которою формы дат.-мѣстн. ед. женск. рода *jejej*, род. мн. *jejich*, дат. *jejím* и друг. (*Gebauer*, III, 468—469).

Далѣе передъ нами нарѣчіе *томо*: „ужъ *томо* крови будетъ течъ“, „*томо* будетъ пиръ горой“, „*томо* вотъ вы подлый народъ такой“ (Островскій), „*томо* тошно, *томо* грустно“ (народная пѣсня), „*томо* мнѣ и радость, *томо* и веселье“ (народная пѣсня), восходящее къ мѣстоименію *то-то*, которое едва ли слѣдуетъ ставить въ непосредственную связь съ мѣстоименіемъ *тогъ*.

Далѣе передъ нами нарѣчіе *чуть-чуть*, восходящее къ формѣ неопредѣленнаго наклоненія.

Наконецъ передъ нами предлогъ **ооъ*. Нѣкоторые изъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ (данныя относятся къ говору Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губерніи) имѣютъ: *ооъ* чистомъ полѣ, *ооъ* сине море, *ооъ* высокъ теремъ (*Рыбниковъ*, Пѣсни, II, 250); часть южно-великорусскихъ, бѣлорусскіе и малорусскіе говоры имѣютъ *уоъ*, вмѣсто *оъ*, очень часто, особенно передъ гласными: *уоъ* овсѣ (но также: *уоо* снѣ). Совершенно такіе же предлоги находятся въново-болгарскомъ языкѣ: *ооъ* и *сас* ¹⁾.

Родственные индо-европейскіе языки имѣютъ подобныя слова, въ ограниченномъ впрочемъ количествѣ. Напомнимъ, между прочимъ, объ латинскихъ формахъ вин. ед. обычной *sese* и рѣдкихъ *methe*, *tete*, въ лексиконѣ Феста *emeth* (при старо-латинской формѣ вин. ед. *em*, *im*, отъ *is*), объ латинскомъ *quisquis* (съ значеніемъ нашего *кто-кто*, *кто ни*).

Сравни употребленіе рядомъ словъ-синонимовъ въ родѣ *путь-дорога*, *для-ради* гомеровск. *ἄμφι-περί*, и такихъ сложныхъ словъ, какъ польск. *oba-dwa*, греч. *ἄσ-τις*.

XVIII.

„Формы *домовъ*, *доловъ* не находятся ни въ какой генетической связи съ формами *домови*, *долови*; они существовали въ обще-славянскій періодъ, какъ показываютъ чешскія *domŕv*, *dolŕv*, и составляютъ по всей вѣроятности остатокъ древнихъ формъ мѣстн. ед. ч. основъ на *u*“). Эти строки были написаны нами почти пятнадцать лѣтъ назадъ (*Русскій Филологическій Вѣстникъ*, томъ X, стр. 148). Наше мнѣніе какъ будто уже получило права гражданства въ наукѣ; недавно оно было повторено однимъ изъ нашихъ ученыхъ въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ (безъ указанія на принадлежность его намъ) и почти одповременно Е. О. Карскимъ въ его брошюрѣ: „Русскія нарѣчія *домовъ*, *доловъ*“, Нѣжинъ, 1895 г. Оба эти ученые не знали того факта, который мы имѣли въ виду, высказываясь за происхожденіе нашихъ нарѣчій отъ особыхъ падежныхъ формъ, но на который намъ не было надобности указывать,—существованія формъ дательнаго падежа на *овъ*. Такія формы принадлежатъ полабскому языку: *dŕnŕv*, *dreugŕv*, *bŕgŕv* (*Schleicher*, Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache,

¹⁾ Упомянемъ еще о формѣ 3-го лица ед. числа чешской *nenŕ*, словацкой *nenie*=не нѣ(сть).

§ 71); они уже обратили на себя вниманіе ученыхъ (см. *Geitler*, *O slovanských kmenech na u*, стр. 20—21).

Но при такомъ объясненіи формъ *домовъ*, *доловъ* остается неяснымъ, почему формы мѣстнаго падежа стали означать направленіе *куда*, то есть получили значеніе дательнаго или винительнаго падежа.

Въ виду этого обстоятельства, быть можетъ, не лишнимъ будетъ другое объясненіе этихъ формъ.

Чешскій языкъ (со словацкимъ нарѣчіемъ) имѣютъ существительное *domov* = родина, отечество, род. пад. *domova* и т. д. Теперь это слово склоняется какъ *рабъ* (по такъ называемому твердому склоненію), но ничто не мѣшаетъ намъ предположить, что древнѣйшая форма его была **домовъ*. Въ виду этого, нарѣчія *домовъ* и *доловъ* могутъ быть формами вин. пад. ед. числа безъ предлога отъ созвучныхъ съ ними существительныхъ.

XIX.

Бѣлорусскіе говоры Могилевской губерніи имѣютъ формы 3-го лица единственнаго и множественнаго чиселъ настоящаго времени на *ти*:

по мнѣ, широкой дорози, йдути и ѣдутъ,
 пусть не ожидаѣти его лѣтчко мене,
 пусть ожидаѣти послѣ зимы,
 што ето за мѣсячко: ночьчи свѣтими, а днемъ не,
 што ето за другъ: лѣтомъ ходити, зимой не,
 рѣчи говорати, любить Ванюшку хотѣть,
 голова загорѣлася была, горити, горити,
 во такъ игрушку (грушу) саѣѣти, во такъ поливають,
 оцѣцъ и маѣцъ до школы пойдуци,
 подружки говорати, мене глупою зовуть,
 жонки йдути, обѣдати несути,
 уся хлопцы бѣгути ¹⁾, и друг.

Эти формы не чужды великорусскимъ говорамъ Калужской губерніи: кого мнѣ любить будѣти? ²⁾.

Прежде мы готовы были видѣть въ нихъ архаическія формы 3-го лица съ особымъ окончаніемъ, совершенно отличнымъ отъ окончанія *ть* ³⁾. Но теперь намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что эти формы—

¹⁾ *Романовъ*, Бѣлорусскій Сборникъ, вып. I—II, стр. 80, 90, 103, 117, 180, 184, 199, 213, 230, 231 (въ пѣсняхъ).

²⁾ *Калужскія Губернскія Вѣдомости* 1860 года № 27—28 (въ пѣснѣ).

³⁾ Лекціи по исторіи русскаго языка², стр. 149.

потомки тѣхъ древне-русскихъ формъ 3-го лица на *ти*, которыя образовались изъ формъ на *тъ* при послѣдующемъ *j*-тѣ (ведети и, ведути и т. п.) ¹⁾ и которыя особенно часто встрѣчаются въ древне-русскихъ текстахъ кievскаго и галицко-волынскаго происхожденiя.

Сравни формы 1-го лица единственнаго числа имперфекта на *хи* старыя хорватскiя (между прочимъ въ рукописяхъ Крижанича) и со-временныя чакавскiя: говор*ахи*, коп*ахи*, хоя*хи* (=церк.-славянск хождаахъ). Покойный Гейтлеръ возводилъ *хи* этихъ формъ къ *хы*, *сы*, *суп*, *сум*, *сам* ²⁾. Но едва ли это окончанiе не находится въ тѣснѣйшей связи съ окончанiемъ формъ 3-го лица ед. и мн. чиселъ *ты* древнихъ церковно-славянскихъ памятниковъ, образовавшимся изъ *тъ* при послѣдующемъ *j*-тѣ: ведет*ы* и, и т. п. ³⁾, и не восходитъ къ окончанiю *хи* формъ ведѣа*хи* и (съ послѣдующимъ *j*-томъ).

А. Соболевскiй.

¹⁾ Сравни нашъ „Древнiй церковно-славянскiй языкъ“, стр. 104.

²⁾ *Rad Jugoslovenske Akademije*, кн. LVIII, 1881 года.

³⁾ Нашъ „Древнiй церковно-славянскiй языкъ“, стр. 103.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ БЕЗЫМЕННА БЫЛА БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ ТРУДОВЪ ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ ПЕРЕПИСЧИКОВЪ.

Для точности считаю необходимымъ предупредить, что рѣчь идетъ о русскихъ переписчикахъ книгъ (или писцахъ, или книжныхъ писателей, какъ называетъ ихъ монахъ Лаврентій, переписавшій лѣтопись въ 1377 году) лишь XI—XIV вѣковъ.

Обыкновенно высказываютъ, и это считается общепризнаннымъ, что труды нашихъ древнихъ переписчиковъ въ большинствѣ случаевъ не имѣли на себѣ записей съ ихъ именами, и при этомъ ссылаются на то, что въ древности рукописи писались почти исключительно лицами духовнаго званія, чаще всего монахами, которые, смотря на трудъ свой, какъ на долгъ, завѣщанный отъ Бога, проникались такимъ монашескимъ смиреніемъ, такую скромностью, что оставляли свой трудъ безъ записи о своемъ имени. На чемъ основано это распространенное убѣжденіе, не разъ высказывавшееся нашими историками и историками литературы? Во-первыхъ, на томъ обстоятельстве, что будто-бы очень немногія рукописи, какъ прежде полагали, изъ числа сохранившихся древне-русскихъ книгъ имѣютъ на себѣ записи, содержащія имя писца; значительное же большинство ихъ, какъ думаютъ, вовсе безъ записей и не сохранило даже простаго указанія года написанія рукописи; во-вторыхъ, на томъ предположеніи, что смиреніе и скромность писцовъ удерживали ихъ отъ эгоистическаго побужденія указывать свое имя на самой рукописи. Разсмотримъ оба эти основанія, являющіяся если не единственными, то по крайней мѣрѣ главными препятствіями для признанія древнихъ рукописей именными трудами. Исходною точкою для отвѣта на поставленный выше вопросъ мы примемъ не предположительныя сужденія о томъ,

что было, но теперь не дошло до насъ, а тѣ наличныя данныя, которыя имѣются въ нашемъ распоряженіи.

Лѣтописи и другіе источники знакомства съ древне-русскою письменностью нигдѣ не упоминаютъ, чтобы писатели книгъ не выставляли на нихъ своего имени, и никогда не называютъ книги безыменными; а если не приводятъ списка именъ тѣхъ писцовъ, которыхъ собирали вокругъ себя наши древніе князья, митрополиты и епископы, какъ, напримѣръ, князья Ярославъ Владимировичъ, сынъ его Святославъ, Владимиръ Васильковичъ и др., архіепископы новгородскіе Алексій и Моисей, то вѣдь точно также лишь изрѣдка приводятся лѣтописями имена священниковъ, игуменовъ, княжескихъ тиуновъ и другихъ служилыхъ людей, и отсюда еще нельзя заключить, что писцы древніе не пользовались извѣстностью и уваженіемъ у своихъ современниковъ и были незнакомы книжнымъ людямъ того времени, когда духовное творчество и механическое переписываніе почти не различались и цѣнились въ равной степени.

Трудъ списыванія книгъ, при тогдашнихъ требованіяхъ, былъ слишкомъ усидчивъ, напряженъ, продолжителенъ, и потому тяжелъ, и такъ почетенъ и дорогъ, что очень трудно думать, чтобы лица, преданныя ему, оставались въ полной безызвѣстности, даже помимо своей воли. Вопросъ, заносили ли они въ писавшіяся ими книги записи о своемъ имени, можно рѣшить болѣе или менѣе твердо лишь тогда, когда обратимся къ сохранившимся древнимъ книгамъ и на нихъ проверимъ, насколько соответствуетъ дѣйствительности мнѣніе, что книгъ съ именами писцовъ было очень немного. Но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ рѣшить другой, отъ котораго зависитъ первый, а именно: насколько было въ обычаѣ у писцовъ присоединять къ своему письменному труду записи вообще, съ указаніемъ ли одного года, или обстоятельствъ написанія книги, или и съ именемъ писца, а затѣмъ уже мы посмотримъ, что обыкновенно включали переписчики въ свои записи.

Данныя, полученныя изъ сохранившихся древнихъ русскихъ книгъ, представляютъ намъ слѣдующее: изъ 690 уцѣлѣвшихъ книгъ XI—XIV вѣковъ около 115 имѣютъ на себѣ тѣ или другія современныя письму рукописи записи, то-есть, $\frac{1}{6}$ или 16,6% книгъ съ записями. На первый взглядъ это число кажется весьма незначительнымъ, какъ будто бы подтверждающимъ, что число именныхъ рукописей было очень немного; но мы должны будемъ придти къ иному заключенію, если обратимъ вниманіе на то состояніе, въ какомъ дошли до насъ осталь-

ныя 575 книгъ, не имѣющія на себѣ записей. Прежде всего намъ придется исключить изъ этого числа 45 мелкихъ отрывковъ рукописей, въ одинъ, два или нѣсколько листковъ, или въ одну тетрадь,—останется 530 книгъ; но отсюда надо отнять еще болѣе значительное число рукописей такихъ, которыя дошли въ трехъ, четырехъ или пяти тетрадяхъ, между тѣмъ какъ ихъ должно быть гораздо больше; далѣе идетъ весьма большое число книгъ, хорошо извѣстное всѣмъ, кто имѣлъ дѣло съ древними книгами XI—XIV вѣковъ, безъ начала или конца, или безъ того и другаго вмѣстѣ, и наконецъ, весьма много попадаетъ такихъ книгъ, у которыхъ недостаетъ отдѣльных листковъ, болшею же частью тетрадей въ разныхъ мѣстахъ книги. Если мы изъ 530 книгъ безъ записей учтемъ всѣ тѣ книги, которыя сохранились въ неполномъ видѣ, то у насъ останется совершенно ничтожное число книгъ цѣльныхъ, сохранившихъ всѣ свои тетради и листы, но не имѣющихъ на себѣ какой-либо записи. Между тѣмъ книги, содержащія въ себѣ записи, отличаются отъ книгъ безъ записей именно тѣмъ, что онѣ лучше сохранились, и за небольшими исключениями составляютъ рукописи полныя или лишь съ небольшимъ числомъ недостающихъ листовъ, преимущественно начальныхъ. Теперь, если мы припомнимъ, что записи писцовъ помѣщались обыкновенно въ концѣ, рѣже въ началѣ или въ разныхъ мѣстахъ середины книги, то не будетъ ничего страннаго въ предположеніи, что огромное большинство рукописей, уцѣлѣвшихъ безъ начальныхъ или послѣднихъ листовъ, нѣкогда имѣли записи, но онѣ утрачены вмѣстѣ съ пропавшими частями рукописи.

Приведу для поясненія нѣсколько указаній. Однимъ изъ подтвержденій того, какъ можно ошибиться, принимая книги безъ конца, не имѣющія записи, за безыменныя, послужить намъ слѣдующій случай: у покойнаго Саввантова хранилась 1 тетрадь Минеи XIII вѣка, въ 8 листовъ, составлявшая послѣднюю, 14-ую, тетрадь книги минеи служебной на февраль; въ концѣ ея находимъ запись: „я помози рабу Григоріеви, стяжавшему книги снѣтому архгелю Михаилу въ монастырь. в Ѡ. аминь“. Повидимому, у Срезневскаго ¹⁾ приведена не вся запись, или въ рукописи не хватаетъ первой части ея, какъ показываетъ стоящее въ началѣ и, но для насъ важенъ лишь фактъ, что запись на рукописи была. Теперь положимъ, что первая 13 тетрадей этой Минеи до насъ дошли бы, то не имѣя на себѣ ни-

¹⁾ „Древніе памятники русск. письма и языка“, изд. 2, стр. 120.

какой записи, онѣ попали бы въ число рукописей безъ записи, или, какъ увидимъ ниже, безыменныхъ. То же самое мы замѣчаемъ и въ Минееѣ XII Моск. Типогр. библ., на июль, въ 52 листа, но съ записью на послѣднемъ листѣ. Можно назвать нѣсколько рукописей, у которыхъ случайно сохранилась часть, обыкновенно начало записи, которая въ остальной части потеряна для насъ вмѣстѣ съ послѣднимъ листомъ; не сохранись и этотъ листъ съ началомъ записи, опять, пожалуй, пришлось бы включить эти рукописи въ число беззаписныхъ рукописей: такъ, напримѣръ, Ирмологъ цотный, около 1249 г., принадлежавшій купцу Самсонову, на послѣдней страницѣ имѣлъ начало записи: „написаны быша книги сия стяжаніемъ влѣкы Спиридона. сватомъ Никонъ въ радѣ. а кончаша мѣца марта. въ. кѣ. днѣ. а даи Гдѣи“... (конецъ записи утраченъ); митрополиту Евгенію принадлежало нѣсколько листовъ изъ сборника житій и поученій, на одномъ изъ нихъ помѣщалось начало записи: „написаны быша книги сия повелѣніемъ владыки Θεоктиста, нареченаго архіеіпа Новагорода въ нашъ монастырь. а псалъ съ съборникъ ѿ житиѣ стыхъ и по...“ (очевидно, запись не окончена); то же самое мы встрѣчаемъ и въ Апостолѣ 1389 года, гдѣ запись также прерывается на полусловѣ.

Утрату конца рукописей можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что, будучи прикрѣпляемы къ доскамъ переплета, послѣдніе листы легко рвались, стирались и терялись, какъ только портился или отдирался древній переплетъ, а вмѣстѣ съ этими листами погибали и находившіяся на нихъ записи. Примѣръ стершейся записи показываетъ намъ Триодъ цвѣтная XII вѣка (181 л.), Моск. Типогр. библ.; запись существовала еще въ XIV вѣкѣ, но уже въ такомъ состояніи, что потребовалось ея возстановленіе. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ возобновленіемъ записи при полустертой древней, но бывало и такъ, что только поздняя замѣтка о времени, мѣстѣ и имени писца остается свидѣтельницей того, что когда-то существовала въ рукописи древняя запись, но сама она уже исчезла, и, конечно, не будь этого поздняго упоминанія, опять пришлось бы отрицателямъ обычая у писцовъ дѣлать на книгахъ записи о написаніи приписывать такія рукописи къ книгамъ безъ записи. Такую позднюю приписку мы встрѣчаемъ, напримѣръ, на Стихирарѣ 1157 года, Моск. Синод. библ., гдѣ рукою XVI вѣка помѣченъ годъ написанія его, вполне оправдываемый и палеографическими особенностями и данными правописанія.

Нѣкоторыя изъ книгъ сохранили свои записи только благодаря тому, что вслѣдъ за окончаніемъ главнаго текста рукописи, при которомъ и стоитъ запись, или добавочныя статьи или пѣснопѣнія, и такимъ образомъ запись, вмѣсто конца книги, приходилась за нѣсколько листовъ передъ нимъ, что и спасало ее отъ утраты. Примѣровъ этому случайному сохраненію записи можно привести нѣсколько: въ Стихирарѣ около 1163 года (по моему опредѣленію, 1158 г.), Новг. Соф. библ., теперь въ С.-Петербургской духовной академіи, запись помѣщена на 99 л., сейчасъ же за послѣдней стихирой, но рукопись имѣетъ еще 14 листовъ добавочныхъ пѣснопѣній, приписанныхъ къ Стихирарю нѣсколько позже, но, судя по почерку и языку, въ ближайшее время; въ Галицкомъ евангеліи 1144 г., на 260 листахъ, текстъ евангелія оканчивается на 228 л., а далѣе идетъ мѣсяцесловъ XIV вѣка, и на томъ 228 листѣ древняя запись. Такимъ же образомъ уцѣлѣла запись въ Архангельскомъ евангеліи, 1092 года, не придясь на самый конецъ; и въ Трефолоѣ 1260 года—на 212 листѣ изъ 232.

Иногда запись сохранялась, помѣщаясь въ серединѣ рукописи, оттого, что она попадала на то мѣсто, гдѣ кончалъ одинъ писецъ и начиналъ другой; такъ стоятъ записи Захарія и Олуферія, отца и сына, въ Паремейникѣ 1271 года, на 73 л. и 91.

Часть записей исчезла съ утратою не конца, а начала и середины рукописей, такъ какъ изрѣдка записи помѣщались и въ этихъ частяхъ книгъ, какъ показываютъ уцѣлѣвшія записи, напримѣръ, на Минеяхъ 1095—1097 годовъ, на Стихирарѣ XII вѣка (79 л.), Моск. Типог. библ.—на первомъ листѣ, въ Панд. Ник. Черн. 1381 г. (229 л.), Моск. Синод. библ., тоже на первомъ листѣ и на л. 211 об., въ Евангеліи 1370 г.—на 170 л. изъ 181, и въ Стихирарѣ 1380 г.

Кромѣ приведенныхъ выше указаній, есть еще одно обстоятельство, которое также можетъ говорить въ пользу того, что на древнихъ рукописяхъ часто бывали записи,—это существованіе позднихъ списковъ съ древнихъ оригиналовъ, изъ которыхъ древнія записи были списаны на ряду съ остальнымъ текстомъ; такимъ способомъ дошли до насъ запись пона Упиря Лихого 1047 года въ списокѣ XVI вѣка книгъ Пророческихъ (Моск. Синод. библ.), запись игумена Сильвестра 1116 года въ спискахъ XIV вѣка Несторовой — Киевской лѣтописи, запись діакона Кирика 1136 г. въ позднѣйшемъ списокѣ его Ученія; далѣе запись Кормчей 1286 года также въ позднемъ списокѣ ея; наконецъ запись Сборника 1392 г., уцѣлѣвшая тоже въ позднемъ спи-

скѣ. Если бы наши древнія книги сохранились лучше, то, безъ сомнѣнія, мы имѣли бы гораздо больше случаевъ такого поздняго сохранения древнихъ записей; отчасти же небольшое число этихъ случаевъ можетъ быть объяснимо и тѣмъ, что едва ли у писцовъ входило въ правило удерживать при перепискѣ всѣ древнія записи и приписки.

Иногда писцы просто обязаны бывали помѣщать на рукописяхъ записи, если они писали по заказу какого-нибудь „стяжателя“, предназначавшаго рукопись въ извѣстную церковь, или получали заказъ отъ церкви, нуждавшейся въ книгѣ; въ этомъ случаѣ записи имѣли значеніе вкладныхъ или дарственныхъ грамотъ, закрѣпившихъ за церквами владѣніе рукописью, предметомъ не только священнымъ, но по тому времени и весьма цѣннымъ. Какъ указываютъ дошедшія до насъ записи, далеко не такъ часто, какъ думаютъ, бывало, что рукописи жертвовались въ церкви самими же писателями ихъ. Книгъ съ дарственными записями сохранилось довольно значительное, сравнительно, число; на нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣтъ простой записи, вѣрнѣе, она не уцѣлѣла, но стоитъ древняя же вкладная, напримѣръ, на Евангеліи 1400 года. (Имп. Публ. библ.).

Но мое мнѣніе, что наши древнія книги чаще являлись на свѣтъ съ записями ихъ переписчиковъ, чѣмъ безъ записей, было бы не вполне подтверждено, если бы я обошелъ молчаніемъ тотъ фактъ, что есть небольшое число цѣльныхъ книгъ, дошедшихъ въ полномъ составѣ, но все-таки не имѣющихъ на себѣ записей, — напримѣръ, Стихирарь XII вѣка Академіи Наукъ, Минея—сентябрская, XI—XII вѣка Моск. Тип. библ., Уставъ церковный Студійскій XII вѣка Моск. Синод. библ., нѣсколько миней нотныхъ XII—XIII вѣка.

Не знаю, насколько я буду убѣдительно, но по крайней мѣрѣ мнѣ самому это странное отсутствіе записей уясняется при помощи слѣдующаго соображенія: въ древнее время грамотныхъ лицъ, занимавшихся перепискою книгъ, дѣломъ весьма труднымъ, чрезвычайно кропотливымъ, требующимъ, помимо умѣнья, большой сосредоточенности и усидчивости, и весьма медленнымъ (въ день обыкновенно писали отъ 1½ до 5 листовъ), было очень мало, на что есть косвенныя доказательства и въ самихъ книгахъ и въ лѣтописяхъ; вслѣдствіе этого умѣлому, искусному писцу нерѣдко поручалось списывать не одну книгу, а нѣсколько, иногда даже цѣлую серію книгъ, напримѣръ, 12 книгъ нотной миней на 12 мѣсяцевъ, или евангеліе и апостолъ, прологи двухъ половинокъ года, тріоди цвѣтную и постную съ октоихомъ;

написавъ первую изъ заказанныхъ книгъ и помѣстивъ на ней записъ подробную съ указаніемъ года, обстоятельствъ написанія и своего имени, писецъ, естественно, могъ ограничиться на дальнѣйшихъ книгахъ указаніемъ одного года или даже вовсе оставить безъ записи остальные книги.

На это соображеніе навели меня нѣкоторыя указанія самихъ писцовъ о своей дѣятельности, иногда помѣщавшіяся ими въ записяхъ. Такъ, 1) писецъ Захарія, списавшій въ 1296 году Псалтырь, излагая обстоятельства ея написанія, пишетъ слѣдующее: „Повелѣ собѣ бѣлюбивага княгѣ Маріѣ списати кнѣ сѣга. псалтырю съ пока нл и мѣтвами Зѣриѣ писѣ о Гѣ Бѣзѣ вседержѣ ли молѣ Гѣви и прѣтѣви ѣго мѣри. имѣи издѣтска обыча мно написавъ бѣсловѣ стѣи книгъ. оуже при старости ему бывъ снѣса на Воло еоуанглѣ опрако бѣлюбиво. Анѣтонию игоуме к Покрову стѣи гѣжѣ Бѣг. и сѣю пѣстрию написѣ много трудивѣ о гѣ Бѣзѣ“... Изъ этой важной записи мы видимъ, что передъ нами писецъ не единичнаго труда, а длиннаго ряда ихъ, писецъ, съ ранней молодости посвятившій себя писанію книгъ. Срезневскій объясняетъ слова Захаріи „написавъ бѣсловѣ стѣихъ книгъ“ такъ, какъ будто онъ переписалъ какую-то книгу *бѣословѣ*, и приводитъ ее въ числѣ недошедшихъ книгъ; но я полагаю гораздо вѣрнѣе понимать это мѣсто въ простомъ смыслѣ, на который и указываетъ стоящее передъ „написавъ“ слово *мно*: Захарія, начавъ чуть не съ дѣтства переписывать книги, переписалъ на своемъ вѣку много книгъ *духовнаю содержанія*, церковныхъ. Евангеліе, о которомъ Захарія упоминаетъ, до насъ не дошло. 2) Въ записи Паптелеймонова Евангелія около 1250 г. упоминается о написаніи книги *Пролога*: „и написѣ Прологъ, потомъ же и сѣга книги“, говорится въ послѣсловіи этого евангелія. 3) Записъ на Стихирарѣ XII вѣка Моск. Типогр. библ. (79 л.), на 1-мъ листѣ, также упоминаетъ о другомъ трудѣ того же писца: „Се стихирарѣ кѣсть стѣго Влася да кто вѣнь поѣтъ боудикѣмоу многа лѣта. а псалъ грамотицю сѣю члѣкѣ. имя ѣмоу крѣтноѣ Яковъ, а мирьскы Творимиръ, поѣнамарѣ стѣго Николы. да хотѣ и не оумѣя написѣ кондакарѣ. похваливѣ же. аминь. аминь“. Эта прибавка „хотѣ и не оумѣя“ и то обстоятельство, что изъ дошедшихъ до насъ 5 кондакарей всѣ потные, за исключеніемъ одного неполнаго по составу, позволяютъ намъ полагать, что списанный Творимиромъ кондакарѣ былъ потный, пе-

реписываніе котораго и требовало большаго умѣнія, чѣмъ для простой непотной книги. Можетъ быть, въ числѣ уцѣлѣвшихъ 4 нотныхъ кондакарей одинъ и принадлежитъ перу Творимира; по времени они подходятъ, такъ какъ всѣ конца XII вѣка, кромѣ кондакаря Успенскаго собора, писаннаго въ 1207 г.; а церковь Власія, названная въ записи Творимира, какъ-разъ и упоминается въ лѣтописи подъ 1163 и 1184 годами. 4) На Милитиномъ евангеліи 1188 года также есть записъ, въ которой писецъ указываетъ другой свой письменный трудъ: „Помощію хвою написашася. стїи бѣговидѣци айли. д. еуангелисти. Іоанъ и Матѣи. Лоука и Маркъ. аминъ. Въ голодьноѣ лѣто. написахъ еуангїлие и айль. обое однимъ лѣтѣ. Дѣмъка по ѡу стїго Лазоря. поя. а повелѣниемъ Милитиномъ Луки ницьмъ. и криль обоѣ книги на спѣсенье собѣ и на съдравнѣ. аминъ“. Такъ какъ въ сохранившемся евангеліи находится только одно евангеліе, а не евангеліе и апостолъ вмѣстѣ, то слѣдовательно, дѣло идетъ о двухъ отдѣльныхъ книгахъ, изъ которыхъ евангеліе сохранилось, а апостолъ утраченъ.

Въ этихъ 4 примѣрахъ мы встрѣчали въ записяхъ указанія на книги, писанныя тѣми же писцами, но до насъ не дошедшія. А теперь приведу нѣсколько книгъ, изъ сохранившихся, писанныхъ несомнѣнно однимъ и тѣмъ же лицомъ, какъ показываютъ ихъ записи и почерки: Миней 1095 и 1096 г., по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя части ихъ, писанныя писцомъ Домкою; двѣ Миней XII вѣка, іюль и августъ (Моск. Типогр. библ.), переписанныя однимъ и тѣмъ же писцомъ Матвѣемъ; писецъ Лаврентій или Лавра написалъ Минею XII вѣка, апрѣль, и помогъ окончить ту іюльскую минею, которую началъ писать вышеупомянутый Матвѣй; владыченъ паробокъ Семеонъ переписалъ по повелѣнію архіеп. новгородскаго Алексѣя и Минею на мартъ 1369 и Минею на октябрь 1370 года; судя по этимъ дошедшимъ книгамъ миней, можно смѣло думать, что тѣ же писцы писали и остальные книги этихъ экземпляровъ миней. Житіе Пифонта 1219 года и Апостолъ 1220, писанные для еп. ростовскаго Кирилла, то же составляютъ трудъ однихъ и тѣхъ же писцовъ. Въ данныхъ случаяхъ, какъ и еще въ нѣкоторыхъ, мною не приводимыхъ, на принадлежность рукописей рукъ одного и того писца или писцовъ, указываютъ сохранившіяся записи на нихъ, но есть нѣсколько такихъ рукописей, о тожествѣ письма которыхъ можно утверждать на основаніи палеографическаго и филологическаго сопоставленія; однако, при

разрозненности нашихъ рукописей, прочныхъ и обильныхъ выводовъ дать нельзя, пока не будетъ примѣнена для этой цѣли фотографія.

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ можно считать засвидѣтельствованнымъ, что бывали случаи, когда писцу приходилось переписывать не одну, а двѣ или нѣсколько книгъ сряду. Теперь посмотримъ, какъ поступали писцы въ этихъ случаяхъ. Паробокъ Семеонъ дословно повторилъ свою запись на Миней октябрьской 1370 года, написанной имъ послѣ мартовской 1369 года; писцы Іоаннъ и Алексѣй, переписавшіе Житіе Нифонта, а затѣмъ Апостолъ 1220 г., сдѣлали почти то же, видоизмѣнивъ во второмъ трудѣ запись лишь настолько, насколько требовали этого обстоятельства: содержаніе книги и день окончанія. Не то мы находимъ въ остальныхъ примѣрахъ: въ Минеяхъ 1095 и 1096 годовъ и двухъ Минеяхъ XII вѣка, — здѣсь писцы ограничились лишь случайнымъ упоминаніемъ о своемъ имени въ родѣ „господа (гѣ), помози рабу своему — такому-то“ и указаніемъ одного года. Вотъ это и позволяетъ намъ допустить возможность, что нѣкоторыя части многосложныхъ трудовъ, какъ 12 книгъ мишей, иногда оставались вовсе безъ записи, даже самой краткой. Яркій примѣръ этому можно указать въ 10 книгахъ замѣчательнаго экземпляра нотныхъ миней конца XII или начала XIII вѣка Моск. Син. библиот., которыя, по свидѣтельству Срезневскаго и другихъ, не имѣютъ записей; но онѣ могли стоять на нѣкоторыхъ утраченныхъ листахъ, а также и въ потерянныхъ двухъ книгахъ (мартъ и іюль), главнымъ образомъ въ мартовской, такъ какъ въ то время былъ мартовскій счетъ годовъ. Обращу вниманіе на большее число сохранившихся съ записью прологовъ мартовской половины, чѣмъ сентябрьской: 5 мартовскихъ при 2 сентябрьскихъ; не отрицаю, что здѣсь возможна случайность, но, можетъ быть, это показываетъ на болѣе частое приведеніе записи на мартовскихъ книгахъ, чѣмъ на сентябрьскихъ. Тѣми же самыми соображеніями объясняю я и тѣ изрѣдка попадающіяся записи, которыя состоятъ изъ указанія одного только года, безъ всякаго упоминанія объ обстоятельствахъ написанія книги и безъ имени писца. Зачѣмъ было повторять ихъ писцу, если онъ уже упоминалъ о нихъ въ предыдущей или первой книгѣ заказа или откладывалъ до выполненія всего труда.

Наконецъ, нѣкоторыя книги вовсе не нуждались въ записи, если списыватели предназначали ихъ для собственнаго употребленія. Въ Галицко-Волинской лѣтописи (въ Хлѣбниковскомъ спискѣ), подъ 1288 годомъ, дошло извѣстіе, что князь Владимиръ Васильковичъ купилъ

у жены протопопа молитвенникъ за 8 гривенъ кунъ и пожертвовалъ его въ церковь св. Георгія. Весьма вѣроятно, что на этомъ молитвенникѣ могло и не быть записи, если онъ былъ переписанъ самимъ протопопомъ.

Вотъ всѣ тѣ данныя, въ силу которыхъ намъ слѣдуетъ на вопросъ, имѣли ли обыкновенно рукописи какую-либо запись объ ихъ написаніи, отвѣтить въ утвердительномъ смыслѣ: обыкновенно имѣли. Я преднамѣренно такъ подробно остановился на данныхъ для рѣшенія этого вопроса, потому что отъ него главнымъ образомъ и зависитъ рѣшеніе вопроса, выставленнаго мною въ заглавіи моей замѣтки. Сейчасъ я укажу, что если кто признаетъ, что рукописи обыкновенно сопровождалась тѣми или другими записями ихъ писателей, то необходимо долженъ будетъ согласиться, что рукописи въ большинствѣ случаевъ были именными трудами, и, наоборотъ, тому, кто стоитъ за безыменность рукописей, придется отрицать распространенность записей вообще. Причина этому слѣдующая: изъ 123 достовѣрно извѣстныхъ намъ записей на рукописяхъ XI—XIV вѣковъ только 14 не содержать въ себѣ имени писцовъ, а всѣ остальные 109 записей имѣютъ имя писца или писцовъ; причемъ въ 91 записи, сохранившихся въ полномъ видѣ, имя находится на лицѣ, а въ 18, дошедшихъ въ отрывкѣ, вслѣдствіе утраты послѣдняго листа, имѣвшаго на себѣ продолженіе записи, необходимость имени явственно вытекаетъ изъ содержанія записи.

Единственнымъ возраженіемъ, кажется, можетъ быть выставлена случайность лучшаго сохраненія записей съ именами, чѣмъ записей безъ имени. Но тогда, въ виду весьма значительнаго превышенія первыхъ надъ вторыми (почти въ 8 разъ больше записей съ именемъ, чѣмъ безъ имени), правильнѣе было бы толковать о преднамѣренности такого сохраненія, а не о случайности. Между тѣмъ рукописи съ именными записями ничѣмъ не отличаются не только отъ рукописей съ записями безъ имени, но и отъ рукописей вовсе безъ записи; первыя рукописи, за небольшими исключеніями, нисколько не лучше и ничѣмъ особеннымъ не выдаются передъ рукописями двухъ вторыхъ разрядовъ, и никто не рѣшится и не возьмется по одному виду и письму распредѣлять книги на рукописи съ записями и безъ записей, или съ записями безъ имени. Приведу еще примѣръ: въ Евангеліи 1899 года на послѣднемъ, 158 листѣ, помѣщена такая запись: „ѡци гдѣ. чтите. исправлѣ стѣе се еуа. ци бу. ху. стрѣ. престу гъ. али не допра блѣте. а не клени. да будѣ. бъ мира с ва-

ми. аминъ." Здѣсь нѣтъ ни года, ни имени. Судя по этой записи слѣдуетъ причислить эту рукопись къ разряду безыменныхъ, а между тѣмъ на 155 листѣ встрѣчаемъ маленькую приписку того же почерка: „Гѣ помози рабу своему Іѡѡ.“ Что Іосифъ было дѣйствительно имя писца этой рукописи подтверждаетъ сохранившаяся на листѣ 12 другая приписка, болѣе поздняя по времени, но предполагающая древнюю: евангелие писал Іоси^и Івано^ѡ лѣта 343 — (6907), откуда выходитъ, что евангеліе это должно отнести къ именнымъ рукописямъ.

Теперь мнѣ осталось рассмотреть, насколько тверды второй доводъ безыменности большей части рукописей, что будто бы писцы древніе, какъ люди духовные, главнымъ образомъ монахи, изъ смиренія и скромности воздерживались отъ упоминанія въ записяхъ о своемъ имени. Если это такъ, тогда дѣйствительно придется признать невѣроятную случайность весьма значительнаго сохраненія записей съ именами писцовъ. Самымъ вѣрнымъ путемъ рѣшенія этого вопроса будетъ анализъ содержанія сохранившихся записей, изъ которыхъ огромное большинство довольно подробно говоритъ, кто и при какихъ обстоятельствахъ писалъ рукопись и какими побужденіями онъ руководствовался. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ оговорить, что какъ самый обычай, такъ и форма записей перешли къ нашимъ списателямъ изъ Византіи, конечно, первоначально черезъ посредство южныхъ славянъ. Наши писцы въ большинствѣ случаевъ копировали записи, иногда совершенно механически пріурочивая ихъ къ своимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Но это не должно препятствовать намъ смотрѣть на записи XII, XIII и XIV вѣковъ, въ особенности послѣднихъ двухъ, какъ на самостоятельныя приписки. И вотъ мы видимъ, что обстоятельства написанія рукописей и внутреннія побужденія самихъ писцовъ заставляли ихъ вставлять свое имя въ записи.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда рукопись представляла собою вкладъ въ церковь отъ лица, писавшаго ее, этотъ писатель, говоря о назначеніи рукописи, не только называлъ себя, но еще присоединялъ просительное обращеніе къ лицамъ, могущимъ преемственно замѣстить его въ той церкви, въ которую предназначалась рукопись. Въ Галицко-Волинскомъ евангелии около 1299 года (или 1266) записи говорятъ слѣдующее: „В лѣ с.... Мѣся февраля въ. Ъг. дѣнь четвѣ при Лвоѣ князьни. и сѣна его Юрья. при ихъ тишинѣ, хваля ихъ съдоровыѣ. рукою грѣшнаго раба бѣжя Георгья просвѣтора. скончашася книги сѣя въ честь Гѣи собѣ на сѣсѣныѣ ѡ сво-

яго довола. а вы господо. и братья и оцн. исправлевающе чѣтѣте не клнуче, но поминающе...". Въ записи на Трїодн постной XIII вѣка (Моск. Тип. библ.) эта цѣль выражена гораздо прямѣе: „аще кто станеть по мнѣ попѣ оу сѣго Лазоря поминайте мя Бѣ дѣля оу слоужбѣ и мѣтвахѣ. пона Оксѣнтѣа. многогрѣшнаго. и васѣ Бѣ брае моя помянетъ въ своемъ си црѣви. аминь“. Точно такъ же заканчиваетъ попинъ Сава Грецинъ свою запись на Трїодн, около 1226 года: „а который попинъ станеть по мнѣ. да поминаеть мя просфорою въ соубѣ“. Но и тогда, когда рукопись писалась по чьему-либо заказу, писецъ, приводя въ записи на ней имя „стяжателя“, обыкновенно упоминалъ и о себѣ; такъ, пономарь Тимофей на Прологѣ 1192 года пишетъ: „азѣ грѣшныи Тимофѣи ланамарѣ сѣго Йкова написахъ книги сия рукою моюю грѣшною сѣмоу шбразу стяжаниемъ Захаріе Шлекшипча при попѣ Швъстафии въ сѣсениѣ дши и всемъ хрѣстьяномъ послушающе съ страхомъ бжѣствныхъ дшесплезныхъ словесѣ... Которыи попинъ бѣбогаснивыи прѣстола Гїю прѣстола. поминан раба бжѣна Захарію и рабу бжѣию Евдокию и раба бжѣна Феодора“. Запись на Евангелїи 1270 года оканчивается словами: „собѣ на спасеніе и всемъ хрѣстьяномъ на утѣху“. Писцы своимъ трудомъ достигали цѣли—прїобрѣсти себѣ молещниковъ передъ престоломъ Всевышняго и, писали ли они по собственному почину, или выполняли волю епископа, игумена, князя или какого-нибудь другаго лица, все равно они вписывали свое имя въ записи на книгѣ, пользуясь случаемъ увѣковѣчить себя въ святомъ храмѣ, такъ какъ огромнѣйшее большинство древнихъ книгъ составляли книги необходимыя для церкви и потому въ ней хранившіяся. Это занесеніе имени на книгу, дѣлавшееся не однимъ переписчикомъ, но иногда и читателемъ, исходило изъ того же побужденія, которое заставляло богомольцевъ начерчивать свои имена на стѣнахъ храмовъ и церковныхъ предметахъ.

Тѣ выраженія радости по поводу окончанія труда, религіозныя чувства и назиданіе, которыя нерѣдко попадаются въ записяхъ писцовъ, также носятъ личный характеръ, а не общій, какъ это показываютъ, напримѣръ, молитвословіе писца Захарїи въ Псалтири 1296 года и запись въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи 1377 г. Интересна не вполнѣ сохранившаяся запись на Пантелеймоновомъ евангелїи XIII вѣка, главная часть которой какъ бы писана отъ имени писца Максима Тшиница, попина сѣго Предтечи, выражающаго въ ней пожеланіе „прїчастья царствїа нбїаго“ своему князю и княгинѣ и дому ихъ за то

что многое учинилъ этотъ неизвѣстный князь ¹⁾ на потребу церкви: икону пожертвовалъ, колоколъ подарилъ и книгами снабдилъ—прологомъ и евангелиемъ; а оканчивается эта запись отъ имени другаго священника, помина св. Вознесенія,—приведу его слова: „азъ же грѣшнѣйшій мнѣи поницъ стго Вознесенія Гня. написахъ сию грамотицю. да нѣкто се видѣвъ пакы понудится на доброе дѣло. въ спасеніи свое. аминъ“.

Все это, вмѣстѣ съ предыдущимъ, говоритъ намъ противъ того, будто скромность писцовъ была такъ велика, что мѣшала имъ называть въ записяхъ свое имя; да и самое предположеніе это излишне въ виду огромнаго преобладанія записей съ именами писцовъ надъ записями безъ ихъ имени.—Такимъ образомъ, я не вижу твердыхъ оснований не признавать наши *древнія* книги именными трудами.

Разумѣется, съ теченіемъ времени взгляды на трудъ переписыванія книгъ могли измѣниться, переписываніе стало обращаться въ простое ремесло и, вѣроятно, прибыльное, а писцы въ ремесленниковъ, въ родѣ современныхъ специалистовъ-переписчиковъ. Какъ мнѣ представляется, эти перемѣны начались уже въ концѣ XIII вѣка, а въ во второй половинѣ XIV, въ особенности въ концѣ его, дѣло переписыванія уже окончательно установилось на новыхъ началахъ, такъ какъ потребность въ книгахъ, и раньше постепенно возрастающая, въ тѣ времена вдругъ значительно усилилась, вслѣдствіе пагубныхъ для книгъ историческихъ обстоятельствъ и огромныхъ пожаровъ. Новгородскіе архіепископы Моисей и Алексѣй, образовавшіе у себя штатъ паробковъ-писцовъ, и митрополитъ московскій Кипріанъ были едва ли не первые наши дѣятели, которые, сознавъ крайній недостатокъ въ книгахъ, нѣсколько упорядочили переписываніе книгъ и тѣмъ способствовали появленію вмѣсто писцовъ-любителей, особыхъ писцовъ-ремесленниковъ. Вотъ для нихъ выставленіе имени въ записяхъ было не только излишне, но даже неумѣстно, какъ неумѣстно оно было бы со стороны нашихъ переписчиковъ.

И. Волковъ.

¹⁾ Начало этой записи, гдѣ стояло имя князя, утрачено вмѣстѣ съ 11 листами, вырѣзанными изъ рукописи передъ послѣднимъ листомъ.

ХРОНОГРАФЪ ИПАТСКАГО СПИСКА ЛѢТОПИСИ ПОДЪ 1114 ГОДОМЪ.

А. А. Шахматовъ въ своей недавней статьѣ о хронологіи древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ, помѣщенной на страницахъ настоящаго журнала (1897 г. № 4), указываетъ на двѣ редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ, причѣмъ ко второй редакціи относятся между прочимъ и Ипатскій списокъ. Указавъ на то, что второй редакторъ исправилъ хронологію первой редакціи на основаніи *Никифорова лѣтописца вскорѣ*, онъ говоритъ далѣе, что „нѣтъ указаній на то, чтобы второй редакторъ былъ знакомъ съ хроникой Амартола“ (стр. 476). Къ этому онъ прибавляетъ такое примѣчаніе: „Кромѣ сочиненій Меѳодія Патарскаго, Ипполита папы Римскаго, Епифанія Кипрскаго ему былъ извѣстенъ и какой-то греческій хронографъ (ср. Ипат. 1114 г.)“. Дѣйствительно, подъ 1114 г. Ипатской лѣтописи лѣтописецъ разказываетъ, какъ Ладожане говорили, что „егда будетъ туча велика и находятъ дѣти наши глазки стеклянны и малыи и великыи, провертаны, а другыя подлѣ Волховъ берутъ еже вылоסקываетъ вода“ (Ипат. лѣт. изд. Археогр. ком., стр. 199). Чтобы онъ не дивился такому чуду, Ладожане сказали ему, что старые мужи, ходившіе за Югру и Самоѣдъ видѣли, какъ послѣ тучи „спадаютъ олени малыи в нѣи и възрастаютъ и расходятся по земли“ (ibid). Къ этому лѣтописецъ приводитъ сначала живыхъ свидѣтелей— Павла Ладожскаго и всѣхъ Ладожанъ—а затѣмъ ссылается на письменное свидѣтельство: „аще ли кто сему вѣри не иметь, да почтеть фронографа, вар. хронографа“ (стр. 200). Сначала указывается на подобное явленіе въ царство Право, причѣмъ издатель въ примѣчаніи указываетъ на стр. 369 Муральтовскаго изданія хроники Георгія

монаха (Амартола). Сравнивая лѣтописное сказаніе съ соотвѣтствующимъ отрывкомъ славянскаго перевода хроники Георгія монаха, можно убѣдиться, что начало большой выписки изъ хронографа взято именно изъ хроники Георгія монаха. Это можно видѣть изъ сопоставленія (Ел. и Рим. Лѣтоп., Синод. библ. № 280, л. 220 v.):

Ин. Лѣт. „Въ царство Право дождьцю бывшию и тучи велици, и ишеница с водою многою смѣшена спаде юже събравше насыпаша сусѣкы велия.

„Также при Аврильянѣ крохти сребреныя спадоша.

„А въ Африкѣи трие камени спадоша превелици.

Ел. Р. Л. При томъ дождю бывшию пшеница смѣшена с водою многа спаде, ꙗже събранне сжсѣкы велига створиша.

Тако и при Ивирнанѣ крохты сребренѣ спадоша.

Послѣднему извѣстію нѣтъ соотвѣтствія въ греческомъ и его источника я указать не могу.

Дальнѣйшая выписка изъ хронографа взята уже изъ другаго источника, именно вся цѣлкою изъ хроники Іоанна Малалы. Въ этой выпискѣ разказывается о двухъ царяхъ—о Феостѣ и о Солнцѣ, называемомъ Дажьбогъ. Сказаніе о Феостѣ составляетъ на греческомъ языкѣ окончаніе первой книги хроники Малалы, не сохранившееся въ найденномъ недавно Виртомъ спискѣ, но, какъ указываетъ славянскій переводъ хроники, вполне уцѣлѣвшее въ той компиляціи, которая напечатана въ Боннскомъ изданіи хроники Іоанна Малалы какъ первая глава. Въ славянскомъ переводѣ этотъ отрывокъ сохранился въ полномъ видѣ только въ одномъ Виленскомъ хронографѣ, соотвѣтствующемъ извѣстному Архивскому хронографу, содержащему между прочимъ части хроники Малалы. Изъ этого Виленскаго хронографа (Вилен. публ. музея № 109—147) сказаніе о Феостѣ было издано мною при описаніи Архивскаго списка (см. мое изсл. Александрія русск. хроногр. стр. 332), а въ недавнее время переиздано вновь (см. Первая книга хроники Іоанна Малалы—Записки Императорской академіи наукъ, VIII сер., по истор. фил. отд. томъ I, № 3). Кромѣ того, тотъ же разказъ, но въ сокращенномъ видѣ, вошелъ въ Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ первой редакціи (см. *А. Шюва*, Обзоръ хронографовъ русской редакціи, I, 18).

Изъ сопоставленія лѣтописнаго текста съ славянскимъ переводомъ хроники Іоанна Малалы оказывается, что лѣтописецъ взялъ свое ска-

заніе уже изъ готоваго славянскаго перевода, но при этомъ не написалъ изъ своего оригинала съ такой буквальною, съ какой онъ сдѣлалъ это относительно дальнѣйшаго сказанія. Поэтому я разсмотрю сначала второе сказаніе о Солнцѣ, называемомъ Дажьбогъ. Оно составляетъ начало второй книги хроники Іоанна Малалы и сохранилось въ Архивскомъ спискѣ (№ 902 — 1468), откуда я беру славянской текстъ.

Лѣтоп. I. „И по семь царствава сынъ его, именовъ Солнце, егоже наричють Дажьбогъ, семь тысящъ и 400 и семьдесятъ дни, и яко быти лѣтома двемадесятма ти полу. нѣ видяху бо Египтяне инии чисти, ови по лунѣ чтаху, а друзии деньми лѣтъ чтаху, двюбонадесятъ мѣсяцю число потому увѣдаша, отнележе начаша человекци дань давати царямъ.“

Архив. сп. л. 31а. По оумрътвіи же Феостовѣ, егѣ и Сварога наричить, и црѣтова Египтаномъ снѣ его Слѣнце именовъ, егѣ наричють Дажьбѣгъ, седмъ тысящъ ѱ ѱ дѣни, яко быти лѣтомъ двѣманадесатма ти полу. не вѣдахоу бо Египтанѣ ни ний чисти, но ѱви по лонѣ чтаху а друзии дѣими лѣтъ чтахоу. двюбонадесатъ мѣю число потому оувѣдаша, ѱнележе начаша члѣци дань давати црѣмъ.

Какъ видимъ, сходство буквальное какъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ славянской текстъ сходится съ греческимъ, такъ и въ тѣхъ, гдѣ переводъ отличается отъ греческаго. Славянская глосса къ имени Феоста „егѣ и Сварога наричють“ перешла въ лѣтописи въ предыдущій разказъ о Феостѣ: 1) „сего ради прозваше и богъ Сварогъ“, 2) „сего ради и прозваша и Сварогомъ“. Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ славянскаго перевода этихъ глоссъ, какъ увидимъ, нѣтъ. Славянская глосса къ имени „Слѣнце“ = Ἡλιος — „егѣ наричють Дажьбѣгъ“, удержалась и въ лѣтописи. Въ опредѣленіи времени царствованія „Солнца“ всѣ три текста расходятся, но, очевидно, въ лѣтописи вышло число 7, иначе сказать въ Архивскомъ текстѣ и лѣтописи опредѣляется число дней царствованія въ 7477. Въ греческомъ текстѣ ἡμέρας ~~ἑδουζ~~ (то-есть 4477, въ рукописи ошибочно ~~ἑδουζ~~), ~~ὥς εἶναι ἔτη ψ' καὶ ἡμέρας 37~~; двѣнацать лѣтъ и 97 дней составляютъ, дѣйствительно, 4477 дней и, слѣдовательно, славянское численіе 7477 должно быть признано ошибочнымъ. Трудно сказать, конечно, откуда идетъ ошибка, но всего вѣроятнѣе, что изъ греческаго оригинала, въ которомъ могло быть ошибочно ~~ἑδουζ~~. Съ этимъ вмѣстѣ стоитъ, повидимому, въ связи

дальнѣйшее отличіе славянскаго перевода отъ греческаго текста: „такъ быти лѣтома двѣнадцатма ти полу“ = ὡς εἶναι ἔτη ἰβ' καὶ ἡμέρας 33. Я понимаю это такъ, что царствованіе Геліуса (Солнца) продолжалось 12 съ половиною лѣтъ; объяснить иначе мнѣ кажется невозможно. Замѣну одного счисленія другимъ можно приписывать и греческому оригиналу и славянскому переводчику. Замѣтимъ здѣсь, что издатель лѣтописи неправильно раздѣлилъ слова—„двемадесятма ти по луиѣ“: „иѣ“ относится къ слѣдующему—„иѣ видяху бо—οὐ γάρ ᾔδεισαν... Въ дальнѣйшемъ оба славянскихъ текста, сходясь между собой, нѣсколько отличаются отъ греческаго, хотя это отличіе состоитъ только въ свободной передачѣ греческаго текста, что, надо сказать, въ переводѣ хроники Іоанна Малалы, встрѣчается часто. Греческое οὐ γάρ ᾔδεισαν οἱ Αἰγύπτιοι τότε ἢ ἄλλοι τινὲς ἀριθμὸν ψηφίζαι, ἀλλ' οἱ μὲν τὰς περιόδους τῆς σελήνης ἐψήφισον εἰς ἑναυτοῦς, οἱ δὲ τὰς περιόδους τῶν ἡμερῶν εἰς ἔτη ἐψήφισον передано съ нѣкоторыми отмінами: въ переводѣ не передано: 1) τινὲς ἀριθμὸν, 2) εἰς ἑναυτοῦς и своеобразно переведено: 1) τὰς περιόδους τῆς σελήνης = „по луиѣ“ и 2) τὰς περιόδους τῶν ἡμερῶν = „днѣми“. Славянскіе тексты вышли, слѣдовательно изъ одного оригинала. На тотъ же отличный отъ известнаго намъ греческаго текста оригиналъ указываетъ и дальнѣйшее чтеніе, дающее свободный переводъ: „двоубонадесат мѣю число потому оувѣдаша, ѿнележе начаша члѣци дань датати црѣмъ == οἱ γάρ τῶν ἰβ' μηνῶν ἀριθμοὶ μετὰ ταῦτα ἐπενοήθησαν, ἐξότι ἐκωνομάσθη τὸ ὑποτελεῖς εἶναι τοὺς ἀνθρώπους τοῖς βασιλεῦσιν.

II. (*Лит.*). Солнце царь, сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ, бѣ бо мужъ силенъ, слышавше иѣ отъ кого жену иѣкую отъ Егуптянинъ богату и всажену сущю, и иѣкому въсхотѣвшю блудити с нею, искаше ея яти ю хотя, и не хотя отца своего закона расыпати Сварожа, поемъ со собою мужъ иѣколко своихъ, разумѣвъ годину, егда прелюбы дѣеть ночью принаде на ню, не удоси мужа с нею, а ону обрѣте лежащю съ иѣмъ, съ нимъже

Архив. сп. Слнце же црѣ, сѣтъ Свароговъ, еже естъ Дажьбгѣтъ, бѣ мѣ силенъ. слышавъ же иѣѡкоѣго жену иѣкоюу египтяныню богату въ саноу соущю, иѣкомуу въсхотѣвшюу блудити с нею, искаше ѣа яти ю, (не) хотя Свароже ѡца своего закона рассыпати. и поемъ съ собою моѣ свой иѣколико, разуумѣвъ годину егда прѣлюбодѣеть ноцию, принаде на ню и не оудаси моужа с нею, ѡноу ѡбрѣте лежащюу емоѣ хоташе. емъ же ю' моучивъ,

хотяше, емъ же ю и мучи и пу- поусти ю̀ водити по всеи земли
сти ю водити по земли укоризнѣ, оукоризнѣ, а того любодѣицю
а того любодѣица уѣвкно; и бысть оуѣвкноу. и бы́ чисто житіе по
чисто житіе по всеи земли Егу- всеи земли Египетстѣи и блажити
петьской и хвалити начаша. ѝ начаша.

Совпаденіе обонхъ текстовъ вполне буквальное, отъ греческаго же текста переводъ имѣеть свои отличія, ограничивающіяся, впрочемъ, только свободнымъ изложеніемъ. Слав. „сѣѣ Свароговъ еже естъ Дажьбѣгъ“=ὁ υἱὸς Ἰφαιστοῦ; слав. „бѣ мѣ силенъ“=τὴν φιλότιμος δυνατός, но въ оригиналѣ перевода стояло, несомнѣнно, τὴν ἀνὴρ δυνατός; издатель греческаго текста измѣнилъ чтеніе рукописи οὐδα въ οὐσωνъ въ выраженіи τῶν ἐν εὐπορίᾳ καὶ ἀξίᾳ οὐδα, что въ переводѣ передано—„богату въ сану соущю“; лѣтон. „всажену“ есть испорченное изъ „въ сану“=ἐν ἀξίᾳ. Греч. ἐρῶσα τινος ἐμοιχεύετο ὑπ' αὐτοῦ передается свободно—„нѣкоему въсхотѣвшему блудити с нею“. Особенной свободой отличается фраза—„не хотя Свароже ѡца своего закона рассыпати“=διὰ τὴν τοῦ πατρὸς αὐτοῦ Ἰφαιστοῦ νομοθεσίαν ἵνα μὴ λυθῆ. Свободой отличается и все дальнѣйшее изложеніе: καὶ λαβὼν στρατιώτας ἐκ τοῦ ἰδίου στρατοῦ, μαθὼν τὸν καιρὸν τῆς μοιχείας αὐτῆς γίνεσθαι νυκτῶν, ἐπὶρρίψας αὐτῇ τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς μὴ ὄντος αὐτόθι, εὗραν αὐτὴν μετὰ ἄλλοις καθυπόουσαν τοῦ ἐρωμένου παρ' αὐτῆς, ἦντινα εὐθέως καταγαγὼν ἐπόμπευσεν ἐν πάσῃ τῇ χώρᾳ τῆς Αἰγύπτου τιμωρησάμενος. καὶ γέγονε σφφροσύνη μεγάλη ἐν τῇ γῇ τῆς Αἰγύπτου. κάκεινον δὲ τὸν μοιχὸν ἀνείλεν καὶ εὐχαριστήθη. Буквальное совпаденіе обонхъ славянскихъ текстовъ, уклоняющихся въ способъ выраженія отъ греческаго оригинала, безусловно указываетъ на одинъ и тотъ же источникъ—на славянскій переводъ хроники Іоанна Малалы.

Обращаюсь къ первому сказанію о Гефестѣ. Оно взято также изъ хроники Іоанна Малалы, но съ большими отмѣнами сравнительно съ разобраннѣмъ выше разказомъ о Гелиосѣ, да кромѣ того въ среднѣ читается отрывокъ, не находящійся въ хроникѣ Малалы. Все сказаніе, какъ я сказалъ, составляетъ окончаніе первой книги хроники Іоанна Малалы.

І. Лѣтон. И бысть по потопѣ я по раздѣленнѣи языкъ поча царствоватьати пѣрвое Местромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремня, по

Вилен. ст. Сѣѣ оубо Ерми въ Егупетъ приде, тога цртва Местремъ ѡ рода Хамова. по немъ оумершю тому поставиша

немъ Феоста яже и Саварога на-
рекоша Егуптяне.

Егуптѣне Ерміа црѣ и црѣтова
Егѣптѣ лѣ лѣ въ велицѣи славѣ.
по немѣ црѣтова Егѣптѣ Феостъ.

Названіе Феоста Сварогомъ въ лѣтописи взято, какъ я указалъ выше, изъ слѣдующаго разказа о „Солнцѣ“. Буквальнаго совпаденія мы здѣсь не видимъ, но это можно объяснить тѣмъ, что лѣтописецъ хотѣлъ сдѣлать краткое вступленіе, чтобы было понятно, кто такой этотъ Феостъ. Такъ какъ ему нужно было привести доказательство справедливости разказа Ладожанъ, то онъ сейчасъ же и говоритъ о томъ, пропуская пока другія подробности, а именно:

II. Лѣтоп. Царствующю сему Феостѣ въ Егуптѣ, въ время царства его, спадоша клѣщѣ съ небесѣ, нача ковати оружье, прѣже бо того палицами и каменіемъ бяхуся.

Вилен. сп. Феостоу же томуо нѣкъю таиноу мѣтѣж тѣшрацѣ клѣща спадоша съ нѣси ковати желѣзо и орѣжіе. [того дѣла бѣга и начаша имѣти тако моудрость показавша, и пицоу чѣкомъ шрѣжіемъ обрѣтоша и на ратныа силоу и помощь сѣтворша] прѣже бо палицами и каменіемъ побивахоуса.

Поставленное въ скобки въ Виленскомъ текстѣ не вошло въ лѣтопись, остальное сходно. Послѣ этого уже слѣдуетъ выписка, но имѣющая никакого отношенія къ разказу Ладожанъ, именно о томъ, какой законъ установилъ Феостъ относительно прелюбодѣлія и какъ этотъ законъ былъ однажды примѣненъ къ одной женщинѣ сыномъ Феоста. Первая половина сходствуетъ съ хроникой Малалы:

III. Лѣтоп. Тъ же Феоста законъ устави женамъ за единъ мужъ посагати и ходити говеющи, а яже прелюбы дѣющи казнити повелѣваше.

Вилен. сп. При томѣ Феостѣ закопъ оустави жѣнѣ за сѣдѣи моужъ посагати и ходити говѣющи, а юже прелюбодѣлющю шбрѣсти то тѣю казнити.

Изъ той же хроники взято и выраженіе лѣтописи „Сего ради и прозваша и Сварогомъ и блажиша и Егуптяне“ (Ип. 200, стрк. 21—22) — и блажадѣтъ его Егуптѣне тако прѣвѣе законъ чистъ и житіе нѣтъ показѣ“, что въ Виленскомъ списокѣ слѣдуетъ непосредственно за выписаннымъ сейчасъ текстомъ. Въ срединѣ того и другаго читается шесть строкъ лишнихъ сравнительно съ текстомъ Малалы, а именно:

„сего ради прозваше и богъ Сварогъ, преже бо сего жены блудяху, к нему же хотяше, и бяху акы скоть блудяще; аще родяшеть дѣтици, которыи ѿи любовь бываше дашеть: се твое дѣтя, онъ же створяше празнество примаше. Феостъ же сий законъ расыпа и вѣстави единому мужю едину жену имѣти. и женѣ за одинъ мужъ посагати, аще ли кто переступить, да ввергуть и в пещь огнену“. Каково происхождение этого отрывка? Прежде всего можно сказать, что онъ не принадлежит хроникѣ Малалы, не принадлежит по тремъ основаниямъ: 1) во второй его части говорится то же, что было сказано и раньше, да еще съ небольшимъ измѣненіемъ („в пещь огнену“), а въ хроникѣ Малалы, не изобилующей въ первыхъ книгахъ длиннотами, повтореній вообще не встрѣчается; 2) славянскій переводъ, читаемый въ Виленскомъ спискѣ, вполне совпадаетъ въ данномъ случаѣ съ греческимъ, и въ случаѣ принадлежности отрывка хроникѣ Малалы пришлось бы заключить, что и греческій и славянскій тексты, оба независимо другъ отъ друга, выкинули одинъ и тотъ же отрывокъ, что очень мало вѣроятно; и 3) въ томъ же сказаніи, вошедшемъ изъ хроники Малалы въ Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ, нѣтъ ничего соответствующаго разсматриваемому отрывку (Поповъ, Обзоръ хр. I, 18), а сказаніе Еллинскаго Лѣтописца не стоитъ ни въ какой связи съ лѣтописнымъ. Слѣдовательно, этотъ отрывокъ взятъ не изъ Малалы. Я сказалъ, что вторая его часть передаетъ то же самое, что раньше передавала хроника Малалы, и потому весь отрывокъ является позднѣйшей глоссой, добавленіемъ къ первоначальному изложенію хроники Малалы. Замѣтимъ, что два раза повторяется наименованіе Феоста Сварогомъ; это даетъ мнѣ основаніе думать, что весь отрывокъ произошелъ такимъ образомъ. Заимствование изъ Малалы о Феостѣ оканчивалось словами — „а иже прелюбы дѣющи казнити повѣлѣваше, сего ради прозваше и богъ Саварогъ и блажиша и Египтяне“; о названіи Сварогомъ я говорилъ выше. Послѣдующій писецъ, написавъ „сего ради прозваше и богъ Сварогъ“, внесъ отъ себя разъясненіе сказанія, которое могло быть или взято имъ изъ какого нибудь другаго хронографа—по памяти или съ рукописи, или могло стоять въ видѣ глоссы на поляхъ. Внесъ дополненіе, онъ повторилъ выписанное выше изъ Малалы, но не списывая буквально, а по памяти, отчего мы и наблюдаемъ при нѣкоторыхъ совпаденіяхъ извѣстныя отличія. Послѣ этого онъ обратился къ лежащему передъ нимъ тексту лѣтописи, но по ошибкѣ повторилъ уже раньше сказанное „сего ради и прозваша и Сварогомъ“. Подобные случаи мы

встрѣчаемъ въ другихъ памятникахъ. Последнее повтореніе и служить доказательствомъ, что разсматриваемый отрывокъ внесенъ позднѣе, не самимъ лѣтописцемъ, изложеніе котораго повтореніями не отличается; въ данномъ же случаѣ наименованіе Сварогомъ выведено самимъ лѣтописцемъ и повторять его едва ли была ему необходимость. Не этому ли дополнителю принадлежитъ и лишнее противъ хроники Георгія монаха „а въ Африкѣ три камня спадоша превелици“? Источника дополненія о нравахъ египетскихъ жепцинь я указать не могу.

Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, во-первыхъ, то, что автору редакціи лѣтописи, представляемой Ипатскимъ спискомъ, были извѣстны двѣ хроники—Георгія монаха и Іоанна Малалы. Вторыхъ—и это главное—мы можемъ теперь говорить, что хроника Іоанна Малалы была извѣстна у насъ во всякомъ случаѣ во второй половинѣ XI в. До сихъ поръ у насъ не было никакихъ указаній на то, чтобы хроника Іоанна Малалы была извѣстна на Руси въ старое время. Составленіе Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца остается неизвѣстнымъ, а Архивскій списокъ, содержащій части хроники Малалы, восходитъ къ началу второй половины XIII вѣка. Теперь будемъ знать, что хроника Іоанна Малалы вмѣстѣ съ хроникой Георгія монаха были извѣстны на Руси еще до XII в.

Но этимъ дѣло не исчерпывается. Лѣтописецъ говоритъ: „Аще ли кто сему вѣры не иметъ, да почтетъ хронографъ“. Спрашивается, что онъ разумѣлъ подъ хронографомъ? Выписка состоитъ, какъ видѣли, изъ соединенія двухъ отрывковъ—изъ Георгія монаха и Іоанна Малалы, и потому представляется нѣсколько страннымъ, почему лѣтописецъ говоритъ только объ одномъ хронографѣ, подъ которымъ въ данномъ случаѣ нужно разумѣть хроникѣ Георгія монаха. Ему слѣдовало бы сдѣлать второе указаніе при выпискѣ изъ хроники Малалы. Да къ тому же, надо было бы думать, что лѣтописецъ, на основаніи предшествующихъ примѣровъ укажетъ не просто на „хронографъ“, но на „хронографъ Георгія“, особенно тогда, когда онъ дѣлаетъ изъ него выписку для извѣстнаго подтвержденія. Все это приводитъ меня къ вопросу—имѣлъ ли лѣтописецъ подъ руками настоящія хроники Георгія монаха и Іоанна Малалы или только особый „хронографъ“, составленный изъ повѣствованій этихъ двухъ хронистовъ, въ родѣ Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца? Что такимъ хронографомъ не могъ быть Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ, указываютъ нѣкоторые отрывки текста Ел. Л.—а сравнительно съ лѣтописью и Арх. спи-

скомъ, но вполнѣ возможно, что такимъ хронографомъ могла быть другаго рода компиляція, не носившая имени автора и называвшаяся просто „хронографомъ“. Разумѣется, рѣшить этотъ вопросъ съ положительностью нѣтъ пока данныхъ, но если бы это предположеніе оправдалось, то съ одинаковымъ правомъ можно было бы приписать составителю хронографа то, что выше приписано позднѣйшему интерполятору; по отношенію къ редактору Ипатской лѣтописи это безразлично: не ему принадлежатъ во всякомъ случаѣ интерполяціи. Если бы предположеніе о существованіи такой компиляціи подъ именемъ „хронографа“ оправдалось, то хроники Іоанна Малалы и Георгія монаха мы могли бы отодвинуть еще далѣе.

В. Истрипъ.

ОТСТАВКА А. Л. ОРДИНА-НАЩОКИНА И ЕГО ОТНОШЕНИЕ КЪ МАЛОРОССІЙСКОМУ ВОПРОСУ.

I.

Сообщая о прекращеніи служебной дѣятельности А. Л. Ордина-Нащокина, С. М. Соловьевъ высказываетъ ¹⁾ предположеніе, что причиною окончательнаго удаленія отъ дѣлъ бывшаго начальника Посольскаго Приказа было представленіе имъ по поводу назначенія его посломъ въ Польшу такихъ докладныхъ статей, на которыя не хотѣли согласиться. Предположеніе это въ настоящее время подтвердилось: между дѣлами бывшаго Посольскаго Приказа намъ удалось найти представленный Ординымъ-Нащокинымъ по поводу назначенія его посломъ докладъ ²⁾, который, дѣйствительно, долженъ былъ вызвать неудовольствіе царя Алексѣя Михайловича, такъ какъ требовалъ слишкомъ широкихъ полномочій для посла и предлагалъ такое разрѣшеніе малороссійскаго вопроса, которое не согласовалось съ взглядами государя.

Докладъ, представленный Ординымъ-Нащокинымъ государю въ началѣ марта 1671 г. ³⁾, касается главнымъ образомъ малороссій-

¹⁾ Исторія Россіи, т. XII, изд. 1862 г. стр. 75. Это же предположеніе повторяетъ и проф. *Иконниковъ*, которымъ написана біографія Ордина-Нащокина (*Русская Старина* за 1883 г., №№ 10 и 11) только на основаніи печатныхъ источниковъ.

²⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностран. Дѣлъ, Дѣла Польск. 1671 г., № 11.

³⁾ 28-го февраля 1671 г. послана была польскому королю грамота о назначеніи посломъ въ Польшу Ордина-Нащокина съ товарищи (*ibid.*, № 12), а 20-го марта состоялся уже указъ объ отправленіи къ королю одного Ив. Ив. Чаадаева съ дьякомъ (*ibid.*, стат. спис. № 138).

скихъ дѣлъ, наполненъ жалобами, укорами и намеками, которые можно понять, только выяснивъ отношеніе его къ малороссійскому вопросу. Еще авторъ „Исторія Россіи“ обратилъ вниманіе на разногласіе ¹⁾ по этому вопросу между государемъ и его „канцлеромъ“ ²⁾, которому подчиненъ былъ и Малороссійскій Приказъ ³⁾. Документы, которыми не пользовался С. М. Соловьевъ ⁴⁾, даютъ возможность опредѣлить съ достаточною ясностью отношеніе Ордина-Нащокина къ малороссійскому вопросу. Изъ этихъ документовъ видно, что управленіе Малороссійскимъ Приказомъ, а затѣмъ руководство посольскими переговорами, касавшимися Малороссіи, не только были источникомъ многихъ непріятностей для Ордина-Нащокина, посольскихъ дѣлъ оберэгателя, но также въ значительной степени содѣйствовали охлажденію къ нему государя и такимъ образомъ послужили одною изъ причинъ преждевременнаго удаленія отъ дѣлъ знаменитаго дипломата.

Завѣдываніе Малороссійскимъ Приказомъ было поручено Ордину-Нащокину 17-го іюня 1667 г. ⁵⁾, но выборъ новаго начальника этого приказа врядъ ли былъ удаченъ, такъ какъ Ординъ-Нащокинъ неоднократно заявлялъ, что не очень доволенъ присоединеніемъ Малороссіи. Еще въ 1660 г. онъ совѣтовалъ ⁶⁾ государю возвратить Малороссію польскому королю, чтобы можно было заключить съ нимъ прочный миръ; при этомъ Ординъ-Нащокинъ обращалъ вниманіе государя на то, что отнятые у Польши города никакой не даютъ прибыли, а убытки большіе. Четыре года спустя, Ординъ-Нащокинъ опять пишетъ царю Алексѣю Михайловичу о возможности „отступитья черкасъ малороссійскихъ“ ⁷⁾, но такъ какъ государь рѣши-

¹⁾ Сравни. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XI, изд. 1861 г., стр. 226.

²⁾ Такъ именовали Ордина-Нащокина представители малороссійскаго духовенства въ письмахъ, къ нему посылаемыхъ. (См. нашу статью „О споменіяхъ малороссійскаго духовенства“ въ *Чтеніяхъ* въ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1894 г. кн. III, стр. 505). Первый биографъ Ордина-Нащокина Малиновскій также называетъ его „канцлеромъ первымъ въ Россіи“ (*Труды и Лѣтописи* Моск. Общ. Истр. и Древн., ч. VI).

³⁾ Сравни. *Камчовскій*, Боярская Дума, М., 1882 г., стр. 410.

⁴⁾ Такіе, неизвѣстные Соловьеву и касающіеся Ордина-Нащокина, документы найдены нами въ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи и въ Петербургскомъ Государственномъ Архивѣ.

⁵⁾ Дополн. къ Акт. Истор., т. VI, № 44, стр. 210.

⁶⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XI, изд. 1861 г., стр. 98—99.

⁷⁾ *Ibid.*, стр. 226.

тельно воспротивился такому предложенію, то при заключеніи договора въ Андрусовѣ Ординъ-Нащокинъ долженъ былъ, какъ извѣстно, настоять на томъ, чтобы восточная Малороссія осталась за Московскимъ государствомъ на все время перемирія, а Кіевъ на два года.

Относясь пренебрежительно къ Малороссіи, новый начальникъ Малороссійскаго Приказа не могъ не встрѣтить непріязненнаго къ себѣ отношенія со стороны вліятельныхъ малороссіянъ, которые были совсѣмъ не такого, какъ Ординъ-Нащокинъ, мнѣнія о выгодахъ, полученныхъ Великою Россіею вслѣдствіе присоединенія къ ней Малой. Въ то самое время, когда Ординъ-Нащокинъ указывалъ на возможность отступиться черкасѣ малороссійскихъ, епископъ мстиславскій Меодій, руководившій тогда управленіемъ Малороссіей ¹⁾, писалъ государю: „Кіевъ, Чернѣговъ и вся Украина тебѣ, великому государю, весьма надобны, бо за ними Россійское Государство, якъ за стѣною твердою, стоять и стояти будетъ. А уховай бы Боже уступить Кіева и другихъ черкасскихъ городовъ, тогда король и ляхи и далѣй бы хотѣли. Кто тебѣ, великому государю, объ уступкѣ Кіева совѣтовать станетъ, тотъ Богу и тебѣ врагъ и измѣнникъ“ ²⁾.

Называя измѣнникомъ того, кто совѣтуетъ государю возвратить полякамъ Малороссію, Меодій несомнѣнно имѣлъ въ виду Ордина-Нащокина, такъ какъ состоялъ въ дружеской перопискѣ съ дьяками Посольскаго Приказа ³⁾ и потому могъ знать, отъ кого идутъ возмущавшіе его совѣты. Меодій достигъ высокаго положенія въ Малороссіи, исключительно благодаря поддержкѣ московскаго правительства, и предложеніе Ордина-Нащокина было ему особенно непріятно, такъ какъ съ уступкою Малороссіи Польшѣ епископъ мстиславскій потерялъ бы всякое значеніе. Съ этимъ-то Меодиѣмъ и пришлось имѣть столкновеніе Ордину-Нащокину уже черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ онъ вступилъ въ управленіе Малороссійскимъ Приказомъ.

Въ началѣ августа 1667 г. Меодій, временно пребывавшій тогда въ Москвѣ, обратился въ приказъ съ просьбою о томъ, чтобы ему была ввѣрена соборная казна для раздачи тѣмъ изъ вліятельныхъ малороссіянъ, которыхъ вѣрная служба государю была особенно же-

¹⁾ См. нашу статью „Сношенія малоросс. духовенства“ (*Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1893 г.*, кн. 2, стр. 247).

²⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 78, стр. 184—185.

³⁾ Сношенія малоросс. духовенства (*Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн. за 1893 г.*, кн. 2, стр. 136).

лательна ¹⁾). Во время управления Малороссійскимъ Приказомъ предшественника Ордина-Нащокина, боярина П. М. Салтыкова, Меоодій получалъ для такой раздачи довольно значительныя суммы ²⁾). Недоброжелатели епископа доносили въ Москву, будто Меоодій значительную часть ввѣряемыхъ ему суммъ присвоиваетъ себѣ ³⁾); мало того, гетманъ Брюховецкій обвинялъ даже Меоодія въ измѣнѣ государю ⁴⁾). По этой ли причинѣ, или потому, что московское правительство, будучи увѣрено въ преданности Брюховецкаго, не опасалось шатости со стороны другихъ малороссійцевъ, но только Ординъ-Нащокинъ не счелъ пужнымъ удовлетворить просьбу Меоодія, и просимая имъ соборная казна ему не была дана ⁵⁾).

Меоодій не успѣлъ еще уѣхать изъ Москвы, какъ въ столицѣ получено было извѣстіе, что въ Малороссіи далеко не все спокойно, что въ Запорожьѣ убили посла государева, что все посольство охвачено смятеніемъ, которое вызвано агитаціей Дорошенка, гетмана западной Малороссіи, оставленной по Андрусовскому договору за Польшею ⁶⁾). Меоодій опять началъ говорить о мѣрахъ, необходимыхъ для успокоенія Малороссіи, „извѣщалъ“ о нихъ самому государю, который указалъ Ордину-Нащокину переговорить съ епископомъ. 15-го августа 1667 г. состоялась бесѣда Меоодія съ начальникомъ Малороссійскаго Приказа. Епископъ повторилъ Ордину-Нащокину опасенія, высказанныя въ докладѣ государю, указывалъ на то, что Дорошенко можетъ вызвать мятежъ во всей восточной Малороссіи, находящейся подъ властью великаго государя. Хотя Ординъ-Нащокинъ зналъ уже, что въ Малороссіи началось „смятеніе“, однако объявилъ Меоодію, что не пуждается въ его услугахъ для успокоенія страны, такъ какъ Дорошенко будто бы неопасенъ. „Плевать на Дорошенка“, говорилъ Ординъ-Нащокинъ епископу: „надѣяться ему не на кого, крымскій ханъ проситъ и хочетъ быть съ великимъ государемъ въ миру“ ⁷⁾).

Пренебрежительное отношеніе къ представленіямъ Меоодія еще болѣе огорчило его, чѣмъ отказъ дать соборей: епископъ былъ увѣ-

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Малоросс. Подл. Грам., № 161.

²⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 48, стр. 103.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., Сибирск. Прик. столбцы, № 771 (общ. 6815).

⁴⁾ Книги Разрядныя, т. II, ст. 952—953.

⁵⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VII, № 31, стр. 70.

⁶⁾ Собраніе Госуд. Грам. и Догов., ч. IV, № 58, стр. 212; *Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1858 г.*, ч. I, стр. 183.

⁷⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VII, № 31, стр. 81.

ренъ, что московское правительство не оставитъ безъ вниманія агитаціи Дорошенко, и понялъ поэтому, что, отклоняя его, епископа, услуги, Ординъ-Нащокинъ желаетъ только лишить его вліянія въ Малороссіи. Дѣйствительно, Ординъ-Нащокинъ неполнилъ искренно увѣрять Мееодія, что не стоитъ обращать вниманія на Дорошенка: въ Москвѣ уже знали, что многіе жители восточной Малороссіи готовы „въ злой путь гетману Дорошенку послѣдовать“. Ординъ-Нащокинъ сознавалъ необходимость непрестанно наблюдать за дѣйствіями Дорошенка и даже составилъ планъ, при помощи котораго можно было извлечь пользу для Московскаго государства изъ союза Дорошенка съ Турціей, но осуществить этотъ планъ долженъ былъ не Мееодій, а самъ посольскихъ дѣлъ оберегатель.

Политика Ордина-Нащокина по отношенію къ Малороссіи была въ зависимости отъ тѣхъ указаній, которыя даны были ему государемъ тогда, когда посольскихъ дѣлъ оберегатель представилъ ему Андрусовскій договоръ. Принимая этотъ стоившій Ордину-Нащокину столько трудовъ договоръ, государь замѣтилъ, что Кіевъ необходимо удержать за Московскимъ государствомъ навсегда. Поэтому, когда пріѣхали въ Москву польскіе послы Казиміръ Беневскій съ товарища для присутствія при подтвержденіи Андрусовскаго договора государемъ, Ординъ-Нащокинъ употребилъ всю силу своего дипломатическаго искусства на то, чтобы убѣдить этихъ пословъ заключить между Польскимъ и Московскимъ государствами союзный договоръ. Въ этотъ договоръ Ордину-Нащокину удалось внести такую статью, при помощи которой, по его словамъ, можно было бы впоследствии, при обсужденіи условій вѣчнаго мира съ Польшей, настоять на томъ, чтобы не только Кіевъ, но и вся Западная Малороссія были присоединены къ Московскому государству. Согласно этой статьѣ союзнаго договора, какъ ее толковалъ Ординъ-Нащокинъ, всѣмъ украинскимъ жителямъ вины ихъ прощались, и предоставлялось имъ быть подъ властью обоихъ государей польскаго и московскаго или того изъ нихъ, кого пожелаютъ, только бы отстали отъ союза съ бусурманами ¹⁾.

Въ то время, когда Ординъ-Нащокинъ и Беневскій заключали въ Москвѣ союзный договоръ между Московскимъ и Польскимъ государ-

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Польск. 1669 г., № 8—докладъ Ордина-Нащокина государю отъ 8 окт. 1669 г. Союзн. договор. см. въ Полн. Собр. Законовъ, т. I, № 420, стр. 729.

ствами, отдавалась подъ турецкую протекцію подвластная Польшѣ Западная Малороссія съ гетманомъ Дорошенкомъ, который увѣрялъ, что соединяется съ бусурманами только потому, что не можетъ выносить притѣсненій отъ поляковъ; въ вѣрности московскому государю восточной Малороссіи и особенно гетмана ея боярина Брюховецкаго не было сомнѣнія ¹⁾): ясно было, что указанная выше статья союзнаго договора разумѣеть подъ украинскими жителями населеніе западной Малороссіи; этою статьею и обуславливалось осуществленіе задуманнаго Ординнаго-Нащоккина по желанію государя плана постепеннаго исправленія Андрусовскаго договора; необходимо было вслѣдствіе стараться о томъ, чтобы жители западной Малороссіи склонились къ возвращенію въ подданство царю московскому, и въ такомъ случаѣ поляки согласно заключенному ими съ Москвою союзному договору не будутъ въ правѣ при обсужденіи условій вѣчнаго мира требовать не только Кіева, но и всей западной Малороссіи, если это требованіе будетъ препятствовать отлученію украинцевъ отъ бусурманъ.

„Учинивъ въ союзной статьѣ приводъ ко одержанію Кіева“, Ординъ-Нащоккинъ немедленно по отпускѣ съ Москвы польскихъ пословъ Беневскаго съ товарищами „многодокучно билъ челомъ великому государю и бояромъ его объявлялъ, чтобы ему, Аванасью, въ Украинѣ въ Кіевѣ быть и противъ утвержденія мирнаго въ тамошнихъ народахъ къ вѣчной крѣпости о церквахъ Божіихъ въ чемъ бы имъ неоступному подданству крѣпко было привести“.

Но немедленный отпущъ Ордина-Нащоккина въ Малороссію не состоялся, было рѣшено, что самъ государь предприметъ нѣкоторое время спустя путешествіе въ Кіевъ, чтобы подданныхъ своихъ, украинскихъ жителей, „своимъ государскимъ пришествіемъ увеселить“, тогда же посланъ будетъ въ Малороссію до государева походу и Ординъ-Нащоккинъ. Но начальникъ Посольскаго и Малороссійскаго приказовъ, зная что переговоры о вѣчномъ мирѣ начнутся въ 1669 и даже въ 1668 годахъ, не считалъ удобнымъ медлить съ агитаціей среди жителей западной Малороссіи и, не имѣя возможности ускорить свой отъѣздъ въ Кіевъ, поручилъ начать дѣло одному изъ подчиненныхъ ему дипломатовъ В. М. Тяпкину и воеводѣ кievскому П. В. Шереметеву.

¹⁾ „Брюховецкаго крови были невинны“,—писалъ объ этомъ времени Ординъ-Нащоккинъ въ отпискѣ своей государю отъ 1-го апр. 1669 г. (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Польск. 1669 г., № 8).

Начавъ сношенія съ Дорошенкомъ, Шереметевъ и Тяпкинь убѣждали его оставить союзъ съ турками и вѣрно служить своему государю королю польскому и союзнику его, царю московскому, но вскорѣ Тяпкинь измѣнилъ характеръ своихъ увѣщаній: попрежнему совѣтуя прекратить дружбу съ турками, онъ въ то же время началъ склонять Дорошенка къ окончательному отпаденію отъ Польши и къ подчиненію Москвѣ ¹⁾). Такія увѣщанія были прямымъ нарушеніемъ четвертой статьи Андрусовскаго перемирнаго договора ²⁾). Правда, предложенія свои Тяпкинь дѣлалъ тайно, ограничиваясь только устными заявленіями, такъ что Дорошенко не имѣлъ возможности сообщить полякамъ какой нибудь документъ, подтверждающій существованіе противныхъ Андрусовскому трактату переговоровъ.

При условіяхъ, въ какія поставлено было лѣвобережное казачество Московскими статьями 1665 г., трудно было рассчитывать на полную удачу агитаціи Тяпкина, тѣмъ не менѣе ему удалось сыграть въ западной Малороссіи роль agent provocateur. Дѣло въ томъ, что высказанное царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ еще до окончательнаго утвержденія Андрусовскаго договора желаніе не возвращать Кіева полякамъ по истеченіи назначеннаго двухгодичнаго срока можно было осуществить только въ томъ случаѣ, если-бы въ уступленной полякамъ западной Малороссіи были такія серьезныя смуты, что польское правительство не было бы въ состояніи принять Кіевъ. Такъ дѣйствительно и случилось: смута въ западной Малороссіи не прекращалась, срокъ отдачи Кіева былъ пропущенъ, и когда черезъ годъ послѣ переговоровъ Тяпкина съ Дорошенкомъ польскіе комиссары требовали объясненій, почему Кіевъ не возвращенъ въ срокъ, Ординъ-Нащокинъ сослался на бывшую въ то время въ Украинѣ смуту ³⁾.

Если смута, продолженію которой содѣйствовалъ агентъ Ордина-Нащокина, стояла Польшѣ Кіева, то недешево она обошлась и

¹⁾ О перепискѣ Шереметева съ Дорошенкомъ см. Акт. Южн. и Зап. Россіи, т. VII, № 3, стр. 4, о Тяпкини *ibid.*, т. VI, № 71, о проектѣ путешествія государя *ibid.*, т. VII, № 4, стр. 8. О просьбѣ Ордина-Нащокина, чтобы его въ 1667 г. отпустили въ Малороссію см. въ его отпискѣ къ государю отъ 8-го окт. 1669 г. (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Польск. 1669 г., № 8).

²⁾ Сравни. Полное Собр. Законовъ, т. I, № 398, стр. 659.

³⁾ Сравни. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XII, изд. 1862 г., стр. 51; отпускъ архіеп. Барановича и еписк. Мееодія состоялся около начала сентября 1667 г., утвержденіе Андрусовскаго договора состоялось въ концѣ октября того же года. Объясненія Ордина-Нащокина см. *ibid.*, стр. 75.

Московскому государству, такъ какъ дѣятельность Тяпкина оказала вліяніе и на восточную Малороссію. Дорошенко довольно своеобразно воспользовался увѣщаніями Тяпкина, рѣшивъ окончательно порвать съ Польшою, чигиринскій гетманъ не склонился къ подданству московскому государю, а задумалъ объединить раздѣленную Малороссію совершенно инымъ способомъ, а именно отторгнувъ лѣвобережную Украину отъ Великой Россіи. Недовольство руководящихъ лицъ этой страны Ординымъ-Нащокнымъ облегчало Дорошенку осуществленіе его плана. Не только Меоодій былъ недоволенъ новымъ начальникомъ Малороссійскаго приказа, но и самъ гетманъ лѣвобережной Малороссіи Брюховецкій сдѣлался личнымъ врагомъ Ордина-Нащоккина, такъ какъ узналъ о его сношеніяхъ съ Дорошенко и началъ опасаться, какъ бы московское правительство не лишило его гетманства, чтобы отдать этотъ урядъ Дорошенку: о сношеніяхъ московскаго правительства съ Дорошенко Брюховецкій узналъ отъ Меоодія ¹⁾; кромѣ того, Дорошенко написалъ Брюховецкому, что Тяпкинь былъ къ нему присланъ съ призывомъ на гетманство восточной стороны Днѣпра ²⁾, хотя въ дѣйствительности не Тяпкинь сдѣлалъ Дорошенку такое предложеніе, а наоборотъ, присланный къ агенту Ордина-Нащоккина Дорошенко братъ его предложилъ лишитъ Брюховецкаго гетманства ³⁾.

Возстановивъ Брюховецкаго противъ Ордина-Нащоккина, Дорошенко всячески старался вызвать среди населенія лѣвобережной Малороссіи недовѣріе къ московскому правительству и вскорѣ къ тому представился удобный случай. Въ концѣ 1667 г. къ гетману Брюховецкому прислали изъ Москвы грамоту о томъ, что „великій государь имѣетъ подвижность своего походу въ свою стародавнюю отчину въ Киево-Печерскій монастырь помолиться, а напередъ своего походу послалъ великій государь боярина Ордина-Нащоккина съ ратными людьми въ малороссійскіе города, чтобы къ царскому походу всякіе запасы свозились“ ⁴⁾. О предстоявшемъ путешествіи государя узналъ и Дорошенко ⁵⁾, который по своему истолковалъ полученную имъ вѣсть: братъ Дорошенка объявилъ Тяпкину, что не вѣрить, „будто царское

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VII, № 29, стр. 68.

²⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XII, изд. 1862 г., стр. 25.

³⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VI, № 71, стр. 246, 253—254.

⁴⁾ *Ibid.*, т. VII, № 4, стр. 6—7.

⁵⁾ *Ibid.*, т. VII, № 3, стр. 4.

величество молиться идти, но опасается того накрѣпко, чтобы, когда будетъ государь въ Кіевѣ съ великими силами, поляки, надѣючись на царскаго величества многія силы, не поднесли на казаковъ войны своей“¹⁾). Отъ этого объясненія недалеко уже было до другаго: Ординъ-Нащокинъ идетъ съ войскомъ въ Малороссію только для того, чтобы отдать согласно Андрусовскому договору Кіевъ полякамъ, а лѣвобережную Украину „огнемъ и мечемъ искоренить“²⁾).

Такъ какъ Ординъ-Нащокинъ не считалъ возможнымъ текстъ союзнаго договора обнародовать въ Малороссіи³⁾, то ложные слухи быстро распространялись среди жителей этой страны тѣмъ болѣе, что этому содѣйствовалъ Меѳодій: епископъ самъ написалъ къ Брюховецкому письмо съ изложеніемъ своихъ соображеній по поводу возвѣщенной въ государевыхъ грамотахъ экспедиціи Ордина-Нащокина въ Малороссію⁴⁾ и, нисколько не стѣняясь, повторялъ ходившіе по странѣ слухи, будто Ординъ-Нащокинъ идетъ съ большимъ войскомъ, чтобы отдать полякамъ Кіевъ, а другихъ малороссійскихъ городовъ жителей „до сущаго младенца высѣчь“, то-есть, перебить⁵⁾). Слухи эти должны были особенно встревожить Брюховецкаго, такъ какъ возвратившійся въ то время изъ Москвы гетманскій бунчужный передалъ ему, что Ординъ-Нащокинъ не только не далъ ему видѣть государскія очи, но прямо сказалъ, что пора уже казаковъ къ Богу отпущать⁶⁾). Напрасно старался кіевскій воевода бояринъ П. В. Шереметевъ опровергнуть эти слухи, увѣрить что „плутишка бунчужный солгалъ“, и что бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ, „человѣкъ умный“, не могъ такихъ словъ не только въ слухъ говорить, но и тайно помыслить⁷⁾): слухи о походѣ государя къ Кіеву и о движеніи въ Малороссію великороссійскихъ войскъ подъ начальствомъ Ордина-Нащокина вызвали среди малороссіянъ такой „трусъ“⁸⁾, что Брюховецкому, который не ожидалъ уже отъ Москвы ничего хорошаго, легко удалось склонить старшину къ возстанію противъ государя. Впослѣдствіи малороссіяне старались увѣрить московское правительство, что бунтъ

¹⁾ Ibid., т. VI, № 71, стр. 262.

²⁾ Ibid., т. VII, № 4, стр. 5, № 31, стр. 79.

³⁾ Сравни. *ibid.*, № 12, стр. 33; № 31, стр. 79.

⁴⁾ Ibid., № 31, стр. 79.

⁵⁾ Ibid., стр. 78.

⁶⁾ Ibid., № 4, стр. 6.

⁷⁾ Ibid., стр. 7.

⁸⁾ Письма Лазари Барановича, Черниговъ, 1865, № 85, стр. 121.

въ ихъ странѣ вызванъ былъ этими слухами, а также словами Ордина-Нащокина, который будто бы сказалъ посланцу Брюховецкаго, что великому государю Малороссія не надобна ¹⁾).

Хотя московское правительство старалось увѣрить малороссіянъ въ томъ, что Мееодій и Брюховецкій напрасно приписываютъ Ордину-Нащокину непріятныя для нихъ слова, однако самъ государь, повидимому, вѣрилъ тому, что Ординъ-Нащокинъ, имѣвшій привычку упрекать и порицать поступающихъ несогласно съ его планами, и гетманскимъ посланцамъ сказалъ въ сердцахъ нѣчто подобное тому, въ чемъ его обвиняли малороссіяне, и что, по ихъ словамъ, содѣйствовало возникновенію бунта. Тѣмъ болѣе основательными могли казаться государю эти обвиненія, что ему самому Ординъ-Нащокинъ не разъ совѣтовалъ отказаться отъ Малороссіи. Когда мятежъ прекратился и казаки прислали въ Москву посольство съ челобитьемъ о возстановленіи вольностей малороссійскихъ, то переговоры съ посланцами поручены были не начальнику Посольскаго и Малороссійскаго Приказовъ Ордину-Нащокину, хотя онъ и находился тогда въ Москвѣ ²⁾, а ближнему боярину и оружейнику Б. М. Хитрово ³⁾, который былъ тогда не совсѣмъ въ ладахъ съ Ординымъ-Нащокинымъ ⁴⁾.

На первомъ же „разговорѣ“ съ войсковымъ посольствомъ Хитрово спросилъ о причинѣ вспыхнувшаго въ Малороссіи возстанія. Посланцы объявили, что одною изъ причинъ „великой и необъятной измѣны, учиненной Ивашкою Брюховецкимъ“, было сомнѣніе, вызванное словами Ордина-Нащокина, который гетманскимъ „посланцамъ говаривалъ, что царскому величеству Малороссія будто и ненадобна, и Кіевъ польскому королю будетъ отданъ вскорѣ“. Хитрово долженъ былъ оправдывать Ордина-Нащокина, увѣрять войсковое посольство въ томъ, что „такія смутныя рѣчи на боярина Аванасія Лаврентьевича говорили воры-измѣнники затѣвajući, не хотя видѣть малороссійскихъ жителей въ покоѣ и тишинѣ и чтобы отлучить ихъ отъ милости царскаго величества“. „Великій государь“, говорилъ войсковымъ посламъ

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VIII. № 9, стр. 22.

²⁾ Ординъ-Нащокинъ возвратился въ Москву 7-го января 1669 года. (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. стат. спис., № 123), а войсковое посольство было у великаго государя на пріѣздъ только 19-го января (Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. прик. стол. № 6866 (общ., част. 822, лл. 202—204).

³⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VIII, № 9, стр. 20.

⁴⁾ Ученія въ Моск. общ. Исторіи и Древн. Росс. за 1846 г., кн. № 1, Матеріалы иностранныя, стр. 37.

Хитрово: „для обороны малороссійскихъ жителей не только посылалъ своихъ бояръ, и воеводъ, и ратныхъ людей, но и самъ своею царскою особою ходилъ и ихъ, православныхъ христіанъ, отъ ига и отъ работы свободилъ и всегда содержалъ въ своемъ государскомъ милостивомъ жалованьѣ и въ отлученіи отъ своей милости никогда видѣть не хотѣлъ и, вѣдая такую великаго государя премногую къ малороссійскимъ жителямъ милость и жалованье, боярину Аванасію Лаврентьевичу такихъ словъ не только говорить. но и помыслить было непристойно“ ¹⁾.

Нельзя не признать, эти рѣчи въ защиту Ордина-Нащокина, эти, по выраженію боярина Хитрово, „пространные разговоры“ были не особенно убѣдительны и скорѣе обвиняли, чѣмъ оправдывали Ордина-Нащокина; устраненіе посольскихъ дѣлъ оберегателя отъ важнаго и подлежавшаго его вѣдѣнію дѣла—переговоровъ съ войсковымъ посольствомъ—глубоко оскорбило Ордина-Нащокина: ему такимъ образомъ какъ бы давали понять, что возводимыя на него малороссіянами обвиненія признаны небезосновательными.

Будучи устраненъ отъ переговоровъ съ войсковымъ посольствомъ, начальникъ Посольскаго и Малороссійскаго Приказовъ не принималъ участія въ составленіи проекта наказа боярину Ромодановскому, назначенному руководить Глуховскою радюю, на которой предполагалось провести весьма важныя мѣры, касавшіяся управленіи Малороссіей. Авторъ проекта наказа, повидимому, не бывшій виоліѣ au courant тогдашнихъ сношеній Посольскаго Приказа съ Польшею, уполномочивалъ Ромодановскаго категорически объявить на радѣ, что Кіевъ полякамъ возвращенъ не будетъ ²⁾. Когда проектъ наказа представленъ былъ на разсмотрѣніе, нашли, что статья о Кіевѣ, сдѣлавшись извѣстною полякамъ, можетъ вызвать съ ихъ стороны обвиненіе въ нарушеніи московскимъ правительствомъ Андрусовскаго договора; поэтому повелѣно было передать эту статью на разсмотрѣніе автору Андрусовскаго трактата; Ординъ-Нащокинъ измѣнилъ статью наказа о Кіевѣ такимъ образомъ, что Ромодановскому давалось полномочіе только сказать, въ случаѣ необходимости, что Кіевъ „за нѣ-

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VIII, № 9, стр. 23.

²⁾ Въ первоначальномъ проектѣ запасной статьи наказа написано: „будетъ казаки за Кіевъ стануть упорно, чтобъ его королю не отдавать, — послѣдняя статья сказать: будетъ они казаки въ подданствѣ у царскаго величества будутъ крѣпки и Кіевъ по тому жъ будетъ крѣпокъ же и не отданъ“. (Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. прик. столбцы, № 5823).

которыми причинами съ *польскіе стороны*¹⁾ не будетъ отданъ въ срокъ, назначенный Андрусовскимъ договоромъ, а будетъ относительно отдачи Кіева съѣздъ великихъ и полномочныхъ пословъ и о рѣшеніи съѣзда относительно Кіева казакамъ будетъ своевременно сообщено¹⁾).

Исправивъ ту статью проекта наказа Ромодановскому, которая казалась нарушеніемъ Андрусовскаго договора, Ординъ-Нащокинъ подалъ государю докладную записку съ указаніемъ мѣръ, которыя должны быть приняты для того, чтобы приготовить польское правительство къ отсрочкѣ отдачи Кіева. Кромѣ того, Ординъ-Нащокинъ обратилъ вниманіе государя на то, что необходимо послать грамоты къ архіепископу черниговскому Лазарю Барановичу и къ архимандриту Кіево-Печерской лавры Иннокентію Гизелю, которыхъ можно обнадѣжить тѣмъ, что Кіевъ, вѣроятно, останется подъ властью великаго государя; будучи такимъ образомъ обнадѣжены, эти духовныя особы постараются успокоить малороссіянъ²⁾). Докладъ этотъ былъ одобренъ государемъ, проекты грамотъ къ Гизелю и къ Барановичу были составлены Ординымъ-Нащокинымъ и взяты для разсмотрѣнія „въ Верхъ“, то-есть, во дворецъ³⁾). Хотя такимъ образомъ Ордину-Нащокину опять поручено было веденіе нѣкоторыхъ дѣлъ Малороссійскаго Приказа, но не надолго; вскорѣ управленіе этимъ приказомъ было окончательно отнято у него и уже въ апрѣлѣ 1669 года въ приказѣ Малыя Россіи „сидѣлъ“ А. С. Матвѣевъ, докладная же записка Ордина-Нащокина была оставлена безъ дальнѣйшаго движенія⁴⁾).

Увольненіе Ордина-Нащокина отъ одной изъ занимаемыхъ имъ должностей указывало на то, что служебное его положеніе сильно поколебалось. Но на этомъ дѣло не остановилось. При всякомъ затрудненіи въ дѣлахъ малороссійскихъ, многочисленные недоброжелатели Ордина-Нащокина напоминали государю, что виновникъ этихъ

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VIII, № 11, стр. 41. Сравни Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. стат. списки, № 121; въ этомъ статейномъ спискѣ сохранилась переписка съ Ординымъ-Нащокинымъ по поводу статьи о Кіевѣ.

²⁾ Моск. Глав. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Польск. 1668 года, № 12, и 1669 года, № 8.

³⁾ Ibid. Польск. стат. списки, № 123.

⁴⁾ Сравни Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VIII, № 56, стр. 189. О неисполненіи докладной записки Ордина-Нащокина см. въ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Польск. 1669 г., № 8.

затрудненій—Аѳанасій Лаврентьевичъ ¹⁾). Даже подчиненный Ордину-Нащокину Посольскій Приказъ плохо слушался своего начальника ²⁾ видя возрастающее охлажденіе къ нему государя. Впрочемъ, и посольскимъ приказомъ послѣдніе три года своей службы Ординъ-Нащокинъ не могъ управлять съ достаточною энергіею, такъ какъ большую часть времени проводилъ внѣ Москвы на посольскихъ съѣздахъ ³⁾. Эти продолжительныя отлучки, изъ которыхъ послѣдняя затянулась на цѣлый годъ, помогли недоброжелателямъ Ордина-Нащокина еще болѣе возстановить противъ него государя.

II.

Будучи отставленъ отъ управленія Малороссійскимъ Приказомъ, Ординъ-Нащокинъ долженъ былъ все-таки принимать участіе въ разрѣшеніи сложныхъ дипломатическихъ вопросовъ, возникшихъ по поводу малороссійскихъ дѣлъ. Главною задачею посольскихъ дѣлъ оберегателя на комиссіи русскихъ и польскихъ уполномоченныхъ 1669 и 1670 годовъ было удержаніе Кіева подъ властью великаго государя ⁴⁾. Такъ какъ въ 1669 году поддавшійся туркамъ ⁵⁾ Дорошенко, котораго московское правительство продолжало признавать „гетманомъ коруны польскіе и великаго княжества Литовскаго“ ⁶⁾, владѣлъ вопреки Андрусовскому договору многими городами лѣвобережной Ма-

¹⁾ Сравни допросныя статьи Ордину-Нащокину (*Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XII, изд. 1862 г., стр. 67, прим. 6).

²⁾ *Ibid.*, стр. 71.

³⁾ За время съ 26-го мая 1668 по 19-е марта 1670 года Ординъ-Нащокинъ былъ въ Москвѣ только 68 днй (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣл, Польск. стат. списки, № 123). 26-го мая 1668 г. Ординъ-Нащокинъ выѣхалъ изъ Москвы на съѣздъ посольскій въ Курляндію, возвратился 7-го января 1669 года. 13-го марта 1669 года Ординъ-Нащокинъ выѣхалъ изъ Москвы въ Мигновичи на съѣздъ въ Андрусово, возвратился 19-го марта 1670 г. (*ibid.*) С. М. Соловьевъ (Ист. Росс., т. XII, изд. 1862 г., стр. 62), а вмѣстѣ съ нимъ и В. С. Иконниковъ (*Русск. Стар.* за 1883 г., № 11, стр. 287) полагаютъ, что передъ Андрусовскою комиссіею 1669—1670 г. Ординъ-Нащокинъ принималъ участіе въ какой-то Андрусовской комиссіи 1668 г., но, какъ видно изъ статейнаго списка Ордина-Нащокина, въ 1668 г. никакой комиссіи въ Андрусовѣ не было, а приводимые въ цитованномъ мѣстѣ „Исторія Россіи“ переговоры происходили въ 1669 году.

⁴⁾ Сравни *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XII, изд. 1862 г., стр. 62, 75.

⁵⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣл, дѣла Польск. 1668 г., № 25.

⁶⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VIII, № 110, стр. 270.

лороссіи ¹⁾, то Ординъ-Нащокинъ считалъ возможнымъ отсрочить возвращеніе Кіева полякамъ. Въ виду ясно высказаннаго желанія государя, посольскихъ дѣлъ оберегатель считалъ нужнымъ, найти новый путь ²⁾ къ тому, чтобы *навсегда* удержать этотъ городъ во власти великаго государя при заключеніи вѣчнаго мира. По мнѣнію Ордина-Нащокина ³⁾, въ этомъ отношеніи могъ оказать содѣйствіе кіевскій митрополитъ Іосифъ Тукальскій, еще не признанный московскимъ правительствомъ и не имѣвшій мѣстопробыванія въ Кіевѣ, гдѣ былъ блюстителемъ митрополіи московскій ставленникъ Меѳодій. Но блюститель митрополіи, замѣшанный въ дѣло Брюховецкаго ⁴⁾, былъ отосланъ въ Москву ⁵⁾, и посольскихъ дѣлъ оберегатель, знавшій изъ донесеній Тяпкина о вліяніи Тукальскаго ⁶⁾, сталъ подумывать о томъ, что полезно было бы разрѣшить митрополиту пребываніе въ Кіевѣ и при его содѣйствіи найти „путь“ къ „одержанію“ Кіева.

Однимъ изъ средствъ, къ „одержанію“ Кіева Ординъ-Нащокинъ считалъ подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патріархату ⁷⁾ и надѣялся, что Тукальскій, получивъ отъ Московскаго правитель-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. прик. кн. № 5, л. 345. Сравни. *Костомаровъ*, Историч. моногр. и изслѣд., т. XV, изд. 1882 г., стр. 298.

²⁾ Сравни. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XII, изд. 1862 г., стр. 68.

³⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Польск. 1669 г., № 8.

⁴⁾ Меѳодій говорилъ, что если Ординъ-Нащокинъ съ войскомъ придетъ на помощь полякамъ, то онъ „епископъ возьметъ въ правую мечъ, а въ лѣвую крестъ и будетъ стоять противъ ратей обоихъ государей“. (См. нашу статью „О сношеніяхъ Малоросс. духовенства въ Утемяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. за 1894 годъ, кн. III, стр. 555).

⁵⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VII, № 31, стр. 84.

⁶⁾ Ibid., т. VI, № 71, стр. 245.

⁷⁾ Мысль эту Ординъ-Нащокинъ подробно развиваетъ въ докладной запискѣ, посланной имъ въ приказъ Тайныхъ Дѣлъ 4-ю мая 1669 г., въ ст. 5 и 6. Докладная записка эта, состоящая изъ 19 статей, напечатана въ IX т. Акт. Южн. и Зап. Россіи подъ № 2, на столбц. 7—14 вмѣстѣ съ другимъ докладомъ (ibid., столбц. 14—20), посланнымъ въ приказъ Малыя Россіи 25-ю мая и состоящимъ изъ 21 статьи. Хотя ни въ томъ, ни въ другомъ докладѣ не сказано, что они посланы государю Ординымъ-Нащокинимъ, но это ясно изъ третьяго доклада, хранящагося въ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ между Малоросс. дѣлами 1669 г. подъ № 10 и почему-то не напечатаннаго въ Актахъ Южн. и Зап. Россіи, несмотря на то, что третій докладъ, пожалуй, важнѣе первыхъ двухъ. Этотъ не напечатанный докладъ написанъ отъ имени Ордина-Нащокина, который въ началѣ доклада сообщаетъ, что имъ „Аеонкою“ посланы уже два доклада—одинъ 4-ю мая и другой мая съ 25-й дежъ въ дополненіе къ первому... и тѣ оба доклада въ 40 учиненныхъ статьяхъ.

ства разрѣшеніе прибыть въ Кіевъ, будетъ содѣйствовать этой реформѣ ¹⁾, провести которую въ то время можно было, по мнѣнію Аѳанасія Лаврентьевича, безъ особенныхъ проволочекъ, такъ какъ въ Москвѣ пребывалъ еще Памсій, патриархъ александрійскій, „папа и судія вселенная“ ²⁾. Еслибы подчиненіе Кіевской митрополи Московскому патриархату состоялось до предстоявшихъ въ 1669 году посольскихъ сѣздовъ относительно Кіева, то, по выраженію Ордина-Нащокина, „было бы за что стоять“ на этихъ сѣздахъ.

Ходатайство кіевского митрополита о принятіи его подъ благословеніе московскаго патриарха было, по мнѣнію начальника Посольскаго Приказа, необходимо для того, чтобы имѣть достаточное основаніе на предстоящемъ сѣздѣ говорить польскимъ посланъ о нежеланіи малороссійскаго духовенства и всѣхъ вообще малороссіянъ допустить возвращеніе Кіева полякамъ ³⁾. Кромѣ того, Ординъ-Нащокинъ полагалъ, что, если въ концѣ-концовъ и пришлось бы отдать Кіевъ польскому королю, то подчиненіе духовенства западной Малороссіи московскому свитателю рано или поздно вызоветъ и въ мірскихъ той стороны жителяхъ стремленіе „къ заступленію и защищенію у великаго государя его царскаго величества“ ⁴⁾, а этимъ самымъ подастъ поводъ къ постоянному вмѣшательству государя во внутреннія дѣла Польско-Литовскаго государства, вмѣшательству, которое будетъ имѣть слѣдствіемъ воссоединеніе западной Малороссіи съ Великою Россією.

Убѣдившись въ важности политическаго значенія перехода малороссійскаго духовенства изъ-подъ власти константинопольскаго патриарха подъ благословеніе московскаго, Ординъ-Нащокинъ еще въ январѣ 1669 года, будучи въ Москвѣ, передъ отъѣздомъ на посольскую комиссію, совѣтовалъ государю сообщить черниговскому архіепископу Лазарю Барановичу и другу ⁵⁾ митрополита Тукальскаго архимандриту Иннокентію Гизелю „за что можно въ великаго государя сторонѣ одержати Кіевъ“ ⁶⁾. Несомнѣнно вслѣдствіе этихъ представленій Ордина-Нащокина приказамъ Тайныхъ Дѣлъ и Малороссій-

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 2, столб. 21.

²⁾ Ibid., столб. 18, статьи 14—15, ст. 19, статья 17.

³⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностран. Дѣлъ, дѣла Польск. 1669 г., № 8.

⁴⁾ Ibid., дѣла Малоросс. 1669 г., № 10.

⁵⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VI, № 71, стр. 245.

⁶⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностран. Дѣлъ, Польск. стат. списки, № 123.

скому повелѣно было войти въ сношенія съ кievскимъ духовенствомъ и съ Тукальскимъ ¹⁾.

Такъ какъ ни Гизель, ни Тукальскій не выказали желанія подчиниться московскому патриарху, то проектъ Ордина-Нащокина былъ оставленъ безъ движенія, и сношенія малороссійскаго приказа съ митрополитомъ были прекращены ²⁾, тѣмъ болѣе, что Тукальскій въ письмѣ къ государю предлагалъ немедленно принять въ подданство Дорошенка и такимъ образомъ нарушить Андрусовскій договоръ. Отложено было на неопредѣленное время и разрѣшеніе вопроса о дозволеніи Тукальскому прибыть въ Кіевъ. Эти рѣшенія приняты были въ Москвѣ уже въ отсутствіе Ордина-Нащокина, который отправился на посольскую комиссію 13-го марта 1669 г. ³⁾.

Митрополитъ Тукальскій не ограничился отправленіемъ „эпистолиа“ къ государю: желая добиться разрѣшенія прибыть въ Кіевъ, митрополитъ считалъ необходимымъ войти въ непосредственныя сношенія съ самимъ Ординымъ-Нащокинымъ и послалъ къ нему одного изъ состоявшихъ у него на службѣ шляхтичей Ивана Лубенку, который долженъ былъ передать боярину, что „о. Іосифъ Тукальскій хочетъ приклониться подъ высокую руку царскаго величества и вѣчно при немъ зостати и въ томъ труды показать, въ чемъ праведный государь изволитъ повелѣть“. По мысли Тукальскаго, какъ передавалъ Лубенка, „труды“ его могли имѣть слѣдствіемъ „прилученіе западной Малороссіи къ восточной, дабы въ Богомъ спасенномъ градѣ Кіевѣ единъ былъ митрополитъ и во всей Украинѣ единъ былъ гетманъ подъ властью великаго государя“, такъ какъ находись подъ властью польскаго короля, православныя не могутъ не испытывать гоненій ⁴⁾.

Ордину-Нащокину, уже находившемуся въ то время, когда къ нему явился Лубенка, на посольскомъ станѣ въ Мигновичахъ близъ Андрусова, не было еще сообщено изъ Москвы о неблагопріятномъ исходѣ сношеній Малороссійскаго приказа съ Тукальскимъ. Поэтому,

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. прик. столбцы № 5882; Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Греч. 7177 г., № 63; Моск. Синод. Библ. Ручоп. Слав. № 130, лл. 57—58; Письма Лав. Барановича, № 64, стр. 81.

²⁾ Сравни. Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VIII, № 41, стр. 145—146; Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. прик. кн. № 1, л. 81.

³⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VIII, № 80, стр. 132—134; № 41, стр. 145—146; Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. стат. списка, № 128.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. прик. кн. № 9, лл. 609—610.

такъ какъ шляхтичъ митрополита увѣрялъ, будто патронъ его готовъ исполнять повелѣнія государя, то посольскихъ дѣлъ оберегатель еще болѣе утвердился въ мысли воспользоваться услугами малороссійскаго духовенства для того, чтобы имѣть возможность на посольскихъ сѣздахъ говорить полякамъ о необходимости не только оставить Кіевъ во власти великаго государя, но даже всю западную Малороссію современемъ присоединить къ Московскому государству. Считая необходимымъ немедленно приступить къ устройству дѣла подчиненія кіевской митрополіи московскому патріархату, Ординъ-Нащокинъ послѣшивъ составить докладъ о томъ, какъ слѣдуетъ вести это дѣло. Докладъ былъ посланъ въ приказъ Тайныхъ Дѣлъ, чтобы вслѣдствіе волокиты нерасположеннаго къ своему начальнику Посольскаго Приказа дѣло не затянулось до начала посольской комиссіи, а было бы „совершенно, не испустя времени“.

Въ докладѣ ¹⁾ своемъ Ординъ-Нащокинъ обращаетъ вниманіе на то, что съ самаго присоединенія Малороссіи кіевское духовенство не высказывало еще такой готовности служить государю, какою, повидному, одушевлены Тукальскій и Гизель. Это усердіе знатныхъ и вліятельныхъ духовныхъ лицъ, умоляющихъ государя не вѣрять полякамъ, гонителямъ православія, должно прежде всего подвигнуть государское милостивое сердце къ тому, чтобы „отвратить“ тѣхъ духовныхъ „отъ Константинополя, гдѣ турскій мечъ насилуетъ и искореняетъ христіанство“. Если въ западной Малороссіи, писалъ Ординъ-Нащокинъ, жалуясь на гоненія противъ православія со стороны поляковъ, ищутъ турецкой протекціи, то это оттого, что духовенство малороссійское не высказало „согласія къ Московскому царству“, но обстоятельства измѣнятся, если „кіевскіе ученые особы по своему радѣнію“ оставятъ константинопольскаго патріарха и съ его разрѣшенія подчинятся московскому святителю, потому что „неоцѣненное сокровище правая вѣра, а идѣже сіе сокровище, ту и сердца праведныхъ будутъ“, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что послѣ подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріархату и „крестоносный царь его величество во всемъ ближе и усерднѣйше учнетъ защищать православныя церкви“.

Указавъ на то, что малороссійское духовенство пользуется большимъ вліяніемъ въ своей странѣ, Ординъ-Нащокинъ высказывалъ пожеланіе, чтобы немедленно кіевскимъ духовенствомъ отпращены были

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 2, столб. 7—14.

„разумные люди мірскаго или духовнаго чину“ къ константинопольскому патриарху съ просьбой освободить отъ своей власти духовенство той части Россіи, которая осталась подъ его благословеніемъ послѣ того, какъ въ 1589 г. великороссійская церковь получила особаго патриарха. Необходимо также, чтобы и пребывающій еще въ Москвѣ александрійскій патриархъ „крѣпко отъ себя отписалъ“ о томъ же къ Константинопольскому и разъяснилъ бы, что для утверждения мира въ Украинѣ необходимо, чтобы жители ея имѣли одного съ Великою Россією пастыря.

Настаивая на необходимости подчинить малороссійское духовенство московскому патриарху, Ординъ-Нащокинъ писалъ, что безъ такого подчиненія непрочно будетъ власть государя надъ восточною Малороссіей, и не только въ Малороссіи будутъ постоянныя шатости, но по примѣру ихъ будутъ происходить волненія и на Дону, да и Волга „отъ того-жъ бѣду воспріиметь“. Указывая на то, что подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патриархату дастъ возможность „промыслъ неотступно имѣти о Кіевѣ“, Ординъ-Нащокинъ съ неодобреніемъ отозвался о высказанной архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ на Глуховской радѣ мысли относительно перенесенія кафедр митрополичей въ Черниговъ, находящійся подъ властью великаго государя, изъ Кіева, возвращенія котораго требуютъ поляки; предложенный Барановичемъ планъ былъ, по мнѣнію Ордина-Нащокина, въ высшей степени эгоистичнымъ, такъ какъ при его осуществленіи всѣ живущіе за рубежомъ православные были бы оставлены „на съѣденіе волкомъ“.

Ординъ-Нащокинъ разсмотрѣлъ въ своемъ докладѣ вопросъ о подчиненіи Кіевской митрополіи Московскому патриархату съ точки зрѣнія договоровъ и находилъ, что подчиненіе это нисколько не будетъ нарушеніемъ перемирныхъ статей, напротивъ, почти предусмотрѣно первою статьею Московскаго союзнаго договора 1667 года, по которой обѣ договаривающіяся стороны должны всячески отвращать казакъ отъ союза съ бусурманами, а несомнѣнно, что, пока малороссійская церковь будетъ подчинена цареградскому патриарху, до тѣхъ поръ на Украинѣ будутъ помышлять о такомъ союзѣ, такъ какъ мірскіе люди, видя подчиненіе духовенства святителю въ Константинополѣ, легко привыкнутьъ къ мысли о подданствѣ государю этой столицы.

Переходя къ вопросу о томъ, когда можно осуществить подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патриархату, Ординъ-Нащокинъ

писалъ въ своемъ докладѣ, что съ этимъ дѣломъ слѣдуетъ спѣшить для того, чтобы на предстоявшемъ „элекційномъ“ по случаю отреченія Яна Казимира сеймѣ депутаты западной Малороссіи могли уже заявить, что Кіевская митрополія переходитъ подъ благословеніе московскаго патріарха, и что поэтому московскій государь принялъ подъ свою оборону и защищеніе православныя церкви нхъ страны; такое заявленіе лишитъ поляковъ возможности на посольскомъ съѣздѣ сослаться на состоявшееся во время Глуховской рады постановленіе о томъ, что въ случаѣ возвращенія Кіева Польшѣ, митрополию можно будетъ перенести въ Черниговъ; кромѣ того, заявленіе о покровительствѣ московскаго царя православнымъ въ Польшѣ вызоветъ сочувствіе къ нимъ со стороны лютеранъ и другихъ польскихъ диссидентовъ. Пользуясь заступленіемъ государя, западная Малороссія, войнами и несогласіями отторгнутая отъ Великой Россіи, станетъ мысли свои обращать на „вѣнцекрестовослага царя“ и мало-по-малу будетъ приведена, какъ „избранное стадо въ мирную и вѣчнопитательную пажить“. Такое благополучное для Московскаго государства рѣшеніе малороссійскаго вопроса предсказывалъ Ординъ-Нащокинъ, если „крѣпко возьмутся“ за подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патріархату и „то дѣло во основаніи поставятъ“, о которомъ прежде недостаточно заботились.

Докладъ свой послалъ Ординъ-Нащокинъ 4-го мая 1669 года въ приказъ Тайныхъ Дѣлъ съ отпискою, въ которой просилъ немедленно отвѣтить, „годно ли тому дѣлу въ совершеніи быть“; при этомъ посольскихъ дѣлъ оберегатель сообщалъ, что „если Кіевъ надобенъ, то объ одержаніи его можно дѣлать черезъ Тукальскаго и намѣстника его въ Могилевѣ“. Но такъ какъ въ Москвѣ еще 19-го апрѣля, не списавшись съ Ординымъ-Нащокинымъ, рѣшили прекратить сношенія съ Тукальскимъ, то начальникъ Посольскаго приказа не скоро дождался отвѣта на свой докладъ. Между тѣмъ время шло, — наступило уже 25-ое мая, и Ординъ-Нащокинъ началъ опасаться, какъ бы не запоздали съ дѣломъ подчиненія Кіевской митрополіи такъ, что, когда начнутся посольскіе съѣзды, то „невѣдомо будетъ, за что стоять по одержанію Кіева“.

Не получая отвѣта на свой докладъ и желая напомнить о себѣ въ Москвѣ, Ординъ-Нащокинъ написалъ другой докладъ ¹⁾ „въ дополненіе къ первому“. Въ этомъ второмъ докладѣ онъ болѣе всего

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 2, столбц. 14—20.

останавливался на доказательствахъ, въ пользу того, что подчинение Кіевской митрополіи Московскому патріархату вполне законно и является необходимымъ слѣдствіемъ всей предшествовавшей исторіи русской церкви. Доводы эти слѣдующіе: 1) Православная христіанская вѣра возсіяла надъ Владиміромъ св. изъ Константинополя отъ царя и патріарха греческихъ, и св. Владиміръ просвѣтилъ св. крещеніемъ всю Россію, а не только Малороссію. 2) Патріархъ константинопольскій Іеремія поставилъ въ Москвѣ Іова патріархомъ всея Россіи, вполнѣдствіи іерусалимскій патріархъ Теофанъ поставилъ въ Москвѣ патріархомъ великаго государя Филарета Никитича, а въ Кіевѣ митрополитомъ Іова Борецкаго, и если тогда не произошло подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріархату, то только потому, что въ то время между Московскимъ и Польско-Литовскимъ государствами „происходили страшныя войны“. по заключеніи же перемирнаго Андрусовскаго договора ничто не мѣшаетъ восстановленію единства въ русской церкви, напротивъ, благодаря подчиненію Кіевской митрополіи Московскому патріархату осуществится высказанное въ первой статьѣ Московскаго союзнаго съ Польшею договора пожеланіе относительно „отлученія“ украинцевъ отъ бусурманъ.

Заключеніе Андрусовскаго договора особенно благопріятствовало, по мнѣнію Ордина-Нащокина, переходу кіевскаго митрополита подъ благословеніе московскаго патріарха. Если до заключенія этого договора, вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній между Московскимъ и Польско-Литовскимъ государствами, малороссійское духовенство вынуждаемо было обращаться за благословеніемъ въ турецкую сторону къ константинопольскому патріарху, тяжело страдающему подъ бусурманскою неволею, то по восстановленіи дружественныхъ отношеній между Польшею и Москвою Кіевская митрополія можетъ обратиться за благословеніемъ въ Великую Россію, въ третій Римъ, куда по волѣ Божіей перенесено изъ Греціи „украшеніе царское и святительское“, благодаря чему церковь великороссійская всѣ другія церкви „честію превосходитъ“; изъ этого „свѣтлаго кладезя“ можетъ Малороссія „почерпнати живую воду, а къ злосрадному источнику не подходитъ“.

Указавъ обстоятельства, благопріятствующія подчиненію Кіевской митрополіи Московскому патріархату, Ординъ-Нащокинъ продолжалъ настаивать на томъ, что необходимо немедленно приступить къ этому дѣлу, потому что кіевскому духовенству открылся свѣтъ правды и

истинный путь спасенія: кіевскіе митрополитъ и архимандритъ сами обратились къ великому государю и на его волю положили прекратить дальнѣйшее вдовствованіе кіевской церкви; тѣ же духовныя особы жалуются на гоненія противъ православныхъ со стороны поляковъ, но съ подчипеніемъ Кіевской митрополіи Московскому патриархату, все православіе въ Малороссіи и во всемъ королевствѣ Польскомъ восприметь отъ государя московскаго милость, и митрополитъ кіевскій для исцѣленія своего „о православіи ураненнаго сердца“ не долженъ будетъ „посылать по доктора духовнаго въ далечайшую страну“, но „получить душевное лѣкарство“ въ Великой Россіи, въ третьемъ Римѣ.

И во второмъ своемъ докладѣ Ординъ-Нащокинъ указывалъ средства для осуществленія своего проекта; подчиненіе Кіевской митрополіи московскому патриарху могло быть устроено, по его мнѣнію еще до окончанія посольскихъ съѣздовъ, такъ какъ находящійся въ Москвѣ патриархъ александрійскій, имѣя, какъ судія вселенныя, власть и надъ константинопольскимъ патриархомъ, можетъ дать малороссійскимъ пастырямъ грамоту, благословляющую подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патриархату, а константинопольскому патриарху отписать, что, хотя это подчиненіе и необходимо для процвѣтанія въ Малороссіи православія, но государь не перестанетъ посылать милостыню константинопольской патриаршей церкви. Упомянувъ о предстоящихъ сношеніяхъ александрійскаго патриарха съ малороссійскимъ духовенствомъ, Ординъ-Нащокинъ писалъ государю, что въ письмахъ своихъ Паисій долженъ распространяться только о подчиненіи Кіевской митрополіи Московскому патриархату и совершенно не затрогивать вопроса о подданствѣ великому государю западной Малороссіи, чтобы не нарушить Андрусовскаго договора.

Такъ какъ Ординъ-Нащокинъ до 25-го мая не получилъ еще отвѣта на свой первый докладъ, хотя онъ и былъ посланъ въ приказъ Тайныхъ Дѣлъ, то второй докладъ свой Аонасій Лаврентьевичъ послалъ въ Малороссійскій приказъ, новый начальникъ котораго А. С. Матвѣевъ былъ тогда, повидному, въ хорошихъ отношеніяхъ съ посольскихъ дѣлъ оберегателемъ, который отписалъ къ „Артемону“, чтобы „въ писемъ его въ докладъ со усердіемъ приводилъ къ совершенію“¹⁾: очевидно, Ординъ-Нащокинъ находилъ болѣе полезнымъ послать свой второй докладъ черезъ Малороссійскій при-

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Малоросс. 1669 г., № 10, л. 89.

казь, который уже не былъ ему подчиненъ, чѣмъ ввѣрить судьбу своего проекта бывшимъ подъ его начальствомъ дьякамъ Посольскаго приказа, которые плохо слушались своего начальника.

Въ отпискѣ, при которой посланъ былъ второй докладъ Ордина-Нащокина, посольскихъ дѣлъ оберегатель опять спрашивалъ, годно ли быть промыслу по его докладамъ, и повторялъ, что нельзя упускать удобнаго случая подчинить Кіевскую митрополию Московскому патриархату, что если случай будетъ упущенъ, то впоследствии не будетъ возможности защитить православныхъ въ Польско-Литовскомъ государствѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ Ординъ-Нащокинъ расхваливалъ Тукальского, писалъ, что „всѣ народы русскіе заступникомъ въ вѣрѣ его называютъ и равнаго ему никого не ставятъ“¹⁾.

Между тѣмъ московское правительство узнало, что гетманъ западной Малороссіи Дорошенко уже открыто соединился съ турками, не считаетъ себя подданнымъ польскаго короля и даже изъявляетъ согласіе быть подъ рукою царя московскаго²⁾; поэтому, хотя въ Москвѣ еще въ апрѣлѣ 1669 г. рѣшили прекратить сношенія съ Тукальскимъ, однако, обратили вниманіе на заключавшееся въ письмѣ митрополита предложеніе принять Дорошенка въ подданство, подъ высокую руку великаго государя. Вмѣсто отвѣта Ордину-Нащокину на его докладъ отъ 4-го мая приказъ Тайныхъ Дѣлъ прислалъ боярину запросъ относительно „Дорошенкова подданства къ турецкому салтану“, съ указомъ отписать *явно*: буде Дорошенка принять, и въ томъ Андрусовскому договору нарушенія не будетъ ли, и его Дорошенка къ царскаго величества милости мочно ли въ подданство принять³⁾.

Запросъ приказа Тайныхъ Дѣлъ полученъ былъ Ординымъ-Нащокинымъ 25-го мая вечеромъ, уже по отправленіи въ Москву его втораго доклада, въ которомъ прямо было сказано, что писать въ западную Малороссію о „подданствѣ“ Дорошенка великому государю отнюдь нельзя, „чтобы утвержденному между обоими государствами

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 2, столб. 21

²⁾ Ibid., т. VIII, № 35, стр. 137—138; № 40, стр. 145: „присяги польскому королю не чинили“, № 25, стр. 116. Еще въ 1668 г. получено было въ Москвѣ отъ польскаго правительства полуофициальное увѣдомленіе о томъ, что Дорошенко учинился въ подданствѣ у турецкаго салтана (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Польск. 1668 г., № 25).

³⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Малоросс. 1669 г., № 10.

миру въ письмѣ противнаго не оказалось¹⁾). Несмотря на это, Ординъ-Нащокинъ немедленно, въ тотъ же вечеръ 25-го мая, написалъ въ отвѣтъ на запросъ большую, довольно зло и укориженно составленную отписку²⁾, въ которой прежде всего напомнилъ приказу Тайныхъ Дѣлъ, что планъ дѣйствій, необходимыхъ по отношенію къ западной Малороссіи, уже указанъ въ докладѣ отъ 4-го мая такъ „явно“, что явнѣе того быть невозможно; высказалъ даже негодованіе, что къ нему обращаются съ запросомъ о столь противномъ договорамъ дѣлѣ, какъ *немедленный* приемъ Дорошенка въ подданство.

Повторяя въ своей отпискѣ изложеніе указаннаго въ первыхъ докладахъ плана дѣйствій, посольскихъ дѣлъ оберегатель спѣшилъ повторить, что начинать дѣло слѣдуетъ съ подчиненія малороссійскаго духовенства Московскому патріархату, а не съ приема Дорошенка въ подданство. И прежде, писалъ Ординъ-Нащокинъ, принимали такихъ шатостныхъ людей безъ правды, и они измѣняли, потому что принимавшіе этихъ людей мало обращали вниманія на вопросъ о вѣрѣ, о томъ гдѣ будетъ „духовное прибѣжище“ принятыхъ въ подданство, а между тѣмъ во всякомъ дѣлѣ „вѣра—глава“. Необходимо поэтому, не поднимая пока вопроса о принятіи въ подданство западной Малороссіи, начать съ подчиненія Киевской митрополіи Московскому патріархату, а что такая перемѣна въ малороссійской церкви возможна, видно изъ писемъ Гизеля и Тукальского, которые жалуются на гоненіе противъ православныхъ со стороны поляковъ и даже увѣряютъ, что только вслѣдствіе такихъ гоненій западная Малороссія вынуждена соединиться съ турками.

„Утвержденіе“ Малороссіи „въ духовномъ послушаніи Московскому царству“, писалъ государю Ординъ-Нащокинъ, дастъ возможность западной половинѣ этой страны избавиться современемъ и отъ польскаго, и отъ турецкаго ига: отъ подданства султану жители правобережной Украины вправѣ будутъ отказываться вслѣдствіе продолжающихся вопреки повелѣніямъ изъ Константинополя набѣгамъ крымскихъ татаръ. Точно также западная Малороссія будетъ имѣть возможность освободиться и отъ подданства польскому королю, если не прекратятся въ Польшѣ гоненія на православіе, такъ какъ отъ такихъ гоненій малороссійское духовенство, перейдя подъ благословеніе московскаго патріарха, „въ Московскомъ царствѣ будетъ заступно“.

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 2, столб. 20.

²⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1669 г., № 10, л. 38.

„мірскіе за ними-жь къ заступленію и защищенію великаго государя послѣдовать имуть“, и московское правительство будетъ имѣть полное право принять гонимыхъ въ подданство великаго государя, потому что еще Янъ Казимиръ при своей коронаціи не только присягнулъ, что не будетъ никакихъ гоненій за вѣру, но даже объявилъ, что „насильствуемые въ вѣрѣ могутъ изъ подданства свободными учиниться“.

Особенно старался Ординъ-Нащокинъ обратить вниманіе государя на то, что подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патриархату ясно покажетъ полякамъ, что всѣ малороссіяне желаютъ московской протекціи, а если такое настроеніе малороссіянъ будетъ извѣстно польскому правительству, то при переговорахъ о вѣчномъ мирѣ московскіе послы будутъ имѣть возможность настаивать на томъ, что для окончательнаго умиротворенія Украины и отвращенія отъ союза съ бусурманами, гибельнаго и для Польши и для Россіи, польскій король долженъ уступить московскому царю не только Кіевъ, но и всю западную Малороссію, „а нагло писать о томъ въ Польшу невозможно“.

Надо полагать ¹⁾, что въ присланномъ къ Ордину-Нащокину изъ приказа Тайныхъ Дѣлъ запросѣ писали о ясно выраженномъ кіевскимъ духовенствомъ нежеланіи подчиниться московскому патриарху; поэтому въ своей отпискѣ посольскихъ дѣлъ оберегатель призналъ необходимымъ считаться съ возможностью такого отношенія кіевскихъ духовныхъ особъ къ московскому святителю. „Хотя бы митрополитъ Тукальскій,—писалъ Ординъ-Нащокинъ,—и всѣ духовные склонности къ великому государю, его царскому величеству подъ крѣпкую руку въ оборонѣ быть не хотѣли... не сумнительно было бы святѣйшему папѣ и патриарху александрійскому, имѣющему вселенныя судъ, къ духовнымъ... въ Кіевѣ и въ Украину писать и отъ нужнаго константинопольскаго пути отвратить, а... къ престолу святительскому къ Москвѣ привести“, чтобы кіевскіе духовные согласно съ желаніемъ, высказаннымъ въ посвященной государю книгѣ Гизеля „Миръ съ Богомъ“, имѣли отъ московскаго государя вѣчное защищеніе и дали передъ посольской о мирѣ комиссіей „крѣпкой и подлинной случай Московскому царству ихъ оборонять“, а не искали бы „въ

¹⁾ Самый запросъ не сохранился, но о немъ упоминаетъ Ординъ-Нащокинъ въ отвѣтной на запросъ отпискѣ (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Малоросс. 1669 г., № 10).

нечистыхъ турецкихъ хлѣвинахъ, подъ кровомъ мерзкимъ согрѣшии отъ мразу католицкаго и презѣльныхъ іезуитовъ бури“.

Повторивъ въ своей отпискѣ главнѣйшія положенія докладовъ, посланныхъ въ указы Тайныхъ Дѣлъ и Малороссійскій (4-го и 25-го мая), Ординъ-Нащокинъ не удержался отъ рѣзкихъ упрековъ по поводу того, что на Москвѣ не обратили никакого вниманія на его проекты, которые онъ составлялъ и писалъ „за горькими слезами, ищучи праведнаго доношенія“ къ государю. Досталось отъ него не только думнымъ дьякомъ Посольскаго приказа, но и „заступникамъ“ ихъ, которымъ противно выслушивать его, Нащокина, письма, такъ какъ они „не видятъ стези правды, и сердце ихъ одѣбѣло завистью“.

Начальникъ Посольскаго приказа не ограничился упреками по адресу нерасположенныхъ къ нему вельможъ и почти предлагалъ государю выбрать между нимъ и „шепчущими любимцами“¹⁾, такъ какъ сравнивалъ себя съ выведеннымъ въ „Исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ“ гонимымъ „сенаторомъ, который, будучи приведенъ предъ царя, рекъ, чтобы дву непріятелей изъ среды суду царскаго выгнати“. Этого мало. Отвѣтивъ отрицательно на вопросъ относительно принятія Дорошенка въ подданство, Ординъ-Нащокинъ, увлеченный раздраженіемъ, позволилъ себѣ сдѣлать крайне обидное для самого государя замѣчаніе, будто и раньше казаковъ принимали безъ правды. Само собою разумѣется, что эта рѣзкая отписка Ордина-Нащокина не была положена его врагами подъ сукно, а немедленно представлена государю, который повелѣлъ послать къ посольскихъ дѣлъ оберегателю строгій запросъ по поводу его замѣчанія о томъ, что малороссіяне были приняты въ подданство безъ правды. Въѣстѣ съ тѣмъ посольскихъ дѣлъ оберегателю сдѣланъ былъ выговоръ за то, что онъ своими неосторожными поступками возстановляетъ вліятельныхъ малороссіянъ противъ московскаго правительства²⁾.

Проекты Ордина-Нащокина, имѣвшіе цѣлью подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патріархату, казались приказамъ Тайныхъ Дѣлъ и Малороссійскому невыполнимыми тѣмъ болѣе, что находившіеся въ то время въ Москвѣ посланцы Гизеля прямо заявили, что

¹⁾ Такъ называли, между прочимъ, Б. М. Хитрово (*Ученія въ Моск. Общ. Ист. и Древн. за 1846 г., кн. I. Матеріалы иностранные, стр. 37*).

²⁾ *Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XII, изд. 1862 г., стр. 69, 67; Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. прик. столбцы № 5881, л. 20б.* Выговоръ сдѣланъ былъ Ордину-Нащокину за то, что имъ будто бы показаны были польскимъ посланцамъ секретныя письма кіево-печерскаго архимандрита Гизеля.

печерскій архимандритъ отнюдь не желаетъ выйти изъ-подъ благословенія константинопольскаго патріарха ¹⁾. Несмотря на такое заявленіе Гизеля, въ Москвѣ все-таки послѣдовали отчасти совѣту Ордина-Нащокина и обратились къ пребывавшему еще въ Москвѣ патріарху александрійскому съ просьбою написать въ Кіевъ и склонить малороссійское духовенство къ послушанію московскому патріарху; однако Пансій, вопреки ожидавію Ордина-Нащокина, на предложеніе писать къ кіевскому духовенству отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. „Писать“, — говорилъ александрійскій патріархъ, — „и указывать въ чужую ерархію я не смѣю“. Пансій обѣщаль только отписать къ самому патріарху константинопольскому съ прошеніемъ о переводѣ малороссійскаго духовенства въ вѣдомство московскаго патріарха ²⁾. Отвѣтъ Пансія былъ, въ сущности, совѣтомъ отложить дѣло подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріархату на неопредѣленное время, такъ какъ Дорошенко, поступивъ подъ протекцію султана, приобрѣлъ черезъ турецкое правительство большое вліяніе на константинопольскаго патріарха ³⁾ и, конечно, не допустилъ бы его произвести въ малорусской церковной іерархіи такую реформу, которая была бы непріятна Тукальскому. Такимъ образомъ, придуманный Ординымъ-Нащокинымъ „способъ къ одержанію Кіева“ признанъ былъ въ Москвѣ неосуществимымъ, но самъ посольскій дѣлъ оберегатель не былъ такого мнѣнія о своихъ проектахъ и неудачу свою объяснялъ исключительно недоброжелательствомъ лицъ, завѣдывавшихъ въ его отсутствіе Посольскимъ приказомъ; въ отпискахъ своихъ къ государю Ординъ-Нащокинъ непрестанно жалуется на то, что докладами своими онъ „омерзѣлъ“ приказамъ, особенно Посольскому.

Враждебное отношеніе Посольскаго приказа къ своему новому начальнику возникло съ перваго же года его управленія приказомъ. Посольскихъ дѣлъ оберегатель желалъ, чтобы подчиненные ему дьяки были людьми „безпорочными, избранными“ и не „мздоимательными“, чтобы они заботились о государственныхъ дѣлахъ, а не о собственныхъ прибыляхъ, и чтобы не плодили непригожихъ рѣчей на Москвѣ съ иноземцами ⁴⁾. Не находя въ посольскихъ дьякахъ тѣхъ хорошихъ

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VIII, № 43, стр. 147.

²⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XII, изд. 1862 г., стр. 68.

³⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Греч. 7178 г., № 76, въ карт. 68.

⁴⁾ *Цвід*. Польск. стат. списки №№ 122 и 129; *Труды и Лѣтописи* Общ. Ист. и Древн., кн. VI, стр. 181—182.

качествъ, которыми они должны бы были отличаться, Ординъ-Нащокинъ относился къ нимъ педовѣрчиво, старался болѣе важныя дѣла вести, по возможности, безъ ихъ участія ¹⁾. Съ своей стороны посольскіе дьяки всячески старались повредить Ордину-Нащокину и противодѣйствовали всѣмъ его начинаніямъ.

Уже черезъ два мѣсяца послѣ вступленія Ордина-Нащокина въ управленіе Посольскимъ приказомъ произошла у него ссора со шведскимъ резидентомъ, при чемъ посольскіе дьяки, безъ сомнѣнія, дѣйствовали противъ своего начальника. Ссора эта кончилась тѣмъ, что шведское правительство требовало (въ грамотѣ королевской отъ 2-го октября 1667 г.) строгаго наказанія Ордину-Нащокину за то, что онъ „резидента Лиліентона всякимъ безчестьемъ при многихъ людяхъ безчестилъ“. Съ своей стороны царь Алексѣй Михайловичъ въ грамотѣ къ королю (отъ 18-го марта 1668 г.), составленной вслѣдствіе доклада Ордина-Нащокина, оправдывалъ своего канцлера, выставялъ виновникомъ столкновенія Лиліентона и высказывалъ пожеланіе, чтобы впредь въ Москву не присылались шведскіе резиденты, такъ какъ отъ нихъ только ссора чинится ²⁾.

Въ открытую борьбу съ дьяками Посольскаго приказа долженъ былъ вступить Ординъ-Нащокинъ во время пребыванія своего въ Курляндіи въ 1668 г. Уже вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Москвы Ординъ-Нащокинъ прислалъ государю жалобу на Посольскій приказъ, задержавшій вѣрующую грамоту, которую Аванасій Лаврентьевичъ долженъ былъ представить курляндскому герцогу Якову. Согласно

¹⁾ Когда Ординъ-Нащокинъ, по порученію государя, бесѣдовалъ съ епископомъ Мееодиємъ (16-го августа 1667 г.) о положеніи дѣлъ въ Малороссіи, думные дьяки Посольскаго приказа Лукьянъ Голосовъ и Герасимъ Доктуровъ должны были стоять поодаль (Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VII, № 31, стр. 80). 20-го іюля 1668 г. назначена была аудіенція у курляндскаго герцога Якова московскому посольству, въ главѣ котораго былъ Ординъ-Нащокинъ. Герцогъ представилъ самому Ордину-Нащокину рѣшить, будетъ ли онъ на аудіенціи одинъ или съ товарищами, и посольскихъ дѣлъ оберегатель отправился на аудіенцію одинъ, безъ товарищей (дьяка Горохова и Ивана Желябужскаго. Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. стат. списки, № 122).

²⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. стат. списки, № 121. Шведскому резиденту еще болѣе, чѣмъ дьякамъ Посольскаго приказа, непріятно было назначеніе Ордина-Нащокина руководителемъ внѣшней политики Московскаго государства, такъ какъ Аванасій Лаврентьевичъ былъ виновникомъ заключенія невыгоднаго для Швеціи Валіесарскаго договора (*Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XII, изд. 1862, стр. 351).

заключенному раньше договору въ Курляндію должны были собраться уполномоченные отъ Московскаго государства, Швеціи и Польши для обсужденія нѣкоторыхъ пограничныхъ вопросовъ и для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ между Польскимъ и Московскимъ государствами. Первыми прибыли въ назначенное мѣсто русскіе уполномоченные съ Ординъ-Нащокинымъ во главѣ, но ни польскихъ, ни шведскихъ уполномоченныхъ они дождаться не могли. Польское правительство сообщило Ордину-Нащокину, что не можетъ прислать комиссаровъ, такъ какъ шведскій король отказывается отъ участія въ конгрессѣ. Дѣйствительно, шведское правительство не только не посылало уполномоченныхъ на конгрессъ, но даже начало стягивать войска въ Лифляндскую, Ижорскую и Карельскую земли. 25-го іюля 1668 г. Ординъ-Нащокинъ писалъ государю изъ Курляндіи, что въ Швеціи „нынѣшнихъ (посольскихъ) сѣздовъ опасны, будто намъ, холопомъ твоимъ, по союзу съ польскими послы прибыли искать въ свейской сторонѣ, а, чаятъ, такіе ссоры пронесены съ Москвы“¹⁾. Нѣсколько времени спустя, Ординъ-Нащокинъ въ одной изъ своихъ отписокъ къ государю прямо обвинялъ дьяковъ Посольскаго приказа въ томъ, что они „разголосили“, будто на Курляндскомъ посольскомъ сѣздѣ предполагается, благодаря союзу, заключенному въ концѣ 1667 г. между Польшей и Московскимъ государствомъ „въ великаго государя державу взять Ижорскую и Карельскую земли, а Польшѣ Лифлянты. и провѣдавъ о томъ, шведы въ сѣздѣ отказали“²⁾. Въ Курляндіи Ординъ-Нащокинъ напрасно прожилъ съ 17-го іюля по 18-го октября: ни польское, ни шведское правительства не прислали уполномоченныхъ, и посольскихъ дѣлъ оберэгатель пришлось возвратиться въ Москву „обруганнымъ на весь свѣтъ“ по вину Посольскаго приказа.

Дѣлки Посольскаго приказа, воспользовавшись продолжительнымъ отсутствіемъ своего новаго начальника изъ Москвы, не только содѣйствовали тому, что посольскихъ дѣлъ оберэгатель былъ „обруганъ на весь свѣтъ“, но даже успѣли въ самомъ государѣ вызвать первое неудовольствіе противъ него. Въ то время, когда Ординъ-Нащо-

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. стат. списки, № 122.

²⁾ Ibid. №№ 128 и 129; Дѣла Польск. 1669 г., № 8. Неизвѣстно, говорилъ ли самъ Ординъ-Нащокинъ въ приказѣ о предстоящемъ занятіи земель, принадлежавшихъ Швеціи, но что Аванасій Лаврентьевичъ, дѣйствительно, считалъ необходимыми для Россіи такія территоріальныя приобрѣтенія на сѣверо-западѣ, видно изъ того, что на Валіесарскомъ сѣздѣ онъ требовалъ уступки Россіи этихъ именно земель (Соловьевъ, Ист. Россіи, т. XI, изд. 1870 г., стр. 82).

кинъ еще ожидалъ на посольскомъ стану въ Курляндіи прїѣзда шведскихъ и польскихъ комиссаровъ, въ Польшѣ начались приготовления къ выборамъ королевскимъ по случаю отреченія Яна Казимира отъ престола. Лишь только получено было извѣстіе объ этомъ въ Москвѣ, дьяки Посольскаго приказа доложили государю, что необходимо немедленно послать великое посольство въ Варшаву на сеймъ хлопотать объ избраніи въ короли польскіе царевича Алексѣя Алексѣевича или даже самого царя Алексѣя Михайловича. Государь одобрилъ этотъ докладъ. и къ Ордину-Нащокину въ Курляндію посланъ былъ указъ немедленно ѣхать въ Варшаву на сеймъ. 15-го августа 1668 г. Ординъ-Нащокинъ послалъ къ государю отписку, въ которой доказывалъ, что ѣхать въ Варшаву ему отнюдь нельзя; вмѣстѣ съ тѣмъ посольскихъ дѣлъ оберегатель жаловался на то, что ему даются по докладу Посольскаго приказа невыполнимыя порученія. Вступая въ борьбу со Посольскимъ приказомъ, Ординъ-Нащокинъ рассчитывалъ на расположеніе къ себѣ и поддержку со стороны государя: въ той же отпискѣ отъ 15-го августа 1668 г. посольскихъ дѣлъ оберегатель пишетъ государю: „твоими, великій государь, милостивыми въ прежніе годы грамотами я, холопъ твой, обнадуженъ, что сильнымъ выданъ николи не буду, и въ дерзновеніи моемъ холопа твоего о Посольскомъ приказѣ не положи, государь, своей государственной праведной оналы на меня, холопа своего, если товарищамъ моимъ въ приказѣ ненавидимо письмо мое сіе покажется: тою моею грубостью ихъ впредь отъ великіе бѣды Богъ избавить“. Но въ Москвѣ государя убѣдили, что поѣздка Ордина-Нащокина въ Варшаву можетъ вполне достигнуть цѣли и къ Аванасію Лаврентьевичу прислали новую грамоту съ подтвержденіемъ указа ѣхать немедленно на сеймъ. Опять пришлось Ордину-Нащокину писать государю, что избраніе кандидата изъ русскаго царскаго дома въ короли польскіе не состоится, польскую корону перекупятъ другіе, что вѣчнаго мира въ Варшавѣ не заключить, только прежній договоръ нарушенъ будетъ, и взять такое дѣло на себя онъ, Ординъ-Нащокинъ, будучи посольскихъ дѣлъ оберегателемъ, не можетъ.

Ординъ-Нащокинъ понималъ, что, не исполнивъ дважды присланный указъ царскій, онъ навлечетъ на себя неудовольствіе государя, однако на сеймъ въ Варшаву не поѣхалъ, а государю написалъ, что для блага государства готовъ умереть. Полагая, что указъ ѣхать на сеймъ въ Варшаву „выше силы и мысли учиненъ“ вслѣдствіе доклада подкупленныхъ дьяковъ Посольскаго приказа, Ординъ-Нащо-

кинъ написалъ государю: „надобно, великій государь, въ царствующемъ градѣ Москвѣ *безторочнымъ, избраннымъ* людямъ Посольской приказъ, яко зеницу ока, хранить“ ¹⁾. Отписка Ордина-Нащокина была послана къ государю черезъ приказъ Тайныхъ Дѣлъ, и государь согласился, наконецъ, не настаивать на отправленіи великаго посольства въ Варшаву, но при этомъ, безъ сомнѣнія, почувствовалъ, что „Лаврентьевичъ“ стремится подчинить его волю. Чувство недовольства противъ Ордина-Нащокина, какъ нѣкогда противъ Никона, начало закрадываться въ душу государя, и враги посольскихъ дѣлъ оберегателя спѣшили этимъ воспользоваться.

Въ письмѣ къ государю отъ 15-го августа 1668 г. Ординъ-Нащокинъ высказываетъ опасеніе, что посольскіе дѣяки постараются навести на него государскую опалу, и его опасеніе вскорѣ оправдалось. 10-го марта 1669 г. Ординъ-Нащокинъ подалъ государю „докладное письмо за своею рукою“ съ жалобой на то, что въ Посольскомъ приказѣ не „учинено промысла“ по представленному въ январѣ того же года и одобренному государемъ проекту сношеній московскаго правительства съ малороссійскимъ духовенствомъ. Черезъ два дня, 13-го марта, Ординъ-Нащокинъ выѣхалъ изъ Москвы на посольскій съѣздъ въ Мигновичи, близъ Андрусова, а „докладное письмо“ передано было государемъ въ Посольскій приказъ съ требованіемъ объяснить причину замедленія въ промышлѣ. Пользуясь отсутствіемъ своего начальника, дѣяки Посольскаго приказа не только легко оправдались ²⁾, но даже самого Ордина-Нащокина подвели подъ царскій выговоръ, обвинивъ его въ томъ, что онъ будто бы показывалъ польскимъ посламъ секретныя письма Гизеля ³⁾. Но Ординъ-Нащокинъ не такой былъ человекъ, чтобы молча сносить выговоры за свою усердную службу. Посыпались въ Москву одна за другою отписки къ государю съ жалобами. 20-го іюля Ординъ-Нащокинъ пишетъ, что ему, „обруганному и оболживленному отъ товарищей своихъ посольскихъ дѣяковъ и отъ друзей ихъ, не точію отъ дѣла откинуто, но и казнену быть слѣдуетъ, если онъ государя прогнѣвилъ и въ оборонѣ быть недостоинъ“. Виѣстѣ съ тѣмъ Ординъ-Нащокинъ жаловался на то, что назначенный ему въ товарищи по посольству врагъ его Иванъ Желябужскій не желаетъ во время по-

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. стат. списки, № 122.

²⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Польск. 1669 г., № 8.

³⁾ Ibid. Польск. стат. списки, №№ 128 и 129.

сольскаго съѣзда дѣйствовать съ нимъ согласно ¹⁾). Энергичныя представленія Ордина-Нащокина оказали нѣкоторое дѣйствіе въ Москвѣ: Желябужскаго отозвали. Но начальникъ Посольскаго приказа желалъ полного удовлетворенія, жаловался на то, что объявленіемъ ему выговора черезъ стрѣльцаго голову Лутохина вина его разглашена по всему свѣту, тогда какъ онъ ни въ чемъ не виноватъ; особенно возмущало Аонасія Лаврентьевича возведенное на него обвиненіе, будто онъ показывалъ кому-то письма Иннокентія Гизели къ государю. 12-го августа 1669 г. Ординъ-Нащокинъ послалъ государю другую отписку, въ которой просилъ откинуть его отъ посольства, такъ какъ ему, оболганному Посольскимъ приказомъ, не вѣрять. Черезъ недѣлю, 19-го августа, Ординъ-Нащокинъ опять посылаетъ отписку съ жалобою на то, что многіе его доклады въ приказѣ ненавидимы и къ государю въ докладъ не доношены, что ни въ чемъ къ себѣ опасеніи не видитъ изъ приказа; дьяки посольскіе разглашаютъ такія дѣла, отъ которыхъ посольской комиссіи будетъ помѣшка; посольскихъ дѣлъ оберегатель спрашивалъ государя, съ какой неволи онъ ненавидимаго человѣка у высокаго дѣла держитъ.

Слѣдствіемъ настойчивыхъ требованій Ордина-Нащокина разобратъ введенныя на него обвиненія было то, что 21-го сентября присланъ былъ на посольскій станъ въ Мигновичи приказа Тайныхъ Дѣлъ подъячій Федоръ Казанцевъ спроситъ Аонасія Лаврентьевича отъ имени государя о здоровьѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ Казанцеву поручено было напомнить Ордину-Нащокину, что при переговорахъ о вѣчномъ мирѣ съ польскими комиссарами Кіевъ долженъ быть оставленъ за Московскимъ государствомъ ²⁾). Ордину-Нащокину пришлось нѣсколько

¹⁾ Ibid., дѣла Польск. 1669 г., № 8, отписка Ордина-Нащокина отъ 20-го іюля

²⁾ Дальнѣйшій разказъ о посольской комиссіи 1669—1670 г. составленъ главнымъ образомъ на основаніи бумагъ посольства (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Польск. 1669 г., № 8; Польск. стат. списки, №№ 128, 123) Особенно много біографическихъ данныхъ объ Ординѣ-Нащокинѣ заключается въ рукописи, находящейся между Польскими статейными списками (№ 129) и носящей въ архивномъ реестрѣ такое названіе: „ $\frac{7178}{1669}$ сентября 27-го — октября 1670. Черной статейной списокъ бывшихъ въ Андрусовѣ на съѣздѣ полномочныхъ пословъ боярина Нащокина и дьяка Горохова съ польскими послами. Тутъ же разныя приложенія, къ оному посольству принадлежація“. Эта рукопись представляетъ собою сборникъ копій съ разныхъ документовъ, относящихся къ послѣднимъ двумъ годамъ службы Ордина-Нащокина со многими его собственноручными замѣтками. Составленъ былъ сборникъ какъ бы для оправданія дѣя-

мѣсяцевъ ждаты въ Мигновичахъ польскихъ комиссаровъ, такъ какъ отпускъ польскаго посольства замѣшкался вслѣдствіе королевскихъ выборовъ, но къ послѣднимъ числамъ сентября комиссары должны были пріѣхать, и поэтому Казанцевъ передалъ Ордину-Нащокину, что согласно состоявшемуся на Глуховской радѣ постановленію на посольскій съѣздъ присланы будутъ посланцы отъ казаковъ для присутствія при переговорахъ о вѣчномъ мирѣ. Это распоряженіе вызвало протестъ со стороны Ордина-Нащокина, онъ написалъ въ Москву, что „способы ко одержанію Кіева“ были имъ указаны въ его докладахъ, но по этимъ докладамъ никакого рѣшенія не состоялось, казакіе же послы могутъ только повредить дѣлу, такъ какъ въ Польшѣ извѣстно то постановленіе Глуховской рады, въ которомъ предусматривается возможность возвратитъ Кіевъ полякамъ ¹⁾.

Считая излишнимъ допущеніе на комиссію депутатовъ отъ лѣвобережнаго казачества, Ординъ-Нащокинъ въ то же время призналъ полезнымъ вступитъ въ сношенія съ митрополитомъ Іосифомъ Тукальскимъ, такъ какъ увѣренъ былъ въ томъ, что и Тукальскій, и Гизель согласятся дѣйствовать въ пользу московскаго правительства, тѣмъ болѣе, что Гизель, какъ писалъ о немъ государю посольскихъ дѣлъ оберегатель, склонность свою къ Московскому государству „объявлялъ не черезъ тайныя присылки, но во весь свѣтъ въ книгахъ печатныхъ, ни въ чемъ католиковъ не боясь, въ предословіи ²⁾ государскаго зашищенія и обороны нечерскимъ мѣстомъ бьетъ челомъ неотступно“. Еще 24-го августа 1669 г. прибылъ къ посольскихъ дѣлъ оберегателю „Тукальскаго митрополита намѣстникъ Топичевшинскаго монастыря старецъ Варнава“ и разказалъ боярину, что новый король польскій Михайлъ хочетъ предоставить Кіевскую митро-

тельности посольскихъ дѣлъ оберегателя, что видно, между прочимъ, изъ его собственноручной приписки на оборотѣ 2-го листа: „въ самомъ концѣ сия душелюбная книга со Кіева со Украйной и со Смоленске к Московскому царству вѣчно на память написано къ миру“. Этотъ сборникъ, составленный, очевидно, для Ордина-Нащокина и бывшій при немъ даже тогда, когда онъ уже находился въ монастырѣ, очутился среди книгъ Посольскаго приказа, вѣроятно, послѣ кончины Ордина-Нащокина, когда всѣ его бумаги были опечатаны присланнымъ для того изъ Москвы дякомъ, а затѣмъ переданы въ Посольскій приказъ (*Маммооскій, Біографич. свѣдѣнія о первомъ въ Россіи канцлерѣ въ Труд. и Лѣтон. Моск. Общ. Ист. и Древн., ч. VI, стр. 188*).

¹⁾ Сравни. Акты Южи. и Зап. Россіи, т. VIII, № 20, стр. 92.

²⁾ Имѣется въ виду посвященіе царю Алексѣю Михайловичу, напечатанное при книгѣ Гизеля: „Миръ съ Богомъ человеку. Кіевъ. 1669“.

полюю епископу перемышльскому Антонію Винницкому, а Тукальскаго въ Кіевъ не допустить, такъ какъ онъ католиками ненавидимъ за свое противодѣйствіе уніатамъ. Этому Варнавѣ Ординъ-Нащокинъ поручилъ переслать въ Кіевъ и къ Тукальскому извлеченіе изъ записокъ своихъ о необходимости кіевскому духовенству перейти подъ благословеніе московскаго патріарха. „Для промыслу“ Ординъ-Нащокинъ далъ Варнавѣ двѣ пары соболей да денегъ 5 рублей.

Какъ бы благосклонно ни относились Тукальскій и кіевское духовенство къ проектамъ Ордина-Нащокина, немедленное до пріѣзда польскихъ комиссаровъ осуществленіе ихъ было невозможно, такъ какъ комиссары были уже въ пути на сѣвѣдъ. Но эти сношенія Ордина-Нащокина съ Тукальскимъ не имѣли уже въ виду немедленнаго подчиненія Кіевской митрополи Московскому патріархату; посольскихъ дѣлъ оберегатель, не надѣясь уже осуществить при содѣйствіи Посольскаго и Малороссійскаго приказовъ свой проектъ преобразования въ управленіи малороссійскою церковью, составилъ нѣсколько фантастическій планъ осуществить этотъ проектъ при помощи польскихъ комиссаровъ, — содѣйствіемъ кіевскаго духовенства въ этомъ дѣлѣ и хотѣлъ заручиться Ординъ-Нащокинъ, посылая къ митрополиту Тукальскому и къ архимандриту кіево-печерскому Иннокентію Гизелю извлеченіе изъ своей записки о необходимости кіевскому духовенству перейти подъ благословеніе московскаго патріарха.

III.

23-го сентября 1669 г. прибыли, наконецъ, на посольскій сѣздъ польскіе комиссары Янъ Гинискій, Павелъ Бростовскій съ товарищами, и уже 25-го сентября на первомъ сѣздѣ въ Андрусовѣ Ординъ-Нащокинъ представилъ имъ записку, въ которой прежде всего объяснялъ, что Кіевъ не отданъ полякамъ въ назначенный срокъ и удержанъ московскимъ правительствомъ „съ великими убытки исполняя союзъ христіанской“, вслѣдствіе волненія въ подчиненной польскому королю западной Малороссіи и склонности ея жителей къ турецкому подданству, при чемъ Кіевъ могъ бы попасть въ бусурманскія руки, еслибы московскія войска были выведены изъ этого города. Далѣе, Ординъ-Нащокинъ писалъ и о причинѣ этой губельной для Рѣчи Посполитой смуты: „духовные изъ Кіева по прежнимъ обычаямъ понуждаются до Константинополя и явно для такихъ неостерегательныхъ въ государствѣ вашемъ причинъ въ Украинѣ розрухи

возстали, ис чево оной народъ салтана турского неотступно держится". Указавъ причину смуть въ Малороссіа, Ординъ-Нащокинъ заявилъ, что переговоры о вѣчномъ мирѣ можно будетъ начать только по разрѣшеніи вопроса о томъ, какъ успокоить Украину, а „способы, какъ привести украинскій народъ, какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ на истинный путь, ему извѣстны“.

На второмъ сѣздѣ, 2-го октября польскіе комиссары попросили Ордина-Нащокина сообщить имъ, какіе извѣстны ему способы къ успокоенію Украины. Московскій посолъ началъ съ того, что напомнилъ комиссарамъ о заключенномъ въ декабрѣ 1667 г. союзномъ между Польшей и Московскимъ государствомъ договорѣ; согласно этому договору: „украинскимъ народамъ всѣ вины и преступленія отъ обояхъ великихъ государей“ прощались, „а имъ украинскимъ народамъ обояхъ великихъ государей или *котораю ни есть изъ нихъ*, ту милость благодарно принявъ, отъ бусурманъ отлучиться“. Сдѣлавъ такое вступленіе съ довольно своеобразнымъ изложеніемъ статьи союзнаго договора ¹⁾, Ординъ-Нащокинъ продолжалъ: „по союзному утвержденію постановлено Украину успокоить, а вынѣ тамъ отъ бусурманъ и отступныхъ казаковъ великія крови проливаются, и мы, царскаго величества послы, размышляемъ: для того въ Украинѣ кровь литься не перестаетъ, что ихъ, украинскихъ народовъ духовные ходять для благословенія въ Царьградъ къ патриарху, которой въ неволѣ у турка, а мірскіе украинскіе народы за тѣми своими духовными, не вмѣняя въ грѣхъ, поддаются подъ турецкую же оборону, а у всѣхъ христіанъ крѣпость духовными людьми, и если духовные для благословенія учнутъ и впредь въ турецкіе край ходить, то и мірскіе украинскіе народы въ подданствѣ за своими духовными у турка же будутъ. И для тѣхъ въ украинскихъ народахъ шатостей падо учинить способъ, чѣмъ бы ихъ отъ турецкаго подданства отвратить“.

¹⁾ Въ текстѣ договора (Полн. Собр. Зак., т. I, № 420) соотвѣтствующее мѣсто изложено такъ: „его королевское величество... по вступленію его царскаго величества всѣмъ казакамъ по обѣ стороны Днѣпра будущимъ по истиннѣ и въ правду всѣ вины и преступленія... прощаетъ... таковымъ однако обычаемъ, чтобъ казаки украинскіе противны за обсылкою обояхъ великихъ государей или *котораю ни есть изъ нихъ* ту милость и добродѣяніе благодарно принявъ, отъ бусурманъ отлучились... и больше того съ бусурманами случатися не желали“. Хотя эта статья изложена не совсѣмъ ясно, однако трудно, основываясь на ней, утверждать, какъ это дѣлалъ Ординъ-Нащокинъ, что согласно этой статьѣ украинцамъ предоставлялось право быть подданными либо короля польскаго, либо царя московскаго, только бы отлучились они отъ бусурманъ.

Намѣренія московскаго посла были слишкомъ ясны, и польскіе комиссары, желая замѣть разговоръ о способахъ къ отвращенію малороссіянъ отъ турецкаго подданства, начали толковать о томъ, что сначала нужно заключить вѣчный миръ, а потомъ уже говорить объ успокоеніи Украины, но Ординъ-Нащокинъ настаивалъ на большей важности этого дѣла, такъ какъ Московское государство рискуетъ подвергнуться турецкому нашествію, если принадлежащая Польшѣ часть Украины подчинится турецкому султану. Такимъ образомъ на второмъ сѣздѣ не пришли ни къ какому опредѣленному рѣшенію.

Хотя Ординъ-Нащокинъ и не объявилъ прямо, что единственнымъ средствомъ отвратить малороссіянъ отъ турецкаго подданства онъ считаетъ подчиненіе Кіевской митрополии московскому патриарху, однако польскіе комиссары легко поняли намѣренія московскаго дипломата. Одинъ изъ комиссаровъ, Маркіанъ Огинскій, принадлежавшій къ числу немногихъ представителей западно-русскаго дворянства, не измѣнившихъ еще православію, въ письмѣ къ намѣстнику митрополита Тукальскаго писалъ: „Рѣчи Посполитой на то изволити невозможно будетъ, чтобъ патриархъ московскій нашимъ священствомъ владѣлъ, черезъ то самое всегда какое ни есть охраненіе Москва бы имѣла, а изъ него причину войны. Удивитись не могу о Москвѣ, что въ таковы дѣла входятъ; истинно больше намъ (то-есть, православнымъ) дѣла портятъ, чѣмъ направляютъ“. Понимая, что Ординъ-Нащокинъ рассчитывалъ осуществить свой планъ при содѣйствіи Тукальскаго, Огинскій писалъ, что такими дѣйствіями митрополитъ „только измѣну кладетъ на все духовенство православное“¹⁾.

Несмотря на неблагопріятное отношеніе польскихъ комиссаровъ къ плану Ордина-Нащокина, 7-го октября на третьемъ сѣздѣ московскій посолъ настоялъ на томъ, чтобы возобновлены были переговоры о способахъ къ успокоенію Украины. „Какимъ способомъ“, сказали польскіе комиссары: „духовные и мірскіе украинскіе народы отъ турецкаго пути отвратить? Уже болѣе ста лѣтъ имѣемъ мы охоту украинскихъ духовныхъ отъ благословенія цареградскаго патриарха отвратить, но такова способа не имѣемъ“. Не желая прямо объявить о своемъ планѣ устроить подчиненіе малороссійскаго духовенства московскому патриарху, Ординъ-Нащокинъ отвѣтилъ польскимъ комис-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. прик., кн. № 9, л. 497; Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣл, дѣла Малоросс. 1670 — 1671 гг., № 24, лл. 9 — 10. 1671 г., № 5.

сарамъ, что о способѣ отвратить украинскихъ духовныхъ отъ благословенія константинопольскаго патріарха нужно спросить у тѣхъ украинскихъ духовныхъ и мірскихъ, которые подъ оборону турецкую поддаются. Ординъ-Нащокинъ былъ увѣренъ, что послѣ его сношеній съ Тукальскимъ черезъ намѣстника Варнаву малороссійское духовенство само выскажется въ пользу подчиненія своего Московскому патріархату. Чтобы узнать мнѣніе малороссійскаго духовенства о мѣрахъ, необходимыхъ для успокоенія Украйны, говорилъ Ординъ-Нащокинъ, нужно либо перевести комиссію въ Кіевъ, либо пригласить въ Андрусово выборныхъ изъ Малороссіи; если же между Польшей и Московскимъ государствомъ заключенъ будетъ мирный договоръ безъ предварительнаго совѣщанія съ выборными отъ малороссійскихъ жителей, то такой договоръ будетъ встрѣченъ съ ихъ стороны съ недоумѣніемъ и вызоветъ въ странѣ еще большую смуту.

Неизвѣстно, имѣли ли польскіе комиссары достовѣрныя свѣдѣнія о сношеніяхъ Ордина-Нащокина съ Тукальскимъ, но они согласились послать воззваніе къ малороссійскимъ жителямъ духовнаго и свѣтскаго чину, хотя и замѣтили Ордину-Нащокину, что онъ хлопочетъ объ отправленіи писемъ отъ пословъ къ малороссіянамъ для того, чтобы они, видя заступленіе за нихъ московскаго государя, склонились въ вѣчное ему подданство. Вступивъ въ соглашеніе съ польскими комиссарами относительно послышки воззваній въ Малороссію, Ординъ-Нащокинъ поспѣшилъ отписать объ этомъ договорѣ въ Москву, какъ о важномъ достигнутомъ имъ дипломатическомъ успѣхѣ. Но въ Москвѣ не особенно довѣряли расположенію правобережныхъ малороссіянъ къ Великой Россіи, и предпринятый Ординымъ-Нащокинымъ, безъ обсылки съ великимъ государемъ, шагъ вызвалъ тамъ большое неудовольствіе, такъ что 21-го октября Ординъ-Нащокинъ получилъ великаго государя указъ ѣхать къ Москвѣ, заявивъ предварительно польскимъ комиссарамъ, чтобы этой его отлучки они не считали развѣдомъ и дожидались въ Андрусовѣ его возвращенія.

Получивъ указъ ѣхать въ Москву, Ординъ-Нащокинъ отписалъ государю, что не можетъ оставить посольства, пока не будетъ полученъ изъ Малороссіи отвѣтъ на его и польскихъ комиссаровъ воззванія; кромѣ того, писалъ Ординъ-Нащокинъ, на отъѣздъ его, хотя бы и временный, не согласятся польскіе комиссары. Дѣйствительно, когда Ординъ-Нащокинъ объявилъ комиссарамъ, что ему для нужнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ необходимо на время ѣхать въ Москву, то комиссары усиленно просили его остаться, а послать въ Москву

товарища своего, дьяка Ив. Горохова, такъ Ординъ-Нащокинъ и по-ступилъ. 31-го октября отправился въ Москву Гороховъ съ докладомъ, въ которомъ Ординъ-Нащокинъ писалъ, что найденный имъ новый способъ ко одержанію Кіева (то-есть, вызовъ на комиссію депутатовъ изъ Малороссіи) необходимо испытать до начала переговоровъ о вѣчномъ мирѣ. Зная, что въ Москвѣ его недоброжелатели воспротивятся этому плану. Ординъ-Нащокинъ угрожалъ немедленною своею отставкою, если „учинится великаго государя указъ и ближнихъ его государевыхъ бояръ разсужденіе и приговоръ учинить съ комиссары вѣчный миръ, не вступая въ промышль о Украинѣ“. „Такову записъ“, писалъ государю Ординъ-Нащокинъ: „въ вѣчный миръ писать, какъ нынѣ въ Украинѣ невоздержанно крови льются и Великой Россіи неисчетные убытки основанія не имѣютъ, когда престануть, меня Аeonки столько впредь на большее разрушеніе дѣлать не стало и лучше въ истину принять злему животу моему конецъ и по вѣки свободну быти, нежели противно правды дѣлать“.

Итакъ, Ординъ-Нащокинъ требовалъ, чтобы переговоры съ польскими комиссарами велись по плану, имъ самимъ составленному, но въ то же время не рѣшался брать на себя всю отвѣтственность и писалъ государю, что такое важное дѣло, какъ заключеніе мира, слѣдуетъ вести, „какъ Богъ великому государю извѣститъ и въ докончанье Божье и свое государево дѣло учинить ближнимъ его государевымъ бояромъ и думнымъ людямъ, чтобы впредь безъ переговоровъ было и за худымъ мною человекенкомъ въ низости не было“. Въ особой отпискѣ, посланной съ Гороховымъ въ приказъ Тайныхъ Дѣлъ, Ординъ-Нащокинъ просилъ государя, чтобы повелѣно было синклиту царскому разсмотрѣть всѣ его, Аeonкины, вины.

Когда Гороховъ пріѣхалъ въ Москву, великій государь указалъ боярамъ „противъ доклада и отписокъ боярина Ордина-Нащокина допросить“ дьяка Горохова. Во время этого допроса старались прежде всего выяснитъ, не вступилъ ли уже Ординъ-Нащокинъ въ какіе либо договоры съ польскими комиссарами; особенно же требовали бояре объясненій по поводу постоянныхъ жалобъ посольскихъ дѣлъ оберегателя на то, что онъ обруганъ, и что Посольскій приказъ мѣшаетъ его дѣятельности. Изъ распросовъ выяснилось, между прочимъ, что Ординъ-Нащокинъ не только вошелъ въ соглашеніе относительно посылки въ Малороссію воззваній, но даже пообѣщавъ польскимъ комиссарамъ, что, во исполненіе союзнаго договора 1667 г., государь повелитъ послать калмыковъ на помощь полякамъ; что касается обидъ,

на которыя жаловался Ординъ-Нащокинъ, то по этому вопросу Горюховъ не далъ никакихъ объясненій, хотя онъ былъ изъ числа тѣхъ немногихъ представителей московской бюрократіи, которые, по выраженію начальника Посольскаго приказа, были „единодушны ему“¹⁾. Поэтому въ Москвѣ и не занялись разсмотрѣніемъ „всѣхъ винъ“ Ордина-Нащокина, прислали ему только подтвержденіе прежняго указа вести переговоры о мирѣ такъ, чтобы Кіевъ остался за Московскимъ государствомъ, точно также, какъ Смоленскъ и восточная Малороссія.

Еще до возвращенія на посольскій станъ товарища Ордина-Нащокина, постановленіе объ отправленіи въ Малороссію воззваній отъ пословъ было уже исполнено, но при этомъ польскіе комиссары постарались разстроить планы московскаго дипломата. Приготовлены были особыя позванія отъ московскаго посла и отъ польскихъ комиссаровъ²⁾. Въ воззваніи Ордина-Нащокина высказывалось удивленіе по поводу того, что нѣкоторые изъ малороссіянъ склонились къ турецкому подданству; далѣе, онъ приглашалъ въ своемъ воззваніи малороссійскихъ жителей обѣихъ сторонъ Днѣпра прислать на комиссію выборныхъ духовнаго и свѣтскаго чину, которые объяснили бы, въ чемъ причина „замѣшанины на Украинѣ“ и что нужно для успокоенія страны. Ординъ-Нащокинъ полагалъ, что посланная имъ съ Варнавою въ Кіевъ записка сдѣлала свое дѣло, и что депутаты изъ Малороссіи выскажутся за необходимость подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патриархату.

Польскіе комиссары доставили Ордину-Нащокину для отправленія въ Малороссію нѣсколько экземпляровъ своего воззванія на польскомъ языкѣ. Московскій посоль согласился отправить это воззваніе, хотя оно было написано въ выраженіяхъ, которыя могли не только уничтожить планы Ордина-Нащокина о подчиненіи малороссійскаго духовенства московскому патриарху, но даже вызвать смуту и недоумѣніе въ подвластной великому государю восточной Малороссіи. Польское воззваніе было адресовано къ Дорошенку, гетману западной Малороссіи, подчиненной королю польскому, но въ воззваніи этомъ было написано, что король „всѣмъ казакамъ, по обѣ стороны Днѣпра будучимъ, всѣ вины прощаетъ“, разрѣшаетъ имъ прислать депутацію

¹⁾ Государственный Архивъ, столбцы приказа Тайныхъ Дѣлъ (отдѣлъ XXVII, № 284—письмо Л. Л. Ордина-Нащокина къ боярину Б. М. Хитрову).

²⁾ Акты южн. и зап. Россіи, т. IX, № 22, стр. 88—95.

съ „*послушенствома*“ и всѣ ихъ челобитья исполнить. Посылая воззваніе въ такихъ выраженіяхъ, польскіе послы давали понять, что и восточную Украину считаютъ подвластною польскому королю. Проглядѣлъ ли эти выраженія Ординъ-Нащокинъ или же не придалъ имъ никакого значенія, но только онъ согласился послать воззваніе польскихъ комиссаровъ вмѣстѣ со своимъ въ Малороссію.

Отвезти въ Малороссію посольскія воззванія и передать вліятельнымъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ Ординъ-Нащокинъ поручилъ состоявшему при русскомъ посольствѣ поручику рейтарскаго строя Ѳаддею Крыжевскому, который, согласно данному ему наказу, долженъ былъ прежде всего отправиться въ Новгородъ-Сѣверскій, резиденцію черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича. Архіепископу Крыжевскій долженъ былъ передать адресованное къ нему письмо Ордина-Нащокина, который просилъ Барановича оказать содѣйствіе въ дѣлѣ обращенія на путь истины тѣхъ жителей правобережной Малороссіи, которые склонились къ турецкому подданству. Кромѣ того, Ординъ-Нащокинъ просилъ Барановича порадѣть о томъ, чтобы покорились великому государю тѣ изъ лѣвобережныхъ полковъ, которые держались еще Дорошенка и не подчинялись лѣвобережному гетману. Изустно Крыжевскій долженъ былъ объявить Барановичу, что гетману лѣвобережной Малороссіи Многогрѣшному и подчиненнымъ ему полковникамъ не слѣдуетъ „приходить въ сомнѣніе“ по поводу того, что о нихъ не упомянуто въ посольскихъ воззваніяхъ, приглашающихъ выборныхъ на комиссію: сначала послы стараются привести на путь истины ту сторону, которая въ шатости поддается бусурманамъ, а когда тѣхъ отъ бусурманъ отлучать, то приглашены будутъ на комиссію посланцы и отъ Многогрѣшнаго. Къ самому гетману Многогрѣшному Крыжевскій не имѣлъ порученія захватить, онъ долженъ былъ изъ Новгорода-Сѣверскаго отправиться черезъ Черниговъ прямо въ Кіевъ и тамъ просить воеводу кн. Козловскаго передать экземпляры русскаго и польскаго воззваній архимандриту кіевопечерскому Иннокентію Гизелю и всему освященному собору и мѣщанамъ кіевскимъ.

Кромѣ посольскихъ воззваній, которыя Крыжевскому разрѣшено было давать списывать желающимъ во всѣхъ городахъ лѣвобережной Малороссіи, Ординъ-Нащокинъ прислалъ къ Гизелю особое письмо, въ которомъ, не считая нужнымъ стѣсняться дипломатическими соображеніями, прямо утверждалъ, что задуманное имъ приглашеніе депутатовъ на посольскій съѣздъ имѣетъ цѣлью осуществить выска-

занное самимъ Гизелемъ въ предисловіи къ „Миру съ Богомъ“ пожеланіе, чтобы Лавра всегда была подъ обороною царя московскаго. Далѣе, Ординъ-Нащокинъ просилъ въ своемъ письмѣ Гизеля, чтобы онъ отъ имени посольскихъ дѣлъ оберегателя увеселилъ „страждующую св. душу“, то-есть, Іосифа Тукальскаго, и помогъ ему „овцы своя ко спасенному пути привести“.

Прибывъ въ лѣвобережную Малороссію, Крыжевскій встрѣтилъ крайне неблагопріятный пріемъ со стороны Барановича, который вовсе не желалъ, чтобы Тукальскій сдѣлался такимъ же политическимъ агентомъ московскаго правительства, какимъ былъ онъ самъ. Архіепископъ черниговскій не только не оказалъ Крыжевскому никакого содѣйствія, но даже не счелъ нужнымъ отвѣтить на письмо Ордина-Нащокина ¹⁾. Дружелюбіе отнесся къ посланному Ордина-Нащокина Гизель. Воззванія московскаго и посольскаго пословъ были прочитаны въ Кіевѣ передъ всѣмъ освященнымъ соборомъ и объявлены войту съ мѣщанами, но отвѣтъ ихъ не вполне соотвѣтствовалъ желаніямъ Ордина-Нащокина. Кіевскіе игумены не рѣшились высказаться ни въ пользу Москвы, ни въ пользу Польши, такъ какъ не были увѣрены въ томъ, что Ордину-Нащокину въ концѣ концовъ удастся сохранить Кіевъ за Московскимъ государствомъ. Поэтому въ своемъ коллективномъ отвѣтѣ посламъ настоятели кіевскихъ монастырей написали, что не вмѣшивались никогда въ казацкіе совѣты, не знаютъ, почему казаки склонились къ бусурманамъ, но о самихъ себѣ просятъ, чтобы при заключеніи вѣчнаго мира всѣ ихъ права были сохранены: очевидно, кіевское духовенство полагало, что рано или поздно Кіевъ будетъ уступленъ полякамъ; въ такихъ же выраженіяхъ отвѣтилъ и войтъ отъ имени всего посольства кіевскаго.

Въ особомъ письмѣ къ Ордину-Нащокину Гизель не только просилъ, чтобы на посольскомъ съѣздѣ обезпечена была цѣлость православія и чтобы Лавра сохранила всѣ свои права, но также сообщилъ, что оказалъ Крыжевскому содѣйствіе, далъ ему возможность проѣхать въ Чигиринъ къ Дорошенку, а къ Тукальскому написалъ, чтобы онъ отклонилъ правобережнаго гетмана отъ бусурманъ. Въ Чигиринѣ Крыжевскаго приняли радушно: вслѣдствіе ли увѣщаній Тукальскаго или

¹⁾ Въ письмѣ къ Барановичу отъ 19 янв. 1670 г. Ординъ-Нащокинъ высказываетъ удивленіе по поводу того, что не получалъ отъ архіепископа отвѣта на письмо свое отъ 28 октября (Моск. Глав. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, Польск. стат. списки, № 129).

по собственнымъ расчетамъ Дорошенко прислалъ Ордину-Нащокину отвѣтъ, соотвѣтствовавшій намѣреніямъ московскаго дипломата: чигиринскій гетманъ писалъ, что волненія въ Малороссіи являются слѣдствіемъ притѣсненій православнымъ со стороны поляковъ, требовалъ отъ московскихъ пословъ защиты православію въ Польско-Литовскомъ государствѣ, указывалъ на то, что постановить рѣшеніе по вопросу о защитѣ православія въ Польшѣ удобнѣе всего въ Кіевѣ, куда поэтому необходимо перенести посольскую комиссію и пригласить на нее выборныхъ отъ малороссіянъ.

Не оставилъ Дорошенко безъ отвѣта и воззванія польскихъ комиссаровъ, въ письмѣ къ которымъ высказался еще болѣе опредѣленно, чѣмъ въ письмѣ къ Ордину-Нащокину. Правобережный гетманъ писалъ Гнинскому съ товарищи, что успокоенія Малороссіи можно будетъ достигнуть только въ томъ случаѣ, если царь московскій прежде, чѣмъ возвращать полякамъ Кіевъ, приметъ всѣ мѣры, необходимыя для предупрежденія гоненій противъ православія въ Польшѣ. Для обсужденія этихъ мѣръ совмѣстно съ представителями малороссійскаго духовенства необходимо, писалъ Дорошенко, устроить посольскій сѣздъ не въ Андрусовѣ, столь отдаленномъ отъ Малороссіи, но въ одномъ изъ городовъ малороссійскихъ, лучше всего въ Кіевѣ. Въ такомъ же смыслѣ высказался въ письмѣ своемъ къ Ордину-Нащокину и Тукальскій.

Когда Крыжевскій возвратился изъ Чигирина въ Кіевъ и сообщилъ Гизелю о желаніи Дорошенка и Тукальскаго устроить комиссію въ Кіевѣ, архимандритъ печерскій очень встревожился: еслибы комиссію дѣйствительно была переведена въ Кіевъ, то архимандриту пришлось бы открыто высказаться по вопросу о томъ, можно ли ожидать успокоенія бунтовъ украинскихъ, если Кіевъ будетъ возвращенъ полякамъ; но открыто стать на ту или другую сторону было очень опасно, такъ какъ само правительство московское не совѣмъ было увѣрено въ успѣхъ попытокъ удержать Кіевъ за Московскимъ государствомъ. Поэтому Гизель послалъ съ Крыжевскимъ къ Ордину-Нащокину новое письмо, въ которомъ жаловался на разореніе своихъ маестностей татарами и казаками, старался увѣрить московскихъ пословъ и польскихъ комиссаровъ въ томъ, что малороссіянъ своихъ духовныхъ не слушаютъ, и что въ Кіевѣ посольскую комиссію устроить невозможно, такъ какъ въ Малороссіи жизнь комиссаровъ будетъ подвергаться опасности. Въ особомъ, тайномъ письмѣ, которое Ординъ-Нащокинъ не долженъ былъ показывать польскимъ комисса-

рамъ, Гизель объяснилъ причины своей осторожности, писалъ, что Кіево-Печерская лавра въ своихъ имѣніяхъ великія терпитъ отъ поляковъ обиды, хотя Кіевъ еще не отданъ Польшѣ, и что онъ, Гизель, даже упомянуть не смѣетъ въ письмѣ къ посламъ объ этихъ притѣсненіяхъ, такъ какъ боится за то мести отъ поляковъ.

Посланецъ Ордина-Нащюкина возвратился въ Андрусово только къ 23 декабря 1669 г. Посольскихъ дѣлъ оберегатель былъ доволенъ отвѣтами, полученными отъ Дорошенка, а по поводу писемъ, присланныхъ печерскимъ архимандритомъ, замѣтилъ, что „Гизель нынѣ о комиссіи въ Кіевѣ розвратно чинить, угождая тѣмъ розвратникамъ, которые ненавидятъ Кіеву быть къ Великой Россіи“. Впрочемъ, ни благопріятный для Ордина-Нащюкина отвѣтъ Дорошенка, ни „розвратное“ письмо Гизеля не могли существенно повліять на ходъ занятій посольской комиссіи: вслѣдствіе „военныхъ мятежей“, происходившихъ въ Малороссіи, путешествіе Крыжевскаго затянулось на два слишкомъ мѣсяца, и когда онъ возвратился въ Андрусово, послы уже постановили отложить переговоры объ успокоеніи Украйны и о вѣчномъ мирѣ до слѣдующей посольской комиссіи и занимались только обсужденіемъ вопроса объ установленіи status quo на время до этого будущаго конгресса. Несмотря на это, Ординъ-Нащюкинъ полагалъ, что миссія Крыжевскаго принесла не малую пользу, такъ какъ вызвала „склонность“ Дорошенка и правобережной Малороссіи къ московскому государю. Кромѣ того, немаловажнымъ дипломатическимъ успѣхомъ Ординъ-Нащюкинъ считалъ то, что польскіе комиссары, согласившись писать къ Дорошенку, признали его гетманомъ короля польскаго, а тѣмъ самымъ признали, что на польское правительство падаетъ отвѣтственность за произведенный Дорошенкомъ захватъ многихъ городовъ, уступленныхъ Московскому Государству на все время перемирія; такого признанія только и нужно было Ордину-Нащюкину, чтобы при обсужденіи status quo отказаться отъ назначенія срока отдачи Кіева.

Если Ординъ-Нащюкинъ полагалъ, что въ правобережной Малороссіи присланныя туда съ Крыжевскимъ воззванія произвели благопріятное для Московскаго правительства впечатлѣніе, то совершенно другое заключеніе пришлось вывести о впечатлѣніи, произведенномъ этою миссіей на лѣвобережную Украйну. Еще при отправленіи Крыжевскаго въ Малороссію Ординъ-Нащюкинъ опасался, чтобы у гетмана подвластной великому государю восточной Малороссіи не возникло „сомнѣнія“ по поводу сношеній начальника Посольскаго при-

каза съ соперникомъ его Дорошенкомъ. Хотя Ординъ-Нащокинъ черезъ Крыжевскаго просилъ Барановича позаботиться о томъ, чтобы гетманъ восточной Малороссіи Многогрѣшный не „приходилъ въ сомнѣніе“, но, не получая отъ архіепископа отвѣта на свое письмо, призналъ необходимымъ отправить (17 ноября) и къ самому Многогрѣшному письмо съ извѣщеніемъ о своихъ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ, но письмо это пришло слишкомъ поздно, такъ какъ опасенія посольскихъ дѣлъ оберегателя оправдались: въ лѣвобережной Малороссіи миссія Крыжевскаго едва не вызвала новой смуты.

Въ лѣвобережной Украинѣ Крыжевскій прежде всего прибылъ къ Лазарю Барановичу и, желая „со усердіемъ послужить“ Ордину-Нащокину, началъ толковать архіепископу содержаніе неясно написаннаго воззванія польскихъ комиссаровъ; изъ объясненій Крыжевскаго Барановичъ вывелъ такое заключеніе, будто на посольской комиссіи идетъ рѣчь о возвращеніи полякамъ не только Кіева, но и всей восточной Малороссіи ¹⁾. Далѣе, согласно данному Ординымъ-Нащокинымъ наказу, Крыжевскій просилъ Барановича предупредить въ восточной Малороссіи „сомнѣніе“, которое могло возникнуть вслѣдствіе того, что въ воззваніи русскихъ пословъ и польскихъ комиссаровъ вовсе не было упомянуто о гетманѣ Многогрѣшномъ. Лазарь Барановичъ, которому, столь же мало нравились сношенія Ордина-Нащокина съ Тукальскимъ, сколько Многогрѣшному сношенія его съ Дорошенкомъ, по-своему исполнилъ просьбу посольскихъ дѣлъ оберегателя: онъ переслалъ гетману списки съ воззваній, но вмѣсто того, чтобы сдѣлать указанныя Ординымъ-Нащокинымъ разъясненія, велѣлъ передать Многогрѣшному, чтобы онъ не обращалъ вниманія ни на какія бумаги, кромѣ государевыхъ грамотъ ²⁾.

Отъ Барановича Крыжевскій поѣхалъ къ Многогрѣшному, хотя въ наказѣ Ордина-Нащокина не были предусмотрѣны непосредственныя сношенія съ этимъ гетманомъ. Отъ имени Ордина-Нащокина Крыжевскій передалъ Многогрѣшному, что бояринъ тайно просить его, гетмана, отписать къ государю и бить челомъ о переводѣ посольской комиссіи въ Кіевъ и о томъ, чтобы Кіевъ остался во власти великаго государя. Изъ доставленнаго Крыжевскимъ списка съ воззванія польскихъ комиссаровъ Многогрѣшный узналъ, что они приглашаютъ жителей малороссійскихъ *область* сторонъ Днѣпра бить

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 36, ст. 146.

²⁾ Ibid., № 23. ст. 102—104.

челомъ королю, т.-е., считаютъ и восточную Малороссію подвластною Польшѣ ¹⁾).

Содержаніе привезенныхъ Крыжевскимъ документовъ привело Многогрѣшнаго въ величайшее негодованіе. Особенно недоволенъ былъ Многогрѣшный тѣмъ, что даже Ординъ-Нащокинъ въ своемъ воззваніи вовсе не упоминалъ о немъ, хотя Дорошенка называлъ гетманомъ ²⁾); страннымъ казалось Многогрѣшному то, что Ординъ-Нащокинъ не прислалъ съ Крыжевскимъ никакого письма на его имя, хотя посланный посольскихъ дѣлъ оберегателя долженъ былъ проѣзжать черезъ управляемую имъ, Многогрѣшнымъ, страну. По поводу заключавшагося въ воззваніи польскихъ комиссаровъ предложенія жителямъ лѣвобережной Малороссіи бить челомъ королю польскому Многогрѣшный замѣтилъ Крыжевскому, что, присягнувъ царю Алексѣю Михайловичу, онъ уже никогда не станетъ бить челомъ королю польскому, напротивъ, не зарекается класть сабли на польскія шеи, какъ это казаки дѣлали прежде.

Не смотря на то, что Многогрѣшный выяснилъ неумѣтность распространенія воззванія польскихъ комиссаровъ въ лѣвобережной Малороссіи, Крыжевскій, отправившись изъ Батурина, резиденціи Многогрѣшнаго, въ Кіевъ, продолжалъ распространять это воззваніе по городамъ и селамъ малороссійскимъ ³⁾). Такъ какъ на основаніи этого воззванія, дѣйствительно, можно было предположить, что на комиссіи посольской идетъ рѣчь о возвращеніи Польшѣ восточной Малороссіи, то распространеніе воззванія вызвало по всей странѣ волненіе и недовольство Москвою. Лазарь Барановичъ въ письмѣ къ государю прямо утверждалъ, что затѣянная Ординымъ-Нащокинымъ посылка писемъ съ посольскаго съѣзда къ Дорошенку, при чемъ оказано было такое пренебреженіе по отношенію къ Многогрѣшному, произвела такой же „трусъ“, какъ при Брюховецкомъ распущенный тѣмъ же Ординымъ-Нащокинымъ слухъ о походѣ государя въ Малороссію ⁴⁾).

Немедленно послѣ отъѣзда изъ гетманской резиденціи Крыжевскаго, Многогрѣшный послалъ къ Барановичу письмо, въ которомъ укорялъ архіепископа за то, что онъ, обладаживая помощью великороссійскими войсками, склонилъ восточную Малороссію добить челомъ

¹⁾ Ibid., № 86, ст. 147; № 23, ст. 103.

²⁾ Ibid., ст. 102.

³⁾ Ibid., № 86, ст. 147.

⁴⁾ Письма Лазаря Барановича, Черниговъ, 1865 г., № 85, стр. 121.

великому государю, а когда малороссіяне добили челомъ, то ихъ не только не обороняютъ, но прямо отдають полякамъ ¹⁾. Лазарь Барановичъ въ письмѣ къ Многогрѣшному старался его успокоить и увѣрить въ томъ, что Малороссія никому не будетъ отдана; „что страшливы есте, маловѣры“, писалъ архіепископъ: „Помазанникъ Божій, подражая Христу, говоритъ вамъ: единою взявъ васъ подъ крѣпкую свою руку, никто восхититъ я отъ руки моея“. Барановичъ обнадеживалъ Многогрѣшнаго милостью государя, обѣщалъ немедленно послать въ Москву и просить объясненія ²⁾.

Письмо Барановича отчасти успокоило Многогрѣшнаго, но не уничтожило его недовольства Ординымъ-Нащокинымъ. Въ новомъ письмѣ ³⁾ къ архіепископу гетманъ высказалъ сначала негодование по поводу того, что Ординъ-Нащокинъ, называя въ своемъ письмѣ гетманомъ Дорошенка и не упоминая о немъ, Многогрѣшномъ, какъ бы не желаетъ признавать его гетманомъ, хотя онъ утверждёнъ самимъ государемъ. Далѣе, Многогрѣшный обращалъ вниманіе Барановича на то, что въ присланномъ съ вѣдома Ордина-Нащокина воззваніи польскихъ комиссаровъ малороссіянамъ лѣвой стороны Днѣпра предлагается бить челомъ королю, но онъ, Многогрѣшный, своей присягѣ не измѣнить и сохранить вѣрность царю. Многогрѣшный просилъ архіепископа поскорѣе отправить обѣщанное имъ посольство въ Москву и довести до свѣдѣнія государя о дѣйствіяхъ Ордина-Нащокина. 26 ноября 1669 г. Барановичъ послалъ въ Москву игумена Іеремію Ширкевича, и уже 3 декабря игумень сообщилъ въ Малороссійскомъ приказѣ о „великомъ сомнѣніи“ гетмана и всего войска Запорожскаго, вызванномъ распространеніемъ по Малороссіи „листа“ польскихъ комиссаровъ ⁴⁾.

Вслѣдствіе представленій Ширкевича къ Многогрѣшному послана была государева милостивая грамота ⁵⁾, въ которой гетмана и все войско запорожское похваляли за то, что они „сыновнее показали послушаніе архипастырскому разсужденію“ Барановича, убѣдшаго ихъ не приходять въ сомнѣніе отъ письма польскихъ комиссаровъ;

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 23, ст. 102—103.

²⁾ Ibid., ст. 106; № 34, ст. 138.

³⁾ Ibid., ст. 139; № 23, ст. 104—107.

⁴⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Малоросс. 1669 г., №№ 25 и 58; Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 36, ст. 146—148.

⁵⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. прик. Кн. № 5, л.л. 276—281; Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Малоросс. 1669 г., № 58.

кромя того, въ государственной грамотѣ заключалось обнадеживаніе въ томъ, что Малороссія никому государемъ уступлена не будетъ. Въ другой государственной грамотѣ ¹⁾, посланной къ Барановичу, старались оправдать Ордина-Нащокина въ томъ, что онъ въ своемъ воззваніи „гетмана Многогрѣшнаго гетманомъ не именовалъ и особаго листа къ нему не писалъ“; Ординъ-Нащокинъ, писали въ государственной грамотѣ, поступилъ такъ потому, что гетманъ Многогрѣшный великому государю служить вѣрно и никакого слученія съ бусурманъ не имѣетъ и отводить его не отъ кого.

Въ Москвѣ не считали возможнымъ ограничиться успокоительными грамотами, посланными въ Малороссію, чтобы на будущее время предупредить такія дѣйствія Ордина-Нащокина, которыя могли бы встревожить малороссіянъ, на посольскій станъ въ Мигновичи посланъ былъ тотъ самый Юрій Лутохинъ, который въ іюнѣ 1669 г. присланъ былъ къ Ордину-Нащокину съ выговоромъ за то, что тайныя письма Гизеля показаны были польскимъ посламъ. Прибывъ въ Мигновичи 12 декабря, Лутохинъ прежде всего передалъ Ордину-Нащокину великаго государя указъ, не вступать съ польскими комиссарами ни въ какіе новые договоры, а стараться только о подтвержденіи договоровъ, ранѣе заключенныхъ. По этому поводу Аѳанасій Лаврентьевичъ замѣтилъ, что о такомъ указѣ слѣдовало ему сообщить гораздо ранѣе, „знали бы думные дѣяки, чего остерегаться, а нынѣ развращать невозможно, что Богъ созидаетъ“. Тогда Лутохинъ сообщилъ Ордину-Нащокину о жалобахъ Многогрѣшнаго и объявилъ великаго государя указъ: „впредь къ посольскимъ сѣздамъ изъ черкасскихъ городовъ духовныхъ и мірскихъ всякихъ чиновъ людей призывать съ вѣдома обѣихъ сторонъ гетмановъ и быть посольскимъ сѣздомъ не въ Кіевѣ и не въ малороссійскихъ городахъ, потому что въ тѣхъ мѣстахъ сѣздамъ быть для ссоръ черкасскихъ опасно“.

Высказанное Ордину-Нащокину порицаніе принятыхъ имъ мѣръ вызвало съ его стороны рѣзкую отписку съ новою жалобою на тѣхъ, кто даетъ государю вредные съ точки зрѣнія посольскихъ дѣлъ оберегателя совѣты: „Лучше впрямь, писалъ онъ, Кіевъ отдать и вся Украина, когда сѣздамъ тамъ не быть, то отговоръ польской, а они въ Украинѣ того желаютъ, а ссоры отъ того было бы, гдѣ въ далнемъ мѣстѣ (сѣзды будутъ?) и кто къ такимъ вопросамъ доношеніе свое имѣетъ, знаема сокровенная злоба на дѣлѣ суть“. По поводу жалобъ Много-

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 84, ст. 140—145.

грѣшнаго Ординъ-Нащокинъ послалъ государю особую отписку, въ которой старался оправдать свой образъ дѣйствій и объяснить не-удовольствіе Многогрѣшнаго; этотъ гетманъ, по мнѣнію Ордина-Нащокина, былъ недоволенъ его заботами объ успокоеніи Украйны, такъ какъ не желаетъ прекращенія войны между Польшею и Московскимъ государствомъ. Въстѣ съ тѣмъ Ординъ-Нащокинъ давалъ болѣе благосклонный отзывъ о подавшемся подъ турецкую протекцію Дорошенкѣ, который, благодаря его увѣщаніямъ, склонился къ тому, чтобы „поискавъ *хрипкой* обороны, противность турецкую оставить“. Не ограничиваясь этимъ неяснымъ намекомъ, Ординъ-Нащокинъ продолжалъ: „а что Дорошенко держится имени салтана турецкаго и за тѣмъ, государь, и прежней приѣмъ Богдана Хмельницкаго въ правду“. Такимъ образомъ Ординъ-Нащокинъ какъ бы указывалъ на возможность принять *современемъ* въ подданство Дорошенка, если онъ окончательно отложится отъ Польши.

Въ Москвѣ не замедлили воспользоваться перемѣною въ настроеніи Ордина-Нащокина по отношенію къ Дорошенку и повторили сдѣланный еще въ маѣ запросъ: „Дорошенка, буде отъ турка не отложится и къ польскому королю въ подданство не похочетъ, и мочно ли его царскому величеству принять, чтобъ его отъ бусурмана отлучить, а андрусовскому бы договору нарушенія не учинить“? Ординъ-Нащокинъ былъ противникомъ всякихъ успѣшныхъ въ этомъ отношеніи рѣшеній; боялся нарушенія договоровъ, заключенныхъ съ Польшею, и на неприятный запросъ далъ весьма уклончивый отвѣтъ. „Богъ творить по своей волѣ, а развратныя мысли отлучаетъ и дѣлать не зря вспять кто хоцетъ управленъ быти въ царствіе Божіе“. Очевидно, Ординъ-Нащокинъ считалъ преждевременными какіе бы то ни было переговоры о подданствѣ Дорошенка съ польскими комиссарами и признавалъ необходимымъ на первое время довольствоваться „склонностью Дорошенка къ Московскому государству“ и воспользоваться ею для осуществленія своего проекта подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріарху.

Предостерегая противъ успѣшности въ дѣлѣ Дорошенка, Ординъ-Нащокинъ старался объяснить причину своихъ опасеній въ отпискѣ къ государю отъ 1-го января 1670 г. Въ отпискѣ этой прежде всего излагается содержаніе письма митрополита Тукальскаго „о украинскихъ людей склонности христіанскаго послушанія“; затѣмъ посольскихъ дѣлъ оберегатель напоминаетъ о своихъ многочисленныхъ отпискахъ и докладахъ по малороссійскому вопросу, оставленныхъ безъ вниманія,

жалуется на то, что онъ „омерзѣлъ посольскому дѣлу“ и не можетъ взяться за навязываемое ему дѣло потому, во-первыхъ, что упущено благоприятное время, а главнымъ образомъ, потому, что послѣднею присылкою къ нему Юрія Лутохина онъ окончательно обруганъ. Еслибы даже, писалъ Ординъ-Нащокинъ, Польское королевство намечивало Московскому государству Кіевъ съ Украйною, то и въ такомъ случаѣ подобное дѣло „въ совершеніе приводить таковымъ людямъ кому вѣрить мочно, а меня хотя и шишутъ по твоему великаго государя указу въ постороннія государства оберегателемъ великихъ государственныхъ дѣлъ и такого отъ меня въ дѣлѣ совершенія чаютъ, но Посольскій приказъ, прежде не освидѣтельствовавъ меня, станеть ли столько и нынѣ мною обругаютъ государственныйя дѣла“.

Не смотря на непріятности, которымъ подвергся Ординъ-Нащокинъ вслѣдствіе своей попытки войти въ самостоятельныя сношенія съ вліятельными малороссіянами, посольскихъ дѣлъ оберегатель не прекращалъ этихъ сношеній и призналъ необходимымъ объяснить Многогрѣшному (въ письмѣ отъ 28-го декабря 1669 г.) что нисколько не желалъ оскорбить его, не упоминая о немъ въ своемъ возваніи, которое адресовано было къ пребывающимъ въ мятежѣ, а онъ Многогрѣшный великому государю вѣренъ, сообщить же ему, гетману, объ отправленіи въ Малороссію Крыжевскаго долженъ былъ Барановичъ, котораго объ этомъ просили, и если у Многогрѣшнаго, „печаль возросла“, то за это архіепископъ „отвѣтъ праведный возьметъ въ свое время“, что же касается польскихъ комиссаровъ, то они вовсе не имѣли въ виду своимъ письмомъ склонить лѣвобережную Малороссію къ подданству королю польскому. Написалъ Ординъ-Нащокинъ и къ Барановичу, высказывалъ свое удивленіе по поводу того, что Барановичъ не отвѣтилъ на его письмо отъ 23-го октября и не сообщилъ о впечатлѣніи, произведенномъ въ Малороссіи присланными туда съ Крыжевскимъ возваніями. „Обрѣтается отъ вашего святительства немилосердіе“, писалъ Барановичу Ординъ-Нащокинъ: „чего я не надѣялся и впредь не надѣюсь отъ васъ оноу быть“¹⁾.

Посылая письмо къ Барановичу, Ординъ-Нащокинъ имѣлъ только въ виду прекращеніе „труса“ въ лѣвобережной Малороссіи, о переговорахъ съ польскими комиссарами относительно подчиненія кіевской митрополіи московскому патріархату не могло быть и рѣчи, такъ какъ комиссары, получивъ крайне непріятный для нихъ отвѣтъ Дорошенка,

¹⁾ Письмо Ордина-Нащокина къ Барановичу отъ 19-го января 1670 г. (ст. сп., № 129).

вполнѣ уяснили себѣ планъ московскаго дипломата, наотрѣзъ отказались отъ обсуждения мѣръ, необходимыхъ для успокоенія Украйны, и прямо заявили, что Ординъ-Нащокинъ только выказываетъ „охоту“ московскаго правительства „къ овладѣнію *всєю* Украйною, толкуя неправильно ту статью союзнаго договора, по которой казакамъ дана была воля принять милость отъ того государя, отъ котораго пожелаютъ, то-есть, отъ польскаго или московскаго, только бы отъ обороны бусурманской отстали. Прекративъ переговоры о мѣрахъ къ успокоенію Украйны, польскіе комиссары упорно требовали назначенія срока отдачи Кіева, не смотря на то, что Ординъ-Нащокинъ подъ разными, болѣе или менѣе благовидными предлогами отказывался исполнить это требованіе. Упорство польскихъ комиссаровъ происходило, по мнѣнію Ордина-Нащокина оттого, что они „наслышались съ Москвы противныхъ рѣчей, будто дѣло всенароднаго успокоенія (то-есть, заключенія мира) возненавижено изъ-за него Аоонки; Ординъ-Нащокинъ прямо писалъ государю, что „нѣкоторые люди, не хоти на посольствѣ быть, на Москвѣ разгласили, что на посольскомъ сѣздѣ не дойдетъ до крѣпости“.

Польскіе комиссары, что переговоры на посольскомъ сѣздѣ не подвигаются впередъ вслѣдствіе охоты Ордина-Нащокина къ „одержанію Кіева“, которая особенно проявилась въ его желаніи перенести комиссію въ Кіевъ, а также въ томъ, что московскій посоль „Дорошенка съ духовными и мірскими къ оборонѣ для вѣры русской призывалъ и чрезъ то самое къ вѣщшему своеволю поджигалъ“, такъ какъ смута на Украйнѣ не изъ-за вѣры, а изъ-за своевольства происходитъ, въ чемъ московскіе люди изъ Конотопскаго дѣла могутъ убѣдиться“. На пятнадцатомъ засѣданіи посольской комиссіи, 16-го февраля 1670 г. польскіе комиссары говорили: „разумѣемъ мы, что бояринъ Аванасій Лаврентьевичъ о задержаніи Кіева радѣніе чинить для того, чтобы потому Кіеву и во всей Украйнѣ подъ владѣніемъ его царскаго величества была греческая вѣра, и есть ли быть Кіеву его царскаго величества во владѣніи и по Кіевѣ его царское величество и о всей Украйнѣ въ вѣрѣ греческой учнетъ заступникомъ быти королевскому величеству и оберегателемъ въ коронѣ польскомъ и великомъ княжествѣ литовскимъ, — и лучше казакамъ и всей Украйнѣ у турка въ подданствѣ быть, какъ волохи, и съ стороны королевскаго величества то турецкое овладѣніе Украйною не такъ страшно“.

Уже изъ переговоровъ на пятнадцатомъ сѣздѣ выяснилось, что поляки хорошо оцѣнили значеніе той мѣры, которую предложилъ Ор-

день-Нащокинъ для „отвращенія малороссійскихъ жителей отъ турецкой обороны“. Въ письмѣ, посланномъ къ московскому послу четыре дня спустя, 20-го февраля, польскіе комиссары высказались еще болѣе опредѣленно и писали Ордину-Нащокину, что, предлагая отвести малороссійское духовенство отъ благословенія константинопольскаго патріарха, онъ не столько заботился объ успокоеніи Украины, сколько о томъ, чтобы духовные украинскіе склонились къ оборонѣ царскаго величества. „Вы, очевидно, желаете, писали польскіе комиссары, подданныхъ королевскаго величества и Рѣчи Посполитой, въ вѣрѣ греческой сущихъ, взять подъ оборону царскаго величества, чтобы его царскому величеству вольно было заступаться за нихъ у королевскаго величества, а это указываетъ на ваше желаніе вступаться во владѣніе и строеніе чужаго государства“¹⁾.

Отказавшись еще задолго до пятнадцатаго засѣданія обсуждать вопросъ объ „отведеніи“ малороссійскаго духовенства отъ константинопольскаго патріарха, польскіе комиссары тѣмъ не менѣе согласились, наконецъ, не требовать немедленнаго назначенія новаго срока отдачи Кіева; въ послѣднемъ засѣданіи комиссіи (7-го марта) подтверждены были андрусовскій перемирный и московскій союзный договоры „во всѣхъ статьяхъ, запяткахъ и точкахъ“, безъ противнаго смыслу договоровъ толкованія; что же касается еще неисполненныхъ статей этихъ договоровъ, то объ нихъ постановлено было, что онѣ будутъ „приведены въ совершеніе“ полгода спустя, когда московскіе полномочные послы придутъ въ Варшаву, а польскіе въ Москву. Рѣшено было, что въ присутствіи этихъ пословъ государи лично подтвердятъ прежніе договоры присягою, а послы не только постановятъ, какъ „привести въ совершеніе“ еще неисполненныя статьи, но также обсудятъ „способы объ оторваніи украинцевъ отъ бусурманъ и о припеденіи ихъ къ надлежащему послушанію“. Того же 7-го марта 1670 г. Ординъ-Нащокинъ и польскіе комиссары присягами подтвердили, что заключенный ими договоръ о неуклонномъ и точномъ исполненіи прежнихъ трактатовъ будетъ подтвержденъ ихъ государями.

¹⁾ „А что вѣще, когда потребуе, чтобы вольно было подданнымъ его королевскаго величества и Рѣчи Посполитой, въ вѣрѣ греческой сущимъ, притяжи въ обидяхъ своихъ къ его царскому величеству, да его царскому величеству чтобы полно было заступати ихъ у королевскаго величества, что если не разрушаетъ самое основаніе заприсяженнаго покоя, когда во владѣніе и строеніе чужаго государства вступатися хотите“ (Письмо польскихъ комиссаровъ отъ ^{20-го февраля} 1-го марта 1670 г. (ibid., № 128).

Такимъ образомъ Ордину-Нащокину удалось исполнить главнѣйшую часть возложенной на него задачи: возвращеніе Кіева Польшѣ было опять отложено и посольскихъ дѣлъ оберегатель совершенно вѣрно, какъ впоследствии оказалось, полагалъ, что этою отсрочкою „Кіевъ съ Украиною укрѣплены къ Московскому Государству вѣчно“. Далѣе, Ордину-Нащокину удалось добиться того, что на комиссію присланы были изъ Малороссіи Дорошенкою жалобы на притѣсненія въ Польшѣ православнымъ и тѣмъ, по мнѣнію Аванасія Лаврентьевича, „отъ ляцкаго гоненія православной вѣрѣ учищено заступленіе“.

Ординъ-Нащокинъ требовалъ, чтобы о его стараніяхъ обезпечить православіе въ Польско-Литовскомъ государствѣ было немедленно сообщено въ Украину: достигнувъ подтвержденія, хотя и на время, того переходнаго положенія, которое было до начала посольскаго съѣзда, посольскихъ дѣлъ оберегатель хотѣлъ возобновить тотъ „промыслъ объ Украинѣ“, о которомъ онъ писалъ въ своихъ докладахъ отъ 4-го и 25-го мая 1669 г., такъ какъ благодаря отсрочкѣ на полгода переговоровъ о Кіевѣ открывалась возможность до пріѣзда въ Москву полномочныхъ польскихъ пословъ устроить переводъ кіевскаго митрополита подъ благословеніе московскаго патріарха.

Уступчивость польскихъ комиссаровъ по вопросу о назначеніи срока отдачи Кіева объясняется не только дипломатическою ловкостью Ордина-Нащокина, который, какъ жаловались на него польскіе дипломаты ¹⁾ умѣлъ съ замѣчательнымъ искусствомъ пользоваться малѣйшимъ промахомъ противника; не мало, надо полагать, содѣйствовало смягченію упорства польскихъ комиссаровъ то обстоятельство, что имъ обѣщано ²⁾ было щедрое великаго государя жалованье въ

¹⁾ Въ письмѣ своемъ отъ ^{30-го февр.}_{1-го марта} польскіе комиссары пишутъ Ордину-Нащокину: „хотя на насъ возмозгъ еси листъ къ Дорошенку чистимъ намѣреваемъ, отвода того отъ бусурманъ, однако и то намъ въ ядъ претиорилъ еси, когда нѣсколькократно примоваялъ, что мы въ писанія съ Дорошенкою иделись и что Дорошенко нашъ есть, чего ради тѣ, которые ему поддались мѣста, на насъ обьялъ и мы тѣ мѣста съ убытками должны возвращати“ (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. Стат. Списки № 128).

²⁾ „Съ Воиномъ Аванасьевичемъ (сыномъ Ордина-Нащокина, котораго государь прислалъ въ Мигновичи къ 25 декабря 1669 года) объявлено на комиссаровъ всѣхъ по докончанью всей комиссіи великаго государя жалованье 3000 рублей соболями (около 51000 р. на наши деньги), а особо объявлено воеводѣ хельминскому (Ину Гвинскому, маєт посольства) 500 золотыхъ червонныхъ и сорокъ соболей въ 300 рублей (Ibid. № 129).

случаѣ благополучнаго, конечно, съ точки зрѣнія московскаго правительства, окончанія посольской комиссiи.

9-го марта 1670 года, отслуживъ благодарственный молебенъ по случаю благополучнаго окончанія посольскаго съѣзда, Ординъ-Нащокинъ выѣхалъ изъ Мигновичъ, гдѣ прожилъ ровно годъ, въ Москву; при возвращавшемся послѣ былъ Спасовъ образъ, данный ему государемъ при отпускѣ изъ столицы. Съ вѣстью о заключенномъ съ польскими комиссарами договорѣ Ординъ-Нащокинъ послалъ „напередъ себя“ къ государю сына своего, стольника Воина Аванасьевича, котораго государь прислалъ къ празднику Рождества Христова 1669 года спросить отца его о здоровьѣ. Эта присылка Воина Ордина-Нащокина состоялась, конечно, помимо Посольскаго приказа и, безъ сомнѣнiя, имѣла цѣлью ослабить непрiятное впечатлѣнiе, произведенное на Ордина-Нащокина вторичною присылкою Юрiя Лутохина (12-го декабря) съ непрiятными и даже обидными для посольскихъ дѣлъ оберегателя указными статьями. 15-го марта Ординъ-Нащокинъ былъ уже въ деревнѣ Вяземѣ, въ 30 верстахъ отъ Москвы и послалъ къ государю въ приказъ Тайныхъ Дѣлъ отписку о томъ, что „поволокся къ Дорогомиловской слободѣ“. Въ тотъ же день прискакалъ изъ Москвы къ Ордину-Нащокину гонецъ съ великаго государя указомъ изъ приказа Тайныхъ Дѣлъ: „вѣлно ему, боярину, со Спасовымъ образомъ быть въ Дорогомиловской слободѣ, а встрѣча будетъ образу 18-го марта, въ пятницу“.

Въ указѣ Ордину-Нащокину ждаты встрѣчи посольства государемъ три дня уже заключалась немилость,—впрочемъ, боярину не отказывали вовсе во встрѣчѣ; но Посольскiй приказъ не дремалъ и спѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы отдѣлаться отъ непрiятнаго начальника. Государю изъ Посольскаго приказа, какъ надо полагать, поданъ былъ докладъ, что „Московскому Государству“ заключенный Ординымъ-Нащокинымъ съ польскими комиссарами договоръ „ненадобенъ“ и вотъ „17-го марта на праздникъ Алексѣя Божiя челоувѣка (тезоименитство государя) на подхожемъ стану въ Дорогомиловской слободѣ Посольскаго приказу дьяки думной Герасимъ Дохтуровъ да Ефимъ Юрьевъ великаго государя указъ боярину Аванасiю Лаврентьевичу сказали, чтобы сего числа чудотворной Спасовъ образъ поставить въ церкви той слободы, а Аванасiю того-жъ часу изъ слободы къ Москвѣ ѣхать на свой дворъ и быть на дворѣ до его, великаго государя, указу“. Но бояринъ не далъ торжествовать своимъ врагамъ и не только не отправился подъ домашнiй

арестъ, но даже сумѣлъ добиться свиданія съ государемъ, чего въ аналогичномъ случаѣ не могъ сдѣлать Никонъ.

Вмѣсто того, чтобы исполнить переданный дьяками Посольскаго приказа указъ, Ординъ-Нащокинъ „дьякамъ думному Герасиму съ товарищемъ сказалъ, чтобы они извѣстили его царскому величеству, что отъ чудотворнаго образа, покамѣстъ къ Москвѣ принять будетъ, отступить ему, Аванасію, невозможно для того: наславлено съ Москвы во всё государство, а больше въ королевствѣ Польскомъ разголошено всякимъ разрушеніемъ на тотъ миръ и нынѣ иноземцы, на Москвѣ, видя продолженіе въ приходѣ посольскомъ приему, въ вѣстяхъ разголосятъ, что миръ ненадобенъ и то будетъ къ явному разрушенію и противные злыя мысли учнутъ исполняться и о томъ какъ ему, великому государю, Богъ извѣститъ“. Ординъ-Нащокинъ хорошо зналъ характеръ царя Алексѣя Михайловича и былъ увѣренъ, что касавшійся его личности государевъ указъ будетъ отмѣненъ послѣ его настойчивыхъ представленій, указывавшихъ на то, какой вредъ государству принесетъ исполненіе этого указа. Дѣйствительно, послѣ высказаннаго Ординымъ-Нащокинымъ энергичнаго протеста его уже не заставляли идти подъ домашній арестъ и встрѣча образу, а вмѣстѣ съ нимъ и главѣ посольства была учинена черезъ день.

„19-го марта 178 (1670) года великій государъ изволилъ чудотворный образъ Всемиловитаго Спаса встрѣтить, вышедъ изъ Землиаго города за Смоленскими вороты подъ Дорогомиловскою слободою на Москвѣ рѣкѣ, а во облаченіи были Чудова монастыря архимандритъ Іоакимъ со священники и діаконы; а на встрѣщеніи чудотворной образъ его царское величество цѣловалъ и пожаловалъ великаго и полномочнаго посла боярина и намѣстника шацкаго Аванасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина къ своей царскаго величества рукѣ и за службу его милостиво похвалилъ и на его великаго государя, его царскаго величества милости бояринъ Аванасій Лаврентьевичъ билъ челомъ“¹⁾. Какъ оказалось впоследствии, эта побѣда надъ волею государя дорого стоила Ордину-Нащокину и не могла избавить его отъ неизбѣжной въ отношеніяхъ его къ государю развязки, такъ какъ царь Алексѣй Михайловичъ сталъ склоняться къ болѣе энергичной политикѣ въ малороссійскомъ вопросѣ; сверхъ того врагами Ордина-Нащокина кромѣ посольскихъ дьяковъ были многіе родовитые люди, противъ которыхъ

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ Польск. Стат. Списки №№ 123 и 128.

ему приходилось всегда просить обороны ¹⁾; но въ мартѣ 1670 года планъ подчиненныхъ Ордину-Нащокину дьяковъ не удался и воротиламъ Посольскаго приказа не долго пришлось ждать отъ своего начальника возмездія за то, что они пожелали навлечь на него царскую оналу и не допустить его до свиданія съ государемъ.

IV.

Еще 16-го августа 1668 года, черезъ годъ послѣ назначенія Ордина-Нащокина начальникомъ Посольскаго приказа, онъ уже жаловался на дьяковъ своего приказа, писалъ государю, что „Посольскій приказъ, яко зеницу ока. надобно хранить безпорочнымъ избраннымъ людемъ“ ²⁾. Въ продолженіе всей комиссіи Андрусовской 1669 — 1670 гг. Ординъ-Нащокинъ неоднократно жаловался на недобросовѣстность и нерадѣніе дьяковъ Посольскаго приказа Голосова, Дохтурова и Юрьева; ясно было, что посольскихъ дѣлъ оберегатель будетъ настаивать на ихъ удаленіи изъ Посольскаго приказа. Последняя продѣлка Дохтурова и Юрьева должна была только ускорить дѣло. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ возвращенія въ Москву Ординъ-Нащокинъ подалъ государю докладъ ³⁾ по малороссійскому вопросу, причемъ обратилъ вниманіе и на личный составъ Посольскаго приказа.

Въ докладѣ своемъ Ординъ-Нащокинъ указалъ на значеніе состоявшагося на послѣдней комиссіи постановленія о подтвержденіи андрусовскаго перемирнаго и московскаго союзнаго съ Польшею договоровъ, напомнилъ о вызванной его письмомъ „склонности Дорошенка отъ католицкаго насилія во оборонѣ царскаго величества быти“ и обратилъ вниманіе государя на необходимость согласно прежнимъ его, Ордина-Нащокина, докладамъ „неотступно въ Украинѣ промыслъ имѣти

¹⁾ Быстрое возвышеніе Ордина-Нащокина вызвало постоянные мѣстныя споры людей болѣе знатныхъ, полагавшихъ, что имъ съ нимъ быть невмѣстно, причемъ не всегда эти споры кончались въ пользу вновь пожалованнаго боярина (ср. Арх. Историко-Юридическихъ свѣдѣній, изд. Калачевымъ, кн. III, стр. 134), хотя Ординъ-Нащокинъ „милостивыми великаго государя грамотами былъ обнадеженъ, что слышнымъ выданъ николи не будетъ“ (отписка Ордина-Нащокина къ государю отъ 25-го іюля 1668 года въ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. Стат. Списокъ № 122).

²⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. Стат. Списки № 122.

³⁾ Ibid. № 129.

и о томъ въ царскаго величества палатѣ разсужденіе со всею государственною крѣпостью учинить неотложно“, чтобы ко времени предстоящаго по истеченіи шести мѣсяцевъ общія посольствами принято было окончательное по малороссійскому вопросу рѣшеніе. Если государь соизволитъ повелѣть, писалъ Ординъ-Нащокинъ, вести дѣло по моимъ докладамъ, то необходимо не только промышлять въ Украинѣ, но также немедленно сообщить съ гонцомъ въ Польшу, чтобы посламы, которые присланы будутъ въ Москву, дано было полномочіе для переговоровъ объ украинскихъ дѣлахъ. Этимъ сообщеніемъ въ Польшу были бы „искоренены разрушительныя съ Москвы разглагошленія, которыя на комиссіи многую помѣшку чинили“.

Упомянувъ о помѣшкахъ посольской комиссіи съ Москвы, Ординъ-Нащокинъ не могъ удержаться отъ жалобы на виновниковъ этихъ помѣшекъ, дьяковъ Посольскаго приказа. „И впредь бы“, писалъ посольскихъ дѣлъ оберетатель: „Посольскій приказъ безчестія такого и злыя славы не поносилъ, чего во всемъ свѣтѣ берегутъ паче всего крѣпко государственнымъ страхомъ и указомъ держати, всякое убо розрушеніе отъ своихъ бываетъ. *Дошло время злое дѣло искоренить и Посольскій приказъ не мздоимательными людьми въ крѣпкомъ остережаніи царскому величеству и всему Московскому царству ко остережанію и къ прибыли держать*“.

Когда Ординъ-Нащокинъ предъявилъ требованіе свое о томъ, что-бы искоренено было зло изъ Посольскаго приказа, предстояло два величайшей важности дипломатическихъ дѣла: переговоры съ прибывшими въ Москву для заключенія мира послами крымскаго Адиль-Гирея хана и отправленіе въ Польшу великаго посольства для присутствія при подтвержденіи польскимъ королемъ послѣдняго Андрусовскаго договора и для „приведенія въ совершеніе“ неисполненныхъ статей прежнихъ договоровъ. Для благополучнаго совершенія обоихъ этихъ дѣлъ нуждались въ дипломатическомъ искусствѣ Ордина-Нащокина и, можетъ быть, по этой причинѣ требованіе посольскихъ дѣлъ оберетателя было исполнено: въ Посольскій приказъ вмѣсто Голосова, Дохтурова и Юрьева были вскорѣ ¹⁾ назначены дьяки думный Дем. Мин. Башмаковъ и Яковъ Поздышевъ; изъ нихъ первый

¹⁾ 19-го марта Ординъ-Нащокинъ возвратился въ Москву, а 18-го мая Ефимъ Юрьевъ уже переведенъ въ Новгородскій приказъ (Поли. Собр. Зак., т. I. № 470, стр. 839), 21-го іюня Герасимъ Дохтуровъ служилъ уже въ Помѣстномъ приказѣ (ibid. № 475, стр. 840).

звѣстенъ былъ хорошо государю, такъ какъ долго служилъ въ приказѣ Тайныхъ Дѣлъ ¹⁾.

Устранивъ „многомятежное пребываніе“ ²⁾ прежнихъ дьяковъ въ Посольскомъ приказѣ, Ординъ-Нащокинъ подалъ государю подробный докладъ о томъ, что „необходимо положить крѣпкое намѣреніе о Кіевѣ и о Украинѣ и не испустя времени промыслъ учинить, если впредь надобно Кіевъ для вѣчнаго успокоенія всего православія отъ гоненія католикаго и отъ подданства бусурманскаго къ царству московскому одержать“. Ординъ-Нащокинъ настаивалъ въ своемъ докладѣ на томъ, что для промысла о Кіевѣ и крѣпкаго о Украинѣ утверждения необходимо немедленно снестись съ митрополитомъ Тукальскимъ и съ *гетманами* и побудить ихъ „слушаніе христіанское исполнить“. 16-го іюня 1670 года великій государь съ ближними своими бояры, слушавъ докладъ Ордина-Нащокина, указалъ, „вскорѣ промыслъ учинить въ Украинѣ у митрополита Тукальскаго и у гетмана Дорошенка, покамѣсть отъ Турка впрямь не отвратились, а къ королевству польскому крѣпко не приложились“. По этому вопросу „ближніе бояре хотѣли мыслить“ ³⁾.

Резолюція государя на этотъ докладъ не вполне соответствовала взглядамъ Ордина-Нащокина по малороссійскому вопросу. Посольскихъ дѣлъ оберегатель отнюдь не желалъ нарушать мира съ Польшей и считалъ необходимымъ твердо держаться Андрусовскаго перемирнаго договора; подъ „посылками къ Тукальскому и гетманамъ“ посольскихъ дѣлъ оберегатель имѣлъ въ виду веденіе дѣла о переводѣ малороссійскаго духовенства подъ благословеніе московскаго патріарха ⁴⁾; въ 1670 году Ординъ-Нащокинъ былъ увѣренъ,

¹⁾ Сравни. Книги Рязрядныя, ч. II, ст. 937. О новыхъ дьякахъ Посольскаго приказа см. Моск. Главн. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ, Польск. Стат. Списки № 129.

²⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX № 55, ст. 224.

³⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 53, ст. 222—226. Что этотъ докладъ написанъ Ординымъ-Нащокиннымъ видно изъ ссылокъ на его прежніе доклады, а также изъ указаній на его дѣятельность во время посольскихъ сѣздовъ.

⁴⁾ Объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ слѣдующіе отрывки изъ доклада Ордина-Нащокина: „отъ вселенскаго патріарха слезное моленіе впрямь о Украинѣ и тѣмъ хвалю передъ всѣмъ свѣтомъ къ промыслу идетъ и что въ прежнихъ докладахъ о Кіевѣ объявлено, къ патріарху писать по совѣту надежно“. (Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 53, ст. 224). Далѣе, Ординъ-Нащокинъ предлагаетъ для промысла о Украинѣ послать „къ Тукальскому и гетманомъ, чтобы слушаніе христіанское исполнили, Ibid. ст. 225). Если бы подъ этими словами

что эта мѣра легко осуществима. Дѣло въ томъ, что письмо александрійскаго патріарха Пансіа, который писалъ къ константинопольскому патріарху съ прошеніемъ о малороссійскомъ духовенствѣ, не осталось безъ послѣдствій. 28-го августа 1669 года патріархъ константинопольскій Меѳодій послалъ къ царю Алексѣю Михайловичу письмо, въ которомъ высказывалъ свое огорченіе по поводу того, что Дорошенко подчиняется султану. „Съ какой нужи казаки сквернымъ Туркамъ поддаются“ писалъ Меѳодій и умолялъ государя „какимъ либо способомъ“ отвлечь казаковъ отъ союза съ турками ¹⁾. Въ виду такого „слезнаго моленія вселенскаго патріарха впрямь объ Украинѣ“ Ординъ-Нащокинъ полагалъ, что „писать по его прежнимъ докладамъ къ патріарху надежно“. Не ожидалъ Ординъ-Нащокинъ противодѣйствія переводу малороссійскаго духовенства подъ благословеніе московскаго патріарха и со стороны султана Турецкаго, такъ какъ въ то время въ Москвѣ заключенъ былъ союзъ съ Крымскимъ ханомъ, съ которымъ и султанъ желалъ „миръ имѣть“ ²⁾.

Итакъ, Ординъ-Нащокинъ въ 1670 г. еще болѣе, чѣмъ въ 1669 былъ увѣренъ въ томъ, что составленный имъ проектъ подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріархату легко осуществимъ, а при помощи этой мѣры Аѳанасій Лаврентьевичъ считалъ возможнымъ не только удержать Кіевъ за Московскимъ Государствомъ при переговорахъ о вѣчномъ мирѣ, но и по заключеніи вѣчнаго мира вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши и такимъ образомъ подготовить присоединеніе въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ западной Малороссіи къ Великой Россіи. Царь Алексѣй Михайловичъ, не желавшій отдавать „собакѣ и одного куска хлѣба православнаго“ ³⁾, выслушавъ докладъ Ордина-Нащокина, повелѣлъ, какъ было выше указано: „у митрополита Тукальскаго и у гетмана Дорошенка вскорѣ промыслъ учинить, покамѣстъ отъ Турка впрямь не отвратились, а къ королевству Польскому крѣпко не приложились“. Повелѣвая учинить промыслъ у Дорошенка, государь, очевидно, имѣлъ въ виду при-

разумѣлось приглашеніе подчиниться московскому царю, то было бы сказано „гетману“, то-есть, Дорошенку, такъ какъ Многогрѣшный уже былъ подданнымъ государя.

¹⁾ Наложеніе содержанія этого письма и дату его см. въ Москв. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. Стат. Списокъ, № 129. Указаніе на это письмо также въ Акт. Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 53, ст. 224.

²⁾ Акт. Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 53, ст. 224.

³⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XI, стр. 226, изд. 1870 г.

нятіе его въ подданство, такъ какъ онъ еще за годъ передъ тѣмъ сообщалъ въ Москву о своемъ желаніи быть подъ рукою великаго государя ¹⁾; тогда, въ маѣ 1669 г. Ордина-Нащокина спрашивали отъ имени государя, можно ли принять Дорошенка и посольскихъ дѣлъ оберегатель рѣзко высказался противъ такого нарушенія андрусовскаго перемирнаго договора; въ декабрѣ 1669 г. къ Ордину-Нащокину посланъ былъ новый запросъ о приѣмѣ Дорошенка; въ этотъ разъ Ординъ-Нащокинъ, помня негодованіе вызванное въ Москвѣ его рѣзкимъ отвѣтомъ на первый запросъ, далъ уклончивый отвѣтъ; въ іюнѣ 1670 г. государь прямо повелѣваетъ учинить промыслъ у Дорошенка. Въ этомъ рѣшеніи видно вліяніе новаго начальника Малороссійскаго приказа А. С. Матвѣева, который нѣсколько мѣсяцевъ спустя, уже будучи начальникомъ Посольскаго приказа, не только считалъ возможнымъ „промыслъ чинить у Дорошенка“, но даже составилъ проектъ переговоровъ съ польскимъ правительствомъ о принятіи Дорошенка подъ государеву руку; въ іюнѣ же 1670 г. начальникомъ Посольскаго Приказа былъ еще Ординъ-Нащокинъ и, надо полагать, онъ былъ виновникомъ того, что противный Андрусовскому договору указъ о скоромъ промыслѣ у Дорошенка не былъ исполненъ; дѣло не пошло далѣе „хотѣнія мыслить“ и, какъ писалъ впоследствии Аванасій Лаврентьевичъ, „продержалось безъ промыслу“ ²⁾.

Ординъ-Нащокинъ, вѣроятно, заранѣе догадывался, что докладъ его вызоветъ неисполнимую съ его точки зрѣнія резолюцію и поэтому, еще до рассмотрѣнія этого доклада въ Боярской Думѣ, началъ на свой страхъ необходимыя, по его мнѣнію, для подчиненія малороссійскаго духовенства московскому патріарху сношенія съ митрополитомъ Іосифомъ Тукальскимъ. 25 апрѣля 1670 г. Ординъ-Нащокинъ послалъ къ игумену кievскаго Братскаго монастыря и ректору кievскихъ школъ Варлааму Ясинскому письмо ³⁾ въ которомъ просилъ сообщить свѣдѣнія „о страждущей за благочестіе святой душѣ, о преосвященномъ Іосифѣ, пастырѣ православномъ“. Ординъ-Нащокинъ просилъ Ясинскаго узнать, какое принялъ Тукальскій рѣшеніе по поводу посланныхъ къ нему съ посольской комиссіи писемъ. Въ вознагражденіе за

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VIII, № 26, стр. 116; о томъ же ходатайство Дорошенка черезъ Тукальскаго (ibid. № 30, стр. 132—134).

²⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Польскія 1671, № 11 — докладъ Ордина-Нащокина.

³⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. Стат. Списки № 129.

труды Ординъ-Нащокинъ послалъ Ясинскому двѣ пары соболей изъ собственнаго сторублеваго сорока ¹⁾.

Получивъ письмо Ордина-Нащокина, Ясинскій отправился съ разрѣшенія кievскихъ воеводъ въ находившійся подъ властью Дорошенка городъ Каневъ, мѣстопребываніе Тукальскаго ²⁾. Митрополитъ очень обрадовался тому, что московскій дипломатъ возобновилъ сношенія съ нимъ. Въ отвѣтъ на письмо Ордина-Нащокина Тукальскій, „желая всяко черезъ вельможность его милость получить къ себѣ у великаго государя“, отправилъ 9 августа 1670 г. посланіе ³⁾, въ которомъ жаловался на упадокъ православія въ Литвѣ, изъявлялъ готовность содѣйствовать московскому правительству, которое, по его мнѣнію, одно можетъ „создать стѣны російскаго Іерусалима“, то-есть, Кіева.

Попытки Ордина-Нащокина возобновить при посредствѣ кievскаго духовенства сношенія съ Тукальскимъ должны были вскорѣ прекратиться: вслѣдствіе доклада начальника Малоросійскаго приказа А. С. Матвѣева государь соизволилъ 18 іюля 1670 г. на предоставленіе блюстительства кievской митрополіи черниговскому архіепископу Лазарю Барановичу ⁴⁾; вмѣстѣ съ тѣмъ Тукальскій потерялъ всякую надежду водвориться въ Кіевѣ, а также не имѣлъ болѣе побужденій содѣйствовать планамъ Ордина-Нащокина. Но если бы даже Тукальскій и не потерялъ охоты содѣйствовать московскому правительству послѣ того, какъ ему предпочли Барановича, то для самого Ордина-Нащокина затруднены были дальнѣйшія сношенія съ митрополитомъ, непризнаннымъ московскимъ правительствомъ: Ординъ-Нащокинъ велъ эти сношенія при посредствѣ довѣренныхъ лицъ изъ среды кievскаго

¹⁾ Ibid. Г. Мухинъ полагаетъ (Кіево-Братскій училищный монастырь, Кіевъ 1898 г., стр. 101), что Ординъ-Нащокинъ прислалъ Братскому монастырю двѣ пары соболей, вслѣдствіе воззванія Ясинскаго о помощи монастырю. Но воззваніе (Пам. Кіевск. Ком. т. II, отд. I. NXXV) написано 19 мая 1671 г., вслѣдствіе событія, случившагося 3 мая того же года, а послышка Ордина-Нащокина была отправлена 25 апр. 1670 г.

²⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 61, ст. 257—258—письмо Ясинскаго къ Ордину-Нащокину отъ 19 авг. 1670 г.

³⁾ Ibid., ст. 254—256—письмо Тукальскаго къ Ордину-Нащокину отъ 9 авг. 1670 г. Письмо это напечатано въ „Актахъ“ по испорченному списку Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, тогда какъ въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи есть вполнѣ исправный списокъ того же письма (Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. Прик. Кн., № 9, л.л. 611—613).

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юстиціи, Малоросс. Прик. Кн. № 5, л.л. 746—756, Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1670 г., № 33.

духовенства, а назначенный по докладу Матвѣева блюстителемъ митрополія Барановичъ считалъ опасными какія бы то ни было сношенія подчиненнаго ему духовенства съ Тукальскимъ ¹⁾.

Вынужденный прекратить сношенія съ Тукальскимъ, Ординъ-Нащокинъ долженъ былъ окончательно отказаться отъ мысли, не нарушая заключеннаго имъ Андрусовскаго договора, исполнить при содѣйствіи малороссійскаго духовенства желаніе государя, считавшаго необходимымъ навсегда удержать Кіевъ за Московскимъ Государствомъ. Но въ то самое время, когда прекратились сношенія Ордина-Нащоккина съ малороссійскимъ духовенствомъ, посольскихъ дѣлъ оберегатель задумалъ осуществить желаніе государя относительно Кіева и западной Малороссіи инымъ „промысломъ“. 19 марта 1670 г. Ординъ-Нащокинъ возвратился въ Москву, а 27 апрѣля окончились уже его переговоры съ послами крымскаго Адиль-Гирея хана. Результатомъ этихъ переговоровъ было заключеніе съ Крымомъ мирнаго и союзнаго трактата, о которомъ Ординъ-Нащокинъ писалъ, что онъ „протипляющимся (ему) на укоризну, а правовѣрнымъ на вѣчную похвалу“. Дѣйствительно, договоръ былъ очень выгоденъ для Московскаго Государства, такъ какъ обуславливалъ не только прекращеніе крымскихъ набѣговъ на русскія Украйны, возвращеніе плѣнныхъ и въ числѣ ихъ В. В. Шереметева, но также съѣздъ въ Украйнѣ пословъ отъ трехъ державъ: Россіи, Польши и Крыма для заключенія вѣчнаго мира при участіи депутатовъ изъ Малороссіи ²⁾.

Такъ какъ крымскій ханъ, вступая въ союзъ съ Москвою, обязался быть въ мирѣ съ союзникомъ Московскаго государя польскимъ королемъ, то о заключенномъ съ Адиль-Гиреемъ договорѣ Ординъ-Нащокинъ успѣвшилъ сообщить польскому правительству особою государевою грамотою. По поводу статьи договора о предстоящемъ конгрессѣ трехъ державъ съ участіемъ выборныхъ изъ Малороссіи, въ государевой грамотѣ напоминали польскому правительству о пред-

¹⁾ Ibid.—письмо Лазаря Барановича къ государю отъ 30 іюня 1670 г.

²⁾ Отъѣздъ Ордина-Нащоккина о договорѣ съ Крымомъ заключается въ одной изъ тѣхъ его собственноручныхъ, автобіографическаго характера замѣтокъ, которыя разбросаны по разнымъ листамъ составленнаго для него сборника документовъ (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. Стат. Списки № 129); самый договоръ см. *ibid.* (Напечатанъ въ Полю. Собр. Зак., т. I, подъ № 469), В. С. Иконниковъ относитъ заключеніе этого договора къ 1669 г. (*Русск. Старица* за 1883 г., № 11, стр. 287), но эта, неоправдываемая документами дата представляетъ собою, несомнѣнно, описку или опечатку.

ложеніяхъ относительно сѣзда посольскаго въ Кіевѣ, сдѣланныхъ Дорошенкомъ вслѣдствіе письма польскихъ комиссаровъ съ послѣдней андрусовской комиссіи. вмѣстѣ съ тѣмъ польскому правительству изъ Москвы высказано было пожеланіе, чтобы тѣмъ посламъ, которые отправлены будутъ изъ Варшавы къ великому государю для подтвержденія андрусовскихъ договоровъ, дано было полномочіе сдѣлать постановленіе, до созванія конгресса въ Малороссіи, сообща съ московскимъ правительствомъ „о успокоеніи Украины, чтобъ свирѣпыя агаряне въ кротость приходили“. Какъ на главную мѣру для успокоенія Украины, предполагалось указать польскимъ посламъ на оставленіе Кіева за Московскимъ государствомъ и на заключеніе вѣчнаго мира на условіяхъ андрусовскихъ договоровъ. Зная, что поляки противъ заключенія вѣчнаго мира на такихъ условіяхъ и что дальнѣйшіе переговоры безъ посредниковъ могутъ не привести къ благопріятнымъ результатамъ, Ординъ-Нащокинъ настоялъ на томъ, чтобы вмѣстѣ съ грамотою, посланною къ польскому королю съ приглашеніемъ устроить посольскую комиссію въ Украинѣ, послана была государева грамота и къ королю французскому Людовику XIV съ извѣщеніемъ объ избраніи его въ посредники при мирныхъ переговорахъ между Московскимъ и Польскимъ государствами.

По окончаніи переговоровъ съ крымскими послами Ординъ-Нащокинъ, добиваясь утвержденія заключеннаго съ ними договора, написалъ докладную записку ¹⁾, въ которой намѣченъ былъ цѣлый планъ дальнѣйшей внѣшней политики Московскаго Государства. Союзъ съ крымскимъ ханомъ, писалъ Ординъ-Нащокинъ, будетъ Московскому царству къ великой прибыли и къ оборонѣ надежной. Согласно договору ханъ долженъ былъ относиться къ Польшѣ такъ же дружественно, какъ и къ Московскому Государству; такимъ образомъ безъ всякихъ военныхъ расходовъ исполнена будетъ та статья союзнаго съ Польшей договора, по которой должны были московскія силы „случаться“ съ польскими, если Польша должна будетъ вести войну „между Днѣпромъ и Днѣстромъ“, то-есть противъ Татаръ. Мало того, заключеніе мира съ крымскимъ ханомъ даетъ поводъ обратиться къ польскому правительству съ совѣтомъ послѣдовать этому примѣру и заключить миръ съ турецкимъ султаномъ; если же Поляки стануть указывать на то, что съ султаномъ невозможно заключить миръ, такъ какъ ему поддается Дорошенко, то необходимо будетъ еще разъ на-

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. Стат. Списки № 129.

помнить польскому правительству о томъ письмѣ Дорошенка, которое было прислано имъ на посольскій съѣздъ въ Андрусово и въ которомъ изложены были причины его склонности къ турецкому подданству. Вмеѣстѣ съ тѣмъ нужно будетъ дать понять полякамъ, что успокоить Украину можно не „жесточью и не рати умножая“, а нужна для этого общая комиссія въ Малороссіи съ участіемъ выборныхъ отъ мѣстныхъ жителей. Такой совѣтъ былъ дѣйствительно данъ Ординымъ-Нащокимъ польскому посланнику Герониму Комару, который присланъ былъ въ Москву въ началѣ августа 1670 г. просить помощи противъ турокъ, такъ какъ они, будто бы, желаютъ подчинить всю Малороссію и сдѣлать гетманомъ Хмельниченка.

Ординъ-Нащокинъ былъ увѣренъ, что на посольской комиссіи выборные отъ малороссійскихъ жителей выскажутся не только за удержаніе Московскимъ государствомъ всѣхъ уступленныхъ ему по Андрусовскому перемирію городовъ, но даже будутъ ходатайствовать о присоединеніи и западной Малороссіи къ Великой Россіи. Поляки, очевидно, были такого же мнѣнія и не пригласили московскихъ пословъ на комиссію съ казацкими депутатами въ Острогъ, гдѣ и не удалось достигнуть соглашенія между Дорошенкомъ и польскимъ правительствомъ.

Заключеніе союза съ Крымомъ должно было, по мнѣнію Ордина-Нащокина, благоприятно отразиться на отношеніяхъ Россіи къ Швеціи. „Королевство Свейское“, писалъ Ординъ-Нащокинъ въ докладѣ государю: „въ сосѣдствѣ неспокойно, а увидятъ царства московскаго съ королевствомъ польскимъ неразорванную крѣпость и съ Крымомъ крѣпкій миръ, противныя мысли отложить и учнуть во всемъ быть *податны* и сдержательны съ Великою Россіей и ни въ чемъ противны“. Въ докладѣ своемъ государю Ординъ-Нащокинъ ставитъ малороссійскія дѣла на второй планъ и особенно старается убѣдить въ необходимости составить коалицію противъ Швеціи. Надо полагать, что и раньше такія же мнѣнія излагались Ординымъ-Нащокимъ въ Посольскомъ приказѣ и вина посольскихъ дьяковъ во время курляндской комиссіи 1668 г. состояла только въ томъ, что они „разголосили“ рѣчи своего начальника.

Не смотря на то, что Ординъ-Нащокинъ придавалъ заключенному имъ съ крымскими послами договору первостепенное значеніе, считалъ этотъ договоръ достойнымъ завершеніемъ своей дипломатической карьеры, онъ долго не могъ добиться отпуска съ Москвы тѣхъ пословъ Адиль-Гирея, которые привезли „шертную крѣпость“ этого

договора. Дѣло затянулось до конца ноября 1670 г., чѣмъ Ординъ-Нащокинъ, не забывшій, конечно, нанесеннаго ему въ мартѣ оскорбленія, былъ очень огорченъ. Государь въ это время былъ въ походѣ въ одинъ монастырей, а Ординъ-Нащокинъ, будучи боленъ ¹⁾, не могъ лично отправиться съ докладомъ къ царю Алексѣю Михайловичу и послалъ товарища своего, думнаго дьяка Дем. Мин. Башмакова, „слезно бить челомъ о крымскомъ отпускѣ“. Съ Башмаковымъ же Ординъ-Нащокинъ послалъ государю свой докладъ о значеніи договора съ Крымомъ (28 ноября 1670 г.). Въ концѣ доклада онъ приписалъ; „При семъ докладѣ з горкими слезами челобитье мое истинное для послѣдняго покаянія отъ государственныхъ дѣлъ отпуску. Авонка Нащокинъ своею рукою“. Такъ впервые объявилъ государю посольскихъ дѣлъ оберегатель о своемъ рѣшеніи удалиться отъ дѣлъ ²⁾.

Мысль удалиться отъ міра явилась у Ордина-Нащокина еще въ 1669 г., когда онъ былъ на посольскомъ стану въ Мигновичахъ и вынужденъ былъ вести доводившую его до изнеможенія борьбу съ дьяками Посольскаго приказа и ихъ заступниками. Въ это время посольскихъ дѣлъ оберегатель завелъ, какъ было выше указано, сношенія съ митрополитомъ Тукальскимъ. Однимъ изъ посредниковъ при этихъ сношеніяхъ былъ намѣстникъ Тукальскаго въ Могилевѣ Климовичъ. 16 ноября 1669 года, въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ посольскаго сѣзда, нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ Ординъ-Нащокинъ отказался исполнить присланное къ нему изъ Посольскаго приказа повелѣніе оставить польскихъ комиссаровъ и отправиться въ Москву, посольскихъ дѣлъ оберегатель получилъ отъ Климовича письмо, въ которомъ высказывалось пожеланіе, чтобы въ „старости маститѣ“ бояринъ „принялъ на себя крестъ“, такъ какъ недостаточно быть превознесеннымъ при жизни за службу государю, нужно заботиться и о томъ, чтобы по смерти „на небо взойдти“ ³⁾.

Испытывая постоянно неприятели по службѣ, изнемогая въ борьбѣ съ явными и тайными врагами, видя охлажденіе къ себѣ государя, Ординъ-Нащокинъ придалъ письму Климовича значеніе „благословенія купно съ пророческимъ духомъ“ ⁴⁾ и дѣйствительно сталъ

¹⁾ „А я тогда боленъ былъ на Москвѣ“ пишетъ Ординъ-Нащокинъ въ одной изъ своихъ автобиографическихъ замѣтокъ (ibid).

²⁾ Ibid.

³⁾ Изложеніе содержанія письма Климовича и дату его см. въ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. Стат. Списки № 129.

⁴⁾ Замѣтка Ордина-Нащокина (ibid).

размышлять о томъ, какъ хорошо было бы удалиться отъ міра и принять иноческій образъ. Послѣ возвращенія изъ Мигновичъ Ординъ-Нащокинъ былъ принятъ въ Москвѣ такъ, что мелькнувшая во время пребыванія на посольскомъ сѣздѣ мысль о монашествѣ все чаще и чаще стала овладѣвать посольскихъ дѣлъ оберсегателемъ. Но вскорѣ послѣ возвращенія въ Москву Ординъ-Нащокинъ долженъ былъ заняться важнѣйшимъ государственнымъ дѣломъ, переговорами съ давно уже ожидавшими его крымскими послами. Окончивъ благополучно это дѣло, поглощавшее все его вниманіе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Ординъ-Нащокинъ, къ величайшему своему огорченію убѣдился, что государь несполнѣ согласенъ съ его взглядами на задачи русской политики по отношенію къ Польшѣ и Крыму; посольскихъ дѣлъ оберсегатель послалъ государю докладъ, въ которомъ защищалъ свои взгляды, но, очевидно, не былъ увѣренъ въ томъ, что государь переиѣнитъ свое мнѣніе и поэтому билъ челомъ „объ отпускѣ его отъ государственныхъ дѣлъ“.

Само собою разумѣется, что Ординъ-Нащокинъ не могъ получить отставки, пока не было окончено важнѣйшее изъ дѣлъ послѣднихъ лѣтъ его службы, пока не были подтверждены особыми посольствами оба андрусовскіе (1667 и 1670 г.г.) и московскій (1667 г.) договоры съ Польшею; посольства изъ Польши можно было ожидать со дня на день, такъ какъ назначенный на послѣдней комиссіи шести-мѣсячный срокъ для его отправленія уже истекъ. Дѣйствительно, двѣнадцать дней спустя послѣ того, какъ Ординъ-Нащокинъ билъ челомъ объ отставкѣ, польское правительство отправило въ Москву гонца съ вѣстью о томъ, что великіе послы для присутствія при подтвержденіи государемъ договоровъ уже назначены и вскорѣ будутъ отпущены изъ Варшавы¹⁾. Поэтому на просьбу свою объ отставкѣ Ординъ-Нащокинъ не получилъ отвѣта, хотя преемникъ ему былъ уже, очевидно, намѣченъ²⁾; это было, какъ оказалось черезъ два мѣсяца, начальникъ Малороссійскаго приказа А. С.

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Пностр. Дѣлъ, дѣла польск. 1671 г. № 7—грамота короля Польск. Михаила къ царю Алексѣю Михайловичу отъ 10 декабря 1670 г.

²⁾ Именно въ то время, когда Ординъ-Нащокинъ подалъ просьбу объ отставкѣ (это было 28 ноября 1670 г.), Матвѣевъ возведенъ былъ въ думные дворяне (23 октября Матвѣевъ былъ еще стольникомъ, а 24 декабря протопопъ Симеонъ Адамовичъ изъ Нѣжина поздравляетъ его „въ чести, въ думномъ дворянствѣ.—Алты Южн. и Зап. Россія, т. IX № 76 ст. 298, № 81, ст. 380).

Матвѣевъ, отношеніе котораго къ малороссійскому вопросу болѣе подходило къ взглядамъ царя Алексѣя Михайловича, чѣмъ отношеніе Ордина-Нащокина. Управляя Малороссійскимъ приказомъ, Матвѣевъ въ теченіе двухъ лѣтъ долженъ былъ непрестанно выслушивать настоятельныя требованія вліятельныхъ въ лѣвобережной Малороссіи лицъ о томъ, чтобы Кіевъ не былъ отданъ полякамъ ¹⁾, такъ какъ владѣніе Кіевомъ необходимо московскому государю для удержанія подъ своею властью всей лѣвобережной Малороссіи ²⁾. Подъ вліяніемъ этихъ требованій Матвѣевъ склонился къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ для исправленія Андрусовскаго договора, чѣмъ тѣ, о которыхъ писалъ Ординъ-Нащокинъ въ своемъ докладѣ по поводу заключенія договора съ Крымомъ. 17 іюня 1670 г. въ засѣданіи Боярской Думы государь сказалъ еще только, что необходимо вскорѣ промыслъ имѣть о Кіевѣ у Дорошенка и Тукальскаго, а менѣе чѣмъ черезъ мѣсяць, 13 іюля, вслѣдствіе доклада Матвѣева, самъ царь Алексѣй Михайловичъ прямо объявилъ посланцу гетмана Многогруднаго и Лазаря Барановича протопопу Симеону Адамовичу слѣдующее: „хотя помянуто было нѣкогда на андрусовскомъ постановленіи отдачу Кіева, а понеже господа поляки съ границы постановленія выступили и въ коликкихъ дѣлахъ слова не додержали, для того нынѣ мы и въ помышленіи не имѣемъ Кіева королевскому величеству отдати“. Такой категорическій отвѣтъ данъ былъ Адамовичу только четыре мѣсяца спустя послѣ того, какъ Ординъ-Нащокинъ присягнулъ въ Андрусовѣ польскимъ комиссарамъ въ томъ, что не позже какъ черезъ шесть мѣсяцевъ царь Алексѣй Михайловичъ личною присягою подтвердитъ андрусовскій договоръ, а о всѣхъ неисполненныхъ статьяхъ этого договора, между прочимъ и о статьѣ относительно Кіева, будетъ разсужденіе, чтобы онѣ были въ „совершенство приведены“.

10 февраля 1671 г. польскій гонецъ Александръ Чихровскій передалъ ³⁾ въ Посольскомъ приказѣ начальнику его Ордину-Нащокину, что, согласно состоявшемуся въ Андрусовѣ постановленію, польскій король вскорѣ высылаетъ въ Москву полномочныхъ пословъ Яна Гнинскаго, Павла Бростовскаго и Александра Котовича для приве-

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 41 ст. 165, 167—168, 170—171.

²⁾ Ibid. т. VIII, № 49 стр. 163—письмо Лазаря Барановича къ государю.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. Прик. Кн. № 5, лл. 740, 746—756; Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1670 г. № 33.

⁴⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Польск. 1671 г. № 7 переговоры Ордина-Нащокина съ Чихровскимъ.

денія въ совершеніе неисполненныхъ еще статей Андрусовскаго договора и для присутствія при подтвержденіи всѣхъ прежнихъ договоровъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Далѣе, Чихровскій отъ имени короля спросилъ, кто назначенъ отъ великаго государя полномочнымъ посломъ въ Польшу. На этотъ запросъ Ординъ-Нащокинъ отвѣтилъ, что, доложивъ о томъ великому государю, дастъ отвѣтъ, но ему не пришлось уже болѣе вести переговоры съ польскимъ посланникомъ.

Во время переговоровъ въ Посольскомъ приказѣ Чихровскій сказалъ Ордину-Нащокину о негодованіи короля и всей Рѣчи Посполитой по поводу безнаказанности шляхтича Владислава Куроша. Этотъ Курошъ, смолянинъ, русскій подданный, состоявшій при свитѣ Ордина-Нащокина въ Мигновичахъ во время посольской комиссіи 1669—1670 гг., убилъ въ присутствіи польскихъ комиссаровъ одного поляка за то, что онъ дурно отзывался о смоленскомъ воеводѣ, бояринѣ князѣ И. А. Хованскомъ, который не пожелалъ по письму Ордина-Нащокина возвратить поляку отобранный у него въ Смоленскѣ товаръ ¹⁾. Возмущенные этимъ убійствомъ, польскіе комиссары требовали выдачи Куроша для управы надъ нимъ и Ординъ-Нащокинъ неоднократно писалъ о томъ въ Москву. Ходатайствовалъ ли за Куроша Хованскій, врагъ Ордина-Нащокина ²⁾, или по другой причинѣ, только шляхтичъ выданъ комиссарамъ не былъ и Ординъ-Нащокинъ, велѣдствіе присланнаго изъ Москвы указа объявилъ полякамъ, что дѣло Куроша будетъ разсмотрѣно тогда, когда изъ Польши присланы будутъ въ Москву полномочные послы для подтвержденія договоровъ.

На запросъ Чихровскаго о Курошѣ Ординъ-Нащокинъ отвѣтилъ, что относительно него новаго указа государева не состоялось и что дѣло его будетъ разбираться тогда, когда въ Москву пріѣдутъ польскіе полномочные послы. Польскій посланникъ не былъ удовлетворенъ этимъ отвѣтомъ и требовалъ выдачи Куроша. По этому поводу начальнику Посольскаго приказа пришлось докладывать государю, причемъ, вѣроятно, онъ повторилъ уже много разъ высказан-

¹⁾ Ibid. Польск. Стат. Списки № 128—Отписка Ордина-Нащокина къ государю отъ 24 янв. 1670 г. Ординъ-Нащокинъ писалъ къ Хованскому по требованію польскихъ комиссаровъ.

²⁾ Сравни. Дополн. къ Акт. Историч. т. V, № 1, стр. 87; *Соловьева*, Ист. Россіи, т. XII, изд. 1862 г. стр. 348.

ныя имъ жалобы на то, что враги его, изъ личной къ нему ненависти, вредятъ государственнѣмъ дѣламъ и что лучше было бы его, ненавидимаго, откинуть отъ дѣлъ. Надо полагать, что именно такія жалобы побудили государя воспользоваться представившимся благовиднымъ предлогомъ освободить Ордина-Нащокина отъ управленія Посольскимъ приказомъ, безъ полнаго „отпуска отъ государственныхъ дѣлъ“, о чемъ просилъ за два мѣсяца передъ тѣмъ самъ Аванасій Лаврентьевичъ. Дѣло въ томъ, что Чихровский, назвавъ имена назначенныхъ въ Москву польскихъ пословъ, настоятельно требовалъ, чтобы ему объявлено было, кто назначенъ будетъ изъ Москвы великимъ и полномочнымъ посломъ въ Польшу для присутствованія при подтвержденіи договоровъ кородемъ польскимъ и для приведенія въ совершеніе еще неисполненныхъ статей этихъ договоровъ.

Необходимо было немедленно назначить великихъ и полномочныхъ пословъ и государь указалъ быть посломъ Ордину-Нащокину; это назначеніе казалось тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что давало возможность узнать, насколько дѣйствительны тѣ мѣры, которыя предлагалъ онъ для *постепеннаго* исправленія Андрусовскаго договора. Присутствіе при клятвенномъ подтвержденіи польскимъ кородемъ прежнихъ договоровъ было второстепенною цѣлью посольства; такъ какъ Чихровский сообщилъ въ Москвѣ, что турки угрожаютъ войною Польшѣ и отъ имени короля просилъ совѣта о томъ, какъ бы недопустить бусурманъ до овладѣнія Украиною, то Ординъ-Нащокинъ долженъ былъ указать польскому правительству тотъ способъ недопустить турокъ въ Украину, который былъ изложенъ въ его докладѣ отъ 28 ноября 1670 г., и не только указать, но даже настоять на томъ, чтобы способъ этотъ былъ испытанъ.

Такъ какъ переговоры Ордина-Нащокина съ польскимъ правительствомъ должны были затронуть нѣкоторыя статьи Андрусовскаго перемирнаго и Московскаго союзнаго договоровъ, то рѣшено было отправить его въ Польшу немедленно, „упреждая“ отпускъ изъ Варшавы тѣхъ пословъ, которые должны были присутствовать при подтвержденіи царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ прежнихъ договоровъ. На него возлагалась нелегкая задача убѣдить польское правительство въ томъ, что Кіевъ для предупрежденія войны съ турками долженъ быть оставленъ во владѣніи Московскаго государства и что объ этомъ слѣдуетъ упомянуть въ наказѣ посламъ, которые посланы будутъ изъ Варшавы въ Москву.

Будучи назначенъ великимъ и полномочнымъ посломъ въ Польшу, Ординъ-Нащокинъ былъ освобожденъ отъ управления Посольскимъ приказомъ. 22-го февраля 1671 г. „по указу великаго государя велѣно быть въ Посольскомъ приказѣ думному дворянину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву да дьяку Григорью Богданову да Ивану Патрикову да Якову Поздышеву“¹⁾. Это назначеніе Матвѣева состоялось ровно черезъ мѣсяць послѣ того, какъ воспитанница его Наталья Кирпильевна сдѣлалась супругою царя Алексѣя Михайловича²⁾. Два дня спустя послѣ назначенія своего на мѣсто Ордина-Нащокина, новый начальникъ Посольскаго приказа доложилъ государю: „указалъ великій государь послать къ польскому королю грамоту объ отпускѣ въ Польшу великихъ и полномочныхъ пословъ боярина Аванасья Лаврентьевича Ордина-Нащокина съ товарищи и въ великаго государя грамотѣ его боярское имя какъ написать? А какъ онъ, бояринъ, сидѣлъ въ Посольскомъ приказѣ и писался въ великаго государя грамотахъ въ окрестные государства: „великаго государя его царскаго величества великій и полномочный посолъ, царскіе большіе печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель, бояринъ и намѣстникъ шацкій Аванасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ“. Того же числа великій государь указалъ боярину Аванасью Лаврентьевичу Ордину-Нащокину, будучи въ посольствѣ, писаться намѣстникомъ шацкимъ, а „царскіе большіе печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателемъ“ не писаться³⁾.

Проектъ грамоты государевой къ польскому королю съ увѣдомленіемъ о назначенія въ Польшу посломъ Ордина-Нащокина и о скоромъ его отпускѣ былъ изготовленъ въ Посольскомъ приказѣ немедленно послѣ того, какъ состоялся указъ государевъ о назначенія посла. 28-го февраля проектъ грамоты былъ представленъ государю и „той грамоты великій государь слушалъ съ бояры въ столовой палатѣ и указалъ великій государь написать боярина Аванасья Лаврентьевича ближнимъ бояриномъ“⁴⁾.

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Польск. 1671 г. № 10.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. Прик. Кн. № 9, лл. 430—434.

³⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Польск. № 11; Польск. Стат. Списки № 137.

⁴⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Польск. 1671 г. № 12, Польск. Стат. Списки № 137, л. 7ма об. Изъ цитуемаго здѣсь документа ясно, что „ближнимъ бояриномъ“ указано было писать А. Л. Ордина-Нащокина не ранѣе 28-го февраля 1671 г. и, дѣйствительно, въ актахъ, которые относятся къ

Когда уже состоялся указъ о скоромъ отпускѣ великаго посольства въ Польшу, Ординъ-Нащокинъ подалъ государю обширный докладъ ¹⁾ о цѣляхъ посольства и о средствахъ къ ихъ осуществленію. Обстоятельства сложились такъ, что это былъ послѣдній докладъ Ордина-Нащоккина государю. Начало доклада заключаетъ въ себѣ упрекъ за то, что въ теченіе года, прошедшаго со времени возвращенія Ордина-Нащоккина изъ Андрусова, ничего не было сдѣлано „по его многимъ докладамъ и неотступному доношенію о всякомъ промыслѣ въ Украинѣ, чтобы царству Московскому ни въ чемъ поврежденія не было, но я паче къ расширенію и прибыли“. Далѣе, Ординъ-Нащокинъ высказываетъ радость по поводу того, что „Господь наставилъ Помазаника Своего на истинный путь“, такъ какъ назначенное въ Польшу посольство „совѣтомъ христіанскимъ можетъ задержать войну турецкую“, которая угрожаетъ христіанскимъ государствамъ только потому, что „украинскіе народы склоняются къ турку, не имѣя истиннаго обнадеживанія, гдѣ искать помощи отъ насилія ляцкаго въ вѣрѣ и нанпаче болѣзнуя о Кіевѣ“. Для того, чтобы можно было достигнуть въ переговорахъ объ „украинскихъ народахъ“ сколько-нибудь благоприятныхъ результатовъ, посольство должно быть отпущено въ Польшу немедленно, а изъ Посольскаго приказа слѣдуетъ выдать послу по его требованію всѣ нужныя ему „государственныя дѣла“. Кромѣ наказа и указныхъ статей необходимо дать послу государевы грамоты къ римскому императору и къ

1667—1671 гг. и въ которыхъ упоминается А. Л. Ординъ-Нащокинъ, онъ именуется „бояриномъ“, а не „ближнимъ бояриномъ“ (ср., напр. Дополн. Акт. Истор. т. V, № 1, стр. 37). Проф. Иконниковъ въ статьѣ своей „Ближній бояринъ А. Л. Ординъ-Нащокинъ“ (*Русск. Старина* за 1888 г. № 10, стр. 52) слѣдуетъ ошибочному показанію статьи Малиновскаго („Біографическія свѣдѣнія о первомъ въ Россіи канцлерѣ бояринѣ А. Л. Ординѣ-Нащокинѣ“ въ „Трудахъ и Лѣтописяхъ Общ. Исторіи Древн. Росс.“, ч. VI, стр. 181) и полагаетъ, что Ординъ-Нащокинъ „пожалованъ былъ чиномъ ближняго боярина“ еще въ 1667 г., до того, какъ „получилъ въ управленіе Посольскій Приказъ“, немедленно послѣ заключенія Андрусовскаго перемирія. Ошибку Малиновскаго повторяетъ и Терещенко (Опытъ описанія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, стр. 52), но Берхъ, писавшій одновременно съ Малиновскимъ („Новоселье“, 1838 г. ч. I, стр. 523 и 529), Соловьевъ (Исторія Россіи, т. XII, изд. 1862 г. стр. 63), Медовиковъ („Объ историческомъ значеніи царств. Алексѣя Михайловича, стр. 168) и другіе писатели, слѣдуя современнымъ Ордину-Нащокину документамъ (ср. Древн. Росс. Выписе. т. XX, стр. 119), полагаютъ, что въ 1667 г. Ординъ-Нащокинъ именовался „бояриномъ“, а не „ближнимъ бояриномъ“.

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣл, Дѣла Польск. 1671 г. № 11.

султану турецкому, чтобы въ случаѣ необходимости можно было „для скорого промыслу“ войти въ сношенія съ этими государями „безъ обсылки“ съ Москвою.

Добиваясь права самостоятельно сноситься во время пребывания въ Польшѣ съ римскимъ императоромъ и съ турецкимъ султаномъ, Ординъ-Нащокинъ просилъ также разрѣшенія осуществить, въ случаѣ согласія на то польскаго правительства, проектъ посольскаго съѣзда въ Малороссіи, предложенный Дорошенкомъ въ письмѣ, которое было имъ прислано въ Андрусово, вслѣдствіе воззваній московскаго посла и польскихъ комиссаровъ. Въ письмѣ этомъ Дорошенко увѣрялъ, что для успокоенія Малороссіи необходимо устроить въ Кіевѣ съѣздъ польскихъ и московскихъ комиссаровъ съ участіемъ выборныхъ изъ Малороссіи. Ординъ-Нащокинъ добивался разрѣшенія отправиться на такой съѣздъ, хотя еще въ декабрѣ 1669 г. ему объявленъ былъ въ Мигновичахъ государевъ указъ устраивать посольскіе съѣзды впредь только въ Андрусовѣ и въ ближнихъ къ нему мѣстахъ, а отнюдь не въ Кіевѣ или какомъ-либо другомъ малороссійскомъ городѣ. Основываясь на предложеніяхъ, заключавшихся въ письмѣ Дорошенка ¹⁾. Ординъ-Нащокинъ позволилъ себѣ даже наекнуть въ своемъ докладѣ на возможность возвращенія полякамъ Кіева, правда, подъ условіемъ предоставленія московскому государю права заботиться о неприкосновенности православія въ Польско-Литовскомъ государствѣ ²⁾.

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 22, стр. 96—97: „не тайно и сіе намъ, полномочнымъ посломъ: яко егда Кіевъ объять держава его царскаго величества, тогда костелы римскіе были, ихъ же власти отъ его царск. вел. разорити повелѣша и егда подъ государствованіе его корол. величества тотъ градъ приведесть, дабы церквамъ Божиимъ себѣ возвращати не насилувано, прежде времени вамъ оберегати достоять.

²⁾ Въ виду особенной важности этой части доклада приводимъ ее въ подлинникъ: „А захочеть Украина о Кіеве во удержаніи быть подъ его цѣскаго величества рукою во всякомъ обереженіи и какъ у нихъ въ писмѣ въявлено, что Кіевъ со всею скѣтнею і они свои головы поддали его цѣскому величеству в оборону и чтобы разорванія у цѣства московскаго съ королевствомъ полскимъ в миру ни за что нѣбыло, а украинскіе народы королю и всему н^х г^хд^хству в послушанія склонятца, однако не хотя отбыть своего обещанія учну^х мѣти просити у его цѣскаго величества, чтобы в вѣре і во всемъ полскомъ о^х насилуванія адержаніи на свою г^хрскую особу принялъ, а Кіевомъ владѣть королевству полскому, а воеводе его цѣскаго величества въ Кіеве быть не похотят и *такое утшер-*

Еще въ одномъ изъ тѣхъ своихъ докладовъ, которые посланы были государю въ маѣ 1669 г., Ординъ-Нащокинъ настаивалъ на томъ, что для московскаго правительства весьма важно приобрести право постоянного вмѣшательства во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой, такъ какъ, обладая такимъ правомъ, московскій государь можетъ современемъ воссоединить съ Великою Россіей не только Кіевъ, если его придется отдать по Андрусовскому договору. но и всю западную Малороссію. Такъ могъ писать Ординъ-Нащокинъ, хотя уже не *оберегатель* посольскихъ дѣлъ, но все же авторъ Андрусовскаго договора, еще въ октябрѣ 1669 г. считавшій необходимымъ признать передъ польскими комиссарами право польскаго правительства требовать возвращенія Кіева, если возвращены будутъ Московскому государству захваченные Дорошенкомъ въ лѣвобережной Малороссіи многочисленныя города ¹⁾. Еще настоятельными могли требовать поляки Кіева въ 1671 г., когда вся лѣвобережная Малороссія уже добила челомъ великому государю ²⁾. Но могъ ли равнодушно выслушивать царь Алексѣй Михайловичъ предложеніе о возвращеніи Кіева послѣ того, какъ онъ самъ неоднократно въ торжественной обстановкѣ, „своими праведными усты“ ³⁾ заявлялъ представителямъ малороссійскихъ жителей, что Кіевъ полякамъ отданъ не будетъ?

Изложивъ всѣ тѣ требованія, исполненіе которыхъ необходимо было для успѣшнаго веденія переговоровъ, Ординъ-Нащокинъ не забылъ въ своемъ докладѣ и самого себя. Онъ требовалъ, чтобы всѣ его прежнія службы были „въ палатѣ выслушаны и въ Посольскомъ приказѣ записаны, чтобы отъ напраснаго розголошенія въ народахъ“ родственники его и особенно сынъ его, отъ напрасныхъ укоризнъ не терпѣли и отъ милости государской отриновены не были, а клеветникамъ было бы не повадно впредь безъ вины „гонить“. Для пре-

женіе становится ^м ли, *и в конце приводит* ^м ли *чтобъ спредь постоянно и обрѣженіемъ* ^м *обонкъ і дрствъ ни за что* ^б *в Украине успокоеніе между народы разорвано имбыло.* *А сие болыюю нов дѣло,* *аще воля его восхоцеть смотря по времени до шбыски* *турские въ украине надобно учинить,* *а уже бы с ту* ^р *комъ о сылка и умирение* *становить, учинивъ прежде въ Украине, крѣпко и надежно* ^б *были, потому что* *и* *Поше уже то постановленное дѣло, что тамъ комисія есть“.*

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣл, Польск. Стат. Списки №№ 128 и 123.

²⁾ Ср. *Костомарова*, Историч. Моногр. и Исслѣд. Т. XV, изд. 1882 г. стр. 303.

³⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣл, Дѣла Малоросс. 1670 г. № 33, Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. Прик. Кн. № 5, лл. 740 вѣд., 746—756.

дупреждения такихъ гоненій на себя и своего сына, Ординъ-Нащокинъ требовалъ суда надъ собою государскаго и наказанія, если въ чемъ-нибудь провинился, „а безъ праведнаго суда“, писалъ онъ, „въ той посольской службѣ подь смертью быть невозможно“ ¹⁾.

Подъ ложными „разголошеніями въ народахъ“ Ординъ-Нащокинъ, несомнѣнно, подразумѣвалъ дважды распускавшіеся про него въ Малороссіи (въ 1667 и въ 1669 гг.) ложные слухи, благодаря которымъ, какъ впоследствии малороссіяне доносили государю, въ 1668 г. произошло возстаніе Брюховецкаго, а въ 1669 г. едва не вспыхнула такая же смута. Но въ то время, какъ Ординъ-Нащокинъ требовалъ суда, чтобы доказать лживость возводимыхъ на него обвиненій, „отринувшихъ“ его отъ милости государевой, поступила на него жалоба отъ гетмана Многогрѣшнаго, который сдѣлался его врагомъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ послалъ въ 1669 г. въ Малороссію Крыжевскаго и при этомъ совершенно не обратилъ вниманія на лѣвобережнаго гетмана. Новая жалоба Многогрѣшнаго вызвана была слѣдующимъ обстоятельствомъ: шляхтичъ Иванъ Лубенка, пріѣхавшій въ 1669 г. къ Ордину-Нащокину съ предложеніемъ услугъ Тукальскаго и оставшійся затѣмъ на службѣ у начальника Посольскаго приказа, посланъ былъ, если вѣрить его показанію, 6-го января 1671 г. Ординымъ-Нащокинымъ къ находившемуся тогда въ Москвѣ посланцу Многогрѣшнаго Исаю Андрееву для провѣдыванія вѣстей ²⁾. Разговорившись съ гетманскимъ посланцемъ, Лубенка сказалъ ему, что если

¹⁾ Позволимъ себѣ привести въ подлинникѣ и эту весьма примѣчательную часть доклада: „а по мѣтивому его великаго гдѣря указу какъ мнѣ Афонке в послѣ^х сказано быти и пѣе бы мѣть его цѣскаго величества въ шпускѣ моемъ для ево гдѣрскаго дѣла испо^а нила^с, прежнее мои службишка короткимъ о^б явленіемъ выслушени въ полате и в посолскомъ приказе записаны были, чтобы отъ напраснаго разголошениа в народахъ, чему я невпнень, родителемъ моимъ и сибинку моему напраны^х по мнѣ укоряныя не терпѣтъ и о^т мѣти государскіе бе^в вини о^т рипоненіемъ не быти и клеветникомъ впре^а бы гошнть бе^в вини не пова^ано было, а естли моя хитростная вина предъ судомъ государскимъ обличитца, достоинъ наказан^а быти, а тѣ^м бы наказаніемъ иные во исправленіе пришли и научились добро творить; а безъ праведнаго суда в то^а посолской службѣ подь смертью быть невозможно. И о томъ какъ великому гдѣрю цѣю и великому кѣзю Алегѣю Михайловичю всея великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу Мѣтивый Бѣ о мнѣ беззаступномъ и веститъ“.

²⁾ Дѣло Лубенки см. Моск. Арх. Мня. Юст. Малоросс. Прик., кн. № 9, лл. 602—613.

ихъ гетманъ не позаботится, то быть у нихъ уни, такъ какъ униаты начали уже прѣзжать въ Смоленскъ, гдѣ правительство московское намѣрено будто бы уступить имъ одинъ монастырь. Когда Андреевъ спросилъ Лубенку, откуда онъ все это знаетъ, шляхтичъ отвѣтилъ, что собственными глазами видѣлъ у боярина Аванасія Лаврентьевича письма о томъ отъ Тукальскаго и Гизеля.

Возвратившись въ Малороссію, Андреевъ передалъ Многогрѣшному о словахъ Лубенки и гетманъ поспѣшилъ послать великому государю жалобу на то, что люди Ордина-Нащокина распускають по Малороссіи слухи, отъ которыхъ можетъ возобновиться въ странѣ смута, такъ какъ не только простые малороссіяне, но и „онъ, гетманъ, по тѣмъ словамъ того человѣка Аванасья Лаврентьевича опасенъ, чтобы царское величество не изволилъ ихъ отдать въ сторону королевскаго величества“. Жалоба Многогрѣшнаго получена была въ Москвѣ 5-го марта 1671 г. и слѣдствіе по этой жалобѣ повелѣно было вести новому начальнику Посольскаго приказа А. С. Матвѣеву. Начались крайне тягостные для Ордина-Нащокина допросы и очныя ставки, причиною которыхъ не столько было стараніе изобличить Лубенку, сколько желаніе выяснить, дѣйствительно ли бывший начальникъ Посольскаго приказа показывалъ этому шляхтичу секретныя бумаги. Еще въ 1669 г. противъ Ордина-Нащокина, вслѣдствіе жалобы одного изъ вліятельнѣйшихъ въ Малороссіи лицъ — Гизеля, возбуждено было подобное обвиненіе и въ то время начальникъ Посольскаго приказа объявилъ этотъ извѣтъ ложнымъ и даже сказалъ: „въ такомъ извѣтѣ по очной ставкѣ въ чемъ Московскому государству убыль учинилъ, радъ пристойно правдѣ смертью розняться, чтобы мною ненавидимымъ воровство и нерадѣніе искоренились въ Посольскомъ Приказѣ“¹⁾.

Когда началось дѣло Лубенки, опять выставлено было противъ Ордина-Нащокина обвиненіе въ томъ, что онъ не хранилъ въ тайнѣ писемъ Гизеля. Самъ государь допрашивалъ его о сношеніяхъ его съ Тукальскимъ²⁾ и 8-го марта 1671 г. бояринъ „подалъ“ царю Алексѣю Михайловичу письмо Тукальскаго, отъ 9-го августа 1670 г.³⁾, содержав-

¹⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XII, изд. 1862 г., стр. 68.

²⁾ 8 го марта Матвѣевъ допрашивалъ Лубенку, а того же числа происходила бесѣда государя съ Ординымъ-Нащокинымъ о его сношеніяхъ съ Тукальскимъ (Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. Прик., кп. № 9, л. 613).

³⁾ Можетъ быть, Ординъ-Нащокинъ „подалъ“ и другіе документы, но къ „дѣлу“ приобщено было только это письмо.

шее жалобы на упадокъ православія въ Литвѣ. Такимъ образомъ выяснилось, что болтовня Лубенки была не совсѣмъ безосновательна и что находившійся на службѣ у Ордина-Нащокина „иноземецъ“ видѣлъ секретныя бумаги ¹⁾, тѣмъ не менѣе передъ Многогрѣшнымъ опять, какъ и въ 1669 г., старались оправдать Аванасія Лаврентьевича. 12-го марта 1671 г. послана была къ гетману государева грамота, въ которой писали, что, какъ по розыску оказалось, плевелосѣятельныя рѣчи говорилъ Андрею „не боярина Аванасія Лаврентьевича человекъ, а иноземецъ Ивашка Лубенка, который за свое воровство битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь“. Самого Многогрѣшнаго удостоили милостивою государевою похвалою за его извѣтъ о „плевелосѣятельныхъ рѣчахъ“. Но въ Москвѣ знали, что Лубенка дѣйствительно служилъ у Ордина-Нащокина, что бояринъ посылалъ его къ малороссійскому посланцу помимо Малороссійскаго приказа въ вѣдѣніи котораго были всѣ прѣзжавшія отъ гетмана лица; поэтому Лубенка не былъ такъ строго наказанъ, какъ объ этомъ писали Многогрѣшному.

Дѣло бывшаго на службѣ у Ордина-Нащокина шляхтича было, очевидно, намѣренно раздуть, передано на разсмотрѣніе Боярской Думы и рѣшено только три дня спустя послѣ того, какъ послана была къ Многогрѣшному похвала за его извѣтъ. 15-го марта 1671 г. „великій государь указалъ и бояре приговорили шляхтича отослать въ Сибирскій приказъ, а изъ Сибирскаго приказа сослать въ Сибирь, въ который городъ пригоже и съ женою его и написать его въ службу и давать ему кормъ по гривнѣ на день“ ²⁾, о кнутѣ вовсе упомянуто не было; очевидно главнымъ виновникомъ плевелосѣятельныхъ рѣчей, опять проникшихъ въ Малороссію, считали самого Ордина-Нащокина и это, надс полагать, содѣйствовало до нѣкоторой степени усиленію того дурнаго впечатлѣнія, которое должны были произвести на государя многочисленныя требованія и притязанія, заключавшіяся въ докладѣ бывшаго начальника Посольскаго приказа по поводу назначенія его посломъ въ Польшу. Черезъ пять дней послѣ разсмотрѣнія въ Боярской Думѣ дѣла Лубенки, 20-го марта 1671 г. отмѣненъ

¹⁾ Спустя мѣсяцъ послѣ того, какъ рѣшено было дѣло Лубенки, Тукальскій прислалъ въ Москву жалобу на то, что письма, посланныя имъ въ Москву „объявились“ у враговъ его поляковъ (Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 93, ст. 393).

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. прик., вв. № 9, л. 613.

былъ состоявшійся въ концѣ февраля указъ о немедленномъ отправленіи въ Польшу Ордина-Нащокина въ качествѣ великаго и полномочнаго посла; вмѣсто него указано было отправиться въ Польшу товарищу его по посольству думному дворянину Ив. Ив. Чаадаеву ¹⁾.

Съ отправленіемъ въ Польшу Чаадаева не освобождался отъ посольства и Ординъ-Нащокинъ, мѣнялось только мѣсто веденія порученныхъ ему переговоровъ. Дѣло въ томъ, что Чаадаеву вовсе не было поручено вести въ Варшавѣ переговоры, онъ долженъ былъ только сообщить польскому правительству, что тѣ переговоры, которые поручено вести ближнему боярину Ордину-Нащокину, будутъ имѣть мѣсто не въ Варшавѣ, какъ объ этомъ было писано въ государственной къ королю грамотѣ отъ 28-го февраля 1671 г., а на рубежѣ обоихъ государствъ, въ Андрусовѣ, куда Ординъ-Нащокинъ вскорѣ отправится и куда приглашаются прибыть до отъѣзда своего въ Москву тѣ послы, скорый отъездъ которыхъ изъ Варшавы былъ возвѣщенъ Чихровскимъ; посламъ этимъ должна быть дана полная мочь для переговоровъ съ Ординымъ-Нащокинымъ относительно Дорошенка и Малороссіи. Перенесеніе переговоровъ изъ Варшавы на русскій рубежъ, подъ Смоленскъ можетъ быть объяснено только внезапно усилившимся недоувѣріемъ московскаго правительства къ своему полномочному послу; при веденіи переговоровъ на рубежѣ и на недалекомъ сравнительно разстояніи отъ Москвы была полная возможность центральному правительству слѣдить за ходомъ переговоровъ, приостановить въ случаѣ необходимости ихъ веденіе, наконецъ, отозвать самого посла или замѣнить его другимъ лицомъ, если бы оказалось, что переговоры ведутся слишкомъ самостоятельно,—между тѣмъ какъ сношенія Москвы съ посломъ, находящимся въ Варшавѣ, были въ полной зависимости отъ польскаго правительства.

Предлагая польскому королю поручить назначеннымъ въ Москву посламъ вести въ Андрусовѣ переговоры съ Ординымъ-Нащокинымъ, московское правительство нарушало ²⁾ заключенный тѣмъ же дипло-

¹⁾ Свѣдѣнія о посольствѣ Чаадаева взяты изъ его статейнаго списка (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣл, Польск. Стат. Сл. № 138.

²⁾ Посольскій Приказъ хорошо зналъ, что отправленіе въ Польшу великихъ пословъ, „упреждая“ отъездъ польскихъ пословъ, а также новые переговоры въ Андрусовѣ представляютъ собою нарушеніе андрусовскаго договора 7-го марта 1670 г. Поэтому жильцу Борису Леонтьеву, посланному къ королю съ государственною грамотою отъ 28-го февраля 1671 г., Матвѣевъ поручилъ узнать въ Польшѣ, не считаютъ ли тамъ образъ дѣйствій московскаго правительства противнымъ

матомъ 7-го марта 1670 г. договоръ, по которому эти послы не должны были вести на рубежѣ никакихъ переговоровъ, а отправиться прямо въ Москву, присутствовать тамъ при подтвержденіи государемъ прежнихъ договоровъ и „привести въ совершеніе“ неисполненныя еще статьи этихъ договоровъ. Чтобы оправдать необходимость какихъ то новыхъ переговоровъ послѣ продолжительнаго посольскаго сѣзда 1669—1670 гг., московское правительство поручило Чаадаеву сообщить въ Варшаву о томъ, что гетманъ Многогрѣшный довелъ до свѣдѣнія царя Алексѣя Михайловича о направленныхъ противъ короля польскаго Миханла сношеніяхъ Дорошенка съ Яномъ Собѣскимъ; такими дѣйствіями Собѣскаго и Дорошенка вызывалась, по мнѣнію московскаго правительства, необходимость „обновить“ союзъ новыми статьями между Московскимъ и Польскимъ государствами, для чего и были нужны переговоры въ Андрусовѣ. Но въ Москвѣ хорошо понимали, что представленное польскому правительству доказательство необходимости новаго посольскаго сѣзда мало убѣдительно. Скоро случай представилъ болѣе благовидный, повидимому, предлогъ требовать переговоровъ о „новыхъ нѣкакихъ дѣлахъ“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъезда Чаадаева въ Польшу, 19-го апрѣля 1671 г. прибылъ въ Москву македонскій архіепископъ Манассія съ порученіемъ отъ Дорошенка бить челомъ великому государю, чтобы онъ соизволилъ принять его, Дорошенка, и всю западную Малороссію подъ свою высокую руку, „потому что церковь Божія и народъ ихъ православной отъ поляковъ имѣеть утѣсненіе и великое гоненіе и для того принуждены они и агарянину поддаться на время; а если великій государь принять ихъ подъ свою высокую руку не изволилъ,—и онъ бы изволилъ съ ними полскаго короля помирить, чтобъ поляки никакихъ имъ тягостей не чинили“¹⁾. Хотя Манассія передалъ въ Москвѣ эту просьбу отъ имени одного только Дорошенка и представилъ нисьмо²⁾, написанное тоже отъ имени одного Дорошенка, однако Посольскій приказъ успѣшилъ извлечь изъ этого посольства пользу и облегчить при его помощи исполненіе даннаго Чаадаеву порученія. Немедленно къ отпущенному уже въ

договору. Опасенія Матвѣева оправдались: король Миханлъ (въ грамотѣ отъ 9-го мая 1671 г.) далъ знать, что будетъ строго держаться договора 7-го марта 1670 г. (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Польск. 1671 г. № 12, Польск. Стат. Списки, № 137).

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 93, ст. 390—391.

²⁾ Ibid. № 94, ст. 393—397.

Польшу посланнику отправлена была государева грамота съ указомъ объявить польскому правительству о просьбѣ Дорошенка, которой при этомъ старались придать значеніе крупнаго политическаго событія.

Въ посланной къ Чаадаеву государевой грамотѣ писали: „какъ будете у пановъ радъ въ отвѣтѣ и вы имъ скажите, что отъ насъ, великаго государя, писано къ вамъ черезъ почту: по отпускѣ вашему отъ насъ присылалъ къ намъ, великому государю, тое стороны гетманъ Петръ Дорошенко и полковники и всякою чину старшина и чернь ¹⁾, бьючи челомъ, чтобы мы, великій государь, наше царское величество, для единныя православныя христіанскіе вѣры ихъ пожаловали, велѣли принять подъ нашу царскаго величества высокую руку въ подданство для того, что въ сторонѣ королевскаго величества греческой вѣры учало быть юненіе и къ униіи притѣсненіе великое и многіе церкви обращены въ костелы и въ униатскіе церкви и вольности ихъ отъ королевскаго величества и Рѣчи Посполитой нарушены и чтобъ гетману и всему посольству надежно было отъ подданства салтана турецкаго отлучиться и ко истинѣ обратиться“ ²⁾. Такимъ образомъ Посольскій приказъ приписывалъ Дорошенку и всему посольству такія слова, какихъ не было въ заявленіи Манассіи, ни въ письмѣ Дорошенка и, умалчивая о согласіи чигиринскаго гетмана въ крайнемъ случаѣ помириться съ поляками, какъ бы, указывалъ польскому правительству средство избавиться отъ войны съ турками за Украйну: уступить эту страну московскому государю.

Матвѣевъ еще не рѣшался открыто нарушать Андрусовскій перемирный договоръ и прямо предлагать польскому правительству, чтобы оно уступило западную Малороссію Москвѣ. Чаадаеву поручили даже заявить въ Варшавѣ, что „великій государь, остерегаячи Андрусовскіе договоры, велѣлъ гетману Дорошенку и всему посольству сказать, чтобы они отъ турецкаго салтана отъ подданства отвратились, а были бы въ подданствѣ у государя ихъ, у королевскаго

¹⁾ О „полковникахъ, всякаго чину старшинѣ и черни“ нѣтъ упоминанія ни въ письмѣ Дорошенка, ни въ заявленіи Манассіи.

²⁾ Такъ краснорѣчиво изложилъ Посольскій приказъ слѣдующее краткое заявленіе Манассіи: „потому что церковь Божія и народъ ихъ православной отъ поляковъ имѣетъ утѣсненіе и великое гоненіе и для того принуждены они и агарянину поддаться на время“. Грамота къ Чаадаеву послана была 4-го мая 1671 г. (Москов. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣл., Польск. Стат. Списки, № 198, л. 448).

величества, какъ написано о томъ въ Андрусовскомъ договорѣ¹⁾, но въ то же время Чаадаевъ долженъ былъ сообщить польскому правительству о желаніи царя Алексѣя Михайловича, „чтобы тѣмъ посламъ, которые вскорѣ посланы будутъ отъ короля, дана была полная мочь о томъ Дорошенковѣ отъ турецкаго подданства отлученіи съ царскаго величества полномочными послами договоръ и постановленіе учинить пристойное“²⁾. Въ то время какъ Чаадаеву писали въ столь неопредѣленныхъ выраженіяхъ объ этомъ „договорѣ и постановленіи пристойномъ“, Посольскій приказъ уже совершенно точно опредѣлялъ, какой для Московскаго государства договоръ будетъ пристойнымъ: великій посолъ долженъ былъ домогаться на. посольскомъ съѣздѣ, „чтобы королевское величество и Рѣчь Посполитая Дорошенка со всѣми города поволили принять великому государю его царскому величеству подъ свою царскаго величества высокую руку въ *вѣчное* подданство для того, чтобы его отъ турецкаго салтана подданства отвратить и тѣмъ бы война и междоусобіе усмирить“³⁾.

Послѣ отправленія къ Чаадаеву государевой грамоты о „Дорошенковѣ подданствѣ“, въ Посольскомъ приказѣ занялись приготовленіями къ отправленію посольства въ Андрусово и составленіемъ наказа великому и полномочному послу ближнему боярину А. Л. Ордину-Нащокину. Что касается вопроса о снабженіи посольства достаточными матеріальными средствами, то въ этомъ отношеніи требованіе, высказанное въ докладѣ Ордина-Нащокина было исполнено: для посольскихъ съѣздовъ ему назначено было жалованіе: 1000 руб. деньгами, на 500 руб. соболей (всего на наши деньги около 25.000 руб.) и кромѣ того всякіе „запасы и кормъ съ дворцовъ“; соотвѣтствующее жалованье назначено было всѣмъ состоявшимъ при послѣ лицамъ; указъ о жалованьѣ Ордину-Нащокину состоялся 16-го мая 1671 г.⁴⁾; позаботились также о томъ, чтобы при великомъ послѣ была приличная свита: кромѣ назначенныхъ въ товарищи Ордину-Нащокину думнаго дворянина Ив. Ив. Чаадаева⁴⁾, дьяковъ Башмакова и Пощникова, въ посольство зачисленъ былъ цѣлый штатъ подъячихъ и

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. Стат. Списки, № 188, л. 448.

²⁾ Ibid. № 140, лл. 124—125.

³⁾ Ibid. л. 81.

⁴⁾ Чаадаевъ, исполнивъ въ Польшѣ данное ему порученіе, долженъ былъ выѣхать съ польскими послами отправиться въ Андрусово къ Ордину-Нащокину (Ibid. № 188, лл. 450—452).

переводчиковъ; наконецъ, въ распоряженіе Ордина-Нащокина дано было 50 рейтаръ и 100 стрѣльцовъ; объ отпускѣ ихъ послана была грамота въ Смоленскъ къ Хованскому 21-го мая ¹⁾, но, какъ вскорѣ выяснилось, всѣ эти приготовления были сдѣланы напрасно.

Стараясь придать внѣшній блескъ снаряженію великаго посольства, Матвѣевъ при составленіи наказа великому послу призналъ необходимымъ, конечно, по повелѣнію государя, показать Ордину-Нащокину, что всѣ его притязанія на самостоятельное веденіе переговоровъ считаются совершенно неумѣстными. Въ докладѣ своемъ Ординъ-Нащокинъ требовалъ разрѣшенія посылать „для скорого промысла безъ обсылки“ съ Москвою грамоты къ Римскому императору и къ султану Турецкому; въ отвѣтъ на это требованіе въ наказѣ ²⁾

¹⁾ Ibid. № 140, л. 40.

²⁾ Акты Южи. и Зап. Россіи т. IX, № 90, ст. 363 — 383. Редакція IX т. „Актовъ“ (Н. И. Костомаровъ) относитъ этотъ документъ къ концу марта 1671 г., но легко доказать, что такая дата наказа совершенно невѣрна. Въ этомъ наказѣ упоминается о томъ, что Чаадаеву дано было знать о посольствѣ Дорошенка къ государю съ челобитьемъ о подданствѣ. Грамота объ этомъ Чаадаеву была послана 4-го мая 1671 года (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣл. Польск. Стат. Списки, № 138, л. 448). Слѣдовательно, наказъ составленъ не въ концѣ марта, а не раньше первой половины мая и не позже послѣднихъ чиселъ іюня, такъ какъ 2-го іюля Ординъ-Нащокинъ былъ уже окончательно отставленъ отъ посольства и на мѣсто его назначенъ В. С. Волынской (Ibid. № 140, л. 45). Далѣе, необходимо выяснитъ, для кого именно былъ составленъ наказъ, напечатанный безъ начала въ IX т. „Актовъ“ подъ № 90? Сличая этотъ наказъ съ сохранившимся въ цѣлости наказомъ Волынскому (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣл. Польск. Стат. Списки, № 140, лл. 95 вѣр.), находимъ между ними много сходства. При сравненіи тѣхъ частей наказа Волынскому, которыя не сходятъ съ соответствующими мѣстами напечатаннаго наказа, обращаетъ на себя вниманіе, между прочимъ, слѣдующее: то мѣсто наказа Волынскому, которое соответствуетъ началу напечатаннаго наказа, написано точно такъ же, но безъ слова *ею*, то-есть въ наказѣ Волынскому читаемъ: „изволилъ послать къ его королевскому величеству своимъ великихъ и полномочныхъ пословъ, ближнего боярина и намѣстника шацкаго Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина“... и далѣе какъ въ напечатанномъ текстѣ до слова „тишинѣ“ (3 строки ниже). Между этимъ словомъ и словами „(А по отпускѣ) того королевскаго...“ въ наказѣ Волынскому сравнительно съ напечатаннымъ наказомъ слѣдуетъ вставка, въ которой говорится, что если польскіе комиссары спросятъ почему приславъ не объявленный въ прежнихъ государевыхъ грамотахъ Ординъ-Нащокинъ, а Волынской, то комиссарамъ сказать въ отвѣтъ: „бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ волею Божіею занемогъ и великій государь за тою его болѣзнию на съѣздъ послать его не изволилъ, а указалъ послать *ею* окольничаго и намѣстника чебоксарскаго Вас. Сем. Волынскаго съ товарищи (Ст. Сп. № 140, л. 110). Изъ этого сопоставленія совершенно ясно, что

написали: „будучи на съѣздѣ, не описався къ великому государю о указѣ, ни о какихъ дѣлехъ турецкому салтану и цесарю римскому... листовъ отъ себя не писать и съ ними ни о чемъ не списываться“; Ординъ-Нащокинъ намекалъ на то, что, быть можетъ, придется возвратить полякамъ Кіевъ, но въ наказѣ заключалось такое повелѣніе: „договариваться о томъ, чтобы Кіеву быть въ сторонѣ царскаго величества до перемирныхъ лѣтъ“. Такимъ образомъ Ордину-Нащокину поручали требовать отъ Гнинскаго и Бростовскаго измѣненія Андрусовскаго перемирнаго договора, за точное соблюденіе котораго московскимъ правительствомъ самъ онъ присягою ручался передъ тѣми же послами годомъ раньше (7-го марта 1670 года).

Въ докладѣ, подданномъ государю Ординымъ-Нащокинымъ по случаю назначенія его великимъ посломъ, заключалось предложеніе „для отлученія украинскихъ народовъ отъ турка“ пригласить выборныхъ изъ Малороссіи на комиссію посольскую; отвѣтомъ на такое предложеніе Ордина-Нащокина была слѣдующая статья составленнаго для него наказа: „на посольство выборныхъ изъ Украины духовныхъ и мірскихъ людей... не призывать и ни въ какіе дѣла, о которыхъ въ семъ наказѣ не написано, не вступать и договору не чинить“. Не довольствуясь этимъ довольно яснымъ запрещеніемъ, составитель наказа черезъ нѣсколько страницъ повторяетъ: „а о иныхъ дѣлехъ, о чемъ въ семъ наказѣ не написано, и польскіе комиссары учнутъ имъ объявлять такіе дѣла вновь, чтобы они великіе и полномочные послы *по вружающей грамотѣ* въ договоръ о тѣхъ дѣлехъ съ ними вступили,—и имъ великимъ и полномочнымъ посломъ ни въ какіе договоры мимо сего наказа съ комиссары отнюдь не вступать и ни о какихъ дѣлехъ не договариваться, а, выслушавъ, писать о томъ къ великому государю, къ его царскому величеству объ указѣ наскоро“.

Но легко было примириться съ такимъ наказомъ, Ордину-Нащокину, который считалъ себя единственнымъ въ Московскомъ государствѣ „промышленникомъ“, умѣющимъ вести дѣло безъ подробнаго наказа¹⁾, и не обращаясь въ Москву за разрѣшеніемъ всякаго возникающаго во время переговоровъ вопроса. Еще не будучи начальникомъ Посольскаго при-

напечатанный наказъ былъ написанъ для Ордина-Нащокина, такъ какъ въ этомъ, напечатанномъ наказѣ передъ именемъ Ордина-Нащокина написано мѣстоименіе *его*, точно такъ же, какъ въ наказѣ Волинскому это мѣстоименіе написано передъ именемъ Волинскаго.

¹⁾ Сравн. *Соловьева*, Исторія Россіи, т. XI, изд. 1870 г., стр. 62.

каза, Ординъ-Нащокинъ обращалъ вниманіе государя на порядки, установленные въ Швеціи, гдѣ никто не отнимаетъ волю у промышленниковъ ¹⁾; сдѣлавшись посольскихъ дѣлъ оберегателемъ, Аонасіей Лаврентьевичъ, отправляясь на посольство, самъ писалъ для себя наказъ ²⁾, тогда какъ составленный Матвѣевымъ наказъ оставлялъ Ордину-Нащокину только громкій титулъ великаго и полномочнаго посла, не предоставляя ему и тѣни самостоятельности; вѣрующая грамота послу оказывалась пустою формальностью. Посольскій приказъ не ограничился тѣмъ, что до крайности стѣснилъ дѣятельность полномочнаго посла, несмотря на то, что онъ требовалъ именно самостоятельности; Ордину-Нащокину напомнили о дѣлѣ Лубенки и объ открывшихся, благодаря этому дѣлу тайныхъ сношеніяхъ съ Тукальскимъ; въ наказъ полномочному послу была включена такая статья: „къ Тукальскому, и къ Гизелю, и къ инымъ духовнаго чину людямъ, и къ гетману Демьяну Игнатовичу, и къ Петру Дорошенку, и къ полковникамъ и ни къ кому листовъ отъ себя ни о какихъ дѣлахъ не посылать и съ ними ни о чемъ не списываться“. Ордину-Нащокину весьма недвусмысленно давали понять, что считаютъ его сношенія съ представителями малороссійскаго духовенства и казачества вредными.

Запрещая Ордину-Нащокину, входить къ непосредственнымъ сношеніямъ съ вліятельными въ Малороссіи лицами, Матвѣевъ, безъ сомнѣній, не скрылъ отъ „полномочнаго“ посла, что ему придется вести съ польскими комиссарами переговоры о „Дорошенковѣ подданствѣ“. Посольскому приказу было хорошо извѣстно мнѣніе по этому вопросу автора Андрусовскаго перемирнаго договора, четвертою статьею котораго прямо воспрещалось Московскому государству, въ теченіе перемирныхъ лѣтъ принимать въ подданство жителей западной Малороссіи; поэтому не спѣшили давать Ордину-Нащокину подробныхъ по этому поводу инструкцій; такія инструкціи предполагалось прислать уже на посольскій съѣздъ, но для Ордина-Нащокина не было, конечно, тайною, что въ Посольскомъ приказѣ принято рѣшеніе поручить впоследствии полномочному послу домогаться у польскихъ комиссаровъ согласія на принятіе Дорошенка подъ государеву руку.

Итакъ, для Ордина-Нащокина былъ приготовленъ наказъ, кото-

¹⁾ Ibid., стр. 75.

²⁾ По показанію дьяковъ Посольскаго Приказа (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла польск. 1869 г. № 8).

рый вынуждалъ его дѣйствовать вопреки данной имъ присягѣ и въ которомъ каждая статья была безпощаднымъ и рѣзкимъ осужденіемъ поданнаго Аонасіемъ Лаврентьевичемъ доклада. Само собою разумѣется, что Ордину-Нащокину, когда онъ ознакомился съ содержаніемъ этого наказа, оставалось только повторить слова своего доклада, а именно, что ему „въ той посольской службѣ быть невозможно“. Для Ордина-Нащокина необходимость отказаться отъ посольства обуславливалась не только тѣмъ, что онъ не считалъ возможнымъ слѣдовать составленному Матвѣевымъ наказу; во время приготовленій къ отправленію великаго посольства, въ Крыму произошли событія, лишившія Ордина-Нащокина возможности вести посольское дѣло даже по плану, имъ самимъ составленному. Въ Москвѣ, вопреки представленіямъ Ордина-Нащокина, долго не утверждали заключеннаго имъ съ крымскими послами договора; наконецъ, въ первыхъ числахъ декабря 1670 г. послано было въ Крымъ извѣщеніе, что царь Алексѣй Михайловичъ принимаетъ ханскую шертную грамоту, но это утвержденіе договора нѣсколько запоздало: Адиль-Гирей былъ смѣненъ, не успѣвъ исполнить условій заключеннаго съ Московскимъ царемъ договора; новый ханъ предъявилъ московскому правительству неумѣренныя требованія ¹⁾ и союзъ, заключенію котораго такъ радовался въ 1670 г. Ординъ-Нащокинъ не осуществился, а вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ Аонасія Лаврентьевича составить коалицію противъ Швеціи долженъ былъ цѣлыхъ 30 лѣтъ оставаться только проектомъ.

Не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, какимъ образомъ удалось Ордину-Нащокину избавиться отъ навязанной ему весьма неприятной роли „великаго и полномочнаго посла“. Официально было объявлено, что „ближній бояринъ Аонасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ волею Божіею занемогъ и великій государь за тою его болѣзнію на съѣздъ послать его не изволилъ, а указалъ послать околыничаго Вас. Сем. Волянскаго“ ²⁾. Очевъ можетъ быть, что заболѣвшій еще зимою 1670 г. ³⁾, Ординъ-Нащокинъ опять разболѣлся лѣтомъ 1671 г. вслѣдствіе вынесенныхъ въ это время неприятностей и огорченій.

Отказъ Ордина-Нащокина отправиться на посольскій съѣздъ на условіяхъ, предложенныхъ повымъ начальникомъ Посольскаго приказа долженъ былъ вызвать окончательное удаленіе его отъ дѣлъ.

¹⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XII, изд. 1862 г., стр. 84.

²⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. Стат. Списки № 140, л. 110.

³⁾ *Ibid.*, № 129, автобіографическ. замѣтка Ордина-Нащокина.

Волинскій съ товарищи, отправившись на посольскій съѣздъ, понапрасну прожили нѣсколько мѣсяцевъ въ Мигновичахъ. Прибывшіе 15 октября 1671 г. польскіе полномочные послы Янъ Гинскій. Павелъ Бростовскій и др. отказались вести какіе бы то ни было переговоры съ Волинскимъ, ссылаясь на заключенный ими 7 марта 1670 г. съ Ординъ-Нащокинымъ договоръ, согласно которому польскимъ посламъ слѣдуетъ отправиться прямо въ Москву, присутствовать тамъ при подтвержденіи царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ прежнихъ договоровъ и привести въ совершеніе неисполненныя статьи этихъ договоровъ. Когда Волинскій отписалъ въ Посольскій приказъ, что польскіе послы, отказавшись отъ переговоровъ на рубежѣ, ѣдутъ прямо къ Москвѣ, государь по докладу Матвѣева указалъ, чтобы тѣ же вопросы о подданствѣ Дорошенка и объ оставленіи Кіева за Московскимъ Государствомъ, которые долженъ былъ рѣшить на съѣздѣ Волинскій, были внесены въ программу переговоровъ съ польскими послами въ Москвѣ. Ординъ-Нащокинъ, заключившій 7 марта 1670 г. съ тѣми же Гинскимъ и Бростовскимъ договоръ о неуклонномъ соблюденіи московскимъ правительствомъ Андрусовскаго перемирнаго договора, былъ какъ бы живымъ укоромъ для новаго начальника Посольскаго приказа, который считалъ возможнымъ немедленно приступить къ *столь желательному для государя* исправленію Андрусовскаго договора. Ординъ-Нащокинъ попалъ въ такое положеніе, изъ котораго былъ только одинъ выходъ: повторить заявленную въ 1670 г. просьбу объ увольненіи отъ государственныхъ дѣлъ для послѣдняго покаянія. 2 декабря 1671 г. въ день торжественнаго въѣзда польскихъ пословъ въ Москву и за шесть дней до приѣма ихъ государемъ ¹⁾, Ордина-Нащокина „царь Помазанникъ Божій отъ руки своея государскія при всемъ своемъ сиклитѣ милостиво отпустилъ и отъ всеѣ мирскіе суеты свободилъ явно“. 16 января 1672 г. Ординъ-Нащокинъ уже прибылъ въ „пустынь Крыпецкую Св. Евангелиста и Богослова Іоанна и преподобнаго Савы“, а 21 февраля „той святой обители отецъ игуменъ Тарасій“ постригъ его въ монахи подъ именемъ Антонія ²⁾.

Во время управленія Ордина-Нащокина Малороссійскимъ приказомъ произошло возстаніе Брюховецкаго; хотя эта смута была под-

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 114, ст. 529, 533.

²⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Польск. Стат. Списки, № 129, автобiogр. замѣтка Ордина-Нащокина.

готовлена событіями, случившимися еще во время управленія Приказомъ боярина Салтыкова, однако многіе считали виновникомъ ея и Ордина-Нащокина, и это вмѣстѣ съ событіями, сопровождавшими неудавшуюся курляндскую комиссію 1668 г., *впервые* поколебало авторитетъ посольскихъ дѣлъ оберегателя. Самостоятельное отношеніе къ малороссійскому вопросу, несогласное со взглядами самого царя Алексѣя Михайловича, а не борьба съ отдѣльными личностями изъ числа царскихъ приближенныхъ была главною причиною *окончательнаго* удаленія отъ дѣлъ знаменитаго дипломата. Считая необходимымъ всѣ усилія внѣшней политики Россіи направить къ тому, чтобы образовалась сильная коалиція противъ Швеціи, Ординъ-Нащокинъ предлагалъ соблюдать умѣренность и осторожность по отношенію къ Польшѣ и рѣшительно высказался противъ немедленнаго нарушенія Андрусовскаго перемирнаго договора, хотя угрожавшая Польшѣ турецкая война, повидимому, благоприятствовала этому. Ординъ-Нащокинъ желалъ сохранить союзника противъ Швеціи, будучи увѣренъ, что Западная Малороссія и при точномъ соблюденіи московскимъ правительствомъ Андрусовскаго договора, силою обстоятельствъ рано или поздно воссоединится съ Великою Россіею при содѣйствіи малороссійскаго духовенства.

А. С. Матвѣеву, принявшему отъ Ордина-Нащокина управленіе Малороссійскимъ приказомъ приходилось постоянно выслушивать заявленія вліятельныхъ Малороссійцевъ о томъ, что необходимо всѣми силами заботиться о немедленномъ и весьма существенномъ исправленіи Андрусовскаго договора, такъ какъ дальнѣйшія въ этомъ отношеніи промедленія могутъ вызвать возстаніе въ лѣвобережной Украинѣ. Матвѣевъ, котораго Малороссіяне вскорѣ прозвали своимъ „батькой, и добродѣемъ, и милости государской ко всей Украинѣ неотступнымъ просителемъ“ ¹⁾, не могъ не проникнуться мѣстными малороссійскими стремленіями, а такъ какъ и царь Алексѣй Михайловичъ открыто высказывался противъ нѣкоторыхъ статей Андрусовскаго договора, то Матвѣевъ уже вскорѣ по вступленіи въ управленіе Малороссійскимъ приказомъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости немедленно приступить къ существенному измѣненію Андрусовскаго договора. Сдѣлавшись начальникомъ Посольскаго Приказа, Матвѣевъ рѣшился отказаться отъ политики Ордина-Нащокина по отношенію къ Польшѣ и андрусовскому договору. Но всѣ диплома-

¹⁾ Азты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 188, ст. 645.

тическія усилія Матвѣева, даже открывшіяся въ 1673 г. военныя дѣйствія привели только къ тому, что срокъ отдачи Кіева былъ отложенъ, то-есть, къ тому, чего удалось добиться Ордину-Нащокину договоромъ 7 марта 1670 г. ¹⁾ Неудачный исходъ попытокъ Матвѣева и осуществленіе проектовъ Ордина-Нащокина при Петрѣ Великомъ лучше всего доказываетъ прозорливость знаменитаго посольскихъ дѣлъ оберегателя.

Виталий Эйхгорнъ.

¹⁾ А. Поповъ, обвиняетъ (Русское Посольство въ Польшѣ въ 1673—1677 г.г., стр. 260—261) Ордина-Нащокина въ томъ, что, увлекаясь мыслью о Балтійскомъ морѣ, онъ не замѣчалъ *важнѣйшихъ* выгодъ на югѣ Россіи и что „представитель Малороссіи Матвѣевъ, стремившійся присоединить всю Малороссію, завладѣть всѣмъ теченіемъ Днѣпра, войти въ Черное море... во время предупредить (?) послѣдствія ошибки“ Ордина-Нащокина. Голословность этихъ замѣчаній очевидна.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СИКУЛОВЪ,

НА ОСНОВАНИИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХЪ ДАННЫХЪ.

Не такъ давно на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*¹⁾ мы говорили объ образованіи римской расы, то-есть о главныхъ народностяхъ, изъ которыхъ она составилаь. Но у этихъ народностей — латинской, сабинской и этрусской — на римской территоріи, какъ и вообще въ Лаціумѣ, были предшественницы. Жилъ тамъ народъ, племени котораго мы не знаемъ, но который, какъ у римскихъ историковъ, такъ и у греческихъ, писавшихъ о начальныхъ временахъ Рима, называется аборигенами. Древнѣе аборигеновъ на почвѣ Лаціума римскіе писатели никого не знаютъ. считая ихъ автохтонами, о чемъ въ ихъ глазахъ свидѣтельство- вать и этимологическій смыслъ самого названія (ab origine), очевидно, однако, присвоеннаго древнѣйшему населенію Лаціума со сто- роны, всего вѣрнѣе писателями²⁾, а не бывшаго дѣйствительнымъ именемъ самого первобытнаго населенія мѣстности, въ которой впо- слѣдствіи возникъ городъ Ромула. Кто же были эти аборигены, какой

¹⁾ Мав, 1896 г.

²⁾ Правда, первый изъ извѣстныхъ историковъ, считающійся употребившимъ названіе аборигеновъ для обозначенія первобытнаго населенія Лаціума, былъ си- ракузскій историкъ Каллія, писавшій въ первую четверть III вѣка до Р. Хр. Но вѣрна ли смыла на него у Діонисія (I, 72), это еще вопросъ, тѣмъ болѣе, что Діонисій въ этомъ случаѣ расходится съ Фестомъ (*Notae*, p. 266 ed. M.). Естественное предполагать, что это названіе было пушено въ ходъ римскими по- вѣствователями. У греческихъ писателей встрѣчается взаимно этого термина слово Βορείουοι (см. Lucasph., v. 1253). По этому поводу высказывалось не мало ученыхъ комбинацій, хотя и не приведшихъ ни въ какому положительному ре- зультату. См. ихъ у Шнейдера въ *Röm. Geschichte*, I, p. 198 сл., у Эд. Мейера, въ *Geschichte der Alterthums*, II, p. 526, и у Палса въ *Storia della Sicilia e della Magna Grecia*, I, Torino-Palermo, 1894, p. 475 сл.

народъ, или, по крайней мѣрѣ, какое племя они собой представляли, это вопросъ темный и едва ли когда-нибудь рѣшимый, если его рѣшать на основаніи заявленій древнихъ писателей. По господствующему представленію римскихъ писателей, это просто древніе латины, которыми управлялъ царь Латинъ въ то время, когда въ Лаціумъ прибылъ Эней съ своими спутниками по разрушеніи Трои. Такъ именно и начинается свою римскую исторію Т. Ливій, служащій для насъ главнымъ представителемъ историческихъ преданій, распространенныхъ въ образованномъ римскомъ обществѣ времени Августа. Съ нимъ не расходится въ существѣ дѣла и другіе латинскіе писатели¹⁾. Наука однако никакъ не можетъ считать латинявъ, хотя бы и подъ названіемъ аборигеновъ, первобытными обитателями Лаціума. Какъ бы ни было отдаленно время, когда италійское племя, часть котораго составляютъ латиняне, прибыло на Апеннинскій полуостровъ, но оно застало тамъ обитателей, у которыхъ была совсѣмъ другая культура, выражавшаяся въ особомъ типѣ жилищъ, въ особомъ типѣ могилъ, въ другихъ погребальныхъ обрядахъ, въ другихъ орудіяхъ домашняго быта, культуры еще каменнаго вѣка, тогда какъ италійцы, еще живя въ терремарахъ долины По, то-есть въ первый періодъ своего пребыванія на полуостровѣ, имѣли культуру бронзоваго вѣка, принесенную ими изъ мѣстъ (Средней Европы), гдѣ они обитали раньше. Мало того: и эти предшественники италійцевъ, люди неолитической культуры, не были въ Италіи аборигенами въ буквальномъ смыслѣ слова, антохео-нами, а были пришельцами въ страну, которая была обитаема еще въ такой періодъ времени, когда долина Тибра была еще подъ водой и когда, по крайней мѣрѣ въ Лаціумѣ, человѣкъ ютился по горамъ, имѣя своимъ домашнимъ кровомъ пещеры и удовлетворяя несложныя потребности своего быта съ помощью каменныхъ орудій, лишенныхъ всякой обдѣлки²⁾. Такимъ образомъ, говорить объ аборигенахъ, въ страну которыхъ будто бы пріѣхалъ съ своими спутниками Эней изъ Трои, какъ о первобытныхъ латинянахъ, нѣтъ никакого основанія. Да и вообще говорить объ аборигенахъ, какъ о чемъ-нибудь въ этно-логическомъ смыслѣ положительномъ, на основаніи сообщеній римскихъ или греческихъ писателей, нѣтъ возможности. Ничего сколько-нибудь осязательнаго, такого, за что можно бы было уцѣпиться, эти

¹⁾ См. ссылки на нихъ у Шлегера loc. cit.

²⁾ Нѣкоторыя указанія на этотъ счетъ сдѣланы были мной въ вышеуказанной статьѣ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, составлявшей огривокъ моихъ публичныхъ лекцій о Римѣ древнемъ и новомъ.

писатели не сообщаютъ, а поставленіе аборигеновъ въ связь съ прибытіемъ Энея изъ Трои и отнесеніе ихъ времени къ вѣку фавновъ ¹⁾, Яна и Сатурна ²⁾ заставляетъ разказы о нихъ отнести къ области поэтической фантазіи и міологическихъ вымысловъ.

Не такого рода данныя мы имѣемъ о народѣ, который также считался древнѣйшимъ въ Лаціумѣ, а по преданію, приводимому Діонисіемъ Галикарнасскимъ въ первыхъ строкахъ его повѣствованія о *Римскихъ древностяхъ* ³⁾, даже предшествовалъ аборигенамъ, впоследствии вытѣсненнымъ. Народъ этотъ былъ Сикулы, Siculi, Σικελοί греческихъ писателей. Тутъ положеніе дѣла для изслѣдователя другое. Мы имѣемъ о Сикулахъ не только заявленія древнихъ писателей, но и дватри другихъ источника, и прежде всего кое-какіе остатки языка и данныя, добытыя археологическими раскопками. Последній источникъ совершенно новый, открытый вниманію ученыхъ только въ самые послѣдніе годы. Кроме того, теперь появляются и данныя антропологическія. Всѣ эти источники, вмѣстѣ взятые, представляютъ матеріалъ если не вполне достаточный, то во всякомъ случаѣ такой, который даетъ возможность взяться за дѣло и приступить къ рѣшенію вопроса: что за народъ были Сикулы?

Что же это былъ за народъ въ самомъ дѣлѣ?

Для рѣшенія этого вопроса прежде всего слѣдуетъ рассмотретьъ свидѣтельства древнихъ писателей.

I. Данныя литературныя.

Хотя собственную территорію сикуловъ представляетъ островъ, Средиземнаго моря, которому они дали имя, Сицилія, но сохранившіяся у древнихъ писателей преданія представляютъ намъ этотъ народъ прежде всего на территоріи Рима и вообще Лаціума. Мы уже упомянули, что, по словамъ Діонисія Галикарнасскаго, Сикулы были древнѣйшими обитателями Рима, какихъ только знаетъ преданіе ⁴⁾, и

¹⁾ Gell. V, 21, 7: tibi habeas auctoritates istas, ex Faunorum et Aboriginum saeculo repetitas; XVI, 10, 7: si jus Faunorum et Aboriginum didicissem.

²⁾ Virg. Aen. VII, 178: Italusque paterque Sabinus.. Saturnusque senex Janique bifrontis imago vestibulo adstabant aliique ab origine reges. Ср. примѣч. Сеплія къ этому мѣсту.

³⁾ Ant. Rom., I, 9.

⁴⁾ A. R. I, 9: Τὴν ἡγεμόνα γῆς καὶ θαλάσσης πόλιν, ἣν νῦν κατοικοῦσι Ῥωμαῖοι, παλαιότατοι τῶν μνημονευομένων λέγονται κατασχεῖν βάρβαροι Σικελοί, ἕθνος αὐθιγενές.

что заявленіемъ объ этомъ и начинается повѣствованіе о Римѣ этого греческаго писателя, прожившаго двадцать два года въ Римѣ и хорошо изучившаго его языкъ и литературу, особенно же историческую. какъ онъ объ этомъ сообщаетъ намъ, приступая къ своему сочиненію ¹⁾. Но Діонисій въ заявленіи объ обитаніи Сикулами Рима въ древнѣйшее время не стоитъ одиноко и не является отголоскомъ сообщеній греческихъ писателей. Еще раньше его говорилъ въ этомъ родѣ Варронъ ²⁾, который въ свою очередь ссылается на древнюю римскую лѣтопись. На то-же указываетъ и другой важнѣйшій изслѣдователь римской старины. Веррій Флаккъ, говоря объ изгнаніи лигуровъ и сикуловъ изъ Рима завоевателями, двинувшимися изъ Реатинской области ³⁾. Нѣтъ повода сомнѣваться, что то-же самое древнее преданіе воспроизводитъ и Виргилій, вводитъ въ свою поэму ⁴⁾, какъ обитателей древнѣйшаго Лациума, сикаповъ, вѣроятно отождествляя ихъ съ Сикулами, имя которыхъ по своему короткому предпоследнему слогу не подходило у него къ размѣру. Къ древнѣйшимъ народамъ Лациума причисляетъ Сикуловъ и Пляній Старшій, ставя ихъ рядомъ съ аборигенами, пелазгами, аркадянами, аврунками и рутулами, но присвоивъ каждому изъ этихъ народовъ свое время ⁵⁾. Сервій въ своихъ примѣчаніяхъ къ Энеидѣ Виргилія не разъ ⁶⁾ замѣчаетъ, что тамъ, гдѣ теперь Римъ, жили сикулы, замѣняя ихъ въ другихъ случаяхъ сикапами, съ которыми онъ ихъ, очевидно, смѣшивалъ. Сикуламъ принадлежали, по преданію, кромѣ Рима, и разные другіе города въ Лациумѣ, какъ то: Ариція ⁷⁾.

¹⁾ Ibid. I, 7.

²⁾ De L. L. V, 101: a Roma quod orti Siculi, ut annales veteres nostri dicunt.

³⁾ Fost. *Sacrani* (p. 321 M.): *Sacrani* appellati sunt Reate orti, qui ex Septimontio Ligures Siculosque exegerunt.

⁴⁾ Aen. VII, 795: *Auruncae manus, Rutuli vetoresque Sicani*; VIII, 328: *Tum manus Ausonia et gentes venero Sicanae*; XI, 316—317: *Est antiquus ager Tusco mihi proximus amni, longus in occasum, fines super usque Sicanos.*

⁵⁾ N. H. III, 9, 56: *Latium antiquum... colonis saepe mutatis tenuere aliis aliis temporibus: Aborigines, Pelasgi, Arcades, Siculi* и т. д.

⁶⁾ Ad Aen. III, 500: *Profecti Siculi ad Italiam, eam tenuerunt partem, ubi nunc Roma est, usque ad Rutulos et Ardeam*; ad VIII, 795: *Ubi nunc Roma est, ibi fuerunt Sicani (Siculi ?), quos postea pepulerunt Aborigines*; ad XI, 317: *Fines Sicanos, quos Siculi aliquando tenuerunt, id est usque ad ea loca, in quibus nunc Roma est; haec enim Siculi habitaverunt.*

⁷⁾ Solin., 2, 10: *Notum est, Ariciam ab Archilochi Siculo (constitutam), unde et nomen, ut Neminse placet, tractum.*

Ценина ¹⁾, Антемы ²⁾, Габии ³⁾, Тибуръ ⁴⁾, Крустумерій ⁵⁾, а вѣѣ Лаціума—Фалеріи ⁶⁾, впоследствии главный городъ родственныхъ латинянамъ фалисковъ, въ юго-восточномъ углу Этрурии, и Фесценній ⁷⁾—немного къ сѣверу отъ Фалерій, городъ, прославившійся впоследствии вошедшими въ Римъ въ моду Фесценнинскими стихами, послужившими тамъ зародышемъ драматической поэзіи ⁸⁾. Преданіе идетъ дальше и предоставляетъ Сикуламъ весь Лаціумъ, но крайней мѣрѣ береговую полосу отъ Тибра до Лириса, такъ какъ Сервій ⁹⁾ приписываетъ къ ихъ владѣніямъ мѣстность древнѣйшихъ городовъ этой страны — Лавинія и Лаврента, а Фабій Пикторъ ¹⁰⁾ помѣщаетъ ихъ и въ той части юго-западнаго Лаціума, которая составляла потомъ территорию Вольсковъ. Этого мало: мѣстопребываніе сикуловъ отмѣчается и въ разныхъ другихъ частяхъ Италіи: въ землѣ сабинянъ ¹¹⁾ въ собственной Этруріи ¹²⁾, въ Пиценской области ¹³⁾, на берегу Адриатическаго моря. Наконецъ, нѣкоторые писатели, впрочемъ не придавая, повидимому, своимъ словамъ строгаго значенія, прямо выражаются такъ, что сикуды или—что въ ихъ глазахъ было одинаковымъ—си-

¹⁾ Dionys. II, 35: Ἀβοριγίνες γὰρ αὐτὰς ἀφελόμενοι τοὺς Σικελούς κατέσχον (Ценину и Антемы).

²⁾ Ibid.

³⁾ Solin. 2, 10: Gabios a Galatio et Bio Siculis.

⁴⁾ Solin. 2, 8: Catillus... in Italia procreavit Tiburtum, Corum, Catillum, qui depulsis ex oppido Siciliae veteribus Sicaniis a nomine Tiburti fratris natu maximi urbem vocaverunt. Дюнией, I, 16, говоря о паденіи аборигеновъ на тибуртинцевъ, замѣчаетъ, что часть города „в то сие время“ носилъ названіе Σικελικόν, и что аборигены ни къ какому народу не относились съ такою неприязнію (μάλιστα ὀππηροί), какъ къ Сикуламъ.

⁵⁾ Serv. ad Aen. VII, 631: Cassius Hemina tradidit Siculum quendam nomine uxoris suae Clytemestrae condidisse Clytemestrum, mox corrupto nomine Crustumarium dictum.

⁶⁾ Dionys. I, 21: Φαλέριον καὶ Φεσκένχιον... Σικελῶν ὑπάρχουσαι πρότερον.

⁷⁾ Ibid.

⁸⁾ См. мою Лекцію по исторіи римской литературы, стр. 59 слд. изд. 1888 г.

⁹⁾ Ibi autem habitasse Siculos, ubi Laurolavinium est, manifestum est.

¹⁰⁾ У Петера въ Historicorum Roman. reliquiae. I, Leipz. 1870.

¹¹⁾ Serv. ad Aen. VIII, 638 (ссылаясь на Глукна): Sabini... a Sabo, qui..., expulsis Siculis, tenuit loca, quae Sabini habent.

¹²⁾ Dionys. I, 20, гдѣ говорится объ отнятій аборигенами у сикуловъ многихъ городовъ, которые потомъ были отняты этрусками. Ср. Joh. Lyd.. De mag., Proem., гдѣ говорится впрочемъ о Сиканцахъ, какъ древнѣйшихъ обитателяхъ Этруріи.

¹³⁾ Plin. N. H. III, 19, 112: Siculi et Liburni plurima eius tractus tenuere, in primis Palmensem Praetutianum Hadrianumque agrum.

каны считаются древнѣйшими обитателями вообще Италіи, qui primi coluisse Italiam dicuntur, причемъ писатели эти указываютъ еще на аврунковъ и пелазговъ, какъ на народы, которые въ этомъ отношеніи могутъ быть поставлены на мѣсто сикуловъ или сикановъ. Такого именно заявленіе у Геллія ¹⁾ и Макробія ²⁾, какъ бы дающихъ понять, что они, высказывая это, движутся на почвѣ очень зыбкой и имъ неизвѣстной. Твердо стоитъ только преданіе о поселеніяхъ сикуловъ въ Лаціумѣ, гдѣ ими основаны были будто бы извѣстные города и гдѣ указываются опредѣленно тѣ или другія мѣста ихъ поселеній.

Но рядомъ съ этимъ также твердо стоитъ и другое преданіе именно, что они, будучи изгнаны изъ Лаціума спустившимися съ Апеннинъ въ долину Тибра завоевателями, двинулись на югъ полуострова, но, вытѣсняемые и оттуда, рѣшили перебраться черезъ проливъ на о. Сицилію. Народъ, который выгналъ сикуловъ изъ Лаціума, былъ, по Діонисію, населявшіе Реатинскую область аборигены, вспомошествоваемые пелазгами ³⁾. Хотя преданіе объ изгнаніи сикуловъ аборигенами и находитъ себѣ нѣкоторую опору даже у Варрона ⁴⁾, но въ немъ очевидная путаница, вышедшая, какъ можно думать отъ стремленія помѣстить въ Лаціумѣ аборигеновъ возможно раньше, по крайней мѣрѣ вслѣдъ за первыми его обитателями, которыми этимъ преданіемъ были признаны сикулы. Но аборигены, изгнавшіе сикуловъ, являются въ томъ-же преданіи народомъ, который и свои мѣста въ Реатинской области не занималъ, какъ *indigenae*, а долженъ былъ для этого изгнать оттуда Умбровъ ⁵⁾. Какіе же они были аборигены? Слѣдовательно, у Діонисія народъ, выбившій сикуловъ изъ долины Тибра, названъ невѣрно. У Верріа Флакка ⁶⁾ народъ этотъ названъ *Sacraní*, подъ именемъ которыхъ обыкновенно въ данномъ случаѣ разумѣютъ сабинянъ, которымъ между италійскими народами особенно былъ свойственъ обычай посвящать въ трудныхъ обстоятельствахъ богамъ „священную весну“ (*veg sacrum*) то-есть обычай, съ которымъ было соединено отправление молодежи извѣст-

¹⁾ N. A. I, 10, 1.

²⁾ *Saturn.* I, 5, 1; 7, 30.

³⁾ A. R. I, 9, 16, 20, 22.

⁴⁾ De l. L. V, 53: *Palatium* (dictum). quod *Palatium* Aborigines ex agro Reatino, qui appellatur *Palatium*, ibi consederunt.

⁵⁾ *Dionys.* I, 16.

⁶⁾ *Fest. Sacraní* (321 M.). Текстъ приведенъ выше. Къ приведеннымъ словамъ нужно прибавить слѣдующія за ними: *nam vege sacro natí erant.*

наго возраста добывать себѣ съ оружіемъ въ рукахъ новыя мѣста для поселенія. Нужно замѣтить, что Діонисій ¹⁾ инициативу войны абригеновъ съ сикулами также приписываетъ ихъ молодежи, посвященной богамъ въ священную весну. Но мы знаемъ, что сабиняне, хотя и были составною частью собственно римскаго населенія и оставались ближайшими сосѣдями Рима, никогда не занимали Лаціума, доставшагося еще въ доисторическое время въ удѣлъ латинскому племени, которое съумѣло отстоять свою территорію отъ упорныхъ покушеній на нее сабинянъ точно такъ-же, какъ и отъ покушеній этрусковъ и вольсковъ. Какъ преданія объ изгнаніи сикуловъ изъ Лаціума были сбивчивы, доказываетъ еще заявленіе Сервія ²⁾, что сикулы были изгнаны лигурами. Этотъ совершенно новый элементъ преданія дополняется интереснымъ также по своей новизнѣ сообщеніемъ, что лигуры въ свою очередь были изгнаны сакранами, а уже эти послѣдніе абригенами. Мы останавливаемся на этихъ подробностяхъ и вариантахъ преданія потому, что для нашего вопроса весьма небезынтересно знать, кому сикулы должны были уступить свои владѣнія въ долинѣ Тибра и Аніо. Съ разъясненіемъ этой задачи, въ нашихъ глазахъ нѣкоторымъ образомъ связано и разъясненіе занимающаго насъ вопроса о племенномъ происхожденіи самихъ сикуловъ. Но къ этому пункту нашего изслѣдованія мы еще не подошли. Намъ еще нужно прослѣдить до конца судьбу изгнанныхъ изъ своихъ насиженныхъ мѣстъ въ Средней Италіи сикуловъ, по писателямъ.

Естественно предполагать, что какъ изгнаніе сикуловъ изъ Лаціума, такъ и странствованіе ихъ по Италіи къ южной оконечности полуострова не были событіями, совершившимися въ очень короткое время. Изъ городовъ и укрѣпленныхъ природою пунктовъ, какіе они занимали, они не могли быть выбиты сразу и, конечно, защищали свои очаги до тѣхъ поръ, пока у нихъ хватало на то силы. Но когда защищать свои поселенія въ Лаціумѣ сикуламъ не стало возможности, они, по словамъ Діонисія Галикарнасскаго ³⁾, забравши съ собою женъ и дѣтей

¹⁾ I. 16.

²⁾ Ad. Aen. XI, 317: (Siculi) a Liguribus pulsi sunt, Ligures a Sacranis, Sacrani ab Aboriginibus.

³⁾ I, 22: Τέχνα καὶ γυναικίς, καὶ χρημάτων ὅσα χρῆσις ἢ ἀργυρὸς ἦν, ἀνασκευασάμενοι, μετέβησαν αὐτοῖς ἀπ'αὐτῆς τῆς γῆς.

и сколько было у нихъ золота и серебра, двинулись въ путь, оставивъ своимъ непріятелямъ „всю землю“. Золото и серебро, которое забрали сикулы, принадлежить. безъ сомнѣнія, воображенію Діонисія или его источника, но едва ли также вѣроятно и то, чтобъ побѣжденные оставили свою землю всѣ до единого. Цѣлые народы не отправляются въ путешествіе, чтобъ искать себѣ новыхъ мѣстъ для поселенія. Извѣстная и, можетъ быть, болѣе значительная часть побѣжденнаго народа остается на своихъ мѣстахъ частію вслѣдствіе хозяйственныхъ затрудненій, а главное—вслѣдствіе покоренія его непріателемъ. Побѣжденные и не покинувшіе своихъ очаговъ сикулы вѣроятно и составили ту часть населенія Лаціума, которая была обращена завоевателями этой страны въ крѣпостное состояніе, и изъ которой, какъ необходимо думать, образовался впослѣдствіи классъ кліентовъ, игравшій такую важную роль въ римской хозяйственной, юридической, а отчасти и политической организаціи. Говоря это, мы какъ бы предупреждаемъ тотъ выводъ нашего изслѣдованія о сикулахъ, что побѣдителями сикуловъ было не какое другое племя, какъ латинское, и что побѣжденные въ Лаціумѣ сикулы и были тѣ аборигены, которыхъ нужно было латинянамъ покорить, прежде чѣмъ водвориться въ области, омываемой Тибромъ и Аніо въ ихъ нижнемъ теченіи. Но мы пока никакого вывода не дѣлаемъ, а только собираемъ данныя, которыя со временемъ должны насъ привести къ опредѣленному выводу о народѣ, одно время занимавшемъ Лаціумъ и принужденномъ оставить эту страну подъ напоромъ завоевателей съ сѣверо-востока. Діонисій далѣе говорить, что сикулы двинулись на югъ по гористымъ мѣстамъ и, прошедши всю нижнюю Италію, отовсюду прогоняемые, выстроили себѣ у пролива плоты (σχεβίας) и дождавшись благополучнаго теченія, перебрались на ближайшій островъ (то-есть, Сицилію). Шли-ли сикулы по гористымъ или по низменнымъ мѣстамъ, Діонисій этого, конечно, на самомъ дѣлѣ не зналъ, и было бы гораздо лучше, еслибъ онъ сообщилъ, съ какими народами сикулы сталкивались на пути къ Сицилійскому проливу. Онъ этого не сообщаетъ, но, приводя мнѣнія о сикулахъ греческихъ историковъ, указываетъ¹⁾ на Гелланика, на Филиста сиракузскаго, на Аптіоха сиракузскаго и на Фукидида, изъ которыхъ каждый, передавая фактъ прибытія сикуловъ изъ Италіи на о. Сицилію, освѣщаетъ его по своему. Такъ Гелланикъ считаетъ сикуловъ за одно съ авзонами, которыхъ

¹⁾ Ibid.

будто бы прогнали на Сицилію япиги, что произошло за три поколения до троянской войны, въ двадцать шестой годъ жречества Алкіоны въ Аргосѣ. Филістъ считаетъ перебравшихся на о. Сицилію сикуловъ лигурами, предводительствуемыми Сиколомъ, а лигуры, говоритъ онъ, были прогнаны изъ своей земли (въ данномъ случаѣ— изъ Лаціума) умбрами и пелазгами. Переселеніе въ Сицилію произошло, по его словамъ, въ восьмидесятомъ году до троянской войны. Антиохъ сиракузскій не сообщаетъ времени переселенія сикуловъ, но говоритъ, что они были прогнаны туда энотрами и опиками (то-есть осками). Наконецъ, Фукидидъ, какъ это до насъ дошло и въ собственномъ его сообщеніи ¹⁾, передаетъ, что сикулы удалились на о. Сицилію, убѣгая отъ опиковъ.

Такимъ образомъ изъ приведенныхъ у Діонисія свидѣтельствъ выходитъ, что сикулы на своемъ походѣ изъ Лаціума встрѣчались съ разными народами, которые не давали имъ поселиться у себя и прогоняли ихъ: съ япигами, съ опиками, съ энотрами. Япиги были иллирійское племя, очень рано занявшее юго-восточный уголъ южной Италіи, ту часть ея, которая въ римское время называлась Апуліей и далѣе къ югу Калабріей ²⁾. Ясное дѣло, что дойти до этихъ мѣстъ, прилегающихъ къ Адриатическому и Ионическому морямъ, сикуламъ нельзя было иначе, какъ проходя черезъ земли, обитавшіяся другими народами. Прямой и удобный путь къ югу для нихъ лежалъ черезъ Кампанію, непосредственно граничащую съ Лаціумомъ. Эта прекрасная и плодородная страна, въ которой была основана древнѣйшая изъ греческихъ колоній на Апеннинскомъ полуостровѣ (Кумы), была, конечно, обитаема съ незапамятныхъ временъ, но преданіе не знаетъ тамъ болѣе древняго народа, чѣмъ тотъ, который у грековъ называется опиками, а у римлянъ осками. Этотъ народъ, какъ мы видѣли, по сообщенію Антиоха сиракузскаго и Фукидида, и былъ тѣмъ народомъ, который прогналъ сикуловъ къ Сицилійскому проливу. Впрочемъ у Антиоха рядомъ съ осками называются, какъ враги сикуловъ, энотры. Но имя энотровъ не заключаетъ въ себѣ обозначенія какого

¹⁾ VI, 2. При этомъ нужно отмѣтить значительную неточность Діонисія въ передачѣ Фукидида относительно времени перехода сикуловъ черезъ Сицилійскій проливъ. Въ то время какъ, по Діонисію, Фукидидъ сообщаетъ, что это произошло „много лѣтъ спустя послѣ троянской войны“, самъ Фукидидъ заявляетъ, что это произошло почти за триста лѣтъ до прибытія грековъ въ Сицилію.

²⁾ Впоследствии, именно въ X вѣкѣ христіанской эры, названіе Калабрій было перенесено на юго-восточный уголъ Италіи.

либо дѣйствительнаго народа, не есть имя этнографическое, а есть, какъ это само собой бросается въ глаза, греческое названіе жителей юго-западнаго угла Италіи, данное имъ греками по странѣ вина (οἶνος), которую они называли Энотріей (Οἰνώτρια) ¹⁾. Тотъ-же Антиохъ въ другомъ мѣстѣ ²⁾ говоритъ, что страной, которая теперь называется Италіей (то-есть юго-западный уголъ полуострова) въ старину обладали энотры, которые, когда ими управлялъ царь Италъ, стали называться италами, а когда ему наследовалъ Моргетъ, то — моргетами, когда же къ Моргету явился Спкулъ и основалъ тамъ свое особое царство, то управляемая имъ часть народа стала называться сикулами. Свое разсужденіе объ этомъ Антиохъ заключилъ словами: „Такимъ образомъ стали сикулами, моргетами и италами тѣ, которые были энотрами“. Изъ свидѣтельствъ Антиоха, слѣдовательно, такъ или иначе выходитъ, что сикулы, слѣдуя изъ Лациума къ югу, были встрѣчены въ Кампаніи враждебнымъ образомъ осками и, отброшенные ими въ юго-западный уголъ полуострова, должны были выдерживать борьбу съ племенами, которыя у грековъ обозначались общимъ именемъ энотровъ. Эти послѣдніе заставили ихъ перебраться черезъ проливъ на островъ, получившій потомъ названіе Сициліи. Съ другой стороны нужно отмѣтить еще ссылку Страбона ³⁾ на такое мѣсто Антиоха, гдѣ онъ, говоря, что Кампанія обиталась ониками, прибавляетъ, что они-же назывались и авзонами. Авзонами называлъ жителей Кампаніи еще Гекатей, называющій, по цитатѣ у Свида ⁴⁾, Полу городомъ этого племени. Не безъ основанія думаютъ ⁵⁾, что авзоны есть греческая форма аврунковъ, имени народа, въ историческое время жившаго по нижнему теченію Лириса, на берегахъ Тирренскаго моря, между вольсками и осками; но въ древнѣйшее время авзоны, по указаніямъ греческихъ писателей были народомъ, занимавшимъ разныя мѣста нижней Италіи вплоть до южной оконечности юго-западнаго угла, обозначавшагося Греками общимъ именемъ Эно-

¹⁾ См. соображенія объ этомъ у Пауса въ его *Storia della Sicilia e della Magna Grecia*. Vol. I, 1894, p. 25—26.

²⁾ Dionys. I, 12; въ *Fragmenta histor. Graec.* Карл. и Теод. Мюллеровъ (*Parisii*, ed. Didot), I, p. 181, frgm. 3.

³⁾ Strab. V, p. 142 C. Въ *Fragm. hist. Graec.* p. 183, I, fr. 8; Ἀντιόχος μὲν οὖν φησὶ τὴν χώραν ταύτην Ὀπικόους οἰκῆσαι, τούτους δὲ καὶ Αἰσωνας καλεῖσθαι.

⁴⁾ *Fragm. hist. Graec.*, I, p. 2, fr. 28.

⁵⁾ Такъ думалъ еще Нибуръ. См. *Röm. Geschichte*, p. 40 изд. въ одномъ томѣ (77—78 3-е изд. I части).

трии. Такъ, имъ принадлежали, по Страбону ¹⁾, Темса или Темеса. городъ съ мѣдными рудниками, упоминающійся еще Гомеромъ ²⁾; въ ихъ странѣ, позднѣйшемъ Бруттїѣ, лежали Локры Эпизефирскіе, а по Діонисію Періэгету ³⁾, и самый Регій (Ρήγιον, Rhegium), главнѣйшая послѣ Кумъ Халкидская колонія въ Италиі. городъ, лежащій уже при Сицилійскомъ проливѣ, тоже является основоположнымъ въ странѣ Авзоневъ ⁴⁾. Наконецъ, по Поливію и Страбону ⁵⁾, за которыми слѣдуетъ и Плиніи Старшій ⁶⁾, само Сицилійское море (mare Siculum), какъ называлась часть Средиземнаго моря къ востоку отъ Сициліи, прежде называлось Авзонскимъ. Такимъ образомъ, по сохранившимся въ греческой литературѣ преданіямъ, которыя перешли отчасти и въ римскую, въ доисторическое время та часть южной Италиі, которая соотвѣтствуетъ нынѣшней Калабріи или древней странѣ Бруттїевъ, обиталась народомъ, носившимъ названіе авзоновъ. Такъ какъ авзоны—Aurunci римскихъ писателей, и Автіохъ Сиракузскій (см. выше), а за нимъ и Аристотель ⁷⁾ считали опиковъ (осковъ) и авзоновъ за одинъ народъ ⁸⁾, то я выходитъ, что сикулы, проходя изъ Лаціума черезъ Кампанію и затѣмъ Энотрію греческихъ писателей, имѣли дѣло въ сущности съ однимъ и тѣмъ же племенемъ. племенемъ италійскимъ, которое, будучи родственно изгнанному сикуловъ изъ Лаціума племени, не давало этимъ изгнанникамъ у себя

¹⁾ V, 255 C. Ἀβσόνων χτῖμα.

²⁾ Odyss. I, 184: ἐς Τεμέσην μετα χαλκόν.

³⁾ Περ:ήγ. οἰχομένης, v. 865.

⁴⁾ См. Diod. Sic. VIII, 52, 2.

⁵⁾ Plin. N. H. III, (10), 75: ultra Siciliam, quod est ad Sallentinos, Ausonium (mare) Polybius appellat. Strab. II, p. 123 128; VII, 324 C.

⁶⁾ N. H. III, 10 (15), 95: A Locris Italiae frons incipit Magna Grecia appellata, in tris sinus recedens *Ausonii maris*, quoniam Ausones tenuere primi (ed. Jan.)—Считаютъ нужнымъ замѣтить, что объ авзонахъ въ южной Италиі съ большою компетентностью говоритъ Навсъ въ раньше упомянутомъ трудѣ: Storia della Sicilia e della Magna Grecia I, p. 31—34, трудѣ, который по этому вопросу былъ нашимъ руководителемъ.

⁷⁾ Polit. VII, 9, 2—4: Ὀπικοὶ τὴν ἐπωνυμίαν Ἀύσωνες κληθέντες.

⁸⁾ Поливій у Страбона V, p. 292 C. видитъ въ опикахъ и авзонахъ два разныхъ народа, хотя они и жили на одной и той же землѣ у Кумскаго (нынѣ Неаполитанскаго) залива. Противъ этого мнѣнія знаменитаго греческаго историка рѣзко возставалъ еще Нибуръ (R. Gesch. I, p. 38 изд. въ одномъ томѣ, p. 73, 3-го изд.) но на него мягче смотритъ Ниссенъ въ *Italische Landeskunde* I, 531, оправдывая заявленіе Поливія тѣмъ, что авзоны „ein besonderes Glied der Oskischen Familie gebildet haben“. Особенность авзоновъ въ осскомъ племени видѣлъ еще Аристотель (см. предыдущ. примѣч.).

пристанища, а старалось выжить ихъ изъ Италиі, чего и достигло, хотя остатки этого народа продолжали жить среди авзонскаго населенія еще долго въ историческое время. (Объ этихъ остаткахъ положительно говорить Фукидидъ ¹⁾, и о пребываніи ихъ въ мѣстности Эпизефирскихъ Локръ сохранилось живое преданіе еще ко времени Поливіа, которому мѣстные жители сообщали ²⁾, какъ греческіе поселенцы, вышедшіе изъ Озольскихъ Локръ въ Авзонію и нашедшіе мѣстность у Эпизефирскаго мыса во владѣніи сикуловъ, провели этихъ послѣднихъ хитрою клятвою о вѣчной дружбѣ съ ними и при первомъ удобномъ случаѣ выпроводили ихъ вонъ.

Перебравшись въ главной своей массѣ на островъ, получившій, потомъ отъ нихъ свое имя, Сикулы не нашли его необитаемымъ. Тамъ жили сиканы, народъ, по заявленію Діонисія Галикарнасскаго ³⁾, поселившійся на этомъ островѣ не задолго раньше и прибывшій туда, какъ говоритъ тотъ-же историкъ, а раньше и опредѣленіемъ его Фукидидъ ⁴⁾, съ Иберійскаго полуострова. По имени этого народа, прибавляютъ указанные писатели, островъ, прежде называвшійся Тринакріей, сталъ называться Сиканіей. Съ этими сиканами новымъ пришельцамъ, какъ это и естественно предполагать, необходимо было выдержать борьбу. Такъ какъ Сицилія обращена къ оконечности Апеннинскаго полуострова сѣверо-восточною своею частью, то, понятно, что сикуламъ пришлось прежде всего здѣсь и встрѣтиться съ ихъ прежними обитателями. Они прогнали этихъ послѣднихъ на югъ и на западъ острова, завладѣвши такимъ образомъ наиболѣе плодородными его частями и сдѣлавшись главными его хозяевами, такъ что островъ, называвшійся прежде Сиканіей, сталъ называться по ихъ имени Сициліей, Σικαλία отъ Σικελοί, какъ это явнѣе изъ греческихъ названій. Такъ намъ сообщаютъ главные изъ сохранившихся источниковъ—Фукидидъ въ началѣ 6-й книги (гл. 2) своей исторіи, гдѣ онъ даётъ описаніе и историческій очеркъ острова по поводу рѣше-

¹⁾ VI, 2: Εἰσὶ δὲ καὶ νῦν ἔτι ἐν τῇ Ἰταλίᾳ Σικελοί.

²⁾ XII, 5—6.

³⁾ A. R., I, 22: καταῖχον δ' αὐτὴν (νῆσον) Σικανοί, γένος Ἰβηρικόν, οὐ πολλῶ πρότερον συνοικισάμενοι Λίγυας φεύγοντες· καὶ παρεσκευάσαν ἀφ' ἑαυτῶν Σικανίαν κληθῆναι τὴν νῆσον, Τρινακρίαν πρῶτον ὀνομαζομένην, ἀπὸ τοῦ τριγώνου σχήματος.

⁴⁾ VI, 2: Σικανοὶ δὲ μετ' αὐτοῦς (послѣ циклоповъ и кестригоновъ) πρῶτοι φαίνονται ἐνοικισάμενοι, ὡς μὲν αὐτοὶ φασί, καὶ πρότερον διὰ τὸ αὐτοχθόνες εἶναι, ὡς δὲ ἡ ἀλήθεια εὐρίσκεται, Ἰβηρες ὄντες καὶ ἀπὸ τοῦ Σικανοῦ ποταμοῦ τοῦ ἐν Ἰβηρίᾳ ὑπὸ Λιγύων ἀναστάντες. Καὶ ἀπ' αὐτῶν Σικανία τότε ἢ νῆσος ἐκαλεῖτο, πρότερον Τρινακρία καλουμένη οἰκοῦσι δὲ ἔτι καὶ νῦν τὰ πρὸς ἑσπέραν τὴν Σικελίαν.

нія афинянь покорить его, и Діонисій Галикарнасскій въ I, 22 гл. разказывая о сикюлахъ по поводу ихъ изгнанія изъ Лациума аборигенами въ союзѣ съ пелазгами. Фукидидъ при этомъ упоминаетъ и о баснословныхъ киклопахъ и лестригонахъ, которые, по сказаніямъ поэтовъ, населяли Сицилію въ надревнѣйшее время, и объ элимахъ, бывшихъ составною частью населенія Сициліи и въ историческое время и происходившихъ, по его словамъ, отъ троянцевъ, которые пришли здѣсь убѣжище послѣ взятія и разрушенія ахейцами Трон. Говорить, наконецъ и о финикіянахъ, которые будто бы также въ очень древнее время старались основаться на островѣ, пока, наконецъ, онъ сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ греческой колонизаціи. Но мы не пишемъ исторіи Сициліи, а занимаемся сикюлами и собственно ихъ происхожденіемъ. Поэтому для насъ изъ всѣхъ народностей, какъ населявшихъ Сицилію до прихода туда сикюловъ, такъ и явившихся туда послѣ нихъ, важны только сиканы.

Что за народъ были эти сиканы, въ имени которыхъ такъ много сходнаго съ сикюлами? Фукидидъ прямо и рѣшительно говоритъ, что они—Иберы (*Ἰβηρες ὄντες*) и были прогнаны съ мѣста своего прежняго жительства, именно отъ рѣки Сикана, что въ Иберіи, то-есть, въ Испаніи, лигурами. Это заявленіе великаго афинскаго историка въ его глазахъ есть настоящая правда о сиканахъ (*ὡς δὲ ἡ ἀλήθεια εὐρίσχεται*), которую онъ противопоставляетъ собственному мнѣнію сикановъ, будто они первѣйшіе обитатели на этомъ островѣ и потому называютъ себя тамъ автохеонами. Діонисій Галикарнасскій съ такою же рѣшительностью называетъ сикановъ *γένος Ἰβηρικόν* и повторяетъ, какъ причину поселенія ихъ на островѣ, то, что они были выгнаны съ прежнихъ мѣстъ поселенія лигурами (*Δίχως φερόντες*). Діонисій повторяетъ о сиканахъ то, что онъ нашелъ въ литературѣ; но его заявленіе о происхожденіи сикановъ не было бы такъ рѣшительно, еслибъ у греческихъ писателей на этотъ счетъ было серьезное колебаніе. Дѣйствительно, у греческихъ историковъ иберійское происхожденіе сикановъ было безспорнымъ фактомъ. Вслѣдъ за Фукидидомъ, главнѣйшимъ авторитетомъ греческой исторіографіи, историкомъ, который никогда не говоритъ на обумъ, совершенно въ томъ же родѣ высказывается сиракузскій историкъ Филистъ (род. около 425 г. до Р. Хр.), цитуемый Діодоромъ Сицилійскимъ¹⁾. Пер-

¹⁾ Diod. Sic., V, 6 (Fragm. hist. Graec., I, p. 185, fr. 3; 193, fr. 2): Φιλίστος μὲν γὰρ φησὶν ἐξ Ἰβηρίας αὐτοὺς ἀποικισθέντας κατοικῆσαι τὴν νῆσον, ἀπὸ τινὸς Σικανῶν ποταμοῦ κατ' Ἰβηρίαν ὄντος τετελευτήσας ταύτης τῆς προσηγορίας.

вымъ выразившимъ эту теорію о происхожденіи сикановъ былъ, по всей вѣроятности, древнѣйшій историкъ изъ сицилійцевъ, Антиохъ Сиракузскій, служившій въ томъ, что касается Сицилійской исторіи, источникомъ для Фукидида ¹⁾, его младшаго современника, историкъ, который свою исторію Сициліи, изданную имъ въ 9-ти книгахъ, началъ, по словамъ Діодора ²⁾ „съ Кокала, царя сикановъ“. Если впоследствии Тимей и настаивалъ на томъ, что сиканы—автохтоны Сициліи, упрекая при этомъ Филиста въ невѣжество ³⁾, то эта раздражительность тавроменійскаго историка, историческіе приемы котораго такъ жестоко порицаетъ Поливій, не поколебала установившагося мнѣнія. Его усвоили и римскіе писатели, какъ это видно изъ Силія Италика ⁴⁾. Конечно, тутъ много значилъ авторитетъ такого историка, какъ Фукидидъ, который говорилъ о сиканахъ, какъ о народѣ, еще въ его время сохранившемся въ Сициліи, поддерживая такимъ образомъ мнѣніе объ иберизмѣ этого племени какъ бы знаніемъ сходства ихъ съ иберами Пиринейскаго полуострова, что, повидимому, вытекаетъ также и изъ заявленія Филиста, видѣвшаго въ сицилійскихъ сиканахъ иберійскую колонію. О томъ, что древнѣйшее населеніе дали Сициліи иберы, говорилъ и такой старательный въ собраніи надежныхъ матеріаловъ историкъ, какъ Эфоръ, хотя онъ и не смѣшивалъ сикановъ съ иберами ⁵⁾. Объ иберійскомъ на-

¹⁾ О зависимости въ Сицилійской исторіи Фукидида отъ Антиоха Сиракузскаго говорилъ еще Нибуръ въ *Rom. Gesch.*, I, 28 (58) и затѣмъ доказывалъ эту зависимость на основаніи филологическихъ данныхъ Вельфлингъ въ своей диссертациіи „*Antiochos von Syracus und Coelius Antipater*“ (Winterthur, 1872) а за нимъ пошелъ и Бузольтъ въ *Griechische Geschichte*, I, p. 224; не разъ останавливается на ней въ своемъ 1-мъ томѣ „*Storia della Sicilia e della Magna Grecia*“ и Паисъ (p. 24. прим. 2; p. 109), общаея подробнѣе говорятъ объ этомъ въ приложеніи, которое будетъ находится при 2-мъ томѣ и въ которомъ будетъ рѣчь объ источникахъ. Сдержанно говорить на эту тему Фриманъ въ своей „*Исторіи Сициліи*“, I, p. 896 иѣм. изданіи (Лонд., 1895), въ переводѣ Лупуса.

²⁾ Diod., XII, 71.

³⁾ Diod., V, 6. (Fragm. hist. Graec., I, p. 165 и 193): Τιμαιος δὲ τὴν ἄνοιαν τοῦτου τοῦ συγγραφέως (Филиста) ἐλέγξας, ἀκριβῶς ἀποφαίνεται αὐτόχθονας εἶναι.

⁴⁾ XIV, 38 слд. гдѣ говорится о сиканахъ какъ о выходцахъ съ Пиринейскаго полуострова, *qui nomen ab ante adscitum patrio terrae imposuere vacanti*.

⁵⁾ Strab., VI, p. 270 C. (Fragm. hist. Graec., I, p. 246, fr. 51): Διετέλεσαν μέχρι δεῦρο Σικελοὶ καὶ Σικανοὶ καὶ Μόρρητες καὶ ἄλλοι τινὲς νερόμενοι τὸν νῆσον, ὧν ἦσαν καὶ Ἰβηρες, ὅσπερ πρῶτος φησὶν τῶν βαρβάρων Ἐφορος λέγεσθαι τῆς Σικελίας οἰκιστάς.

селеніи древнѣйшей Сициліи говорить и географическое описаніе, извѣстное подъ именемъ *Περὶ γῆς Σικιμνα*, приписывающее иберамъ и древнѣйшее названіе острова Тринакріей ¹⁾). Видно, что у греческихъ историковъ были сильныя основанія выводить сикановъ съ Иберійскаго полуострова. Извѣстную роль въ этихъ основаніяхъ играла рѣка Сиканъ въ Иберіи, при которой будто бы жили раньше сиканы. Гдѣ была именно эта рѣка на Пиринейскомъ полуостровѣ, мы точно не знаемъ, но что она была тамъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Имѣя передъ глазами категорическое заявленіе о ней Фукидида и Филлиста. О рѣкѣ этого названія въ Иберіи упоминаетъ еще, на основаніи какого источника—неизвѣстно, Стефанъ Византійскій, приурочивая ее къ слову *Δηρά* ²⁾). Важнѣе, впрочемъ, то его указаніе, гдѣ онъ, ссылаясь на Гекатея ³⁾), говоритъ объ иберійскомъ городѣ Сиканѣ, подъ словомъ *Σικάνη*. Существованіе города Сиканы на Иберійскомъ полуостровѣ, извѣстнаго старѣйшему милетскому историку, можетъ подтверждать и существованіе тамъ рѣки, какъ существованіе города Гимеры въ Сициліи напоминаетъ о рѣкѣ, при которой онъ находился и которой онъ обязанъ своимъ именемъ, или какъ страна Иберія и городъ Ибера свидѣтельствуютъ собой о рѣкѣ, которая на самомъ западномъ полуостровѣ Южной Европы дала имъ названіе. Рѣки древнѣе городовъ и народовъ, и названія, которыя онѣ разъ получили, обыкновенно переживаютъ не только существованіе городовъ, но и цѣлыхъ племенъ, которыя въ теченіе тысячелѣтій смѣняютъ одно другое въ извѣстной мѣстности. Поэтому, когда говорится о рѣкѣ въ связи съ именемъ города, или народа, то мы естественно представляемъ себѣ эту рѣку, какъ основу именъ, съ нею связанныхъ. Переходя на новыя мѣста, народы перѣдко переносятъ названія своихъ родныхъ мѣстностей въ новыя страны: такимъ

¹⁾ V. 264 слд.

ἐξῆς Σικαλία νῆσος εὐτυχεστάτη
ἦν τὸ πρότερον μὲν ἑτερόγλωσσα βάρβαρα
λέγουσι πλῆθι καταμέμεθ' Ἰβηρικά,
διὰ τὴν ἑτερόπλευρον δὲ τῆς χώρας φύσιν
ὑπὸ τῶν Ἰβήρων Τρινακρίαν κληομένην.

Изъ новыхъ слѣдователей исторіи Сициліи Фриманъ (lib. cit., p. 86 и 406 слд.) дѣйствительно приходитъ къ заключенію, что Тринакрія (=Тринакія) есть слово не греческаго происхожденія.

²⁾ *Δηρά γῆς Ἰβηρίας, ἧς ὁ Σικανὸς ποταμὸς.*

³⁾ *Σικάνη, πόλις Ἰβηρίας, ὡς Ἐκ. Εὐρ.*

образомъ и рѣка Сиканъ является не только на Пиринейскомъ полуостровѣ, но и на Сицилиі ¹⁾, и такъ, по мнѣнію Гейстербергга ²⁾, называлась именно Южная Гимера, въ чемъ согласны и нѣкоторые другіе новѣйшіе историкѣ Сициліи ³⁾.

Вопросъ теперь въ томъ: гдѣ же текла рѣка Сиканъ на Иберійскомъ полуостровѣ? По соображеніямъ Гротефенда ⁴⁾, Сиканы наименовывались собою рѣку Секвану, нын. Сену, и Секвановъ, прилегавшихъ къ этой рѣкѣ при ея истокѣ. Вообще нужно замѣтить, что въ Германіи было одно время большое стремленіе приписывать кельтскому элементу важную роль въ образованіи италійской національности ⁵⁾: онъ былъ перенесенъ поэтому и на сикуловъ съ сиканцами. Нѣкоторые, говоритъ Гольмъ ⁶⁾, думали избѣгнуть затрудненій, признавъ за Сиканъ Sicoris (нынѣ Segre), притокъ Иберы (Эбро) съ лѣвой стороны. Мнѣніе это существовало еще въ древности, какъ видно изъ объясненія Сервія къ 328 стиху VIII книги *Энеиды*:

Tum manus Ausonia et gentes venero Sicanae ⁷⁾.

Но его рѣшительно оспариваетъ Пансъ ⁸⁾, принимая вмѣстѣ съ Мюлленгофомъ ⁹⁾ за Сиканъ рѣку Сукронъ (Sugro), нынѣ Хукаръ. Основаніемъ для этого мнѣнія служитъ указаніе Авіена ¹⁰⁾ въ его пе-

¹⁾ Steph. Byz. подъ словомъ Σικανία ἢ περίχωρος Ἀκραγαντίων καὶ ποταμὸς Σικανός, ὡς φησὶν Ἀπολλόδοτος.

²⁾ *Fragen der ältesten Geschichte Siciliens* (Berlin, 1889), p. 27 слд.

³⁾ Такъ, напримѣръ, Пансъ „Storia“ etc., I, p. 87 и 93, гдѣ (въ прим. 4) приведены и свои соображенія по этому поводу. Но свѣтически относится къ существованію сицилійской рѣки Сикана Фриманъ въ „History of Sicily from the earliest times“ (Oxford, 1890—1892), I, въ нѣм. пер. Лунуса (Lpz. 1895), p. 418, и совершенно отвергаетъ ее въ Италіи Гольмъ. См. его *Storia della Sicilia nell' antichità, trad. dai professori Dal Lago e Graziadei, riveduta, corretta e aumentata dall' autore. Vol. I. (Torino, 1896), p. 132.*

⁴⁾ *Alt. Italien*, II, p. 5.

⁵⁾ См. ссылки на Вахемута, Гротефенда, Кюца, Форбигера, Герлаха и Бахофена, Геффтера у Швеглера, I, p. 210.

⁶⁾ *Loc. cit.*

⁷⁾ *Sicani autem, secundum nonnullos, populi sunt Hispaniae, a fluvio Sicoridicti.*

⁸⁾ *Storia etc.* I, p. 86.

⁹⁾ *Deutsche Alterthumskunde* (Berlin, 1890), I, 161 слд. Здѣсь вопросъ разбирается до мелочей.

¹⁰⁾ *Rufi Festi Avieni carmina ed. Holder (Ad Aeni pontem, 1887), III, v. 479—480: Attollit inde se Sicana civitas, Propinquo ab anni sic vocata Hibericis.*

риилѣ на рѣку Сиканѣ и на *Sicana civitas* при описаніи восточнаго берега Пиринейскаго полуострова, берега, лежащаго противъ Питіуэскихъ острововъ.

Такъ или иначе, изъ древнихъ свидѣтельствъ о сиканахъ выходитъ, что народъ этого имени существовалъ еще въ историческое время въ Сициліи, и что народъ этотъ жилъ будто бы когда-то въ Испаніи, гдѣ была и рѣка Сиканѣ, берега которой и были его мѣстопробываніемъ, предшествовавшимъ его переселенію на островъ Сицилію. Переселеніе же это, если оно когда-либо имѣло мѣсто,—въ чемъ есть серьезныя основанія сомнѣваться, — должно было произойти въ очень отдаленное время, отъ котораго у самихъ сицилійскихъ сикановъ не сохранилось никакого представленія, такъ какъ, по выше приведеннымъ словамъ Фукидида, они считали себя въ Сициліи автохтонами; да не сохранилось объ этомъ переселеніи и какихъ-либо преданій у другихъ народовъ, какія сохранились въ Италіи о сикулахъ. Говорится только у писателей, что будто ихъ прогнали отъ береговъ Сикана лигуры *ὅτι Λιγύων ἀναστάτες* (Фукидидъ), *Λιγύας φεύγοντες* (Діонисій). Но это, очевидно, не преданіе, а неизвѣстно на чемъ основанное умозаключеніе Фукидида или его источника. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, могло возникнуть такое преданіе? Сами сиканы ничего такого не знали. Если же передавалось что-либо подобное лигурами въ Италію, то у нихъ рѣчь могла идти развѣ объ изгнаніи сикановъ изъ Италіи, гдѣ лигуры были господствующимъ племлемъ до прибытія туда собственно италіковъ. Но пребываніе сикановъ въ Италіи также не имѣетъ для себя опоры въ какомъ-либо преданіи. Если же у латинскихъ писателей, какъ, напримѣръ, у Виргилія и даже у Плинія Старшаго ¹⁾ говорится о пребываніи сикановъ въ Лаціумѣ, то тутъ имя сикановъ или употребляется, какъ мы видѣли это раньше, въ замѣнъ сиколовъ, или же, по своей полной неопредѣленности, является пустымъ звукомъ, исчезающимъ безслѣдно, именно *sine vestigiis*, какъ Плиній выразился объ исчезновеніи изъ Лаціума 50 народовъ, къ которымъ онъ причислилъ и сикановъ, являющихся въ Лаціумѣ на самомъ дѣлѣ совершенно безпочвенными.

Но ясное дѣло, что такой темный вопросъ, какъ вопросъ о происхожденіи въ Сициліи сикановъ не можетъ быть рѣшенъ на основаніи древнихъ писателей. Приводятъ ли они намъ древнія преданія, или дѣлаютъ на основаніи повѣрки этихъ преданій личными наблю-

¹⁾ N. H. III, 6, 69.

деніями или свидѣтельствами географовъ и историковъ, свои заключенія, они не даютъ намъ доказательствъ, которыя были бы достаточны для того, чтобы мы такъ-же могли быть убѣждены въ происхожденіи сикановъ съ Пиринейскаго полуострова, какъ въ томъ были убѣждены Фукидидъ и Фелистъ, или въ исконномъ ихъ пребываніи на островѣ Сициліи, какъ въ этомъ убѣжденъ былъ Тимей. Для насъ требуются еще другія данныя, другія доказательства, другія соображенія, чтобы получить ясность убѣжденія древнихъ писателей. Мы можемъ попытаться этихъ данныхъ, доказательствъ и соображеній поискать, поискать тамъ, гдѣ древніе писатели ихъ не искали: въ областяхъ филологіи, археологіи и даже антропологіи. Но это будетъ дальше, когда мы приступимъ къ рѣшенію вопроса объ этнологическомъ происхожденіи сикуловъ. А пока мы отмѣтимъ лишь, выставляемый почти всѣми древними писателями, затрогивавшими вопросъ о древнѣйшихъ обитателяхъ Сициліи, фактъ, что древнѣйшее населеніе этого острова составляли иберы, — признавали ли эти писатели, какъ Фукидидъ, Фелистъ и ихъ послѣдователи, что этими иберами были сиканы, или они не смѣшивали иберовъ съ сиканами, какъ Страбонъ и его источникъ Эфоръ. Съ этимъ фактомъ связанъ, но не стоитъ съ нимъ въ противорѣчій вопросъ о томъ, были ли сиканы автохтоны на островѣ, какъ они сами о себѣ думали, или прибыли туда съ Пиринейскаго полуострова, какъ объ этомъ обыкновенно говорилось въ греческой и римской литературахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ они могли быть иберами, т. е. принадлежать къ тому-же племени, которое дало въ глубочайшей древности населеніе Пиринейскому полуострову. Замѣтимъ, однако, мимоходомъ, что прибытіе на островъ Сицилію иберовъ съ Пиринейскаго полуострова мало вѣроятно, но что все-таки иберы могли поселиться на Сициліи еще раньше чѣмъ ихъ соплеменники очутились на самомъ западномъ полуостровѣ Европы.

Теперь обратимся къ сикуламъ.

Итакъ сикулы, изгнанные изъ Лаціума, не нашедшіе себѣ пріюта у опиковъ и авзоновъ въ странѣ, которая назъвалась потомъ Кампаніей, и все болѣе и болѣе отгѣсняемые къ югу, не могли уѣхать прочно и въ юго-западномъ углу полуострова, который назывался въ древнѣйшее время Энотріей, и должны были, въ главной своей массѣ, перебраться черезъ проливъ на островъ, гдѣ и уѣлись, отодвинувъ прежнихъ жителей, сикановъ, на западъ и югъ называвшагося по ихъ имени острова. Обстоятельство, что сикулы ни въ одномъ

изъ италійскихъ народовъ, сдѣлавшихся обладателями Апеннинскаго полуострова подъ именемъ умбровъ, латинянъ, осковъ и другихъ вѣтвей италійскаго племени, не нашли себѣ поддержки, а были всюду изгоняемы, служить нѣкоторымъ указаніемъ на то, что они не были народомъ, родственнымъ вторгшимся на Апеннинскій полуостровъ и распространившимся на немъ „италикамъ“. Какъ-то сама собой навязывается картина, что въ очень далекое время, когда италійское племя еще не переходило Апеннинъ, а оставалось въ сѣверной Италіи, населяя съ своими свайными постройками долину По, жило на нижнемъ Тибрѣ съ его притоками, отъ моря по Апеннинъ, племя, называвшееся Сикулами. Оно имѣло тамъ, если не города, то укрѣпленныя мѣста, по возвышенностямъ римскихъ холмовъ, албанскихъ и сабинскихъ горъ, владѣя и берегомъ Тирренскаго моря отъ Тибра до Лириса. Но вотъ па нихъ стали надвигаться непріатели съ сѣверо-восточныхъ сосѣднихъ Апеннинъ, гдѣ уже засѣлъ центръ крѣпкаго племени, начавшаго распространяться на югъ къ востоку и западу, и стали вытѣснять прежнихъ жителей изъ ихъ предѣловъ. Преслѣдуемый народъ послѣ долгаго сопротивленія бросаетъ насиженныя мѣста и ищетъ новыхъ мѣстъ для поселенія. Но разныя отрасли италійскаго племени, часть котораго стремилась отнять у Сикуловъ Лаціумъ, уже успѣли распространиться по Италіи. Сикуламъ пришлось биться въ равнинахъ Кампаніи, и въ горахъ Энотріи съ непріателемъ, который, занимая полуостровъ, естественно покорялъ или вытѣснялъ племена, раньше поселившіяся. Сикулы были настолько многочисленны, чтобъ выдержать тяжелую борьбу и не довести себя до истребленія; но оставаться въ Италіи, какъ самостоятельная община, не могли: новая раса, прорвавшаяся съ сѣвера черезъ Апеннины, твердо стояла за свое господство надъ страной, и разъ выбитый изъ своихъ предѣловъ народъ могъ быть или истребленъ, или покоренъ, или же долженъ былъ удалиться въ другія страны. Жившія въ восточномъ углу полуострова племена иллирійской вѣтви—лиги и мессаны удержали свои мѣста противъ натиска сабелльской вѣтви италиковъ и только впоследствии подпали владычеству сначала греческихъ колоній, а потомъ римлянъ, какъ долгое время сохраняли за собою свою стародавнюю территорію сѣверо-италійскіе лигуры, мѣста которыхъ къ сѣверу отъ По уже въ историческое время стали занимать Галлы, и которые въ Приморскихъ Альпахъ отстаивали свою независимость еще въ первый вѣкъ Имперіи. Но центральнымъ инородцамъ, каковы были Сикулы, древнѣйшіе обитатели Лаціума,—иво-

родцамъ, очутившимся со всѣхъ сторонъ во враждебномъ лагерѣ, среди племени, проявлявшаго въ ту эпоху подъ давленіемъ еще не выясненныхъ причинъ ¹⁾ всю завоевательную энергію, пришлось испытать другую судьбу. Мы сказали: *инородцамъ*. Значить, Сякулы не принадлежали къ латянскому племени?

Да, мы пришли къ заключенію, что не принадлежали и что, скорѣе всего, они были Лигуры. Лигурами ихъ считали нѣкоторые и въ древности. Такъ о нихъ положительно говорилъ Филистъ ²⁾, именно что перебравшійся въ Сицилію народъ были Лигуры, предводительствуемые Сякуломъ. Мнѣніе это раздѣлялъ потомъ Силій-Италикъ. Въ связи съ этимъ стоятъ тѣ свидѣтельства, по которымъ народъ, изгнанный изъ Лаціума, были Лигуры. Таково именно у Феста раньше уже приведенное нами заявленіе: *Sacrani appellati sunt Reate orti, qui ex Septimontio Ligures Siculosque exegerunt*. Хотя въ этомъ заявленіи, извлеченнымъ изъ Верріа Флакка, лигуры стоятъ какъ нѣчто особое отъ сякуловъ, но очевидно, что тутъ простое недоразумѣніе, происшедшее отъ неудачнаго формулированія преданія. Преданіе говорило, что было время, когда римская территория находилась въ рукахъ лигуровъ, стародавнихъ обитателей разныхъ мѣстъ полуострова въ эпоху, предшествовавшую населенію италиковъ. Другое болѣе опредѣленное преданіе говорило, что эти стародавніе обитатели римской территоріи и Лаціума, прогнанные выходцами изъ реатинской области, назывались сякулами. У Верріа Флакка, или, быть можетъ, у его сократителя Феста, вмѣсто одного народа явились два. Какая путаница была у позднихъ писателей по

¹⁾ По всей вѣроятности, оно двигалось подъ напоромъ новаго племени, шедшаго на него съ сѣвера, какимъ Гельбигъ (*Italiker in der Poebene*, p. 99) напрасно считаетъ Этрусковъ, такъ какъ ихъ прибытіе въ Италію, относимое къ 9—10 вв. до Р. Хр., не можетъ совпадать съ періодомъ расселенія италійскаго племени по Апеннинскому полуострову, которое во всякомъ случаѣ слѣдуетъ полагать задолго до начала перваго тысячелѣтія до Р. Хр. См. между прочимъ мою статью (отрывокъ изъ публичной лекціи) „Образованіе римской расы“ и проч. въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1896, май, стр. 3 слд., въ которой впрочемъ я еще не прочь былъ считать Сякуловъ за отрасль италійскаго племени. Племя, подъ напоромъ котораго двигались италики, было скорѣе всего Венеты, какъ это раньше высказалъ фонъ-Дунъ въ статьѣ „Ueber die archäologische Durchforschung Italiens innerhalb der letzteren acht Jahre“ въ *Neue Heidelberger Jahrbücher*, VI (1896), p. 82.

²⁾ Strab. VI, 2, 4 (p. 270 C.): Ἴβηρες, ὁβσπερ πρῶτος φησὶ τῶν βαρβάρων Ἐφορος λέγειναι τῆς Σικελίας οἰκιστάς.

отношенію къ преданію о древнѣйшихъ обитателяхъ Лаціума, всего лучше показываетъ примѣчаніе Сервія къ 317 стиху XI кн. Энеиды: *Siculi.. a Liguribus pulsati sunt, Ligures a Sacranis, Sacrani ab Aboriginibus*. Здѣсь аборигены Лаціума, которыми у Варрона ¹⁾ и Діонисія ²⁾ именно и называются выходцы изъ Реатинской области въ священную весну, (*sacranis*), предпринявшіе изгнаніе сикуловъ, являются народомъ, прогнаннымъ изъ Лаціума сакрановъ. Но и въ этой путаницѣ все-таки удержана черта преданія, что народъ, прогнанный сакранами изъ Реатинской области, были лигуры (*Ligures a Sacranis*). Объ ихъ пребываніи въ Лаціумѣ Діонисій ³⁾ говоритъ еще въ повѣствованіи о временахъ посѣщенія этихъ мѣстъ Геркулесомъ, но онъ-же въ другомъ мѣстѣ ⁴⁾ заявляетъ, что древнѣйшими обитателями римской территоріи считаются никто другой, какъ сикулы, ἑθνος σικυλώνες. Такимъ образомъ преданіе о лигурійскомъ происхожденіи сикуловъ коренилось въ древности очень глубоко, хотя оно и не вылилось въ такія отчетливыя формы, какъ преданіе объ иберизмѣ сикановъ.

Но само собой разумѣется, что въ такихъ вопросахъ, какъ принадлежность того или другаго исчезнушаго въ древности народа къ той или другой расѣ, преданіе значитъ немного, если нѣтъ болѣе вѣскихъ данныхъ въ его подтвержденіе. Поэтому нечего удивляться, что историки и филологи держатся обыкновенно другаго мнѣнія о происхожденіи сикуловъ. Были между ними такіе ⁵⁾, которые считали сикуловъ кельтами; были такіе ⁶⁾, которые причисляли ихъ къ пелазгамъ: но обыкновенное мнѣніе то, что сикулы народъ одного корня съ латинянами, осками, умбрами, т. е. съ народами собственно такъ называемой италійской расы, и даже чуть-ли не одно съ латинянами. Въ своей прекрасной диссертациі „Критическія изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи“ (С.-Петербургъ, 1865), О. О. Соколовъ, разбирая вопросъ о племенной принадлежности сикуловъ, говоритъ (стр. 70): „сикулы принадлежатъ къ древней италійской расѣ вѣстѣ съ латинами, сабинами, самнитами, осками. Это мнѣ кажется неопровержимымъ“. Нѣтъ ничего удиви-

¹⁾ De L. L., V, 53.

²⁾ A. R. I, 22.

³⁾ I, 40.

⁴⁾ I, 9.

⁵⁾ Вахсмутъ, Гротенфендъ, Клоцъ, Форбигеръ и въ послѣднее время D'Arbois de Jubainville.

⁶⁾ Нибуръ, Отфр. Мюллеръ, Шеманнъ, Абенкенъ.

тельнаго, что слишкомъ тридцать лѣтъ назадъ рѣшалъ такимъ положительнымъ тономъ столь темный вопросъ молодой русскій ученый, хотя и тогда или раньше болѣе осторожные люди (изъ представителей этой теоріи), какъ, напримѣръ, Швеглеръ ¹⁾, высказывались съ гораздо меньшею рѣшительностью, считали эту точку зрѣнія лишь „относительно наиболѣе вѣроятною“. Удивительно то, что даже въ наши дни, когда данныя для рѣшенія этого вопроса необыкновенно увеличились, ближайшее родство сикуловъ съ латинянами провозглашается какъ наиболѣе вѣрное рѣшеніе задачи, относящейся къ ихъ происхожденію. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ историковъ Сициліи нашего времени, значеніе котораго въ этой области нѣкоторые ставятъ наравнѣ съ тѣмъ, какое имѣетъ Моммзенъ въ римской исторіи и Курциусъ въ греческой, бывший палермскій профессоръ Адольфъ Гольмъ, даже въ недавно вышедшемъ итальянскомъ изданіи своей „Исторіи Сициліи въ древности“, въ которомъ переводчиками указываются и изумительные результаты археологическихъ раскопокъ на островѣ, считаетъ возможнымъ утверждать ²⁾, что сикулы были „по племени родственны римлянамъ“, что они были „италійской расы и по языку, и тѣсно родственны оскамъ и латинамъ“. Но еще рѣшительнѣе на эту точку зрѣнія становится Эдуардъ Фриманъ, гениальный авторъ „Исторіи Сициліи съ древнѣйшихъ временъ“ ³⁾ труда, неоконченнаго въ задуманныхъ авторомъ размѣрахъ, но писаннаго съ величайшею любовью и съ самою строгою тщательностью и восхитительно изложеннаго. Опираясь единственно на остатки такъ называемаго языка сикуловъ, о которомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, онъ прямо считаетъ сикуловъ латинскимъ народомъ не только въ широкомъ, но и въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. „Отъ ихъ языка“, говоритъ онъ, дошло до насъ немного; мы не обладаемъ никакими сикельскими книгами, никакими навѣрное сикельскими надписями; но въ нашихъ рукахъ находятся сикельскія слова, до того осязательно латинскія, что едва ли требуется приводить на то длинныя доказательства. Народъ, названный рѣку по причинѣ холодности ея воды *Геласъ*, не позволяетъ относительно своего племеннаго родства находиться въ сомнѣніи.

¹⁾ Römische Geschichte. I, 211.

²⁾ Storia della Sicilia nell'antichità переведенная съ нѣмецкаго профессоромъ Даль-Луго и Граціаденъ, пересмотрѣнная, исправленная и увеличенная авторомъ. I, (Torino, 1896), p. 144.

³⁾ The history of Sicily etc. (1890—1892), переведенн. на нѣм. языкъ Беригъ-Лукусомъ, I, p. 107 (нѣм. изд.).

Ближайшимъ отношеніемъ италійскихъ сикеловъ къ латинянамъ, которымъ принадлежали тридцать городовъ, или къ римлянамъ, которые удержали за собой палатинскій холмъ въ борьбѣ съ этрусками и сабинянами, менѣе должна заниматься сицилійская, чѣмъ италійская исторія. Для насъ достаточно установить, что они были отпрыскомъ обще-италійскаго корня, что они принадлежали тому-же общему племени, какому принадлежали обитатели Рима и Тускула, словомъ, что они въ широкомъ смыслѣ слова были латинскій народъ¹⁾. Нѣсколько далѣе Фриманъ выражаетъ съ еще большею настойчивостью свое убѣжденіе въ латинскомъ происхожденіи сиколовъ. Онъ говоритъ: „если мы вообще можемъ чему нибудь вѣрить, что не стоитъ точно записаннымъ въ современныхъ лѣтописяхъ, то мы имѣемъ сильнѣйшія основанія для вѣры, что сикелы были италійскій народъ, *даже латинскій народъ*, который по всей вѣроятности былъ на этомъ островѣ первымъ пионеромъ арійскаго населенія. Они сохранили здѣсь характеръ латинскаго народа, нарѣчіе латинскаго языка, пока распространеніе греческаго завоеванія и греческаго вліянія мирнымъ путемъ не перевело ихъ шагъ за шагомъ, какъ усыновленныхъ членовъ, въ кругъ эллинизма“. По пятамъ за Фриманомъ слѣдуетъ Жоржъ Перро въ недавней своей статьѣ подъ заглавіемъ „Un peuple oublié, les Sikèles“²⁾. Въ статьѣ этой, умно, живо и талантливо написанной, какъ и все, что выходитъ изъ подъ пера дѣятельнаго члена парижской академіи надписей, поражаетъ то, что авторъ, такъ прославленный своей „Исторіей искусства въ древности“³⁾ и такъ привыкшій двигаться на археологической почвѣ, совсѣмъ упустилъ изъ виду данныя, ему хорошо извѣстныя, и предпочелъ путь рѣшенія вопроса, достаточно уже избитый, но въ настоящее время небезопасный. Фриманъ, который такъ хорошо изучилъ древнюю литературу и такъ близко освоился съ топографіей Сициліи и съ тѣмъ, что находится на ея поверхности, совсѣмъ не считался съ раскопками некрополей древнихъ сиколовъ, предоставившими въ руки науки непосредствен-

¹⁾ Вопросомъ о происхожденіи сиколовъ Фриманъ подробнѣе занимается въ IV приложеніи къ I тому, гдѣ онъ входитъ и въ дальнѣйшій разборъ вопроса о племенномъ отношеніи сиколовъ къ сиканамъ, которыхъ онъ рѣшительно считаетъ иберами. Въ этомъ же приложеніи онъ занимается и разборомъ остатковъ языка сиколовъ (стр. 431 слд. нѣм. изд.).

²⁾ *Revue des deux mondes*, 1 Juin, 1897, p. 598.

³⁾ *Histoire de l'art dans l'antiquité*, par G. Perrot et Ch. Chipier (вышло 6 томовъ).

ныя данныя объ этомъ вопросѣ, о какихъ до послѣдняго времени и не думали. Правда, его исторія писалась тогда, когда эти данныя были или еще очень скудны, или только-что стали разрабатываться; но Перро былъ посвященъ въ археологическія работы въ Сициліи послѣднихъ лѣтъ непосредственно и даже сообщаетъ результаты раскопокъ Ореи въ своей статьѣ съ свойственнымъ ему искусствомъ, и все-таки въ вопросѣ объ этническомъ происхожденіи сикуловъ онъ не пошелъ дальше того, что множество разъ было говорено другими. Онъ позволилъ себѣ даже отдѣлаться отъ него съ легкостью, недостойною своей репутации. Заявивъ не подлежащій сомнѣнію фактъ, что сикулы пришли на островъ Сицилію изъ Италіи, что они, по свидѣтельству греческихъ и римскихъ писателей. „играли роль въ исторіи первоначальнаго Лаціума“, онъ заключаетъ: *Il paraît donc certain, que les Sikèles, comme toutes les autres tribus (?) qui ont peuplé l'Italie, sont de race aryenne, et l'on est fondé à les croire très étroitement apparentés aux Latins. Nombreux (?) sont les indices, qui donnent à cette conjecture un haut degré de vraisemblance. Il serait trop long de les énumérer; nous n'en citerons qu'un, qui est significatif*“ (р. 598). За этимъ слѣдуетъ указаніе употреблявшихся въ языкѣ сицилійскихъ грековъ словъ, общихъ съ латинскими, съ ссылкой на Фримана. У автора, видите-ли, есть *многочисленная* доказательства его теоріи, но ихъ было бы слишкомъ долго перечислять, и потому онъ приводитъ только *одно*. Право, это напоминаетъ одно мѣсто изъ Цлавтовой комедіи, гдѣ весьма не почтенное лицо, на которомъ сосредоточивается комизмъ пьесы, на вопросъ объ его имени заявляетъ, что у него столько именъ, что еслибъ онъ сталъ ихъ съ утра перечислять, то не кончилъ бы до вечера ¹⁾. Нѣтъ никакихъ другихъ доказательствъ въ пользу общности происхожденія сикуловъ съ латинянами или вообще съ италикami, кромѣ приведенныхъ авторомъ не имѣется. Все же остальное или не говоритъ ничего въ пользу этой общности, или говоритъ прямо противъ нея. Именно все дальнѣйшее продолженіе статьи самого г. Перро, начиная съ того пункта, гдѣ онъ вступилъ на археологическую почву, до конца (рр. 608—632), есть самое прямое опроверженіе теоріи общ-

¹⁾ *Триниттис*, дѣйствіе IV, сд. 2, ст. 884—886. Безъ сомнѣнія, мы употребили это не совсемъ вѣжливое сравненіе, не думая причинить оскорбленіе ученому, имя и заслуги котораго слишкомъ важны и громки, чтобы мы могли отнестись къ нему иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ.

ности происхожденія сикуловъ съ латинянами. Эпоха, къ которой принадлежать древнѣйшіе могильники сикуловъ, культура, въ нихъ открываемая, погребальныя обычаи и могильная обстановка—все это отъ начала до конца можетъ говорить о чемъ угодно, только не о родствѣ населенія этихъ могильниковъ съ могильниками латинскаго или другаго италійскаго племени.

Въ самомъ дѣлѣ, забудемъ на время тѣ разнорѣчивыя и сбивчивыя сообщенія, какія мы находимъ о сикулахъ у древнихъ писателей, и обратимся къ тѣмъ даннымъ, которыя намъ оставилъ о себѣ самъ этотъ народъ на мѣстахъ своего жительства, на островѣ его имени, данныя, не выдуманныя, не искаженныя передачей и толкованіями, а подлинныя и дошедшія до насъ непосредственно.

II. Данныя археологическія.

Передъ нашими глазами книга: „*Quattro anni di esplorazioni Sicule nella provincia di Siracusa*“ (1880—93). Парма, 1894. Книга эта есть не что иное, какъ переплетъ вмѣстѣ оттисковъ статей, помѣщавшихся въ совершенно неизвѣстномъ у насъ и не находящемся ни въ одной петербургской библиотекѣ, но очень важномъ для этнологовъ и археологовъ журналѣ Пигорини *Bullettino di Paletnologia Italiana*, на который мнѣ такъ часто приходилось ссылаться въ своихъ статьяхъ за послѣдніе годы. Авторъ этихъ статей, Паоло Ори, директоръ археологическаго музея въ Сиракузѣ или, по древнему, въ Сиракузахъ. Хотя археологическія раскопки въ Сициліи дѣлались и раньше, но слабо, не систематично, такъ что ихъ нельзя ставить ни въ какое сравненіе по энергіи, а отсюда и по результатамъ съ раскопками, производившимися въ послѣднюю четверть столѣтія въ центрѣ и на сѣверѣ Апеннинскаго полуострова. Наиболѣе крупнымъ трудомъ за этотъ предыдущій періодъ времени въ области доисторической археологіи Сициліи является работа нѣмецкаго антрополога Адриана „*Praehistorische Studien aus Sicilien*“ (Berlin. 1878)¹⁾, въ которой, кромѣ собственныхъ изысканій автора, соединены результаты предыдущихъ раскопокъ и изслѣдованій. Эти раскопки и изысканія, направленные главнымъ образомъ на пещеры сѣверной и сѣверо-западной части Сициліи (въ окрестностяхъ Чефалѹ, Термини, Палермо, Карини и др.), но также и на находящіяся въ серединѣ острова, по ту и другую сторону Ги-

¹⁾ Помѣщена была работа въ *Zeitschrift für Ethnologie*, 1878.

меры (Виллафрате, Каммарата, Кальтанисетта и др.), и на югъ его (Седжа, Модика) и на Липарскихъ островахъ, выяснили, что Сицилія была обитаема съ палеолитическаго времени, что первоначальное населеніе ея было троглодитское, то-есть обитало въ естественныхъ пещерахъ, что оно питалось охотой, рыбой и особенно моллюсками, что, далѣе, отъ неолитическаго періода остались слѣды многочисленнаго населенія, которое употребляло каменные орудія, въ обдѣлкѣ которыхъ уступало таковымъ же орудіямъ, находящимся въ дольменахъ средней Европы, и сосуды, которые своимъ орнаментомъ превосходили сосуды каменнаго вѣка за Альпами, что вообще культура, на которой стояло это населеніе, и могильная обстановка, которая больше всего свидѣтельствуетъ объ этой культурѣ, имѣетъ ближайшее сродство съ неолитическою культурой острова Сардиніи, Балеарскихъ острововъ а также и Лигурійскихъ пещеръ и поселеній, такъ называемыхъ *fondi di sarapne*, наконецъ—Пиринейскаго полуострова и южной Франціи. Общее заключеніе, къ которому пришли на основаніи добытыхъ къ восьмидесятымъ годамъ данныхъ, было то, что первоначальное населеніе Сициліи составляли Иберы, какъ впрочемъ думали и древніе, даже независимо отъ мнѣнія о происхожденіи сикановъ съ Иберійскаго (Пиринейскаго) полуострова ¹⁾. Но всѣ эти выводы были сдѣланы изъ данныхъ, собранныхъ безъ плана и системы. Орси первый повелъ дѣло археологическихъ изысканій строго систематически, стараясь обследовать одинъ за другимъ пещерные могильники вокругъ Сиракузъ и изучить добытый тамъ богатый матеріалъ точнымъ археологическимъ методомъ, слѣдя за постепенными измѣненіями этого матеріала, указывавшими на стороннія вліянія, и выясняя такимъ образомъ одну за другою эпохи жизни обитавшаго въ этихъ мѣстахъ населенія.

То былъ, конечно, случай, что, принявшись за археологическія изысканія въ окрестностяхъ Сиракузъ, онъ своевременно попалъ на

¹⁾ Изъ статьи г. Жоржа Перро можно заключить, что до Кавалари, который въ 1877 г. обнаружилъ свой мемуаръ „*Opere di escavazioni anteriori ai Greci in Sicilia*“ (въ *Archivio storico Siciliano*), и отчета, обнаруженнаго въ 1880 г. г. Салинасомъ въ *Notizie degli scavi*, о раскопкахъ въ могильникахъ Парко и Каначи, къ западу отъ Палермо, какъ бы не было археологическихъ изслѣдованій о первобытныхъ обитателяхъ Сициліи. Но это невѣрно, да и самъ Перро едва-ли думалъ это сказать, говоря, что Кавалари и Салинасъ „*ont eu les premiers le merite*“ предпринять рядъ изслѣдованій о до-исторической эпохѣ своего отечества (р. 609).

мѣстность, археологическій матеріалъ которой представлялъ наибольшую древность. Но это случайность была счастливая, давшая возможность выяснить преимущество культуры этихъ мѣстъ съ той самой поры человѣческаго существованія въ Сициліи, къ которой относятся самыя первыя поселенія на островѣ, о какихъ только сохранилась память до образованія греческихъ на немъ колоній. Коринскіе греки, подъ предводительствомъ Архіи, заняли въ 734 г. до Р. Хр. островъ Ортигію, прогнавши оттуда сикуловъ, чѣмъ и было положено основаніе Сиракузамъ. Такъ говорятъ Фукидидъ, приступая къ исторіи греческихъ поселеній на Сициліи ¹⁾, изъ которыхъ Сиракузы были второю по времени. Такимъ образомъ греки отняли для постройки Сиракузъ территорію отъ сикуловъ. Но сикулы не были первобытными жителями на островѣ. Имъ, какъ мы знаемъ, предшествовали сиканы, которыхъ они, по словамъ того-же Фукидиды ²⁾, оттѣснили въ южныя и западныя части острова, и сами, какъ это было и естественно, заняли восточную его половину, которая всего ближе къ Италіи, отдѣляясь отъ нея лишь Мессинскимъ проливомъ, и въ которую они прежде всего вторглись, когда переплыли на плотахъ (преданіе, отмѣченное Фукидидомъ) съ полуострова на островъ. Съ этого момента до прибытія грековъ восточный берегъ Сициліи и находился во владѣніи сикуловъ. Археологическіе памятники, предшествующіе греческимъ колоніямъ, слѣдовательно, и должны принадлежать народу, который обиталъ въ тѣхъ мѣстахъ непрерывно въ продолженіе многихъ столѣтій, пока не былъ оттѣсненъ отъ берега греческими колонистами. Но и народъ, который предшествовалъ въ тѣхъ же мѣстахъ самимъ сикуламъ, то-есть сиканамъ, также могъ оставить слѣды своего пребыванія. Случай, какъ раньше было сказано, навелъ Орси на слѣды этого первобытнаго населенія, называлось ли оно сиканами или иначе, все равно, но это было населеніе, культура котораго была мало похожа на культуру сикуловъ, какъ эта послѣдняя открывается намъ въ ихъ древнѣйшихъ могильникахъ, и обличаетъ ясныя точки соприкосновенія съ культурою дольменовъ Пиринейскаго полуострова и южной Франціи.

Археологическая станція неолитическаго періода, о которой идетъ рѣчь, называется Стентинелло, мѣстность по берегу моря къ сѣверу отъ верхнихъ Сиракузъ, въ двухъ километрахъ отъ таможенной

¹⁾ VI, 3.

²⁾ VI, 2.

станціи Стентино. Статьей о Стентинелло, съ приложеніемъ трехъ таблицъ съ фототипическими снимками образцовъ найденныхъ тамъ архаическихъ предметовъ и начинается необыкновенно богатая данными о доисторической жизни Сициліи книга Орси.

На мѣстѣ, которое было здѣсь занято населеніемъ неолитической эпохи, а въ особенности въ двухъ рвахъ, служившихъ мѣстомъ для его отбросовъ, найдены въ жирномъ черноземѣ кости животныхъ разбѣчипшия вдоль, конечно для извлеченія оттуда мозжечка, обработанные или полуобработанные кремни, нѣсколько сломанныхъ базальтовыхъ топоровъ и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ огромное множество глиняныхъ осколковъ древнѣйшаго типа; значить тутъ хранились остатки пищи и промышленности когда-то существовавшего въ этихъ мѣстахъ населенія. Пищей его служили моллюски, отчасти рыба, остатокъ которой былъ также найденъ, но въ большой степени также и домашнія животныя, по костямъ и черепамъ которыхъ, изслѣдованнымъ пармскимъ профессоромъ Стробелемъ, можно было между ними съ достовѣрностью признать козу (*hircus aegagrus*), барана (*ovis aries*), быка малой (*bos brachyceros Rüttimeyer*) и большой расы (*bos taurus*, *bos primigenius*), свинью малой расы (*sus palustris Rüttimeyer*). Въ числѣ домашнихъ животныхъ была и собака двухъ видовъ, меньшаго (*canis Spaletti, Strobel*) и большаго (*canis palustris Rüttimeyer*). Никакихъ слѣдовъ дикихъ животныхъ среди съѣстныхъ отбросовъ въ раскопанномъ районѣ не нашлось. Да, по всей вѣроятности, первобытный обитатель этихъ мѣсть и не былъ охотникомъ. У него не было никакихъ потребныхъ для этого орудій: ни стрѣлъ, ни наконечниковъ копій и дротиковъ, никакихъ другихъ подобныхъ орудій, обыкновенно встрѣчающихся въ большемъ или меньшемъ количествѣ въ мѣстахъ поселеній неолитической эпохи на материкѣ. Всѣ его орудія состояли изъ кремневыхъ ножей и отчасти изъ базальтоваго топора, которымъ онъ могъ защищаться отъ враговъ или дикихъ звѣрей, но который не годится для охоты. Наконецъ обломокъ чего-то похожаго на ручную мельницу изъ лавы вогнуто-выпуклой формы говорить, повидному, объ употребленіи въ пищу и растертыхъ зеренъ, хотя; какъ вѣрно замѣчаетъ Орси, недостаточенъ для признанія этого человѣка земледѣльцемъ. Мельница такого рода могла ему служить для растирания какихъ-нибудь дикихъ зеренъ или ягодъ, какъ это признано относительно другихъ станцій неолитической эпохи. Отсутствие разнообразія каменныхъ орудій и обладаніе почти исключительно кремневымъ ножомъ естественно приводятъ къ мысли, что

человѣкъ Стентинелло жилъ раньше, чѣмъ стали въ Сициліи дѣлаться искусственныя пещеры или гроты, въ которыхъ погребались трупы предшествовавшаго греческимъ колоніямъ населенія, то-есть, сикуловъ. Онъ жилъ тутъ въ шалашахъ на поверхности земли, какъ можно судить потому, что вблизи этого населенія нѣтъ не только искусственныхъ, но и натуральныхъ гротовъ.

Культура первобытнаго обитателя Стентинелло была очень низка, ниже обыкновенной культуры неолитической эпохи въ южной и средней Европѣ во всемъ томъ, что касается орудій защиты, нападенія и добыванія средствъ къ существованію. Но этого нельзя сказать о керамикѣ и приложенныхъ къ ней артистическихъ способностяхъ человѣка. Тутъ обитатели Стентинелло обнаружили и разнообразіе формъ, и разнообразіе орнамента, какого нельзя было бы ожидать отъ обладателя столь несовершенныхъ орудій въ другихъ отношеніяхъ. У нихъ даже глиняная масса и ея приготовленіе (хорошее знаніе пропорціи примѣсей) отличались рѣдкимъ для того времени совершенствомъ, чѣмъ достигалась замѣчательная прочность издѣлій, осколки которыхъ превосходно противостояли вліянію дождей и морской воды въ продолженіе тысячелѣтій. И въ обжиганіи глиняныхъ издѣлій обитатели Стентинелло были въ своемъ родѣ замѣчательные мастера, тѣмъ болѣе, что нѣтъ возможности предполагать у нихъ существованія гончарной печи, какъ это ясно доказывается неоднобразнымъ обжигомъ разныхъ сторонъ сосуда, происходящимъ видимо отъ подверганія его дѣйствию открытаго огня. Они умѣли, кромѣ того, настолько отшлифовать сосудъ, что онъ иногда получалъ блескъ, похожій на поливу. Какъ просты были геометрическіе орнаменты сосудовъ въ видѣ прямыхъ линій, отдѣльныхъ ли одна отъ другой, какъ это чаще всего, или связанныхъ между собою и образующихъ пятиугольники или ромбы, ломанныя линіи и въ исключительныхъ случаяхъ даже волнообразныя, или, наконецъ, въ видѣ маленькихъ сегментарныхъ кружковъ, во всякомъ случаѣ первобытные горшечники Стентинелло обнаруживали особый вкусъ къ изящному и умѣнье комбинировать декоративныя элементы, какое рѣдко встрѣчается на этой степени неолитической культуры. Но что еще болѣе удивительно, это—попытки этихъ первобытныхъ обитателей восточнаго берега Сициліи къ пластикѣ,—къ изображенію фигуръ животныхъ, а можетъ быть и человѣка. Такія попытки столь необыкновенны для неолитическаго періода вообще и въ частности для того періода въ Италіи, что можно указать едва на два, на три случая подобныхъ находокъ,

и что для того, чтобъ имъ найдти параллель, нужно обращаться къ *первому* городу на мѣстѣ Тром (у Шлимана, *Thios*, p. 259), гдѣ былъ найденъ грубый образчикъ человѣческихъ фигуръ періода каменныхъ орудій, и къ гроту Карвайльгаль въ Испаніи ¹⁾; да кромѣ того Орси указываетъ на два экземпляра въ атласѣ Морелли (тогда еще не появившемся въ свѣтъ), которые были найдены въ *Agene Candide* и обличаютъ большое сродство съ троянскими (уже втораго города), которые, какъ основательно замѣчаетъ Орси, „стоятъ во главѣ антропоморфическихъ созданій пластики“. Такъ какъ ничего подобнаго нѣтъ въ керамикѣ искусственныхъ сицилійскихъ пещеръ (гrottoes) и такъ какъ формы и орнаментировка сосудовъ также всецѣло различна отъ формъ и орнаментовъ керамики этихъ пещеръ, обличая между тѣмъ аналогію съ дольменами Португаліи, французскихъ Альпъ, Пиринеевъ, и Прованса, то Орси заявляетъ, что эта связь формъ и орнаментовъ съ вѣ-сицилійскими странами указываетъ на связь этническую, на распространеніе по всѣмъ этимъ мѣстамъ одной и той-же вѣтви рода человѣческаго, что неоднократно высказывалъ раньше Пигорини ²⁾, на котораго Орси въ данномъ случаѣ опирается, и на что особенно, только въ болѣе широкомъ масштабѣ, напираетъ теперь Серджи, извѣстный римскій антропологъ, о теоріи котораго мы будемъ говорить ниже. Въ отличіе отъ той расы сицилійскаго населенія, которая содержитъ тамъ искусственные гроты, и въ которой по разнымъ основаніямъ надо видѣть сиколовъ, Орси считаетъ столь отличное отъ нихъ по своей керамикѣ населеніе Стентинелло иберо-лигурійскимъ, родственнымъ населеніямъ, создавшимъ южно-европейскіе дольмены.

Остатки неолитической эпохи, найденные въ мѣстности Стентинелло, такъ важны для вопроса о древнѣйшихъ обитателяхъ Сициліи, что на нихъ, какъ и на изслѣдованіи ихъ, сдѣланномъ Орси, нужно

¹⁾ См. у Картамьяка въ „*Agés préhistoriques de l'Espagne et du Portugal*“, p. 118.

²⁾ Въ данномъ случаѣ Орси ссылается лишь на статью Пигорини въ его *Bullettino di paleontologia italiana* 1882. Тотъ-же взглядъ, именно, что сходство въ разныхъ особенностяхъ сосудовъ, находящихся на островахъ Сардиніи и Сициліи, съ сосудами дольменовъ и погребальныхъ гротовъ южной Франціи, Португаліи и пр. указываетъ не только на единство культуры, но и на единство этническое, на иберовъ, которые были обитателями всѣхъ этихъ странъ, Пигорини развиваетъ въ *Atti академіи Линчеевъ* 1881—1882. (*Transunti*, vol. VI, p. 156 сл.) въ замѣткѣ „*Sulle tombe e stazioni di famiglie Iberiche esistenti in Italia* и затѣмъ въ *Rendiconti* той же академіи, vol. III, 1887, p. 296, въ статьѣ „*Antichità Ibero-Liguri dell' età neolitica, scoperte nelle provincia di Brescia*“.

было бы остановиться дольше и изложить дѣло подробнѣе, если бы это не отклоняло насъ отъ нашей прямой задачи—отысканія народности сикуловъ. Въ данномъ случаѣ можно удовольствоваться тѣмъ выводомъ, что населеніе, которое предшествовало сякуламъ на островѣ Сициліи и по твердо стоящему у древнихъ писателей преданію называется сиканами, было неоднородно съ сикулами, такъ какъ памятники жизни, оставленные этими послѣдними, обличаютъ не только другой археологическій слой, какъ принято въ подобныхъ случаяхъ выражаться, то-есть другой періодъ времени, но и другія типическія особенности, не стоящія ни въ какой органической связи съ тѣмъ, что оставлено сиканами (будемъ такъ называть населеніе, оставившее намъ столь интересные отбросы въ мѣстности Стентинелло, такъ какъ это самое вѣроятное предположеніе въ данномъ случаѣ). О связи же этихъ сикановъ,—или того сицилійскаго населенія, которое предшествовало населенію сикуловъ и было отодвинуто этими послѣдними отъ восточнаго берега Сициліи,—съ „италиками“, то-есть, съ умбро-сабелло-латинскимъ племенемъ, не можетъ быть никакой рѣчи уже потому, что надревнѣйшія поселенія италиковъ на Апеннинскомъ полуостровѣ, къ которымъ относятся ихъ постройки въ терремарахъ долины По, всецѣло принадлежатъ бронзовой эпохѣ, тогда какъ, копаясь въ отбросахъ, оставленныхъ намъ древнѣйшимъ населеніемъ Стентинелло, мы находимся въ полной глубинѣ каменнаго вѣка, который обитателями терремаръ былъ пережитъ гдѣ-то въ другихъ мѣстахъ, а не въ южной Европѣ.

Но и древнѣйшіе остатки культуры сикуловъ, то-есть, того населенія, съ которымъ пришлось грекамъ прежде всего придти въ столкновение, также гораздо древнѣе той культуры, какую италики имѣли еще раньше своего перехода черезъ Апеннины. Эти древнѣйшіе остатки культуры сикуловъ вводятъ насъ хотя также въ эпоху еще каменныхъ орудій, но зато въ такой ея періодъ, когда въ нее уже начинаютъ проникать и бронзовыя орудія, хотя бы въ самомъ маломъ количествѣ, хотя бы только въ видѣ исключенія. Такую эпоху Орси, безъ сомнѣнія, имѣлъ право назвать *неолитическою*, то-есть, мѣдно- или бронзо-каменною. Эпоха эта принадлежитъ въ Сициліи народу, который умѣлъ строить искусственныя пещеры, а въ нихъ устраивать погребальныя камеры для своихъ усопшихъ. Предметы, которые характеризуютъ жизнь этого народа и найдены почти исключительно въ этихъ пещерахъ или гротахъ рядомъ съ костяками покойниковъ, трупы которыхъ, помѣщавшіеся въ устроенныхъ для того камерахъ.

клялись часто въ скорченномъ видѣ¹⁾, что въ свою очередь, заставляетъ думать о томъ, что они прежде погребенія скальпировались и клялись уже въ видѣ скелетовъ. Древнѣйшіе пещерные могильники такого рода въ окрестностяхъ Сиракузъ представляетъ горная мѣстность близъ Меллили, къ сѣверо-западу отъ Сиракузъ, на которой стоялъ сикульскій городъ Гябла, повелитель котораго по имени Гиблонъ, позволилъ грекамъ изъ Мегары основать на ближайшемъ морскомъ берегу городъ, получившій названіе Мегары Гиблейской²⁾). А между разными могильниками Меллили наиболѣе типическимъ по устройству могилъ и ихъ архаическому характеру представляется тотъ, который находится въ мѣстности, называемой Бернардина. Онъ былъ тщательнѣйшимъ образомъ обследованъ Орси, который и далъ отчетъ объ этомъ въ *Bullettino di paleologia Italiana* 1891 (май—июль) въ статьѣ подъ заглавіемъ „La Necropoli Sicula di Melilli (Siracusa)“³⁾. Почти на одинаковой степенн стоитъ и представляеть съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ наибольшее сходство также хорошо и подробно изслѣдованный имъ некрополь въ Кастеллуччо. Въ этихъ двухъ некрополяхъ, разработанныхъ систематически, Орси и видятъ наиболѣе древній моментъ сикульской культуры. Мы поневолѣ должны согласиться съ нимъ, такъ какъ болѣе древняго фазиса этой культуры до сихъ поръ нигдѣ не найдено.

Этотъ древнѣйшій, извѣстный намъ, фазисъ культуры сикуловъ характеризуется прежде всего устройствомъ самихъ пещерныхъ могилъ. Типъ этихъ могилъ, устроенныхъ въ известковомъ камнѣ юго-восточныхъ горъ Сициліи въ общемъ одинъ и тотъ же: передъ вырытой въ стѣнѣ горы могилой съ печеобразнымъ отверстіемъ (a forno), нѣчто въ родѣ прихожей, закрытой снаружи камнемъ, входъ въ могильную камеру также закрытъ плитой, играющей роль двери; камера круглой или эллиптической формы со сводомъ; въ числѣ сосудовъ всегда есть большой для воды, въ которой нуждался покойникъ для утоленія жажды, и горшочки для пищи; затѣмъ вещи, служившія для занятій покойника (ножи, скребки, лопатки и т. п.), или бывшія его любимыми, или служившія для его укра-

¹⁾ Обычай этотъ встрѣчается въ неолитической эпохѣ и въ другихъ мѣстахъ, и между прочимъ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ южно-русскихъ кургановъ. См. статью Анушина *Могили* въ *Энцикл. Словарь* Брокгауза и Ефрона (т. XIX, стр. 578).

²⁾ Thucid., VI, 4.

шенія. Но само собой разумѣется, что какъ самыя могильныя камеры, ихъ устройство такъ, и ихъ обстановка видоизмѣнялись вмѣстѣ съ прогрессомъ, съ увеличеніемъ культуры. При исключительномъ употребленіи каменныхъ орудій могильныя камеры устраивались и ниже, и тѣснѣе, входная дверь меньше, а съ періодомъ употребленія металлическихъ (бронзовыхъ и, наконецъ, желѣзныхъ) орудій помѣщенія для покойниковъ устраивались выше и удобнѣе, круглая форма (соотвѣтствовавшая формѣ древнѣйшаго жилища) уступала мѣсто все болѣе и болѣе квадратной (какую принимали жилища). То же слѣдуетъ сказать и о погребальной утвари: сосуды грубой работы, изъ дурно приготовленной глины, сдѣланные отъ руки, обожженные на вольномъ огнѣ, съ развитіемъ культуры, съ установленіемъ внѣшнихъ сношеній, становились изящнѣе по отдѣлкѣ, разнообразнѣе по формѣ, прочнѣе по матеріалу, орудія разнообразнѣе, украшенія цѣннѣе. Но при всѣхъ этихъ видоизмѣненіяхъ, дающихъ намъ возможность прослѣдить ходъ культуры этихъ мѣстъ вплоть до вліянія греческихъ колоній, сикульскія пещерныя могилы сохраняли свой основной характеръ, характеръ могилъ одного и того же народа, того самого, который мы теперь изучаемъ, чтобы опредѣлить его этнологію или по крайней мѣрѣ выяснитъ его этническое отношеніе къ италійскому племени.

Орсин изслѣдовалъ тридцать пять пещерныхъ могилъ подлѣ Бернардинны, подробно ихъ описалъ и приложилъ къ описанію три таблицы, въ одной изъ которыхъ представилъ формы могилъ съ ихъ измѣненіями въ высоту, длину и ширину, а въ двухъ другихъ—найденную тамъ обстановку изъ сосудовъ, орудій и украшеній. Своды этихъ могилъ такъ низки, что наибольшая высота, въ нихъ встречающаяся, 90 сантиметровъ, такъ что для того, чтобы войти туда человѣкъ долженъ былъ ползти, а помѣстительность могильныхъ камеръ такъ мала, что діаметры ихъ въ среднемъ были менѣе полутора метровъ въ длину и ширину (отъ 0,92 до 2,00). Это не мѣшало имъ содержать трехъ и болѣе покойниковъ въ скорченномъ положеніи. Почти всѣ эти могилы были уже обшарены, повидимому, еще въ древности; но такъ какъ скелеты, кремневыя орудія и грубые, а перлѣдко и битые сосуды никому не были нужны, то такого рода находкамъ предоставлялось могильными ворами оставаться въ прежнемъ положеніи до скончанія вѣка. И онѣ остались на мѣстѣ до девяностыхъ годовъ нашего столѣтія, покрытыя иломъ, который образовался изъ приносимой просачивающеюся водою земли, а не-

рѣдко и отбросами позднѣйшаго времени. На днѣ этихъ болѣе или менѣе засыпанныхъ могилъ находились разбросанные кругомъ покойника разные предметы, больше въ видѣ осколковъ или обломковъ, но не мало и цѣльныхъ или такихъ, порча которыхъ не вредила сохранности ихъ формы. Такимъ образомъ передъ нами: большіе сосуды съ одной и съ двумя ручками, маленькіе питейные сосуды, всѣ дурной выдѣлки, кремневые ножи, иногда превосходной выдѣлки, просверленные камни, раковины, зубы животныхъ для ношенія въ видѣ украшеній или въ видѣ амулетовъ, иногда бронзовыя спирали и нити для поддержанія известной прически волосъ, бронзовыя или каменные зерна для ожерелья и т. п. Присутствіе бронзовыхъ издѣлій оказалось именно въ той двойной могилѣ, которая по видимымъ признакамъ оставалась до сихъ поръ не тронутою чужими руками и если тронутою, то лишь отчасти. Но это даетъ основаніе предполагать, что таковыя же или подобныя предметы находились и въ другихъ могилахъ или погребальныхъ камерахъ, и слѣдовательно, культура сикуловъ уже въ самую древнюю пору ихъ пребыванія на островѣ не была вполне неолитическою, а дѣйствительно энеолитическою, какъ ее называетъ Орси, но такую, куда бронзовыя издѣлія входили въ видѣ роскоши и украшеній, а не сдѣлались еще потребностью обыденной жизни. Слѣдовательно, сикулы, пришедши на островъ, только прикоснулись къ бронзовой культурѣ, но не успѣли еще свыкнуться съ нею. Обстоятельство это для насъ очень важно, и мы отмѣчаемъ его съ удареніемъ, какъ такое, которое даетъ намъ возможность сдѣлать весьма серьезное соображеніе касательно ихъ столкновеній въ доисторическій періодъ. Но принося съ собой на о. Сицилію слѣды соприкосновенія съ бронзовою культурою, они въ то же время являются представителями древней неолитической культуры. Типъ ихъ древнѣйшихъ могилъ, какъ замѣчаетъ Орси, имѣетъ аналогію съ древнѣйшими могилами на о. Сардиніи, на о. Пьянозѣ, на о. Критѣ, въ Греціи, на берегахъ Малой Азіи. Керамика ихъ очень плохой выдѣлки и далеко уступаютъ керамикѣ болѣе древнихъ, чѣмъ они, обитателей Стептипелло, но нѣкоторыя формы ихъ сосудовъ, какъ напримѣръ; кубки съ съ двумя высокими ручками (что, соотвѣтствуетъ *δέπας ἀμφικόπελλον*¹⁾ Гомера), и даже шарообразный сосудъ, названный у Орси *la pisside*, а равно и

¹⁾ См. объ этомъ сосудѣ у Гельбига въ „Das Homerische Epos aus den Denkmälern erläutert. Leipzig, 1884, p. 260 слд. Ср. Шамманъ, *Mycenae* (Leipzig, 1878), fig. 339.

грушевидная вазочка, изображенія которой онъ не даетъ, ведутъ насъ за аналогіями въ Микены или Трою ¹⁾, а такія, какъ кубокъ съ двумя ручками, указываютъ на прямую связь съ микенскою культурой. На прямую или косвенную связь съ троянскою культурой указываетъ, по Орси, и форма бронзовой спирали, и каменный привѣсокъ изъ кальцита, тождественные по формѣ и матеріалу ²⁾. Обстоятельства эти, по нашему мнѣнію, имѣютъ также большую важность, когда рѣчь идетъ о пародѣ, происхождение котораго нужно отыскивать. Важность эта тѣмъ значительнѣе, что ни одинъ изъ найденныхъ въ мелилльскомъ некрополѣ предметовъ не указываетъ на какую бы то ни было торговлю съ греками или съ финикійцами. Орси дѣлаетъ отсюда заключеніе, что культура, представляемая этимъ некрополемъ, заставляетъ отнести его далеко во второе тысячелѣтіе до Р. Хр., заключеніе естественное и законное, но едва-ли единственное, какое можетъ до нѣкоторой степени вытекать изъ приобрѣтенныхъ тутъ данныхъ, или, по крайней мѣрѣ, подготавливается ими.

Что Гибла была для сикуловъ въ горахъ къ сѣверу отъ Сиракузъ, то Неэтъ (Νεάιτων, Νεῦτων у Птолемея), внослѣдствіи Ното, былъ въ горахъ къ югу, между рѣками Анапо и Телларо. Это были ихъ горныя цитадели, мѣста, укрѣпленныя самою природою, и вмѣстѣ съ тѣмъ центры ихъ поселеній. Въ такихъ мѣстахъ естественно ожидать слѣдовъ исторіи древнихъ обитателей, и ихъ дѣйствительно не мало. Какъ въ горахъ кругомъ Мелилли (древняя Гибла) находятся много нещербныхъ могилъ, напоминающихъ своимъ входомъ печное отверстіе (tombe a forno), такъ въ горахъ, близкихъ къ Ното, ихъ еще больше. Вотъ въ одномъ изъ этихъ мѣстъ, принадлежащемъ маркизу Коррадо дель Кастеллуччо и называющемся по имени владѣльца, въ долинѣ Сава della Signora, Орси насчиталъ до 200 погребальныхъ пещеръ, вырытыхъ въ горахъ на подобіе тѣхъ, какія мы видѣли около Мелилли. Этотъ некрополь оказался такой же или почти такой же древности, какъ и некрополь мелилльскій. Но онъ важенъ тѣмъ, что лучше сохранился, хотя, конечно, и онъ не ускользнулъ отъ вниманія любителей могильной добычи еще во времена классической древности и, какъ предполагаетъ самъ Орси, быть можетъ еще во времена археологическія, и продолжалъ расхищаться до самаго послѣдняго времени. Многіе предметы, тамъ найденные, съ одной стороны до-

¹⁾ См., напр., у Шлимана, Ilios (Leipz. 1881), fig. 44.

²⁾ Шлиманъ, Ilios, fig. 710.

полняютъ, съ другою полтверждаютъ то, что оставили сикулы первой стадіи энеолитическаго періода въ горахъ Гиблейскихъ. Орси описалъ его въ *Bullettino di paletnologia italiana*, 1892 г. (pp. 1—84), въ статьѣ „La necropoli Sicula di Castelluccio (Siracusa)“.

Въ Сиракузскомъ музеѣ еще до систематическихъ личныхъ изслѣдованій Орси уже находились изъ Cava della Signora интересныя вещи. Орси отмѣчаетъ изъ каменныхъ орудій между прочимъ большой базальтовый топоръ (135 мм. длины, 100 мм. ширины) типа, который встрѣчается довольно часто къ концу неолитической эпохи въ южныхъ провинціяхъ Италіи, и 60 кремневыхъ ножей также длинныхъ; изъ бронзовыхъ издѣлій — два ножевыхъ клинка въ формахъ, встрѣчающихся среди микенскихъ орудій и въ terremарахъ и, что было новостью для изслѣдователя сикульскихъ могилъ, особый видъ издѣлій изъ костей трубчатой формы съ рельефнымъ узоромъ изъ кружковъ вдоль всей венци, внутри которыхъ идутъ иногда поперечныя узоры или въ видѣ звѣздочекъ, или завитковъ и другихъ фигурокъ, и съ рѣшетчатою насѣчкой по сторонамъ: работа тонкая и неожиданная въ этомъ археологическомъ слобѣ, лишенномъ годныхъ для нея металлическихъ орудій, такъ что Орси не повѣрилъ бы подлинности находки, еслибъ не встрѣтилъ самъ такихъ-же предметовъ въ одной нетронутой могилѣ. Онъ, конечно, съ полнымъ основаніемъ считаетъ такого рода издѣлія привозными; но едва ли онъ правъ, такъ смѣло приписывая ихъ ввозу финикіянамъ ¹⁾. О финикійской торговлѣ вообще въ это отдаленное время, примѣрно за полторы тысячи лѣтъ до Р. Хр., мы ничего не знаемъ: тѣмъ болѣе трудно допустить ея для этой эпохи относительно Сициліи. Но несомнѣнно господство въ отдаленную пору въ Средиземномъ морѣ микенской торговли, которая, какъ это въ одной замѣткѣ ²⁾ отмѣчаетъ и самъ Орси, ссылаясь на отчетъ о раскопкахъ Флиндерса Петри въ Египтѣ, привозила

¹⁾ Abbiamo quindi davanti un articolo d' importazione orientale che risale certo ai primi e più remoti commerci dei Fenici sulle coste dell' isola; la semplicità dello stile, che è ancora il puro e semplice stile geometrico, conferma quest' alta antichità“ (Bullett. 1893, p. 25). Но даже Гельбигъ говоритъ не съ увѣренностью о финикійскомъ происхожденіи этихъ костяныхъ издѣлій въ своемъ походѣ за финикіянь, въ трактатѣ „Sur la question Mycénienne“. (Par. 1896), p. 67. Впослѣдствіи и самъ Орси въ статьѣ о Θαπς въ *Monumenti Antichi*, IV, высказалъ взгляды, не совсѣмъ согласные съ мнѣніемъ о столь раннемъ вліаніи финикійской торговли на о. Сицилію.

²⁾ См. въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1891, p. 174—177 его статью: „Ancora sulla fibula a Micene e nelle terremare“.

туда издѣлія микенской культуры въ гораздо болѣе отдаленное время. Во всякомъ случаѣ, какъ это замѣчаетъ и Орси, единственная мѣстность, гдѣ были находимы такія же издѣлія изъ костей, есть Троя (2-й городъ) ¹⁾. Наконецъ, въ числѣ находившихся въ Сиракузскомъ музеѣ предметовъ изъ *Sarva della Signora* были и глиняные сосуды. Они, какъ и сосуды изъ Мелилли, были сдѣланы изъ другой пасты, плохо обдѣланы и обожжены, но, какъ и тамъ, со слѣдами грубой болѣею частью землянистаго тона раскраски полосами по красному кирпичнаго цвѣта. Что касается до формъ, то и онѣ соотвѣтствуютъ прежде отмѣченнымъ. Были между ними экземпляры той же гомеровской чаши съ двумя ушками (*δέκας ἀμφιπόκελλον*), кубки или кружки съ однимъ длиннымъ ухомъ, шарообразный горшокъ и т. п. Систематическія раскопки, сдѣланныя самимъ Орси въ Кастеллуччо, не только подтвердили принадлежность означенныхъ предметовъ этимъ мѣстамъ, но и дали новыя вещи. Къ такимъ надо отнести видъ янтаря, употреблявшагося для бусъ, оказавшійся по химическимъ изслѣдованіямъ ²⁾ скорѣе суррогатомъ янтаря, чѣмъ настоящимъ янтаремъ. Къ новымъ предметамъ относятся также нѣкоторыя бронзовыя издѣлія очень тонкой выдѣлки, какова, напримѣръ, вещица похожая на коромысло отъ вѣсовъ (*un giogo di bilancia*), отмѣченная Орси на таблицѣ V подъ № 7, съ такъ хорошо обрѣзанными краями, что присутствіе ея въ могилѣ среди каменныхъ орудій было бы невѣроятно, еслибы Орси самъ не нашелъ ее въ могилѣ, до него не тронутой (*tomba vergine*). Вонцъ, очевидно, привозная, какъ и тамъ же найденныя четыре тончайшихъ пластинки неизвѣстнаго назначенія, такъ какъ подобнаяковка металла была для механическихъ средствъ сикуловъ той отдаленной эпохи совершенно недостижима. Далѣе—сосуды изъ хорошей глины, выдѣланные на гончарномъ станкѣ и хорошо обожженные, съ орнаментами греческаго геометрическаго стіля, сосуды, находимость которыхъ среди каменныхъ орудій, напримѣръ, рядомъ съ базальтовымъ топоромъ, какъ та ваза, что отмѣчена на таблицѣ III, 1, 3, невольно поражаетъ ³⁾, хотя самая могила видимо

¹⁾ Шлиманъ, *Тіоъ*, fig. 564—565 (франц. изд.).

²⁾ Впрочемъ химическія изслѣдованія, сдѣланныя докторомъ Остеромъ въ Ахейѣ, не рѣшили вопроса о качествѣ и происхожденіи этихъ янтарныхъ зеренъ окончательно. См. у Орси прим. 22 на стр. 19.

³⁾ Здѣсь идущія по ясному фону темныя линіи и концентрическіе кружки соединены съ зооморфическими изображеніями (утки). Не мѣшаетъ отмѣтить, что могила была уже обшарена чуждой рукой.

принадлежитъ не къ древнѣйшему періоду энеолитической эпохи. Вообще въ керамикѣ могилы Кастеллуччо доставили болѣе разнообразныхъ формъ, обнаруживающихъ связь съ троянско-микенскими издѣліями. Но особою новостью является появленіе скульптуры на двухъ камняхъ, закрывавшихъ входъ въ могилу. Скульптура эта груба, но она указываетъ, во-первыхъ, на стремленіе къ декоративному искусству, появившееся, очевидно, вслѣдствіе уже прочно завязанныхъ сношеній съ культурными народами, а во-вторыхъ, уже на развитіе обычая пользоваться металлическими инструментами. Эти двойныя спирали, изъ которыхъ состоятъ барельефы указанныхъ камней, представляютъ явное подражаніе микенской скульптурѣ на могильныхъ плитахъ (стелахъ) въ микенскомъ акрополѣ ¹⁾). Новое свидѣтельство усиливающагося микенскаго вліянія. Понятно, что въ могилѣ, къ которой относится одна изъ этихъ плитъ съ спиральными барельефами и которая была переполнена скелетами (числомъ 17), были обломки глиняныхъ сосудовъ, уже сдѣланныхъ на гончарномъ кругу, хотя тамъ же было не мало кремневыхъ клинковъ. Наконецъ, въ этой же могилѣ, вообще богатой количествомъ найденныхъ предметовъ, оказался изъ темнаго стекла пробурованный цилиндръ, который точь въ точь похожъ на подобные же цилиндры, найденные Шлиманомъ на микенскомъ акрополѣ въ первой могилѣ ²⁾).

Мы не пойдемъ дальше въ разборъ данныхъ, добытыхъ Орси въ очень интересномъ некрополѣ Кастеллуччо. Интересенъ этотъ сикульскій некрополь тѣмъ, что онъ, начавшись съ отдаленнѣйшаго времени, соотвѣтствующаго археологическому слою некрополя Мелли, представляетъ не мало данныхъ послѣдовательнаго развитія сикульской культуры, отъ первыхъ начатковъ энеолитическаго вѣка до вліянія въ керамикѣ греческаго геометрическаго стиля, вліяніе на островъ котораго непосредственно предшествовало образованію на немъ греческихъ колоній. Но въ сущности этотъ некрополь очень древній, и Орси не безъ основанія причисляетъ его къ первому періоду „образованности“ сикуловъ. Самая форма его могилъ, очень распространенная въ Сициліи, имѣетъ въ себѣ полныя аналогіи на о. Сардиніи и Пьянозѣ, а что касается содержанія ихъ, то оно

¹⁾ Особенно велико сходство со стелами, изображенными у Шлимана въ „Mykenae“, fig. 140 и 141.

²⁾ См. *Шлиманъ*, „Schliemanns Ausgrabungen in Troja, Tiryns, Mykenae, Orchomenos, Ithaca“, 2-е изд., (Seipz. 1891), p. 218, fig. 167 (157 1-го изд.).

встрѣчается, какъ замѣчаетъ Орси, въ искусственныхъ гротахъ провинціи Базиликаты, то-есть, мѣстности, находившейся, — кстати прибавляетъ онъ, — въ сосѣдствѣ съ мѣстами, гдѣ также жили ¹⁾ сикулы. Но этимъ и ограничиваются извѣстныя, впрочемъ еще недостаточно установленныя, аналогіи съ италіанскимъ материкомъ; наиболѣе же прочныя и обширныя аналогіи, какъ въ устройствѣ могилъ, такъ и въ ихъ содержаніи ведутъ на Востокъ — въ Трою, на юго-западные берега Малой Азіи, на Кипръ, Критъ, острова Эгейскаго моря, въ Микены ²⁾. Обстоятельно, безспорно, важное не столько со стороны шедшихъ отсюда вліяній морской торговли, сколько со стороны какой-то отдаленной связи съ доисторическою культурой тѣхъ мѣстъ, при отсутствіи всякихъ точекъ соприкосновенія съ характеромъ древнѣйшихъ поселеній собственно италійскихъ народовъ и памятниками ихъ доисторической культуры. Но это мы замѣчаемъ пока мимоходомъ, тѣмъ болѣе, что мы еще не расстаемся съ памятниками, оставленными сикулами въ *Cava della Signora*.

Мѣстность Кастеллуччо замѣчательна въ археологическомъ отношеніи еще тѣмъ, что кромѣ погребальныхъ пещеръ, большею частью разграбленныхъ, тамъ былъ открытъ тѣмъ-же Орси слой отбросовъ наидревнѣйшей эпохи, подобно тому, какой мы встрѣтили во рвахъ Стентинелло. Это была очень счастливая находка, расхищать содержимое которой не было ни у кого большой охоты ни въ древности, ни въ новое время, и которой Орси посвятилъ особую статью подъ заглавіемъ: „*Scarichi del villaggio Siculo di Castelluccio*“ въ *Bullettino di paleol. Ital.* 1893 (pp. 30—51).

Тамъ, гдѣ находятся отбросы, были по близости и жилища. Но слѣдовъ древнихъ поселеній Орси тамъ не нашелъ, основательно предполагая, что постройки сикуловъ древнѣйшаго времени были хижины, состоявшія изъ древесныхъ прутьевъ, тростника и тому подобнаго непрочнаго матеріала. Что же касается до сохранившихся по мѣстамъ на отлогости горы не связанныхъ цементомъ каменныхъ глыбъ, то онъ полагаетъ, что это могли быть жилища главарей на-

¹⁾ Орси имѣетъ, конечно, въ виду нынѣшнюю Калабрию или древнюю Эпотирию. Г. Antonio Tarantelli въ статьѣ „*Appunto per lo studio delle stoviglie arcaiche esistenti nel museo di Taranto*“ въ *Bullettino di paleol. Ital.* 1894, р. 20, сообщаетъ, что въ Тарантскомъ музеѣ, составленномъ, повидимому, изъ мѣстныхъ или окрестныхъ археологическихъ предметовъ, находится множество сосудовъ, сходныхъ или тождественныхъ съ сосудами Кастеллуччо.

²⁾ См. литературу предмета у Орси, р. 79—80.

рода и притомъ болѣе поздняго происхожденія. На площади, равняющейся гектару, лежалъ слой жирной земли, humus, образовавшийся отъ разложенія органическихъ веществъ, покрытый костями, черепками, кремнями и по мѣстамъ компактною массою остатковъ отъ полутора до 3 метровъ глубины. Прежде это были большія кучи всякаго рода отбросовъ, которыя отъ времени расползлись и образовали слой разной земли, то жирной, то сухой изъ пыли и пепла. Видно, что время отъ времени жители свозили сюда пепель изъ своихъ очаговъ съ остатками угля, а рядомъ съ этимъ сваливали нечистоты, куда бросалось также все, что въ глазахъ жителей было ненужною дрянью. Вотъ тутъ-то и находится настоящая пожива для археолога. Совершенно кстати Орси замѣчаетъ, что тутъ жилъ народъ, у котораго было нѣкоторое чувство чистоты, въ отличіе отъ жителей терремаръ, которые, какъ извѣстно, не вывозили нечистотъ въ сторону отъ своихъ поселеній, а жили среди нихъ, и только когда уже дальнѣйшее увеличеніе ихъ было не возможно, сожигали ихъ вмѣстѣ съ своими жилищами. Къ этому мы считаемъ нужнымъ прибавить: обыватели терремаръ, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь, были именно предками умбродатино-сабелльскаго племени, то-есть тѣхъ самыхъ „италиковъ“, съ которыми историки связываютъ ближайшимъ родствомъ сикуловъ. До сихъ поръ между этими двумя племенами мы, однако, встрѣчали только различія...

Интересно теперь посмотрѣть, что даютъ намъ эти отбросы для заключеній о древнѣйшемъ бытѣ и культурѣ сикуловъ. *Кости* въ нихъ по изслѣдованію раньше упомянутаго профессора Стробеля, принадлежатъ: собакамъ, свиньямъ, быкамъ (большой и малой породы), овцамъ, козамъ и лошадямъ. Все это были животныя, употреблявшіяся въ пищу. Впрочемъ въ матеріалѣ, который былъ изслѣдованъ покойнымъ Стробелемъ, собака была представлена двумя костями, а лошадь только однимъ зубомъ. Сверхъ того, были кости оленя и лани. Въ сравненіи съ фауной отбросовъ Стентинелло, принадлежащихъ, по предположенію сиканамъ, есть разница. Тамъ не было ни лошади, ни оленя, ни лани. Уже это показываетъ, что тутъ дѣло идетъ о двухъ разныхъ народахъ, изъ которыхъ одинъ добывалъ себѣ пищу и охотой, а другой не зналъ ея. Заключение это дѣлаетъ здѣсь и Орси, который нѣсколькими годами раньше ¹⁾, когда у него еще не

¹⁾ См. его статью „Contributi all'archologia preellemica Sicula“ въ *Bullettino di paletn. ital.* 1889 (ann. XV), p. 219. Впрочемъ, о племенной разности сику-

было этихъ и многихъ другихъ данныхъ, думалъ о сикулахъ и сиканахъ иначе. Ему тогда казалось, что тотъ и другой народъ очень близки по племени (*molto affini per razza*) и отличаются другъ отъ друга только тѣмъ, что пришли на островъ въ два разныхъ періода. Теперь же, указывая на разность отбросовъ фауны между Стентинелло и Кастеллуччо и видя въ этомъ причину говорить объ этнологической разности народовъ, которымъ принадлежатъ эти отбросы, онъ ударяетъ съ особенною силою на разность состоянія ихъ промышленности, обличающую „два населенія глубоко различныя“ (р. 33). Но сикулы не только бросали кости, но и приготовляли изъ нихъ орудія и предметы небольшой домашней утвари, дѣлая изъ нихъ лопатки, ложила, иглы, бурава, шила, наконечники стрѣлъ и копій, нѣчто въ родѣ кинжала и др.; но замѣчательнѣе всего то, что тутъ нашлась такая же кость съ скарабеобразными (пятью) шариками и съ рѣшетчатымъ узоромъ, какія были находимы въ погребальныхъ пещерахъ. Кость эта, конечно, не мѣстной обработки и обстоятельство, что она находится среди предметовъ, обличающихъ культуру, гдѣ почти совершенно отсутствуютъ металлы, свидѣтельствуеъ о связяхъ Азіи съ сикулами въ отдаленнѣйшую эпоху. Орси говоритъ по этому поводу о торговыхъ сношеніяхъ или, чтобы употребить его выраженіе, о „существованіи торговаго теченія, дѣйствующаго отъ береговъ азіатскихъ до сикульскихъ“. Такъ ли это относительно поры, соотвѣтствующей еще троянскому періоду, куда самъ Орси относитъ древнѣйшую культуру Кастеллуччо, называя ее культурою перваго періода сикуловъ на островѣ и относя этотъ послѣдній къ первой половинѣ втораго тысячелѣтія до Р. Хр. (р. 51)? Но если эти, обработанныя въ троянскомъ вкусѣ, кости пришли въ Сицилію не коммерческимъ путемъ, то какимъ же? Вопросъ законный, но не легкій для отвѣта. Быть можетъ, мы къ нему возвратимся впоследствии, когда намъ отвѣчать на него будетъ легче.

Изъ матеріала пещерныхъ могилъ Мелилли и Кастеллуччо мы знаемъ, что сикулы въ самую первую пору своего пребыванія на островѣ не были чужды знакомства съ бронзою, но матеріалъ, оставленный намъ въ отбросахъ Кастеллуччо, переноситъ насъ въ полный

ловъ Орси высказался еще въ заключеніи своей статьи о раскопкахъ въ Мелилли въ *Bull. di paleont. ital.* 1891 (ann. XVII), p. 75. Но затѣмъ—новое колебаніе въ *Bullettino* 1895 (ann. XXI), въ статьѣ: „Vasi Siculi della provincia di Girgenti“, p. 84.

каменный періодъ. Оно и понятно, такъ какъ бронза была тогда слишкомъ драгоценнымъ матеріаломъ, чтобъ ее выбрасывать въ поле вмѣстѣ съ объѣдками и нечистотами. Передъ нами въ большомъ количествѣ изношенные базальтовые топоры или клинья, базальтовые мельницы, не говорящія еще, конечно, о земледѣльческихъ занятіяхъ сиколовъ, какъ и мельница, найденная въ Стентинелло, не говорила намъ ничего о земледѣльческой культурѣ сикаповъ. Далѣе, между разными кремневыми обломками не мало клинковъ кремневыхъ ножей, двѣ стрѣлы въ формѣ равносторонняго треугольника, а также нѣсколько зубчатыхъ скребковъ. Орси отмѣчаетъ полное отсутствіе въ этихъ отбросахъ, равно какъ и въ погребальныхъ пещерахъ Каstellуччо, обсидіана, — вулканическаго минерала (стекла), присутствіе котораго въ издѣліяхъ было замѣтно среди каменныхъ остатковъ въ Медилли и особенно въ Стентинелло, и который находится въ изобиліи на островѣ близъ Этны¹⁾. Наконецъ найденъ пирамидальный кусокъ сѣраго желѣзняка (лимонита) и кусокъ красноватой желѣзистой охры, служившій, какъ замѣчаетъ Орси, быть можетъ, для извлеченія отсюда красной краски, употреблявшейся при раскраскѣ сосудовъ, выдѣлка которыхъ была, повидимому, очень развита у сиколовъ этой мѣстности.

Дѣйствительно, тысяча обломковъ глиняныхъ сосудовъ служатъ вѣрнымъ доказательствомъ развитія этой промышленности, хотя работа производилась и безъ гончарнаго круга, и безъ печи для обжиганія. Замѣчательно однако, что при плохой работѣ и при дурной пастѣ, изъ которой эта посуда лѣпилась, сиколы *Cava della Signora* имѣли большую охоту ее раскрашивать, чего не было въ употребленіи у жителей Стентинелло, которые, живя въ болѣе древнюю эпоху, выдѣ-

¹⁾ А также и на Липарскихъ островахъ. — Въ Геологическомъ кабинетѣ С.-Петербургскаго университета есть оригинальное, почти овальной формы, копье изъ обсидіана, найденное на Алеутскихъ островахъ. См. графа Уварова, „Археологін Россіи. Каменный переріодъ“ II (Приложеніе), стр. 7 и табл. 5, фиг. 99. Въ курганахъ Закавказья и Крыма встрѣчаются наконечники изъ обсидіана. Уваровъ, *ibid.* стр. 442 и 142. — Орси дѣлаетъ заключеніе, что сиколы Каstellуччо энсольвентическаго періода, до которыхъ достигала морская торговля, не вели торговыхъ сношеній съ „собратьями“ мѣстностей, примыкавшихъ къ Этнѣ. Заключеніе во всякомъ случаѣ смѣлое и мало обоснованное. Трудно думать, чтобъ такіе близкіе сосѣди оставались совершенно чужды другъ другу, если бы даже они и не были „*confratelli*“. Они не употребляли обсидіана просто потому, что не нуждались въ немъ, какъ и на русской территоріи издѣлія изъ него встрѣчаются лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ находится.

ывали лучшие сосуды и умѣли составлять для нихъ болѣе чистую глину, а о раскраскѣ не думали, довольствуясь узорами, сдѣланными острымъ орудіемъ. На основаніи разсмотрѣннаго имъ матеріала Орси опредѣляетъ пропорцію расписанныхъ сосудовъ къ нерасписаннымъ такъ: 7:3. Собственно эта пропорція больше, такъ какъ у многихъ сосудовъ окраска была, но не сохранилась. Не раскрашенные сосуды, обыкновенно не большіе (миски, чашки), обличаютъ употребленіе лощила, нѣкоторые имѣютъ даже глазурь, достигавшуюся, замѣчаетъ Орси, быть можетъ, черезъ употребленіе небольшого количества графита или другаго суррогата. Для узоровъ употребляли иногда ноготь или конецъ пальца, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ по краямъ сосудовъ идуть треугольники или просто полосы, сдѣланныя острымъ орудіемъ по мягкому еще фону точками. Ничего общаго съ керамикой Стентинелло. Раскрашенные сосуды здѣсь или одного цвѣта, или двухъ цвѣтовъ. Раскрашенные въ одинъ цвѣтъ — обыкновенно сосуды большихъ размѣровъ (кадки для воды). На яркомъ фонѣ желтоватаго или розоваго оттѣнка сосудъ принимаетъ украшенія бѣло-желтаго, розоваго, рѣже ярко-краснаго цвѣта, состояющія изъ лентъ или фестоновъ, а иногда завитковъ. Въ двухцвѣтныхъ сосудахъ слегка зернистая глина большею частью хорошаго обжига, хотя въ звучности тѣмбра' и уступаетъ гончарнымъ издѣліямъ Стентинелло. Употреблялись для раскраски три цвѣта: для внутренней стороны блѣдно-желтый или грязно-бѣлый и красный то яркій, то блѣдный, съ рядомъ посредствующихъ оттѣнковъ; темный также съ рядомъ градаций, зависѣвшихъ отъ разнаго обжига (черный, каштановый, кофейный, изрѣдка кровавый) для наружныхъ узоровъ. Между формами сосудовъ, такъ раскрашиваемыхъ, есть такія, какія не встрѣчались въ погребальныхъ пещерахъ, а по размѣрамъ есть и большіе, и средніе, и малые, то-есть для храненія жидкостей и для пиятя. Къ первымъ относятся пузатые кувшины слишкомъ въ полметра вышиной, ко вторымъ — очень многочисленное семейство чашъ, съ трубчатой ножкой, которыя въ развитомъ видѣ напоминаютъ микенскія чаши ¹⁾. Приблизительная величина такихъ сосудовъ отъ 30 до 40 сантиметровъ. Такія чаши, съ широкимъ устьемъ, могли служить для фруктовъ; къ малымъ сосудамъ принадлежатъ почти исключительно чашки съ двумя ушками гомерическаго типа, цилиндрическіе кубки, расширенныя къ верху, съ высокою ручкой, или расширенныя къ низу.

¹⁾ Шлиманъ, „Mykenae“, fig. 846; ср. Helbig, „Das Homerische Epos.“, p. 272.

Ручки у сосудовъ Кастеллуччо, кромѣ рѣдкихъ ручекъ кольцомъ. длинныхъ ушей, уже извѣстныхъ, являются еще въ новой формѣ, въ формѣ лопаточекъ, встрѣчающихся на сосудахъ лигурійскихъ пещеръ, иногда въ формѣ трапеціи; встрѣчаются также ручки носообразныя и даже начатки ручекъ въ видѣ коническихъ ушей,—форма потомъ (во 2-мъ періодѣ) очень развитая.

Что касается орнаментаціи сосудовъ, то она часто, особенно въ чашахъ, прилагается какъ къ внутренней, такъ и къ наружной сторонѣ и слѣдуетъ, какъ и нужно было ожидать, самому простому геометрическому стилю, представляющему, по вѣрному замѣчанію Орси, въ своихъ наиболѣе сложныхъ комбинаціяхъ подражанія плетенкамъ изъ соломы и ивы, что заставляетъ предполагать значительность развитія у сикуловъ энеолитической эпохи плетеночной промышленности.

Между предметами глинянаго производства въ отбросахъ Кастеллуччо Орси нашелъ такъ называемыя фузероли, очень извѣстныя и на Апеннинскомъ полуостровѣ просверленные кружки, назначеніе которыхъ еще не достаточно выяснено, а также и глиняные рога, также не выясненнаго значенія, хотя самое вѣроятное объясненіе ихъ то, что это дѣйствительно символы охраненія домашняго очага, съ каковою цѣлью и теперь еще, по замѣчанію Орси, употребляются бычачьи рога въ Средней и Южной Итали.

Орси, описанію котораго мы до сихъ поръ поневолѣ слѣдовали, дѣлаетъ изъ матеріала, полученнаго какъ изъ отбросовъ, такъ и изъ некрополя Кастеллуччо, выводы о первоначальной сикульской культурѣ главнымъ образомъ на основаніи керамики. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что фактъ значительнаго развитія расписной посуды у сикуловъ въ разныхъ мѣстахъ острова ¹⁾ при культурѣ еще каменнаго или только еще начинающагося энеолитическаго періода, хотя и поразителенъ, но не новъ, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ центральной и южной Америкѣ, еще до знакомства съ гончарнымъ станкомъ была развита гончарная живопись, не только въ геометрическихъ линіяхъ, но и съ зооморфическими и даже антро-

¹⁾ Въ спракуаской провинціи: въ Мелилли, въ Кастеллуччо, въ Кава Секьера, на Монте Тарбутто близъ Рагузы, въ гротѣ Ладазаро близъ Модики; въ провинціи Джирдженти: въ Монтедоро, въ Колина да Монсеррато, въ Grotta di pietra Rossa между Ликатой и Кампобелло, въ Пьетраолонга близъ Ракамутьо; въ провинціи Палермо: въ Виллафратти и Капачи близъ Палермо.

поморфическими фигурами вплоть до изображенія сценъ дѣйствительной жизни. Но если не для Орси, то для насъ гораздо интереснѣе тотъ фактъ, что съ одной стороны расписные сосуды, именно темнымъ по бѣло-желтоватому фону, встрѣчаются въ чисто неолитическихъ и эполеитическихъ гротахъ лигурійскаго берега (въ Finalese), съ другой, что расписная керамика встрѣчается среди каменныхъ орудій на островахъ Эгейскаго моря (на о. Эерѣ, нынѣ Санторинъ, на Милосѣ). Особенно же важны явныя точки соприкосновенія съ древнѣйшею Троей, которыя проявляются не только въ формѣ и орнаментации сосудовъ, но и въ находеніи въ томъ и другомъ мѣстѣ, то-есть на Гиссарликѣ и у сикуловъ Кастеллуччо особымъ образомъ обработанныхъ и орнаментированныхъ трубчатыхъ костей, о которыхъ у насъ шла рѣчь выше, и происхождение которыхъ намъ неизвѣстно. Но эти связи съ троянскою культурой предшествуютъ микенскому вліянію, образовавшему уже 2-й періодъ доисторической эпохи сикуловъ. Слѣдовательно, въ сикульскомъ періодѣ, находящемъ себѣ соотвѣтствіе въ Троѣ и на о. Кипрѣ, обнаруживается параллель съ культурой Передней Азіи, кака тамъ была въ до-финикійскій и въ до-микенскій періодъ. Орси не желаетъ дѣлать отсюда какого либо этнологическаго вывода: онъ дѣлаетъ только хронологическій, относя, какъ мы уже говорили, 1-й періодъ до-исторической эпохи сикуловъ къ первой половинѣ втораго тысячелѣтія до Р. Хр., куда относятся, по Шрадеру, два вавилонскихъ цилиндра съ клинообразными надписями, найденные на о. Кипрѣ въ некрополѣ св. Параскевы.

Но это лишь хронологическій минимумъ троянской культуры. Эпоха, къ которой относятся древнѣйшіе остатки Гиссарликскаго холма, когда Малая Азія едва-едва была затронута вліяніями восточной культуры, безъ сомнѣнія заходитъ далеко въ 3-е тысячелѣтіе до нашей эры, особенно если мы примемъ во вниманіе почти невѣроятныя открытія Флиндерса Петри относительно проникновенія издѣлій микенской культуры въ Египетъ, еще въ 25 столѣтіи до Р. Хр. ¹⁾ Микенская культура, какъ мы знаемъ, не предшествуетъ троянской, а слѣдуетъ за нею. Для насъ впрочемъ достаточно просто фактъ совпаденія перваго періода до-исторической эпохи сикуловъ съ наибольшими древностями Гиссарлика и до-финикійскаго Кипра.

¹⁾ См. его статью въ *Journal of Hellenic Studies*, Oct. 1890, p. 271 — 277; ср. *Archäol. Anzeiger* 1891, p. 37 слд. и *Verhandlungen der Berl. Gesellschaft für Anthropologie und Urgeschichte*, 1891, p. 476 слд.

Но прежде чѣмъ мы сдѣлаемъ изъ этого факта выводъ, какой изъ него вытекаетъ относительно происхожденія сикуловъ, намъ необходимо, хотя въ самомъ краткомъ видѣ, представить послѣдовательныя археологическія данныя о теченіи всего до-историческаго періода жизни этого народа. Эти данныя служатъ живымъ свидѣтельствомъ того, какой длинный рядъ столѣтій сикулы жили на своемъ островѣ и подъ какими вліяніями развивались вплоть до того времени, когда стали на немъ селиться греки. Это же послѣднее событіе, которымъ начинается для сикуловъ исторія, совпадаетъ съ временемъ основанія Рима въ центрѣ Италіи, откуда сикулы, по преданію, когда то двинулись къ югу и, не найдши себѣ прочнаго мѣста на полуостровѣ, переплыли проливъ и заняли восточный берегъ плодоноснаго острова.

На полуостровѣ, окаймляющемъ Сиракузскую бухту съ юга и называвшемся въ древности Племмиріемъ (Πλεμμύριον), а теперь *Penisola della Maddalena*, находятся въ скалѣ также искусственныя гроты, въ которыхъ были устроены такія же могилы а *forro*, какія мы видѣли въ Мелилли и Кастеллуччо. Только могилы эти устроены лучше: онѣ правильнѣе въ линіяхъ и въ архитектурномъ выполненіи, что видимо указываетъ на усовершенствованныя инструменты, которыми онѣ устраивались. Существованіе ихъ было извѣстно и раньше и отмѣчено еще прежнимъ директоромъ сиракузскаго музея Каваллари, а до него еще нѣмецкимъ археологомъ-топографомъ Шубрингомъ, объѣздившимъ Сицилію въ 1865—1866 годахъ и написавшимъ рядъ цѣпныхъ монографій по топографіи древнихъ городовъ знаменитаго острова. Но систематически эти погребальныя гроты были изслѣдованы Орси весной 1891 года. Такихъ погребальныхъ гротовъ онъ нашелъ до 40, не считая нѣкоторыхъ полуразрушенныхъ каменоломщиками; но почти всѣ они были болѣе или менѣе разрушены, а нѣкоторые изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе еще тѣмъ, что послужили во второй разъ мѣстомъ погребенія, именно для грековъ въ періодъ пелопонезской войны и всего вѣроятнѣе для солдатъ Пиків, осаждавшихъ Сиракузы въ 413 г. до Р. Хр., какъ это высказываетъ Орси, приступая къ описанію племмирійскихъ погребальныхъ гротовъ въ *Bullettino di paleon. Ital.* 1891 (ann. XVII), p. 115—139, въ статьѣ „La necropoli Sicula del Plemmirio (Siracusa)“.

Орси описываетъ тридцать одну могилу. Особенность ихъ, кромѣ вообще болѣе правильнаго и болѣе просторнаго устройства камеръ, состоитъ въ устройствѣ нишъ, которыхъ не было въ могилахъ ранняго періода, заключеніемъ нѣкоторыхъ, попадающихся тамъ, помѣ-

шений для дѣтей. Содержимое этихъ камеръ богаче прежнихъ. Здѣсь уже полное господство бронзоваго вѣка ¹⁾, не исключющее впрочемъ нѣкотораго употребленія и каменныхъ орудій, каковы ножи изъ кремня и обсидіана, найденные въ двухъ могилахъ. Здѣсь уже попадаются бронзовые мечи и кинжалы привозные и притомъ дорогие.

Въ гончарной техникѣ прогресса мало: все еще нѣтъ ни станка, ни печи. Но раскраска сосудовъ исчезаетъ; тамъ, гдѣ является потребность орнамента, раскраску замѣняетъ нарѣзка узоровъ съ употребленіемъ внутри бѣловатаго порошка для большей ясности рисунка. Это такъ называемое *decorazione a stecco*, вообще рѣдкій орнаментъ въ сицилійскихъ сосудахъ. Но прекращеніе расписнаго орнамента представляетъ явленіе очень интересное. Оно показываетъ, что произошелъ глубокій переворотъ въ культурѣ народа, раньше его употреблявшаго и любившаго. Явленіе это можно было бы объяснить упадкомъ вкуса, если бы вся остальная культурная обстановка не показывала прогресса въ культурѣ. Художественный вкусъ у сикуловъ не упалъ, а только измѣнился. Измѣнился же онъ, конечно, подъ влияніемъ новыхъ культурныхъ влияній. Этими же культурными влияніями могли быть только влиянія путемъ торговли. Торговля, значить, принесла не только новыя формы посуды, но и новый стиль. Керамика представляетъ постоянныя аналогіи съ троянскою и микенскою керамикой, хотя сохраняются и специально сикельскіе формы большихъ сосудовъ для храненія жидкостей. Но торговля вводила въ употребленіе не только глиняную, но и бронзовую посуду. Если мы не находимъ ея въ могилахъ Племирія, то развѣ потому только, что она расхищена. Видъ бронзовой посуды, привозимой туда финикіянами или, скорѣе, микенцами ²⁾, прочной, удобной и красивой, такъ понравился людямъ, не знавшимъ еще хорошей техники въ выра-

¹⁾ Г. Жоржъ Перро дѣлаетъ крупную ошибку, приписывая Орси причисленіе некрополей Племирія, Коццо Пантано (у Перро *ошибочно*: Поццо Кантано), Молипелло и Фанса въ *энеолитическую эпоху*, когда Орси прямо причисляетъ эти некрополи къ бронзовой эпохѣ (*viato in piena età del bronzo*). Также ошибочно г. Перро видитъ въ Кастеллуччо каменный вѣкъ им. энеолитическаго. См. *Revue des deux mondes* 1-er juin 1897, p. 621—624.

²⁾ Въ Фалскомъ некрополѣ, въ которомъ ясное сказывается бронзовый періодъ (2-й періодъ сикульской культуры), нѣтъ почти и слѣда финикійскихъ предметовъ. Орси высказался по этому поводу еще въ статьѣ о Племирійскомъ некрополѣ (р. 143. въ текстѣ и примѣч. 3), но еще рѣшительнѣе послѣ подробныхъ раскопокъ на этомъ островкѣ, результаты которыхъ имъ изложены въ статьѣ „Tharso“, помѣщенной въ *Monumenti antichi*, VI, p. 145 слд.

боткѣ глиняныхъ сосудовъ, что они могли взять ихъ за образецъ для подражанія и въ приготовленіи глиняной посуды. Металлическіе сосуды не знаютъ раскраски, а производители ихъ употребляютъ въ видахъ украшенія рѣзецъ, производя рельефъ или углубленіе. Нѣчто подобное сикулы стали примѣнять и къ глинѣ. Къ вліянію металлическихъ сосудовъ на перемѣну декораціи въ керамикѣ у сикуловъ прибѣгаетъ и Ж. Перро ¹⁾, хотя онъ раньше и говоритъ, что „la raison de ce changement nous est échappée“. Намъ кажется, что другаго объясненія придумать нельзя. Во всякомъ случаѣ перемѣна эта несомнѣнно стоитъ въ связи съ привозомъ на островъ предметовъ микенской торговли, начавшей измѣнять потребности, промышленную технику и вкусъ туземцевъ.

Такія выдающіяся въ море мѣста, какъ полуостровки Племирій и Ксифонія и островокъ Оапсъ, естественно должны были раньше столкнуться съ иноземной торговлей, чѣмъ поселенія, лежашія дальше отъ морскаго берега. Но вліяніе этой торговли не заставило себя долго ждать и на внутреннія части острова, что между прочимъ доказывается присутствіемъ такого-же археологическаго матеріала, какъ на Племиріѣ, въ Коццо дель Пантано и даже еще въ бѣльшей степени въ Пантаникѣ, гдѣ мы встрѣчаемся уже съ 3-мъ періодомъ сикульской образованности.

Но этотъ 3-й періодъ разработанъ Орси на двухъ могильникахъ: небольшомъ могильникѣ Тременцано въ долинѣ Cava della Signora и на обширномъ некрополѣ Финоккито близъ Ното. Первый описанъ имъ въ *Bullettino di Palestr. Ital.* 1892 (а. XVIII), р. 84—94, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Le Sepolcreto di Tremenzano“; 2-й въ томъ же *Bullettino* 1894 (а. XX), р. 23—26 и 38—71.

Могилы Тременцано, вырытыя въ отвѣсныхъ скалахъ, — такъ что доступъ къ нимъ могъ быть въ древности только посредствомъ лѣстницы, — съ перваго раза отличаются отъ могилъ 1-го и 2-го періода самою формой, именно строго квадратною, и къ нимъ ведетъ не простое отверстіе, а настоящая дверь достаточной высоты, чтобы, наклонившись, можно было войти человѣку. Трупы клялись въ нихъ не скорченными и не въ сидячемъ положеніи, а распростертыя, съ головой на каменной подушкѣ. Сводъ совершенно ровный. Во всемъ этомъ видна новая эпоха, которую и доказываетъ содержимое. Сосуды

¹⁾ Въ упомянутой статьѣ въ *Revue des deux mondes*, р. 624.

тамъ геометрическаго стиля, выдѣланные на гончарномъ станкѣ, обожженные на закрытомъ огнѣ. Одни изъ нихъ приготовлены изъ очищенной и блѣдной глины, другіе изъ болѣе обыкновенной, смѣшанной съ вулканическими кусочками. Послѣдніе, очевидно, мѣстнаго производства. Но и въ нихъ теперь воскресаетъ раскраска, утраченная во 2-й періодъ. По блѣловатому фону идетъ темная живопись съ переходами въ темно-красный и въ кирпичный цвѣтъ, въ зависимости отъ степени обжига. Между сосудами выдается энохоя съ длинною шейю и черными полосами, другая горбатая, у которой по брюху идутъ тонкія и частыя нити, по плечамъ тригрифы съ подобіемъ метоповъ въ промежуткахъ, наполненныхъ сѣпленными ромбами, а по шеѣ косыя связки изъ угловъ. Орси указываетъ на тождественность геометрическихъ мотивовъ на энохояхъ, найденныхъ въ Вульчи ¹⁾. Обращаетъ на себя вниманіе большой тазъ съ одною ручкою съ лентами по брюху, волнистой линіей по шеѣ и связными по краю. Онъ, какъ это показываетъ и его нечистая глина, и форма, мѣстной фабрикаціи, но геометрической стиль орнамента указываетъ на связь съ древне-греческой культурой. Между бронзовыми издѣліями въ первый разъ встрѣчается фибула въ двухъ видахъ—простою дугою, форма, встрѣчающаяся въ другихъ некрополяхъ Сициліи, и лодочкой, столь обычная въ италійскихъ (фалисскихъ, латинскихъ) могильникахъ, но совершенно новая въ Сициліи, изрѣдка встрѣчающаяся и въ Греціи; кольца, бусы, похожія на находимыя въ древне-греческихъ некрополяхъ; колесики. Въ неразграбленной могилѣ Орси нашелъ еще остатки фибулы пиявкой, двѣ бусинки изъ янтаря, экземпляръ энохой изъ очищенной пасты цвѣта сѣтше на поверхности, съ темными поясами по брюху, съ триглифами и метопами, наполненными волнообразными линіями по плечамъ и болѣе крупною волнообразною линіей по шеѣ.—орнаментъ, встрѣчающійся въ Этруріи и въ Греціи эпохи стиля Диплона, но только въ сицилійской керамикѣ еще не встрѣчается при этомъ фигуръ животныхъ и человѣческихъ,—замѣчаетъ Орси въ своемъ объясненіи, прибавляя, что такіе сосуды могутъ быть современны лишь наиболѣе древнимъ диплонскаго стиля (8—9 ст. до Р. Хр.). Но рядомъ съ экземплярами привозными встрѣчаются и грубые сосуды домашней работы, сдѣланные отъ руки и дурно обожженные, но съ подражаніемъ геометрическому орнаменту, выше

¹⁾ См. Fouilles dans la nécropole de Vulci, exécutées et publiées par *Stéph. Gsell* (Paris, 1891), fig. 89, 94, 96, 101.

описанному или даже съ геометрическими украшеніями нарѣзными. обличающими до нѣкоторой степени подражаніе рисункамъ расширенныхъ сосудовъ.

Могильникъ Тременцано, характеризующійся древне-греческими вліяніями, предшествующими однако непосредственному вліянію греческихъ колоній на островѣ, Орси относитъ къ началу желѣзнаго вѣка, хотя въ могилахъ его желѣзо и не найдено. Почтенный археологъ имѣетъ тутъ конечно въ виду то обстоятельство, что самое устройство могилъ въ томъ видѣ, какъ оно есть, требовало орудій болѣе совершенныхъ чѣмъ бронзовыя. Какъ въ Племмирійскомъ некрополѣ мы присутствовали при вліяніи на сикуловъ микенской культуры, что дало Орси основаніе отнести его, среднимъ числомъ къ XII ст. до Р. Хр., такъ здѣсь передъ нами древне-греческая культура послѣ микенской эпохи. Въ немъ, значитъ, погребались сикулы X — VIII столѣтія до Р. Хр.

Теперь передъ нами гораздо болѣе обширный некрополь 3-го періода, некрополь горы Финоккито, въ которомъ культура послѣдняго до-историческаго періода жизни сикуловъ сказалась съ наибольшею рельефностью. Онъ состоитъ изъ трехъ группъ, въ которыхъ заключается до 300 могилъ, а между ними изслѣдованныхъ Орси 71. Не находя для нашей цѣли нужнымъ входить въ подробности, мы ограничимся лишь заключеніемъ, выведеннымъ Орси изъ своего изслѣдованія.

Могилы Финоккито уже „чувствительно“ отличаются по формѣ отъ могилъ 1-го и 2-го періода. Это, за малыми исключеніями, прямоугольныя камеры, безъ дромоса и антикамеры, а входъ въ нихъ прямо въ дверцу, предшествующую небольшимъ павильономъ. Для постройки этихъ могилъ потребовался не базальтовый и даже не бронзовый топоръ, а топоръ и долото желѣзные, бывшіе тогда уже въ употребленіи. Въ помѣстительныхъ камерахъ, съ каменными подушками, подъ черепъ клались одинъ, два, много три покойника, въ видѣ труповъ, а не скелетовъ, какъ прежде. Въ этихъ камерахъ помѣщалось много утвари въ видѣ сосудовъ съ водой и питьемъ и въ видѣ предметовъ личнаго украшенія. Матеріалъ этотъ позволяетъ хорошо изучить вліяніе иноземной торговли. Мѣстная керамика, все еще не знающая гончарнаго круга, или плохо имъ пользующаяся, и хорошаго обжига, рѣзко отличается отъ прежней и въ орнаментѣ представляетъ ухудшеніе, сравнительно со 2-мъ періодомъ, хотя въ этотъ орнаментъ входятъ и меандры въ подражаніе греческимъ образцамъ. Видно, что чисто

сикульское гончарное искусство вырождалось отъ конкуренціи прото-эллипской керамики, распространявшейся все болѣе и болѣе. Геометрическій стиль сосудовъ иностраннаго привоза—тотъ, который предшествуетъ прото-коринескому стилю древнѣйшихъ колоній, какъ это показываютъ некрополи Сиракузъ и Мегары Гиблейской. Это стиль Диплона, чисто геометрическій, который, съ одной стороны, соприкасается съ послѣдними произведеніями микенскаго искусства, съ другой—сталкивается иногда съ прото-коринескимъ. Бронзовыя издѣлія имѣютъ сходство съ умбро-италійскими, но проникли въ Сицилію независимо, изъ общаго источника, которымъ могли быть Греція и Востокъ. Таковы фибулы съ двумя спиралями, которыхъ не знаетъ Лаціумъ и Этрурія, но которыя находятъ въ Венгріи, на Балканскомъ полуостровѣ и по берегу Адриатическаго моря въ Италиі; фибулы змѣеобразныя, между которыми шесть экземпляровъ изъ желѣза и семь изъ бронзы, и фибулы лодочкой, которыхъ больше половины изъ всѣхъ, найденныхъ въ Финноккито (32 на 50), и которыя распространены были также и по Италиі. Браслеты изъ тонкой бронзовой нити являются у сикуловъ здѣсь въ первый разъ, какъ и скарабей изъ лазуревой пастилы, а равно ножи изъ желѣза. Ножи эти, съ лезвіемъ на одной сторонѣ, не имѣютъ ничего общаго съ бронзовыми клинками 1-го и 2-го періода. Все это предметы иностраннаго ввоза—греческаго и отчасти финикійскаго. Орси полагаетъ, что древнѣйшая часть некрополя Финноккито относится къ IX ст. до Р. Хр., главная къ VIII, а нѣсколько могилъ, можетъ быть, даже къ началу VII, т. е. ко времени уже греческихъ поселеній на островѣ Сициліи. Этимъ оканчиваются данныя до-исторической эпохи сикуловъ. Выѣстъ съ греческими колоніями начинается уже историческая эпоха на островѣ, насъ теперь занимающемъ.

Изъ литературныхъ свидѣтельствъ о сикулахъ мы могли вывести то заключеніе, что италійское племя относилось къ этому народу враждебно, какъ къ чужому, что, изгнавши его изъ Лаціума, оно въ лицѣ ониковъ или осковъ, авзоновъ или аврунковъ и, наконецъ, тѣхъ разновидностей племени на югѣ полуострова, которыя у греческихъ писателей называются энотрами, не позволило имъ, по крайней мѣрѣ главной массѣ ихъ, уѣхать гдѣ-нибудь въ Италиі, гнало ихъ все дальше и дальше, пока они не переплыли пролива и не очутились на островѣ, получившемъ потомъ имя Сициліи. Лишь

часть ихъ могла остаться среди энотровъ и продолжала тамъ существовать до времени Фукидида. Но, какъ народъ, сикулы съ того отдаленнаго времени принадлежали Сицилія, съ которою до-историческая и историческая судьба ихъ неразрывно связана.

Археологическія данныя, добытыя въ могильникахъ и отчасти въ отбросахъ юго-восточнаго края острова, приводятъ насъ къ убѣжденію, что между сикулами и италиками нельзя усмотрѣть никакой этнологической связи. Во всякомъ случаѣ теперь нельзя сомнѣваться въ томъ, что сикулы не есть вѣтвь италиковъ, отъ нихъ отдѣлившаяся и проникшая на островъ Сицилію. Древнѣйшіе италики и древнѣйшіе сикулы представляютъ собой два совершенно разныхъ археологическихъ слоя, двѣ совершенно разныхъ культуры, свидѣтельствующія о томъ, что эти народы съ самаго отдаленнаго времени жили отдѣльною жизнью, не имѣя между собой никакихъ точекъ соприкосновенія. Италики съ самаго момента проникновенія своего на Апеннинскій полуостровъ, были представителями бронзовой культуры ¹⁾, которую они принесли въ долину По еще изъ своего прежняго мѣстожителства, бывшаго гдѣ-то въ средней Европѣ, быть можетъ въ земляхъ придунайскихъ. Сикулы же, прибывшіе на Апеннинскій полуостровъ гораздо раньше италиковъ, были тамъ представителями культуры еще каменнаго вѣка (неолитической), и въ ихъ древнѣйшихъ остаткахъ на островѣ можно замѣтить развѣ только начало знакомства съ кое-какими бронзовыми предметами, тогда какъ вся сущность ихъ культуры была неолитическая. Въ терремарахъ долины По, гдѣ жизнь италиковъ представляется въ древнѣйшей стадіи своего развитія, мы встрѣчаемъ совершенно особый бытъ, какого совсѣмъ не знали сикулы въ 1-й періодъ своей до-исторической жизни на островѣ. Италики строили дома на сваяхъ, —обычай, вывезенный ими изъ прежняго своего мѣстопребыванія, такъ какъ на сухомъ мѣстѣ не было необходимости возводить свайныя постройки, —выводили ихъ ряды по опредѣленному плану, проводя двѣ линіи, съ юга на сѣверъ и съ

¹⁾ Систематическое сочиненіе, характеризующее жизнь и культуру италиковъ въ долинѣ По и принадлежащее Гельбигу (*Italiker in der Poebene*, I. pz. 1879), въ настоящее время уже очень устарѣло, и потому желающіе ознакомиться съ современной разработкой вопроса о поселеніяхъ въ терремарахъ должны обратиться къ журналу Пигорини *Bullettino di paleontologia Italiana*, въ которомъ нѣтъ выпуска безъ статьи или замѣтки, относящейся къ терремарамъ. Авторомъ этихъ статей является по преимуществу самъ Пигорини, важнѣйшій авторитетъ по этому вопросу.

потока на западъ (*cardo* и *decumanus*), какъ потомъ римляне строили свои лагери, окружали свои селенія рвами, наполняемыми водою, и валомъ, укрѣплявшимся перѣдко палисадами. Ничего подобнаго этому устройству жилищъ и поселеній у сикуловъ мы не знаемъ, и никакихъ слѣдовъ чего-нибудь такого у нихъ не находимъ. Италики еще прежде перехода черезъ Апеннины, т. е. въ своихъ terremарахъ, занимались не только скотоводствомъ, но и земледѣіемъ. Остатки ихъ обѣдковъ ясно указываютъ на пшеницу, бобы, ленъ; они воздѣлывали виноградъ, занимались пчеловодствомъ. имѣли ручныя мельницы для размалыванія зеренъ. Между тѣмъ остатковъ земледѣльческой культуры у сикуловъ перваго періода мы не находимъ, и ихъ предполагаемая каменная мельница могли служить развѣ для раздавливанія лѣсныхъ зеренъ и ягодъ. Посуда у италиковъ, несмотря на то, что они находились въ періодѣ бронзовой культуры, была проста и чужда всякой раскраски, которая характеризуетъ керамику еще 1-го періода сикуловъ. Особенно характеристическою принадлежностью ихъ сосудовъ была лунообразная ручка, долго державшаяся затѣмъ въ употребленіи и по переходѣ ихъ черезъ Апеннины у латинянъ и фалисковъ,—форма, въ сицилійской посудѣ совершенно отсутствующая. Изъ бронзовыхъ предметовъ у нихъ были уже серпы, пилы, шила, гребни, даже бритвы, а изъ боевыхъ орудій топоръ типа, называемаго у археологовъ и палеонтологовъ *paalshnab*, сохранившійся и въ послѣдующій періодъ, такъ называемый у италійскихъ археологовъ періодъ Виллановы, но оставшійся навсегда чуждымъ Сициліи. Одна изъ главнѣйшихъ особенностей, какою отличаются сикулы отъ италиковъ, заключается въ томъ, что италики сожигали мертвыхъ, а сикулы хоронили ихъ. Эта особенность погребальнаго обряда, до времени Римской Имперіи сохранившаяся у латинянъ какъ господствовавшій типъ погребенія, но бывшая правиломъ въ terremарахъ, указываетъ на глубокое различіе между двумя племенами. Сикулы никогда не сожигали труповъ, но при погребеніи ихъ сохраняли черту, извѣстную разнымъ народамъ ¹⁾, но неизвѣстную италикамъ именно скальпированіе труповъ и отнесеніе въ погребальную камеру однихъ костяковъ, оставляемыхъ тамъ въ древнѣйшую эпоху еще въ скрѣпномъ положеніи.

¹⁾ По этому поводу писали: Hostmann, *Das skelettiren der Leichen* (не было у меня подъ руками), Pigorini, *Sul'costume dell'età neolitica di seppellire le ossa già scarnite*. Roma, 1884 (изъ актовъ академіи Линчсеи 1884) и др.

Словомъ, во весь древнѣйшій періодъ сикуловъ и италиковъ мы не встрѣчаемъ въ бытѣ ихъ ни одной черты, которая свидѣтельствовала бы объ ихъ общемъ происхожденіи; напротивъ все, что даютъ намъ археологическія данныя о бытѣ того и другаго племени, показываетъ ихъ различіе. Аналогіи, какія даетъ керамика и вообще утварь сикуловъ 1-го періода, ведутъ насъ, какъ это мы, согласно съ Орси, неоднократно замѣчали, съ одной стороны на востокъ— къ Троѣ и Кипру, съ другой— на острова Сардинію и Пьянозу и въ Лигурійскія пещеры, а также въ дольмены Прованса, только отнюдь не къ италикамъ. Аналогіи съ послѣдними, если не считать нѣкоторыхъ, еще не прочно установленныхъ пунктовъ соприкосновенія съ керамикой южной Италіи, гдѣ жили раньше и частью оставались позже сикулы, начинаются вступленіемъ сикуловъ въ бронзовый періодъ (длинные мечи, затѣмъ извѣстныя формы фибулъ); но эти аналогіи происходятъ изъ общаго тѣмъ и другимъ источника, какимъ была иноземная торговля, распространявшая въ то время свое вліяніе на всю западную часть бассейна Средиземнаго моря и заносившая тѣ-же фибулы и на сѣверъ отъ Балканскаго полуострова.

В. Модестовъ

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

BIBLIOGRAPHIE HELLÉNIQUE OU DESCRIPTION RAISONNÉE DES OUVRAGES PUBLIÉS PAR DES GRECS AU DIX-SEPTIÈME SIÈCLE. Par *Émile Legrand*. Tome quatrième. Paris, 1896.

Новый томъ „Греческой Библиографіи“ заключаетъ въ себѣ дополненія къ предыдущимъ томамъ, именно—біографическія свѣдѣнія о трехъ мало извѣстныхъ писателяхъ іезуитахъ и обширныя статьи о четырехъ писателяхъ, грекахъ и румынахъ, болѣе или менѣе связанныхъ съ Россією—о Паисіи Лигаридѣ, Николаѣ Спафаріи, Петрѣ Могилѣ и Кириллѣ Лукарисѣ. Они принадлежатъ отчасти самому г. Леграну, отчасти профессору румынскаго языка въ парижской Школѣ восточныхъ языковъ г. Нико.

Биографическія и библиографическія данныя о Лигаридѣ, сообщаемыя г. Леграномъ, представляютъ для насъ кое-что новое и цѣнное. Прежде всего это — документы римскихъ библиотекъ; затѣмъ это — списокъ литературныхъ трудовъ Лигарида. Между послѣдними заслуживаетъ быть упомянутымъ *Χρησολόγιον Κωνσταντινουπόλεως*, принадлежность котораго Лигариду вѣ сомнѣній и которое снабжено посвященіемъ царю Алексѣю Михайловичу. Къ сожалѣнію, г. Легранъ могъ лишь въ незначительной степени воспользоваться русскою литературою о Лигаридѣ. Ему извѣстно лишь сочиненіе профессора Каутерева; между тѣмъ немало данныхъ о Лигаридѣ находится также въ XII томѣ „Исторія русской церкви“ митрополита Макарія и особенно въ статьѣ г. Лавровскаго въ *Христіанскомъ Читаніи* 1889 года, № 11 — 12 ¹⁾; послѣдняя заключаетъ въ себѣ даже кое-какія

¹⁾ Есть еще о Лигаридѣ статья г. Воробьева въ *Русскомъ Архивѣ* 1893 года, № 1, не лиющая впрочемъ особаго значенія (ср. *Книгопдніе* 1894 года, № 1).

неизвѣстныя г. Леграну библиографическія данныя. Само собою разумѣется, авторъ не знаетъ о томъ, что подлинникъ отиѣтовъ Панація Стрѣшинева находится въ Государственномъ Архивѣ въ С.-Петербургѣ; ему, конечно, неизвѣстны тѣ труды Панація, которые сохранились только въ русскомъ переводѣ: опроверженіе челобитной Никиты Пустосвята, въ 31 главѣ, составленное по порученію царя и собора и изданное въ *Братскомъ Словѣ* 1895 года (по рукописи Московской духовной академіи, № 68), слово о мантии (*Бълокуровъ*. Арсеній Сухановъ, томъ I, стр. СХХХІІІ) и „Поученіе духовное“ (Толст. II, № 220). Нѣсколько странно отсутствіе у г. Леграна указанія на греческій текстъ предисловія Лигарида къ „Синтагмѣ“ Матвеева Властара, находящейся въ Синодальной библиотекѣ.

Статья о Спааріи, составленная г. Пико главнымъ образомъ по русскимъ источникамъ,—для насъ лишена значенія. Мы можемъ лишь отмѣтить двѣ ошибки автора. „Ариомологія“ Спаарія неправильно опредѣлена у него какъ ариометика; весь „Діаріумъ“ Корба имъ признанъ за переведенный Спааріемъ, тогда какъ послѣднему принадлежитъ лишь начало (надъ нимъ написано его имя), а остальная часть книги переведена другими переводчиками посольскаго приказа. Можно еще указать на то, что списокъ греческаго перевода „Путешествія въ Китай“ (съ русскими глоссами) находится въ библиотекѣ греческой школы на островѣ Халки. и что въ одномъ изъ русскихъ списковъ „Описанія китайскаго государства“ (Толст. I, № 162) есть дата „совершенія“ этого произведенія.

Г. Легранъ въ одномъ изъ примѣчаній къ статьѣ г. Пико (стр. 72) заявляетъ рѣшительно, что греческій оригиналъ „Хрисмологія“ Спаарія—выше названный *Χρησολόγιον* Лигарида. Правда, Спаарій выдаетъ свой трудъ за переводъ „отъ древнѣйшихъ харатейскихъ книги еллино-греческія“ съ своими объясненіями и дополненіями; но для того чтобы утверждать, что эта харатейская книга — не болѣе какъ сочиненіе Лигарида, по нашему мнѣнію, необходимо предварительно сличить оба Хрисмологія и опредѣлить ихъ взаимныя отношенія. Возможно, что трудъ Спаарія есть только подражаніе труду Лигарида.

Статья о Петрѣ Могилѣ, принадлежащая г. Пико, для насъ также не представляетъ важности. Авторъ воспользовался, кромѣ трудовъ русскихъ ученыхъ, еще нѣкоторыми статьями на румынскомъ языкѣ; но эти послѣднія повидимому въ значительной степени основаны на русскихъ источникахъ; во всякомъ случаѣ онѣ не даютъ

русскому читателю новыхъ для него данныхъ. Большая часть статьи г. Пико занята библиографіей „книгъ изданныхъ Петромъ Могилою или ему посвященныхъ“. Она имѣетъ сравнительно значительные размеры, такъ какъ авторъ помѣстилъ здѣсь, между прочимъ, всѣ изданія Кіево-Печерской лавры временъ Петра Могилы, вышедшія въ свѣтъ по его „благословенію“. Отмѣтимъ одну ошибку г. Пико. По его словамъ, изъ предисловія къ „Главизнамъ Поучительнымъ“ Агапита діакона, Кіевъ. 1628. видно, что переводъ этого сочиненія сдѣланъ Петромъ Могилою. Вотъ слова предисловія: „исправи же ся отъ еллинскаго идиомате съ многимъ опасствомъ въ благочестіи сіающу богопріемцу тезоименнаго Могилы дакійскихъ земель начальника отрасли. тврѣдоименнаго прѣвопрестолника тезоименну, произбранну съ Господомъ въ предстательство старѣйшеа паствы постничествующихъ“, то-есть при Петрѣ Могилѣ. Что до перевода, передъ нами старый славянской текстъ „Главизнъ Поучительныхъ“, для изданія лишь исправленный вѣскольکو по греческому оригиналу.

Статья, посвященная Кириллу Лукарису, заключаетъ въ себѣ впервые появляющіеся въ печати письма и документы (числомъ 216). Они проливаютъ много свѣта на дѣятельность этого патріарха и на его отношенія къ кальвинизму и рѣшаютъ вопросъ объ еретичествѣ Лукариса въ положительномъ смыслѣ.

А. Соболевскій.

Владиміръ Соловьевъ. Оправданіе Добра. Нравственная философія. Спб. 1897.

Содержаніе книги г. Соловьева въ краткомъ изложеніи сводится къ слѣдующему. Наша жизнь получаетъ нравственный смыслъ и достоинство, когда между нею и совершеннымъ Добромъ устанавливается совершенствующаяся связь. Совершенное Добро должно содержать въ себѣ норму нашего нравственнаго отношенія ко всему; все что существуетъ исчерпывается въ нравственномъ отношеніи тремя категоріями, то-есть то, что выше насъ, что намъ равно и что ниже насъ. Выше насъ безусловное Добро или Богъ; равно съ нами все то, что способно къ самодѣтельному нравственному совершенствованію, ниже насъ—матеріальная природа. Дѣйствительное начало нравственнаго совершенствованія заключается въ трехъ основныхъ чувствахъ, образующихъ натуральную добродѣтель челоѣка: стыда, жалости и религіознаго чувства. Обобщая чувство стыдливости, нравственный законъ повелѣваетъ намъ господствовать надъ всѣми чув-

ственными влеченіями, допуская ихъ только какъ подчиненный элементъ въ предѣлахъ разума, то-есть требуетъ борьбы съ плотью (принципъ аскетизма). Въ отношеніи къ другимъ людямъ нравственный законъ даетъ чувству жалости или симпатіи форму справедливости, требуя, чтобы мы признавали за каждымъ изъ нашихъ ближнихъ такое же безусловное значеніе, какъ за собою (принципъ альтруизма). По отношеніи къ Божеству нравственный законъ требуетъ безусловнаго признанія Божественной воли.—Исполненіе нравственнаго закона не можетъ ограничиться личною жизнью, потому что человѣка въ отдѣльности вовсе не существуетъ; поэтому процессъ совершенствованія мыслимъ только какъ процессъ собирательный, происходящій въ семьѣ, народѣ, человѣчествѣ. При постоянномъ взаимодѣйствіи личнаго нравственнаго подвига и организованной нравственной работы собирательнаго человѣка, Добро получаетъ свое окончательное оправданіе, являясь во всей своей полнотѣ и силѣ. Умственное воспроизведеніе этого процесса въ его совокупности и слѣдующее за исторіей въ томъ, что уже достигнуто, и предварающее ее въ томъ, что еще должно быть сдѣлано, и составляетъ содержаніе нравственной философіи, изложенной въ положительной части книги Вл. Соловьева. Совершенство Добра окончательно опредѣляется какъ нераздѣльная организація тріединой любви: любви восходящей по отношенію къ Богу, уравнивающей по отношенію къ людямъ, нисходящей по отношенію къ матеріальной природѣ. Таково положительное содержаніе „Оправданія Добра“; если къ этому мы прибавимъ критику автора нѣкоторыхъ принциповъ нравственности и полемику съ нѣкоторыми современными теченіями мысли въ области нравственной жизни, то мы тѣмъ самымъ получимъ нѣкоторое представленіе о богатомъ содержаніи книги.

Всѣ системы нравственности могутъ быть приведены къ двумъ основнымъ типамъ: первый ищетъ принциповъ нравственности въ личной жизни человѣка, второй считаетъ ихъ производными и ищетъ обоснованіе нравственности внѣ человѣческой жизни. Примѣромъ перваго субъективнаго типа можетъ служить эдонизмъ со всѣми его видоизмѣненіями, какъ-то: утилитаризмъ и такъ далѣе, а также въ извѣстномъ смыслѣ и система этики Канта. Примѣромъ втораго объективнаго типа можетъ служить этика матеріализма ¹⁾ и „религіозная“ этика, то-

¹⁾ Очень любопытна книжка бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія во Франціи: (Yves Guyot. La morale. Paris, 1883, вошла въ серію Bibliothèque matérialiste) она можетъ служить характернымъ образчикомъ матеріалистической этики.

есть строящая принципы нравственными на религіи. Это сопоставленіе двухъ столь противоположныхъ этическихъ системъ, какъ этика матеріализма и этика религіозная, можетъ показаться парадоксальнымъ, между тѣмъ несомнѣнно, что есть у этихъ двухъ системъ одна весьма важная, общая имъ, черта. Обѣ системы рассматриваютъ человѣка и вмѣстѣ, съ тѣмъ самую нравственность, какъ нѣчто производное, основы чего находятся внѣ сферы чисто этической. Само собой разумѣется, что основы эти оказываются совершенно различными, и общаго въ указанныхъ системахъ только то, что предполагаемая основы всецѣло опредѣляютъ область нравственности. Сфера природная съ ея слѣпюю необходимостью, чуждою всякой разумности, какъ единственная допускаемая механическимъ міровоззрѣніемъ, должна, конечно, оказаться для него и источникомъ нравственныхъ велѣній; поэтому вполне умѣстно утверждать вмѣстѣ съ А. Н. Бекетовымъ что „естественная основа нравственности представляется дериватомъ той самой силы, которая по волѣ Создателя заправляетъ всѣми космическими явленіями. Подвижное равновѣсіе — вотъ высшая цѣль, въ которой сходится всѣ цѣли бытія“¹⁾). Религіозная этика дѣлаетъ законы человѣческой дѣятельности тоже дериватомъ, но не механической необходимости, а разумной воли Божества; нравственность оказывается точно также опредѣленною внѣшнимъ образомъ, хотя конечно гораздо легче представить себѣ зависимость человѣка отъ воли Божества, чѣмъ отъ закона сохраненія энергіи. Утверждать, что справедливость есть ничто иное какъ подвижное равновѣсіе, не значить ли это требовать слишкомъ многого отъ людской фантазіи? Допустивъ опредѣленіе человѣка разумною волею Божества, можно спасти и нѣкоторый смыслъ и значеніе человѣческой жизни. Можно себѣ представить, что на человѣка возложена нѣкоторая задача, требующая усилій и сознанія свободы и, хотя рѣшеніе задачи предопредѣлено, однако самое рѣшеніе имѣетъ значеніе не только для человѣка, а можетъ быть для самого Божества. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что эта форма этическихъ системъ имѣетъ большія преимущества; однако, она въ то же время представляетъ и одно неудобство: истины религіозныя не имѣютъ съ точки зрѣнія философія непосредственной очевидности, а такъ какъ религіозная этика выступаетъ съ утвержденіемъ своего безусловнаго значенія, то она должна дать обоснованіе своего ученія; это обоснованіе можетъ заключаться въ метафизикѣ

¹⁾ *Вопросы философіи и психологіи*. Книга 6-я, стр. 44-я.

и гносеологіи. Этика перваго типа имѣеть въ этомъ отношеніи преимущество передъ религіозною, ибо исходить изъ непосредственнаго факта психической и нравственной жизни человѣка, слѣдовательно въ обоснованіи путемъ метафизики и гносеологіи можетъ и не нуждаться, въ то же время она отличается болѣею простотою построения; однако мы воздержимся отъ разсмотрѣнія вопроса, почему нельзя удовлетвориться субъективною моралью, и обратимся къ книгѣ, по поводу коей высказали эти замѣчанія.

Нравственная философія Владиміра Соловьева представляетъ собой въ художественномъ выполненіи религіозную этику. Необходимость обоснованія ея гносеологіей и метафизикой авторомъ вполне сознается,—на это указываетъ заключительныя страницы его книги: „Самостоятельность нравственной философіи въ ея собственной области не исключаетъ внутренней связи самой этой области съ предметами философіи теоретической—ученія о познаніи и метафизики“; необходимость эта явствуетъ и изъ введенія, хотя въ немъ говорится о самостоятельности нравственной философіи. Введеніе это чрезвычайно любопытно: авторъ говоритъ здѣсь объ отношеніи нравственной философіи къ религіи и теоретической философіи. Нравственная философія, по мнѣнію автора, имѣеть собственный предметъ (нравственныя нормы), независимый отъ положительныхъ религій и даже въ извѣстномъ смыслѣ ихъ обуславливающей; „въ теоретической философіи можетъ относительно предметовъ нравственности возбуждаться только сомнѣніе въ ихъ дѣйствительномъ бытіи, а никакъ не увѣренность въ ихъ небытіи, это сомнѣніе не можетъ перевѣсить увѣренности присущей свидѣтельству совѣсти; но еслибы даже возможна была увѣренность въ небытіи другихъ существъ, то это имѣло бы значеніе лишь для объективной стороны этики, оставляя въ неприкосновенности ея собственную основную область“ (стр. 20—21). Второй вопросъ теоретической философіи, который, какъ обыкновенно думаютъ, опредѣляетъ собой содержаніе этики, есть вопросъ о свободѣ воли. Нашъ авторъ и въ этомъ вопросѣ защищаетъ самостоятельность нравственной философіи: „нравственная философія, какъ ученіе о добрѣ, имѣеть свое собственное содержаніе, ибо добро остается добромъ, разсматривать ли его какъ предметъ произвольнаго выбора, или же какъ мотивъ, необходимо опредѣляющій дѣятельность разумно нравственныхъ существъ“ (стр. 32). Разсужденія автора, путемъ которыхъ онъ приходитъ къ этимъ выводамъ, то-есть къ утвержденію самостоятельности нравственной философіи, въ высшей степени интересны и остроумны,

однако я думаю, что все-таки не ошибаюсь въ томъ, что считаю, книгу Вл. Соловьева религіозной этикой. Конечно, разсужденія о явленіяхъ нравственной жизни не зависятъ отъ той или иной положительной религіи, но зависятъ отъ религіозныхъ представленій вообще. Идея Совершеннаго Добра или Бога вѣдь занимаетъ у Вл. Соловьева центральное мѣсто и, хотя эта идея и является въ разсужденіяхъ автора лишенною какихъ-либо догматическихъ опредѣленій, болѣе въ формѣ философской, но все-жъ эта идея религіознаго порядка, да и самъ авторъ высказываетъ это очень ясно: „Отъ естественной религіи получаютъ свою разумную санкцію всѣ требованія нравственности“, говоритъ онъ (стр. 625); но не только въ этомъ проявляется зависимость этики отъ религіи, а и въ рѣшеніи большинства вопросовъ. Такъ, напримѣръ, утверждая независимость этики отъ вопроса о свободѣ воли, Вл. Соловьевъ придаетъ самому вопросу весьма оригинальную постановку, въ которой опять-таки явно вліяніе его религіозныхъ воззрѣній. Онъ весьма основательно отвергаетъ ходячее опредѣленіе свободы, которое выражается формулой Дунса Скота *nilhil aliud a voluntate causat actum volendi in voluntate*, но и въ такъ называемой нравственной свободѣ, то-есть въ сознательномъ подчиненіи своей воли идеѣ добра, авторъ хочетъ видѣть одну необходимость, а въ выборѣ зла, напротивъ, онъ повидимому усматриваетъ свободу. Это весьма оригинально и заставляетъ насъ ждать съ нетерпѣніемъ его метафизики, въ которой онъ обѣщаетъ подробное обоснованіе этого взгляда. Казалось бы, что понятія одного порядка, хотя и противоположнаго содержанія, подлежатъ одному принципу; если въ добрѣ нѣтъ свободы, то какъ его найти въ злѣ? Это трудно себѣ представить, но мотивы, по которымъ Вл. Соловьевъ желалъ бы найти свободу въ злѣ, мнѣ кажется, ясны. Богъ или совершенное добро можетъ опредѣлить человѣка къ добру, но какъ приписать Богу опредѣленіе человѣка къ злу?—это не мыслимо для религіознаго сознанія. — Такимъ образомъ, несомнѣнно, религіозныя представленія опредѣляютъ нравственную философію Вл. Соловьева, и высказывая это, я вовсе не желаю сдѣлать ему упрека, а просто указываю на особенность мышленія автора, его настроенія, его міросозерцанія. Это вовсе не мѣшаетъ тому, что самая книга есть настоящее философское произведеніе, ибо философскій талантъ проявляется не въ томъ, съ какими понятіями авторъ оперируетъ, а въ способѣ пользованія этими понятіями. — Недавно вышло сочиненіе профессора Катрейна „*Philosophia moralis*“ (Fretsburg 1893), написанное съ точки зрѣ-

нія католической религіи. Въ исходныхъ точкахъ зрѣнія Вл. Соловьева и Катрейна есть много общаго, но русскій авторъ создалъ истинно философское сочиненіе, которое прочтеть съ одинаковымъ интересомъ, какъ тотъ, кто раздѣляетъ воззрѣнія Вл. Соловьева, такъ и тотъ, кто ихъ отвергаетъ,—ибо въ книгѣ нашего автора цѣнны не только его воззрѣнія, но и ходъ мысли, путемъ котораго онъ ихъ оправдываетъ.—въ то время какъ книгу Катрейна философъ отложить въ сторону съ полнымъ разочарованіемъ, хотя моралисту и покажутся вѣрными многія его положенія. Въ исходной точкѣ зрѣнія Вл. Соловьева несомнѣнная его сила. Всякій вправе выбрать ту точку зрѣнія, съ которой онъ намѣренъ разсматривать извѣстный вопросъ, выборъ же точки зрѣнія опредѣляетъ не только самого автора, но и критику; та критика несправедлива, которая разбираетъ предметъ съ иныхъ точекъ зрѣнія, и не становится на ту же почву, на которой стоитъ авторъ сочиненія. Правственный и умственный обликъ Вл. Соловьева давно извѣстенъ читателямъ, поэтому апіори можно было предвидѣть общій ходъ его мыслей, но можетъ быть душевный складъ Вл. Соловьева ни въ одномъ его сочиненіи не выразился столь полно, какъ въ разсматриваемомъ нами теперь, поэтому весьма понятно, что именно это его сочиненіе вызвало и наибольшій энтузіазмъ и съ другой стороны—наиболѣе суровые отзывы; полагаю однако, что даже воплія враждебно настроенный читатель признаетъ чистоту того источника, то-есть, искренняго религіознаго чувства, которымъ опредѣляются воззрѣнія автора. Уже изъ той передачи содержанія книги, которая находится въ началѣ этой замѣтки, видно, что ближайшее опредѣленіе нравственной области, тожественной по существу съ религіозной, авторъ находитъ въ двоякомъ: во-первыхъ въ психологическомъ анализѣ, раскрывающемъ пружины нравственной дѣятельности чловѣка, во-вторыхъ въ тѣсной связи нравственности съ исторіей. Что касается перваго пункта, то вполнѣ очевидно, что въ душѣ чловѣка должны находиться тѣ элементарные факты, изъ которыхъ и благодаря которымъ можетъ развиваться нравственность. Вѣдь нравственность есть историческій процессъ, это совершенствующаяся связь съ совершеннымъ добромъ, въ этомъ процессѣ должны поэтому открыться зародыши, заложенные въ чловѣческомъ сознаніи, но самый процессъ былъ бы невозможенъ безъ нихъ. Тѣсная же связь, въ которую Вл. Соловьевъ ставитъ нравственность съ исторіей, обнаруживается въ томъ толкованіи, которое онъ даетъ найденнымъ имъ зародышамъ нравственности, стыду, жалости и религіозному чувству.

Психологическій анализъ стыда, жалости и религіознаго чувства проведенъ авторомъ весьма тонко, въ особенности интересно указаніе на нравственное значеніе чувства стыда; сколько намъ извѣстно — это вполне оригинальная мысль, которую мы ранѣе не встрѣчали въ сочиненіяхъ, трактующихъ объ этомъ. Можетъ быть, натуралисты и станутъ спорить съ теоріей Вл. Соловьева объ эмпирическомъ происхожденіи чувства стыда, но значеніе стыда, опредѣляющаго этическое отношеніе человѣка къ матеріальной природѣ, не зависить отъ вопроса о происхожденіи этого чувства. Шопенгауеръ высказывалъ мысль и подробно обосновалъ ее, что жалость есть единственная основа всей нравственности; Вл. Соловьевъ показываетъ почему, именно жалость или состраданіе, а не со-радость или со-наслажденіе, можетъ имѣть принципиальное значеніе. Авторъ при этомъ критикуетъ метафизическія основы ученія Шопенгауера и, хотя критика нашего автора въ общемъ мнѣ кажется вѣрной, но можетъ быть онъ слишкомъ строго относится къ выраженіямъ Шопенгауера о „непосредственномъ отождествленіи“ и „снятіи границъ между я и не—я“ въ чувствѣ состраданія. Разсматривая значеніе религіознаго чувства для нравственности, Вл. Соловьевъ не могъ обойти вопроса о возникновеніи религіознаго чувства. Положительное неравенство, которымъ опредѣляется сыновьяя любовь или благочестіе, представляетъ собой естественный корень религіозной нравственности, такъ какъ преимущество родителей передъ дѣтьми обуславливаетъ ихъ солидарность, служить основаніемъ особаго рода нравственныхъ отношеній. Въ силу этого смысла Вл. Соловьевъ отрицаетъ очень распространенную теорію о томъ, что первоначальною религіей былъ фетишизмъ; онъ признаетъ большее значеніе за теоріей Герберта Спенсера, которая выводитъ изъ почитанія умершихъ всю религію. Высшая степень религіознаго сознанія представляетъ собой лишь углубленіе и расширеніе того содержанія, которое мы находимъ на ступеняхъ первоначальнаго. Религія первобытной семьи человѣчества опредѣляется представленіемъ отца, или ближайшаго предка, сначала живаго, потомъ умершаго. Разобравъ эту тройную основу нравственности, то-есть, стыдъ, жалость и религіозное чувство, Вл. Соловьевъ старается доказать, путемъ отрицательнымъ, что никакія иныя основы немислмы, ибо перебравъ все другія качества, которыя въ древнія и новыя времена считались добродѣтелями, нельзя найти ни одного между ними, которое *само по себѣ* заслуживало бы это названіе. Этотъ анализъ нашъ авторъ распространяетъ только на четыре такъ назы-

ваемые, „кардинальныя“ добродѣтели древнихъ (справедливость, мужество, воздержность и мудрость) и на три „богословскія“, вѣра, надежда и любовь. Онъ могъ бы еще болѣе облегчить себѣ задачу, еслибъ отослалъ читателей къ интересной книгѣ Гартманна „Феноменологія нравственнаго сознанія“, въ которой (и правда съ иной точки зрѣнія) разобраны всѣ душевныя качества, которыя въ разныя времена выставлялись философами и моралистами какъ принципы этики.

Обратимся теперь ко второй указанной нами чертѣ разсматриваемаго сочиненія: а именно тѣсной связи, въ которую авторъ ставитъ нравственность съ исторіей. Это отношеніе обнаруживается уже въ опредѣленіи смысла жизни, который заключается въ совершенствующейся связи жизни съ совершеннымъ добромъ. Благодаря этому воззрѣнію автора получаетъ первенствующее значеніе не только самая жизнь человѣка, но въ особенности историческій процессъ. Исторія становится не простою смѣной дурныхъ и хорошихъ поступковъ людей, а развивающимся процессомъ, полнымъ смысла, и, можетъ быть, необходимымъ въ общемъ міровомъ развитіи; разказъ объ этомъ процессѣ становится поучительнымъ въ высокой степени и весьма естественно, что самое крупное явленіе въ исторіи, христіанство, находящееся въ столь тѣсной связи съ нравственною жизнью человѣка, выдвигается на первый планъ. Такимъ образомъ не нравственныя понятія служатъ критеріемъ при оцѣнкѣ историческихъ событій, а наоборотъ историческія событія являются въ извѣстномъ отношеніи критеріемъ нравственности. Въ этомъ пунктѣ есть извѣстнаго рода сходство абсолютной нравственности въ изложеніи Рл. Соловьева съ теоріей относительности всѣхъ нравственныхъ понятій, какъ она изложена, напримѣръ, въ извѣстной книгѣ Летурно „L'évolution de la morale“, по смыслу которой исторія должна выяснить значенія понятій добра и зла; разница этихъ двухъ воззрѣній въ томъ, что у эволюционистовъ, въ родѣ Летурно, самый процессъ развитія случаенъ, онъ не опредѣленъ ничѣмъ инымъ кромѣ физиологическихъ и психологическихъ условій человѣка, въ то время какъ въ абсолютной нравственности, не отрицающей однако развитія нравственныхъ идей, онъ съ самого начала опредѣленъ не только началомъ, то-есть элементарными данными сознанія, перечисленными нами выше, но и концомъ, то-есть совершеннымъ добромъ, являющимся идеальною цѣлью развитія человѣчества. Есть однако въ такомъ воззрѣніи на значеніе исторіи въ вопросахъ нравственности одна опасность, которую, какъ мнѣ кажется, не слѣдуетъ упускать изъ виду. Историческій процессъ, хотя и является

очерченнымъ въ главныхъ чертахъ, но онъ во всякомъ случаѣ не законченъ, поэтому оцѣнка отдѣльныхъ фактовъ исторіи не всегда можетъ быть безусловно вѣрной. Во всѣхъ попыткахъ конструкціи исторіи замѣчается субъективный элементъ и придается значеніе событіямъ, котораго, можетъ быть, они сами по себѣ не имѣли; стбитъ вспомнить Гегелеву феноменологію духа или Фихте Старшаго *Grundzüge des Gegenwärtigen Zeitalters*. При чтеніи книги Вл. Соловьева мнѣ иногда казалось, что и онъ не вполне свободенъ отъ этой черты, которая обусловлена самою точкой зрѣнія на предметъ. Возьмемъ для примѣра то, что онъ говоритъ объ аскетизмѣ; общая его мысль прекрасно показываетъ и источники и смыслъ аскетической морали, но въ детальной обработкѣ аскетизма авторъ останавливается на такихъ моментахъ, на которые наводитъ его глубокое его знаніе исторіи. Не потому ли, напримѣръ, онъ высказываетъ желательность приобрѣтенія власти духа и надъ такими отправлениями животнаго организма, которыя не стоятъ въ прямомъ отношеніи къ „похотямъ плоти“, каково напримѣръ „дыханіе“, что знаетъ изъ исторіи, о такъ называемомъ „ноздренномъ дыханіи“, что оно было однимъ изъ условій „умнаго дѣланія“. Вл. Соловьевъ говоритъ, какъ мы видѣли выше, что требованія нравственности получаютъ свою разумную санкцію отъ естественной религіи. въ дѣйствительности же на мѣсто естественной религіи онъ ставитъ иногда христіанскую религію, которая, хотя и представляетъ собою историческій фактъ, но въ то же время заключаетъ въ себѣ безусловную истину. Нужно имѣть много такта и большую умственную ловкость, чтобы связать безусловную истину, которая должна быть мыслима какъ нѣчто неизмѣнное и вѣчное, съ признаніемъ историческаго развитія этой истины. Вѣдь въ такомъ случаѣ и въ христіанской религіи, какъ бы твердо ни были мы увѣрены въ ея абсолютномъ значеніи, мы должны будемъ признать временные элементы, исчезновеніе которыхъ послужитъ только къ тому, что самая сущность этого ученія проявится въ большей чистотѣ. Какъ рѣшаетъ этотъ трудный вопросъ Вл. Соловьевъ, который съ особенною любовью занимается вопросами по исторіи христіанской религіи и церкви — это видно изъ чрезвычайно интересной главы сочиненія „Нравственная организація челоѣчества“. Его общіе взгляды на эти вопросы извѣстны читающей публикѣ изъ его сочиненія: „Исторія и будущность теократіи“ и мы не считаемъ себя въ правѣ подвергать ихъ въ данномъ мѣстѣ болѣе подробному разсмотрѣнію.

Въ книгѣ Вл. Соловьева есть еще одна черта, вытекающая изъ

указанной тѣсной связи, въ которую онъ ставитъ нравственность съ исторіей. Онъ не ограничивается догматическимъ изложеніемъ принциповъ нравственности, онъ не только критикуетъ мнимыя начала практической философіи, выставленныя въ прежнія времена, но весьма чутко относится къ современнымъ теченіямъ религіозно-нравственной мысли. Постоянная полемика съ ходячими современными теоріями. имѣющими опору въ высокомъ авторитетѣ лицъ, ихъ выставившихъ, и въ подкупающей простотѣ самого ученія, дѣлаетъ книгу Вл. Соловьева особенно цѣнною. Напримѣръ, въ 12-й главѣ (уголовный вопросъ съ нравственной точки зрѣнія) мы находимъ весьма остроумное и основательное опроверженіе распространенной нынѣ теоріи о непротивленіи злу. Соображенія автора настолько остроумны, что мы не можемъ удержаться отъ того, чтобы не привести здѣсь нѣсколько ихъ образцовъ его хода мысли. Главная мысль ученія о непротивленіи злу такова, говоритъ авторъ: „То, что кажется намъ зломъ, можетъ быть вовсе не зло; божество, или провидѣніе лучше насъ знаетъ истинную связь вещей и какъ изъ кажущагося зла выводитъ дѣйствительное добро; сами мы можемъ знать и цѣнить только свои внутреннія состоянія, а не объективное значеніе и послѣдствія своихъ и чужихъ дѣйствій“, „но изъ того что мы не знаемъ“, къ такимъ послѣдствіямъ могутъ привести наши поступки, вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы должны были воздерживаться отъ всякихъ поступковъ; такое заключеніе было бы правильно, если бы мы, напротивъ, знали навѣрное, что всѣ послѣдствія были дурными, а такъ какъ они равно могутъ быть и дурными и хорошими, то мы имѣемъ здѣсь одинаковое основаніе (или точнѣе—одинаковое отсутствіе основаній) для дѣйствія и бездѣйствія, то-есть съ этой точки зрѣнія, мы не можемъ знать, что для насъ лучше: дѣйствовать или бездѣйствовать, и слѣдовательно все это соображеніе о косвенныхъ результатахъ нашихъ поступковъ не можетъ имѣть для насъ пракческаго значенія“. „Итакъ, наши дѣйствія, или воздержанія отъ дѣйствій должны опредѣляться вовсе не соображеніями о ихъ возможныхъ, но намъ невѣдомыхъ, косвенныхъ послѣдствіяхъ, а съ побужденіями, прямо вытекающими изъ нравственнаго принципа“ (стр. 421).

Отитѣвъ нѣсколько характерныхъ чертъ сочиненія Вл. Соловьева. мы не станемъ вдаваться въ детальное его разсмотрѣніе; взвѣсивать и возражать противъ частныхъ, значить непонять духа всего произведенія, значить не оцѣнить той художественной цѣльности и мастерскаго изложенія, которыя столь рѣдко встрѣчаются у нашихъ писателей-философовъ. Въ этомъ отношеніи критика, какъ намъ ка-

жется, по отношеніе къ Вл. Соловьеву. проявила свою полную несостоятельность, напавъ на отдѣльныя мысли и главы сочиненія. Такой несправедливой критикѣ подверглась, напримѣръ, весьма интересная глава „о смыслѣ войны“.

Несомнѣнно, однако, что книга Вл. Соловьева имѣетъ успѣхъ въ обществѣ, о ней не только пишутъ; ее читаютъ и о ней много говорятъ.

Э. Радловъ.

G. SKANDERBEG. Historische Studie von *Julius Pisko* k. und k. Vicekonsul und Leiter des k. u. k. öster-ungar. Generalkonsulats in Janina. Wien. 1896.

Написанная австро-венгерскимъ дипломатомъ, вице-консуломъ въ Янинѣ, новая книга о Г. Скандербергѣ, несмотря на то, что авторъ ея воспользовался нѣкоторыми матеріалами изъ венеціанскихъ архивовъ, уясняющими отношенія знаменитаго албанскаго героя XV вѣка къ Венеціи въ многотрудные его годы управленія Албаніей, въ общемъ, даетъ немного больше того, что можно читать въ „Geschichte des Osmanischen Reiches“ Цинкейзена. Этотъ послѣдній нѣмецкій историкъ для составленія исторіи о Скандербергѣ пользовался слѣдующими пособиями: Пуффендорфомъ (1684 г.), Ponce't'омъ (1709 г.), Бьемми (въ изд. 1742 г.), Мариномъ Барлетти „De vita et moribus ac rebus praecipue adversus Turcas gestis Georgii Castrioti clarissimi Epirotarum principis. qui propter celeberrima facinora Scanderbegus hoc est Alexander Magnus cognominatus fuit“, Strasburgo 1537, венеціанскимъ трудомъ Fatti illustri del signor Scanderbech d'incerto Autoro въ собраніи Сансовіано (1582 г.) и рѣдкою хроникой „Cronica... per Ioan Ochoa de Lesalde (1592 г. ¹⁾). Нашъ авторъ призналъ трудъ Барлетти единственнымъ современнымъ источникомъ по исторіи Албаніи изъ эпохи покоренія ея турками, однако, отдаетъ предпочтеніе труду Бьемми „Istoria di Giorgio Castriota“, составленному въ 1742 г. на основаніи „Historia Scanderbegi edita per quendam Albanensem. (Venet. 1480 г.), который, по его мнѣнію, былъ первоначально составленъ неизвѣстнымъ албанцемъ, имѣвшимъ возможность узнать все изъ перваго источника, такъ какъ братъ его служилъ въ войскѣ Георгія

¹⁾ Но также слѣдовало воспользоваться Исторіей Албаніи, составленной Bonvenuto de Sancto Georgio, 1519 г. „Breve memoria de nostra casa Musachi“ *Изъ Музакъ* (1510 г.).

Скандербега. Но въ настоящее время изслѣдователь политической дѣятельности Скандербега располагаетъ многими документальными, извлеченными изъ архивовъ, источниками, на основаніи которыхъ могутъ и должны быть дополнены свѣдѣнія о Скандербергѣ въ нѣмецкой книгѣ Цинкейзена, а тѣмъ паче у его предшественниковъ. Почти рабское пользованіе устарѣлыми пособіями ввело автора разсматриваемой книги въ погрѣшности, неизвинительныя послѣ обнародованія очень важныхъ архивныхъ источниковъ по данному вопросу. Такъ, напримеръ, онъ вполне довѣряетъ разказу византійскаго лѣтописца Халкокондила о приключеніяхъ Скандербега въ турецкомъ плѣну¹⁾, считаетъ подлиннымъ обмѣнъ писемъ между султаномъ Муратомъ и Г. Скандербегомъ въ 1445 году, изданныхъ въ *Historia universale Venetia MDCLIV*, Сансовино, что, однако, признается неправдоподобнымъ новѣйшими критическими изслѣдователями²⁾.

Историческая роль Георгія Кастріота (съ конца 1443—17-го января 1468), получившаго прозваніе „Скандербергъ“, то-есть, Александръ (Македонскій), за свои подвиги въ дѣлѣ защиты христіанскаго міра отъ турецкихъ завоеваній, представлена въ разсматриваемой книгѣ довольно поверхностно. Прежде всего, необращено должнаго вниманія на созваніе 2-го марта 1444 г. Г. Скандербегомъ (бѣжавшимъ въ Албанію изъ турецкой арміи, потерпѣвшимъ пораженіе у города Ниша 3-го ноября 1443 г. и затѣмъ хитростію захватившимъ г. Крю) въ г. Лешѣ албанскихъ и славянскихъ мелкихъ владѣтелей: Дукадиновъ, Музаки, Аріанитовъ, Топи, Спановъ, Захаріи Альтисвера, Зетскаго (черногорскаго) Степана Черноевича и Бальшичей; участники съѣзда рѣшили принять мѣры обороны отъ турецкихъ нападений и главнымъ вождемъ соединенныхъ силъ избрали Скандербега. Это довѣріе къ Георгію остальныхъ владѣтелей было условлено особенными его военными способностями, о которыхъ молва разнеслась по всему Балканскому полуострову. Послѣдовавшая вскорѣ (въ 1444 году) побѣда Скандербега надъ 25.000 турецкой арміей подъ начальствомъ Али-паши въ Дибрахъ³⁾ условила приглашеніе героя со стороны короля Владислава вступить въ лигу противъ турокъ; приглашеніе было принято. Но сербскій деспотъ Юрій I Бранковичъ,

¹⁾ Ed. Bonnae, стр. 249 и 350.

²⁾ См. Das Alban. Element in Griechenland, *Валлеррайера*, Histoire de Scanderbeg ou Turcs et Chrétiens par *M. Camille Paganet*. Paris. 1855 г.

³⁾ По разказу неизвѣстнаго албанскаго автора „Historia Scanderbegi“.

какъ союзникъ и родственникъ турецкаго султана Амурата II, дѣйствуетъ противъ Албаніи, хотя въ концѣ концовъ долженъ уступить Скандербегу въ неравномъ бою: находившаяся подъ управленіемъ деспота Юрія I Бранковича Сербія испытала сильное опустошеніе со стороны албанцевъ, которое и въ будущемъ не могло быть забыто потерпѣвшимъ сербскимъ деспотомъ.

Къ этому несчастному недоразумѣнію между сербскимъ деспотомъ Юріемъ I Бранковичемъ и албанскимъ вождемъ Скандербегомъ присоединился вслѣдъ затѣмъ споръ Скандербега съ Венеціанскою республикой изъ-за обладанія Даньо (Dagnum) послѣ смерти Павла Дукагина, сынъ котораго Алексѣй убилъ владѣтеля этого округа, Захарію Альтисвера. Споръ этотъ окончился въ пользу Венеціанской республики, благодаря тому обстоятельству, что подъ вліяніемъ венеціанской интриги сторону Венеціи приняли албанскіе владѣтели Петръ Спанъ и Юрій Душманъ, которые произвели давленіе, вынудившее передачу матерью убитаго Захаріи Альтисвера Даньо Венеціи (1847 г.). Съ этимъ не хотѣлъ помириться Скандербегъ, а потому назялъ себя кровнаго врага въ лицѣ Венеціанской республики.

Послѣ этого становится яснымъ, почему политическая роль Венеціи въ кровавомъ спорѣ Скандербега съ турками оказалась неблагоприятною. Венеція вредила Скандербегу всякими способами, что, конечно, не могло не отозваться на дальнѣйшей печальной судьбѣ какъ Албаніи, такъ и другихъ южно-славянскихъ государствъ Балканскаго полуострова. Венеція видѣла въ албанскомъ вождѣ своего рода помѣху ея интересамъ на Балканскомъ полуостровѣ, и потому 4-го мая 1448 г. рѣшила ¹⁾ покончить съ нимъ: постановлено было дать 100 червонцевъ въ годъ тому лицу, которое убьетъ Скандербега. Причина та, что Скандербегъ сталъ сильно тревожить венеціанскія владѣнія на Балканскомъ полуостровѣ, главнымъ образомъ въ албанскихъ предѣлахъ. Тогда же было рѣшено отправить венеціанское войско противъ Скандербега и пожаловаться на него султану, который по уговору долженъ былъ наказать его за враждебныя дѣйствія противъ Венеціи. 27-го мая того же года былъ посланъ отъ венеціанскаго дожа, Франческо Фоскари, въ Албанію Андрей Вешіеро для рѣшенія дѣла со Скандербегомъ; послу прежде всего поручалось отправить туркамъ заявленіе, чтобы они опять явились въ Албанію, если оттуда ушли, вслѣдствіе требованія венеціанскаго

¹⁾ Schafar. Acta Archivi Veneti, № CDLV.

правителя (comes) г. Скадра, условленнаго опасеніемъ со стороны Скандербега. При этомъ же поручалось венеціанскому послу обращаться со Скандербегомъ вѣжливо и напомнить ему о благодарніяхъ, оказанныхъ ему и его братьямъ Венеціей по смерти ихъ отца Іоанна. Съ возвращеніемъ турокъ въ Албашію этотъ венеціанскій посолъ долженъ былъ идти въ городъ Скадръ. Въ случаѣ неприбытія турокъ, необходимо заключить со Скандербегомъ миръ, съ уплатою ежегодной дани не только ему, но и его потомству, но не свыше 1.500 червонцевъ. При этомъ слѣдуетъ добиваться отъ него уступки Dagnini; а если онъ не согласится на эту уступку, то предложить ему дань въ 1000 червонцевъ. Венеція не вполне рассчитывала на успѣхъ, и потому, въ случаѣ отказа Скандербега, ея посолъ долженъ былъ склонить на свою сторону Павла и Николая Дукадиновъ, которые могутъ повліять на Скандербега въ заключеніи искомаго соглашенія¹⁾. При содѣйствіи Николая Дукадина, Венеція удалось 4-го октября 1448 г. въ лагерьъ подъ г. Лешемъ заключить миръ со Скандербегомъ, съ самимъ Николаемъ Дукадиномъ и съ Топія²⁾. 10-го октября того же года Венеція поручила своему албанскому провизору заключить миръ со Скандербегомъ, если турки будутъ поражены³⁾. Очевидно, примиреніе 4-го октября могло быть необязательнымъ для Венеціанской республики.

Эта политика Венеціи по отношенію къ Георгію Скандербегу становится понятною, если припомнить отношенія Венеціи къ другимъ государствамъ за нѣсколько лѣтъ до этого, о которыхъ ничего не сказано въ разсматриваемой книгѣ, потому что ничего о нихъ не сказано и у Цинкейзена⁴⁾ и у Гаммера. 6-го марта 1444 года былъ отправленъ изъ Венеціи въ Пешть (Будимъ) посолъ Іоаннъ Регуардъ для переговоровъ съ королемъ польскимъ и венгерскимъ и сербскимъ деспотомъ Юріемъ I Бранковичемъ относительно общихъ дѣйствій противъ турокъ. Этотъ посолъ долженъ былъ сказать папскому кардиналу, что Венеція снаряжаетъ флотъ для отправки въ Галлиполи, съ цѣлью воспрепятствовать переходу турокъ изъ Азіи въ Европу, а польскій и венгерскій король долженъ двинуться противъ турокъ съ огромнымъ войскомъ изъ Венгріи. Нужно было и бла-

1) Ibid., № CDLVII.

2) Ibid., № CDLIX.

3) Ibid., № CDLX.

4) Geschichte des osman. Reiches, стр. 650.

говоленіе Іоанна Гуніада, которому (*magnifico capitaneo*) этотъ посольъ долженъ былъ выразить особенное расположеніе республики. Сербскаго деспота Юрія I Бранковича посольъ долженъ былъ увѣрить въ расположеніи къ нему республики и выразить ему сожалѣніе ея по поводу его несчастій; а такъ какъ въ Венеціи недавно разнесся слухъ, что деспотъ уже получалъ обратно ббольшую часть своихъ владѣній, то выразить ему свою радость, прибавивъ, что уже готовъ флотъ для отправки въ Галлиполи ¹⁾). 12-го мая того же года этому венеціанскому послу было отправлено письмо съ наказомъ убѣждать польскаго и венгерскаго короля, что Венеція всегда готова дѣйствовать противъ враговъ христіанства и что флотъ уже скоро будетъ готовъ къ отплытію въ Галлиполи. Къ этому слѣдовало прибавить, что бургундскій герцогъ тоже снаряжаетъ 4 судна въ Венеціи и три судна въ Ниццѣ (*apud Niciam*). Точно также поручалось дать увѣренія сербскому деспоту, Іоанну Гуніаду и другимъ знатнымъ венгерскимъ лицамъ о твердомъ намѣреніи Венеціи дѣйствовать противъ турокъ. Папскому кардиналу слѣдовало сообщить, что Венеція желаетъ вскорѣ видѣть осуществленною мысль о заключеніи союза противъ турокъ ²⁾).

Нѣсколько сомнительный образъ дѣйствій папы вызвалъ жалобу венеціанскаго дожа въ письмѣ отъ 25-го мая 1444 г. на то, что папа тратитъ деньги на другія нужды и медлитъ съ отправленіемъ флота въ Галлиполи ³⁾), дѣло вслѣдствіе того замедлялось. Но, какъ бы то ни было, а 17-го іюня 1444 (какъ читаемъ ниже въ той же книгѣ актовъ) венеціанское правительство поручило Алоизію Лоредану идти съ флотомъ къ Галлиполи.

Въ Албаніи имѣла владѣнія не только Венеція, но и Сербія. Венеція, очевидно, соперничала съ сербскимъ правительствомъ на албанскомъ приморьи, и потому, понятно, должны были возникать натянутыя отношенія между Венеціей и Сербіей и Г. Скандербегомъ. Эти отношенія Г. Скандербега къ сербскому деспоту Юрію I Бранковичу и Венеціи не выяснены въ разсматриваемой книгѣ, потому что о нихъ ничего не сказано въ книгѣ Цинкейзена ⁴⁾). Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Къ данному времени (1445 г.) сербскій деспотъ предъ-

¹⁾ Acta Archivi Veneti, № CDXL.

²⁾ Ibid., № CDXLIII.

³⁾ Ibid., № CDXLIV.

⁴⁾ Zinkeisen, op. cit., стр. 703.

явилъ свои права на владѣнія въ Албаніи, которыя предъ тѣмъ очутились во власти венеціанцевъ; сербскій деспотъ потребовалъ возвращенія ему занятыхъ венеціанцами его владѣній въ Албаніи. На это требованіе сербскаго деспота Венеція отвѣтила слѣдующее: такъ какъ, при приобрѣтеніи этихъ владѣній отъ князя Стефана (Вуковича, Вучича) Венеція понесла большія издержки, то деспотъ пусть согласится оставить эти владѣнія за Венеціей, или, если на это онъ несогласенъ, пусть возьметъ верхнюю Зету, а все остальное должно остаться во владѣніи Венеціи¹⁾. Подобный же отвѣтъ на новое требованіе сербскаго деспота былъ данъ Венеціей и 9-го іюня 1445 г.²⁾ Но на слѣдующій день, 10-го іюня, былъ отправленъ къ сербскому деспоту посолъ съ оправданіемъ, почему Венеція заняла его владѣнія въ Албаніи и Зетѣ. Къ этому Венеція была побуждена заявленіемъ пословъ его же (сербскаго деспота), что, если Венеція не желаетъ добровольно уступить, деспотъ достигнетъ цѣли своей другимъ средствомъ, т. е. силою оружія³⁾. Переговоры не остались безплодными, и 18-го іюня того же года венеціанскій дожъ отправилъ сербскому деспоту письмо, въ которомъ выражаетъ радость по поводу возвращенія ему разныхъ владѣній, а относительно владѣній сербскаго деспота въ Албаніи повторяетъ то же самое, что было сказано посламъ⁴⁾.

Но этимъ сербскій деспотъ не удовольствовался, и потому сербское войско появилось около города Котора. Тогда-то венеціанскій дожъ Франческо Фоскари поручилъ Андрею Веніеру идти къ сербскому деспоту, если онъ окажется въ Зетѣ, а не то къ его капитану и разузнать, какая цѣль этого вторженія. Если онъ потребуетъ своихъ мѣстностей—Антивари, Дриваста и Будвы, то отвѣтить: Венеція приобрѣла ихъ отъ его врага, князя Стефана Вучича, и при этомъ было не мало издержекъ; если онъ (деспотъ) желаетъ возвратити эти издержки, то можетъ взять свои земли⁵⁾; если же сербскій деспотъ не захочетъ уплатить этихъ издержекъ, есылался на то, что ему слѣдуетъ отъ Венеціи за Скадръ ежегодной дани 1000 червонцевъ, то можно уступить ему означенные города и дань за Скадръ до 3,000 червонцевъ⁶⁾. Венеція наблюдала свой интересъ по отношенію къ

¹⁾ Acta Arch. Veneti, № CDXLVIII, отъ 14-го мая 1445 г.

²⁾ Ibid., № CDXLIX.

³⁾ Ibid., № CDL.

⁴⁾ Ibid., № CDLII.

⁵⁾ Ibid., № CDLVII, отъ 27-го іюня 1448 г.

⁶⁾ Ibid.

болѣе опасному сопернику и врагу Г. Скандербегу, и потому къ этому прибавила: если сербскій деспотъ не пожелаетъ быть по сосѣдству съ Скандербегомъ, то этимъ его нежеланіемъ необходимо воспользоваться; необходимо добиться обѣщанія сербскаго деспота, что онъ сообщитъ съ Венеціей будетъ дѣйствовать противъ Скандербега¹⁾.

Но счастье измѣнило сербскому деспоту въ его замыслахъ. Поэтому венеціанское правительство поручило (письмомъ отъ 29-го іюля 1448 года)²⁾ Андрею Вениеру войти въ переговоры съ сербскимъ деспотомъ на новыхъ условіяхъ: такъ какъ „*fortuna despoto adversa et contraria est*“, то при заключеніи мира не уступать ему ни земель въ Албаніи, ни 1000 червонцевъ ежегодной дани. А если деспотъ не будетъ соглашаться, то обѣщать ему 1000 червонцевъ за городъ Скадръ, но съ условіемъ, чтобы онъ не пропускалъ черезъ свои земли венеціанскихъ враговъ и чтобы не пропускалъ торговцевъ въ венеціанскія земли. Болѣе значительно слѣдующее условіе: если турки изъ боязни передъ Г. Скандербегомъ бѣжали, то склонить сербскаго деспота къ оказанію помощи туркамъ противъ Скандербега, Дукадина и Топія. Сербскій деспотъ не пожелалъ отказаться отъ своего права и продолжалъ военныя дѣйствія противъ венеціанскихъ владѣній въ Албаніи. Это повліяло на заключеніе мира между Венеціей и Скандербегомъ, Дукадиномъ и Топіа 4-го октября 1448 года, о которомъ сказано нѣсколько выше.

Сербское войско, какъ доносилъ венеціанскій провизоръ въ Албаніи, подъ начальствомъ сына сербскаго деспота вторглось въ венеціанскія владѣнія въ Албаніи; венеціанское правительство поручило своему провизору въ Албаніи войти въ переговоры съ сербскимъ деспотомъ на слѣдующихъ условіяхъ: обѣщать 1500 червонцевъ за городъ Скадръ, но чтобы всѣ прочія владѣнія оставались за Венеціей, такъ какъ они пріобрѣтены войною отъ Стефана Вуковича, если же деспотъ на это не станетъ соглашаться, извѣстить объ этомъ венеціанское правительство³⁾.

Жизнь Скандербега преисполнена всякихъ невзгодъ, являвшихся

¹⁾ Ibid. Слѣдуетъ помнить, что Венеція систематически вытѣсняла албанцевъ изъ приадриатическихъ сербскихъ городовъ: по договору, заключенному между Венеціей и Дривастомъ относительно перехода послѣдняго подъ власть Венеціи (*Schaf. A. A. V. N. CDXXVIII* отъ 1442 г. 5 авг.), албанцы и другіе иноземцы должны были удалиться изъ Дривастинской общины.

²⁾ Ibid., № CDLVIII.

³⁾ Ibid. № CDLIX.

на смѣну одна другой. Недовольный исходомъ спора Венеціей изъ-за обладанья Данью (о чемъ сказано выше), Скандербегъ перенесъ свое неудовольствіе и на ея друзей; въ числѣ этихъ друзей были и нѣкоторые албанскіе владѣтели, какъ Гипа Музаки и Моисей Комнень Големъ; у перваго онъ отнялъ Малую Музакію, а у втораго Дибри; у братьевъ Ивана и Койна Бальшичей онъ отнялъ страну между Кроей и Лешемъ Мизію. Это обстоятельство заставило Голема обратиться за помощью къ туркамъ, которые и явились въ Албанію въ концѣ 1455 г., но были разбиты Скандербегомъ. Въ слѣдующемъ году за помощью къ туркамъ обратился племянникъ Скандербега Гамза, но турки опять были разбиты: турецкій напаша Исакъ и Гамза были взяты въ плѣнъ; послѣдній былъ подаренъ неаполитанскому королю Альфонсу, съ которымъ у Скандербега устанавливались дружественныя отношенія. Авторъ разсматриваемой книги не вполне ясно изложилъ эти отношенія Скандербега къ упомянутымъ албанскимъ владѣтелямъ; онъ слишкомъ довѣрился сообщенію Барлетта, какъ и французскій ученый Паганель въ книгѣ „Histoire de Scanderbeg“¹⁾, будто Скандербегъ совершенно разбилъ турецкій отрядъ; но въ дѣйствительности, какъ сообщалъ капитанъ Драча Маркъ Діеда венеціанскому дому, турки опустошили страну Скандербега и подошли къ г. Лешу на часъ разстояніи; главные сподвижники Скандербега перешли на сторону турокъ, а Скандербегъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ горы²⁾.

Султанъ Магометъ II не довель теперь своего дѣла въ Албаніи до конца, такъ какъ былъ вынужденъ обратить свои силы на войну съ Іоанномъ Гуніадомъ; но все же на границѣ Албаніи составилъ observationalную 30.000-ую армію.

Упомянутыя невзгоды свалились на голову Скандербега, безспорно, не безъ участія Венеціанской республики. Побуждаемый неаполитанскимъ королемъ Альфонсомъ, Скандербегъ дѣйствуетъ противъ Венеціи вмѣстѣ съ Лехомъ Дукадиномъ; послѣдній отнялъ (1456 г.) отъ Венеціи Данью (Dagnum). Симпатія Скандербега къ неаполитанскому двору выразилась затѣмъ въ томъ, что онъ, по смерти Альфонса († 27-го іюня 1458 г.), помогъ его преемнику Фердинанду I утвердиться на неаполитанскомъ престолѣ (въ августѣ 1461 г.) и тѣмъ отстранилъ притязанія Іоанна Анжуйскаго (Реньера) на неапо-

¹⁾ Стр. 236—245.

²⁾ *Макушевъ*, Истор. разыск. о славянахъ въ Албаніи, 98.

литанскій престолъ ¹⁾. Политическія недоразумѣнія между Венеціанскою республикой и Скандербегомъ впослѣдствіи, однако, должны были разсѣяться, когда турецкій натискъ сталъ угрожать и самой Италіи; сынъ Скандербега Иванъ, послѣ занятія Албаніи турками, нашелъ пріютъ въ Италіи ²⁾; съ нимъ въ южной Италіи въ Аbruццяхъ поселилась цѣлая албанская колонія, насчитывающая нынѣ до 200.000 душъ и вполне сохранившая свой родной языкъ и свои національные обычаи ³⁾.

Сообщенныя документальныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Скандербега къ Венеціи, къ сербскому деспоту и туркамъ вполне рельефно рисуютъ положеніе албанскаго героя; его дѣятельности противъ турокъ вредя для главныхъ образомъ Венеціи, убѣдившая Европу, что она готова ополчиться противъ враговъ христіанства. Ошибку свою Венеція сознала впослѣдствіи, когда турки заняли Сербію (1457 г.) и Боснію (1463 г.). Съ полученіемъ извѣстій о занятіи Босніи турками венеціанское правительство отпростило 14-го августа 1463 года своего посла къ королю венгерскому съ цѣлью заключенія союза противъ турокъ, которые опасны не только Босніи, но и всюду, куда только они могутъ проникнуть. Венеціанское правительство поручаетъ своему послу сообщить, что г. Скандербегъ и герцогъ Герцеговины Стефанъ и прочіе пограничные владѣтели готовы дѣйствовать единодушно противъ общаго врага. Тогда-то Венеція стала склонять герцеговинскаго герцога Стефана къ общему дѣйствію противъ турокъ ⁴⁾, а албанскихъ владѣтелей удостоила права именоваться венеціанскими властельями: 25-го сентября 1463 года это право получилъ сынъ Георгія Скандербега (Кастриота) Іоаннъ ⁵⁾, а раньше 13-го мая то же право получили албанскіе владѣтели: Ома и братья его Константинъ и Аріанитъ ⁶⁾.

Роль Аріанита Топія ⁷⁾ въ разсмотрѣнной книгѣ тоже не вполне

¹⁾ Это не вполне выяснено г. Юл. Писко. Принцъ тарентинскій Иванъ—Антоній Орсини поддерживалъ сторону Реньера и убѣждалъ Скандербега (въ письмѣ отъ 10-го окт. 1460 г.) перейти на его сторону (*Макушева*, Истор. разск. о славянахъ въ Албаніи, стр. 101—102).

²⁾ О сынѣ Скандербега Иванѣ см. „Regis Fertinandi Primi Instructionum Liber“ (1486—1487), изд. Сцип. Вольничелли. 1861. Неаполь, стр. 148.

³⁾ Въ Римѣ издается албанская газета „Skiperia“ (то-есть, Албанія).

⁴⁾ Ibid. № DIV.

⁵⁾ Ibid. № DVIII.

⁶⁾ Ibid. № DIX.

⁷⁾ О родѣ Топія, связанномъ узами родства съ Бальшичами, см. мою замѣтку въ XI книгѣ „Вѣстника Славянства“ (1896 года стр. 126).

удовлетворительно выяснена; а между тѣмъ она имѣетъ близкое отношеніе къ дѣятельности Скандербега. Вообще болѣе полное изученіе обнародованныхъ архивныхъ матеріаловъ дало бы возможность представить въ болѣе ясномъ образѣ симпатичную личность Георгія Скандербега. Его неподкупная честность, богатырское мужество, наводившее ужасъ на турокъ и венеціанцевъ, однако, не оставили слѣдовъ въ народной памяти южно-славянскихъ племенъ; невольно приходится изумляться тому факту, что этотъ богатырь не воспѣтъ южно-славянскимъ богатырскимъ эпосомъ хоть наравнѣ съ другими менѣе важными историческими личностями XIV и XV вѣковъ. Одно предположеніе можно допустить, что такъ какъ албанскій элементъ не принималъ участія въ составленіи южно-славянскаго эпоса, а славянскій элементъ въ то отдаленное время не особенно дружилъ съ элементомъ албанскимъ (какъ не дружить и теперь), то понятно албанскій вождь не могъ быть воспѣтъ ни сербскимъ, ни болгарскимъ эпосомъ.

Несмотря на ощутительные пробѣлы, книга г. Писко въ литературѣ о Георгіи Скандербегѣ должна занять подобающее ей мѣсто; въ ней все же можно найти кое-что новое сравнительно съ диссертацией В. В. Макушева „Историческія разысканія о славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка“, гдѣ не мало мѣста отведено и Скандербегу.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что авторъ разсмотрѣнной книги повѣрно называетъ извѣстіе Андрея де-Палаціо „польскою хроникой“.

В. Качановскій.

Книжныя новости.

Натанъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе Г. Э. Лессинга.—Переводъ съ нѣмецкаго Виктора Крылова. Съ историко-литературнымъ очеркомъ, примѣчаніями къ переводу и библиографическимъ указателемъ. Съ 35 рисунками и 11 эстампами. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1897. Цѣна 6 рублей.—„Натана Мудраго“ нѣсколько разъ переводили на русскій языкъ, но ни разу онъ не былъ изданъ такъ роскошно, какъ это сдѣлалъ А. Ф. Марксъ. Бумага и печать безукоризненны; рисунки очень хороши, хотя и не вполне выдержаны: напримѣръ, храмовникъ является на каждомъ рисункѣ въ новомъ видѣ, то съ усами и бородой, то безъ оныхъ, причемъ и типъ лица совершенно мѣняется; отчасти это объясняется тѣмъ, что эти рисунки заимствованы изъ различныхъ изданій, а именно изъ нѣмецкаго иллюстрированнаго изданія Лессинга (подъ редакціей Лаубе), а также изъ рисунковъ художника Пехта и Бендемана. Пере-

водъ принадлежитъ Виктору Крылову и напечатанъ впервые въ „Вѣстникъ Европы“ въ 1868 году, а потомъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1875 г. Въ нынѣшнемъ изданіи значительно расширенъ историческій очеркъ о Лессингѣ и его Натанѣ Мудромъ и въ особенности отдѣлъ библиографіи. Кромѣ перевода г. Крылова намъ извѣстны переводы „Натана“, сдѣланныя П. Вейнбергомъ (въ изданіи О. И. Бакста „Драматическія сочиненія Лессинга“. С.-Пб. 1886 г.), г. Порѣвскимъ, (Москва 1896 г., — переводъ сокращенный и притомъ прозаическій) анонимнымъ переводчикомъ (Кіевъ, изданіе Югансена 1893 г.) и В. С. Лихачевымъ (изданіе Гоппе. С.-Пб. 1897 г. безплатная премія къ журналу „Всемирная иллюстрація“). Такое количество переводовъ „Натана“ объясняется какъ содержаниемъ, такъ и возвышенностью тона, въ которомъ написано это произведеніе: чтеніе его не можетъ, чистотою нравственной атмосферы, въ которой происходитъ все дѣйствіе, не произвести впечатлѣнія на читателя. Сравнивая переводы между собой придется сказать, что они постепенно улучшались; первому по времени переводчику, не имѣвшему готовыхъ образцовъ передъ глазами, естественно приходилось преодолевать и наибольшее количество трудностей; поэтому его переводъ, хотя и весьма точенъ, но въ тоже время немного тяжеловатъ; стихъ у П. Вейнберга болѣе легкій, а у В. Лихачева, онъ, какъ намъ кажется, еще лучше. Для примѣра приведу нѣсколько параллельныхъ мѣстъ изъ всѣхъ трехъ переводовъ. Дѣйствіе III, явленіе X. В. Крыловъ: Дайа: Сознаться только въ любви; безумство я уступлю вамъ... Храмовникъ: Торжественно! Но ставя осторожность вмѣстѣ Спасителя, тутъ есть и правда“... П. Вейнбергъ: Дая: „Ну хоть любовь-то выдать я васъ прошу; безуміе могу вамъ уступить... Тамплиеръ: Какъ это все торжественно (однако и правды тутъ не мало, — замѣни я Промысломъ Спасителя“). В. Лихачевъ: Дая: Въ любви-то хоть, въ одной сознайтесь: безуміе при васъ остаться можетъ... Храмовникъ: „И даже такъ торжественно (но, если Спасителя мы Промысломъ замѣнимъ, то врядъ ли ошибемся“)... Въ томъ же явленіи: В. Крыловъ: Особенно, что христіанка вашей работы; П. Вейнбергъ: Да, тѣмъ больше, что вашего издѣлья... В. Лихачевъ: „И вашего издѣлья христіанка — вотъ, что всего важнѣе здѣсь“... Въ томъ же явленіи Крыловъ: Итакъ, не только онъ воспитывалъ въ обманѣ ребенка, онъ въ обманѣ оставляетъ и дѣвушку. П. Вейнбергъ: „И въ этомъ заблужденіи онъ не только дитя держалъ, — онъ оставляетъ въ немъ и взрослою“... В. Лихачевъ: „И въ этомъ заблужденіи не только ребенка онъ воспитывалъ, но даже и дѣвуцку оставилъ?“ Изъ этихъ немногихъ образцовъ видно, что В. Крыловъ не всегда удачно передавалъ мысль Лессинга. Въ виду того, что его переводъ первый по времени, нѣкоторые недочеты вполне простительны. Признавая за переводомъ г. Крылова большее значеніе, мы всежъ не умолчимъ о нѣкоторыхъ его погрѣшностяхъ и укажемъ тѣ немногіе мѣста, въ которыхъ онъ не совсѣмъ вѣрно передалъ мысль автора. Стр. 147 слова Натана was sind wir Menschen переданы. „И что мы, — люди?“ Слѣдовало перевести „Вотъ немощица людская!“ (Лихачевъ). Стр. 151. „Какое впечатлѣніе это все должно произвести на разумъ Рахи“. У Лессинга мысль выражена гораздо общѣе: „auf einen Geist, wie Rechas“, стр. 165. „Нѣтъ очень годенъ; я только думалъ, дервишъ настоящій не захотѣлъ бы сдѣлаться пригоднымъ“ у Лессинга сказано „wollt'aus

sich nichts machen lassen“ это значить настоящій дервишъ не дозволить сдѣлать изъ себя чего-бы то ни было; не дозволить принудить себя къ чему бы то ни было. Стр. 182. Ihr schaudert? переведено „Вы боитесь!“ слѣдовало бы „Вы ужасаетесь?“ Стр. 188 „Случайный и безумный мой поступокъ, который какъ подумаю объ немъ, мнѣ самому становится загадкой“. У Лессинга поступокъ называется не безумнымъ, а eine That bei der ich nichts gedacht то-есть—совершенный безъ размышленія. Стр. 189. Храмовникъ: Отойдите! Не дѣлайте мнѣ ненавистнымъ мѣсто подъ пальмами, гдѣ было такъ пріятно прогуливаться. Дая: „Пу, такъ убирайся! Медвѣдь нѣмецкій. — Все-таки слѣду звѣри мнѣ изъ виду не надобно терять“. Тонъ, въ которомъ сказаны слова Храмовника ослабленъ въ переводѣ; а словамъ Дая придана большая рѣзкость; врядъ-ли говорятъ тому человѣку „убирайся“, кого не желаютъ терять изъ виду. Стр. 190. Зитта: „Да гдѣ ты? какъ играешь ты сегодня“. Такъ какъ Саладинъ играетъ съ Зиттой въ шахматы, то ей и незачѣмъ спрашивать „гдѣ ты“. Онъ противъ нея. слѣдовало перевести. „Что съ тобой?“ или „гдѣ твои мысли“. Стр. 197. „Недостають проклятыхъ гнусныхъ денегъ“. У Лессинга общая мысль „Ахъ проклятыя деньги“. Стр. 215. „Ни разу жида богатый мнѣ не казался лучшимъ“ у Лессинга „я не никогда не считалъ болѣе богатаго жида за лучшаго“. Стр. 230. „Игра такая и скорлупы орѣховой не стоитъ“; у Лессинга напротивъ — „игра велась вѣдь не на орѣхи“. — Стр. 236. „Ob er auch“ переведено „чтобъ тоже онъ“, слѣдовало „хотя онъ“. — Стр. 246. При этомъ ты еще себя въ добавокъ доставишь *удовольствие узнать* (?) какъ смѣло, какъ разумно онъ отвѣчаетъ“ въ текстѣ сказано „wie ein solcher Mann sich anged't“ то-есть „какъ онъ вывернется“. Стр. 263. „Натанъ! Не денегъ же съ меня потребовать? Саладинъ: Конечно, денегъ! денегъ!“ Весь разговоръ Натана съ Саладиномъ представляетъ собой споръ въ благодарствѣ, поэтому естественно, что какъ тотъ такъ и другой, говоря о деньгахъ избѣгаютъ самаго слова деньги — и напрасно вставилъ это слово переводчикъ. Стр. 265. „Вѣдь я не мало предразсудковъ отбросилъ здѣсь, въ странѣ обѣтованной, за то и иной прославленной всегда; слѣдовало перевести „въ странѣ обѣтованной также и для меня“. Стр. 271. Умъ нашъ можетъ такъ безконечно много обнимать — и все-таки иной разъ вдругъ бываетъ такъ совершенно полною — и одной мельчайшей мыслью полною. Ничего, пускай и т. д. и т. д. у Лессинга послѣдніе слова taugt nichts то-есть не „пускай“, а „это не годится, сверхъ того вмѣсто „мельчайшая мысль“ лучше было бы сказать „мелочью“. Стр. 281. „Не люблю оспаривать“; у Лессинга: „не хочу убѣждать“. Стр. 287. „Да примутъ ли совѣтъ мой?“ у Лессинга не вопросъ, а понужденіе. „Но только совѣтъ слѣдуетъ принять“. Стр. 292. „Но въ которой я долженъ глубже размыслить основы. И это будетъ снова порученіе для брата Бонафида“; у Лессинга: „Я долженъ хорошенько допытаться въ чемъ дѣло. Вотъ было бы какъ разъ порученіе для брата Бонафида!“ — Стр. 303. Schwärmer переведено фанатикъ, по смыслу текста лучше „мечтатель“. Стр. 335. „So stellt er wenigstens sich an“ переведено „хоть приступаетъ къ нимъ“ слѣдовало „Такимъ онъ желаетъ казаться“. Стр. 345. „Но твои основы, твои основы? говори мнѣ прямо“ въ текстѣ „твои основанія“. Стр. 365. „Что я слышу? Оно могло иначе быть, иначе! у Лессинга; „Развѣ могло быть иначе?“ — Вотъ

тѣ незначительныя неточности, которыя намъ удалось найти при тщательномъ сличеніи текста съ переводомъ. Изъ этого ясно, что переводъ В. Крылова представляетъ собой большой и почтенный трудъ, въ особенности же имѣя въвиду комментаріи и историческія замѣтки, которыми сопровождается свой переводъ В. Крыловъ.

Cosmopolis. Revue internationale, подъ редакціей *F. Ortman*s. — Г. Ортмансъ, началъ издавать въ 1896 году журналъ, имѣющій международный характеръ: этотъ журналъ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ на трехъ языкахъ, англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Развитие журнальнаго дѣла само собой привело къ такому составу; нѣсколько научныхъ журналовъ (какъ напримѣръ *Archiv für Geschichte d. Philosophie*) уже довольно давно печатаютъ статьи на различныхъ европейскихъ языкахъ; всежъ г. Ортмансу принадлежить идея подобнаго изданія съ характеромъ литературно-политическимъ. Лично намъ, особенно пріятно въ изданіи г. Ортманса политическая часть; чрезвычайно любопытно читать, какъ одни и тѣ же событія каждый мѣсяцъ разсматриваются съ различныхъ точекъ зрѣнія, одинаково правомѣрныхъ или, если хотите, одинаково ложныхъ. Но и литературный отдѣлъ и беллетристическій составляютъ весьма умѣло; журналъ съумѣлъ привлечь такихъ знаменитостей, какъ напримѣръ Моизена и др. Успѣхъ перваго года — г. Ортмансъ говорилъ, что онъ въ первый годъ имѣлъ 15.000 подписчиковъ -- заставилъ редактора подумать о расширеніи дѣла, то-есть о приращеніи въ различныхъ странахъ къ основному отдѣлу, состоящему изъ статей, написанныхъ на трехъ языкахъ, отдѣла, написаннаго на родномъ для каждой страны языкѣ. Мы не знаемъ, осуществилъ ли свою мысль г. Ортмансъ относительно Италіи и Даніи, какъ онъ намѣревался, но по отношенію къ Россіи онъ ее осуществилъ. Изданіе русскаго отдѣла взяла на себя книжная фирма Цинзерлинга, (бывшая Мелье), а редактированіемъ отдѣла занялся г. Сыромятниковъ. На обложкѣ журнала появилась нѣсколько таинственная надпись: „Редакторъ для Россіи С. Н. Сыромятниковъ (Сигма)“. — Нѣкоторые поняли эту надпись такъ, что г. Сыромятниковъ намѣренъ сдѣлаться единственнымъ редакторомъ во всей Россіи, но вскорѣ таинственная надпись исчезла и появилась вполне понятная: „Редакторъ русскаго отдѣла О. Д. Батюшковъ“. Эта перемѣна произошла въ майской книжкѣ журнала. Такимъ образомъ вышедшіе пока 10 книжекъ русскаго отдѣла распадаются на двѣ группы: первая состоитъ изъ четырехъ книжекъ, вышедшихъ подъ редакціей г. Сыромятникова, вторая изъ 6 вышедшихъ подъ редакціей г. Батюшкова. Журналъ за второй періодъ своего существованія сталъ гораздо содержательнѣе, въ немъ появились статьи, подписанныя именами извѣстныхъ ученыхъ, какъ напримѣръ О. О. Мартенса, Ю. А. Кулаковскаго, А. С. Лаппо-Данилевскаго, самого редактора и т. д.; въ особенную заслугу слѣдуетъ поставить редактору привлеченіе гр. Л. А. Комаровскаго для иностранной лѣтописи. Найти писателя, который сталъ бы обобщать ежемѣсячно политическія событія вовсе не такъ легко, по очень понятнымъ причинамъ, и врядъ-ли можно было привлечь болѣе удачнаго для этой дѣли сотрудника, какъ именпо гр. Л. А. Комаровскаго. Было бы однако несправедливостью, если бь мы не указали и въ первыхъ книжкахъ интересныхъ статей: къ таковымъ слѣдуетъ отнести замѣтку нашего извѣстнаго

философа Вл. С. Соловьева — „Импрессионизмъ мысли“ и А. А. фонъ-Рейнгольда „Молодая Германія“; статья Ѳ. Ѳ. Мартенса „Королева Викторія и Россія“ разсматриваетъ отношенія Россіи и Англіи въ теченіи царствованія королевы Викторіи; интересный этюдъ заканчивается слѣдующими словами: „По нашему глубокому убѣжденію, лучшимъ, петлетворнымъ (?) и вѣчнымъ памятникомъ было бы установленіе полнаго, сердечнаго и несокрушимаго (?) согласія между Англіей и Россіей во всѣхъ ихъ восточныхъ дѣлахъ, основаннаго на неограниченномъ довѣрїи и взаимномъ уваженіи ихъ законныхъ желаній и требованій“. Статья А. С. Лаппо-Данилевскаго о внутренней политикѣ Екатерины Второй начинается нѣсколько туманно выраженными разсужденіями объ отношеніи среды къ дѣятельности лица, но въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи представляетъ прекрасный очеркъ дѣятельности Екатерины. Нѣкоторыя мысли однако могутъ быть оспариваемы. „Слѣдуетъ замѣтить прежде всего“, говоритъ авторъ, „что Екатерина содѣйствовала размноженію, населенію, нужнаго по ея мнѣнію для развитія народнаго благосостоянія“. Авторъ имѣетъ ввиду дѣятельность комиссіи 1767 года, отмѣнившей „преніястія по дальнимъ свойствамъ въ бракахъ“. Но ежели авторъ заключаетъ: „можно думать, что приростъ населенія за эти 34 года значительно превышалъ приростъ его въ предшествующее время“, то невольно читатель замѣтитъ отсутствіе доводовъ въ пользу этой мысли. Статья Ю. А. Кулаковскаго „Смерть и безсмертіе въ представленіяхъ древнихъ грековъ“, представляетъ любопытный анализъ вопроса, которымъ въ послѣднее время много занимались, (напримѣръ Эрвинъ Роде и другіе). Ю. А. Кулаковскій разбираетъ сначала пѣсни Гомера и находитъ, что „всѣ чаянія, ожиданія, надежды и желанія человѣка въ міросозерцаніи, которое даетъ намъ Гомеръ, сосредоточено на благополучіи въ этой земной жизни“. Далѣе авторъ разбираетъ культъ героевъ, и хотя въ героѣ мы имѣемъ смертнаго, прїобрѣтшаго божественную личность, однако и въ этомъ культѣ героевъ авторъ не усматриваетъ идеи безсмертія духа человѣческаго. У орфиковъ и въ пифагорейскомъ союзѣ зародилась идея безсмертія души; разсмотрѣніемъ его авторъ и заканчиваетъ свою статью. Ѳ. Д. Батюшковъ написалъ интересную замѣтку, по поводу двухъ міровъ А. Н. Майкова. Эта замѣтка составлена на основаніи собственныхъ помѣтокъ, занесенныхъ поэтотъ на рукописи одного молодого почитателя А. Н. Майкова. Эти помѣтки имѣютъ несомнѣнное значеніе какъ для выясненія самой поэмы, такъ и для вопроса о ея происхожденіи. — Изъ приведеннаго видно, что русскій отдѣлъ журнала „Sovnopolis“ редактируется весьма умѣло и, нужно думать, журналъ будетъ имѣть успѣхъ и въ предѣлахъ Россіи.

Дѣло о патріархѣ Никонѣ. Изданіе Археографической комиссіи по документамъ Московской синодальной бібліотеки. С.-Пб. 1897. — Судное дѣло о патріархѣ Никонѣ, послужившее матеріаломъ для настоящаго тома, напечатано съ подлинника, хранящагося нынѣ въ Московской синодальной бібліотекѣ и состоящаго изъ 12-ти столбцовъ различныхъ размѣровъ и одной тетради. Оно уже не разъ описывалось и приводилось въ порядокъ, а именно въ 1660 г. дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ, въ 1697 г., въ 1710 г. Никитомъ Моисеевичемъ Зотовымъ (см. II т. „Записокъ отдѣленія русской и славян-

ской археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества“ стр. 8 и слѣд.), и позже. Первоначальнымъ мѣстомъ храненія этого „Дѣла“ былъ Приказъ тайныхъ дѣлъ, потомъ Посольскій приказъ, Патріаршая Крестовая палата, Тайный приказъ, Ближняя царская канцелярія, Сенатскій архивъ, Государственный архивъ и наконецъ, Московская синодальная библиотека. Впервые воспользовался документами, относящимися къ дѣлу о патріархѣ Никонѣ, газскій митрополитъ Пансій Лигарадь для своей исторіи о Московскомъ соборѣ 1666—1667 гг. и о судѣ надъ патріархомъ Никономъ; затѣмъ пользовались митрополитъ Макарій при изданіи XII т. „Исторія Русской Церкви“, епископъ Филаретъ, С. М. Соловьевъ (отчасти), архимандритъ Аполлосъ въ своемъ сочиненіи „Начертаніе житія и дѣяній Никона“ (1859 г.), проф. П. И. Субботинъ и Н. А. Гиббенетъ. Хотя въ настоящемъ изданіи напечатана только часть суднаго дѣла, сохранившагося въ Московской синодальной библиотекѣ и далеко не исчерпывающая собою всего дѣлопроизводства, возникшаго по поводу оставленія Никономъ патріаршаго престола,—болѣе полныя данныя для выясненія какъ личности самого Никона, такъ и обстоятельствъ, послужившихъ поводомъ къ его обвиненію и низложенію, можно найти у Ламанскаго во II т. „Записокъ отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества“ и въ изслѣдованіи Гиббенета, воспользовавшагося документами государственнаго архива въ С.-Петербургѣ,—однако и это изданіе имѣетъ свою цѣнность по полнотѣ противъ прежнихъ изданій нѣкоторыхъ документовъ, по своей точности и нѣкоторымъ исправленіямъ недосмотровъ прежнихъ издателей, не говоря уже о томъ, что оно исчерпываетъ весьма значительную часть документовъ изъ этого дѣла. Такъ, дѣло боярина П. А. Зюзина (подъ № 41) въ настоящемъ изданіи впервые появляется въ томъ составѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, въ производствѣ дьяка Алмаза Иванова. Посланіе патріарха Никона къ царю Алексѣю Михайловичу въ іюлѣ 1659 г. напечатано нынѣ съ оригинала и даетъ возможность исправить важный недосмотръ въ изданіи Н. Субботина, принявшаго цифровой знакъ „l“ за союзъ „и“. Полнѣе, нежели у Субботина и даже архимандрита Аполлоса напечатаны здѣсь статейный списокъ архимандрита Іоакима и думнаго дьяка Дементія Башмакова (№ 42), въ которомъ, на основаніи письма патріарха Никона, наложены условія оставленія имъ навсегда патріаршаго престола. Въ болѣе полномъ видѣ напечатаны и предположительныя статьи соборнаго опредѣленія (№ 43). Всего въ „Дѣлѣ“ 123 №№ на 453 стр. № 1—посланіе Никона къ царю Алексѣю Михайловичу, 1658 г., за которымъ послѣдовали еще три посланія: 1) мартъ 1659 г. (№ 3), 2) іюль 1659 г. (№ 4) и 3) 1661 г. (№ 28) и письмо 1664 г. (№ 33). Начиная съ № 5 по № 18 идутъ „сказки“ разныхъ лицъ по поводу отказа Никона отъ патріаршаго престола и вообще его дѣяній. Затѣмъ наиболѣе крупныя документы: „Дѣяніе московскаго собора, которымъ опредѣлено право царя съ соборомъ российской церкви избрать и поставить новаго патріарха“ (№ 27), „Судъ надъ блюстителемъ патріаршаго престола, ростовскимъ митрополитомъ Іоною“.... (№ 40); „Дѣло боярина Зюзина“ (№ 41); „Старый списокъ архимандрита Іоакима и Дементія Башмакова“ (№ 42); „Черновой списокъ дѣянія собора

россійскихъ архіереевъ“ (№ 43); „Соборное опредѣленіе“ 1666 г. и „Собственноручныя записки митрополитовъ“... (№ 45); „Списокъ настольной грамоты вселенскихъ патріарховъ и всего освященнаго собора, данной Іоасафу“, преемнику Никона (№ 85); „Списокъ наказа патріарха Іоакима архимандриту Павлу“ о розыскѣ объ образѣ жизни Никона въ Терапонтскомъ монастырѣ и о переводѣ его въ Вѣлозерскій-Кирилловъ монастырь (№ 94); за этимъ спискомъ слѣдуютъ разнаго рода грамоты по поводу исполненія Павломъ даннаго ему порученія и вообще жизни Никона въ названныхъ монастыряхъ (съ № 95 по 114); съ № 115 по 122—идутъ грамоты—Никона къ патріархамъ Макарію, Сильвестру Коссову, воеводѣ Стефану, воеводѣ Мутьяискому Константину, архіепископу Гедеоу и митрополиту Паисію. И наконецъ послѣдній документъ (№ 123)—„Дѣяніе московскаго собора о низложеніи патріарха Никона“ (Секретное дѣло Святѣйшаго Правительствующаго Синода № 3). Въ концѣ книги приложенъ подробный указатель именъ личныхъ.

Труды Пермской ученой архивной комисіи. Съ приложеніемъ XVI таблицъ рисунковъ древностей Пермскаго музея. Выпускъ III. Пермь, 1897. — Недавно сравнительно открытая Пермская археологическая комисіи успѣла уже заявить себя рядомъ довольно цѣнныхъ историко-археологическихъ работъ, которыя вошли въ составъ сборника „Пермскій край“ и „Трудовъ“. Лежащій передъ нами III выпускъ послѣднихъ является особенно обильнымъ подобными работами. Послѣ вступительной статьи, характеризующей дѣятельность комисіи за 1893—1895 гг., слѣдуетъ описаніе археологическаго отдѣла Пермскаго музея, заключающаго кромѣ разныхъ костяковъ, черенковъ, бусъ, ожерелій, монетъ и проч. нѣсколько историческихъ предметовъ: мечъ XV вѣка вонна кievскихъ князей, старинныя вериги и др. Опредѣленіе и описаніе большинства предметовъ музея принадлежитъ археологу Ѳ. А. Теплоухову, извѣстному по своимъ многочисленнымъ статьямъ о пермскихъ древностяхъ. Далѣе находимъ отчетъ г. Сергѣева объ его раскопкахъ близъ селъ Губдора, Искора и Верхъ-Боровскаго, произведенныхъ въ 1895 г. Хотя число находокъ не было велико, но тѣмъ не менѣе дало возможность г. Сергѣеву высказать довольно правдоподобное мнѣніе по темному вопросу о чудскихъ могильникахъ и доставило матеріалъ къ обширной статьѣ Ѳ. Теплоухова „Чудское жертвенное мѣсто на р. Колвѣ“ (въ настоящемъ же выпускѣ). Кромѣ названныхъ статей къ области археологій относятся еще двѣ статьи: „Рисунки древностей Пермской Чуди, принадлежащихъ Пермскому музею“ Ѳ. Теплоухова и „Археологическія находки въ Пермской губерніи за послѣдніе два года, объявленныя официально“. Находки эти состояли изъ монетъ (ок. 700 экз.), и золотыхъ, мѣдныхъ и серебряныхъ вещей. Въ томъ же I отдѣлѣ настоящаго выпуска на ряду со статьями археологическаго характера имѣются статьи и историческія. Таковы: „Слѣды Пугачевскаго бунта въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ“ А. Самойлова, „Къ исторіи башкирскаго землевладѣнія въ Пермскомъ уѣздѣ и грамоты башкиръ“, „Къ исторіи казенныхъ заводовъ“, „Сто лѣтъ назадъ. Штаты служащихъ Пермской губерніи“ М. Капустина, „Пермскіе воеводы“, „Соликамскіе воеводы“ и И. Попова,

„Достопримѣчательности с. Ныроба Чердынскаго уѣзда“, которое интересно, какъ мѣсто ссылки Михаила Пиктича Романова. Въ первой статьѣ приводятся „отпуски“ черновыхъ бумагъ объ убыткахъ, причиненнымъ горнымъ заводамъ Н. Н. Демидова „во время бывшаго замѣшательства отъ злодѣя Пугачева“. Въ слѣдующей статьѣ впервые приводятся цѣлкомъ дарскія грамоты башкирамъ, изъ которыхъ видно, что башкиры владѣли до прихода Строгановыхъ землями по рр. Нижней Мулянкѣ, Югу и Очеру, что за ними и утверждено этими грамотами, несмотря на всѣ притязанія Строгановыхъ. Въ статьяхъ о пермскихъ и соликамскихъ воеводствахъ имѣются нѣкоторыя новыя данныя, заимствованныя изъ мѣстныхъ архивовъ, причемъ собраны и почти всѣ другія свѣдѣнія объ упоминаемыхъ лицахъ. Второй отдѣлъ выпуска составляютъ: „Опись дѣлъ Пермской ученой архивной комиссіи высланныхъ изъ Сенатскаго архива“ (до 167 №№, изъ которыхъ наиболѣе любопытны вѣдомости о бюджетѣ городовъ Перми, Кунгура, Чердыни, Красноуфимска, Соликамска, Екатеринбургa, Верхотурья, Ирбита и Шадринска—въ концѣ XVIII вѣка), „Указатель дѣлъ архива Пермской Духовной Консисторіи“ (вошли сюда только дѣла соликамскаго духовнаго управленія) и „Изъ церковныхъ архивовъ“, священника П. Пономарева (довольно любопытные документы для исторіи быта мѣстныхъ раскольниковъ).

Л. О. Кони.—Федотъ Петровичъ Гаазъ.—Биографическій очеркъ, съ портретомъ.—С.-Пб. 1897.—Книжка А. О. Кони представляетъ біографію въ высшей степени почтеннаго, но совершенно забытаго дѣятеля первой половины нашего столѣтія. Докторъ Гаазъ, родомъ вѣмецъ, пріѣхалъ въ Россію съ Ревнинымъ, котораго пользовалъ за границею, и съ 1802 г. поселился въ Москвѣ. Любознательный и энергичный человѣкъ, опытный офталмологъ, онъ скоро освоился съ русскою столицею и пріобрѣлъ въ ней большую практику, а заботы его о бѣдныхъ больныхъ обратили на него вниманіе московскихъ властей, и съ 1807 г. онъ былъ приглашенъ на коронную службу. Въ 1825 г. ему пришлось занять важный и отвѣтственный постъ штатдѣ-физика въ Московской медицинскои конторѣ, которая снабжала медикаментами армию и военные лазареты. Страшная злоупотребленія, царившія въ этомъ учрежденіи, заставили Гааза предпринять ожесточенную борьбу противъ рутины и застоя, онъ проектировалъ рядъ преобразованій, по тѣмъ самымъ возбуждая вражду противъ себя у лицъ, заинтересованныхъ въ соблюденіи стараго порядка, противъ него поднялась интрига, и скоро ему пришлось выйти въ отставку. Тогда онъ занялся опять частною практикою и заботами о бѣдныхъ больныхъ. Владѣя домомъ въ Москвѣ и подмосковнымъ имѣніемъ, гдѣ онъ устроилъ суконную фабрику, Гаазъ велъ жизнь серьезнаго, обеспеченнаго и пользующагося общественнымъ уваженіемъ человѣка. Онъ много читалъ, любилъ дружескую бесѣду и состоялъ въ оживленной перепискѣ съ знаменитымъ философомъ Шеллингомъ. Въ 1828 г. московскій генералъ-губернаторъ, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, пригласилъ Гааза въ составъ почетнаго комитета о тюрьмахъ комитета, на который возлагались заботы объ улучшеніи быта заключенныхъ, находившихся тогда въ ужасающемъ положеніи. Гаазъ съ восторгомъ принялъ предложеніе Голицына и до самой

смерти оставался дѣятельнѣйшимъ членомъ комитета и главнымъ врачомъ московскихъ тюремъ. Въ то время „за виновнымъ отрицались почти все чело-вѣческія права и потребности, больному отказывалось въ дѣйствительной помощи, несчастному—въ участіи. Съ этимъ положеніемъ вещей вступилъ въ открытую борьбу Гаазъ и велъ всю жизнь. Его ничто не останавливало, не охлаждало,—ни канцелярскія придирки, затрудненія и путы, ни косые взгляды и ироническое отношеніе нѣкоторыхъ изъ предсѣдателей комитета, ни столкновенія съ сильными міра, ни глѣвъ всемогущаго графа Закревскаго. ни даже частыя и горькія разочарованія въ людяхъ... Увидавъ во-очію положеніе тюремнаго дѣла, войдя въ соприкосновеніе съ арестантами, Федоръ Петровичъ очевидно испыталъ сильное душевное потрясеніе. Мужественная душа его не убоилась, однако, горькаго однообразія представившихся ему картинъ, не отвернулась отъ нихъ съ трепетомъ и безплоднымъ соболѣзнованіемъ. Съ непоколебимою любовью къ людямъ и къ правдѣ взглянулся онъ въ эти картины и съ упорною горячностью сталъ трудиться надъ смягченіемъ ихъ темныхъ сторонъ. Этому труду и этой любви отдалъ онъ все свое время, постепенно пересталъ жить для себя... Быстро исчезли его бѣлые лошади и карета, съ молотка пошла оставленная безъ хозяйскаго глаза су-конная фабрика, безслѣдно продана была недвижимость, обветшала костюмъ, и когда, въ 1853 году пришлось хоронить нѣкогда виднаго и извѣстнаго московскаго врача, обратившагося, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ смѣшнаго одинокаго чудака, то оказалось необходимымъ сдѣлать это на счетъ поли-ціи“... Яркому и талантливому изображенію этой забытой подвижнической жизни и посвящена превосходная книжка А. Ф. Коши, которой нельзя не пожелать отъ всей души самаго широкаго распространенія. Имя автора обезпечиваетъ ей вниманіе общества, а содержаніе и изложеніе ея таковы, что всякій съ нею познакомившійся, конечно, охотно будетъ содѣйствовать ея распространенію.

Въ теченіе октября мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— *Властовъ, Георгій*. Тугогоня Гезиода и Прометей. (Разборъ сказаній). С.-Пб. 1897. Цѣна 3 р. безъ пересылки. (Напечатано въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ).

— *Жуковичъ, П. И.*, проф. Борьба противъ уни на современныхъ ей литовско-польскихъ сеймахъ (1595—1600). С.-Пб. 1897.

— *Трусманъ, Ю. Ю.* Этимология мѣстныхъ названій Витевской губерніи. Ревель. 1897.

— *Трусманъ, Ю. Ю.* Этимология мѣстныхъ названій Псковскаго гвзда. Ревель. 1897.

— *Случевскій, К. К.* По сѣверо-западу Россіи. Томъ I. По сѣверу Россіи. Съ картою Сѣвернаго края и 146 рисунками. Томъ II. По западу Россіи. Съ картою западнаго края и 159 рисунками. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1897.

- *Введенскій, Александръ*. Овъ атенизмъ въ философи Спиннозы. Москва. 1897.
- *Марковичъ, А. И.* Императрица Екатерина II и Крымъ. (Къ столѣтію со дня кончины Екатерины Великой). Симферополь. 1897.
- *Филевичъ, И. П.* Поминка по К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Москва. 1897.
- *Германъ, В.* Кадастръ, межеваніе и ипотека во Франціи. М. 1897.
- *Германъ, П.* Кадастръ, межеваніе и земельныя книги въ Австріи. М. 1897.
- *Степанова, Е. В.* О мѣропріятіяхъ австрійскаго правительства для улучшенія профессиональнаго образованія въ Австріи. Докладъ на 2-мъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію. С.-Пб. 1897.
- *Армакова, Серафима.* Дѣйствительность, мечты и разсужденія провинціалки. С.-Пб. 1897.
- Гераклъ. Трагедія Еврипида. Перевелъ съ греческаго стихами и снабдилъ послѣсловіемъ „Мнѣ и трагедія Геракла“ *Иннокентій Анненскій*. С.-Пб. 1897.
- Начало конца Польши. Введеніе въ исторію борьбы за объединеніе Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ Великой. Матеріалы извлечены штабс-капитаномъ *А. К. Ильенко*, подъ редакціей, съ предисловіемъ и объяснительною запискою ординарнаго профессора Николаевской Академіи генеральнаго штаба *П. А. Гейсмана*. С.-Пб. 1897.
- *Гункель, А.* Краткій очеркъ морфологии и органографій цвѣтковыхъ растений. Текстъ къ 1 выпуску „Школьнаго ботаническаго атласа“. Изданіе Подвижнаго музея учебныхъ пособій Императорскаго Русскаго технического общества. С.-Пб. 1897.
- Житіе святаго Стефана епископа пермскаго, написанное *Епифаніемъ Премудрымъ*. Изданіе Археографической комиссіи. С.-Пб. 1897.
- Историческое обозрѣніе. Сборникъ Историческаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей *Н. И. Карпова*. 1897. Томъ девятый. С.-Пб. 1897. *Тураевъ, В. А.* Новѣйшіе успѣхи и современное состояніе египтологіи; *Шутяковъ, П. О.* Аграрный строй Пруссіи въ серединѣ XVIII вѣка; *Пташицкій, С. Л.* Средневѣковыя западно-европейскія новости въ русской и славянской литературѣ; *Ильинскій, А. Г.* Городское населеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ, съ предисловіемъ *В. А. Мякотина*; *Семевскій, В. И.* Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи въ XVIII и первой половины XIX вѣка.
- Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Съ 1-го октября 1896 года по 1-го октября 1897. Кіевъ. 1897.
- Отчетъ правленія общества взаимнаго вспоможенія лицамъ педагогическаго званія въ Москвѣ. М. 1897.

— Состоящее подъ Высочайшимъ Ихъ Императорскихъ Величествъ покровительствомъ Вѣдомство дѣтскихъ пріютовъ и его задачи. Краткій очеркъ, составленный по случаю открытія дѣятельности Высочайше утвержденного комитета главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ. С.-Пб. 1897.

— Школьный календарь. 1897—1898 учебный годъ. Изданіе редакціи журнала „*Народное Образование*“. С.-Пб. 1898.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Титъ Ливій. Римская исторія отъ основанія города. Переводъ съ латинскаго подъ редакціей П. Адрианова. Томъ IV. Книги XXVI—XXX. Изданіе наследниковъ А. Г. Кузнецова. М. 1897. Цѣна 1 р. 50 к. Стр. 411.

Почтенное предпріятіе г. Адрианова—подарить русской литературѣ полный переводъ Тита Ливія—подвигается къ окончанію. Ранѣе мы указывали на то, что переводъ этотъ сдѣланъ добросовѣстно и въ состояніи дать читателю болѣе или менѣе вѣрное понятіе о приемахъ и стилѣ римскаго бытописателя, однимъ изъ достоинствъ слога котораго сами древніе ставили такъ называемую *lactea ubertas*. Читающій переводъ г. Адрианова (въ передачѣ разсматриваемаго тома приняли участіе сверхъ главнаго редактора гг. И. И. Виноградовъ, А. С. Поповъ, С. Я. Дроздовъ) дѣйствительно выноситъ изъ его изученія впечатлѣніе, совершенно соотвѣтствующее приговору древности, и многія мѣста переданы такъ хорошо и гладко, что читателю не хочется оторваться отъ чтенія. Разумѣется, что и теперь нѣкоторыя подробности можно было бы передать иначе и, думается, ближе къ подлиннику, но это нисколько неудивительно, если мы примемъ во вниманіе громадность предпріятія почтеннаго переводчика. Особенно отиѣтили бы мы стремленіе переводчика оставлять безъ соотвѣтствующей передачи нѣкоторыя малопонятныя для русскаго читателя термины, напримѣръ „пелтера, пельта, пельтасты, право аусницій“ и и д. и т. д. Иногда мы измѣнили бы и транскрипцію собственныхъ именъ, напримѣръ стр. 20 *Ager albensis*, что переводится черезъ „Альбенская область“, мы передали бы выраженіемъ: „область Альбы“, и многія другія.

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

„Спутникъ правописанія. Справочная книжка при всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ въ русскомъ правописаніи. Краткія правила съ подробнымъ орфографическимъ словаремъ составилъ учитель *И. К. Гамъ*. Изданіе 4-е, значительно дополненное. Исправлено по „Руководству“ академика *Я. К. Грота*. Цѣна 30 коп. С.-Петербургъ 1897. VIII + 86.

Книжка заключаетъ въ себѣ: оглавленіе (III — IV), предисловіе къ 1-му изданію (V—VIII) и къ 3-му, состоящее изъ шести строкъ (VIII), предварительныя правила русскаго правописанія, относящіяся къ употребленію буквъ и знаковъ препинанія (1 — 40), и „орфографическій словарь“, заключающій въ себѣ „алфавитный списокъ болѣе или менѣе затруднительныхъ по правописанію словъ“ (41—86).

Заглавіе книжки, взятое въ своемъ полномъ видѣ, такъ, какъ оно выписано выше, далеко не соотвѣтствуетъ тому, что въ книжкѣ есть дѣйствительно. Г. Ганъ слишкомъ много приписываетъ своему „спутнику правописанія“, называя его „справочною книжкою при всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ въ русскомъ правописаніи“, и довольно смѣло говоритъ, что 4-е изданіе „Спутника правописанія“ — „исправлено по Руководству академика Я. К. Грота“. На повѣрку оказывается, что какъ „краткія правила“ въ „Спутникѣ правописанія“ не всегда согласны съ руководствомъ Грота, такъ и „подробный орфографическій словарь“ въ „Спутникѣ“ не согласенъ съ „Справочнымъ указателемъ въ „Руководствѣ“ не только по содержанію, но иногда даже и по правописанію. Въ „правилахъ“ на стр. 3-й читаемъ, на примѣръ, слѣдующее неудобопонятное примѣчаніе: „При словѣ „лица“, когда подразумѣвается *мужской* полъ, слѣдуетъ употреблять прилагательное или мѣстоименіе въ среднемъ родѣ съ окончаніемъ *ия* (а не *ие*): *лица, которыя, знатныя (!) лица (люди)*“. Здѣсь примѣръ „знатныя лица“ съ прилагательнымъ на *ие* прямо противорѣчитъ правилу. Въ руководствѣ Грота (изданіе 8-е, 1890 г.) правило изложено ясно съ указаніемъ на его основаніе, а именно: „При словѣ „лица“, когда подразумѣвается *мужской* полъ, многіе ставятъ прилагательное или мѣстоименіе въ мужскомъ родѣ и пишутъ, на примѣръ: *лица, которые*; но они забываютъ, что тутъ дѣло идетъ только о *грамматическомъ* родѣ, и что если мы говоримъ: *то* лицо, *которое*; то нѣтъ основанія и во множественномъ числѣ отступать отъ общаго закона согласованія. Это же замѣчаніе относится и къ слову *дѣти* въ значеніи мальчиковъ или сыновей“ (§ 38, стр. 38). Въ „Спутникѣ правописанія“ на той же 3-й страницѣ по поводу буквы *ъ* читаемъ слѣдующее примѣчаніе „*ъ* послѣ *і* въ дательномъ

и предложномъ падежахъ замѣняется буквою *и*, напримѣръ: *арміи*, *Россіи*, о *ляни*, въ *имѣніи*, въ *Англіи*, при желаніи; послѣ же ъ пишется и *ъ*, напримѣръ: о здоровьѣ, объ ученъѣ. Въ „Руководствѣ“ же Грота на страницѣ 67-й въ концѣ § 68 читаемъ: „Въ предложномъ падежѣ отглагольныхъ именъ на *те*, какъ, напримѣръ: *описанье*, *недоумтые*, *окончанье*, *размысленье*, *воскресенье*, окончаніе *ъ* употребительно развѣ только въ стихахъ“. Слѣдовательно, по руководству Грота нужно писать „объ ученъи“, а не „объ ученъѣ“, какъ у г. Гапа. На страницѣ 6-й: „Буква *ъ* не пишется, ъ) въ корняхъ словъ послѣ буквъ: *г*, *к*, *х*, *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, за исключеніемъ *къма*, *чъма*, *хъръ*, *хъритъ*“. Какъ будто бы въ формахъ *къма*, *чъма* буква *ъ* принадлежитъ корню! Въ „Руководствѣ“ Грота сказано только, что „нѣтъ такихъ корней, въ которыхъ буква *ъ* стояла бы послѣ гортанныхъ, а также послѣ шипящихъ“ (стр. 62—63). Въ „спискѣ коренныхъ словъ съ буквою *ъ* замѣчается неполнота и отсутствіе азбучнаго порядка въ перечнѣ словъ. Впрочемъ, неполноту „списка коренныхъ словъ съ буквы *ъ*“ авторъ исправляетъ указаніемъ на другую свою книгу, говоря въ выноскѣ: „Болѣе подробно смотри книгу нашу „Полный словарь буквы *ѣ*“ (1) Собраніе всѣхъ словъ русскаго языка, коренныхъ и производныхъ, которыя пишутся черезъ *ѣ*. Цѣна 50 к.“. стр. 7). Подобнымъ образомъ на страницѣ 28, приступая къ ученію „Объ употребленіи знаковъ препинанія“, г. Ганъ такъ же любезно указываетъ еще на свою книгу, говоря въ выноскѣ: „См. книгу нашу: „Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія“. Цѣна 30 к.“. Этими указаніями самъ авторъ ясно свидѣтельствуетъ, что для знакомства съ подробными свѣдѣніями объ употребленіи буквы *ъ* и знаковъ препинанія „Спутникъ правописанія“ оказывается недостаточнымъ; а между тѣмъ въ заглавіи оупъ рекомендуетъ, какъ „справочная книжка при всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ въ русскомъ правописаніи“. Нельзя оставить безъ вниманія и того, что въ „Спутникѣ правописанія“ встрѣчаются правила, отличающіяся крайнею неопредѣленностію и даже небрежностію въ выраженіи; напримѣръ, на стр. 6-й читаемъ: „Буква *ъ* не пишется:—2) во множественномъ числѣ словъ, оканчивающихся на *анинъ*, *янинъ*, напримѣръ: *мѣщане*, *граждане*, *крестьяне*, *дворяне*“. Первый примѣръ „мѣщане“ прямо противорѣчитъ правилу: въ немъ есть буква *ъ* не смотря на то, что форма „мѣщане“—множественнаго числа отъ существительнаго, оканчивающагося на *анинъ* (мѣщанинъ). Дѣло въ томъ, что въ правилѣ вынуждено, какъ нѣчто лишнее, самое существенное указаніе на форму

и на ту часть слова, въ которой не пишется ъ. На той же страницѣ читаемъ еще слѣдующее правило: „Въ повелительномъ наклоненіи множественнаго числа пишется всегда е, а не ъ, напримѣръ: смотрите, говорите, читайте“. А въ „имѣйте, болѣйте, смѣйтесь, снѣшите и мн. др.“—вѣдь пишется же ъ. Въ правилѣ опять не сказано, въ какой части слова пишется е, а не ъ въ повелительномъ наклоненіи множественнаго числа. Притомъ, что касается до окончанія 2-го множественнаго числа *те*, то оно принадлежитъ не одному только повелительному наклоненію. Очевидная небрежность въ формулировкѣ правилъ. На стр. 28 читаемъ, что „Съ строчной буквы пишутъ“, между прочимъ, „4) имена христіанскихъ и мнѳологическихъ небесныхъ существъ, *особенно* (!) тѣхъ, которыя употребляются во множественномъ числѣ, напримѣръ: *ангелъ, ангелы, серафимы, муза, нимфа, русалки*“ и т. п. И такъ, *нимфа* и *русалки*—мнѳологическія небесныя существа!

Что касается „подробнаго ороографическаго словаря“, то г. Ганъ въ предисловіи къ 1-му изданію, относящемуся и къ 4-му, говоритъ о составленіи его слѣдующее: „Приложенный на концѣ „Ороографическій словарь“ составленъ нами такимъ образомъ. Просмотрѣвъ по порядку всѣ слова академическаго словаря, мы занесли въ алфавитный списокъ всѣ тѣ слова, которыя намъ казались затруднительными въ прямой или измѣненной формѣ слова; сличивъ затѣмъ нашъ списокъ со словами, помѣщенными у Грота, мы измѣняли начертанія тѣхъ словъ, которыя оказались несходственными съ ороографіей Грота; остальные же слова *составлены* (!) согласно ороографіи академическаго словаря. Если начертаніе въ послѣднемъ не устарѣло и употребляется образцовыми писателями“ (стр. VІІ—VІІІ). Ясно, что г. Ганъ слѣдовалъ въ своей книжкѣ двумъ ороографіямъ: ороографіи Грота и ороографіи академическаго словаря. Отсюда понятно, почему „Ороографическій словарь“ г. Гана не согласуются съ „Справочнымъ указателемъ“ Грота не только по содержанию, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и по правописанію. Въ „Ороографическомъ словарѣ“ г. Гана нѣтъ многихъ словъ, которыя академикъ Гротъ счелъ нужнымъ внести въ „Справочный указатель“ своего руководства, и есть много такихъ словъ, которыхъ нѣтъ у Грота, но которыя показались г. Гану затруднительными по своему правописанію, какъ, напримѣръ: Ааронъ, абажуръ, аббатство, абонентъ, авантюристъ, августѣйшій, авторитетъ, авторъ, алахъ, аллопаты, алтынъ, бабье, бадья, бавано, банкиръ, барыня и мн. др. Но во всякомъ случаѣ „Ороографическій словарь“ въ „Спут-

никѣ правописанія“ г. Гана. не можетъ считаться *подробнымъ*, какъ значится въ заглавіи, если въ немъ нѣтъ многихъ словъ, которыя занесены въ „Справочный указатель“ Грота. Точно также и то различіе, которое допущено г. Ганомъ въ правописаніи нѣкоторыхъ словъ противъ правописанія Грота, не даетъ права автору говорить въ заглавіи, что „4-е изданіе“ его „Спутника правописанія Исправлено по руководству Грота“. Слова эти слѣдующія:

у г. Гана:

Абониментъ
Аллилуя
Банкрутъ (Банкротъ)
Банкрутиться и обанкрутиться
Геена (адъ)
Гіена (животное)
Задхлый
Магнитизировать
Менуеть
Платьяный—ой
Столпъ (др. слав.)
Тетивька

у Грота:

Абонементъ
Аллилуйя
Банкротъ
Геенна (евр. адъ)
Гіэна (зрѣрь, багва)
Задхлый и затхлый
Магнетизировать
Менуэтъ
Платьяной
Столбъ (русс.) Столпъ (др. слав. стлѣпъ)

„Въ ласкательныхъ уменьшительныхъ именахъ съ женскимъ окончаніемъ слѣдуютъ писать *енька*, а не *иька*, напримѣръ: *маменька*, *папенька*, *рученька*, *Оленька*, *Васенька*“ (§ 37, 3, стр. 34) слѣд. *тетенька*.

Странно, что г. Ганъ въ предисловіи говоритъ противъ такихъ сборниковъ по правописанію, въ которыхъ „главное мѣсто занимаютъ объясненія, и „правила“ избилующія филологическими терминами и *иностранными словами* (написанными часто латинскими или греческими буквами), непонятными ученику элементарной школы или простому грамотному человѣку“; а самъ въ своемъ „Ореографическомъ словарѣ“, который долженъ заключать въ себѣ „алфавитный списокъ болѣе или менѣе затруднительныхъ по правописанію (разумѣется, русскому) словъ, помѣстивъ не мало словъ и выраженій латинскихъ и французскихъ, напечатанныхъ „латинскими буквами“ и сопровождаемыхъ въ сноскахъ русскимъ переводомъ, не всегда учачнымъ. Эти слова и

выраженія слѣдующія: *alma mater* (Достопочтенная мать по отношенію къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ); *à propos*; *de facto*; *de jure*; *madame* (сокр. *m-me*); *mademoiselle* (сокр. *m-lle*); *maximum*; *minimum*; *monsieur* (сокр. *m-r*); *sapienti sat*; *sic transit gloria mundi*; *statu quo*; *terra incognita*; *tête à tête*.

Неизвѣстно, почему г. Ганъ считаетъ выраженіе „подписомъ“ — неправильнымъ.

Слово „выгришъ“ (стр. 46), вѣроятно, — опечатка, какъ и „кертьянинъ“ (стр. 57).

А. И. Гольденбергъ. СОВРАШІЕ АРИМЕТИЧЕСКИХЪ УПРАЖНЕНІЙ ДЛЯ ГИМНАЗІЙ И РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ. Курсъ перваго класса. Цѣна 25 коп. С.-Пб. 1896. Стр. II + 80.

Названный сборникъ содержитъ въ себѣ 766 задачъ на первые четыре дѣйствія, производимыя надъ цѣлыми числами, 90 задачъ на простѣйшія дроби и, въ концѣ сборника, 200 задачъ для устныхъ вычисленій.

Сборникъ составленъ умѣло и цѣлесообразно, а именно: задачи хорошо формулированы; расположены въ порядкѣ возрастающей трудности; отсутствуютъ задачи-загадки и задачи, представляющія задачи на уравненія; сборникъ содержитъ много хорошихъ задачъ на измѣненія результатовъ дѣйствій въ зависимости отъ измѣненія чиселъ, надъ которыми дѣйствія производятся; встрѣчаются задачи, дающія представленія о показателѣ; находится много задачъ, требующихъ дѣйствій со скобками; числа, встрѣчающіяся въ каждой изъ задачъ, не велики, такъ что ученикъ не будетъ тратить времени на длинныя и, въ сущности, бесполезныя выкладки; опечатки малочисленны. Недостатки сборника невелики; укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ:

1) задачи на десятичное счисленіе содержатъ громадные числа; мы встрѣчаемъ задачи, требующія выговариванія чиселъ: 2.405.301.000; 15.450.054.504; и т. п.; мы встрѣчаемъ задачи, требующія изображенія такихъ, данныхъ устно, чиселъ: пятнадцать миллиардовъ двадцать пять тысячъ сто семь, и т. п.

Къ чему это? Если бы при нѣкоторой единицѣ мѣры число представило бы пятнадцать миллиардовъ двадцать пять тысячъ сто семь, то съ величайшимъ успѣхомъ можно было бы откинуть двадцать пять тысячъ сто семь и взять за единицу мѣру миллиардъ, такъ что число представило бы собою 15.

Авторъ и самъ хорошо понимаетъ это, не помѣщая ни въ одной изъ задачъ на четыре дѣйствія чиселъ, изображенныхъ болѣе чѣмъ 6-ю знаками.

2) На стр. 11, въ задачахъ на вычитаніе, помѣщены нѣсколько задачъ, ничего общаго съ задачами на вычитаніе не имѣющими. Таковы задачи 105, 106, 107, 108. И въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, задача: *для артели закуплено 200 пуд. гречневой крупы по 4 к. фунтъ и 150 пуд. овсяной крупы по 3 коп. фунтъ. Сколько всего уплачено денегъ?* — не представляетъ задачи на вычитаніе.

3) Нѣкоторыя изъ задачъ неудобны, по своему содержанію, и должны быть откинута. Таковы, напримѣръ, задачи 110 и 112. И въ самомъ дѣлѣ, какой вопросъ въ ученикѣ долженъ возбудить вопросъ, предлагаемый задачею: *издатель продаетъ за 15 коп. задачникъ, экземпляръ котораю ему самому обходится 5 коп. Сколько денегъ наживаетъ издатель, продавъ миллионъ экземпляровъ?*

4) Нѣкоторыя изъ задачъ напечатаны такъ, что могутъ возбудить недоумѣнія.

Напримѣръ, задача 186 напечатана такимъ образомъ:

$$\begin{aligned} 62 \text{ вер.} & - 1.234 \text{ саж.} - 2.345 \text{ саж.} = \\ 1.485 \text{ фун.} & - 143 \text{ фун.} - 244 \text{ фун.} = \end{aligned}$$

Понятны требованія автора, но, намъ кажется, требованія эти должны быть иначе изображены.

Замѣченные недостатки эти, повторяемъ, поглащаются указанными выше достоинствами сборника.

„TABLE DE TRIANGULAIRES DE 1 'A 100.000 SUIVIE D'UNE TABLE DE RECIPROQUES DES NOMBRES, 'A CINQ CHIFFRES, DE 1 'A 100.000 ET D'UNE TABLE DE SINUS ET TANGENTES NATURELS VARIANT DE 30" EN 30", DE 0° 'A 90° AVEC TEXTE EXPLICATIF, par A. Arnaudeau, ancien élève de l' Ecole Polytechnique, membre agrégé de l' Institut des actuaires français, membre de la Société de Statistique de Paris. Paris. 1896“.

А. Арнодо составилъ, во первыхъ, таблицу треугольныхъ чиселъ для всѣхъ основаній отъ 1 до 100.000, которая можетъ служить къ вычисленію произведеній многозначныхъ чиселъ по формулѣ:

$$ab = S_a + S_b - 1 - S_{a-b}, \text{ или } ab = S_{a-1} + S_b - S_{a-b-1},$$

гдѣ S_a означаетъ треугольное число, имѣющее основаніе a , то-есть сумму натуральныхъ чиселъ отъ 1 до a . Очевидно, что таблица эта можетъ быть примѣнена къ вычисленію точныхъ произведеній не только цѣлыхъ чиселъ, не превышающихъ 100.000, но и какихъ

удобно многозначныхъ. Для умноженія, на примѣръ, на число большее 100.000. надо разбить этого множителя на грани, содержащія не болѣе пяти цифръ въ каждой, и вычислять произведеніе какъ сумму произведеній даннаго множимаго на каждую изъ этихъ граней и на соответствующія имъ степени 10-ти и т. п.

Чтобы пользоваться тою же таблицею при дѣленіи, на основаніи формулы $ab = a : \frac{1}{b}$, то-есть замѣняя дѣленіе умноженіемъ на число обратное дѣлителю и выраженное въ десятичныхъ доляхъ, А. Арнодо приложилъ къ ней другую таблицу—чиселъ обратныхъ даннымъ отъ 1 до 100.000, вычисленныхъ, конечно, приблизительно (съ точностью до $\frac{1}{2}$ единицы послѣдняго десятичнаго разряда) и содержащихъ каждое по пяти цифръ, начиная отъ первой значущей. Въ этой второй таблицѣ обратныя числа изображены въ видѣ цѣлыхъ, то-есть помѣщены только первыя 5 цифръ числителей искомыхъ десятичныхъ дробей, такъ какъ нахожденіе ихъ знаменателей (или, что тоже самое, опредѣленіе мѣста занятой), не представитъ никакого затрудненія, на основаніи общезвѣстнаго правила, которое и указываетъ А. Арнодо въ объяснительномъ текстѣ къ своимъ таблицамъ.

Таблица треугольныхъ чиселъ можетъ служить также къ нахожденію квадратнаго корня изъ даннаго числа на основаніи формулы $a^2 = S_n + S_{n-1}$. А именно: если, на примѣръ, подкоренная величина число цѣлое и меньшее 100.000.000.000, то большее изъ двухъ смежныхъ треугольныхъ чиселъ, между которыми будетъ заключаться половина подкоренной величины, выразитъ искомый корень съ точностью до $\frac{1}{2}$ единицы. Въ объяснительномъ текстѣ А. Арнодо указано, съ достаточною полнотою и ясностью, примѣненіе его таблицъ къ вычисленію первыхъ девяти цифръ квадратнаго корня изъ даннаго числа—цѣлаго или десятичной дроби, а также и всѣ вообще необходимыя правила примѣненія ихъ къ арифметическимъ вычисленіямъ. Сверхъ того, къ двумъ вышеупомянутымъ таблицамъ авторъ присоединилъ таблицу натуральныхъ синусовъ и тангенсовъ всѣхъ угловъ, съ промежутками въ $30''$, отъ 0° до 90° , вычисленную съ 5-ю десятичными знаками, то-есть съ приближеніемъ до $\frac{1}{200.000}$. Въ объяснительномъ текстѣ указано примѣненіе этихъ таблицъ къ рѣшенію треугольниковъ, причемъ на 14 страницахъ весьма обстоятельно изложены и пояснены примѣрами всѣ случаи рѣшенія (безъ помощи логарифмическихъ таблицъ) прямоугольныхъ и косоугольныхъ треугольниковъ по достаточному числу данныхъ элементовъ (сторонъ и угловъ) и въ

ведены необходимыя формулы, основанныя лишь на понятіи о синусѣ и тангенсѣ острого угла.

Разсматриваемая книга А. Арнодо—или, вѣрнѣе, брошюра—хотя и озаглавлена „Tables de triangulaires“, но самыхъ таблицъ не содержитъ, а въ ней изложено только руководство къ пользованію ими (texte explicatif) и въ концѣ приложена, въ видѣ образца, перепечатка четырехъ страницъ этихъ таблицъ (specimens des tables), а именно: 1) Двѣ страницы (212 и 213) изъ таблицы треугольныхъ чиселъ, содержащія 500 такихъ чиселъ (отъ S_{52500} до S_{52999}); 2) Одна страница (425-я) изъ таблицы обратныхъ чиселъ, содержащая тысячу таковыхъ (отъ обратнаго 28.000 до обратнаго 28.999); 3) Одна страница (523-я) изъ таблицы натуральныхъ синусовъ и тангенсовъ, соответствующая 240 угламъ (отъ 48° до $49^\circ 59' 30''$). Но изъ разсмотрѣнія этихъ „specimens des tables“, а также изъ подробныхъ рецензій Е. Cheysson („Rapport à l'Institut des actuaires français“ 12 nov. 1893 и „Note complémentaire“ 21 mars 1895), слѣдуетъ заключить, что таблицы изданы въ наилучшемъ видѣ и занимаютъ 545 страницъ in 8° („table de triangulaires“—400 стр., „réciproques“—100 стр. и „sinus et tangentes naturels“—45 стр.). Онѣ могли бы быть сжаты почти вдвое, на примѣръ если бы были изданы in 4°, но тогда были бы менѣе удобны для употребленія.

Въ чемъ же состоитъ преимущество способа, предложеннаго А. Арнодо, предъ всѣми другими приемами производства вычисленій надъ весьма многозначными числами и слѣдовательно — пригодность его таблицъ для пракческаго употребленія?

Предварительно надо замѣтить, что прежде чѣмъ А. Арнодо представилъ свой мемуаръ о треугольныхъ числахъ въ парижскую академию наукъ, въ англійскомъ журналѣ „Nature“ (въ октябрѣ 1889) былъ уже помѣщенъ мемуаръ М. Glaicher о примѣненіи этихъ чиселъ къ арифметическимъ вычисленіямъ. Но въ докладѣ г. Vouquet de la Gue академіи наукъ о мемуарѣ А. Арнодо сказано, что это „случайное совпаденіе, которое бываетъ часто, когда вниманіе ученыхъ обращено на преодоленіе одного и того же затрудненія“. Во всякомъ случаѣ, хотя первенство въ указаніи способа и не принадлежитъ А. Арнодо, по имъ составлена таблица, которой прежде не было, такъ какъ имѣвшаяся до того времени таблица Е. Jaпcourt треугольныхъ чиселъ $\frac{1}{2}$ и $(n+1)$, изданная въ 1762 году распространялась только отъ $n=1$ до $n=20.000$, а между тѣмъ несравненно болѣе важна таб-

лица таковыхъ отъ $n=10.000$ до $n=100.000$, то-есть для пятизначныхъ основаній.

При все болѣе и болѣе возрастающемъ расширеніи дѣятельности промышленной, торговой, желѣзнодорожной, страховыхъ обществъ и т. п. приходится въ конторахъ и бюро различныхъ учрежденій производить такое множество вычисленій надъ многозначными числами, что необходимо было придумать механическія приспособленія, которыя могли бы сократить и облегчить крайне утомительный трудъ производства этихъ вычисленій, сопряженный съ огромною затратою времени и почти неизбѣжными ошибками. Въ настоящее время имѣется много такихъ механическихъ приспособленій, изъ которыхъ нѣкоторыя достигли значительнаго совершенства; такъ, напримѣръ, арифмометръ Боле даетъ произведеніе въ 20 цифръ. Для имѣющихъ такого рода механическія приспособленія, конечно, ни въ какихъ таблицахъ, подобныхъ треугольнымъ числамъ А. Арнодо, не предстоптъ надобности. Но когда нѣтъ подъ рукой этихъ приспособленій, то по неволѣ приходится прибѣгать къ таблицамъ, для сокращенія утомительныхъ выкладокъ и охраненія себя отъ ошибокъ.

Весьма распространено пользованіе логарифмическими таблицами; по простотѣ и удобству ихъ примѣненія къ многоразличнымъ сложнымъ вычисленіямъ онѣ не могутъ имѣть собѣ соперниковъ и ничѣмъ другимъ не замѣнимы, но для такихъ несложныхъ вычисленій, какъ умноженіе чиселъ, онѣ не всегда оказываются столь же удобопримѣнимы, какъ напримѣръ таблицы А. Арнодо. Послѣднія дозволяютъ получать *точные* произведенія сколько угодно многозначныхъ множителей, а логарифмическія таблицы доставляютъ лишь ограниченное число цифръ въ искомомъ результатѣ.

Самый простой и скорый способъ вычислять произведенія весьма многозначныхъ чиселъ указывается формулою:

$$ab = \frac{(a+b)^2}{4} - \frac{(a-b)^2}{4},$$

извѣстною еще въ древности и составлявшей VIII предложеніе второй книги Евклида. Формула эта однако оставалась безъ должнаго примѣненія и хотя въ 1690 году Лудольфъ издалъ таблицу квадратовъ чиселъ отъ 1 до 100.000, но только въ нынѣшнемъ столѣтіи возникла мысль о примѣненіи формулы Евклида къ умноженію большихъ чиселъ. Вычисленіе ab по формулѣ квадратовъ даже болѣе удобно, чѣмъ по формулѣ треугольныхъ чиселъ, но лишь въ томъ случаѣ, когда сумма $(a+b)$ обоихъ множителей не выходитъ за предѣлы

тѣхъ чиселъ, для которыхъ составлена таблица. Вслѣдствіе этого, нѣсколько лѣтъ тому назадъ Joseph Blater издалъ таблицу четвертой квадратовъ всѣхъ цѣлыхъ чиселъ отъ 1 до 200.000. Въ этомъ удвоеніи таблицы не предстояло, однако, особой надобности, такъ какъ произведеніе двухъ чиселъ можно вычислять (съ помощью таблицы квадратовъ) не только по формулѣ Евклида, но и по формулѣ:

$$ab = \frac{1}{2} [a^2 + b^2 - (a - b)^2]$$

Слѣдовательно, и таблицы треугольныхъ чиселъ и таблицы квадратовъ могутъ съ одинаковымъ удобствомъ служить къ вычисленію произведеній весьма многозначныхъ чиселъ. Но составленная А. Арнодо таблица треугольныхъ чиселъ имѣетъ то особое преимущество, что къ ней присоединены таблица обратныхъ чиселъ и таблица натуральныхъ синусовъ и тангенсовъ, о предназначеніи которыхъ было выше сказано.

Горисъ Корженевскій. „По Востоку. Путевые очерки и картины“ въ трехъ частяхъ, съ 117 иллюстраціями. Москва. 1897. Стр. 423. Цѣна 2 р. 75 к.

Авторъ названной книги, какъ видно изъ предисловія, былъ командированъ состоящимъ при Московскомъ Университетѣ Обществомъ любителей естествознанія, антропологін и этнографіи для научныхъ работъ въ Турцію, Грецію, Сирію, Палестину и Египеть. Во время путешествія онъ велъ записки, которыя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ помѣщались въ періодическихъ изданіяхъ; въ настоящее время всѣ эти записки собраны въ одинъ томъ, при чемъ матеріалъ распределенъ на три части: въ первой, наименьшей по числу страницъ, заключается описаніе путешествія въ Константинополь, Аѳины, къ Цикладскимъ островамъ и вдоль сирійскаго побережья до Яффы; вторая часть посвящена описанію Іудей, а третья—Самаріи и Галилеи. Но этотъ томъ составляетъ первый выпускъ очерковъ, предпринятыхъ авторомъ.

Казалось бы, трудно дать въ очеркахъ интересное и популярное описаніе Востока послѣ того, что мы имѣемъ въ сочиненіяхъ Евгенія Маркова и д-ра Елисѣева, но г. Корженевскому это удалось. Правда, въ книгѣ встрѣчается много обыденнаго, неважнаго; къ числу такихъ имѣютъ принадлежать описанія времяпрепровожденія между посѣщеніемъ большихъ городовъ, достопримѣчательныхъ мѣстностей и т. п. Весьма часто авторъ вмѣсто описаній конкретныхъ сообщаетъ свои впечатлѣнія и чувства; такъ сообщеніе о храмѣ Гроба Господни ограничивается слѣдующимъ: „Кто не видалъ преддверія Св. Гроба? Кому

незнакомо оно по рисункамъ, начиная отъ дорогихъ изданій до лубочныхъ картинокъ? Но передать то чувство, что охватываетъ душу передъ этими полуоткрытыми вратами, за которыми царитъ мягкій сумракъ, гдѣ подъ сводами храма въ таинственной тишинѣ мерцають. теплятся безчисленныя лампы—это выше того, что заносится на бумагу. Въ тайникѣ души человѣческой есть струны, до которыхъ нельзя касаться. Онѣ звучатъ сами, когда предъ духовными глазами встають не повседневныя картины будничной суеты, отраженіе житейскихъ тревоженій... Озаренное свѣтомъ сердце начинаетъ биться радостнымъ трепетомъ и вы потрясены, вы возрождаетесь. Въ насъ самихъ источникъ священнаго восторга, экстаза и вдохновенія; и если пройдя дальній путь многихъ тысячъ верстъ, чтобы здѣсь преклониться,—вы не переживете лучшихъ часовъ въ жизни. — значить васъ отвратила отъ нихъ жизненная суета, и шумъ пошлаго людскаго гомона заглушилъ лучшіе звуки сердца. Здѣсь передъ Камнемъ Помазанія, гдѣ падъ мраморною плитою спустились лампы всѣхъ вѣроисповѣданій христіанства, какъ и въ пещерѣ Св. Гроба, осѣненнаго бѣлою мраморною часовней, въ Придѣлѣ Ангела, на Голгоѣ нѣтъ мѣста словамъ, наблюденію, выраженіямъ и описаніямъ. Тамъ, гдѣ совершилось великое Таинство обновленія міра—что-то высокое, всесильное, незримое наполняетъ душу; люди плачуть кто можетъ, или молчатъ подавленные, потрясенные“... (стр. 119—120).

Въ другихъ мѣстахъ возмѣщеніемъ описанія служитъ углубленіе автора въ старину; такъ поступилъ онъ при описаніи Аѳи-Софіи (стр. 20—21), гдѣ онъ, между прочимъ, рисуетъ величественное патриаршее богослуженіе, свидѣтелями котораго были послы изъ Кіева, а затѣмъ намеками переноситъ читателя къ эпохѣ ограбленія св. Софіи крестоносцами и турками. Но все маловажное, не дающее читателю никакого знанія, все субъективное и не всегда могущее найти откликъ въ чувствахъ читателя, повторяемъ, все это искусно перенлетается въ книгѣ съ матеріаломъ цѣннымъ, именно съ рельефными мѣткими характеристиками природы, нравовъ, вѣрованій, святыхъ, съ выписками изъ различныхъ источниковъ, пособій, и все это изложено литературно, а мѣстами и художественно.

Впрочемъ, эти тѣневыя стороны болѣе бросаются въ глаза въ первой части; въ остальныхъ частяхъ ихъ менѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ частяхъ и особенно во второй встрѣчаются безусловно прекрасныя главы, которыя при весьма интересномъ содержаніи проникнуты вѣротерпимостью, религіознымъ и патриотическимъ воодушевленіемъ;

къ наиболѣ выдающимсяъ въ этомъ смыслѣ страницамъ нужно отвѣсти изъ второй части слѣдующія мѣста: все что касается настоятеля русской миссіи въ Іерусалимѣ архимандрита Антонина, Георгіевскій монастырь, Кармелитскій монастырь — галерея Молитвы Господней, монастырь Георгія Хозевита и его святыни — Маръ-Саба (монастырь св. Саввы Освященнаго). Въ третьей части — памятники и святыни Назарета и Палестинскіе школы-приюты. Также весьма характерно и художественно описаны во второй части холмъ Моріа съ мечетью Омара.

Къ книгѣ приложены 117 рисунковъ, снятыхъ болѣею частью на мѣстѣ спутникомъ автора г. Тарасовымъ. Рисунки эти небольшіе; по содержанію весьма характерны и за небольшимъ исключеніемъ выполнены порядочно.

И. Святскій. Драгоценные камни. (Съ 38 рисунками). С.-Пб. 1895. Изданіе II. Сойкина. Стр. 181. Цѣна 50 к.

Въ этомъ сочиненіи разсматривается происхожденіе минераловъ, физическія свойства драгоценныхъ камней и различныя взгляды на нихъ, начиная съ древнихъ временъ до современнаго состоянія химіи; затѣмъ описываются алмазъ, рубинъ, сафиръ, топазъ, изумрудъ, аквамаринъ, бирюза, кварцы, гранаты, турмалинъ, лабрадоръ, лазурный камень и малахитъ и говорится о приготовленіи поддѣльныхъ драгоценныхъ камней, какъ естественныхъ, такъ и искусственныхъ. Въ концѣ помѣщена статья о шлифовкѣ алмаза, но ее слѣдовало бы помѣстить послѣ описанія алмаза. Странно какъ-то встрѣтить между перечисленными статьями главу: „о жемчугѣ и кораллахъ“, составляющихъ произведенія животнаго царства, а не минеральнаго.

Авторъ мало касается собственно природы драгоценныхъ минераловъ, говоритъ только о химическомъ составѣ и крайне рѣдко касается физическихъ ихъ свойствъ. Что особенно замѣчательно, такъ это то, что авторъ, говоря (на стр. 12) о физическихъ свойствахъ минераловъ, указываетъ на удѣльный вѣсъ, какъ весьма важный признакъ, но ни слова не говоритъ о кристаллическихъ формахъ, свойственныхъ минераламъ; между тѣмъ мѣстами упоминаетъ о томъ, въ какой формѣ кристаллизуется извѣстный камень, такъ про корундъ сказано, что кристаллическая его форма шестигранная или эксагональная призма. Необходимо было бы познакомить читателей съ этимъ вопросомъ и уяснить хотя бы главнѣшія формы, въ которыхъ встрѣчаются минералы, а то для человѣка, незнакомаго съ основами минералогіи будетъ непонятно все, что говоритъ авторъ о кристаллическихъ

формахъ драгоцѣнныхъ камней. За то авторъ охотно пускается въ историческую часть, сообщаетъ множество фактовъ, касающихся исторіи извѣстныхъ алмазовъ и нерѣдко при этомъ приводитъ даже различные анекдоты, какъ напримѣръ по поводу алмаза: „Регентъ“ или такъ называемаго „Орловскаго“, украшающаго скипетръ нашего Государя, а между тѣмъ нигдѣ не упоминаетъ о томъ, что алмазь кристаллизуется октаэдромъ, гранатоздромъ и 48 гранникомъ.

Исторія русской педагогій. *М. И. Демкова*. Часть II. Новая русская педагогія. (XVIII вѣкъ). Изданіе автора. С.-Пб. 1897. Стр. IV—691. Цѣна 4 рубля.

Второй томъ почтеннаго труда г. Демкова имѣетъ такой же характеръ, какъ и первый томъ. Авторъ старательно собираетъ всѣ историческія данныя, могущія служить для освѣщенія занимающаго его вопроса: его одинаково интересуется и дѣйствительно состояніе учебнаго дѣла въ каждую эпоху, и движеніе воспитательныхъ и образовательныхъ идей. Поэтому въ его книгѣ мы находимъ и исторію школы, и характеристики дѣятелей просвѣщенія, и изложеніе образовательныхъ проектовъ и практическихъ мѣропріятій, касающихся народнаго образованія. Книга представляетъ какъ бы сводъ свѣдѣній, въ которомъ есть отвѣты на всѣ вопросы, связанные съ исторіею просвѣщенія на Руси. Этимъ объясняется и значительность вышшняго объема труда г. Демкова.

По содержанію вторая часть „Исторіи русской педагогій“, охватывая весь XVIII вѣкъ, дѣлится главнымъ образомъ на два отдѣла. Первый посвященъ эпохѣ Петра Великаго, второй—эпохѣ императрицы Екатерины II. Въ первомъ, кромѣ характеристики самого Петра и его просвѣтительной дѣятельности, находимъ характеристики св. Дмитрія Ростовскаго, Феофана Прокоповича, В. Н. Татищева и И. Т. Посошкова съ ихъ взглядами и дѣятельностью, также общій очеркъ школьнаго дѣла при Петрѣ (главы I—X). Переходныя ко второму отдѣлу книги пять главъ (XI—XV) даютъ картину просвѣщенія и нравовъ въ Елизаветинское время, останавливаясь всего болѣе на Ломоносовѣ. Оссальная часть книги (главы XVI—XLI) посвящена вѣку императрицы Екатерины II. Очень подробно останавливается авторъ на дѣятельности самой императрицы, литературной и практической, по воспитанію ея сына и внучатъ и въ сферѣ воспитанія и образованія вообще. Подробно говоритъ онъ и о дѣятеляхъ-сотрудникахъ императрицы: И. И. Бецкомъ, митрополитѣ Платонѣ, Ф. И. Янковичѣ-де-Мариѣво; описываетъ далѣе состояніе учебныхъ заведеній

въ царствованіе Екатерины и характеризуетъ замѣтнѣйшихъ педагоговъ: Шадена, Шварца, Прокоповича-Антопскаго. Не обойдена молчаніемъ педагогическая литература той эпохи, а въ заключеніе данъ общій обзоръ эпохи въ отношеніи нравовъ и просвѣщенія.

Составлена книга съ полнымъ знаніемъ дѣла, серьезностью и съ теплымъ отношеніемъ къ русскому прошлому. Пособія, указываемыя авторомъ въ концѣ каждой главы, подобраны хорошо; ошибокъ въ изложеніи мы не замѣтили.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЗАНЯТІЯ СЕКЦІИ КИТАЯ И ЯПОНИИ XI КОНГРЕССА ОРИЕНТАЛИСТОВЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

Секція дальняго Востока XI конгресса ориенталистовъ была подраздѣлена на два отдѣленія: во-первыхъ отдѣлъ Китая и Японіи, во-вторыхъ подъ-отдѣлъ Индо-китай и Малайскія государства. Принимая участіе въ занятіяхъ перваго изъ этихъ отдѣловъ, я намѣренъ говорить здѣсь о результатахъ именно его научныхъ работъ.

Въ первомъ засѣданіи секція были избраны: предсѣдателемъ ея Цинъ-чанъ, китайскій посланникъ въ Парижѣ; вице-предсѣдателями: графъ Томіи, представитель японскаго правительства; проф. Шлегель изъ Лейдена и проф. Дугласъ изъ британскаго музея въ Лондонѣ. Секретарями были выбраны: Хиртъ, Д. Позднѣевъ и Морисъ Куранъ. Вся секція глубоко сожалѣла о болѣзни ранѣе назначеннаго секретаремъ ея, проф. китайскаго языка въ Сорбоннѣ, Эдуарда Шаваннъ. Этотъ молодой ученый, за свою недолгую дѣятельность въ Сорбоннѣ заявилъ себя весьма серьезными трудами и успѣлъ пріобрѣсти всеобщія симпатіи. Въ настоящее время, по предписанію врачей, онъ вынужденъ на время закрыть свой курсъ въ Сорбоннѣ и отправиться на лѣченіе въ горы Швейцаріи. Въмѣсто него отправление секретарскихъ обязанностей и редактированіе протоколовъ было возложено на г. Морисъ Куранъ. Это также молодой, въ высшей степени симпатичный ученый, проведшій уже свыше пяти лѣтъ въ Китаѣ, Японіи и особенно въ Корей и избравшій предметомъ своихъ специальныхъ занятій исторію Кореи и Маньчуріи и литературу Ко-

рев. Его капитальное трехтомное изслѣдованіе о корейской литературѣ представляетъ собою весьма цѣнный вкладъ въ науку, а благодаря его личнымъ усиліямъ бібліотека Школы живыхъ восточныхъ языковъ въ Парижѣ имѣетъ на своихъ полкахъ лучшее въ Европѣ собраніе корейскихъ книгъ.

Характеристическою чертою занятій секція Китая и Японіи, нагляднымъ образомъ отличающею ее отъ таковыхъ же секцій предшествовавшихъ конгрессовъ, необходимо признать усиленную дѣятельность въ ней японскихъ ученыхъ. Нельзя не отдать имъ дань справедливости въ томъ отношеніи, что они отнеслись къ конгрессу съ большимъ вниманіемъ, систематично подготовились къ нему и заявили себя самыми разносторонними работами, докладами, выставленными коллекціями и предложеніями. Главный изъ ихъ официальныхъ представителей графъ Томіи, деканъ юридическаго факультета токіюскаго университета, имѣющій степень доктора правъ одного изъ французскихъ университетовъ и командированный нынѣ въ Европу японскимъ правительствомъ для окончательной обработки японскаго законодательнаго кодекса по европейскому образцу, явился лицомъ слишкомъ хорошо подготовленнымъ для своей роли, чтобы не упустить ни одного случая, гдѣ можно было должнымъ образомъ представить Японію. Ко всеобщему изумленію имъ были сдѣланы двукратныя заявленія въ первомъ и послѣднемъ засѣданіи конгресса, что японское правительство было бы очень счастливо видѣть одинъ изъ послѣдующихъ конгрессовъ собравшимся на его территоріи. Коллеги графа Томіи обнаружили не меньшую ревность въ дѣлахъ конгресса и поэтому можно безошибочно сказать, что представители Японіи играли въ секціи дальняго Востока одну изъ первенствующихъ ролей.

Общее число предложенныхъ докладовъ, какъ выяснилось изъ перваго же засѣданія секціи, было такъ велико, что для прочтенія всѣхъ ихъ не могло хватить времени, поэтому проф. Шлегель предложилъ и предложеніе это было единогласно принято, чтобы секціи представлялись только тѣ доклады, авторы которыхъ присутствуютъ лично, остальные же должны быть отпечатаны въ трудахъ съѣзда.

Я позволю себѣ охарактеризовать здѣсь тѣ изъ докладовъ, которые возбудили наибольшее вниманіе членовъ секціи, и которые при этомъ безъ ущерба для пониманія могутъ быть напечатаны безъ восточныхъ текстовъ.

Среди докладовъ сдѣланныхъ японскими учеными на конгрессѣ оріенталистовъ первое мѣсто занимаетъ сообщеніе проф. Томіи, на-

званное имя „*Coup d'oeil sur les transformations politiques du Japon*“. Въ своемъ докладѣ г. Томинъ обозрѣлъ все существованіе Японіи со времени перваго императора Цзинъ-му за 660 л. до Р. Хр. до нашихъ дней, при чемъ нужно сказать, что интересно составленное и мастерски произнесенное сообщеніе его произвело симпатичное впечатлѣніе на слушателей.

Основныя положенія доклада г. Томинъ могутъ быть сведены къ слѣдующему. Начиная съ первыхъ шаговъ исторической жизни Японіи принципъ абсолютнаго главенства единой императорской власти всегда жилъ въ японскомъ народѣ и никогда не видоизмѣнялся и не игнорировался. Неограниченная императорская власть, какъ таковая передается исключительно по наслѣдству отъ отца къ сыну и т. д. изъ рода въ родъ. На ряду съ властью императора существуетъ власть его ближайшихъ помощниковъ, по временамъ приобретающихъ такое вліяніе, при которомъ власть императора *de facto* становится призрачною. Во всѣхъ политическихъ перемѣнахъ и переживаніяхъ Японіи названный принципъ императорской власти оставался всегда неизбѣжимъ, и всѣ политическія перемѣны касались лишь власти помощниковъ императора и состояли именно въ этомъ, видоизмѣнявшемся сообразно времени и обстоятельствамъ, стремленіи овладѣть фактической властью и пользоваться ею во имя государя.

Въ исторіи государственныхъ учрежденій Японіи можно отмѣтить 5 періодовъ.

Первый съ 660 г. до Р. Хр. по 640 г. по Р. Хр. Японія раздѣлялась въ это время на отдѣльные кланы, главы которыхъ пользовались значительною долею самостоятельности и признавали лишь въ принципѣ власть Микадо. Столицею Японіи въ этотъ періодъ былъ городъ Имато.

Второй періодъ отъ VII вѣка приблизительно до начала XII. Онъ характеризуется установленіемъ и распространеніемъ прямой императорской власти надо всею страню. Въ этотъ періодъ при императорѣ Канъ-му (782—806) столица была перенесена въ Кіото.

Третій періодъ — феодальный, съ XII вѣка по 1867 г. Происхожденіе феодализма въ Японіи, его развитіе и ослабленіе подчиняются въ значительной степени тѣмъ же историческимъ законамъ и носятъ на себѣ тѣ же историческія черты, какими характеризуется періодъ средне-вѣковаго феодализма Европы. Источникомъ феодализма въ Японіи явилась раздача императоромъ подчиненныхъ ему земель своимъ приближеннымъ. Развитію феодализма способствовала необычайная

расчлененность различныхъ частей японскаго государства. Слѣдствіями феодальнаго уклада явились съ одной стороны постоянныя междоусобія и войны мелкихъ владѣтелей другъ съ другомъ, съ другой развитіе литературы подъ покровительствомъ различныхъ меценатовъ-князей. Власть императорская во время высшаго развитія феодализма сводится къ нулю. Ослабленіе феодализма вызвано отчасти тѣмъ, что усталый народъ созналъ необходимость прекращенія безконечныхъ раздоровъ и обратился къ императорской власти. Въ противовѣсъ власти безчисленныхъ мелкихъ владѣтелей создается въ періодъ феодализма такъ называемый сѣгунатъ, то-есть, существованіе на ряду съ императоромъ, носителемъ власти религіозной, сѣгуна, — лица, державшаго въ своихъ рукахъ власть гражданскую.

Четвертый періодъ съ 1867 г. по 1890 г., характеризующійся паденіемъ сѣгуната и восстановленіемъ фактической власти императора надъ странюю. Изъ прежняго религіознаго повелителя микадо становится дѣйствительнымъ правителемъ страны. Путемъ значительныхъ усилій онъ добивается упраздненія феодализма и ведетъ свою страну по пути сближенія съ Европою.

Пятый періодъ—съ 1890 г. конституціоннаго режима. Японія продолжаетъ идти по принятому съ отъѣною сѣгуната пути, стремясь главнымъ образомъ къ перенесенію на свою почву тѣхъ юридическихъ и образовательно воспитательныхъ нормъ, по которымъ живетъ западная Европа. Въ настоящее время почти уже окончена работа перевода на японскій языкъ европейскаго законодательнаго кодекса и въ значительной мѣрѣ исполнена работа примѣненія этого кодекса къ японскому законодательству.

Дополненіемъ доклада Томія о развитіи государственныхъ учреждений въ Японіи послужилъ докладъ японца Ода „О государственныхъ учрежденіяхъ правительства Токугава со времени Йелса“. За недостаткомъ времени докладъ этотъ не могъ быть изложенъ во всей полнотѣ. Основныя положенія его заключаются въ слѣдующемъ:

Государственныя учрежденія правительства Токугава имѣютъ весьма большое значеніе и занимаютъ въ исторіи государственнаго управленія Японіи совершенно самостоятельное мѣсто. Большинство правительственныхъ органовъ въ древней Японіи были созданы по образцу таковыхъ же органовъ древняго Китая. Постоянно поддерживавшаяся политическая связь Японіи съ Китаемъ укрѣпляла и развивала органы управленія именно въ этомъ направленіи. Однако въ древней Японіи еще до проикновенія въ нее вліянія Китая суще-

ствовалъ въ зародышѣ государственный строй съ самобытными японскими администраціею и судопроизводствомъ. Главная особенность реформы и дѣла Токугава заключается въ томъ, что онъ искалъ образцовъ для созиданія государственнаго управленія именно въ строѣ древней Японіи, внѣ зависимости отъ кодекса Китая. Сохранявшіеся въ зачаточномъ состояніи органы самобытнаго японскаго управленія Токугава развилъ въ цѣлостную систему, вполне удовлетворявшую требаніямъ какъ центральнаго такъ и мѣстнаго управленія страпою. Вся эта система управленія весьма сложная по внѣшней формѣ, но существу представляла единое гармоничное цѣлое. Нисшіе органы управленія въ строго іерархическомъ порядкѣ подчинялись органамъ высшимъ и органы управленія мѣстнаго, провинціального находились подъ строгимъ контролемъ центральнаго правительства. Нельзя не признать, что эта стройная система управленія, за 200 лѣтъ существованія династіи дома Токугава вполне привившаяся въ Японіи, во многомъ способствовала уничтоженію феодализма и привела къ отмиѣнн сѣгупата въ 1868 году.

Органы государственнаго управленія Японіи дома Токугава располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ.

I. Управление центральное:

1) Кабинетъ министровъ: Jobeya	{ Tairo.
Rodju.
Wakadoshi yori.
2) Высшая судебная палата (Hyōdjo-sho).	
3) Министерство культа (Jisha-bonghio).	
4) Интендантство (Kondjo-bonghio).	
5) Префектура г. Іеддо (Matsi-bonghio).	
6) Префектура полиціи (Metzuke-io).	

II. Управление мѣстное въ городахъ имѣло нѣкоторыя особенности въ отношенія къ Киото, какъ къ столицѣ имперіи. Здѣсь во главѣ властей стояли:

- a) Губернаторъ Киото (Shoshi-dai).
- b) Начальникъ дворцоваго замка (Jodai).
- c) Префектъ (Matsi-bonghio).
- d) Подпрефектъ (Dai-kwan).

III. Управление муниципальное.

Правительство Токугава дало городамъ начало самоуправленія на самыхъ широкихъ основахъ (self-government).—Органами городского управленія въ городахъ явились:

1) Мэръ (nanonshi).

2) Комиссаръ, избравшійся на самый непродолжительный срокъ, иногда до мѣсяца (Tsoukighio-ji).

3) Старецъ-совѣтникъ мэра изъ наиболее почетныхъ гражданъ (Matsi-doshi-yori).

IV. Отъ управленія городского отличалось въ извѣстной степени управленіе сельское.

Во главѣ cadaго поселка стоялъ также мэръ (nanonshi) помощниками его являлись выборные изъ крестьянъ (Konngashi-ra) и отъ группъ семей другихъ сословій (Huakonsho-todai). Кромѣ того въ значительной степени были развиты органы управленія specialнаго, которымъ ввѣрялось завѣдываніе отдѣльными отраслями народнаго хозяйства. Равнымъ образомъ было широко развито начало ассоціаций или артельное, органы управленія которыми имѣли за собою право законной юридической личности, почти тождественное съ тѣмъ правомъ, которымъ пользуются общества и артели въ современной западной Европѣ.

По поводу этого доклада г. Морисъ Куранъ замѣтилъ, что въ европейской литературѣ, на сколько ему извѣстно, нѣтъ ничего обстоятельнаго по вопросу объ учрежденіяхъ Токугава, и потому было бы весьма желательно, чтобы г. Ода опубликовалъ свой докладъ. Секція присоединилась къ такому пожеланію.

Въ засѣданіи 27-го числа былъ представленъ въ высшей степени интересный по предмету и постановкѣ докладъ г. Инуэ, японца, „О развитіи философскихъ идей въ Японіи до введенія европейской цивилизаціи“. Въ подробномъ и довольно обстоятельномъ очеркѣ исторіи развитія философской мысли въ Японіи докладчикъ построилъ свои положенія по строго-европейскому плану, такъ что его работа представляетъ собою примѣръ одного изъ многочисленныхъ японскихъ трудовъ, выходящихъ изъ-подъ пера европейски образованнаго японца. Получившій образованіе въ Европѣ, г. Инуэ состоитъ нынѣ профессоромъ философіи Токиосскаго университета, и потому японская философія, о которой шла рѣчь въ его докладѣ, составляетъ предметъ его специальныхъ занятій. Основныя положенія его доклада заключаются въ слѣдующемъ.

Среди японскаго народа съ древнѣйшихъ временъ, еще задолго до введенія въ Японію китайской культуры и философіи, существовали, хотя и въ зачаточномъ состояніи, тѣ несложныя, создавшіяся на шаманской основѣ вѣрованія народнои массы, которая позднѣе пе-

перодились или изъ которыхъ позднѣе выработался синтонизмъ. Однако при всей своей несложности уже въ первобытномъ символизмѣ народныхъ вѣрованій можно замѣтить нѣкоторые оттѣнки различныхъ направленій мысли, нѣкоторые признаки или зачатки тѣхъ характеристическихъ положеній, которыя позднѣе, при благоприятныхъ условіяхъ и на болѣе высокой ступени развитія общества, опредѣляютъ развитіе въ народѣ того или другаго философскаго течения. Можно видѣть, напримѣръ, уже въ этихъ зачаткахъ мысли, что въ умахъ японцевъ циркулировала идея объ индивидуумѣ, какъ микрокосмѣ и основѣ всего существующаго съ одной стороны и идея пантеизма, идея сліянія безличнаго существа съ безличнымъ же существомъ абсолютнымъ съ другой.

Вслѣдствіе этого, когда на почву Японіи были перенесены конфуціанство и буддизмъ, они нашли себѣ уже подготовленную почву и могли быстро дать богатые результаты. Въ умахъ ученыхъ существуетъ предубѣжденіе, будто вся философская мысль Японіи взята цѣликомъ изъ конфуціанства и буддизма, и что, чуждые способности самостоятельной мысли, японцы заимствовали всю свою философію изъ Китая или Индіи. Это не вполнѣ вѣрно. Анализъ народныхъ вѣрованій, исповѣдывавшихся до введенія этихъ двухъ доктринъ въ Японію съ одной стороны, и изученіе позднѣйшихъ философскихъ школъ съ другой показываютъ, что какъ до, такъ и послѣ водворенія чужихъ, привнесенныхъ въ Японію философскихъ системъ, философская мысль японцевъ не прекращала своей работы, и что работа ея не была безплодна. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о развитіи въ Японіи буддизма, докладчикъ остановился исключительно на школахъ конфуціанства въ Японіи. Доктрина Кунъ-цзы, по его словамъ, неустанно развивалась въ Японіи со временъ ханьской до танской династій, то-есть съ III по VIII вѣкъ по Р. Х. Въ этотъ періодъ она вошла въ плоть и кровь Японіи, восприняла въ себя существовавшія въ Японіи въ зародышѣ философскія ученія, дала имъ своеобразную окраску и создала такимъ образомъ всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ выродились позднѣе различныя философскія школы. Однако своего полнаго развитія конфуціанство на японской почвѣ достигло лишь послѣ ознакомленія японцевъ съ системою Чжу-си, жившаго отъ 1130 до 1200 г. Этотъ философъ, какъ глава конфуціанства, имѣлъ такое же вліяніе на развитіе философіи въ Японіи, что и въ Китаѣ. Для изученія всей японской философіи необходимо самое тщательное ознакомленіе съ доктриною Чжу-си. Для пониманія же системъ каж-

даго отдѣльнаго философа въ Японіи послѣ Чжу-си необходимо разрѣшеніе 3-хъ вопросовъ: во-первыхъ, какое вліяніе имѣло на систему даннаго мыслителя доктрина Чжу-си; во-вторыхъ: какую роль играютъ въ этой системѣ отраженія древне-японскихъ самобытныхъ учений и, въ-третьихъ каково въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ проявленіе самостоятельной мысли философа.

Анализъ японскихъ философскихъ системъ, создавшихся послѣ Чжу-си, произведенный по указанному методу, открываетъ намъ существованіе въ Японіи разнородныхъ школъ. Одни изъ философфовъ обратились къ изученію синтоизма и пытались давать ему оцѣнку и объясненіе съ точки зрѣнія доктрины Чжу-си. Въ этой школѣ присутствіе національной мысли Японіи сказывается всего сильнѣе. Другая школа давала въ своихъ работахъ перевѣсъ китайскому дуализму, и цѣлый рядъ философфовъ посвящала свои силы на выясненіе вопроса о взаимоотношеніи двухъ міровыхъ силъ: Янъ, или силы положительной: и Инъ, или силы отрицательной.

Философы третьяго направленія создали на основѣ того же конфуціанства чистый пантеизмъ. Въ этой школѣ особенно выдѣляются два лица: Ито-зонсай, и Ито-тогай, но они отличаются отъ чистыхъ пантеистовъ тѣмъ, что оба придавали весьма большое значеніе развитію личностей, основывали на понятіи о личности цѣлую теорію прогресса и, выходя изъ Чжу-сіевыхъ принциповъ о законѣ и о матеріальной основѣ духа, создали цѣлую систему морали.

Четвертою школою японской философій нужно принять мыслителей-идеалистовъ.

Отличительною чертою японской философій служить постоянное стремленіе выдвигать на первый планъ вопросы морали. Подъ вліяніемъ китайской философій, но съ характеристическими самобытными чертами японскіе мыслители развиваютъ теоріи макрокосма и микрокосма. Человѣкъ, какъ микрокосмъ, является по этой системѣ центромъ жизни всей вселенной. Жизнь его сердца и его тѣла является отраженіемъ жизни неба и земли.

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Инуе, правильный взглядъ на исторію японской философій заключается въ томъ, что въ теоретической части своихъ доктринъ японскіе философы основывались на системахъ Чжу-си и другихъ конфуціанцевъ, но въ развитіи этихъ системъ они пошли гораздо дальше китайцевъ. Въ практической же своей части или ученіи о морали, японцы, основываясь на ученіи Конфуція и раздѣляя вполне его положеніе о нераздѣльности теоріи и практики, о

необходимости самому философу прежде всего осуществлять въ жизни исповѣдуемые имъ принципы, приносили въ систему нравственные принципы синтоизма и этимъ въ значительной степени видоизмѣняли конфуціанское ученіе о морали.

По выслушаніи этого доклада проф. Шлегель благодарилъ г. Инуэ и замѣтилъ, что философскія системы, перенесенныя изъ одной страны въ другую, неизбежно подпадаютъ новымъ влияніямъ и перерабатываются иногда до неузнаваемости. Въ данномъ случаѣ китайская философія, перенесенная на японскую почву, несомнѣнно испытала такую же судьбу, и потому долженъ быть признанъ совершенно неправильнымъ взглядъ, отрицающій присутствіе въ японскихъ философскихъ системахъ извѣстной доли самобытной японской мысли. Въ вопросахъ морали отличительною чертою японскихъ системъ является, по мнѣнію проф. Шлегеля, проявленіе во взглядахъ особаго рода жизнерадостности, типично отличающей японскую мораль отъ широкаго развитія суровой теоріи долга, царящей во всѣхъ системахъ китайской философіи.

Кромѣ вышеупомянутыхъ различнымъ вопросамъ о Японіи были посвящены слѣдующіе доклады:

а) Кизакъ Тамая, японца: Японскій путешественникъ въ Сибири въ XVIII вѣкѣ.

б) де-Рони: Первобытная Тримурти синтоизма.

в) Артуръ Діози: О будущности японскаго языка.

г) проф. Мюллеръ: О японской оперѣ „Но“.

д) Морисъ Куранъ: Объ изученіи Японіи и Кореи.

Однимъ изъ интересныхъ собраній секція дальняго Востока было посѣщеніе музея Гимэ 28 августа, когда японскіе представители Томи и Инуэ представили членамъ конгресса картины и предметы, присланные японскимъ правительствомъ въ даръ съѣзду. Главнѣйшія изъ картинъ слѣдующія:

1) Копія знаменитой картины на стѣнѣ Хорюи (Horyu) буддійскаго храма въ Нара. Эта картина представляетъ собою лучшій образецъ живописи древнѣйшей школы Японіи. Оригиналъ ея нарисованъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ около 1250 лѣтъ тому назадъ можетъ быть знаменитымъ живописцемъ Чобусси, хотя нѣкоторые приписываютъ ее буддійскому священнику Дончо.

2) Копія знаменитой картины „Ямагосино Мида“ художника Есимсодзю IX вѣка. Она представляетъ собою другую школу японской живописи, начавшую процвѣтать двумя стами лѣтъ позднѣе.

3) Старая картина „Изо-Мандара“ нарисованная по меньшей мѣрѣ 700—800 лѣтъ назадъ. Это также одно изъ лучшихъ произведеній стараго изящнаго искусства Японіи. По мнѣнію г. Гимэ, серьезнаго авторитета въ вопросахъ японской живописи, три названныя картины доказываютъ существованіе индійскаго, китайскаго и корейскаго вліяній на японскую живопись.

4) „Ассобашо“, старое буддійское изданіе въ ста томахъ; оно содержитъ въ себѣ между прочимъ изображеніе всѣхъ вариантовъ существующихъ въ Японіи Буддъ съ надлежащими объясненіями. Поэтому это изданіе является весьма цѣннымъ руководствомъ при изученіи японскаго буддизма, но, будучи считаемо изданіемъ священнымъ, оно никогда не было опубликовано и сохранилось всегда въ формѣ манускрипта. Кромѣ того японскими учеными были представлены цѣлый рядъ весьма древнихъ скульптурныхъ изображеній Буддъ и любезно дѣлались объясненія всей имѣющейся въ музеѣ Гимэ японской коллекціи. Впечатленіе какъ отъ вниманія японскаго правительства, озаботившагося высылкою огромныхъ, дорого стоящихъ и крайне неудобныхъ для пересылки, картинъ и статуй, такъ и отъ любезности его представителей, получилось самое пріятное.

Переходимъ теперь къ вопросамъ о Китаѣ.

Въ ряду, повидимому, много обѣщающихъ вопросовъ, возбужденныхъ въ секціи Китая и Японіи надлежитъ поставить предложеніе г. Мартина Фортрисса о необходимости введенія однообразной транскрипціи китайскихъ собственныхъ именъ въ западно-европейской синологической литературѣ. Г. Фортриссъ уже нѣсколько лѣтъ занимается китайскимъ языкомъ въ Англіи подъ руководствомъ профессоровъ Легге и Дугласа. Вопросъ, имъ поднятый, по единогласному заявленію всѣхъ членовъ секціи былъ признанъ имѣющимъ первостепенную важность, и разрѣшеніе его въ положительномъ смыслѣ было признано всѣми весьма желательнымъ. Обсужденіе вопроса, въ которомъ приняли участіе Шлегель, Инуэ, де-Мели, Мартинъ Фортриссъ, де-Рони, Морисъ Куранъ и другіе, выяснило существованіе страшной путаницы въ транскрипціи китайскихъ именъ въ англійской, французской и нѣмецкой литературахъ. Въ зависимости главнымъ образомъ отъ существующихъ и вошедшихъ въ руководство при изученіи китайскаго языка словарей, существенно отличающихся по транскрипціи одинъ отъ другаго, синологи западной Европы до такой степени запутались въ правописаніи именъ, что въ настоящее время положеніе становится въ значительной степени критическимъ. Не го-

вора уже о транскрипціи личныхъ собственныхъ именъ, которыя вообще безъ іероглифовъ понимаются съ большимъ трудомъ, даже и по отношенію къ картографіи Китая отсутствіе точной и однообразной транскрипціи дѣлаетъ пользованіе географическими картами очень затруднительнымъ. Проф. Шлегель указалъ нѣсколько примѣровъ, когда онъ не могъ признать на новой картѣ доктора Бретшнейдера нѣсколькихъ хорошо извѣстныхъ ему географическихъ названій. Существованіе подобныхъ же случаевъ подтвердили и другіе члены секціи.

При обсужденіи вопроса о томъ, какой изъ китайскихъ словарей долженъ быть положенъ въ основаніе рѣшенія вопроса, присутствующіе японскіе ученые заявили, что предлагаемому г. Фортриссомъ словарю Канъ-си-цзы-дянь слѣдовало бы предпочесть специально фонетическій словарь Пэй-вэнь-юнь-фу, а равнымъ образомъ обратить вниманіе на древнее произношеніе китайскихъ именъ, напр. въ той формѣ, въ какой оно перешло изъ Китая въ Японию. На это проф. Шлегель замѣтилъ, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не объ установленіи строго научной транскрипціи, а о разрѣшеніи вопроса единственно съ практической цѣлью, что словарь Канъ-си-цзы-дянь даетъ произношеніе каждаго іероглифа, къ которому слѣдуетъ лишь приурочить буквы латинскаго алфавита. Секретарь секціи г. Морисъ Куранъ предложилъ подробное обсужденіе и разрѣшеніе этого вопроса ввѣрить особой международной комиссіи изъ ученыхъ, которая выработала бы нормы, наиболѣе удовлетворяющія требованію синологовъ различныхъ странъ. Съ этимъ предложеніемъ согласились докладчикъ и секція, причѣмъ предложеніе о принятіи въ число членовъ комиссіи японскихъ ученыхъ было отклонено на томъ основаніи, что вопросъ этотъ касается ближайшимъ образомъ западно-европейскихъ ученыхъ, пишущихъ латинскимъ алфавитомъ. Заключение по данному вопросу изложено въ слѣдующей формѣ:

Секція Китая и Японіи выражаетъ желаніе о принятіи единой системы для транскрипціи китайскихъ знаковъ словаря Канъ-си-цзы-дянь латинскими буквами.

Выработка таковой единой системы транскрипціи ввѣрена комиссіи состоящей изъ слѣдующихъ членовъ:

Гг. Devéria, проф. кит. яз. въ l'École des langues orientales въ Парижѣ. Douglas, проф. кит. яз. въ Лондонскомъ университетѣ. Giles, докторъ правъ, синологъ. Hirth, проф. кит. яз. въ Мюнхенскомъ колледжѣ. Maurice Courant, драгоманъ кит. и япон. языковъ Мин.

Иностр. Дѣлъ въ Парижѣ. De Rosny, проф. япон. яз. въ l'Ecole des lang. orient. Schlegel, проф. кит. яз. въ Лейденскомъ университетѣ и Turattini, проф. Женевского университета.

Не смотря на такое рѣшеніе вопроса и на единогласно выраженное членами секціи сознание необходимости точнаго его урегулированія, изъ обмѣна мыслей выяснилась необычайная трудность практическаго осуществленія рѣшеній комиссіи. Прежде всего ему препятствуютъ національныя разногласія ученыхъ. Англія, Франція, Германія, Италія и Швейцарія имѣютъ каждая свою одну, а иногда и нѣсколько транскрипцій, уже вошедшихъ въ употребленіе и ставшихъ достояніемъ общества. Измѣненіе транскрипціи въ угоду постановленіямъ комиссіи представляется сомнительнымъ. Кромѣ того самое существованіе различной транскрипціи основывается на существованіи различныхъ словарей, по кототорымъ учатся европейцы китайскому языку. Разъ усвоивъ себѣ извѣстную маиеру правописанія, всякій ученый обыкновенно держится ее уже всегда, и представляется дѣломъ большой трудности для каждаго отдѣльнаго человѣка измѣненіе разъ установившейся привычки правописанія. Но кромѣ такихъ затрудненій существуетъ еще препятствіе, совершенно независящее отъ синологовъ. Проф. Шлегель назвалъ нѣсколько примѣровъ, когда лучшія и самыя богатыя западно-европейскія издательскія фирмы категорически отказывались отъ принятія на себя изданія весьма серьезныхъ сочиненій о Китаѣ съ измѣненною транскрипціею, отказывались на томъ основаніи, что эти сочиненія съ своимъ новшествомъ не найдутъ сбыта въ публикѣ. Вслѣдствіе этого авторы сочиненій должны были измѣнять принятую транскрипцію или издавать сочиненія на собственный счетъ, а и то и другое одинаково затруднительно.

Такимъ образомъ практическихъ результатовъ отъ принятаго рѣшенія члены секціи Дальняго Востока ожидали съ большимъ сомнѣніемъ. Но не смотря на это уже самое возбужденіе вопроса и то вниманіе, съ которымъ отпеслись къ нему ученые, ясно свидѣлствуютъ о необходимости найдти выходъ изъ существующаго нынѣ положенія, тягостнаго для всѣхъ ученыхъ. Если комиссія, составленная изъ корифеевъ западно-европейской синологіи, выработаетъ опредѣленный планъ для установленія единой транскрипціи, если она составитъ словарь съ такою транскрипціею и хрестоматію для первоначальнаго изученія китайскаго языка, если затѣмъ эти словари и хрестоматія будутъ изданы на одномъ изъ европейскихкихъ языковъ и станутъ распро-

страненными пособиями для изученія китайскаго языка, то можно надѣяться, что послѣдующія поколѣнія синологовъ примуть таковое правописаніе и избавятъ себя отъ совершенно излишняго и напраснаго труда разбираться въ тождественныхъ по существу, но различныхъ по транскрипціи китайскихъ собственныхъ именахъ.

Вниманіе лингвистовъ-синологовъ привлекъ на себя докладъ Поля Боэля о языкѣ племенъ Ло-ло въ южномъ Китаѣ. Докладчикъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ много путешествовалъ въ южномъ и юго-западномъ Китаѣ и далъ въ своемъ сообщеніи много лингвистическихъ деталей о языкѣ Лолосовъ. Поль Боэль составилъ словари на трехъ различныхъ діалектахъ Ло-ло, именно: А-си, Нин-па, На-сэ-пэ, на которомъ говорятъ въ восточной Юнь-нани. Эти свои словари г. Боэль сравнивалъ со словаремъ составленнымъ г. Бабэромъ въ Сы-чуани и безошибочно показалъ лингвистическое тождество племенъ Ло-ло. Языкъ Ло-ло близко родствененъ бирманскому и, вѣроятно, всеѣмъ другимъ языкамъ того же корня, какъ на примѣръ языкамъ си-фань и мосо, но, какъ доказалъ г. Боэль, онъ кореннымъ образомъ отличается отъ языка племенъ Шань и Мiao-цзы. Въ своемъ докладѣ г. Боэль сдѣлалъ довольно точныя указанія по грамматикѣ и объ интонаціяхъ языка. Г. Боэль затѣмъ отдалъ должную дань предшествовавшимъ изслѣдователямъ и отозвался съ большою похвалою о трудахъ Бабэра, Хози и П. Вуаля. Докладъ, изложенный г. Боэлемъ, даетъ массу новаго и важнаго матеріала для изученія малоизвѣстнаго языка.

Докладъ Герберта I. Аллена, являющагося однимъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ признанія китайской древности, былъ посвященъ вопросу о возрастѣ китайскихъ классическихъ книгъ.

Г. Алленъ началъ заявленіемъ, что сочиненія Ши-цзинь, Шу-цзинь, комментаріи Цзо-чжуань и Чунь-цю такъ тѣсно связаны одно съ другимъ, что предоставляется почти невозможнымъ для кого бы то ни было признавать древность одного изъ классиковъ, не относя составленіе другихъ къ самому раннему времени. То же положеніе сохраняетъ свою силу и при отрицаніи древности происхожденія этихъ сочиненій, т. е. нельзя признавать позднѣйшее происхожденіе одной книги, сохраняя за другою право на далекую древность.

Отрицаніе древности классиковъ является прямымъ выводомъ какъ изъ обзора общей исторіи древней китайской литературы, такъ и изъ анализа каждой классической книги, отдѣльно взятой. Сами китайцы—историкки нытаются обставить существованіе своихъ классиковъ такими чертами, при которыхъ всегда возможно находить объясненіе

разнымъ недостаткамъ и неясностямъ въ ихъ исторіи. Такъ, хорошо извѣстно, что ученые Ханьской династіи должны были употреблять чрезвычайныя усилія, чтобы найти экземпляры древнѣйшихъ книгъ, сожженныхъ, якобы, по преданію, въ 213 г. до Р. Хр. и что, согласно Цянь-хань-шу, то-есть исторіи первой Ханьской династіи, книги „Ли-цзи, Мэнъ-цзы, Ши-цзинъ“ изданія Мао-чэня и Чунь-цю были найдены только около 150 лѣтъ до Р. Хр.“. Относительно Ли-цзи, въ докладѣ, прочитанномъ на послѣднемъ конгрессѣ, г. Гарлець, по мнѣнію г. Аллена, доказалъ положительно, что это сочиненіе было написано несомнѣнно во 2-мъ вѣкѣ до Р. Хр.

Далѣе г. Алленъ обратился къ анализу книгъ, остановился главнымъ образомъ на Шу-цзинѣ и Ши-цзинѣ и на основаніи наблюдаемыхъ въ нихъ чертъ и сходства ихъ съ Ши-цзи, Сы-ма-цяня, старался доказать зависимость ихъ происхожденія отъ этой исторіи.

Что касается до Шу-цзина, говорилъ, Алленъ, то мы находимъ, что изъ его 50-ти главъ 42 главы якобы „случайно“ совпадаютъ или указываютъ на Ши-цзи въ такой мѣрѣ, что оказывается затруднительнымъ сказать, какое изъ двухъ названныхъ сочиненій было написано раньше. Слогъ ихъ совершенно тождественъ, но смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ Ши-цзи данъ гораздо яснѣе, чѣмъ въ Шу-цзинѣ и поэтому необходимо изучать оба эти труда вмѣстѣ.

Интересно затѣмъ присутствіе на страницахъ Шу-цзина и Ши-цзи, въ изложеніи исторіи Китая, такихъ совершенно тождественныхъ чертъ, которыя должны неминуемо указывать съ одной стороны на взаимоотношеніе этихъ двухъ памятниковъ, съ другой на нѣкоторую искусственность составленія древней исторіи Китая. Такъ императоры Хуанъ-ди и Дяку въ Ши-цзи, Яо и Шунь въ Шу-цзинѣ всѣ занимаютъ вычисленіями календаря. Въ 24 главѣ Шу-цзина, называемой „великимъ планомъ“, содержится множество астрономическихъ указавій и далѣе обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что большая часть императоровъ династіи Ся, и всѣ императоры династіи Шанъ носили имена сходныя съ китайскими циклическими знаками, причемъ эти имена, не были синонимами, или добавочными именами, какъ предполагалось пѣкоторыми, такъ какъ никакихъ слѣдовъ вторыхъ именъ, насколько это извѣстно, доселѣ не открыто. Странно, равнымъ образомъ, какъ многочисленны примѣры лицъ, отрекавшихся отъ трона, и какъ часто главные министры пользуются расположеніемъ лицъ, выше ихъ стоящихъ. Это было съ Яо, Шунемъ, Бо-юй, Суй, Н-охотникомъ-И-директоромъ церемоній и съ великимъ Юемъ. Около 10 тор-

жественныхъ рѣчей содержитсяъ въ 3, 7, 10, 12, 21, 22, 23. 27 и 49 главахъ Шу-цзиня, и всѣ эти рѣчи совершенно одного характера. Обыкновенно начальникъ арміи, забунтовавшійся, желаетъ вести войска противъ императора, преступленія котораго внушаютъ всѣмъ отвращеніе. Объявляется, что этотъ мятежникъ является лишь исполнителемъ воли неба, и народъ принуждается присутствовать при привлеченіи виновнаго къ правосудію. Кромѣ этихъ подозрительныхъ повтореній другія черты указываютъ на присутствіе въ Шу-цзинѣ какъ бы буддійскихъ идей. Такъ святой мужъ или мудрецъ въ Шу-цзинѣ постоянно наставляетъ императора на пути добродѣтели или Дао. Во дни Чэнъ-тана, перваго императора шанскаго дома, И-инь произноситъ рѣчи о непорочномъ государѣ и о девяти такихъ же вельможахъ. Чэнъ-танъ восхваляется за освобожденіе птицъ изъ сѣти. Двѣнадцатый императоръ этого дома, по имени У-динъ, который оставался въ молчаніи, погруженный въ свои думы болѣе трехъ лѣтъ, видѣлъ во снѣ святаго мужа, позднѣе признаннаго имъ въ лицѣ одного отшельника, по имени Фу-юэ. Историкъ часто обращается также къ суевѣрію своихъ читателей. Такъ, напримѣръ, разказывается о правителѣ У-и, который, по словамъ лѣтописи, былъ совершенно безрелигіозенъ—*у-дао*. Онъ сдѣлалъ изображеніе духа неба, игралъ съ нимъ въ кости, и когда духъ проигрывалъ, то онъ вѣшалъ его на висѣлицу и стрѣлялъ въ него изъ лука. За такое святотатство У-и былъ убитъ молніей. Флазанъ прилетаетъ на ручку треножника и каркаетъ, что считается для императора предупрежденіемъ неба, призывающимъ его исправить свои пути и жить добродѣтельно. Въ 25-ти изъ 30-ти главъ, называемыхъ Чжоусскими главами, основатели династій Ся, Шанъ и Чжоу осыпаются всякими похвалами.

Такая масса странныхъ совпаденій и ссылокъ на то, что мы можемъ назвать чисто буддійскими идеями, равно какъ и множество повтореній, встрѣчающихся одинаково въ Шу-цзинѣ и въ Шин-цзи, могутъ вызвать вполне вѣроятное предположеніе, что оба эти труда написаны однимъ и тѣмъ же историкомъ. Наконецъ очень странно найдти въ Шу-цзинѣ въ царствованіе короля Нанъ въ 314 году до Р. Х. имя Сы-ма-цзиня, весьма подозрительно совпадающее съ именемъ позднѣйшаго историка.

Что касается до Шин-цзиня или книги одъ, то въ самомъ сочиненіи существуютъ доказательства, что оды не были написаны между 1700 и 1600 годами до Р. Х., какъ вообще предполагалось. Историкъ говоритъ, что во времена Конфуція существовало болѣе 3000

пѣсенъ, но онъ выбросилъ дубликаты и выбралъ 305 пѣсенъ, сохраняемыхъ доселѣ, такъ какъ только онѣ были полезны для воспитанія въ народѣ чувствъ благопристойности и доброты. Въ 9 параграфѣ великаго предисловія однако отчетливо утверждается, что „*юсударственный исторіографъ*“ нашелъ выраженіе своимъ чувствамъ въ скорбной траурной пѣснѣ, и это повидимому приводитъ къ возможности открытія автора. Также точно въ одѣ 6 книга 5 и часть 2 мы читаемъ: „я, внухъ Мэнъ-цзы, — авторъ этой пѣсни, и всѣ лица высшаго ранга обращаютъ вниманіе и слушаютъ то, что я скажу“. Въ этой одѣ авторъ говоритъ о вредѣ злословія, и еще имѣется около 50 одъ на ту же тему. Мы должны припомнить, что Сы-ма-цзянь совершенно подобнымъ же образомъ выражалъ въ стихахъ сѣтованія на суровость своей судьбы, на свои страданія отъ клеветы и зависти и на фактъ своего насильственного осконенія. Значительное число одъ носятъ хвалебный тонъ по адресу императора У-вана, около 50 трактуютъ о военныхъ экспедиціяхъ въ далекія страны и о желаніи солдатъ возвратиться оттуда домой. Нужно вспомнить что время Сы-ма-цзяня было очень богато походами, и что одна изъ экспедицій въ далекія страны была особенно прославлена во времена перваго историка Китая. Однимъ словомъ по мнѣнію Аллена изъ различныхъ намековъ въ разныхъ мѣстахъ книги, изъ указанія на князя Гу-чжи, о которомъ дѣлается упоминаніе и въ книгѣ Сы-ма-цзяня, и изъ многихъ другихъ подобныхъ мѣстъ мы можемъ сдѣлать заключеніе, что оды Ши-цзиня были написаны Сы-ма-цзянемъ.

Что касается до книги Мэнъ-цзы, то достаточно только сказать, что въ ней содержатся: 1) цѣлый рядъ заимствованій изъ Ли-цзи, 2) ссылки на буддійское ученіе о бездѣятельности и пассивности, и въ 3) пророчества о появленіи черезъ 500 лѣтъ самодержавнаго императора-владителя, и объ уничтоженіи книгъ — чтобы понять, что трудъ Мэнъ-цзы былъ написанъ уже послѣ возшествія на тронъ Ханьской династіи.

Таинственный Лао-цзы созданъ, по мнѣнію Аллена, въ силу заимствованій изъ Хоу-хань-шу, а доктрина Дао-дэ-цзина совершенно сходна съ ученіемъ буддизма.

Г. I. Алленъ далѣе старался показать, что многія другія лица китайской древности также выдуманы Сы-ма-цзянемъ и показаны въ его Ши-цзи. Вообще, по взгляду докладчика, большая часть изъ китайскихъ классическихъ книгъ обязаны своимъ происхожденіемъ или прямо автору Ши-цзи или тому влиянію на китайское общество и литературу, которое было трудами Сы-ма-цзяня.

Профессоръ Шлегель благодарилъ докладчика за сдѣланное, весьма интересное, сообщеніе, но позволилъ себѣ замѣтить, что поднятый г. Алленомъ вопросъ слишкомъ сложенъ для того, чтобы рѣшать его на съѣздѣ, и что если бы о древности китайской говорили нѣсколько лѣтъ, то и то не пришли бы къ окончательнымъ выводамъ. Такъ, напримеръ, по его, профессора Шлегеля мнѣнію, всѣ старанія ученыхъ поколебать китайскую древность не имѣютъ ровно никакого значенія, и всѣ попытки въ этомъ направленіи сводятся къ нулю.

Главное недоразумѣніе заключается въ данномъ случаѣ въ томъ, что критики китайскихъ классиковъ упускаютъ изъ вниманія ту разницу, которая неинуемо должна существовать между трудомъ, вышедшимъ изъ подъ пера автора и тою редакціею, въ которой этотъ трудъ дошелъ до нашего времени. Какъ бы ни были эти двѣ версіи одного и того же труда различны, но во всякомъ случаѣ отъ существованія измѣненной редакціи никоимъ образомъ нельзя заключать къ отрицанію самого первоисточника.

Большую обстоятельностью, полнотою и новизною затронутого предмета отличался докладъ профессора китайскаго языка въ Мюнхенѣ Hirth'a по древней исторіи живописи въ Китаѣ.

Среди задачъ синологіи, по словамъ Hirth'a, нѣтъ ни одной болѣе привлекательной и въ то же время дающей болѣе осязательные результаты, чѣмъ выясненіе исторіи китайскаго искусства во всѣхъ его видахъ. Съ тѣхъ поръ какъ искусства Японіи, въ особенности же живопись, стали оказывать свою долю вліянія на развитіе артистическаго чувства въ Европѣ и Америкѣ, нельзя уже долѣе игнорировать исторію ихъ происхожденія. Какихъ бы взглядовъ мы на держались относительно образчиковъ китайскаго живописнаго искусства, извѣстныхъ нынѣ въ Европѣ, относились ли бы къ нимъ съ удивленіемъ или нѣтъ, мы должны допустить, что значительною, если не болшею частью своего успѣха японцы, какъ нація живописцевъ, обязаны своимъ предшественникамъ въ области восточно-азиатскаго искусства, китайцамъ. Даже тотъ, кто полагаетъ, что ни китайская, ни японская живопись не имѣютъ никакого значенія на ряду съ европейскими образцовыми произведеніями, долженъ согласиться, что исторія тѣхъ условій, которыя создали своеобразное искусство, заслуживаютъ изученія, хотя бы какъ одно изъ проявленій восточной цивилизаціи. Мы изучаемъ конфуціанство, не одобряя его; мы посвящаемъ много труда выясненію буддійскихъ стремленій въ Индіи и Китаѣ, и все-таки остаемся христіанами. По той же самой причинѣ

намъ нечего опасаться сдѣлаться варварами, если мы будемъ изслѣдовать развитіе чуждаго намъ искусства.

Китайская исторія содержитъ множество подробностей касательно развитія туземной живописи. Подъ руководствомъ историковъ этого вида искусства мы въ состояніи прослѣдить всю генеалогію того направленія его, котораго придерживались художники до самаго недавняго времени. Пользуясь надлежащимъ образомъ документами, находящимися въ литературѣ китайскаго искусства, мы когда-либо успѣемъ изучить китайскую или японскую картину и указать особенности ея стили, которыя мы, наконецъ, прослѣдимъ до художниковъ, жившихъ болѣе чѣмъ тысячу лѣтъ тому назадъ. Однако для того, чтобы наши труды были основательны, необходимо прежде всего приобрѣсти обстоятельныя свѣдѣнія о литературѣ китайскаго искусства.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что живописное искусство въ Китаѣ относится къ гораздо болѣе отдаленному времени, чѣмъ даже древнѣйшіе памятники, о которыхъ мы имѣемъ въ настоящее время какія-либо свѣдѣнія. Достоверно извѣстно, что у императора У-ди, царствовавшаго отъ 140 до 186 г. до Р. Хр., среди придворныхъ учрежденій была Би-гэ, то-есть „павильонъ рѣдкостей“ или музей. Чжапъ-япъ-юань — китайскій историкъ искусства IX столѣтія, сообщаетъ намъ, что Би-гэ было устроено для храненія императорской коллекціи картинъ и рукописей. То же самое названіе Би-гэ примѣнялось впослѣдствіи, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій къ императорской бібліотекѣ, которая до того времени, когда книгопечатаніе стало принимать обширные размѣры, состояла главнымъ образомъ изъ рукописей. Много изъ нихъ сохранилось въ видѣ свертковъ, —цзюань—, весьма вѣроятно поэтому, что тѣ сокровища живописнаго искусства, которыя находились въ музеѣ У-ди, также хранились въ видѣ свертковъ.

Такъ какъ бумага была изобрѣтена не раньше 105 г. по Р. Хр., то мы должны предположить, что эти свертки состояли изъ шелковыхъ тканей. Въ тѣ времена картины, вѣроятно, еще не заслуживали того, чтобы быть отдѣленными отъ рукописей. Это случилось полтора столѣтія спустя, когда при императорѣ Минъ-ди, царствовавшемъ отъ 58 до 76 г. по Р. Хр., страсть къ собиранію картинъ на столько усилилась, что явилась необходимость въ сооруженіи спеціального зданія для императорской картинной галлерей, по китайски хуа-ши, то-есть, „домъ картинъ“. Историкъ искусствъ сообщаетъ,

что эта галлерей составляла часть учрежденія, называемаго Хунь-ду-сѣ и была устроена для храненія рѣдкостей и предметовъ искусства; тамъ можно было найдти въ большомъ количествѣ рѣдкости „всего міра“. Hirth, однако, самъ не вполне увѣренъ, что переводъ выраженія „всего міра“ точенъ, этими словами передается китайское выраженіе „тянь-ся“, то-есть, „что подъ небомъ“. Въ древнихъ текстахъ она обозначаетъ „Китай“. Но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, китайскія владѣнія расширились до хребта Цунъ-линъ, они вѣроятно, включали даже такія страны, какъ Фергана, которая подъ названіемъ Да-вань была поставлена въ зависимость отъ Китая при У-ди, такъ что свидѣтельство Итоломея, что страна Серовъ граничила съ Бактріею, совершенно справедливо.

Въ эти то времена, какъ полагаетъ Hirth, начали замѣтно цѣнить въ Китаѣ произведенія живописи. Къ тому же времени относятся также сообщенія, что живописцы находились подъ особымъ покровительствомъ императора. Къ сожалѣнію, тогда еще не начинали писать исторіи живописи. Каталогъ императорской бібліотеки старшей династіи Хань, который сохранился до нашего времени въ XXX томѣ исторіи этой династіи (Цянь-хань-шу), не содержитъ никакого указанія, чтобы велись записи подобнаго рода.

Г. Hirth полагаетъ, что всѣ древнѣйшія исторіи искусства исчерпаны сочиненіемъ Ли-тай-минь-хуа-цзи, составленномъ въ 10 томахъ Чжанъ-янь-юанемъ, упомянутымъ великимъ историкомъ искусства въ IX столѣтіи. Это—главный источникъ исторіи древняго живописнаго искусства въ Китаѣ. Хотя это не самое древнее сочиненіе, трактующее о живописцахъ и произведеніяхъ живописи, однако это, несомнѣнно, древнѣйшій обстоятельный трудъ, выполненный на широкихъ основаніяхъ. Онъ даетъ намъ полный очеркъ развитія искусства отъ перваго его появленія до 841 г. по Р. Хр. Авторъ этой работы, послѣ окончанія ея былъ назначенъ секретаремъ палаты церемоній и наконецъ получилъ постъ директора главной ревизіонной палаты. Исторія династіи Танъ (Танъ-шу) упоминаетъ о немъ, какъ потомкѣ фамиліи, пользовавшейся политическимъ вліяніемъ, и отмѣчаетъ его превосходное знаніе искусства. Его родъ дѣйствительно далъ Китаю нѣсколько выдающихся государственныхъ людей. Его дѣдъ Чжанъ-хунъ-цзинъ, біографія котораго сохранилась въ Танъ-шу, имѣлъ обширную частную картинную галлерей, гдѣ Янь-юань началъ свои занятія искусствомъ. Такимъ образомъ его глаза съ ранней юности привыкли къ произведеніямъ искусства, и онъ былъ не однимъ лишь

буквоѣдомъ, а дѣйствительнымъ знатокомъ дѣла. Въ его замѣткахъ проглядываетъ критикъ, который столь же строго относится къ небрежнымъ работамъ своихъ современниковъ, сколько восхищается классиками древней эпохи.

Съ особенною подробностью остановился г. Нигтх на вопросѣ о стѣнной живописи.

Китай, вѣроятно, былъ переполненъ образцами стѣнной живописи въ теченіе перваго періода правленія Танской династіи. Наибольше значительную часть ихъ можно было найти въ древнихъ столицахъ Чаиъ-ань и Ло-янь. Г. Нигтх былъ не въ состояніи указать, какимъ именно образомъ расписывались стѣны (хуа-би—расписанная стѣна), но онъ склоненъ думать, что этого рода картины не составляли чего-либо нераздѣльнаго со стѣною, для украшенія которой онѣ предназначались. Чжанъ-янь-юань справедливо негодуетъ надъ вандализмомъ чиновниковъ, которымъ было поручено привести въ исполненіе рѣшеніе императора У-цзуня положить копецъ влиянію буддійскаго духовенства надъ народомъ. Для того, чтобы совершенно избавиться отъ всѣхъ буддійскихъ монаховъ, императоръ повелѣлъ въ 845 г. разрушить всѣ буддійскіе храмы и монастыри въ Китаѣ. Это событіе нанесло роковой ударъ развитію искусства въ Китаѣ, такъ какъ изъ цѣлыхъ тысячъ зданій, украшенныхъ со всѣмъ блескомъ религіознаго искусства, были пощажены только два или три. Къ счастью нѣсколькимъ любителямъ удалось спасти нѣкоторыя произведенія, обреченныя на уничтоженіе. Въ этомъ случаѣ нѣкоторую услугу оказала вѣроятно, жадность чиновниковъ, которымъ было поручено выполненіе воли императора, и которые, какъ сообщаютъ, переплавляли бронзовыя статуи Будды и цѣнные предметы его религіи въ мѣдную монету. Китайцы были бы совершенно не тѣмъ, чѣмъ они являются нынѣ, еслибы они тайно не предлагали произведеній стѣнной живописи, обреченной императоромъ на погибель, тѣмъ любителямъ искусства, которые пожелали бы ихъ купить. Кромѣ того, при дворѣ не было единомыслия по вопросу объ ихъ уничтоженіи. Тамъ была могущественная партія во главѣ съ первымъ министромъ Ли-дэ-юй, который являлся главнымъ совѣтникомъ государя по вопросамъ чисто политическимъ и нисколько не одобрялъ того преслѣдованія, которому были подвергнуты буддисты въ угоду ихъ соперникамъ даосамъ. Этотъ Ли-дэ-юй, будучи большимъ покровителемъ искусства, успѣлъ, по словамъ Чжанъ-янь-юаня, сохранить нѣсколько образцовъ стѣнной живописи великаго классическаго художника Гу-хай-чжи (IV сто-

лѣтія), перенеся ихъ изъ разныхъ частей имперіи въ одинъ изъ привилегированныхъ монастырей. Изъ этого разказа можно заключить, что произведенія живописи этого рода могли быть переносимы. Можно думать, что они были писаны на крѣпкой бумагѣ или шелковой матеріи и назывались стѣнными картинами вслѣдствіе ихъ величины и назначенія. Списокъ стѣнныхъ картинъ, приводимый Чжанъ-янь-юанемъ, содержитъ имена самыхъ знаменитыхъ живописцевъ классическаго періода, среди которыхъ наиболее извѣстны Чжанъ-сунъ-ю и У-тао-цзи. Судя по описанію этихъ картинъ, это были большею частью изображенія буддійскихъ предметовъ, хотя не пренебрегались и другіе виды живописи.

Сочиненіе Ли-хай-минъ-хуа-цзи является не самою древнею книгою по исторіи искусствъ, но представляетъ собою первую удачную попытку собрать во едино все, что можно было сказать по данному предмету въ обстоятельномъ очеркѣ. Это, безъ сомнѣнія, самое древнее сочиненіе, которое можетъ быть названо „исторіею“ живописи. Оно обнимаетъ періодъ времени съ древнѣйшихъ поръ до 841 года. Слѣдующее обширное сочиненіе того же характера Ту-хуа-цзянь-панъ-чжи, состоящее изъ 6 томовъ и написанное Го-ю-сю, первымъ историкомъ искусства XI вѣка. Этотъ трудъ является продолженіемъ Ли-тай-минъ-хуа-цзи, описывая періодъ времени съ 841 года по 1074. Исторію эпохи съ 1074 по 1167 годъ даетъ намъ сочиненіе, Хуа-цзи, составленное Тэнь-чунемъ. На этомъ спеціальныя исторіи, являющіяся продолженіемъ одна другой, прерываются, хотя періодъ упадка искусства не начинался. Для послѣдующихъ столѣтій нѣтъ сочиненій, которыя были бы составлены въ тѣхъ же самыхъ размѣрахъ. Но такъ какъ въ теченіе правленія династій Юань и Минь литература живописи развилась въ очень значительной степени, то по данному вопросу нѣтъ недостатка въ свѣдѣніяхъ, хотя намъ приходится обращаться къ цѣлому ряду сочиненій для того, чтобы найти все то, что для предшествующаго періода мы имѣемъ уже собраннымъ въ трехъ обстоятельныхъ исторіяхъ. Впрочемъ, нить, начатая этими послѣдними, тянется послѣ 1167 года черезъ періодъ династій сунской, Цзиньской и Монгольской и даже до нынѣшней въ сочиненія монгольскаго періода Ту-хуй-па-янемъ, которое было опубликовано въ 1365 году Ся-пэнь-лиемъ и къ которому составлялись дополненія позднѣйшими авторами минской и цинской династій. Эти работы трактуютъ объ исторіи искусства, но сколько это касается біографій живописцевъ, которыхъ Ту-хуй-па-цзянь насчитываетъ около 1500 до конца 14 столѣтія, и

обнимаютъ собою только часть всей литературы, такъ какъ за всѣ времена появились многочисленныя книги о теоріи живописи, подраздѣленіи художниковъ—по уму, по талантамъ, по чисто механической опытности—и о картинныхъ галлерейхъ разныхъ временъ.

На картинахъ въ видѣ свертковъ, которые можно купить шпѣ въ китайскихъ магазинахъ, въ большинствѣ случаевъ имѣются ярлыки изъ цвѣтной бумаги, на которыхъ надписываются имена живописцевъ и указывается сюжетъ картины или, по крайней мѣрѣ, родъ ея. Чаще всего современными китайскими живописцами дѣлаются слѣдующія надписи „*фо-сянь*“, то-есть картины Будды; *жэнь-у*—людскіе предметы, *шань-шуй*—пейзажи, *хуа-няо*—цвѣты и птицы, *хуа-хуй*—цвѣты, *ши-ной*—дамы; послѣдняя категорія, повидимому, самая распространенная въ современномъ Китаѣ.

Кромѣ названныхъ докладовъ, Китаю были еще посвящены слѣдующія сообщенія:

а) S. W. Bushell, Чжурчженьскія и родственныя съ ними надписи.

б) G. Devéria, О надписи на 4 языкахъ — китайскомъ, маньчжурскомъ, восточно-турецкомъ и монгольскомъ — на стѣнѣ мечети Хуйцзы-инъ въ Пекинѣ.

в) Его же, Тангутское письмо Си-ся. Надпись на двухъ языкахъ въ буддйскомъ храмѣ въ Лянь-чжоу (Гань-су), 1095 г. по Р. Хр.

г) P. Navret, Си-ань-фусскій памятникъ.

д) W. Thomsen, Система согласныхъ въ языкѣ уйгуровъ.

По вопросамъ о Корей были предложены секціи доклады:

а) Henri Chevalier, Работы укрѣпленія Syou Ouen.

б) Maurice Cougant, Памятникъ государства Ко-кон-чце, находящійся на правомъ берегу р. Ар-гок-канг—414 г. по Р. Хр.

Въ засѣданіи 29-го августа секретарь секціи Морисъ Куранъ, по порученію предсѣдателя съѣзда, при краткой рѣчи представилъ членамъ секціи присланныя конгрессу слѣдующія изданія русскаго министерства финансовъ по различнымъ вопросамъ Дальняго Востока: „Описаніе Маньчжуріи“, подъ редакціей Д. Позднѣва; „Описаніе Амурской области“, Г. Е. Грумъ-Гржимайло, подъ редакціей П. П. Семенова, „Китайскіе порты, имѣющіе значеніе для русской торговли на Дальнемъ Востока“, Д. Д. Покотилова, подъ редакціей Д. Ѳ. Кобеко и П. М. Романова; „Карту Китая, Японіи и Кореи“, составленную Д. Покотилковымъ и Д. Позднѣвымъ и карту Маньчжуріи, подъ редакціей Д. Позднѣва составленную Л. Бородовскимъ.

По выслушаніи доклада секція Китая и Японіи единогласно вы-

разила отъ имени Конгресса Ориенталистовъ благодарность русскому министру финансовъ, С. Ю. Витте, за присылку упомянутыхъ изданій.

По распоряженію администраціи конгресса всѣ эти изданія должны поступить въ бібліотеку l'École des langues orientales vivantes.

Въ засѣданіи 9-го сентября г. Деникеръ представилъ секціи Дальняго Востока, посвященный XI съѣзду ориенталистовъ трудъ А. М. Позднѣева, — переводъ дневника База Бакши Мендучѣева, веденный во время его путешествія въ Лассу, въ Тибетъ. Въ краткой объяснительной рѣчи г. Деникеръ сообщилъ свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, при которыхъ произошло это путешествіе, причемъ выразилъ мнѣніе, съ которымъ не совсѣмъ можно согласиться, будто трудъ База Бакши можетъ быть оцѣниваемъ до извѣстной степени, какъ трудъ европейца или по крайней мѣрѣ кочевника-азіата, испытавшаго на себѣ европейское вліяніе. На этомъ основаніи г. Деникеръ помѣстилъ маршрутъ База Бакши на составленной имъ картѣ путешествій русскихъ въ центральную Азію, по каковому вопросу г. Деникеръ дѣлалъ особый докладъ въ секціи этнографіи.

Послѣ вступительной рѣчи Деникеръ представилъ секціи веленовый экземпляръ изданія и роздалъ здѣсь же членамъ секціи нѣсколько другихъ экземпляровъ. Предсѣдатель засѣданія, проф. Шлегель, благодарилъ г. Деникера отъ имени секціи за его сообщеніе, просилъ передать такую же благодарность А. М. Позднѣеву и выразилъ сожалѣніе отъ себя и отъ лица всѣхъ иностранцевъ, не владѣющихъ русскимъ языкомъ, что переводъ сдѣланъ именно на русскій, а не на какой либо другой изъ европейскихъ языковъ. Онъ выразилъ увѣренность, что лица, знающія русскій языкъ, ознакомятъ западно-европейскій міръ съ настоящимъ изданіемъ. На это г. Деникеръ заявилъ, что въ скоромъ времени переводъ или подробное изложеніе дневника База Бакши будетъ имъ напечатано въ одномъ изъ французскихъ періодическихъ изданій.

Не возражая ничего противъ его словъ о географическомъ интересѣ даннаго сочиненія, я позволю себѣ лишь сказать, что изданный дневникъ, по моему мнѣнію, имѣетъ именно значеніе памятника этнографическаго; онъ отражаетъ на себѣ все міросозерцаніе чистаго номада. По своей простотѣ изложенія, наивности и несложности наблюденій, онъ является подобіемъ тѣхъ описаній путешествій, которые дошли до насъ отъ средневѣковыхъ буддистовъ монаховъ.

Однимъ изъ зрѣлищъ для членовъ конгресса ориенталистовъ было

буддійское богослуженіе въ музеѣ Гиме. По этому случаю членамъ конгресса были разосланы приглашенія, въ которыхъ было сказано: „L'anagarika H. Dharmapala célèbre un office bouddhique de paix, au musée Guimet, le mardi 14 septembre, à dix heures et demie“. Въ означенный часъ до 200 персонъ собрались въ вестибулѣ музея. Г. Гиме, взойдя на одну изъ ступеней лѣстницы, обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами: „Я васъ прошу, господа, не смотрѣть на церемонію, при которой вы будете присутствовать, какъ на фигуру котильона. Бонза, имѣющій совершить эту службу, принадлежитъ къ тому буддизму южной Индіи и Цейлона, обряды котораго лишены всякой роскоши, и самъ анагарика Дармапала пожелалъ еще упростить эту церемонію, сохранивъ изъ нея лишь самую существенную часть. Лица, имѣющія участвовать въ церемоніи должны держать въ рукѣ безъ перчатки цвѣтокъ безъ листьевъ, воздерживаясь отъ того, чтобы вдыхать въ себя его запахъ, который посвящается божеству. Необходимо также, чтобы они не пили ничего спиртнаго. Именно по этому послѣднему требованію назначенъ для церемоніи ранній утренній часъ, въ который для утренняго завтрака предпочитаютъ обыкновенно чашку чая или кофе стакану вина. Лица, желающія принять участіе въ обрядѣ, должны стать въ двѣ шеренги и, проходя предъ алтаремъ, положить на него по цвѣтку. Служитель буддійскаго алтаря предлагаетъ, чтобы во время церемоніи присутствующіе отгоняли отъ себя всякую мысль и хранили бы въ сердцѣ чувство доброты, кротости и невинности; необходимо, чтобы благоуханная шафрановая вода очистила вѣрующихъ, и чтобы руки приносящія къ алтарю цвѣты, дорогіе для божества, были чисты отъ всякой скверны“.

Послѣ этой рѣчи приглашенные вошли въ первый этажъ, гдѣ они были раздѣлены на двѣ шеренги и принявшіе участіе въ церемоніи, получивъ цвѣты, прошли по галлереймъ музея въ круглый залъ бібліотеки, не принявшіе же участія прошли прямо въ залъ, гдѣ они помѣстились на высокой площадкѣ, устроенной для взаимнаго чтенія книгъ, оставаясь зрителями происходившаго.

Залъ былъ украшенъ съ особою заботливостью. На полу—желтый коверъ, колонны залы украшены гирляндами цвѣтовъ безъ листьевъ и листьями безъ цвѣтовъ,—символы буддизма. Здѣсь видны хризантемы, гвоздика, чайныя розы, орхидеи и пр. Колонны украшены полосами изъ желтой матеріи. Алтарь не имѣетъ никакихъ претензій. Это—простой столъ, на семи ступенькахъ котораго горятъ 37 заж-

женныхъ свѣчей, надъ алтаремъ развивается многоцвѣтное знамя, съ преобладаніемъ желтаго цвѣта.

Всѣ участники церемоніи, пройдя передъ алтаремъ, усѣлись на приготовленныхъ скамьяхъ, и Гиме сказалъ снова нѣсколько словъ о церемоніи и о личности Дармапалы. Черезъ нѣсколько времени появился и этотъ послѣдній. Сингалезецъ, темнокоричневаго цвѣта, высокаго роста, прекрасно сложенный, завернутый въ длинную желтую тогу, онъ входитъ медленно въ залъ, прижимая къ своей груди небольшую бронзовую статую Будды. Онъ ставитъ послѣднюю на алтарь и, обращаясь къ участникамъ церемоніи, говоритъ къ нимъ по англійски. Рѣчь его г. de Millone, помощникъ консерватора музея, переводитъ по французски. Анагарика говоритъ сначала небольшую рѣчь о происхожденіи и современномъ состояніи буддизма. Обрядъ, который онъ намѣренъ показать присутствующимъ, принадлежитъ къ культу первобытнаго буддизма и въ настоящее время исполняется лишь невѣжественною массою народа. Буддисты развитые не признаютъ внѣшняго культа. Единственнымъ храмомъ для нихъ служить ихъ собственное сердце.

Затѣмъ Дармапала предлагаетъ каждому мысленно повторять слѣдующія слова:

„Да буду я чистъ, какъ благоуханный цвѣтокъ; этотъ великолѣпный цвѣтокъ увядаетъ и такимъ же образомъ проходятъ всѣ вещи міра. Я приношу этотъ цвѣтокъ повелителю вселенной, вѣчной истинѣ и существамъ святымъ.

Я обѣщаю не уничтожать живыхъ существъ.

Я обѣщаю не брать имущества другаго.

Я обѣщаю не предаваться чувственнымъ удовольствіямъ.

Я обѣщаю не употреблять спиртныхъ напитковъ.

Миръ моимъ родителямъ.

Миръ моимъ сосѣдямъ.

Миръ всему міру.

Миръ всѣмъ духамъ добрымъ.

Миръ всѣмъ духамъ злымъ“.

Онъ окончилъ эти пожеланія мира заявленіемъ, что церемонія будетъ посвящена не только миру и счастью всего міра, но также и памяти француза, который первый сообщилъ Европѣ ученіе буддизма, именно памяти Евгенія Бюрнуфа.

По окончаніи этой рѣчи началась самая церемонія. Анагарика взялъ длинный шелковый желтый шнуръ, который долженъ былъ ок-

ружить всю толпу участвующихъ въ церемоніи. Передаваясь изъ рукъ въ руки этотъ шнуръ возвращается другимъ концомъ опять въ Дармапалѣ; послѣдній соединяетъ два конца шнура въ одной рукѣ, привязавъ шнуръ предварительно къ принесенной имъ статуѣ Будды. Затѣмъ онъ объясняетъ присутствующимъ, что этотъ обрядъ совершается въ буддійскихъ странахъ ежедневно, по крайней мѣрѣ въ Индіи и на Цейлонѣ. Дармапала, по его словамъ, не былъ въ Лассѣ, но отъ бывшихъ въ этой столицѣ буддизма ему приходилось слышать, что на означенную церемонію въ Лассѣ собирается ежедневно до 4000 человекъ.

Бонзы произносятъ молитвы на языкѣ Пали и, чтобы дать понятіе объ этихъ молитвахъ. Дармапала произнесъ нѣсколько изъ нихъ предъ присутствующими. Этимъ церемонія и окончилась. Затѣмъ Анагарика сказалъ, что въ буддійскихъ странахъ существуетъ обычай брать себѣ на память кусочки веревки или шнура, употребляемаго при церемоніи. Послѣ этого шелковый шнуръ былъ сейчасъ же разрѣзанъ на кусочки и разобранъ участниками церемоніи.

Описанная церемонія произвела много шума во французской прессѣ. Многія газеты увидѣли въ ней наглядное доказательство распространенія въ Парижѣ буддизма или, по крайней мѣрѣ, увеличеніе симпатій къ этой религіи. Католическіе органы назвали эту церемонію скандальной и протестовали громко противъ такого антихристіанскаго факта. „Не безъ нѣкотораго чувства страха, писалъ *Courrier de Genève* (католическій органъ французской Швейцаріи). нѣсколько лѣтъ тому назадъ католики смотрѣли на открытіе, подъ мнимымъ предлогомъ науки, парижскаго религіознаго музея, сдѣлавшагося нынѣ, по инициативѣ самого основателя, храмомъ ложныхъ боговъ. Всѣ идола міра нашли себѣ тамъ мѣсто, и вотъ теперь они начинаютъ находить себѣ уже поклонниковъ“.

На меня лично означенная церемонія не произвела такого впечатлѣнія. Всѣ собравшіеся были простою группою любознательныхъ, явившихся посмотреть на интересное зрѣлище, смотрѣвшихъ на церемонію именно какъ на фигуру котильона. Слова г. Гиме о необходимости воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ и чувственныхъ удовольствій вызывали у всѣхъ улыбку и смѣхъ. Присутствующіе всѣ были очень весело настроены и шутки не переставали сыпаться отовсюду. Такъ когда присутствующіе были окружены шнуркомъ, то одинъ громкій голосъ на весь залъ воскликнулъ: „Nous avons l'air de jouer au furet des bois, mesdames“! Самъ анагарика Дармапала.

повидимому, сознавалъ свою роль простаго демонстратора интереснаго явленія, такъ какъ онъ постоянно отгѣнялъ тотъ фактъ, что настоящая церемонія и въ странахъ буддизма отправляется лишь невѣжественною массою; самъ же онъ не разъ повторялъ имя Бюрнуфа, какъ родоначальника научнаго изученія буддизма и высказывалъ свое удивленіе предъ дарованіями и трудами этого ученаго.

Дмитрій Позднѣевъ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ СВ. ВЛАДИМИРА ВЪ 1896 Г.

Минувшій годъ отмѣченъ въ лѣтописяхъ университета св. Владиміра, равно какъ и города Кіева, посѣщеніемъ матери городовъ русскихъ Ихъ Императорскими Величествами. Признательный къ памяти своего основателя, Императора Николая I, университетъ св. Владиміра избралъ комиссію въ составѣ Романовича-Славатицкаго, Иконникова, Владимірскаго-Буданова и Пихно; этой комиссіи поручено было составить историческую записку подъ заглавіемъ: „Кіевъ и университетъ св. Владиміра въ царствованіе Императора Николая I“, которая была роскошно издана на средства университета. Въ числѣ другихъ депутацій, имѣвшихъ счастье представиться Ихъ Императорскимъ Величествамъ на другой день по прибытіи Ихъ въ г. Кіевъ, депутація отъ университета св. Владиміра, состоящая изъ ректора и двухъ декановъ, удостоилась поднести историческую записку Его Величеству.

21-го августа 1896 года, въ 3^{1/2} часа дня, послѣ открытія памятника Императору Николаю I, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ Николай Александровичъ, Государыня Императрица Александра Феодоровна, въ сопровожденіи Великихъ Князей Михаила Николаевича, Владиміра Александровича и Супруги послѣдняго, Великой Княгини Маріи Павловны, и блестящей свиты пѣшкомъ прослѣдовали изъ Николаевского сквера къ зданію университета св. Владиміра. У подъѣзда Августѣйшіе Посѣтители были встрѣчены попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа, его помощникомъ, ректоромъ университета, деканами всѣхъ четырехъ факультетовъ, различными профессорами, инспекторомъ студентовъ и другими служа-

щими въ университетѣ лицами. Августѣйшіе Посѣтители поднялись въ торжественный залъ университета, гдѣ Государю Императору угодно было обратитъ особое вниманіе на бронзовый бюстъ Императора Николая I, стоящій у центрального окна зала. Изъ торжественнаго зала Августѣйшіе Посѣтители направились въ главный залъ бібліотеки, гдѣ были встрѣчены бібліотекаремъ; здѣсь были осмотрены разныя примѣчательности бібліотеки, причеъ дополнителныя объясненія давали ректоръ и бібліотекарь университета. По окончаніи Государь Императоръ, Государыня Императрица и другіе Августѣйшіе посѣтители соизволили начертать свое имя въ книгѣ для почетныхъ посѣтителей. Посѣщеніе продолжалось съ 3^{1/2} часовъ дня до 4; во все это время Августѣйшіе Посѣтители милостиво бесѣдовали съ попечителемъ, ректоромъ, отдѣльными профессорами и бібліотекаремъ университета. Въ ознаменованіе этого событія правленіе университета испросило разрѣшеніе поставить въ торжественномъ залѣ мраморную доску съ надписью о посѣщеніи университета св. Владимира Ихъ Императорскими Величествами, а совѣтъ университета, въ первомъ своемъ засѣданіи послѣ капикулярнаго времени, выразилъ свои вѣрноподданническія чувства въ адресѣ Его Величеству. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія въ 18-й день декабря минувшаго года, милостиво принявъ адресъ отъ университета св. Владимира, Высочайше повелѣтъ соизволилъ благодаритъ университетъ за выраженный имъ чувства.

Изъ другихъ фактовъ университетской жизни, выходящихъ изъ рамокъ обыденной работы университета, отмѣтимъ, что 26-го іюня университета, несмотря на вакаціонное время, торжественно, въ присутствіи многолюднаго собранія, отпраздновалъ особымъ актомъ столѣтній юбилей со дня рожденія своего основателя, императора Николая I; въ ноябрѣ состоящее при университетѣ историческое общество Нестора Лѣтописца чествовало въ публичномъ засѣданіи память императрицы Екатерины II, по случаю истеченія столѣтія со дня ея кончины; въ апрѣлѣ, когда въ Кіевѣ собрался VI съѣздъ врачей въ память Пирогова, университетъ широко открылъ для его занятій и свои аудиторіи, и свои учебно-вспомогательныя учрежденія, а члены медицинскаго факультета приняли самое живое и горячее участіе въ трудахъ съѣзда; въ продолженіе всего 1896 г. многіе профессора университета энергично хлопотали надъ организаціею общественной борьбы съ заразными болѣзнями и надъ созданіемъ при

университетѣ бактериологическаго института; наконецъ, въ истекшемъ же году профессора и преподаватели университета, принадлежавшие главнымъ образомъ къ составу историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ, организовали цѣлый рядъ курсовъ публичныхъ лекцій, причемъ университетъ предоставилъ въ распоряженіе лекторовъ свои приборы, свои коллекціи.

Къ 1-го января 1896 г. въ составѣ преподавателей университета св. Владиміра были: 1 профессоръ богословія, 55 ординарныхъ профессоровъ (въ числѣ ихъ 12 сверхштатныхъ), 20 экстраординарныхъ, 44 приватъ-доцента, 1 астрономъ наблюдатель, 3 лектора новыхъ языковъ, 5 прозекторовъ, 9 помощниковъ прозектора, 46 служащихъ при разныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ и 29 лицъ служащихъ по инспекціи и администраціи, всего 213 чел.

Изъ числа преподавателей университета св. Владиміра, въ истекшемъ году выбыли: ординарный профессоръ по кафедрѣ римскаго права П. Е. Соколовскій, переведенный на ту-же кафедру въ Московскій университетъ; прозекторъ при физиологической лабораторіи и приватъ-доцентъ, докторъ медицины В. П. Курчинскій и приватъ-доцентъ, магистръ всеобщей исторіи А. Н. Ясинскій, назначенные экстраординарными профессорами Юрьевскаго университета; умеръ профессоръ Л. Н. Казанцевъ.

Опредѣлены вновь на службу семеро: на штатныя должности ординатора: хирургической факультетской клиники лѣкаръ Михаилъ Пресницкій и терапевтической факультетской клиники Александръ Своехотовъ; на должности сверхштатнаго ординатора: при акушерской факультетской клиникѣ лѣкаръ Н. Звизитскій и Кирилль Кеглеръ, при терапевтической госпитальной клиникѣ лѣкаръ Константинъ Руткевичъ; на должность лаборанта при физическомъ кабинетѣ окончившій курсъ съ дипломомъ 1-й степени Всеволодъ Роше; на должность сверхштатнаго консерватора ботаническаго сада окончившій съ дипломомъ 1-й степени въ Московскомъ университетѣ по отдѣлу естественныхъ наукъ Н. Цингеръ. Приняты въ число приватъ-доцентовъ пять лицъ: по предмету греческой словесности магистръ Анатолій Семеновъ, учитель Кіевской 2-й гимназіи; по предмету статистики магистрантъ Владиміръ Желѣзновъ, по предмету дерматологіи и сифилитологіи докторъ медицины Н. Никольскій, оба бывшіе профессорскими стипендіатами; по предмету химіи лаборантъ химической лабораторіи магистрантъ Яковъ Михайленко и по предмету микроскопической фізіографіи минераловъ хранитель минералогическаго

кабинета магистръ Василій Тарасенко. Переведенъ изъ Юрьевскаго университета привать-доцентъ его Іосифъ Покровскій въ Кіевскій университетъ тѣмъ же званіемъ по кафедрѣ римскаго права съ вознагражденіемъ по 2.000 р. въ годъ.

За означенными переменѣнами къ 1-му января 1897 года университетскую корпорацію составляютъ профессоръ богословіи, 57 профессоровъ ординарныхъ (въ томъ числѣ 12 сверхштатныхъ) и 16 экстраординарныхъ (въ томъ числѣ 6 исправляющихъ должность), 43 привать-доцента, 3 лектора новыхъ языковъ (въ томъ числѣ одинъ привать-доцентъ), 6 прозекторовъ (въ томъ числѣ 3 привать-доцента) и 9 помощниковъ ихъ, 1 астрономъ-наблюдатель (онъ и привать-доцентъ), 1 инспекторъ и 5 помощниковъ его, 1 бібліотекаръ и 8 помощниковъ, 48 служащихъ при разныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ (лаборантовъ и ихъ помощниковъ, хранителей музеевъ или кабинетовъ и проч.) и 14 лицъ, занимающихъ штатныя должности по административной части, а всего 212 лицъ. Изъ числа почетныхъ членовъ университета въ 1896 г. умерли—каедральный протоіерей Кіево-Софійскаго собора П. Г. Лебединцевъ, ординарный профессоръ Московскаго университета А. Г. Стояльцовъ, непремѣнный секретарь Берлинской академіи наукъ и профессоръ Берлинскаго университета Эмилій дю-Буа-Реймондъ, изъ числа дѣйствительныхъ членовъ—ординарный профессоръ университета св. Владиміра по кафедрѣ римскаго права, докторъ римскаго права Леонидъ Николаевичъ Казанцевъ и бывшій профессоръ Г. П. Минхъ.

Избраны въ почетные члены университета: Великіе Князья Михаилъ Николаевичъ, Владиміръ Александровичъ и Константинъ Константиновичъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета Дмитрій Константиновичъ Бобылевъ и профессоръ Московскаго университета Федоръ Евгениевичъ Коршъ.

При университетѣ въ истекшемъ году для приготовленія къ профессорскому званію состояло 12 стипендіатовъ, изъ коихъ было на историко-филологическомъ факультетѣ 4, физико-математическомъ 2, юридическомъ 5 и медицинскомъ 1. Изъ этихъ стипендіатовъ четверо получали по 600 р. содержанія въ годъ изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія и четверо изъ спеціальныхъ средствъ университета, и 4 состояли на своемъ иждивеніи.

Въ 1896 году университетомъ св. Владиміра, на основаніи устава, удостоены ученыхъ степеней и званій 147 лицъ: а) трое степени доктора: медицины 2 и римскаго права 1; б) четверо степени маги-

стра: русской исторіи 1, минералогіи и геогнозін 1, римскаго права 1 и гражданскаго права 1; в) званія уѣзднаго врача 2; г) степени провизора 38; д) степени аптекарскаго помощника 57; и е) званія дантиста 43. Ученая дѣятельность 75 профессоровъ и преподавателей университета выразилась въ 100 сочиненіяхъ, напечатанныхъ, какъ отдѣльными книгами, такъ и статьями въ разныхъ русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ.

На историко-филологическомъ факультетѣ были изучаемы слѣдующія произведенія классической литературы: Одиссея, „Исторія“ Геродота, Платона „Государство“, Плутарха биографіи Ѳемистокла и Перикла, Исократы Панегирики, Демосеена рѣчь о вѣицѣ, Аристофана Лагушки, произведенія Горация, Катуллы, Проперція, Лукреція *De rebus naturae*, жизнеописанія Корнелія Непота, Цицерона Тускуланскія бесѣды и рѣчь за Милона, *Scriptores historiae augustae*; наиболѣе легкія изъ этихъ произведеній служили, между прочимъ, матеріаломъ для переводовъ съ латинскаго языка на греческій, или съ греческаго на латинскій. Изъ курсовъ, читанныхъ профессорами и приватъ-доцентами, сверхъ обязательныхъ положенныхъ по программѣ, отмѣтимъ: „О подлинности Платоновыхъ діалоговъ“ (проф. Гиляровъ) „Методологія исторіи“ (проф. Бубновъ), „Крестьянская собственность во Франціи въ XVIII вѣка и продажа національной собственности“, „Исторія цѣпей на землю въ Англіи и Франціи въ средніе вѣка и въ новое время“ (проф. Лучицкій); „Исторія французской революціи“ (приватъ-доцентъ Клячинъ); „Исторія сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ“ (приватъ-доцентъ Пискорскій), „Иностранцыя извѣстія о Россіи“, „Исторія XVII в.“ „Исторія царствованія Екатерины II“ (проф. Иконниковъ), „Очеркъ исторіи Галицкаго княжества“ (проф. Антоновичъ), „Русская историческая географія“ (проф. Голубовскій), „Возрожденіе западно-славянскихъ литературъ“, „Исторія чешской литературы“ (проф. Флорицскій); „Исторія новѣйшей чешской литературы“ (приватъ-доцентъ Стеновичъ), „Очеркъ коллективнаго доисторическаго творчества“, „Исторія французской литературы XIX вѣка“, (проф. Дашкевичъ); „Литературная критика XIX вѣка“ (приватъ-доцентъ Аничковъ), „Искусство XIX вѣка“, „Русское искусство“ (приватъ-доцентъ Павлуцкій) и др.

Въ 1896 г. въ число студентовъ университета св. Владиміра поступило: изъ гимназій 731 человекъ, изъ бывшихъ студентовъ сего университета 123 и изъ другихъ университетовъ 124, всего 978. Къ 1-му января 1897 г. состоитъ: на историко-филологическомъ фа-

культетѣ 48, на физико-математическомъ: по отдѣлу естественныхъ наукъ 145, по отдѣлу математическихъ наукъ 127, на юридическомъ факультѣ 1.115, и на медицинскомъ 996, а всего на четырехъ факультетахъ 2.531. Сверхъ того, состоитъ вольнослушателей 170.

Въ истекшемъ году получили выпускныя свидѣтельства: по историко-филологическому: историческаго отдѣла 9, словеснаго 8, классическаго 1, итого 18; по физико-математическому факультету: естественнаго отдѣла 21, математическаго 14, итого 35. По юридическому факультету 224, по медицинскому 154; а всего—431. Получившіе выпускныя свидѣтельства въ большинствѣ явились съ ними въ учрежденныя правительствомъ испытательныя комиссіи при Кіевскомъ учебномъ округѣ, а нѣкоторые, по собственному желанію, держали окончательный экзаменъ въ другихъ учебныхъ округахъ.

Въ отчетномъ году, по случаю Священнаго Коронованія, студентамъ предоставлена особая льгота, именно 123-мъ студентамъ деньги, внесенныя за осеннее полугодіе (по 25 руб.), зачислены въ плату за ученіе въ осеннее полугодіи того-же года. Кроме того, на выдачу стипендій и пособій въ 1896 году употреблено: а) изъ суммъ госуд. казначейства 21.020 руб., б) изъ специальныхъ средствъ университета 2.886 р. 18 к., в) изъ суммъ попечительства о недостат. студ. 4.845 руб., и г) обществомъ вспомо. студ. выдано пособій на 12.480 р. 50 к., итого 41,231 р. 68 к.

При университетѣ св. Владиміра до 1896 года считалось стипендій: а) казенныхъ: 10 учительскихъ, 4 въ память св. Кирилла и Меодія, медицинскихъ 25, итого 39, б) частныхъ (разныхъ обществъ и лицъ) 18. Всего 57. Въ отчетномъ году увеличилось число частныхъ стипендій двумя, учрежденными на пожертвованные капиталы: а) отъ отставнаго корнета гвардіи Ивана Николаевича и жены его Елизаветы Михайловны Терещенко, въ 4¹/₂% облигаціяхъ внутренняго займа 1893 г., 5.000 р.; б) отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Евгенія Ивановича Афанасьева, въ билетахъ 4% государственной ренты 6.000 р.; итого 11.000 руб.

Въ 1896 г. изъ числа слушателей университета св. Владиміра награждены за сочиненія, представленные на заданныя отъ университета темы: золотыми медалями: окончившіе курсъ: Евгеній Гарле за сочиненіе на тему „Помпонаццо и его ученіе“, Петръ Воронецъ за сочиненіе на тему „Геометрическая интерпретація вращенія тяжелаго твердаго тѣла“, съ напечатаніемъ сочиненія на средства университета, Богданъ Шинковскій за сочиненіе на тему „Этил-диам-

тил-этиленмолочная кислота“, студенты 7-го семестра: Вячеславъ Камбуровъ за сочиненіе на тему „Главнѣйшіе политическіе мыслители эпохи англійской революціи“, Иринархъ Черкасскій—за сочиненіе „Семейное и наследственное право по литовскому статуту“ и Михайлъ Яснскій—за „Исслѣдованіе въ санитарномъ отношеніи хлѣба, продаваемого на рынкахъ въ Кіевѣ“; серебряныя медали получили: окончившіе курсъ: Николай Бокодоровъ за сочиненіе „Новыя начала, внесенныя въ литературу Ж. Ж. Руссо“, и Яковъ Шницеръ, за сочиненіе: „О положеніи и движеніяхъ лопатки при нормальныхъ и патологическихъ условіяхъ“; студентъ 9-го семестра Аватолій Васютинскій за „Исслѣдованіе въ санитарномъ отношеніи молока, продаваемого на рынкахъ г. Кіева“; студенты 7-го семестра: Александръ Шубинъ за сочиненіе „Семейное и наследственное право по литовскому статуту“, Алексѣй Ивановъ за сочиненіе „Паспортная система въ Россіи“, Николай Трифоновъ за сочиненіе „Производство по жалбамъ на рѣшенія по дѣламъ гражданскимъ въ его историческомъ развитіи“, Абрамъ Лерманъ и Исаакъ Вайншенкеръ за сочиненія на тему „Опыты надъ взаимнымъ вытѣсненіемъ галлоидовъ“; окончившій курсъ Николай Синцовъ получилъ почетный отзывъ за сочиненіе: „Болтинъ какъ историкъ“.

Для сонсканія наградъ медалями на 1897 г. факультетами предложены слѣдующія темы: по историко-филологическому факультету: Перевести на русскій языкъ „Сева Trimalchionis Петронія“; „Янъ Гусъ, какъ чешскій народный писатель“; „Англійскія народныя баллады о Робинъ Гудѣ“, „Французскій эпосъ о Лисѣ“, „Свадебныя обряды и пѣсни русскаго народа“; „Борьба Польши съ казачествомъ во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ“; „Общественныя отношенія въ Германіи наканунѣ французской революціи“. По физико-математическому факультету: „О намагниченіи въ связи съ теоретическими и опытными изслѣдованіями послѣдняго времени“; „Артезіанскія воды юго-запада Россіи“; „О способѣ проведенія пальцевой трубки къ сѣмянопочкѣ въ завязи нѣкоторыхъ двудольныхъ“; „По собственнымъ наблюденіямъ и литературнымъ даннымъ составить монографическое описаніе какой-нибудь небольшой группы безпозвоночныхъ животныхъ (коловратокъ, мшанокъ, турбелларій, кольчатыхъ червей и т. п.), водящихся въ окрестностяхъ г. Кіева“. По юридическому факультету: „Договоръ найма имущества“; „О рецидивѣ“; „О вѣземельности“; „О согласіи пострадавшаго“; „Право участія представителей русскаго общества въ судѣ и администраціи въ XVIII

я XIX столѣтіяхъ“. Для преміи имени Н. Х. Бунге факультетомъ предложена тема: „Экономическія труды и основныя экономическія воззрѣнія Н. Х. Бунге“. По медицинскому факультету предложены темы: „Выяснить разницу въ нагноеніяхъ подъ вліяніемъ различныхъ бактерій, вызывающихъ гнойныя воспаленія у человѣка (экспериментальное изслѣдованіе)“; „Изслѣдованіе легкихъ и бронхіальныхъ железъ по содержанію инородныхъ веществъ, съ обращеніемъ особаго вниманія на кремнискислыя соединенія (не менѣе 50-ти случаевъ)“; „Опредѣлить, какъ часто встрѣчаются гонококки въ отдѣленіяхъ половыхъ путей у гинекологическихъ больныхъ и выработать удобные въ практическомъ отношеніи методы для означенныхъ изслѣдованій въ клиникѣ“; „Изученіе споривиковъ, паразитирующихъ въ наиболѣе часто встрѣчающихся въ домашней обстановкѣ человѣка насѣкомыхъ“; „Бактеріологія кори“; „Изученіе дѣйствія кровинной сыворотки больныхъ и выздоравливающихъ отъ брюшнаго тифа и крупозной пневмоніи на соотвѣтствующихъ бактерій“; „Изученіе тончайшихъ измѣненій, наступающихъ въ ткани поджелудочной железы послѣ перевязки ея выводнаго протока“; „Матеріалы къ экспериментальному изученію этиологіи, патогенеза и лѣченія риносклеромы“; „Діагностическое и терапевтическое значеніе бактерійныхъ протеиновъ“;

Для учебной и ученой дѣятельности своей университетъ св. Владимира имѣетъ вспомогательныя учрежденія, которыхъ насчитывается до 48, а именно: одна бібліотека и студенческій при ней отдѣлъ, двѣ обсерваторіи—астрономическая и метеорологическая, 4 факультетскихъ клиники, 3 клиническихъ отдѣленія при Кіевскомъ военномъ госпиталѣ, 3 клиническихъ отдѣленія при Кіевской городской Александровской больницѣ, анатомическій театръ, патолого-анатомическій институтъ, ботаническій садъ, 9 лабораторій и 22 кабинета. Изъ этого числа учебно-вспомогательныхъ установленій принадлежатъ: юридическому факультету 1 кабинетъ, историко-филологическому 2 кабинета или музея (древностей и изящныхъ искусствъ), физико-математическому факультету 14 разныхъ учрежденій и медицинскому 29, а бібліотека служитъ для всѣхъ факультетовъ. Послѣдняя, заключающая въ себѣ 116.000 названій книгъ, кромѣ журналовъ, въ количествѣ 195.000 томовъ, представляетъ цѣнность, едва-ли не превышающую стоимость всѣхъ учебныхъ пособій остальныхъ учреждений; кромѣ того, студенческій отдѣлъ бібліотеки содержитъ 14.000 названій книгъ при болѣе 80.000 томовъ. На содержаніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій и пополненіе ихъ книгами, коллекці-

ями, приборами и другими необходимыми пособиями назначено было на 1896 годъ до 110.000 рублей, изъ коихъ 65.000 руб. изъ казны и 45,000 изъ специальныхъ средствъ. Библиотека университетская въ отчетномъ году значительно пополнилась разными пожертвованіями: наследниками дѣйствительнаго тайнаго совѣтника лейбъ-медика Ѳ. С. Цыцуряна передана университету библиотека его, состоящая преимущественно изъ книгъ медицинскаго содержанія до 2.000 томовъ; наследниками доктора медицины С. Т. Ковнера — библиотека его, содержащая около 500 томовъ; вдовою бывшаго предсѣдателя Кіевской палаты гражданскаго суда, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Н. М. Колмакова, передана университету юридическій отдѣлъ его библиотеки до 300 томовъ; профессора и преподавателя университета, наряду съ другими представителями мѣстной интеллигенціи, принимали живое участіе въ дѣятельности слѣдующихъ ученыхъ обществъ, состоявшихъ въ 1896 г. при университетѣ св. Владимира и поддерживавшихъ его связи съ мѣстнымъ обществомъ: въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца, въ Кіевскомъ обществѣ естествоиспытателей, Кіевскомъ юридическомъ обществѣ, Кіевскомъ физико-математическомъ обществѣ и акушерско-гинекологическомъ обществѣ.

Общество Нестора Лѣтописца состояло изъ 137 членовъ: 25 почетныхъ и 112 дѣйствительныхъ. Съ 5-го октября общество состоитъ подъ предсѣдательствомъ В. Б. Антоновича, въ отчетномъ году общество имѣло 13 засѣданій; изъ нихъ было 11 очередныхъ, 1 административное и 1 годичное. Въ теченіе истекшаго года общество издало X-ю и XI-ю книги своихъ „Чтеній“ и открыло чтеніе публичныхъ лекцій, коихъ было прочтено по исторіи и археологіи г. Кіева три. Кіевское общество естествоиспытателей въ истекшемъ году, подъ предсѣдательствомъ заслуженнаго ординарнаго профессора К. М. Теофилактова, имѣло 6 собраній, въ которыхъ было сдѣлано 17 научныхъ сообщеній. По порученію общества его членами производились научныя изслѣдованія въ Крыму, въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ. Изъ изданій общества отпечатанъ 2-й выпускъ XIV тома „Записокъ“. Къ 1 января 1897 года общество состояло изъ 32 почетныхъ членовъ, 145 дѣйствительныхъ и 7 членовъ-сотрудниковъ, всего изъ 184 членовъ. Кіевское физико-математическое общество, подъ предсѣдательствомъ ординарнаго профессора Н. Н. Шиллера, къ концу 1896 г. состояло изъ 98 дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ. Въ теченіе года имѣло 22 засѣданія, на коихъ было доло-

жено до 45 рефератовъ. Осенью того-же года обществомъ были организованы публичныя лекціи по физикѣ, химіи, астрономіи, геологіи, психофизикѣ, читанныя членами общества.

Кіевское юридическое общество имѣло 3 почетныхъ и 154 дѣйствительныхъ членовъ и членовъ по отдѣленію обычнаго права. Въ теченіе отчетнаго года общество имѣло одно распорядительное собраніе и 11 научныхъ; акушерско-гинекологическое общество въ минувшемъ 1896 году состояло изъ 109 членовъ: почетныхъ 9, членовъ учредителей 24, дѣйствительныхъ членовъ 68 и членовъ корреспондентовъ 8. Оно имѣло въ теченіе 1896 года 7 очередныхъ научныхъ засѣданій и 1 годичное. Послѣ научныхъ засѣданій слѣдовали административныя, ихъ было 5 и, сверхъ того, два экстренныхъ, всего 7 административныхъ засѣданій. Въ научныхъ засѣданіяхъ было сдѣлано 26 докладовъ по различнымъ вопросамъ акушерства и гинекологіи. Въ истекшемъ году общество издало въ свѣтъ IX-й томъ своихъ „Протоколовъ“ съ приложеніями.

Кромѣ того, въ концѣ декабря минувшаго года учреждено физико-медицинское общество, уставъ котораго утвержденъ 21-го сентября 1896 года министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Названныя общества, способствуя развитію науки, привлекали значительное число постороннихъ лицъ и устанавливали такимъ образомъ болѣе тѣсную связь между университетомъ и лицами, интересующимися научными вопросами.

частія совершенно различны, ибо суффиксъ инфинитива есть *-ti-* (отс. слав. *да-ти*, лат. *dé-ti*), а суффиксъ страдательнаго причастія *-to-* (отс. слав. *взя-тъ*, лат. *car-tu-s*, греч. *λεχ-τό-ς* и под.).

Далѣе. Буслаевъ не въ правѣ считать церковно-славянское такъ называемое „достигательное наклоненіе“ за особый родъ „неопредѣленнаго наклоненія“ (§ 56. ср. § 195 „неопредѣленное наклоненіе, простое и достигательное“) и утверждать, что „достигательное наклоненіе *измѣняетъ* окончанія неопредѣленнаго наклоненія *-ти* на *тъ*, а *шти*, *-ци* на *-шть*, *-щъ*“ и пр. Церковно-славянскій супинъ, родной братъ инфинитива, образуется, подобно латинскому супину, посредствомъ особаго суффикса *-tu-* (отс. слав. *да-тъ*, лат. *da-tū*, *da-tu-m*), совершенно отличнаго отъ инфинитивнаго суффикса *-ti-*.

Насколько неудачно изложено Буслаевымъ синтактическое значеніе инфинитива, объ этомъ лучше всего свидѣлствуютъ статьи А. Потебни и В. Андреева. Статья Потебни помѣщена во второй части его сочиненія „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ (Харьковъ, 1874), стр. 274—407, подъ заглавіемъ „Неопредѣленное наклоненіе“; статья же г. Андреева „Къ вопросу о синтактической роли неопредѣленнаго наклоненія въ русскомъ языкѣ“ появилась въ майской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898 года. Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ.

Ө. Буслаевъ, а по его примѣру также многія школьныя грамматики учатъ, что „неопредѣленное наклоненіе, будучи по этимологическому своему образованію существительнымъ отглагольнымъ, и употребляется въ предложеніи какъ существительное, означая *подлежащее*, *сказуемое* и *дополненіе*; напримѣръ, *исчислятъ* (=исчисленіе) колонны, статуи, вазы, трофеи, *не есть описываютъ* (=описаніе); или: *боится пхать* (поѣздки) въ неизвѣстную землю“ (§ 195).

Противъ такого ученія возражаетъ А. Потебня приблизительно слѣдующимъ образомъ (стр. 280 сл.). Въ настоящее время можно считать рѣшительно и прочно господствующимъ мнѣніе, что инфинитивъ только *былъ* нѣкогда именемъ, но *не остался* имъ, или какъ говорятъ иначе, что онъ есть имя въ этимологическомъ и родъ глагола въ синтактическомъ отношеніи. Превратившись изъ падежа въ особую грамматическую категорію, инфинитивъ вмѣстѣ съ падежомъ лишился и другихъ свойствъ имени: рода и числа. Отличіе инфинитива отъ личнаго глагола (*verbum finitum*) состоитъ въ томъ, что этотъ послѣдній заключаетъ въ себѣ опредѣленіе своего лица (1-го, 2-го или 3-го), тогда какъ въ инфинитивѣ, вырванномъ изъ связи, лицо остается

неопредѣленнымъ. Въ живой рѣчи лицо инфинитива или 1) опредѣляется лицомъ *verbi finiti: хочю ѣсть* (гдѣ однако инфинитивъ „ѣсть“ не есть *объектъ*), или 2) имѣетъ свое особое лицо, отличное отъ лица *verbi finiti*. Во всякомъ случаѣ инфинитиву „свойственна одна роль въ предложеніи, именно — быть *только сказуемымъ*, и ни въ какомъ случаѣ оно не бываетъ ни подлежащимъ, ни дополненіемъ, ни тѣмъ болѣе опредѣленіемъ или обстоятельствомъ цѣли“.

Г. Андреевъ вѣскими доводами опровергаетъ мнѣніе Потебни и въ свою очередь доказываетъ, что „неопредѣленное наклоненіе служить въ предложеніи *аттрибутомъ*, при чемъ степень его атрибутивности есть самая слабая въ сравненіи съ атрибутами, выраженными именами прилагательными, существительными, частіями и проч.“.

Итакъ, видно, что относительно синтаксическаго значенія инфинитива *grammatici certant et adhuc sub iudice lis est*; но въ одномъ пунктѣ согласны Потебня и г. Андреевъ (противъ Буслаева), а именно въ томъ, что *инфинитивъ не есть наклоненіе*. И въ этомъ отношеніи для насъ важны слѣдующія заключительныя слова г. Андреева: „Въ русскомъ языкѣ, въ числѣ другихъ наклоненій, и неопредѣленное называется наклоненіемъ. Несомнѣнно, что это аномалія; ее должно устранить въ интересахъ грамматики. Термишъ „наклоненіе“ вполнѣ основательно соединяется съ терминами: „изъявительное“, „повелительное“, „сослагательное“, означая предикативность въ предложеніи; а такъ какъ предикативной силы совершенно нѣтъ въ неопредѣленномъ наклоненіи, то лучше бы не именовать его наклоненіемъ, что и дѣлаютъ нѣкоторые ученые“.

Какъ противорѣчить самъ себѣ Буслаевъ въ пониманіи наклоненія, это станетъ ясно, если сопоставить слѣдующія два мѣста его Синтаксиса. Въ § 122 сказано, что „глаголь въ смыслѣ *сказуемаго* означаетъ, кромѣ признака, приписываемаго предмету, еще и отношеніе лица говорящаго къ слушающему и къ предмету рѣчи, и это отношеніе выражается, между прочимъ, *наклоненіемъ* глагола, означаящимъ: или а) прямое выраженіе мысли, то-есть утверженіе или отрицаніе, безъ всякаго предположенія, или б) предположеніе, желаніе, повелѣніе“. Въ другомъ же мѣстѣ (§ 195) говорится, что „неопредѣленное наклоненіе употребляется въ предложеніи какъ *существительное*, означая *подлежащее, сказуемое и дополнение*“. Такимъ образомъ въ предложеніи „исчислять не есть описывать“ одно наклоненіе (неопредѣленное) служить подлежащимъ, а два наклоненія (изъяви-

тельное „есть“ и неопредѣленное „описывать“) образуютъ составное сказуемое; въ другомъ же предложеніи „боятся ѣхать“ одно наклоненіе служить сказуемымъ, а другое дополненіемъ. Спрашиваемъ: возможно послѣ этого опредѣлить. *что такое*—наклоненіе, если оно можетъ быть въ предложеніи и подлежащимъ, и сказуемымъ, и дополненіемъ, и опредѣленіемъ (напримѣръ „охотники таскаться по пирамъ явились изъ первыхъ“, гдѣ инфинитивъ „таскаться“ обыкновенно принимается за опредѣленіе къ слову „охотники“), и даже обстоятельствомъ (напримѣръ, „иду рыбы ловити“, гдѣ „ловити“ обыкновенно рассматривается какъ обстоятельство цѣли къ слову „иду“)?—Повторяемъ: ученіе о наклоненіяхъ изложено Буслаевымъ въ высшей степени неудачно и представляетъ собою, по видимому, самую слабую сторону его Исторической грамматики.

IV. Итакъ, если исключить изъ числа наклоненій инфинитивъ (и церковно-славянскій супинъ), то останутся въ русскомъ (и церковно-славянскомъ) языкѣ *три* наклоненія: изъявительное, сослагательное и повелительное, которымъ будутъ соответствовать такія же три наклоненія латинскаго языка (*indicativus, conjunctivus* и *imperativus*). Подъ „наклоненіемъ“ же *вообще* надо понимать всякую глагольную форму, обладающую силою предикативности, то-есть способную служить въ предложеніи сказуемымъ. Всѣ эти формы, именуемая также *личными*, составляютъ группу, извѣстную подъ именемъ *verbum finitum*, въ противоположность другой группѣ такъ называемыхъ *именныхъ* формъ, или *verbum infinitum* (инфинитивъ, супинъ, причастіе и пр.).

Личныя формы подраздѣляются въ русскомъ и латинскомъ языкахъ на три наклоненія. Функціи этихъ наклоненій опредѣляются такимъ образомъ:

1) *Изъявительное наклоненіе* представляетъ сказуемое предложенія *дѣйствительнымъ*, реальнымъ, то-есть говорящимъ, употребляя форму изъявительнаго наклоненія, представляетъ дѣйствіе или явленіе, выраженное сказуемымъ, фактически или происходящимъ, или уже совершившимся, или имѣющимъ еще совершиться. Отсюда три времени изъявительнаго наклоненія: настоящее, прошедшее, будущее.

Надо замѣтить, что въ такомъ пониманіи изъявительнаго наклоненія наши русскія грамматики болѣе или менѣе согласны; разногласіе ихъ касается только числа принимаемыхъ временъ и происходитъ оно оттого, что съ временными различіями глагола часто смѣшиваются его видовые отгѣвики. Такъ, напримѣръ, *три по виду* различныхъ глагола

читать, прочитатъ и читыватъ принимаются за одинъ, и такимъ образомъ изъ трехъ временъ глагола *читать*, двухъ временъ глагола *прочитатъ* и одного времени глагола *читыватъ* составляется шесть временъ какого то икъс-глагола. Отсюда и получили свое начало эти безобразныя и бессмысленныя наименованія прошедшаго времени: преходящее, продолженное, совершенное, однократное, многократное и давнопрошедшее! (Буславъ § 188). Что есть глаголы, которые не образуютъ и даже не способны образовать всѣхъ трехъ временъ (напримѣръ, *читыватъ, прочитатъ*), это, конечно, всякому понятно. такъ же понятно, какъ и то, что нѣкоторыя существительныя употребительны только въ единственномъ числѣ и не могутъ имѣть множественнаго, или, наоборотъ, нѣкоторыя употребительны только во множественномъ числѣ и не имѣютъ единственнаго; но утверждать, что какой-нибудь глаголь, будь онъ русскій или латинскій, имѣеть болѣе чѣмъ три времени или что существуетъ въ русскомъ языкѣ *шесть* прошедшихъ временъ,—это по меньшей мѣрѣ неразумно.

2) *Сослагательное и повелительное* наклоненія представляютъ сказуемое предложенія лишь возможнымъ, условнымъ, предполагаемымъ, желательнымъ. Также и въ пониманіи этихъ двухъ наклоненій наши русскія грамматики довольно согласны. О неправильномъ взглядѣ нѣкоторыхъ на сослагательное (или условное) наклоненіе мы говорили выше. Здѣсь считаемъ нужнымъ сдѣлать еще слѣдующія два замѣчанія.

а) Изъ даннаго нами опредѣленія наклоненій ясно видно, что съ понятіемъ о сослагательномъ (и повелительномъ) наклоненіи нельзя связывать понятія о времени; вѣдь нельзя говорить о дѣйствіи или явленіи, которое считаемъ лишь возможнымъ, желательнымъ и въ своемъ исполненіи зависящимъ отъ извѣстныхъ условій, слѣдовательно, о дѣйствіи фиктивномъ и только предполагаемомъ, что оно на самомъ дѣлѣ происходило, или происходило, или будетъ происходить. „*Времена могутъ быть показаны только въ изъявительномъ наклоненіи*“, говоритъ Востоковъ (§ 55), и эта аксіома должна быть признана не только въ русскихъ, но также и въ латинскихъ грамматикахъ.

б) Академикъ Ив. Давыдовъ (§ 102) и нѣкоторые другіе, русскіе и иностраннныя ¹⁾ грамматики утверждаютъ, что наклоненія соотвѣт-

¹⁾ Ср. *Lateinische Syntax nach den Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft von Christian Karl Reisig*, neu bearbeitet von J. H. Schmaltz и Dr. G. Landgraf. (Berlin 1888), § 293.

ствуютъ логической *образности* (*modalitas*) сужденій, а именно изъявительное соотвѣтствуетъ логическому *judicium assertoricum*, повелительное наклоненіе—*judicium apodicticum*, и сослагательное наклоненіе—*judicium problematicum*. Но сопоставлять грамматическія наклоненія съ такъ называемою модальностью логическихъ сужденій нельзя уже потому, что грамматическое предложеніе не есть логическое сужденіе, и законы языка не суть законы логики ¹⁾. И если Кантъ различаетъ сужденія по модальности и раздѣляетъ ихъ на проблематическія, ассерторическія и аподиктическія, то этому трехчастному дѣленію сужденій по ихъ модальности никакъ не можетъ соотвѣтствовать *случайная* тройственность наклоненій въ русскомъ и латинскомъ языкѣ. Мы говоримъ „случайная“ потому, что языковѣдъ не можетъ *вообще* утверждать, что наклоненій три; онъ можетъ только утверждать, что, напримѣръ, въ славянскомъ языкѣ собственно только два наклоненія (изъявительное и желательное), что въ греческомъ языкѣ четыре наклоненія (изъявительное, сослагательное, желательное и повелительное) и что въ индо-европейскомъ праязыкѣ было пять наклоненій (тѣ же—*injunctivus*, слѣды котораго находятъ ученые почти во всѣхъ арійскихъ языкахъ). Но какъ съ одной стороны въ латинскомъ языкѣ желательное и сослагательное слились въ одно наклоненіе, называемое *conjunctivus*, такъ что изъ первоначальныхъ четырехъ наклоненій сдѣлалось три, такъ съ другой стороны въ славянскомъ языкѣ при первоначальномъ существованіи двухъ наклоненій, изъявительнаго и желательнаго (получившаго значеніе повелительнаго наклоненія), съ теченіемъ времени развилось третье наклоненіе, которому дали тоже названіе „сослагательнаго“; и такимъ образомъ произошло то странное явленіе, что напримѣръ латинская форма *velim*, представляющая собою первоначально желательное наклоненіе, но теперь принимаемая за сослагательное, сдѣлалась семасіологически равносильною славянской формѣ „я хотѣлъ бы“, то-есть такой формѣ, которая должна была означать первоначально дѣйствіе законченное въ прошедшемъ (нѣчто въ родѣ латинскаго *plusquamperfectum*). Отсюда видно, что каждымъ языкомъ управляють въ его развитіи свои законы, вытекающіе изъ природы даннаго языка и измѣняющіеся съ теченіемъ времени, подобно тому какъ подъ вліяніемъ разныхъ внутрен-

¹⁾ Объ отношеніи грамматическаго предложенія къ психологическому и логическому сужденію обстоятельно говорить Д. Н. Овсянко-Куликовскій въ статьѣ „Очерки науки о языкѣ“, помѣщенной въ 12-й книгѣ „Русской Мысли“ за 1896 г.

нихъ и внѣшнихъ условій измѣняется характеръ самого народа. Поэтому законы языка не должны быть смѣшиваемы и отождествляемы съ законами логики.

§ 3.

Въ латинскихъ грамматикахъ, къ разсмотрѣнню которыхъ мы теперь приступаемъ, ученіе о *наклоненіяхъ* не представляетъ столько затрудненій, сколько въ грамматикахъ русскаго языка. Мы разсмотрѣли болѣе сорока латинскихъ грамматикъ, написанныхъ на разныхъ языкахъ (нѣмецкомъ, французскомъ, чешскомъ и русскомъ) и не нашли въ нихъ столько противорѣчій и несообразностей, сколько въ десяти выше упомянутыхъ грамматикахъ русскаго (и церковно-славянскаго) языка. При этомъ приходится признать тотъ печальный фактъ, что русскія грамматики, представляющія собою переводъ или переделку нѣмецкихъ грамматикъ, вообще далеко уступаютъ своимъ нѣмецкимъ подлинникамъ и иногда даже извращаютъ ихъ въ ущербъ самому дѣлу.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами 25-ти нѣмецкихъ, чешскихъ и французскихъ грамматикъ ¹⁾ только три принимаютъ *четыре* наклоненія: *indicativus, conjunctivus, imperativus* и *infinitivus*. Это—старыя нѣмецкія грамматики *J. N. Madvig'a* и *C. G. Zumpt'a*, и французская грамматика *G. Édon'a*. Изъ нихъ *Zumpt* готовъ принять въ число наклоненій также *participium* (§ 150); *Édon* же замѣчаетъ (52): *Ce dernier mode (то-есть l'infinitif) comprend le participe, le supin et le gérondif*. Другой французскій грамматикъ, *E. Sommer*, прямо принимаетъ *пять* наклоненій (*comme en français*): *l'indicatif, l'imperatif, le subjonctif, l'infinitif et le participe*.

Всѣ прочіе (нѣмецкіе и чешскіе) грамматики принимаютъ только *три* наклоненія: *indicativus, conjunctivus* и *imperativus*. Имена ихъ слѣдующія: *Ferd. Schultz, M. Schinnagl, M. Meiring, A. Vaníček, H. Kosiol, W. Gillhausen, J. Lattmann, M. Wetzel, Fr. Holzweissig, K. Heraeus, P. Harre. G. Landgraf, A. Goldbacher, R. Kühner* (Ausf. Gr.), *Jan Kosina, Jos. Kořinek, H. Perthes, C. Stegmann* и *H. Schweizer-Sidler und A. Surber* (*Grammatik der lateinischen Sprache*).

¹⁾ Точныя заглавія этихъ и другихъ, ниже упоминаемыхъ грамматикъ (и ихъ изданій) показаны нами, за немногими исключеніями, въ предыдущей статьѣ: *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1896 г. (іюнь).

Halle 1888). Къ этимъ грамматикамъ можно присовокупить еще нѣмецкую грамматику *G. W. Gosrau'a* и чешскую грамматику *B. Волячка* (*Mluvnice latinská. Sestavil Václav Vojáček. V Praze 1873*), которые различаютъ въ латинскомъ языкѣ *conjunctivus* и *subjunctivus*, понимая подъ *conjunctivus* такъ называемый *conjunctivus praesentis* и *perfecti* (въ нашей грамматикѣ: сослагательное I), а подъ *subjunctivus* такъ называемый *conjunctivus imperfecti* и *plusquamperfecti* (сослагательное II), такъ что ихъ четыре наклоненія = тремъ наклоненіямъ прочихъ грамматикъ.

Воѣ эти грамматики относятъ наклоненія *indicativus*, *conjunctivus* (*subjunctivus*) и *imperativus* къ *verbum finitum*, остальные же глагольныя формы (*infinitivus*, сунинъ, причастіе, герундій) къ *verbum infinitum* (или *participialia*—Kühner и Wetzel).

Изъ рассмотрѣнныхъ нами 15-ти *русскихъ* грамматикъ правильно трактуютъ о наклоненіяхъ латинскаго глагола только *два*: Синтаксисъ *Э. Кесслера* и Краткая грамматика латинскаго языка *П. Сидорова* и того же *Э. Кесслера*. Въ обѣихъ этихъ грамматикахъ принимаются *три* наклоненія: *indicativus*, *conjunctivus* и *imperativus*; *infinitivus* же, подъ названіемъ „неопредѣленной формы“ занимаетъ мѣсто въ числѣ отглагольныхъ именъ (*verbum infinitum*). Зато странную непоследовательность и грубый дидактическій промахъ въ изложеніи латинскихъ наклоненій допускаютъ тѣ грамматики, которыя принимаютъ *три* наклоненія (*indicativus*, *conjunctivus* и *imperativus*), а говорятъ о *четырехъ* (тѣ же + „неопредѣленное наклоненіе“) или даже о *пяти* (тѣ же + „достигательное наклоненіе“). Таковы грамматики *Ив. Нетушила* (Генетическое изложеніе фонетики и морфологіи, и Синтаксисъ), *В. Никифорова*, *Элендта-Зейфферта*, *Ф. Шульца*—*Ю. Ходобая*, *Н. Санчурскаго*, *Л. Г. Лопатинскаго* (Краткая латинская грамматика. Изданіе 6-е, Тифлисъ 1895) и др. При этомъ надо замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ грамматикъ совершенно напрасно уклоняются отъ своего нѣмецкаго подлинника. Такъ, напримѣръ. *Ю. Ходобая* въ латинской грамматикѣ *Ферд. Шульца*, обработанной имъ для русскихъ гимназій, говоритъ (§§ 94—95): „Въ латинскихъ глаголахъ есть *три* наклоненія: изъявительное, *modus indicativus*, сослагательное, *m. conjunctivus*, и повелительное, *m. imperativus*“. „*Сверхъ наклоненій* глаголь имѣетъ еще и другія формы, которыя составляютъ *неопредѣленную часть спряженія* (*verbum infinitum*); онѣ суть: 1) *неопредѣленное наклоненіе*, *infinitivus* (*modus*),— а между тѣмъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ сказано: *Der infinitivus* (*auch modus inf. genannt, und*

häufig fälschlich als modus betrachtet)—2) герундій, *gerundium*. 3) *достоимательное наклоненіе*, *supinum*, 4) причастіе, *participium*⁴. Въ другомъ, сокращенномъ изданіи той же грамматики (изд. 7-е. Москва 1887) Ю. Ходобай въ одномъ и томъ же мѣстѣ (§ 71) говоритъ: „Въ латинскихъ глаголахъ есть *три* наклоненія, *modi*; именно: 1) изъявительное, 2) сослагательное, 3) повелительное, 4) *неопредѣленное наклоненіе*, *infinitivus (modus)*; 5) герундій, 6) супинь, 7) причастіе“. Одинъ и тотъ же авторъ два раза утверждаетъ, что въ латинскомъ языкѣ *три* наклоненія, а на самомъ дѣлѣ насчитываетъ ихъ въ одномъ изданіи своей грамматики *пять*, а въ другомъ *четыре*.

Четыре наклоненія (изъявительное, сослагательное, повелительное и неопредѣленное) безпрекословно принимаютъ *Ав. Ананьевъ, Як. Смирновъ, А. Новосильцевъ* (§ 62: „Наклоненій существуетъ четыре: *indicativus, conjunctivus, imperativus, infinitivus*. Сюда же относятся: *participium, gerundium* и *supinum*.“), *С. Опацкий* (въ Синтаксисѣ) и переводчикъ *Кюнера*, тогда какъ настоящій *Raph. Kühner*, какъ мы видѣли выше, принимаетъ только три наклоненія.

Какое понятіе о наклоненіяхъ латинскаго глагола имѣли наши предки, объ этомъ свидѣтельствуетъ и „Латинская грамматика въ пользу россійскаго юношества тщательно и ясно съ россійскимъ переводомъ расположенная и при третичномъ изданіи исправленная и умноженная *Николаемъ Бантышемъ-Каменскимъ*“. (Въ Москвѣ, 1783 г.). Въ этой грамматикѣ въ главѣ *De modis verborum* сказано: „образъ или наклоненіе глагола есть тотъ способъ, коимъ всякая вещь означается (*modus verbi dicitur ratio illa, qua rem quamque significamus*). Глаголь имѣетъ четыре наклоненія: 1) изъявительное, 2) повелительное, 3) сослагательное (*conjunctivus seu subjunctivus*), и 4) неопредѣленное или неокончательное. *Priores tres modi dicuntur etiam modi finiti* (опредѣленные или окончательныя наклоненія). *Сослагательное* наклоненіе иногда называется 1) *наклоненіе желательное*, когда изображается опытъ какое желаніе. 2) *наклоненіе могущественное*, когда на россійскомъ языкѣ чрезъ слова *возможно, должно* или *пускай* истолковать можно, 3) *наклоненіе повелительное*, когда что съ позволеніемъ изъясняется. — Къ неопредѣленному причисляются *двѣ причастія и герундіи* (*gerundia et supina*), ни лица ни числа не изъясвляющія“ и пр.

§ 4.

Переходимъ къ категоріи *временъ*. Уже въ предыдущей главѣ „Залоги и виды“ мы говорили, что категорія временъ тѣсно связана съ категоріею видовъ, такъ что время безъ вида немислимо. Мы доказали, что виды латинскаго глагола представляютъ собою явленіе *морфологическое*, выражающееся въ образованіи различныхъ глагольных основъ, а не синтаксическое, за какое принимаютъ его почти всѣ наши грамматики. Въ виду этого необходимо ввести категорію видовъ въ самую систему глагольных формъ. Если это такъ, то возникаетъ вопросъ: въ какое отношеніе должна стать категорія временъ къ категоріи видовъ? Несомнѣнно, что въ отношеніе подчиненности; ибо категорія видовъ есть категорія высшая, болѣе общая, проникающая почти всѣ глагольныя формы, какъ личныя, такъ и именныя (*verbum finitum* и *infinitum*); категорія же временъ есть категорія низшая, частная, касающаяся, какъ мы уже говорили, лишь одной группы личныхъ формъ, именно той группы, которую называютъ изъявительнымъ наклоненіемъ, тогда какъ другія два наклоненія, сослагательное и повелительное, по своему значенію, въ силу своего *raison d'être* не допускаютъ временныхъ различій. Отсюда становится ясно, на какихъ началахъ должно быть построено ученіе о временахъ латинскаго глагола. Эти начала слѣдующія:

- 1) Временъ три: настоящее, прошедшее и будущее.
- 2) „Времена могутъ быть показаны только въ изъявительномъ наклоненіи“; другія два наклоненія не въ состояніи обозначать время ¹⁾.

¹⁾ Принимая во вниманіе, что изъявительное наклоненіе не имѣетъ особаго знака для обозначенія наклоненія (отсутствіе модальнаго знака въ изъявительномъ наклоненіи замѣтили, изъ упомянутыхъ нами выше русскихъ грамматиковъ, Ант. Будиловичъ и Л. Полявановъ), и что послѣдствіе этого функція его—обозначать время—рѣзко отличается отъ функцій другихъ наклоненій (сослагательнаго, желательнаго, повелительнаго), имѣющихъ совершенно иное назначеніе,—мы предложили бы въ интересахъ значительнаго упрощенія грамматической терминологіи, совсѣмъ упразднить терминъ „изъявительное наклоненіе“, раздѣливъ *личныя формы* глагола прежде всего на двѣ группы, а именно на *tempora* и *modi*, времена и наклоненія, съ подраздѣленіемъ первыхъ (*tempora*) на настоящее время, прошедшее время и будущее время, а послѣднихъ (*modi*) на сослагательное наклоненіе, повелительное наклоненіе и (греческое) желательное наклоненіе. Тогда не приходилось бы говорить ни *de temporibus modorum*, о временахъ наклоне-

3) Времена латинскаго глагола должны быть различаемы по видамъ; то-есть, должно различать времена несовершеннаго вида и времена совершеннаго вида.

4) По видамъ слѣдуетъ различать также и всѣ прочія формы глагола, какъ личныя, такъ и именныя (инфинитивъ и причастіе).

Значительное большинство латинскихъ грамматикъ просто принимаютъ *шесть* временъ (*tempora*) и это число, могущее показаться на первый взглядъ довольно страннымъ, оставляютъ въ морфологіи безъ всякаго ближайшаго объясненія; только въ синтаксисѣ онѣ стараются указаніемъ на видовые отбѣнки отдѣльныхъ временъ объяснить большое разнообразіе временъ или, лучше сказать, временныхъ формъ латинскаго глагола, при чемъ число этихъ формъ нѣкоторыя увеличиваютъ до *семи*.

Къ числу грамматикъ, въ которыхъ мы замѣтили этотъ, по нашему мнѣнію, крупный недостатокъ, принадлежатъ, изъ вышеупомянутыхъ нѣмецкихъ грамматикъ, слѣдующія: *M. Meiring, Fr. Holz-*

ній (то-есть упростились бы сложныя, тяжеловѣстные и мало понятныя термины въ родѣ: *praesens indicativi*, настоящее время изъявительнаго наклоненія, *perfectum indicativi* и под., или, что ужъ совсѣмъ невѣрно: *praesens conjunctivi*, *imperfectum conjunctivi*, прошедшее несовершенное время сослагательнаго наклоненія и под.) и *de modis temporum*, о наклоненіяхъ временъ (напримѣръ, *indicativus praesentis*, изъявительное наклоненіе настоящаго времени, *indicativus perfecti* и под., или, что еще хуже: *conjunctivus praesentis* сослагательное наклоненіе настоящаго времени, *conjunctivus imperfecti* сослагательное наклоненіе прошедшаго несовершеннаго времени, *imperativus futuri* и под.), а только *de temporibus* и *de modis*, о временахъ и наклоненіяхъ, различаемыхъ по видамъ (напримѣръ, *praesens*, *praeteritum*, *futurum*, то-есть настоящее, прошедшее, будущее несовершеннаго вида, и настоящее, прошедшее, будущее совершеннаго вида; и подобнымъ образомъ: *conjunctivus*, *imperativus*, то-есть сослагательное, повелительное несовершеннаго вида и сослагательное, повелительное совершеннаго вида). Объ этомъ предметѣ мы обстоятельно говорили въ нѣсколькихъ рефератахъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ Кіевскаго отдѣленія Общества классической филологіи и педагогики (въ 1876 г.) и въ краткомъ извлеченіи напечатанномъ въ Отчетѣ о состояніи и дѣятельности того же общества за 20-лѣтній періодъ его существованія (1875—1895 гг.), Кіевъ 1896. Если теперь мы оставляемъ въ силѣ „изъявительное наклоненіе“, то дѣлаемъ въ этомъ случаѣ уступку укоренившейся школьной практикѣ (*usus tyrannus*) и притомъ исключительно лишь въ интересахъ возможно большаго сближенія грамматика русскаго и древнихъ языковъ. Во всякомъ случаѣ, „изъявительное наклоненіе“ не имѣетъ больше права на существованіе въ сферѣ наклоненій, на ряду съ сослагательнымъ, повелительнымъ и (греческимъ) желательнымъ, чѣмъ, напримѣръ, „положительная степень“ въ сферѣ степеней сравненія, на ряду съ сравнительной и превосходной. См. Лат. грам. (изд. 2-е) § 39.

weissig, *M. Wetzel*, *A. Goldbacher*, *I. Lattmann* и *A. Vaníček*. Времена (*tempora*, *Zeiten*), принимаемая этими грамматиками въ морфологiи (*Formenlehre*), слѣдующія шесть: *praesens*, *imperfectum*, *perfectum*, *plusquamperfectum*, *futurum I* и *futurum II* (или *exactum*); но толкованiе сихъ временъ въ синтаксисѣ довольно различно. Такъ, напримѣръ, *Meiring* утверждаетъ (§ 599), что дѣйствiя настоящаго времени (*der Gegenwart*) имѣють только одно *tempus: praesens*; дѣйствiя прошедшаго времени (*der Vergangenheit*) имѣють три *tempora* (*praeterita*): *perfectum*, *imperfectum* и *plusquamperfectum*; а дѣйствiя будущаго времени (*der Zukunft*) имѣють два *tempora* (*futura*): *futurum I* и *futurum II* или *exactum*. Въ другомъ мѣстѣ (§ 600, Анн. 1) *Meiring* различаетъ три *tempora der dauernden Handlung*: *scribo*, *scribebam*, *scribam*, и три *tempora der vollendeten Handlung*: *scripsi*, *scripseram*, *scripsero*. *I. Lattmann* (§ 98) различаетъ три *Zeitsphären* и въ каждой по два вида дѣйствiя, *dauernde Handlung* и *vollendete Handlung*; отсюда 2 *tempora praesentia*: *praesens* и *perfectum*; 2 *tempora futura*: *futurum* и *futurum exactum*; 2 *tempora praeterita*: *imperfectum* и *plusquamperfectum*. Приблизительно такъ же смотритъ на времена и *M. Wetzel* (§ 264, 2). *Fr. Holzweissig* тоже принимаетъ (§ 225) три *Zeitstufen*, но относитъ къ прошедшему времени формы: *scripsi* (*perfectum historicum*), *scribebam* и *scripseram*, къ настоящему времени *scribo* и *scripsi* (*perf. praesens*) и къ будущему *scribam* и *scripsero*. И такъ временъ семь. Видовые отѣнки, замѣчаемые *Holzweissig*'омъ въ нѣкоторыхъ временныхъ формахъ (*imperfectum*: § 227, *perfectum*: § 228), остаются безъ всякаго влiянiя на классификацiю временъ. Тѣ же семь временъ (*praesens*, *perfectum praesens* или *absolutum*; *perfectum historicum*, *plusquamperfectum*, *imperfectum*; *futurum* и *futurum exactum*) принимаютъ и по тремъ *Zeitstufen* распредѣляютъ *A. Vaníček* и *A. Goldbacher*; что же касается до видовыхъ свойствъ дѣйствiя (*Zeitart*), то первый различаетъ (§ 432) въ латинскомъ глаголѣ четыре вида дѣйствiя: *die dauernde, wiederholte, eintretende, vollendete Handlung*, а послѣднiй (§ 387) — три: *eintretende, sich entwickelnde* и *vollendete Handlung*.

Razh. Kühner (*Ausf. Gr.*) въ морфологiи (§ 153) группируетъ *tempora* (*Zeitformen*) латинскаго глагола слѣдующимъ образомъ: I. 1) *praesens*, 2) *perfectum*; II. 3) *imperfectum*, 4) *plusquamperfectum*; III. 5) *futurum (simplex)*, 6) *futurum exactum*. Объясненiе же такой группировкѣ временъ мы находимъ въ синтаксисѣ (§ 30), гдѣ авторъ различаетъ два вида дѣйствiя, *unvollendete Handlung* и

vollendete Handlung, и приурочивая ихъ къ тремъ временамъ, получаетъ 2×3 tempora или Zeitformen.

Другое распредѣленіе временныхъ формъ встрѣчаемъ въ грамматикахъ *Ferd. Schultz'a* (§ 96) и *I. N. Madvig'a* (§ 97), которые различаютъ: I. настоящее время, tempus praesens; II. прошедшее время, tempus praeteritum, имѣющее три формы: 1) praeteritum perfectum, 2) praeteritum imperfectum и 3) praeteritum plusquamperfectum; III. будущее время, tempus futurum, имѣющее двѣ формы: 1) futurum simplex или просто futurum и 2) futurum exactum. (Точно такъ же *G. Edon*, § 51). Въ русской обработкѣ грамматики Шульца *Ю. Ходобай* отступаетъ отъ своего подлинника и говоритъ (§ 96), что временъ въ изъявительномъ наклоненіи латинскаго глагола шесть: 1) настоящее, tempus praesens; 2) прошедшее несовершенное, praeteritum imperfectum; 3) прошедшее совершенное, praeteritum perfectum; 4) прежде прошедшее, praeteritum plusquamperfectum; 5) будущее простое, futurum simplex; 6) будущее прежде совершенное, futurum exactum.

Эти же самыя шесть временъ принимаются также въ другихъ нашихъ грамматикахъ латинскаго языка: *Ав. Ананьева*, *Як. Смирнова*, *Кюнера*, *А. Новосильцева*, *Эллендта-Зейфферта*, *Сидорова-Кесслера*, *Н. Санчурскаго*, *Л. Лопатинскаго* и *И. Петушила*, съ тѣмъ лишь различіемъ, что imperfectum въ однихъ грамматикахъ называется „прошедшее несовершенное“, въ другихъ „преходящее“; plusquamperfectum называется то „преждепрошедшее“, то „давнопрошедшее“; а futurum II или exactum называется „будущее (прежде) совершенное или оконченное“, и даже „предбудущее“ (Лопатинскій).

Эти шесть временъ только въ одной изъ упомянутыхъ нами грамматикъ, а именно въ грамматикѣ *Ав. Ананьева* (§ 375), раздѣляются „по формѣ и по значенію на два разряда, на времена вида несовершеннаго и времена вида совершеннаго“. Кроме того, о видовыхъ свойствахъ латинскихъ временъ говорится болѣе или менѣе подробно въ Синтаксисѣ *Эллендта-Зейфферта*, въ Синтаксисѣ *Э. Кесслера* и *Ив. Петушила*. Въ грамматикѣ *Эллендта-Зейфферта* (§ 234) сказано, что для обозначенія настоящаго времени служатъ praesens и perfectum praesens, для обозначенія прошедшаго времени—perfectum historicum, imperfectum и plusquamperfectum, а для обозначенія будущаго времени—futurum и futurum exactum. При этомъ, „praesens, imperfectum, plusquamperfectum и futurum exactum могутъ обозначать и время и видъ, futurum обозначаетъ только время, не указывая на

видъ, а perfectum при одной и той же формѣ служить съ одной стороны для обозначенія *вида* (оконченность въ настоящемъ = греч. perfectum), съ другой—для обозначенія только *времени* (вообще прошедшее дѣйствіе = греч. aoristus)⁴. Разсужденіе это невѣрно, такъ какъ авторы отказываютъ нѣкоторымъ временнымъ формамъ (futurum и отчасти perfectum) въ видовомъ значеніи.

Послѣдовательнѣе объясняютъ значеніе латинскихъ временъ въ своихъ синтаксисахъ Э. Кесслеръ и Ив. Нетушиль, различающіе для всѣхъ временъ (настоящаго, прошедшаго и будущаго) два вида, называемые Кесслеромъ (§ 132) *видъ длительный* и *видъ оконченный*, а Нетушиломъ (§ 350) *видъ несовершенный* и *видъ совершенный*. Отсюда и дѣленіе временъ на: I. tempora praesentia: praesens и perfectum praesens или (у Нетушила) perfectum praesentiae; II. tempora praeterita: imperfectum и plusquamperfectum, къ которымъ принадлежитъ также и perfectum historicum (у Нетушила: perfectum „видовое“: ср. выше Элендтъ-Зейффертъ), и III. tempora futura: futurum I (simplex) и futurum II (exactum).

Способное мнѣніе о категоріи латинскихъ (и русскихъ) временъ высказываетъ С. Опацкій, разсуждающій въ своемъ Синтаксисѣ гл. XVII, § 1) такъ: „Латинскій глаголъ имѣетъ, какъ извѣстно (?), семь временъ: praesens, perfectum praesens, futurum simplex, futurum exactum, perfectum historicum, imperfectum, plusquamperfectum. Между тѣмъ нашъ глаголъ располагаетъ всего только двумя временами, если не считать описательнаго будущаго. Но *слишкомъ малое число временъ у насъ вознаграждается существованіемъ видовъ*, которыхъ нѣтъ (?) въ латинскомъ языкѣ. Оттого у насъ прошедшія и будущія времена являются въ нѣсколькихъ видахъ: я читалъ, я прочелъ, я читывалъ; я буду читать, я прочту и пр. Такимъ образомъ, можно сказать, что *ни латинскій языкъ не имѣетъ слишкомъ мною временъ, ни нашъ слишкомъ мало*“.

Не безынтересна также статья „de temporibus verborum“ въ грамматикѣ *Балтыша-Каменскаго* (§ 605): „Глаголы имѣютъ начальныя три, а вообще пять временъ. Tempora verborum praecipue tria, sed vulgo numerantur quinque. 1) Praesens, настоящее. 2) Praeteritum, прошедшее, idque triplex: a) vel imperfectum, несовершенное, b) vel perfectum, совершенное, c) vel plusquamperfectum, давно прошедшее (напримѣръ, scripseram писывалъ). 3) Futurum, будущее. Nota. Къ сему прибавить можно futurum exactum (будущее совершенное) или futurum plusquamperfectum (давно прошедшее)“.

Другую группу составляют тѣ грамматики, которыя вполне цѣлесообразно указываютъ на видовыя свойства латинскаго глагола уже въ морфологiи (этимологiи); а именно, различая *два* вида дѣйствiя, и принимая *три* времени, онѣ совершенно естественнымъ образомъ опредѣляютъ число ($2 \times 3 = 6$) временныхъ формъ латинскаго глагола. Таковы вѣмецкiя грамматики: *M. Schinntag's*, *C. G. Zumpt'a*, *W. Gillhausen'a*, *G. Landgraf'a*, *K. Heraeus'a*, *P. Harre*, *Herm. Perthes'a*, *G. W. Gosrau'a* и *C. Stegmann'a*, русская передѣлка послѣдней *B. Никифорова* и чешскiя грамматики *Jana Kosiny* и *Jos. Kofinek'a*

Всѣ эти грамматики различаютъ въ морфологiи два вида дѣйствiя (*Zeitart, Vorgangsart*): несовершенный (*actio imperfecta* или *infecta, unvollendete* или *dauernde Handlung, dauernder* или *fortdauernder Vorgang, děj trvácí*) и совершенный (*actio perfecta, vollendete Handlung, vollendeter* или *abgeschlossener Vorgang, děj dovršený*). Но въ самую систему глагольныхъ формъ вносятъ категорiю видовъ только четыре: *Jan Kosiua*, *G. W. Gosrau*, *Herm. Perthes* и *B. Stegmann—B. Никифоровъ*, о чемъ подробно мы говорили въ статьѣ о видахъ.

Смутное представленiе о латинскихъ временахъ даютъ *H. Schweizer-Sidler* и *Alfred Surber* (*Grammatik der lat. Sprache, Halle 1888*), когда говорятъ (§ 175), что латинскiй языкъ обозначаетъ 2×3 времени (*tempora*): 1) *imperfecta: praesens, praeteritum, futurum*; и 2) *perfecta: praesens, praeteritum, futurum*. Отсюда получаютъ слѣдующiя своеобразныя названiя временъ: *imperfectum praesens, imperfectum praeteritum, imperfectum futurum; perfectum praesens, perfectum praeteritum, perfectum futurum*. Но *infinitivus* и *participium* не послѣдовательно называются: *inf.* и *partic. imperfecti*, *inf.* и *partic. perfecti* и *inf.* и *partic. futuri*.

Еще болѣе смутное представленiе о латинскихъ временахъ даетъ *Max Engelhardt* въ своемъ сочиненiи „*Die lateinische Conjugation nach den Ergebnissen der Sprachvergleichung*“ (*Berlin, 1887*). Онъ говоритъ (§ 3), что въ латинскомъ языкѣ различаются по формѣ (*der Form nach*) шесть, а по значенiю (*der Bedeutung nach*) семь временъ. Это невѣрно, потому что снѣшенiе и слянiе перфекта съ аористомъ въ латинскомъ языкѣ доказывается не только его значенiемъ, но и самою формою: *misí* есть по формѣ аористъ (сравни *ѣтеца*), *dedi* есть по формѣ перфектъ. Затѣмъ изъ представленнаго ниже дѣленiя временъ по основамъ (*nach Stämmen*) можно заключить, что въ латин-

скомъ языкѣ не шесть, а *восемь* временъ, а именно: 1) *три* imperfecta или durativa, образованныя отъ основы настоящаго времени (Praesensstamm), то-есть praesens, praeteritum (обыкновенно называемое imperfectum) и futurum I; 2) *два* формы, образованныя отъ основы аориста (Aoriststamm), то-есть conjunctivus imperfecti (первоначально особое время для обозначенія ирреальности) и аористическое perfectum; 3) *три* perfecta, образованныя отъ перфектной основы (Perfektstamm), то-есть perfectum praesens, perfectum praeteritum (обыкновенно называемое plusquamperfectum) и futurum exactum.

Въ заключеніе этого краткаго обзорѣнія ученій о временахъ изъяснительнаго наклоненія мы не можемъ не обратить вниманія еще на одно дѣленіе латинскихъ временъ, встрѣчающееся почти во всѣхъ латинскихъ грамматикахъ, какъ въ синтаксисѣ, такъ и въ этимологій: это—дѣленіе временъ на *главныя* или *самостоятельныя* (Haupttempora, tempora absoluta) и *второстепенныя* или *историческія* или *относительныя* (Nebentempora, tempora relativa). По нашему мнѣнію, дѣленіе временъ на главныя и историческія есть дѣленіе нелогичное, противное требованіямъ и законамъ логики; дѣленіе же временъ на главныя и второстепенныя есть дѣленіе неестественное, противное законамъ природы; и всякое другое подобное дѣленіе временъ (а ихъ всего три) есть дѣло вообще *невозможное*.

§ 5.

Введеніемъ категоріи видовъ въ систему глагольныхъ формъ и признаніемъ грамматической аксіомы, что времена могутъ быть показаны только въ изъяснительномъ наклоненіи, самъ собою устраняется вопросъ о временахъ прочихъ наклоненій (сослагательнаго и повелительнаго) и двухъ импеглагольныхъ формъ, инфинитива и причастія. Изъ всего изложеннаго видно, что разнообразныя формы латинскаго сослагательнаго, инфинитива и причастія возможно различать только по видамъ, а не по временамъ, какъ принято различать ихъ во всѣхъ латинскихъ грамматикахъ. Что формы сослагательнаго наклоненія, инфинитива и причастія не обозначаютъ времени, а только видъ дѣйствія, это признается многими грамматиками; но эти грамматики противорѣчатъ сами себѣ, когда утверждаютъ, что *только* формамъ изъяснительнаго наклоненія свойственно обозначать время, и въ то же время называютъ формы сослагательнаго (и желательнаго) наклоненія conjunctivus (optativus) praesentis, imperfecti и под., то-есть сосла-

гательное (желательное) настоящего времени, сослагательное прошедшаго времени и т. д. И такимъ образомъ поступаютъ не только латинскія, но также и греческія грамматикѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ Этимологіи греческаго языка *Нидерле*, переведенной съ чешскаго *И. Мейеромъ* (изд. 4-е, Москва, 1889) сказано (§ 267, прим.): „Весьма важно запомнить, что *время* обыкновенно обозначается *только формами изъявительнаго* наклоненія; формы остальныхъ наклоненій обозначаютъ только способъ дѣйствія или *видъ*, не обозначая времени“. Въ Синтаксисѣ того же *Нидерле*, обработанномъ *И. Мейеромъ* и *В. Рейнеромъ* (М. 1877), говорится (§ 237): „Время обозначается обыкновенно только формами *изъявительнаго* наклоненія. Сослагательное и желательное наклоненія (§ 258) обыкновенно, а повелительное (§ 260) *всегда* имѣютъ значеніе *видовое*. Подобнымъ образомъ „неопредѣленное наклоненіе“ (§ 261) и причастіе (§ 263) имѣютъ обыкновенно значеніе *видовое*“.

Э. Черни въ Греческомъ синтаксисѣ (изд. 4-е, Москва, 1888) говоритъ (§ 101, 2), что „греческое, какъ и латинское *praesens* означаетъ въ *изъявительномъ* наклоненіи продолжительное (длительное и многократное) дѣйствіе, *нынѣшнее* или *всегдашнее* (постоянное) дѣйствіе или состояніе, въ *прочихъ же наклоненіяхъ*—вообще продолжительность (длительность и многократность) дѣйствія или состоянія въ *какое бы ни было время* (настоящее ли, прошедшее или будущее)“. А въ Краткомъ синтаксисѣ греческаго языка *И. Страхова* (изд. 3-е, Москва, 1897) сказано (§ 73): „*Видовое* значеніе имѣютъ *всѣ* глагольныя формы (наклоненія“; слѣдовало прибавить еще „инфинитивъ и причастіе)“. „*Временное* значеніе имѣетъ *только изъявительное наклоненіе* всѣхъ временъ“¹⁾.

Ив. Нетушилъ въ своемъ Латинскомъ Синтаксисѣ говоритъ (§ 349): „*Время* дѣйствія, разсматриваемаго съ точки зрѣнія говорящаго

¹⁾ Правильность мнѣнія приведенныхъ греческихъ грамматиковъ вполнѣ подтверждается слѣдующими авторитетными словами *К. Вриггана*'а (*Griechische Grammatik*, въ *Handbuch der klassischen Altertums-Wissenschaft*. Zweiter Band. Griech. und lat. Sprachwissenschaft. Zweite, neu bearbeitete Aufl. München, 1890): „Der Präsens-, der Aorist- und der Perfektstamm berechneten verschiedene Arten (Qualitäten) der Handlung und zwar, nach der gewöhnlichen Definition, das Präsens die dauernde, der Aorist die eintretende, das Perfekt die abgeschlossen vorliegende Handlung (Aktionsart)..... Während alle Formen eines Tempusstammes (auch Inf. und Part.) gleichmässig die dem Stamm zukommende Aktionsart darstellten, *haftete die Zeitbedeutung zunächst nur an den Indikativformen*“ (§ 154).

лица, выражается главнымъ образомъ формами *изъявительнаго* наклоненія“; въ другомъ же мѣствѣ (§ 391): „Въ придаточныхъ предложенияхъ съ *сослагательнымъ* наклоненіемъ подбираются формы глагола главнымъ образомъ *только* на основаніи *вида* дѣйствія въ совокупности съ отношеніемъ зависящаго дѣйствія къ главному“.

Гораздо рѣшительнѣе высказывается въ данномъ случаѣ *G. W. Gossrau*. Принимая $2 \times 3 = 6$ временъ (три времени *actionis perfectae* и три времени *actionis infectae*), онъ замѣчаетъ (§ 146): *Diese 6 tempora gibt es im Indicativ, nicht in den übrigen Verbalformen; denn da sind sie nicht nöthig, da reichen die actiones aus. Der Imperativ, der nur Beziehung auf die Zukunft hat, kommt hier gar nicht in Betracht. Der Conjunctiv und Subjunctiv ¹⁾ schliessen eine Handlung an eine andere (im Indicativ, also im Tempus schon bezeichnete) an, und bezeichnen das Verhältniss zu dieser, und somit ist das Tempus auch bei ihnen vollständig deutlich, bedarf keiner besondern Form dies anzugeben. Dasselbe ist beim Infinitiv und Particip der Fall. Aus dem gesagten erhellet, dass Conjunctivus praesentis, imperfecti, perfecti, plusquamperfecti eigentlich *falsche Bezeichnungen* sind, die das Verständniss erschweren und zu dem Irrthum geführt haben, als fehle der Conjunctiv der futura, der durch andere Formen *ersetzt* werden müsse“.*

Относительно *инфинитива* ²⁾ и *причастія* уже *C. G. Zumpt* (§ 149 и 150) былъ того мнѣнія, что они обозначаютъ не время, а только качество дѣйствія (*Beschaffenheit der Handlung*), *dauernd* oder *vollendet*. Dazu kommt ein drittes Participium für die vorzunehmende Handlung oder den bevorstehenden Zustand, das Participium futuri. Также инфинитивъ *drückt keine Zeit aus, wohl aber die Be-*

¹⁾ Нельзя отрицать, что такое раздвоеніе латинскаго *сослагательнаго* на *conjunctivus* и *subjunctivus* довольно искусственно и не оправдывается ни морфологическимъ образованіемъ этихъ формъ, ни синтаксическимъ соответствіемъ ихъ греческому *сослагательному* и *желательному* наклоненіямъ, на что указываетъ *Gossrau* въ примѣчаніи (§ 146: *dieser Einteilung wie dem Gebrauche nach entspricht im Allgemeinen Conjunctiv und Optativ des Griechischen*). Морфологическій анализъ всѣхъ этихъ формъ будетъ нами сдѣланъ въ слѣдующей статьѣ.

²⁾ Замѣтимъ, что нѣкоторые грамматики различаютъ *четыре* времени инфинитива; напримеръ, *H. Harre*: *infinitivus praesentis, infinitivus perfecti, inf. futuri* и *inf. futuri exacti (laudatum fore)*. Подобнымъ образомъ *E. Sommer* (§ 168): *L'infinitif a quatre temps: le présent, le parfait, le futur simple, le futur antérieur (futurum fuisse, laudatum fuisse)*.

schaffenheit einer Handlung, ob sie unvollendet oder vollendet ist, wozu durch Umschreibung ein Infinitiv für die zu beginnende Handlung oder das bevorstehende Leiden kommt.

Подобнымъ образомъ разсуждаетъ *Raph. Kühner* (§ 122: der *Infinitiv* unterscheidet sich von dem Substantive, sowie das *Participium* von dem Adjektive dadurch, dass sie noch insofern das verbale Leben und Wesen in sich tragen, als sie die unterschiedene *Beschaffenheit* des verbalen Thätigkeitsbegriffes: *Unvollendetes*, *Vollendetes* und *Bevorstehendes* durch unterschiedene Formen bezeichnen etc. § 136: Das Partizip drückt wie der Infinitiv an und für sich *nie* die Zeit aus, sondern nur die Beschaffenheit der Thätigkeit) и *H. Perthes* (§ 90: Beim Infinitiv und Partiziptum wird neben dem dauernden und vollendetem Vorgang auch der bevorstehende unterschieden, und den drei Vorgangsarten der Name und teilweise auch die Bedeutung der drei Zeitstufen zugeteilt).

Приблизительно такимъ же образомъ объясняются различныя формы латинскаго инфинитива и причастія и въ нашихъ грамматикахъ. Такъ, напримѣръ, *Э. Кесслеръ* (§ 205) говоритъ: „*Время не опредѣляется временами (sic!) infinitivi, но временами опредѣленнаго глагола (verbi finiti).* Времена неопредѣленной формы показываютъ только *неоконченность* или *оконченность* или *будущность* дѣйствія, по отношенію къ времени *verbi finiti*“. Подобнымъ образомъ о причастіи (§ 233) сказано, что время его „не опредѣляется самимъ причастіемъ, но временами опредѣленнаго глагола“. Ср. *Ив. Нетушила Синтаксисъ* § 411 и § 454.

В. Никифоровъ (§ 185 и § 187) различаетъ *infinitivus* и *participium*: 1) *praesentis* (или *actionis infectae*), означающія дѣйствіе продолжающее (не оконченное), 2) *perfecti* (или *actionis perfectae*), означающія дѣйствіе оконченное, и 3) *futuri* (или *actionis instantis*), означающія дѣйствіе предстоящее. Мы идемъ дальше: устранимъ сбивчивые латинскіе термины *praesentis*, *perfecti* и *futuri* и замѣняемъ ихъ болѣе подходящими русскими, различая инфинитивъ и причастіе 1) несовершеннаго вида, 2) совершеннаго вида и 3) предстоящаго вида. См. нашу *Лат. грам.* (изд. 2-е, Кіевъ, 1896), §§ 64 и 189.

А. Несинимиль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДРЕВНЕ-РИМСКІЯ СЕКУЛЯРНІЯ ИГРЫ (LUDI SAECULARES) И СЕКУЛЯРНЫЙ ГИМНЪ (CARMEN SAECULARE) ГОРАЦІЯ ¹⁾.

Всѣ предложенныя новѣйшими мѣологами толкованія первоначальнаго смысла Гіакиноїи и служившаго имъ основаніемъ мѣа о любимцѣ Аполлона Гіакипоѣ, котораго первый печально убилъ дискомъ, сводятся, по существу своему, къ слѣдующимъ четыремъ различнымъ положеніямъ ²⁾: 1) Гіакипоѣ есть олицетвореніе грозовыхъ явленій неба. Таково мнѣніе Шварца ³⁾; 2) Гіакипоѣ есть олицетвореніе глбнущей при лѣтнемъ солнечномъ зноѣ весенней растительности. Таково мнѣніе большинства новѣйшихъ мѣологовъ, въ особенности К. О. Мюллера, Швенка, Шѣмана, Гергарда, Преллера, А. Моммзена, Швальбе, Рошера и многихъ другихъ ⁴⁾; 3) Гіакипоѣ есть солнечное существо, какъ и Аполлонъ. Таково убѣжденіе не только Велькера и Унгера, но, по видимому, также Эммана ⁵⁾. При этомъ

¹⁾ *Продолженіе*. См. июньскую кн. *Журнала Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Ср. *Greve* въ *Roscher's Ausf. Lexikon d. griech. u. röm. Mythol.* I, 2, p. 2763 sq., в. в. Hyakinthos. Гревѣ, однако, упоминаетъ только о первыхъ трехъ толкованіяхъ.

³⁾ *Schwartz*, Die poetischen Naturansch. d. Griechen, Römer u. Deutschen. Band I: Sonne, Mond u. Sterne (Berlin 1864), p. 99. Впрочемъ, Шварцъ самъ не увѣренъ въ правильности своего толкованія мѣа о Гіакипоѣ и допускаетъ возможность усматривать въ этомъ лицѣ солнечнаго бога.

⁴⁾ См. *K. O. Müller*, Die Dorier I³, 357 sq. *Schwenck*, Mythol. I, 121. *Schoemann*, Griech. Alterth. II³, 437. *Gerhard*, Griech. Mythol. I, 329 sq. *Preller*, Demeter u. Persephone, p. 253 и *Griech. Mythol.* I⁴, p. 249. *A. Mommsen* въ *Verhandl. d. Kieler Philologenvers.* 1869, p. 154. *Schwalbe*, Ueber d. Bedeutung des Pflanz, p. 25. *Roscher*, Studien z. vergl. Mythol. I. Apollon und Mars, p. 58 и т. д.

⁵⁾ См. *Welcker*, Griech. Götterlehre I, p. 472. *Unger*, Die Isthmien u. Hyakinthien, въ *Philologus* XXXVII (1877), p. 22 sqq. *Enmann*, Kypros u. d. Ursprung d. Aphroditenkultes, p. 35 и 51. О *Иларии*, допускавшемъ возможность

первые два изъ названныхъ ученыхъ считаютъ Гіакинеа олицетвореніемъ оживляющаго или весенняго солнца, а Аполлона олицетвореніемъ губящаго или лѣтняго и осенняго солнца; Эрманъ же, исходя отъ предложенной имъ новой этимологіи имени Гіакинеа и усматривая въ немъ „двигателя солнца“, приводитъ его въ связь съ лѣтнимъ солнцеворотомъ и называетъ его двойникомъ Аполлона или хтоническимъ Аполлономъ, „во власти котораго, по вѣрованію древнихъ, находился старый, умирающій годъ“; 4) Гіакинеъ есть мѣстный (Амиклейскій) подземный духъ или демонъ, культъ котораго былъ затемненъ культомъ Аполлона. Это мнѣніе въ новѣйшее время было высказано Роде ¹⁾.

Не считая ни возможнымъ, ни нужнымъ останавливаться здѣсь на подробномъ критическомъ разборѣ каждаго изъ этихъ четырехъ положеній, изъ которыхъ съ первыми двумя и съ четвертымъ я никакъ не могу согласиться, я ограничусь немногими замѣчаніями относительно ихъ и прежде всего указаніемъ на то, что первое мнѣніе, какъ отличающееся совершенно очевидно произвольностью, не было одобрено никѣмъ ²⁾, а второе настолько основательно опровергнуто Унгеромъ ³⁾, что можно только удивляться попыткѣ Греве ⁴⁾ снова защитити и возстановити его. Что же касается до четвертаго мнѣнія, высказаннаго въ новѣйшее время такимъ крупнымъ авторитетомъ, какимъ является Роде, и исходящаго отъ излюбленной имъ, но едва-ли согласной съ законами логики и психологіи, теоріи Спенсера, которая выдвигаетъ на первый планъ такъ называемую низшую миеологію, то-есть вѣрованія о разныхъ мелкихъ демонахъ, а также культовую сторону религіи, особенно культъ умершихъ: то оно еще менѣе первыхъ двухъ изъ вышеизложенныхъ мнѣній въ состояніи объяснить *возникновеніе* миеа о Гіакинеѣ и Аполлонѣ ⁵⁾. Считая

усматривать въ Гіакинеѣ солнечнаго бога, см. выше прим. 3. Подобно Эрману, и Эллискій въ своей обстоятельной рецензіи книги послѣдняго (въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за августъ 1888 г., стр. 438 и 440) называетъ Гіакинеа двойникомъ или гипостасисомъ Аполлона, то-есть хтоническимъ Аполлономъ, но подробности и опредѣленіе не высказывается о первоначальномъ значеніи его.

¹⁾ Rohde, *Psyche. Seelencult u. Unsterblichkeitsglaube der Griechen*, p. 129 sqq.

²⁾ Ср. *Greve* въ *Roscher's Lexikon*, I, 2, p. 2763, s. v. Hyakinthos.

³⁾ Въ вышеупомянутой статьѣ *Die Isthmien u. Hyakinthien*, въ *Philologus* XXXVII (1877), p. 20 sq.

⁴⁾ I. c. I, 2, p. 2764.

⁵⁾ Ко мнѣнію Роде о Гіакинеѣ присоединились въ новѣйшее время также

этотъ мѣсъ произвольнымъ и лишеннымъ всякихъ основаній вымысломъ поэтовъ позднѣйшей эллинистической эпохи, Роде находится въ явномъ противорѣчій не только съ сохранившеюся до нашего времени древнѣйшею монументальною традиціею о тѣсной связи Гіакінеа съ Аполлономъ и съ Зефиромъ ¹⁾, но и съ опредѣленными словами Еврипида ²⁾, доказывающими намъ, что сказаніе о смерти Гіакінеа, пораженнаго дискомъ Аполлона, принадлежало къ числу общезвѣстныхъ и старыхъ народныхъ сказаній. Въ особенности же Роде не принимаетъ въ соображеніе одного обстоятельства, на которое его вниманіе должно было бы быть обращено тѣмъ фактомъ, что на одной изъ сторонъ жертвенника или базиса статуи Амikleйскаго Аполлона, сооруженнаго надъ „могилою“ Гіакінеа, вѣроятно, еще задолго до шестаго вѣка до Р. Хр., въ которомъ, по видимому, жилъ Баэикль, окружившій этотъ жертвенникъ или базисъ своимъ знаменитымъ трономъ, изображена была сцена ³⁾, какъ Гіакінеъ и умер-

Wernicke въ обстоятельной статьѣ объ Аполлонѣ, напечатанной въ *Pauly-Wissowa's Real-Encyclopaedie* (vol. II, p. 5 sq.), и *Gruppe, 'Griech. Mythol.* (въ *Müller's Handb. d. klass. Alt.* vol. V, 2) p. 165 sq. Но и они не объясняютъ возникновенія мѣса о Гіакінеѣ и Аполлонѣ и вообще не приводятъ никакихъ новыхъ доводовъ въ пользу мнѣнія *Roede*.

¹⁾ Эта древнѣйшая монументальная традиція, какъ доказалъ *Hauser* въ статьѣ *Hyakinthos*, напечатанной въ *Philologus* LII (1893), p. 209 sqq., представляется, главнымъ образомъ, одною тарентинскою терракоттою и двумя вазами, возникшими въ началѣ V вѣка въ мастерскихъ Дуриса и другаго, сходнаго съ нимъ, художника, а также, можетъ быть одной тарентинскою монетою VI вѣка и нѣкоторыми другими произведеніями ремесленнаго искусства. Всѣ эти произведенія изображаютъ Гіакінеа молодымъ юношею, то сидящимъ на лебедѣ, священной птицѣ Аполлона, и держащимъ въ рукѣ или лиру, или дискъ, то посящимся, вѣроятно, по воздуху вмѣстѣ съ любовно обнимающимъ его Зефиромъ. Ср. также *Hartwig, Griech. Meisterschalen* (Stuttgart u. Berlin 1893), p. 210 sq. (tab. XXII, 1) и p. 659 sq. (tab. LXXII, 1).

²⁾ Euripides, *Helena* 1474 sqq: δν [i. e. Ἰακίνθον] ἔξαμλλησάμενος
τροχῶ τέρμονι δίσκου
ἔχανε Φοῖβος κ. τ. λ.

³⁾ *Pausanias* III, 19, 4: πεποιήται δὲ ἐπὶ τοῦ βωμοῦ καὶ ἡ Δημήτηρ καὶ Κόρη καὶ Πλούτων, ἐπὶ δὲ αὐτοῖς Μοῖραι τε καὶ Ὀραι, σὺν δὲ σφισιν Ἀφροδίτη καὶ Ἀθηνᾶ τε καὶ Ἄρτεμις κομίζουσι: δ' ἐς οὐρανὸν Ἰακίνθον καὶ Πολύβοιαν Ἰακίνθου, καθὰ λέγουσιν, ἀβελφὴν ἀποθανούσαν ἐπιπαρθένον. Изъ всѣхъ (указанныхъ *Jessen* оми въ *Pauly-Wissowa's Real-Encycl.* I, 1998, s. v. Amyklaios) археологовъ, комментировавшихъ Пausаніево описаніе какъ этой сцены, такъ и другихъ сценъ, изображенныхъ на Амikleйскомъ жертвенникѣ, *Trendelenburg* предложилъ, по моему, наиболѣе правдоподобное объясненіе въ своей статьѣ *Sull' altare di Giacinto in Amicle*, напечатанной въ *Bulletino dell' Inst. di corr. archeol.* 1877, p. 124 sqq.

шая въ дѣвичьемъ возрастѣ сестра его, Полибея, изъ подземнаго царства, представленнаго Деметрою, Корою и Плутономъ, въ присутствіи или, вѣрнѣе, въ сопровожденіи Мойръ и Горь, возносятся на небо, гдѣ ихъ встрѣчаютъ олимпійскія богини Афродита, Аѳина и Артемида. Если бы мнѣ о Гіакиноѣ во всѣхъ своихъ версіяхъ, въ какихъ онъ дошелъ до насъ, не возникъ въ древнѣйшія времена, а представлялъ бы собою, какъ полагаетъ Роде, довольно позднюю выдумку поэтовъ, основанную на позаимствованныхъ отовсюду и общезвѣстныхъ мѳеологическихъ мотивахъ, то слѣдовало бы ожидать, чтобы между этими мотивами, съ одной стороны, и вышеуказаннымъ весьма древнимъ изображеніемъ на почитаемомъ всѣми дорійцами Амиклейскомъ жертвенникѣ и соблюдавшимися на Гіакиноіяхъ церемоніями культа Гіакинеа, съ другой стороны, существовала самая тѣсная связь, указывающая на зависимость первыхъ мотивовъ отъ вторыхъ и на очевидное взаимное согласіе обонхъ; ибо только въ такомъ случаѣ упомянутые поэты могли бы рассчитывать на то, что читатели, знакомые съ пользовавшимся столь большою извѣстностью и популярностью Амиклейскимъ культомъ, отнесутся въ ихъ разказахъ съ участіемъ и довѣріемъ. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ, что эти разказы не имѣютъ ничего общаго ни съ находившимся на Амиклейскомъ жертвенникѣ изображеніемъ Гіакинеа, ни съ данными самаго культа его, а отчасти даже находятся, по видимому, въ противорѣчій съ ними. Такъ, въ приведенныхъ греческими и римскими писателями разказахъ о Гіакиноѣ послѣдній выставляется какъ весьма красивый и совсѣмъ молодой юноша ¹⁾, котораго любитъ то Аполлонъ ²⁾, то Зефиръ (или Борей) въ соперничествѣ съ Аполлономъ ³⁾, то еракій-

¹⁾ Такимъ онъ былъ изображенъ и на картинѣ знаменитаго живописца Никія, жившаго въ IV вѣкѣ до Р. Хр., (Pausan. III, 19, 4), и на другихъ болѣе древнихъ предметахъ греческаго искусства (ср. выше на стр. 69, пр. 1).

²⁾ *Apollodor.* I, 8, 3 и III, 10, 3 (cf. Euripidea, *Helena* 1471 sqq); *Nicanter*, Ther. 902 sqq.; *Commodian.* Instr. 1, 11 v. 19 sqq; *Ovid.* *Metam.* X, 162—219. *Schol.* ad Nic. Ther. 902; *Hyginus*, *Fabul.* 271. *Martialis*, *Epigr.* XIV, 178.

³⁾ *Palaephatus* 47. *Lucian.*, *Dial. deor.* 14 и *De salt.* 45. *Pausanias* III, 19, 5. *Philo Jud.* 14. *Philostratus maior*, *Imag.* I. 24. *Philostratus minor*, *Imag.* 14. *Libanius*, *Narrat.* p. 855. *Theodorus Prodromus* 6, 306. *Nicetas Eugen.* 4, 250 sqq. *Nonnus*, *Dionys.* 3, 155 sqq. 10, 255 и др. *Philolaus rhet.* у *Westerm.* app. narr. 78 и *Tzetz.* *Chil.* 1, 239.—Вмѣсто Зефира упоминается Борей только Сервіемъ ad *Verg. Ecl.* 3, 63.—Подобно только что названнымъ писателямъ, и нѣкоторые художественныя произведенія, указанные выше (стр. 69, прим. 1), приводятъ Гіакинеа въ связь съ Зефиромъ.

скій пѣвецъ Ѡамиридь ¹⁾, то наконецъ муза Эрато ²⁾; на Амиклейскомъ же жертвенникѣ, по опредѣленному свидѣтельству Павсанія ³⁾, Гіакинѣъ былъ изображенъ бородатымъ мужчиною ⁴⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ названное художественное произведеніе не содержало ни малѣйшаго намека ни на любовныя отношенія Гіакинѣа къ одному изъ только-что названныхъ лицъ греческой мифологіи, ни на особый родъ смерти юноши, случившейся, согласно литературнымъ разказамъ, послѣдствіе того, что брошенный Аполлономъ во время игры или состязанія дискъ или случайно и противъ воли бога попалъ въ Гіакинѣа ⁵⁾, или же нарочно былъ отклоненъ и направленъ на него ревнивымъ Зефиромъ (или Бореемъ) ⁶⁾. Даже относительно судьбы, постигшей Гіакинѣа послѣ смерти, литературные мнѣя объ этомъ лицѣ, разказывающіе то о возникновеніи изъ его крови одноименнаго цвѣтка „гіакинѣа“ ⁷⁾, то о возвращеніи Аполлономъ „прекраснокудраго“ юноши къ жизни ⁸⁾, болѣе или менѣе рѣзко отличаются отъ того мнѣя, который, какъ мы уже видѣли, послужилъ основаніемъ художественной сценѣ, изображенной на древнемъ Амиклейскомъ жертвенникѣ, и церемоніямъ культа, не имѣвшимъ никакого отношенія къ цвѣтку „гіакинѣа“ ⁹⁾.

¹⁾ *Apollodor.* I, 3, 8.

²⁾ *Scholia in Euripid. Rhesum*, v. 346.

³⁾ *Pausanias* III, 19, 4.

⁴⁾ Совершенно взрослою мужчиною представляло себя Гіакинѣа и аттическое сказаніе, считавшее его отцомъ почитавшихся въ Аттікѣ (въ Ἰακινθός παῦρος) пардіевои Ἰακινθίδας (ср. *Photius*, v. v. παρδίνοι, и *Apollodor.* III, 15, 8, 3—4, и *Philoch. schol. Soph. Oed. Col.* 101).

⁵⁾ См. писателей, названныхъ въ примѣч. 2 предыдущей страницы.

⁶⁾ См. писателей, названныхъ въ примѣч. 3 предыдущей страницы.

⁷⁾ Такъ разказываетъ большинство названныхъ выше (прим. 2 и 3 предыдущей страницы) писателей.

⁸⁾ *Nonnus, Dionys.* XIX, 102: εὐχαίτην Ἰακινθῶν ἀνεζώρησεν Ἀπόλλων.

⁹⁾ Если то обстоятельство, что на Амиклейскомъ жертвенникѣ Гіакинѣъ былъ изображенъ бородатымъ мужчиною, главнымъ образомъ приводитъ *Роде* къ заключенію, что этотъ Гіакинѣъ не былъ тождественъ съ любимцемъ Аполлона, то такое заключеніе должно считаться, по моему, совершенно произвольнымъ и несогласнымъ съ основными законами образованія мнѣевъ. Не только самъ Аполлонъ, съ представленіемъ о которомъ всегда были неразлучны понятія о молодости и красотѣ, въ древнемъ искусствѣ перѣдко изображался бородатымъ (ср. *Preller-Robert. Griech. Mythol.* I^o, 293 п. 1 и *Hauser* въ *Philologus* LII (1893), p. 26), но и многія другія мнѣйческія существа представлялись, сообразно съ обстоятельствами,—какъ излагаетъ, напримѣръ, Макробій (*Saturn.* I, 18, 9—10) по отношенію къ мнѣйческимъ представителямъ солнца—то дѣтьми, то юношами,

Въ виду всего этого мнѣ кажется несомнѣннымъ, что упомянутые различныя мѣны не только возникли самостоятельно и независимо другъ отъ друга, но и относятся по своему существу къ болѣе или менѣе глубокой старинѣ и представляютъ собою почти одинаково важныя и заслуживающія нашего вниманія формы чисто-народнаго преданія. Объясненіе этихъ различныхъ формъ одно только и можетъ раскрыть намъ первоначальную роль Гіакинѣа, тѣмъ болѣе, что самое имя послѣдняго остается до сихъ поръ загадочнымъ по своей этимологіи и по своему значенію, или, по крайней мѣрѣ, не нашло еще общепризнаннаго толкованія ¹⁾.

то совершенно взрослымъ, а въ качествѣ παιδικά, то-есть молодыхъ мальчиковъ или (безбородыхъ) юношей, которыхъ любилъ какой-нибудь ἄριστος, нерѣдко выступали, подобно Гіакинѣу, такія мимическія личности, которыя обыкновенно принимались за пожилыя: ср., напримѣръ, Радаманѣа, любовника Талоса (см. Suidas, s. v. Θάμρις).

¹⁾ Ср. *Greve* въ *Roscher's Ausf. Lexikon d. griech. u. röm. Myth.* 1, 2, p. 2765, s. v. Hyakinthos, гдѣ приводится большинство предложенныхъ до сихъ поръ этимологій имени Гіакинѣа, производящихъ его то отъ глагола ἵκιν, то отъ ἵς и ἵκινθα, то отъ корня εφακ—(„пахнуть“), то отъ корня fto—(τον = фіалка). Отвергая, вмѣстѣ съ Гревемъ, первыя двѣ изъ этихъ этимологій, какъ несомнѣнно ошибочныя, а послѣднія двѣ, какъ весьма мало вѣроятныя, и считая еще болѣе произвольнымъ хитросплетеніемъ предложенную Энманомъ (Кургоз и. d. Urspr. d. Arphod., p. 51) этимологію, согласно которой Гіакинѣа есть „двигатель солнца“ (Ἰακινθός изъ *Σεφα—κινθός), я не могу не признать сомнительнымъ также то производство имени Гіакинѣа, которое недавно было предложено Brugmann'омъ (въ его *Grundriss d. vergl. Gram.* II, 237) и одобрено *Greve-Roscher*'омъ (l. c.) и другими (ср., напримѣръ, Маазъ въ *Herms* XXV (1890), p. 405), и согласно которому имя Ἰακινθός, сопоставленное съ латинскимъ *invencus*, означаетъ „adultescentulus“. Съ такой этимологіей не согласуется уже тотъ фактъ, что на Амicleйскомъ жертвенникѣ, представлявшемъ собою древнѣйшій памятникъ, относившійся къ мѣу о Гіакинѣѣ, это лицо, какъ мы уже видѣли, было изображено не молодымъ юношею, а бородатымъ мужчиною, и что также древнее аттическое сказаніе представляло его совершенно взрослымъ, пожилымъ человѣкомъ, имѣвшимъ нѣсколько дочерей, такъ называемыхъ παρθέναι Ἰακινθίδας. Въ виду этого, уже *Solmsen* (въ *Zeitschr. f. vergl. Sprachf.*, vol. XXXII, p. 289, nota) и *Kretschmer* (*Einleitung in d. Gesch. d. Griech. Sprache—Göttingen* 1896—p. 404), отвергли эту этимологію, и послѣдній ученый не безъ основаній указалъ на то, что слово Ἰακινθός, имѣющее чуждый индоевропейскимъ языкамъ суффиксъ —κθ—, который такъ часто встрѣчается особенно въ древнихъ названіяхъ мѣстностей Греціи и Малой Азіи—(объ Ἰακινθός πάροςъ въ Атикѣ ср. *Photius*, s. v. παρθέναι, ed. *Naber* II, p. 64), — можетъ быть, представляетъ собою слово, принадлежавшее или цѣликомъ, или отчасти языку до-греческаго населенія Элады, то-есть языку Каровъ. Въ пользу этого предположенія говорить, по моему, и то обстоятельство, что въ историзованныхъ генеалогіяхъ, составленныхъ древними логографами и приведенныхъ у Павсанія (III, 1, 1—4 и IV, 1, 2; 2, 2—4) и

Приступая, поэтому, къ объясненію вышеупомянутыхъ мифовъ о Гіакинѣ и исходя изъ того мнѣнія, что высокое божественное значеніе Гіакинеа въ древнѣйшей греческой мифологіи, въ противоположность къ приписываемой ему Роде низкой роли мѣстнаго демона, доказывается какъ выдающимся значеніемъ обще-дорійскаго праздника Гіакиной, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что на Амиклейскомъ жертвенникѣ не только изображеніе самого Гіакинеа, помѣщенное, вѣроятно, на передней сторонѣ его, было окружено изображеніями верховныхъ божествъ, но и помѣщенные на другихъ сторонахъ жертвенника художественныя сцены относились всѣ безъ исключенія къ такъ называемой высшей мифологіи (ср. Pausanias III, 19, 3 — 5), мы прежде всего должны остановиться на слѣдующемъ фактѣ, который на первый взглядъ не можетъ не показаться намъ страннымъ: между тѣмъ какъ Гіакинѣ во всѣхъ литературныхъ разказахъ о немъ и въ Амиклейскомъ культѣ является отличнымъ, по видимому, отъ Аполлона лицомъ, въ Тарентѣ, куда, какъ мы уже видѣли, культъ этого мионическаго лица былъ перенесенъ „Парвеніями“ изъ Амикль, посвященная ему гробница, походившая, безъ сомнѣнія, вполне на Амиклейскій образецъ, называлась то гробницею Гіакинеа, то гробницею Аполлона-Гіакинеа ¹⁾).

Аполлодора (III, 10, 3 sqq. и I, 9, 5), Гіакинѣ является (Каромъ-) Лелегомъ по происхожденію (ср. Deimling, Die Leleger p. 124 и Welcker, Griech. Götterl. I, p. 473). Не должны ли мы, въ виду этого, искать объясненія имени Ἰακίνθος скорѣе всего въ сопоставленіи его съ именами Θρακίηςкаго бога Діониса Σαρβάκιος или Ἰγς или Ἰεός; или Ἰας, которыя также какъ и названіе Вакхановъ Ἰαδες, и другія имена, согласно справедливому замѣчанію Уэмера (Götternamen, p. 43 sqq.), скорѣе всего должны быть произведены отъ корня su-, sav- („быстро двигаться“)? Не означаетъ ли, поэтому, слово Ἰακίνθος, образованное изъ того же корня съ прибавленіемъ уменьшительныхъ суффиксовъ αχ- и ινθ- (о послѣднемъ суффиксѣ, какъ уменьшительномъ, ср. Döhring въ Progr. d. Friedr.-Kolleg., Königsb. 1888, p. 15), или „быстро двигающееся“ (при игрѣ въ дискъ) лицо, о мифологическомъ значеніи котораго мы будемъ говорить ниже, или „быстро растущее“ растеніе „гіакинѣ“, то-есть вѣроятно, какъ доказалъ Bispinger (Welche Blume hat man sich unter dem Ἰακίνθος der Alten zu denken? Erlangen 1880), современный ярисъ или касатикъ? Не лишнимъ будетъ упомянуть здѣсь и о томъ, что „дочери“ Гіакинеа, παρθέναι Ἰακινθίδες, отождествленныя съ дочерьми Прехея, назывались также Ἰαδες (ср. Servius, ad Verg. Aen. I, 748), то-есть „быстро двигающіяся“, и что Гіакинѣ самъ, какъ мы увидимъ ниже, первоначально былъ мифологически тождественъ съ Діонисомъ Ἰγς.

¹⁾ См. Polybius VIII, 30, 2—3; ἐπὶ τοῦ τάφου (въ Тарентѣ), τοῦ παρὰ μὲν τισὶν Ἰακίνθου προσηγορευομένου, παρὰ δὲ τισὶν Ἀπόλλωνος Ἰακίνθου.—Ср. Nonnus, Dionys. XI, 330: Ἰακίνθος ὡσεὶ Ἀπόλλων.

Придерживаясь мнѣнія, обоснованнаго впервые Ушольдомъ ¹⁾ и подробнѣе развитаго въ новѣйшее время Узенеромъ ²⁾, что большинство именъ греческихъ божествъ возникло изъ эпитетовъ, которыми первоначально, какъ я полагаю, прославлялись самыя очевидныя и выдающіяся явленія или силы природы, въ особенности солнце и луна, и количество которыхъ въ древнихъ священныхъ гимнахъ и сказаніяхъ отдѣльныхъ племенъ греческаго народа было безчисленно, мы двоякимъ образомъ можемъ объяснить выше указанный фактъ, что одно и то же мнѣческое лицо, почитавшееся дорійцами на ряду съ Аполлономъ и называвшееся обыкновенно Гіакинеомъ, называлось иногда и Аполлономъ-Гіакинеомъ. Последнее двойное имя или является остаткомъ возникшаго среди одного лишь племени древнѣйшаго религіознаго преданія, въ которомъ Аполлонъ на ряду съ другими эпитетами имѣлъ также прозвище Гіакинеъ, или же должно быть признано результатомъ ранняго смѣшенія и соединенія двухъ отличныхъ другъ отъ друга по названію, но тождественныхъ другъ съ другомъ по значенію мнѣческихъ существъ, которыя первоначально принадлежали къ религіи двухъ различныхъ племенъ. Въ первомъ случаѣ мы должны предположить, что возникновеніе отличнаго отъ Аполлона и уступающаго ему въ значеніи мнѣческаго существа Гіакинеа было вызвано тѣмъ, что прозвище Гіакинеъ со временемъ отдѣлилось отъ имени Аполлона и сдѣлалось собственнымъ именемъ, при чемъ обозначаемое имъ лицо превратилось въ такъ называемаго героя. Во второмъ же случаѣ мы должны предположить, что на ряду съ упомянутымъ смѣшеніемъ и соединеніемъ Гіакинеа и Аполлона каждое изъ этихъ лицъ продолжало существовать также какъ отдѣльное существо, при чемъ первое изъ нихъ, Гіакинеъ, стало уступать въ значеніи второму, Аполлону, вслѣдствіе того, что оно принадлежало къ религіи племени, поработченнаго другимъ племенемъ, почитавшимъ Аполлона.—Не имѣя возможности и надобности разбирать здѣсь въ высшей степени сложный и трудный вопросъ о томъ, какое изъ только-что приведенныхъ двухъ предположеній, объясняющихъ какъ взаимную связь Аполлона и Гіакинеа, такъ и раздѣленіе ихъ, должно считаться наиболѣе правдоподобнымъ ³⁾, и на какія аналогичныя вза-

¹⁾ *Uschold*, Vorhalle zur Griech. Geschichte u. Mythologie I, p. 158; II, p. XVII sq. et passim.

²⁾ *Usener*, Götternamen (Bonn 1896), p. 216 sqq.

³⁾ Въ пользу втораго предположенія говоритъ, по моему, то обстоятельство, что не только имя, но и историзованная генеалогія Гіакинеа, какъ мы уже ви-

ишья отношенія другихъ божествъ и героевъ и тому подобныхъ мифическихъ существъ греческой мифологiи можетъ указать то или другое предположеніе ¹⁾, мы ограничиваемся здѣсь выведеніемъ изъ каждаго изъ нихъ несомнѣннаго заключенія, что Аполлонъ и Гіакинѳъ по своему значенію были первоначально тождественны и что второй, такимъ образомъ, являлся лишь двойникомъ перваго.

Въ чемъ же состояло первоначальное значеніе названныхъ двухъ существъ?

На этотъ вопросъ можетъ послѣдовать, по моему, только одинъ отвѣтъ: и Аполлонъ, и Гіакинѳъ суть солнечныя божества.

Что касается Аполлона, то большинствомъ новѣйшихъ мифологовъ, рассуждавшихъ о немъ, и въ особенности Велькеромъ, было приведено столько разнообразныхъ вѣсскихъ и неопровержимыхъ доводовъ въ доказательство указаннаго первоначальнаго значенія его, что сомнѣваться въ его достовѣрности, по моему, больше уже не пред-

дѣля (стр. 72, прим. 1), дѣлають въ высшей степени вѣроятнымъ каро-лелегское происхожденіе этого лица, которое первоначально, безъ сомнѣнія, играло роль божества. Аполлонъ же, по видимому, не былъ извѣстенъ древнѣйшему догреческому населенію Эллады, то-есть Карамъ, Лелегамъ и др. (ср. въ особенности *K. O. Müller, Die Dorier* I², p. 201 sqq., которому безъ основаній возражаетъ *Gerhard, Griech. Mythol.* I, p. 285 sq.), а является чисто греческимъ божествомъ, почитаніе котораго уже съ древнѣйшихъ временъ распространено было у всѣхъ греческихъ племенъ, въ особенности у ахеянъ, дорійцевъ и іонійцевъ, и началомъ своимъ относится, безъ сомнѣнія, еще къ отдаленной, доисторической эпохѣ ихъ единства (ср. въ особенности *Roscher, Stud. zur vergl. Myth. d. Gr. u. Röm. I. Apollon u. Mars*, p. 16 и въ *Ausf. Lexikon d. griech. u. röm. Myth.* I, 1 p. 422, s. v. Apollo, гдѣ приводится также остальная литература вопроса).

¹⁾ Не можетъ подлежать сомнѣнію, что тѣ изъ именъ героевъ и героинь, которыя по своему производству и значенію оставались всегда прозрачными и понятными, въ большинствѣ случаевъ — но едва-ли во всѣхъ, какъ нынѣ, по видимому, принято думать (кромя *Uschold'a, Vorhalle z. griech. Gesch. u. Myth.*, *rassim*, и другихъ, сравни въ особенности *Deneken* въ *Roscher's Ausf. Lexikon d. gr. u. röm. Myth.* I, 2, p. 2448 sqq., s. v. *Neiros*, и *Usenar, Götternamen*, p. 218 sqq.)—представляютъ изъ себя первоначальныя прозвища божествъ, отдѣлившія со временемъ отъ ихъ собственныхъ именъ. Что же касается другихъ именъ героевъ и героинь греческой мифологiи, и въ особенности тѣхъ изъ этихъ именъ, производство и значеніе которыхъ уже рано сдѣлалось темнымъ, то я не могу не признать возможности того, что они первоначально означали самостоятельныя божества, которыя по своему характеру были сходны или тождественны съ тѣми божествами, къ которымъ они впоследствии присоединились, какъ ихъ гипостасисы. Къ этимъ послѣднимъ именамъ я больше всего склоненъ причислить имя Гіакинѳа.

ставляется возможнымъ, и мы спокойно можемъ сослаться на разсужденія названныхъ ученыхъ ¹⁾). Въ мифѣ о Гіакинѣѣ Аполлонъ характеризуется какъ солнечное божество уже тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ здѣсь выступаетъ съ дискомъ. Мифологическое значеніе этого круглаго метательнаго орудія уже давнымъ-давно было признано такими мифологами, какъ Крейцеръ, Ушольдъ, Норкъ, Велькеръ, Кунъ, Зонне, Шварцъ, Рошеръ и др. ²⁾). Подобно шару, колесу и щиту, и дискъ въ древнихъ греческихъ сказаніяхъ означаетъ преимущественно солнце, круглая форма котораго еще въ позднѣйшія времена культуры грековъ и другихъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ народовъ вызываетъ сравненіе съ только-что названными предметами ³⁾). Извѣстно, что обитателями пзонійской области Македоніи Гелиосъ почитался подъ видомъ маленькаго диска, прикрѣпленнаго къ концу длиннаго шеста ⁴⁾, и что при еванскихъ дафнефоріяхъ, издавна праздновавшихся въ честь именованнаго Аполлона, мальчикъ въ торжественной процессіи носилъ украшенное лавровыми вѣтвями и пестрыми цвѣтами оливковое дерево, къ верхнему концу котораго прикрѣпленъ былъ мѣдный шаръ, означавшій относимое къ Аполлону солнце, между тѣмъ какъ ниже его висѣли другіе меньшіе шары, означавшіе звѣзды, и 365 вѣнковъ, соотвѣтствовавшихъ числу дней года, а другой конецъ древка окруженъ былъ состоявшимъ изъ колець дискомъ (κρηκωτόν), представлявшимъ собою луну съ ея отдѣльными фазами ⁵⁾).

¹⁾ Ср. въ особенности *Uschold*, Vorhalle zur griech. Gesch. u. Myth., passim. *Schwenzk*, Mythol. I, p. 109 sqq. *Gerhard*, Griech. Myth. I, p. 306 sqq. *Welcker*, Griech. Götterl. I, p. 457 sqq. *Preller-Robert*, Griech. Myth. I⁶, p. 230 sq. *Roscher*, Stud. z. vergl. Myth. d. Gr. u. Röm. I. Apollon u. Mars, p. 16 sqq. и др.—Совершенно не могу я согласиться со взглядами, изложенными въ новѣйшее время въ пространной статьѣ *Wernicke* „Apollon“ въ *Pauly-Wissowa's Real-Encyclopaedie* II, 1, p. 8 sqq.

²⁾ *Crewser*, Symbolik u. Mythol. I, 285. *Uschold*, l. c. I, 323 sq. u II, 79 sqq. *Nork*, Etym.-symbol.-myth. Real-Wörterb., v. v. Ball, p. 204 sq. Его же *Andeutungen e. Systems der Mythol.*, p. 270 sq. *Welcker*, l. c. I, 474 nota 8 u *Kleine Schriften*, I, p. 24 sq. *Kuhn*, Myth. Stud. I. Die Herabkunft des Feuers³, p. 45 sqq. *Sonne*, Charis (въ *Kuhn's Zeitschr. f. vergl. Sprachf.* X (1860), p. 176 sq. *Schwartz*, Die poet. Naturausch. d. Gr., Röm. u. Deutschen. I. Sonne, Mond u. Sterne, p. 6 — 9. *Roscher*, Selene u. Verwandtes, p. 20, и Nachträge zu m. Buche Ueber Selene u. Verwandtes (Wurzener Gymn.-Programm 1895), p. 20. Ср. также *Rapp* въ *Roscher's Ausf. Lexikon d. griech. u. röm. Myth.*, I, 2, p. 1997, v. v. Helios, и др.

³⁾ См., напримѣръ, *Plutarch*. *Moral.* p. 891 A и *Alex. Aphr. probl.* 2, 46.

⁴⁾ См. *Maximus Tyrius*, Or. 8, 8 ed. *Dübner*.

⁵⁾ См. *Proclus* у *Photios*, *Bibl.* p. 321 ed. *Bekker*. Ср. *Crewser*, *Symbolik u. Mythol.* II, 559 sqq.

Не одинъ Аполлонъ, однако, являлся въ культѣ и въ мнѣѣ обладателемъ упомянутаго круглаго диска или солнца. Не говоря о многочисленныхъ другихъ мнѣическихъ лицахъ, какъ Аресъ ¹⁾ Эетіонъ ²⁾, Язонъ ³⁾, Ахиллесъ ⁴⁾, Одиссей ⁵⁾, Персей ⁶⁾ и др., которые въ древнихъ сказаніяхъ выступаютъ съ этимъ метательнымъ орудіемъ, и солнечное значеніе которыхъ доказывается еще многими другими чертами, мы видимъ, что обладаніе дискомъ приписывается мнѣомъ и Гіакипоу, какъ мнѣическому существу, состояющему въ метаніи его съ Аполлономъ ⁷⁾, согласно чему и въ произведеніяхъ древняго искусства это лицо часто изображается держащимъ дискъ въ рукѣ ⁸⁾.

Я глубоко убѣжденъ въ правильности воззрѣнія, защищаемаго

¹⁾ См. въ особенности Нунн. Номер. VII, и Apollonius, Argonaut. III, 1366.

²⁾ Ilias XXIII, 828 sqq.

³⁾ Apollonius, Argon. III, 1366.

⁴⁾ Ilias XXIII, 826 sqq.

⁵⁾ Odys. VIII, 186 sqq.

⁶⁾ Pausanias II, 16, 2—3 и Apollodor. II, 4, 4, 2.

⁷⁾ Такъ какъ дискъ въ мнѣахъ и въ культѣ иногда означаетъ, кромѣ солнца, и луну, то можно было бы также предположить, что Гіакинеъ первоначально былъ луннымъ божествомъ, и что сказаніе о томъ, какъ Аполлонъ нечаянно убилъ его дискомъ, относится къ исчезновенію (или смерти) луны во время ея конъюнкціи съ солнцемъ и къ новому народженію ея послѣ этой конъюнкціи. Такое предположеніе, однако, я считаю неправдоподобнымъ, какъ по другимъ причинамъ, изложеннымъ мною ниже въ текстѣ, такъ и потому, что во всѣхъ греческихъ мнѣахъ, которые относятся къ солнцу и къ лунѣ и представляютъ эти свѣтила антропоморфическими существами, луна является всегда лицомъ женскаго, а солнце лицомъ мужскаго рода. (Въ Богѣ Мήν, составляющемъ, по мнѣнію новѣйшихъ мнѣологовъ (ср. Drexler въ Roscher's Aufz. Lex. d. griech. u. röm. Myth. II, 2687 sqq., s. v. Men), исключеніе изъ этого правила и принимаемомъ ими за лунное божество, я усматриваю солнечнаго бога, властителя луны и звѣздъ и главнаго *мирителя* времени).

⁸⁾ Такимъ образомъ изображаютъ Гіакинеа, во 1) одна мраморная группа, находившаяся прежде въ коллекціи *Норе* и приведенная въ фотографической репродукціи, напримѣръ, въ Roscher's Lexikon d. Myth. I, 2 p. 2765, s. v. Hyakinthos; во 2) одна гемма (находящаяся нынѣ въ Британскомъ музеѣ), которая украшена надписью Ἰάκινθος (см. С. I. Gr. IV, n. 7050 и Catalogue of engraved gems in the British Museum № 742 [ср. также № 498]: Здѣсь Гіакинеъ изображенъ, подобно дискоболу Мирона, смотрящимъ обратно на дискъ, который онъ держитъ въ правой рукѣ, собираясь метать его); въ 3) по всей вѣроятности, одна статуэтка изъ терракотты, описанная, напримѣръ, *Overbeck*'омъ: Griech. Kunstmythologie. Vol. III. Apollon, p. 150, № 8 (ср. Hauser въ Philologus LII (1893), p. 214).—И на описанной Младшимъ Филостратомъ картинѣ (Imag. XIV: Ἰάκινθος) Гіакинеъ имѣетъ дискъ какъ атрибутъ.

нынѣ, къ сожалѣнію, лишь немногими мѣологами ¹⁾, что солнце, имѣющее столь очевидное, всеобъемлющее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, загадочное значеніе для жизни природы и людей, вмѣстѣ съ луною (и звѣздами) играло первенствующую роль въ древнѣйшемъ религіозномъ культѣ Грековъ, а также большинства другихъ народовъ, и что къ этимъ небеснымъ свѣтиламъ и ихъ взаимнымъ отношеніямъ относятся несмѣтное количество разнообразныхъ мѣоовъ, возникшихъ вслѣдствіе того, что солнце и луна (и звѣзды) прославлялись безчисленными эпитетами, изъ которыхъ одни были тождественны съ названіями похожихъ на нихъ въ какомъ-нибудь отношеніи предметовъ или животныхъ, а другіе со временемъ превратились въ названія особыхъ, болѣе или менѣе антропоморфическихъ существъ, боговъ и богинь, героевъ и героинь и т. под. Поэтому я полагаю, что, какъ скоро это послѣднее случилось, напримѣръ, съ названіями „Аполлонъ“ и „Гіакинѣъ“, служившими первоначально для обозначенія солнца, то возникшія изъ нихъ особыя божества, изъ которыхъ послѣднее понижилось со временемъ до роли героя, должны были считаться виновниками движенія этого солнца и, между прочимъ, представляться воображенію людей какъ существа, метающія (солнечный) дискъ или состязавшіяся другъ съ другомъ въ этомъ метаніи (солнечнаго) диска ²⁾.

При этомъ метаніи диска или состязаніи въ такой игрѣ какъ названныя, такъ и другія солнечныя существа неминуемо должны были выступать въ сказаніяхъ побѣдителями или побѣжденными, смотря по тому, приводились ли они въ отношеніе къ восходу или къ за-

¹⁾ Въ числѣ этихъ мѣологовъ, придерживавшихся приблизительно тѣхъ-же принципиальныхъ воззрѣній, какія были высказаны, напр., Uschold'омъ (*Vorhalle zur griech. Gesch. u. Mythologie*—Stuttg. u. Tübingen 1838—39), Максомъ Мюллеромъ (*Essays*—Lpz. 1869—76—; *Einleit. in d. vergl. Religionswissenschaft*—Strassb. 1874—), Schirren'омъ (*Die Wandersagen der Neuseeländer u. d. Maui-mythos*—Riga 1866—въ особ. стр. 141 сл. и 169 сл.) и др., я упомяну здѣсь въ особенности *Л. Воеводскаю*, капитальное сочиненіе котораго, „Введеніе въ мѣологию Одиссея“, часть I. (Одесса 1881), къ сожалѣнію, не было оцѣнено по заслугамъ, и Siecke (*De Niso et Scylla in aves mutatis*—Berlin 1884—; *Beiträge z. gen. Erkenntniss d. Mondgottheit bei d. Griechen*—Berlin 1885—; *Die Liebesgeschichte des Himmels*—Strassburg 1892—; *Ueber die Bedeutung der Grimm'schen Märchen für unser Volkthum*—Hamburg 1896—; *Die Urreligion der Indogermanen*—Berlin 1897—), а также отчасти *А. Hillebrandt* (*Vedische Mythologie I. Soma u. verwandte Götter*—Breslau 1891—), особ. стр. 455 сл.

²⁾ О подобныхъ процессахъ въ образованіи мѣоовъ ср., напр., Uschold, *Vorhalle I*, 283 sqq.

ходу солнца, изъ которыхъ первый, какъ извѣстно ¹⁾, представлялся побѣдою дневнаго свѣтила надъ ночнымъ мракомъ, а второй поражениемъ или смертью его ²⁾. Если теперь предположить, на примѣръ, что въ какомъ-нибудь весьма древнемъ гимнѣ совершающее свой путь по небу солнце прославлялось приблизительно слѣдующимъ образомъ: „Аполлонъ появляется, дискъ летитъ, Гіакинѣъ падаетъ. Аполлонъ помрачается, Гіакинѣъ встаетъ, Аполлонъ сіяетъ“,—то мы имѣемъ на лицо всѣ данныя, изъ которыхъ впоследствии, когда первоначальный смыслъ этихъ словъ уже потерялся, благодаря рационализациі ихъ возникли вышеприведенные разказы о томъ, что при состязаніи въ метаніи диска Гіакинѣъ печально былъ убитъ Аполлономъ и послѣ смерти оплаканъ имъ, какъ его любимецъ, а затѣмъ возвращенъ имъ къ жизни и вознесенъ къ небу, или, что мнѣологически то же самое, превращенъ въ равноименный цвѣтокъ.

Такимъ образомъ, мы должны предположить, по моему убѣжденію, что Гіакинѣъ, явившись первоначально олицетвореніемъ солнца вообще, уже рано сталъ олицетворять собою преимущественно заходящее или зашедшее и скрывшееся подъ землею солнце ³⁾ и изъ небснаго или надземнаго божества сдѣлался хтоническимъ, подземнымъ,

¹⁾ Ср. Uschold, Vorhalle II, 25 и 100 вк.

²⁾ Какъ Аполлонъ убиваетъ дискомъ Гіакинѣа, такъ убиваетъ этимъ-же метательнымъ орудіемъ Персей Аврися (ср. Pausan. II, 16, 2—3. Apollodor. II, 4, 2. Schol. Apollon. Rh. IV, 1091. Hygin. fab. 68), а Телмонъ (или Пелеѣ) Фока (ср. Pausan. II, 29, 9 вк. Apollodor. III, 12, 6, 11. Diodor. IV, 72. Tzet. Lycophr. 175). Солнечное значеніе всѣхъ этихъ мнѣическихъ лицъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Но и множество другихъ мнѣовъ, разказывающихъ объ убіеніи одного мнѣического лица, мужскаго или женскаго, другимъ—напр. объ убіеніи Керкафа, потомка Геліоса, т. е. солнца, его братомъ Алфеємъ (ср. Pseudo—Plut. flav. 19)—проче и естественнѣе всего объясняются такимъ-же предположеніемъ о первоначальномъ солнечномъ (или лунномъ) значеніи этихъ лицъ. Она возникли вслѣдствіе того, что солнце каждаго дня разсматривалось какъ новое солнце, являвшееся причиною смерти солнца предыдущаго дня. Еще Гораций *carm. saec. 9* вк. говоритъ: *Alme sol... aliusque et idem nasceris*.

³⁾ Этимъ объясняется, почему Гіакинѣъ въ нѣкоторыхъ разказахъ (ср. выше стр. 70, съ примѣч. 2, и стр. 71), нашедшихъ отголосокъ и въ произведеніяхъ искусства (ср. выше стр. 69, съ прии. 1), приводился также въ связь съ Зефиромъ. Это божество, какъ можно заключить уже изъ его названія, производящагося, по всей вѣроятности, отъ корня *zef-* и означающаго, поэтому, „темный, затемняющій“ (ср. Sonne въ Kuhn's Zeitschr. f. vergl. Sprachf. X (1860), p. 123), первоначально, кажется, само олицетворяло собою заходящее (на западѣ) солнце и только впоследствии сдѣлалось божествомъ дующаго съ запада вѣтра.

подобно тому, какъ и Зевсъ, представлявшій собою первоначально, по моему убѣжденію, солнечное божество, дифференцировался въ Ζεὺς οὐράνιος или 'Ολύμπιος и въ Ζεὺς καταχθόνιος ¹⁾. Лишь при такомъ предположеніи, нѣсколько модифицирующемъ мнѣнія Унгера и Эзмана о первоначальномъ значеніи Гіакинеа, становится понятнымъ какъ соединеніе этого послѣдняго съ Аполлономъ вообще, такъ и въ особенности то обстоятельство, что посвященный специально Гіакинеу первый день Гіакиней отличался печальнымъ характеромъ, а слѣдующій непосредственно затѣмъ второй день этого праздника, посвященный Аполлону, носилъ на себѣ явную печать радостнаго торжества. Какъ подземное божество преимущественно и какъ гипостасисъ Аполлона Гіакинеъ почитался въ Амиклахъ, гдѣ гробница его, имѣвшая, конечно, только символическое значеніе и помѣщавшаяся, въ видѣ жертвенника, подъ изображеніемъ воинственно торжествующаго Аполлона, служила средоточіемъ того печальнаго культа, относившагося къ его смерти, который справлялся въ первый день Гіакиней и состоялъ, между прочимъ, въ томъ, что приносимыя умершимъ или героямъ жертвы—ἐναγίσματα—клались,—по всей вѣроятности, вѣчеромъ этого дня ²⁾,—въ гробницу Гіакинеа черезъ мѣдную дверь, находившуюся, соотвѣтственно западному стоянію заходящаго солнца, на лѣвой сторонѣ ея ³⁾. Тѣмъ не менѣе и въ Амиклейскомъ

¹⁾ Известно, что то же самое случилось и со многими другими солнечными или лунными божествами, напр., съ индійскимъ Іамоу (Yama), съ божествомъ Новоостровитянъ Мауи (Maui), съ Миносомъ, съ Персефоною, съ Неро и др. Ср. Uschold, Vorhalle II, 55 и 73. Sonne, Charis въ Kuhn's Zeitschr. f. vergl. Sprachf. X (1860), p. 131 sq. H. D. Müller, Mythologie I, 160 sq. Siecke, Beiträge z. gen. Erkenntniss d. Mondgottheit bei d. Griechen, p. 13. Его же, Liebesgeschichte des Himmels, p. 108; 116; 124 и 126 nota *. Ehnri, Der vedische Mythos des Yama (Strassb. 1890), въ особ. стр. 94 сл.—И владыка подземнаго царства Πλούτων или 'Αΐδης, 'Αΐδης (=Невидимый) первоначально представляли собою ничто иное какъ солнце, а именно зашедшее, невидимое солнце (ср. Sonne, l. c., и Воеводскаго, Введеніе въ міеологию Одиссея, стр. 10).

²⁾ Героямъ, какъ известно, жертвовали обыкновенно вѣчеромъ, при заходѣ солнца. Ср. Schol. Pindar. Isthm. III, 110: ἔθες πρὸς δυσμὰς ἰερούργειν τοῖς ἥρωσι. Diog. Laert. VIII, 33: ἥρωσι θύειν ἀπὸ μείσης ἡμέρας. Ektm. Mag. p. 468: ἀπὸ δὲ μεσημβρίας ἔθουον τοῖς καταχθονίοις. Согласно съ этимъ элейскія женщины чествовали и Ахиллеса, бывшаго, безъ сомнѣнія, первоначально солнечнымъ героемъ, при заходѣ солнца (Pausan. VI, 23, 3).

³⁾ Pausan. III, 19, 3: τοῦ δὲ ἀγάλματος [sc. τοῦ 'Απόλλωνος] τὸ βᾶθρον παρέχεται μὲν βωμοῦ σχῆμα, τεθᾶφθαι δὲ τὸν Ἰακινθὸν λέγουσιν ἐν αὐτῷ, καὶ Ἰακινθίοις πρὸ τῆς τοῦ 'Απόλλωνος θυσίας ἐς τοῦτον Ἰακινθῶ τὸν βωμὸν διὰ θύρας χαλκῆς ἐναγίζουσιν ἐν

культъ, какъ это доказывается помѣщеннымъ, вѣроятно, на передней сторонѣ жертвенника изображеніемъ вознесенія Гіакиноа и его сестры Полибен къ небу, сохранились слѣды первоначальнаго почитанія Гіакиноа также какъ небеснаго, надземнаго солнечнаго божества, и если Тарентинская гробница Гіакиноа называлась также гробницею Аполлона-Гіакиноа, а во второй (и третій) день Гіакиноей преимущественно почитался Аполлонъ, то этотъ Аполлонъ, собственно говоря, былъ мифологически совершенно тождественъ съ почитавшимся въ предыдущій день Гіакиноомъ и представлялъ собою ничто иное, какъ воскреснаго Гіакиноа; т. е. восходящее вновь (послѣ захода) солнце.

Этотъ дуализмъ Амиклейскаго культа, относявшагося къ Гіакиноу и Аполлону, не является чѣмъ-то совершенно исключительнымъ и рѣдкимъ въ исторіи греческой религіи, и нѣкоторую параллель къ нему, какъ указалъ уже Энманъ ¹⁾, представляетъ, напримѣръ, дельфійскій культъ Діониса и Аполлона. Средоточіями этого послѣдняго, чрезвычайно древняго культа, относившагося въ одинаковой степени къ обоимъ божествамъ ²⁾, служили, съ одной стороны, гробница Діониса, помѣщавшаяся гдѣ то ³⁾ въ ѣдотонъ пивійскаго святилища, вблизи треножника и золотой статуи Аполлона, и этотъ треножникъ

ἀπρετερῆ δὲ ἴστιν ἡ θύρα τοῦ βωμοῦ.—Къ этому описанію Павсанія сравни упомянутую уже выше (стр. 69, прим. 3) статью Trendelenburg'a Sull'altare di Giacinto in Amicle, напечатанную въ *Bulletino dell'Inst. di corr. arch.* 1877, p. 124 sqq.—Какъ въ Амиклахъ (и въ Тарентѣ) почиталась гробница Гіакиноа, такъ почитались и въ другихъ мѣстахъ мѣстныя, конечно, также только символическое значеніе гробницы другихъ мифическихъ существъ, мужскихъ и женскихъ, первоначально олицетворявшихъ собою солнце и луну, напр., Ахиллеса въ Элидѣ (Pausan. VI, 23, 3), Гектора въ Фивахъ (Pausan. IX, 18, 5), Акрисія въ Ларисѣ (Clemens Alex., *Protrept. cap.* III, 45 ed. Dindorf=р. 13 ed. Sylburg), Зевса на островѣ Критѣ (Callimach., *Hymn. I (in Jovem)*, 8 sq.), Талоса на западномъ склонѣ аеинскаго Акрополя (Pausan. I, 21, 6. Suidas, s. v. Πέρδικος ἱερὸν. Ср. Mercklin, *Die Talos-Sage u. d. sardonische Lachen—Petersburg 1851—*p. 17 (58) sqq.), Менелая и Елены въ Терапнѣ (Pausan. III, 19, 9), Гекаерги, Упиды и Арги на островѣ Делосѣ (Herodot. IV, 33. Ср. Clemens Alexandr., *Protr. cap.* III, 45 ed. Dindorf,=р. 13 ed. Sylburg) и др.

¹⁾ Enmann, *Kyros u. d. Urspr. des Aphroditekultus*, p. 46 sqq. Ср. и Эллинскаго въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за августъ 1888 г., стр. 434 сл.

²⁾ Plutarch., *De Ei arud Delphos* c. 9: Διονύφ τῶν Δελφῶν οὐδὲν ἤττον ἢ τῷ Ἀπόλλωνι μέταστιν. О томъ-же самомъ свидѣтельствуютъ и Луканъ (Phars. V, 78 sq.—см. ниже на стр. 82 прим. 3) и Павсаній, X, 32, 7.

³⁾ См. разпорѣчивыя указанія древнихъ, приведенныя Энманомъ (Kyros, p. 47 прим. 1) и критически оцененныя Роде (Psyche, p. 128 sq. прим. 3).

Аполлона, а съ другой стороны—высоты Парнаса, гдѣ каждый второй годъ во время зимняго солнцеворота въ честь обоихъ божествъ происходило празднество, состоявшее въ томъ, что *Θιαΐδες* рыскали тамъ ночью при свѣтѣ факеловъ послѣ того, какъ онѣ разбудили покоившагося въ своей гробницѣ Діониса (*ἐγείρειν τὸν Λιχνίτην*—cf. Plutarch. De Isid. et Osir. 35 и Нупп. Орф. 53), а коллегія жрецовъ Аполлона, называемыхъ *Ἵοιοι*, принесла здѣсь жертвы тому-же Діонису ¹⁾. По видимому, послѣдній игралъ въ Дельфахъ приблизительно такую-же роль, какую, согласно выше изложенному, игралъ Гіакинѳъ въ Амиклахъ, и отношенія обоихъ къ Аполлону были весьма сходны. Дуалистическое единство, которымъ отличалось почитаніе Діониса и Аполлона въ Дельфахъ, обнаруживается уже въ томъ, что на западномъ фронтонѣ пнѳійскаго храма былъ изображенъ Діонисъ, котораго окружаютъ *Θιαΐδες* при заходящемъ солнцѣ, а на восточномъ Аполлонъ, котораго окружаютъ Музы съ Артемидою и Латоною ²⁾, и что такимъ-же образомъ изъ двухъ высотъ посвященнаго обоимъ божествамъ Парнаса, по всей вѣроятности, какъ можно предположить на основаніи словъ Лукана ³⁾, западная высота была посвящена специально Діонису, а восточная специально Аполлону. Послѣ убѣдительныхъ доказательствъ, приведенныхъ въ особенности Велькеромъ ⁴⁾, не можетъ быть больше сомнѣнія въ томъ, что первоначально Діонисъ олицетворялъ собою солнце, а именно зашедшее, ночное или подземное солнце ⁵⁾, и потому уже рано сдѣлался, между прочимъ, и хтоническимъ божествомъ, въ качествѣ котораго онъ и получилъ прозвища владыки подземнаго царства, *Ἰσοδαίτης*, *Ζαγρεός* и *Εὐβουλεύς*.

¹⁾ Подробности дельфійскаго культа см., напр., у Voigt'a въ Roscher's Ausf. Lexikon d. gr. u. röm. Mythol. I, 1, p. 1043 sq., s. v. Dionysos, и у Preller-Robert'a, Griech. Myth. I^o, 686 sq.

²⁾ Pausanias X, 19, 3. Ср. Welcker, Alte Denk. I, 151 sqq.

³⁾ Lucan. V, 71 sqq. (ed. Hosius):

Hesperio tantum, quantum summotus eoo,
Cardine Parnasos gemino petit aethera colle,
Mons Phoebos Bromioque sacer, cui numine mixto
Delphica Thebanae referunt trieterica Bacchae.

⁴⁾ Welcker, Griech. Götterl. I, 429 sqq. и II, 622.

⁵⁾ Ср. Макробія, утверждающаго, по примѣру Аристотеля, первоначальное тожество Діониса и Аполлона и приволяющаго въ пользу этого мнѣнія слѣдующій доводъ (Saturn. I, 18, 8): *in sacris enim haec religiosi arcani observatio tenetur, ut sol cum in superno id est in diurno hemisphaerio est, Apollo vocitetur: cum in infero, id est nocturno, Dionysus, qui est Liber pater, habeatur.*

На сходство ерако-дельфійскаго бога-героя Діониса съ Гіакинѣомъ указываетъ и одно изъ прозвищъ перваго, Ἰγης или Ἰγας или Ἰγός (ср. Stoll въ Roscher's Ausf. Lexicon d. gr. u. röm. Myth. I, 2, p. 2771, s. v. Hues), которое по своему производству и значенію, какъ мы уже видѣли (стр. 72 сл. прим. 1), вѣроятно, весьма близко подходитъ къ имени амиклейскаго бога-героя Ἰακινθός¹⁾.

Въ какомъ бы внутреннемъ родствѣ, однако, ни состоялъ дельфійскій культъ съ амиклейскимъ, послѣдній отличался отъ перваго тѣмъ, что его дуалистическій характеръ выражался не только въ противопоставленіи другъ другу Аполлона и его хтоническаго двойника или гипостасиса, но и въ противопоставленіи другъ другу женской *κάρειδος* Аполлона, а именно его сестры Артемиды, и хтонической двойницы послѣдней, Полибеи. Что въ Амиклахъ Артемида почиталась на ряду съ своимъ братомъ и также играла какую-то роль при Гіакинѣяхъ, можно заключить, во 1) изъ того, что изображеніе этой богини, такъ называемой Ἄρτεμις λεοχοφροῦνῆ, сдѣланное Баэикломъ, находилось въ Амиклейскомъ храмѣ близин изображенія самого Аполлона²⁾. во 2) изъ того, что, какъ доказываетъ культъ богини Ἄρτεμις Ἰακινθοτρόφος въ лакедемонской колоніи Кспидѣ³⁾, перенесенный туда, безъ сомнѣнія, изъ Амиклъ. Артемиды приводилась въ тѣсную связь съ Гіакинѣомъ также въ послѣднемъ городѣ, и въ 3) изъ того, что при Гіакинѣяхъ, очевидно для прославленія дѣвственной богини, немаловажную роль играли также дѣвницы⁴⁾.—Точно такимъ-же образомъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что наряду съ Гіакинѣомъ въ Амиклахъ почиталась и умершая въ дѣвичьемъ возрастѣ сестра его, Полибея, которая на Амиклейскомъ жертвенникѣ, какъ мы уже видѣли, изображена была вмѣстѣ со своимъ братомъ возносящеюся изъ подземнаго царства къ небу, и прахъ которой, по вѣрованію Амиклейцевъ, покаялся, вѣроятно, въ такой-же гробницѣ—предполагавшейся, должно быть, подъ

¹⁾ На близкое родство Діониса и Гіакинѣа указываетъ также то обстоятельство, что при Гіакинѣяхъ, какъ свидѣтельствуетъ Макробій (Saturn. I, 18, 2), пляска играла такую же роль, какъ и въ культѣ Діониса.

²⁾ См. Pausanias III, 18, 9.

³⁾ О храмѣ ея въ Книдѣ см. Newton, Discoveries of Halicarnassos II, 28, 52 и Le Bas, Inscriptions III, 1572. Въ честь ея праздновались тамъ Ἰακινθοτρόφια (см. Bull. hell. VII (1883), 485). Надписная форма прозвища Ἰακινθοτρόφος (см. Collitz, Dial.-Inscr. III, 3501, 3502 и 3512), конечно, испорчена изъ Ἰακινθοτρόφος.

⁴⁾ См. Athen. IV, 17 p. 139 f.

изображеніемъ Артемиды,—какая приписывалась Гіакинѣу—подъ изображеніемъ Аполлона ¹⁾). Въ совершенномъ согласіи съ этимъ предположеніемъ находится подтверждающее его свидѣтельство Гесихія, что Πολύβοια θεός τις, ὑπ' ἐνίων μὲν Ἄρτεμις, ὑπὸ δὲ ἄλλων Κόρη. Двойное значеніе, которое Полибея соединяла въ себѣ по этому свидѣтельству, и согласно которому она, съ одной стороны, отождествлялась съ небесною или Олимпійскою богинею Артемидою, а съ другой стороны, съ подземною или хтоническою богинею Корою, то-есть Персефоною, не только обусловливаетъ и подтверждаетъ доказанное нами также другими доводами сходство брата Полибен, Гіакинѣа, съ одной стороны съ Аполлономъ, а съ другой стороны съ Плутонѣмъ, но и служитъ доказательствомъ того, что подобно тому, какъ Гіакинѣу, согласно выше изложенному, сначала былъ солнечнымъ божествомъ и изъ такого развился въ подземное божество и въ героя, такъ и Полибея первоначально была лунною богинею ²⁾ и только въ качествѣ таковой и подобно, напримѣръ, еракійской богинѣ Βένδις и греческимъ богинямъ Персефонѣ, Гекатѣ и другимъ, олицетворявшимъ прежде луну, сдѣлалась со временемъ подземною богинею ³⁾.—Такимъ образомъ

¹⁾ И Эрманъ (Кургов, р. 36) приходитъ къ заключенію, что въ Амиклахъ находилась гробница Полибен. Съ нимъ соглашается также Зѣлинскій, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за августъ 1888 г., стр. 431.

²⁾ Въ томъ, что Артемиды, съ которой Полибея отождествлялась, съ одной стороны, первоначально была только лунною богинею, не сомнѣвается никто ни одинъ изъ здравомыслящихъ мнѣологовъ.

³⁾ Такою же подземною богинею была и Μελίβοια, которую Ластъ Гермюскій прямо отождествляетъ съ Персефоною (см. Bergk., Poet. Iug. gr. III^a, 376. Ср. K. O. Müller, Die Dorier I^a, 367), и которая не только по своему имени, но и по своей генеалогіи какъ нельзя ближе подходитъ къ Πολύβοια, такъ какъ по преданію, приведенному аргивскою поэтессою Телесиллою (fr. 5, см. Bergk, Poet. Iug. gr. III^a, 380 sq.) и сохранившемуся до насъ у Павсанія (II, 21, 9) и Аполлодора (III, 5, 6, 4), она была дочерью Ніобы и сестрою Амикола, отца Гіакинѣа и Полибен. Впослѣдствіи, какъ разказываетъ Павсаній (l. c.), Μελίβοια получила названіе Χλωρίς, а Χλωρίς, какъ извѣстно, идентична съ Персефоною (ср. H. D. Müller, Mythol. I, 160). Если такимъ образомъ роль Полибен, какъ подземной богини, то-есть идентичность ея съ владычицею подземнаго царства не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, то вмѣстѣ съ тѣмъ приведенныя только-что отождествленія ея съ Μελίβοια и Χλωρίς даютъ намъ новое доказательство того, что эта роль подземной богини развилась изъ роли лунной богини. Самое названіе Χλωρίς, то-есть „Блѣдная“, указываетъ на лунное значеніе, которое первоначально имѣла эта мнѣическая личность, происходившая отъ Ніобы (или отъ Пер-

мы видимъ, что необыкновенное, на первый взглядъ, соединеніе почитанія небесныхъ и подземныхъ божествъ мужскаго и женскаго пола, отличавшее Амиклейскій культъ, объясняется на самомъ дѣлѣ весьма просто тѣмъ, что первоначальными предметами почитанія въ Амиклахъ были солнце и луна, какъ естественные владыки не только надземнаго, но и подземнаго міра.

Если при этомъ мнѣшескіе представители перваго изъ указанныхъ свѣтилъ первоначально олицетворяли собою только *дневное* и *ночное* „обращеніе“ солнца, какъ оно представлялось глазамъ людей, стоявшихъ еще на низкой ступени культуры, то со временемъ, ко-

сефоны), то-есть отъ другой лунной богини, и отъ солнечнаго бога Амфіона (ср. Siecke, *Liebesgesch. des Himmels*, p. 123 sq.). Съ Полибеей же мы должны дальше сопоставить и Дафну, которая согласно одному преданію, записанному Пароениемъ (*Erot. XV*) со словъ элегическаго поэта Діодора Элейскаго и романиста Филарха (*fragm. 33—см. Frag. Hist. Gr. I, 342. cf. Plutarch., Agis 9, 3*), была дочерью лакедемонянина Амикла и потому является сестрою Полибей и Гіакинна. Общезнаменитые мнѣшъ объ этой Дафнѣ, разсказывающіе о любви къ ней солнечнаго героя Левкиппа (съ Гелиосомъ отождествляютъ Левкиппа теперь и Маазъ въ *Gött. gel. Anz. 1890, p. 346 n. 1*, затѣмъ Sam Wide, *Lakon. Kulte*, p. 128 и 160 sq., Kuhnert въ *Roscher's Lexikon d. Myth. II, p. 1992, v. v. Leukippiden*, и даже Roscher въ *Nachträge zu meinem Buche Ueber Selene u. Verwandtes (Wurzener Gymn -Programm 1895)*, p. 20) и солнечнаго бога Аполлона, не могутъ, по моему, оставить сомнѣнія въ томъ, что Дафна первоначально была лунною богинею. На такое значеніе Дафны указываетъ и ея имя, производящееся отъ корня *du-, dav-*, „горѣть“ (ср. Vanček, *Griech.—lat. etym. Wört.* p. 366 sq.) и означающее „Горячая“. (Ошибочно Max Müller (*Vorlesungen II, 538* и *Essays 82*) усматриваетъ въ Дафнѣ утреннюю зарю.— Совершенно же бессмысленнымъ и несогласнымъ съ законами образованія мнѣшъ я считаю мнѣніе Boetticher'a (*Baumkultus*, p. 338 sqq.), Rohde (*Psyche*, p. 198 и 346) и Roscher'a (I. c., p. 8), что Дафна была „древнею богинею подземнаго оракула“ (!). И имя Πολύβοια, означающее „Богатая быками, или рогатымъ скотомъ“, вполне подходитъ къ богинѣ луны, которая въ древнихъ мнѣшъ не только грековъ, но и другихъ народовъ (см. Grimm, *Deutsche Mythol. III*^a, p. 210. Friedreich, *Die Weltkörper in ihrer mythisch-symbolischen Bedeutung*, p. 248 § 158. Schwartz, *Die poet. Naturansch. d. Griech., Röm. u. Deutschen. I. Sonne, Mond u. Sterne* p. 66. Léon Sichler, *Devinettes russes*, въ *Rev. des tradit. popul. I, p. 118*. Veckenstedt, въ *Zeitschr. f. Volkskunde IV, p. 109 sq.* Wellhausen, *Skizzen u. Vorarb. III, p. 158*. Ralston, *Songs of the Russian People*², p. 360) является, между прочимъ, обладательницею или пастушкою большихъ стадъ, то-есть звѣздъ. Сходныя же или идентичныя съ Πολύβοια по имени и по существу мнѣшескія личности мы должны усматривать и въ Μελίβοια, Περίβοια или 'Επίβοια, 'Αλφειβοια, Σθενέβοια и Εὐβοια. Всѣ онѣ были первоначально лунными существами.

нечно, кругъ дѣятельности ихъ расширился¹⁾, и они стали олицетворять собою и *юдовое* обращеніе солнца, при чемъ амиклейскій Гіакинеъ, также какъ и дельфійскій Діонисъ, являлся представителемъ умершаго или прошедшаго солнечнаго года, а Аполлонъ представителемъ наступающаго, новаго. Подъ вліяніемъ такого совершенно естественнаго расширенія первоначальныхъ ролей Гіакинеа и Аполлона установилось и время года, въ которое ихъ особенно почитали въ Амиклахъ, устроивъ въ нихъ честь празднество Гіакиной. Какъ мы уже видѣли, это было время лѣтняго солнцеворота, приходившееся, согласно обычному у древнихъ приблизительному исчисленію²⁾, въ соответствовавшій аттическому *Θαργέλιον* или нынѣшнему маю—іюню спартацкій мѣсяць *Ἐκτομβεύς*. Додорійское население Пелопоннеса, отъ котораго лаконяне переняли Амиклейскій культъ, очевидно начинало свой годъ не съ осенняго равноденствія, какъ то дѣлали эти послѣдніе, а также не съ зимняго солнцеворота, какъ то дѣлали. на-примѣръ, древнѣйшіе жители Дельфъ, учредившіе совмѣстный культъ Діониса и Аполлона, а съ лѣтняго солнцеворота, какъ то дѣлали жители Аттики и другія греческія племена³⁾.

Если мы теперь вернемся къ Тарентинскимъ или секулярнымъ играмъ древнихъ римлянъ, чтобы продолжать начатое нами выше

¹⁾ На это расширеніе значенія солнца, какъ мѣрителя времени, указываетъ, на-примѣръ, Овидій въ слѣдующемъ удачномъ описаніи персонификацій, окружающихъ Феба (*Metam.* II, 25 vqq.):

A dextra laevaue Dies et Mensis et Annus
Saeculaue et positae spatii aequalibus Horae
Verque novum stabat etc.

²⁾ Греческій народъ, какъ извѣстно, усматривалъ въ поворотахъ солнца не какіе-то, съ точностью опредѣленные и, такъ сказать, безвременные предѣлы двухъ различныхъ временъ, а цѣлые періоды неизвѣстной длины, названіе которыхъ онъ, поэтому, и употреблялъ только во множественномъ числѣ—*τροκαί*, подобно названію полночи (*μίσαι νόχτα*); по мнѣнію простонародія солнце стояло около 40 дней (*Gemin. Elem.* p. 93 Altorf). Ср. А. Mommsen, *Heortologie* p. 102.

³⁾ И у другихъ народовъ находятса слѣды существовавшаго у нихъ празднованія лѣтняго поворота солнца какъ конца стараго солнечнаго года и начала новаго. Ср., на-примѣръ, прекрасное изслѣдованіе Hillebrandt'a, *Die Sonnenwende-feste in Alt-Indien* (въ *Vollmöller's Romanische Forschungen V* (1890), p. 299 - 340, въ особ. p. 312 vqq.).—О связи, существующей между Гіакинеомъ и лѣтнимъ поворотомъ солнца, догадались, кромѣ Эммануа (Кургов, p. 51), даже нѣкоторые изъ тѣхъ мнѣологовъ, которые въ Гіакинеѣ усматриваютъ олицетвореніе гибнущей отъ солнечнаго зноя растительности. Ср., на-примѣръ, Hahn, *Sagwissensch. Studien*, p. 27; 409 и 588.

сравненіе этихъ игръ съ Амиклейскими (или Тарентинскими) Гіакиноіями, существенное и первоначальное значеніе которыхъ мы только что постарались установить, то мы увидимъ, что римское празднество отличалось такимъ-же соединеніемъ почитанія подземныхъ и небесныхъ божествъ, какъ греческое, и что игравшія на секулярныхъ играхъ первенствующую роль римскія божества Діть и Прозерпина, съ одной стороны, и Аполлонъ и Діана, съ другой, вполнѣ соотвѣтствуютъ выше разсмотрѣннымъ нами греческимъ божествамъ, игравшимъ первенствующую роль на Гіакиноіяхъ, то-есть Плутону-Гіакиноу и Персефонѣ-Полябеѣ, съ одной стороны, и Аполлону-Гіакиноу и Артемидѣ-Полябеѣ, съ другой. Это соотвѣтствіе является самымъ вѣскимъ и убѣдительнымъ доказательствомъ того близкаго родства, существовавшего между этими двумя празднествами, предположить которое, какъ нѣчто въ высшей степени вѣроятное, насъ уже выше побудила цѣлая масса другихъ сходствъ, обнаруженныхъ нами между ними. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это соотвѣтствіе служитъ намъ новымъ подтвержденіемъ выше предложеннаго нами объясненія значенія Гіакиноіи, такъ какъ, по опредѣленному свидѣтельству не только Горация, но и Сивиллина оракула, относящагося къ секулярнымъ играмъ, почитавшіяся при этихъ играхъ божества Аполлонъ и Діана отождествлялись съ „блестящимъ украшеніемъ неба“ то-есть, съ небесными свѣтилами Солнцемъ (Ἥλιος, Sol) и Луною (Luna)¹⁾.

¹⁾ Carmen Sibyllinum (Phlegon, Macrobi. 4 и Zosimus II, 6), v. 16 sq.:

καὶ Φοῖβος Ἀπόλλων,

βοτὰ καὶ ἡ ἥλιος κικλήσεται κ. τ. λ.

Horat. carm. saec. 1 sq.: Phoebe, silvarumque potens Diana,

Lucidum coeli genus, etc.

Ibidem 9 sqq. Alme Sol, curru nitido diem qui
Promis et celas, aliusque et idem
Nasceris, etc.

Ibidem 36 sq. *Siderum regina bicornis, audi,
Luna, puellas.*

Съ этими стихами сравни также слова Горация въ од. IV, 6, 88, гдѣ почитавшаяся при секулярныхъ играхъ Діана называется „postiluca“. Не безъ интереса будетъ указать здѣсь далѣе и на то, что на крышѣ сооруженнаго Августомъ Палатинскаго храма Аполлона, въ которомъ въ третій день секулярныхъ игръ, праздновавшихся въ 737/17 году, хоры мальчиковъ и дѣвужекъ пѣли сочиненный Горациемъ гимнъ въ честь Аполлона и Діаны, по свидѣтельству Проперція (III, 29, 11 ed. Müller), помѣщалось изображеніе стоящаго на колесницѣ Солнца (Sol), и что такимъ-же изображеніемъ Солнца украшались

Тѣсное родство, въ которомъ тарентинскія или секулярныя игры римлянъ состояли съ (амиклейскими—) тарентинскими Гіакинеями, обнаруживается наконецъ еще двумя другими сходствами, существовавшими между обоими празднествами: во-первыхъ мы видимъ, что подобно тому, какъ на Амиклейскомъ жертвенникѣ въ числѣ божествъ, 'окружавшихъ Гіакинею (и Поллбею), были изображены не только *Πλούτων* и *Κόρη*, но и *Δημήτηρ* и *Μοῖρα*¹⁾, изъ чего можно заключить, что и эти божества играли какую-то роль въ Амиклей-

панцирь знаменитой статуи Августа, которая въ 1863 году была найдена въ *Prima Porta* близъ Рима, и панцирные рельефы которой имѣютъ несомнѣнное отношеніе къ почитавшимся при секулярныхъ играхъ 737/17 г. божествамъ.—Затѣмъ я считаю въ высшей степени вѣроятнымъ, что въ тѣсной связи съ культомъ Діаны-Луны, игравшимъ, вмѣстѣ съ культомъ Аполлона-Солнца, самую выдающуюся роль при секулярныхъ играхъ, находились и тѣ священныя числа три и девять, а въ умноженіи двадцать семь, которыми намъ встрѣчаются въ различныхъ обрядахъ культа секулярныхъ игръ и въ особенности въ двойномъ хорѣ, пѣшемъ секулярный гимнъ въ честь Аполлона и Діаны и состояшемъ изъ трижды девяти (*τρίς ἑννέα*) мальчиковъ и трижды девяти дѣвушекъ: эти числа, получившія со временемъ большое значеніе въ обрядахъ всякаго культа умершихъ вообще (см., въ особ., *Diels, Sibyllinische Blätter*, p. 40 sqq. и *Rohde, Paucis* p. 214 sqq.), соответствуютъ, какъ указалъ уже *Siecke (Liebesgesch. des Himmels)*, p. 44 sqq.), съ одной стороны количеству фазъ луны, а съ другой стороны количеству дней, входящихъ въ составъ какъ каждой отдѣльной изъ этихъ (трехъ) фазъ луны, то-есть 9 дней, такъ и всѣхъ фазъ вмѣстѣ влітыхъ, то-есть 27 дней.—Наконецъ, я не могу не придавать большаго значенія и тому обстоятельству что празднованіе секулярныхъ игръ (по крайней мѣрѣ, какъ намъ достовѣрно извѣстно, при Августѣ, а также, по видимому, въ позднѣйшія времена) начиналось *Kalendis Iuniis*, то-есть, перваго числа юня мѣсяца. Календы, какъ извѣстно, считались тѣмъ днемъ мѣсяца, когда, благодаря конъюнкціи (*σύνωκος*) солнца и луны, зарождается новая луна (а также новое солнце), и потому этотъ день былъ посвященъ божествамъ, олицетворявшимъ собою эти небесныя свѣтила (ср. *Roscher, Studien z. vergl. Myth. d. Gr. u. Röm. I. Apollon u. Mars*, p. 25 sqq. и въ особ., *Ueber Selene u. Verwandtes*, p. 77 sqq.). Даже по обыкновенному годовому календарю римлянъ въ первое юня приходился праздникъ Марса и Юноны (ср. *Ovid. Fasti VI*, 183 sqq. и 191 sqq.), то-есть, такихъ божествъ, первоначальное солнечное и лунное значеніе которыхъ не можетъ подлежать сомнѣнію (ср. *Roscher, Stud. z. vergl. Myth. d. Gr. u. Röm. I. Apollon u. Mars*, p. 27 sq. II. *Iuno u. Hera*, p. 22 sq.),

¹⁾ *Pausan. III*, 19, 4. Помѣщенныя на Амиклейскомъ жертвенникѣ, кромѣ выше названныхъ изображеній, изображенія Горъ, Афродиты, Аенны и Артемиды, по всей вѣроятности, прибавлены были художникомъ только для украшенія сцены, а не потому, что и эти божества почитались при Гіакинеяхъ.

скомъ культѣ, и что ихъ тоже почитали при Гіакинеіяхъ,—такъ и при секулярныхъ играхъ (по крайней мѣрѣ Августовыхъ и позднѣйшихъ временъ) приносились жертвы, кромѣ другихъ божествъ, также Землѣ и Паркамъ¹⁾; во вторыхъ мы видимъ, что, подобно тому, какъ въ Амиклахъ (и въ Тарентѣ) средоточіемъ или исходнымъ пунктомъ празднества Гіакинеіи былъ помѣщавшійся подъ изображеніемъ Аполлона жертвенникъ, подъ которымъ, по народному вѣрованію, покоялся Гіакиноэ, какъ въ гробницѣ, и у котораго въ первый день праздника Гіакинеіи, начинавшійся, безъ сомнѣнія, съ ночи, наступившей послѣ зашедшаго въ предыдущій день солнца²⁾, прежде всего приносились подземныя жертвы (*ἐναΐσματα*) Гіакинеу,—такъ и при тарентинскихъ или секулярныхъ играхъ Римлянъ исходнымъ пунктомъ или средоточіемъ культа служилъ жертвенникъ—*ara Ditis et Proserpinae*,—который въ непраздничное время былъ глубоко зарытъ въ землѣ и потому, очевидно, считался одновременно и гробницею, и у котораго во время секулярныхъ игръ первыя жертвы приносились также въ честь подземныхъ божествъ послѣ захода солнца (*ὕψι τῆρα γαῖαν ἐπέλθῃ, ἡελίου χροῦσαντος ἕδον φάος*—какъ выражается Сивиллинъ оракулъ, v. 6 sq.), въ ночь, предшествовавшую каждому изъ трехъ дней празднества³⁾. Согласно Сивиллинымъ книгамъ, предписавшимъ

¹⁾ Паркамъ (какъ ихъ называетъ Гораций, *carm. saec. 25*) или Мойрамъ (*Μοῖραι*, *Moerae*, какъ ихъ называютъ и *carm. Sibyll. v. 8* и *commentaria lud. saec. V (v. 92) et VII (v. 52)* и *Zosimus II, 5, 2*) посвящена была первая ночь секулярныхъ празднествъ, Землѣ же, то-есть, *Terra mater* (какъ она называется въ *Commentaria lud. saec. V, v. 136*), или *Tellus* и *Ceres* (какъ она называется у Горация, *carm. saec. 29—30*), или *Γαῖα* (какъ она называется въ *scipien Sibyll., v. 10*) или, наконецъ, *Δημήτηρ* (какъ она называется у *Zosima II, 5, 2*)—третья ночь.

²⁾ Это можно заключить уже изъ того обстоятельства, что по представленію древнихъ грековъ (какъ многихъ народовъ) день начинался съ захода солнца и кончался имъ же (*νοῦθημέρον*)—ср. *Hahn, Sagwiss. Studien* p. 404; 437 и 619.

³⁾ Эта подземная гробница съ алтаремъ, посвященнымъ Диту и Прозерпинѣ, напоминаетъ собою въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ также такъ называемый *mundus* въ Римѣ, то-есть, какъ свидѣлствуютъ Катонъ (у Феста, p. 157 ed. Müller, s. v. *mundus*; ср. *Pauli exc., p. 156*), Варронъ (у Макробія, *Saturn. I, 16, 18*), Овидій (*Fasti IV, 821 sqq.*), Паутархъ (*Romulus 11*), Павелъ Діаконовъ (s. v. *Manalem lapidem*, p. 128 M.) и др. (ср. *Steuding* въ *Roscher's Ausf. Lex. d. griech. u. röm. Myth. II, p. 249 sqq., s. v. Inferi*), посвященную тѣмъ-же подземнымъ божествамъ и имѣвшую видъ небснаго свода, глубокою яму, отверстіе которой, закрытое въ обыденное время такъ называемымъ *lapis manalis*, открывалось только въ извѣстные дни, когда души умершихъ изъ подземнаго царства, какъ полагали, стремились навѣрхъ къ свѣту. И глубоко убѣжденъ въ томъ, что свя-

въ 505/249 году учрежденіе тарентинскихъ или секулярныхъ игръ, Римляне должны были выкапывать упомянутый жертвеникъ, нанюмавшій собою гробницу, каждыя сто лѣтъ съ тѣмъ, чтобы „хоронить“ (*condere*) въ этой гробницѣ тотъ столѣтній періодъ времени, который они тогда—какъ мы видѣли, по примѣру этрусковъ—принимали за длиннѣйшій срокъ жизни одного человѣческаго поколѣнія (*saeculum*).

Выше мы показали, что, такъ какъ древнѣйшія представленія людей о времени исходили отъ зрѣлища ежедневнаго обращенія солнца и въ особенности тѣхъ моментовъ его (вечера и утра), которые считались ежедневною смертью и ежедневнымъ рожденіемъ (или воскресеніемъ) небснаго свѣтила¹⁾, то возникшіе согласно этимъ представленіямъ мнѣческіе разказы, подобные объясненному нами мнѣю о Гіа-

занный съ этимъ *mundus* культъ умершихъ тоже развился изъ боге древняго и, такъ сказать, первоначальнаго культа, который воздавался почитавшемуся, вѣроятно, подъ видомъ камня (*lapis manalis*, то-есть, какъ я полагаю, „разливающійся“ или „свѣтищійся“ камень (ср. *Pauli exc. p. 159 a. v. manare (solem dicebant. antiqui)*) солнцу, какъ божеству, заходящему съ надземнаго небснаго свода въ темное подземное царство и этимъ своимъ заходомъ или удаленіемъ достигающему того, что звѣзды, съ которыми внослѣдствіи смѣшались человѣческія души (ср. особ. Воеводскаго, Введеніе въ міологію Одиссеи, I, p. 56 sqq.), получившія, вслѣдствіе такого мнѣческаго представленія, свое мѣстопробываніе на (то-есть собственно и первоначально, какъ звѣзды, при) лунѣ (ср. *Drexler* въ *Roscher's Ausf. Lex. d. griech. u. röm. Myth.* II, p. 2768 sq., s. v. *Men*), всходятъ изъ (почнаго-подземнаго) мрака.—Интересно, что именно возлѣ упомянутаго *mundus*, имѣвшаго такой-же жертвеникъ, посвященный Диту и Прозерпинѣ, какъ и помѣщавшееся на Марсовомъ полѣ *Tarentum*, гдѣ происходили ночныя жертвоприношенія секулярныхъ игръ, возвышался воздвигнутый Октавіаномъ Палатинскій храмъ Аполлона (ср. напримѣръ *O. Gilbert Gesch. u. Topogr. d. Stadt Rom im Alt.*, I, 99 sq. и *Richter, Topogr. v. Rom.*, въ *Jw. Müller's Handbuch d. Klass. Alt.-Wiss.* III, 827), въ которомъ въ третій день секулярныхъ игръ 787/17 года, по окончаніи всѣхъ почныхъ обрядовъ, приносили жертвы и пѣли торжественный гимнъ въ честь Аполлона—Солнца и Діаны—Луны.

¹⁾ О значеніи солнца какъ показателя и распорядителя времени см., напримѣръ, *Welcker, Griech. Götterl.* I, 466—469; *Gerhard, Mythol. d. Gr.* § 308 и *Roscher, Stud. z. vergl. Myth. d. Gr. u. Röm.* I. *Apollon u. Mars*, p. 20 sq. На эти ученые, однако, имъ другіе не обратили должнаго вниманія на то, что наименьшей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, важнѣйшею единицею времени, какою показывается солнцемъ первобытному человѣку, долженъ былъ представляться солнечный день, и что къ этому дневному обращенію солнца, и въ особенности къ его началу (или рожденію солнца) и къ его концу (или смерти солнца) должно было относиться наибольшее количество возникшихъ уже рано солнечныхъ мнѣю и соотвѣтствующихъ имъ религіозныхъ обрядовъ.

киноѣ и Аполлонѣ, вызвали культовые обряды отчасти печальнаго, отчасти радостнаго характера, которые должны были символически изображать какъ ежедневную смерть, такъ и ежедневное рожденіе (или воскресеніе) солнца. — Дальше мы видѣли, что-эти же самыя представленія скоро расширились, что кромѣ ежедневныхъ обращеній солнца показателемъ времени сдѣлались также годовыя обращенія его, и что, согласно съ этимъ, вышеупомянутые культовые обряды стали относиться къ смерти и погребенію, то-есть къ концу стараго, и къ рожденію или началу новаго годоваго солнца (или года), и вслѣдствіе этого изъ ежедневныхъ сдѣлались ежегодными.

Если мы теперъ все это примемъ въ соображеніе, то для насъ станетъ легко объяснимымъ тотъ фактъ, что со временемъ подобныя культовые обряды стали соблюдаться и по отношенію къ болѣе длиннымъ періодамъ времени, опредѣляемымъ большимъ или меньшимъ количествомъ солнечныхъ лѣтъ и имѣющимъ какое-нибудь значеніе въ жизни людей, и что, подобно тому, какъ сперва хоронили умершій, то-есть кончившійся, солнечный день, а затѣмъ и солнечный годъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, привѣтствовали и освящали рождающійся новый солнечный день, а затѣмъ и солнечный годъ, такъ впослѣдствіи начали хоронить и болѣе длинный періодъ времени, какъ напримѣръ у Римлянъ четырехлѣтній періодъ—*lustrum condere*—и считавшійся длиннѣйшимъ срокомъ жизни одного человѣческаго поколѣнія столѣтній періодъ—*saeculum condere* ¹⁾.

¹⁾ На религиозные обряды, имѣвшие символическое значеніе погребенія какого нибудь прошедшаго періода времени, первый обратилъ вниманіе Usener въ выдающейся статьѣ своей *Italische Mythen*, напечатанной въ *Rhein. Mus.* XXX (1875), p. 194 sqq. При этомъ, однако, Узенеръ упустилъ изъ виду, что возникновеніе всѣхъ этихъ обрядовъ можетъ быть объяснено только при томъ предположеніи, что прототипомъ ихъ служило, такъ сказать, естественное погребеніе ежедневно умирающаго, то-есть заходящаго солнца, и что встрѣчающіеся у римскихъ писателей выраженія *condere solem* или *condere diem* („хоронить солнце или день“)—ср. въ особ. Vergil. *Ecl.* 9, 51 sq: *saepe ego longos cantando puerum memini me condere soles*; Georg. I, 438 sq.: *sol quoque et exorians et cum se condet in undas, signa dabit*; Georg. I, 457: *cum referetque [sc. sol] diem condetque relatum*; Horat. *Carm.* IV, 5, 29: *condit quisque diem collibus in suis*, и въ особ. Macrobius, *Comment. in Somn. Scip.* 1, 20, 30: *Conversio caelestis hemisphaerii peractis horis duodecim diem condit*; ср. наконецъ и Papin. *Stat.*, *Theb.* X, 54; Sil. *Ital.* IV, 482 и Plinius, *Epist.* IX, 36, 4 и *Panegy.* c. 80 extr.—если и употребляются ими, вѣроятно, почти безосознательно, но не могутъ считаться продуктомъ поэтическаго вымысла, какъ полагаетъ Узенеръ, а являются несомнѣнно отголосками распространенныхъ въ старину мнѣческихъ воззрѣній и соответствовавшихъ имъ религиозныхъ обрядовъ.

„Хороня“ этотъ столѣтній періодъ, римляне символически хоронили и жившее въ немъ человѣческое поколѣніе и заключеніемъ его въ могилу вызывали, такъ сказать, или привѣтствовали и освящали новое поколѣніе или „столѣтіе“. Всѣ соблюдаемые при этомъ обряды имѣли именно такой смыслъ и обнаруживали, съ одной стороны, характеръ заключающихъ и искунающихъ старое *saeculum*, а съ другой стороны характеръ вводящихъ и освящающихъ новое *saeculum* дѣйствій. Къ первымъ принадлежали не только люстрація всѣхъ свободныхъ жителей Рима, производившаяся передъ самымъ празднествомъ помощью очистительныхъ средствъ, а именно факеловъ, сѣры и горной смолы, розданныхъ народу жрецами, и имѣвшая цѣлью очищеніе отъ вины прошедшаго *saeculum*, но и ночныя жертвы, приносившіяся на вышеупомянутомъ жертвенникѣ Дита и Прозерпины въ теченіе трехъ ночей трехдневнаго празднества игравшимъ роль подземныхъ божествъ Мойрамъ, Илиоіямъ и Землѣ и имѣвшія цѣлью умилостивленіе этихъ божествъ, долженствовавшихъ сперва принять умершее *saeculum* въ своемъ подземномъ царствѣ, а затѣмъ выпустить изъ его нѣдръ новое *saeculum*. Ко вторымъ, то-есть, къ вводящимъ и освящающимъ это новое *saeculum* дѣйствіямъ принадлежали главнымъ образомъ дневныя жертвы, приносившіяся съ молитвами въ теченіе трехъ дней секулярнаго празднества небеснымъ божествамъ, а также сценическія представленія и тому подобныя торжества радостнаго характера, происходившія въ продолженіе всего праздничнаго времени. Въ этихъ обрядахъ римляне усматривали ручательство за благоденствіе новаго столѣтія или человѣческаго поколѣнія, то-есть, другими словами, за плодovitость римскихъ женъ, за счастливый и здоровый ростъ дѣтей, за обиліе даровъ земли и за славное развитіе всего государства, и недаромъ, поэтому, молитвы о такомъ благоденствіи новаго *saeculum* составляли главное содержаніе и того знаменитаго гимна, сочиненнаго Горациемъ въ честь почитавшихся при секулярныхъ играхъ божествъ, въ особенности Аполлона и Діаны, пѣніемъ котораго заключилось официальное религиозное празднество секулярныхъ игръ 737/17 года. Такія-же представленія, какія лежатъ въ основаніи только-что указанныхъ характерныхъ чертъ римскихъ секулярныхъ празднествъ, мы видимъ связанными и съ греческимъ культомъ Аполлона и Артемиды, почитавшихся въ особенности какъ *χορηγός*; въ тѣсномъ отношеніи къ празднествамъ, справлявшимся въ Греціи въ честь этихъ божествъ, въ особенности къ Пиакинеіямъ, находятся слѣдующія слова Калли-

махова гимна εἰς Ἀπόλλωνα, напоминающія отчасти основную мысль
секулярнаго гимна Горация:

„Дѣти должны неумолчно играть на квеарѣ въ честь бога
Феба, когда онъ вернулся домой, и плясать также шумно,
Если желаютъ до брака дожить и до старости чтимою,
Если хотять, чтобы домъ ихъ стоялъ на старинныхъ основахъ“¹⁾.

●. **Вазнеръ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Callimachus, Hymn. II (in Apollinem), 12 sqq.:

μήτε σιωπηλὴν κίθαριν μήτ' ἄφθορον ἶχνος
τοῦ Φοίβου τοὺς παῖδας ἔχειν ἐπιδημήσαντος,
εἰ τελείειν μέλλουσι γάμον πολιὴν τε κερσεῖσθαι,
ἑστῆξιν δὲ τὸ τεῖχος ἐπ' ἀρχαίοισι θεμελίοις.

Ср. u. Strabo XIV, p. 640. Hartung, Relig. u. Mythol. d. Griechen IV, p. 80 sq.
u. Hermann, Gottesd. Alterth. § 53, 34 u. 35.

О НѢКОТОРЫХЪ ТИПАХЪ РИМСКИХЪ МЕТРИЧЕСКИХЪ НАДГРОБІЙ.

Метрическія надгробія ¹⁾, которыхъ по окончаніи изданія Корпуса можно будетъ насчитать не менѣе 2000 ²⁾, представляютъ двѣ довольно замѣтныхъ разновидности: I. стихотворенія, сочиненныя ad hominem ³⁾ самимъ поставляющимъ памятникъ ⁴⁾, или заказанныя

¹⁾ Подъ метрическимъ надгробіемъ въ болѣе или менѣе широкомъ смыслѣ мы понимаемъ не только надгробія, ясно заключенныя въ рамки опредѣленнаго или опредѣлимаго размѣра (правда, порою трудно опредѣлимаго, но несомнѣнно чувствуемаго, какъ напр. въ извѣстной суфетульской эпитафіи врача Марцелла. С. VIII, 11.347 = п. 990 Ch. 1.521 В), каково и есть значительное большинство собранныхъ нами текстовъ,—но и надгробія смѣшанной композиціи изъ прозы и метровъ, напр. п. 190, 215, 285, 291 и др. (отдѣльной рубрики въ нашемъ index metrorum они не имѣютъ; ихъ вообще сравнительно немного: конечно, надгробія съ прозаическими прескриптами и постскриптами обычной формы императорскаго періода, очень многочисленныя, въ счетъ идти не могутъ), а также и то, что можно назвать ритмическою прозою, проза ad instar carminis, гдѣ стихи или части стиховъ чувствуются довольно ясно и даже могутъ быть выдѣлены изъ общаго тего; такими *sonnetica* (*missa pedestris*, Виех. ad п. 116) особенно богата Африка.

²⁾ Много добавленій общааетъ невополнѣ законченная 4-я часть VI тома, 2-я часть XI (имѣющая скоро выйдти въ свѣтъ по сообщенію Ворманна Вюхелера), и особенно съ нетерпѣніемъ и давно уже ожидаемый XIII (*Walzing*, le recueil général, p. 135 sqq.), а равно и *Supplementa* къ отдѣльнымъ томамъ; такимъ образомъ метрическія надгробія составятъ 2.000 : 125.000, т. е. всего около 1,6% текстовъ Корпуса (*Walzing*, p. 144), тогда какъ tituli verulgerales вообще составляютъ видное большинство среди надписей (*Huebner*, Röm. Epigraphik, Jw. Müll. I² p. 685 § 46), по нашимъ наблюденіямъ болѣе 80%.

³⁾ Изъ нихъ, какъ и естественно ожидать, наиболѣе корректныя и изящныя пьесы, въ родѣ п. 55, 97, 1.150, нѣкоторыя мавзолейнаго типа, и др.—относятся къ лицамъ болѣе или менѣе привилегированнаго общественнаго положенія, къ интеллигенціи; но сочинялись такіе тексты и въ низшихъ классахъ, конечно порою и соотвѣстнаго достоинства, напр. п. 10, 35, 84, 300 и др., хотя и дышащіе иногда неподдѣльнымъ глубокимъ чувствомъ, напр. п. 458, (такихъ прочувствованныхъ, простыхъ текстовъ въ Корпусѣ очень немного) 519, 582 и др. ср. *Cagnat*, les manuels, p. 52.

⁴⁾ Напр. п. 300, 470, 858 и др. cf. Plin. Epl. VI, 10, 4; IX, 19, 1.

другому лицу ¹⁾),—II. тексты, исполненные по известному типу или шаблону (*archetypum*) ²⁾, по выбору поставляющего или исполнителя ³⁾.

Въ виду большей распространенности и численнаго преобладанія втораго класса надъ первымъ, мы обратимся сначала къ рассмотрѣнiю представляемыхъ имъ наиболѣе характерныхъ разновидностей ⁴⁾, которыя и будемъ брать въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ ⁵⁾.

¹⁾ Мы полагаемъ, что довольно темная надпись С. II, 3493 (п. 1.186) есть надгробіе спеціалиста по составленію *tituli*; хотя *ars forensis*, по справедливому замѣчанію Бюхелера (ад. п. 224), и указываетъ на *patronus* или *orator*, но этотъ родъ занятій удобно могъ совмѣщаться и съ разнообразными поэтическими упражненіями; нѣсколько примѣровъ упоминанія именъ авторовъ надписей въ самихъ надписяхъ собралъ Гюбнеръ *exh. scr. epigr.* p. XXVI; ср. Marquardt, *Privatl. II* p. 624.

²⁾ Для христіанской эпитафiки это впервые обстоятельно доказано Лебланомъ, *sur les graveurs des inscriptions antiques* (*Revue de l'art chr.* 1859 v. II), а для языческой мысль Леблана детально развита Канья, *sur les manuels professionnels des graveurs d'inscriptions romaines*, *Rev. de philol.* XIII (1889) p. 51—65; его же *cours d'épigr. lat.* p. 249; самый терминъ *archetypum* въ значеніи шаблона надписи употребляется promiscue и издателями Корпуса и Бюхелеромъ.

³⁾ Такіе формуляры, какъ и въ новое время, имѣлись въ монументныхъ мастерскихъ, *Sagnat, les man.* p. 52, 53 note 1; 65; выѣска одной изъ такихъ мастерскихъ украшаетъ въ *facsimile* заглавный листъ курса Канья (=С. VI, 9.556; Marquardt, *Privatl. II* p. 624 not. 6); что мастерскія брались и за *ordinatio*, т. е. составленіе *titulorum*, видно изъ апалогичной надписи С. X, 7.296 *tituli heic ordinantur et sculptuntur*. Что тоже самое справедливо отчасти и для чисто прозаическихъ надгробій—явно для всякаго внимательнаго читателя Корпуса: и среди таковыхъ есть тексты, составленные *ad hoc*, въ родѣ той надписи, какую заказываетъ себѣ Трималхионъ (*Petron. Sat.* с. 71), и есть—громоздное большинство—тексты совершенно шаблоннаго типа, см. *Sagnat, cours d'épigr.* p. 254 sqq.

⁴⁾ Въ строгомъ смыслѣ термина подъ *типомъ* слѣдуетъ разумѣть тотъ или иной способъ концепціи текста надгробія, напр. просто *имя*, *имя и характеристика*, *новѣсть*, *автобіографію*, *обращеніе къ путнику*, *обращеніе къ покойному*, *диалогъ* и др.; что такихъ типовъ вообще не очень много, давно уже являство эпитафiстамъ, *Sagnat, cours* p. 244; а подъ *шаблономъ*, къ которому обыкновенно и прилагается терминъ *archetypum*,—уже готовую, концептованную форму того или другаго типа, могущую допускать посредственное или непосредственное примѣненіе *ad hominem*; напр. для *новѣсти* могутъ быть шаблоны: *hic situs est* съ дальнѣйшимъ перечнемъ качествъ и дѣланій покойнаго (п. 915, 927, и т. п.), *простой* разказъ о покойномъ (п. 56.940, 957 и т. п.), *патетическій* разказъ (п. 914, 328 и т. п.) и др.

⁵⁾ Среди типическихъ надгробій весьма не мало текстовъ составнаго или смѣшаннаго концепта: напр. *обращеніе къ путнику* комбинируется съ *новѣстью*,—п. 131, 364 и др.; оно же—съ *автобіографіей*: п. 396, 1.064, 1.075, 1.076, 1.140

I. *Hic situs est ille vel illa.*

Достаточно взглянуть на index сборника Бюхелера или нашего ¹⁾, чтобы убедиться въ распространенности этого шаблона по временамъ и мѣстностямъ, особенно если принять во вниманіе параллельные шаблоны *hic est, hic cubat, hic iacet, hic positus est, hic sepultus est*, съ ихъ довольно многочисленными вариантами, въ родѣ *hic requiescit, in hoc tumulo positus est, hoc tumulo tegitur* ²⁾ и т. п. Уже на первый

и др.; но всѣ подобныя тексты болѣе или менѣе легко разложимы на свои составныя части, напр. п. 466, механическое почти соединеніе 3-хъ или даже 4-хъ отдѣльныхъ видовъ.

¹⁾ Количество случаевъ чисто прованческаго употребленія этого шаблона очень многочисленно; страницы нѣкоторыхъ томовъ Корнуса, особенно 2-го, буквально испещрены аббревиатурами H. S. I.; въ этомъ томѣ около половины, если не болѣе, имѣющихся въ немъ надгровій составлены по названному шаблону; ср. index, p. 1.175 sq.

²⁾ Вотъ вообще встрѣчающіяся въ Корнусѣ формулы, кромѣ H. S. E: *arca Honorato*, III, 2954; *haec arca*, III, 484; VIII, 5994.

cineres hic, II, 1842.

cinis (illius), VI, 23280, 28547; X, 4766.

cineres eius h. p. s., VI, 22492.

cineres et ossa quiescunt, VI, 16198.

corpus positum, IX, 3719.

corpus (illius), VI, 13469.

corpus h. e. situm, VI, 16709, 16775.

hic (est) V, 3509, 4029; VI, 20363, 22490, 23514; IX, 1826, 1876; X, 554, 3124; XI, 2588a.

hic est, V, 3501; VI, 17815, 18834, 21666, 28661; VIII, 3274, 11440; cf. VI, 26708.

hic erunt, VI, 20303.

hic cubat, V, 611; VI, 3566, 7543, 18483; IX, 5331; X, 1049; XI, 690.

hic iacet, II, 866, 1145; III, 8058; VI, 14182, 21619 (hoc i.); X, 2051; XI, 1695, 2576, 3357, 2074; XII, 890.

hic sepultus iacet, II, 427.

hic dormit, VI, 3604, 18583; X, 603; XI, 1513; XIV, 1876.

hic quiescit, III, 5261; V, 2412; VI, 8943, 14994, 20908; XII, 870.

hic ossa quieta sunt casta, VI, 6056, 7580.

hic bene quiescat, VI, 6962.

hic adquisescit, VI, 19417, 22785, IX, 5381; X, 2954; XI, 1436, 1443, 1474, 1475, 1478, 1480, 1505; XII, 855a; *hic situs adquisescit*, VI, 7398.

hic requiescit, IX, 5386; X, 4770; XI, 1041, 2588, 2665, 3568.

hoc tumulo requiescit ab humanis sollicitudinibus, III, 276.

2067
7

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
□
1995**

I. *Hic situs* *

Достаточно взглянуть на
чтобы убѣдиться въ распр
и мѣстностямъ, особенн
шаблоны *hic est*, *hic e*
съ ихъ довольно мног
hoc tumulo positu

и др.; но всѣ
ныя части, р
дѣльныхъ

1) К.

очень у
валу
не с
in

3 2044 022 678 577

